

История
Монгольской
Народной
Республики

АКАДЕМИЯ АКАДЕМИЯ
НАУК СССР НАУК МНР

624884
(УДК) 63.3/5МОН)
И90

История Монгольской Народной Республики

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ

ОТ АКАДЕМИИ НАУК СССР:

акад. А. П. Окладников
д-р ист. наук С. Д. Дыльков
канд. экон. наук И. С. Казакевич

ОТ АКАДЕМИИ НАУК МНР:

акад. Ш. Бира
акад. Ш. Нацагдорж
чл.-кор. Х. Пэрлэ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В результате творческого сотрудничества монгольских и советских историков в 1954 г. в Улан-Баторе и Москве был выпущен однотомник «История Монгольской Народной Республики» на монгольском и русском языках. В 1967 г. книга была переиздана (в переработанном и дополненном виде) также на двух языках. Этот первый совместный труд ученых МНР и СССР, охвативший всю многовековую историю монгольского народа, со времени своего выхода служил ценным пособием для учащихся средних школ и студентов вузов МНР, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей Монголии.

За истекший период произошли большие изменения как в международном, так и во внутреннем положении МНР. Монгольский народ за эти годы шагнул вперед в своем экономическом и культурном строительстве. Укрепилось и международное положение МНР, вырос ее внешнеполитический авторитет. В этих условиях вполне назрела необходимость переиздания однотомника, дополнив его новыми материалами.

В настоящем издании учтены решения XXV и XXVI съездов КПСС, которые имели исключительно важное значение для всех коммунистических и рабочих партий, а также решения XVII и XVIII съездов МНРП. Учтены также достижения монгольской исторической науки, советского и мирового монголоведения привлечены новые источники, важнейшие факты и данные, уточнены некоторые положения и выводы по основным этапам истории Монголии. Кроме того, для третьего издания заново написаны главы по истории МНР после 1960 г., уточнены названия разделов и глав, добавлены хронологическая таблица, иллюстративный материал, расширена библиография.

В авторский коллектив первого издания однотомника «История Монгольской Народной Республики» входили: с монгольской стороны — Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и другие; с советской стороны — Л. И. Думан, С. Д. Дыльков, И. Я. Златкин, С. В. Киселев, Г. И. Михайлов, П. П. Стари-

Совместный труд советских и монгольских ученых освещает историю Монголии с древнейших времен до наших дней.

Настоящее, третье издание однотомника включает новые материалы по истории МНР. Книга выходит в свет на русском и монгольском языках.

И 0506000000-012
013(02)-83 118-82

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

цина, Н. П. Шастина, А. Т. Якимов, А. Ю. Якубовский и другие.

Во втором, исправленном и дополненном издании книги принимали участие, кроме основных авторов первого издания, еще ряд монгольских и советских ученых.

В подготовке для третьего издания нового, четвертого раздела второй части однотомника участвовали: Б. Ширендыб (глава 1), Ш. Сандаг (глава 2), С. К. Рошин (глава 3), Г. Цэрэндорж (глава 4).

В переработке, дополнении и редактировании третьего издания «Истории Монгольской Народной Республики» на монгольском языке принимали участие: Ш. Бира, Н. Ишжамц, Ш. Нацагдорж, Х. Пэрлэ, М. Санждорж, Н. Сэр-Оджав, Б. Тудэв.

В переработке, дополнении и редактировании книги на русском языке участвовали В. В. Волков, Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, С. Д. Дылыков, И. Я. Златкин, Г. С. Матвеева, Г. И. Михайлов, С. К. Рошин.

Библиографию составили М. И. Гольман, Д. Ишдорж; перечень дат по истории МНР — А. Очир, Т. А. Якимова; исторические карты — О. Пурэв. Указатели для третьего издания на русском языке подготовлены Г. С. Гороховой.

Главная редакция однотомника «История Монгольской Народной Республики» выражает сердечную благодарность всем монгольским и советским товарищам, принявшим участие в обсуждении и рецензировании текста настоящего, третьего издания.

ВВЕДЕНИЕ

«История Монгольской Народной Республики» охватывает историю Монголии с древнейших времен до наших дней.

Книга состоит из двух частей: в первой излагается история Монголии до народной революции 1921 г., во второй — история народной революции 1921 г. и Монгольской Народной Республики.

Первый раздел первой части книги охватывает эпоху первобытнообщинного строя: каменный век, период производства орудий из бронзы и начала производства железных орудий. Археологические исследования монгольских и советских ученых за последние годы обнаружили на территории МНР орудия труда среднего и нижнего палеолита. Эти находки позволяют отодвинуть хронологические рамки истории Монголии примерно на 300 тыс. лет. Предки монголов, как и всех других народов мира, в своем развитии перешли от первобытного стада к первобытнообщинному строю, а затем и к классовому обществу.

Второй раздел посвящен разложению первобытнообщинного строя, возникновению классовых обществ и раннефеодальных государств на территории Монголии. Классовое общество и государственность впервые в Центральной Азии сложились на территории Монголии у хунну в III в. до н. э. Первыми государствами раннефеодального типа в Монголии были: Жужаньский каганат (IV—VI вв. н. э.), Тюркский каганат (VI—VIII вв.) и Уйгурское ханство (IX—X вв.). Процесс феодализации находит дальнейшее развитие в Киданьской империи, существовавшей в X—XII вв.

Разделы с третьего по шестой освещают завершение процесса формирования феодализма и его дальнейшее развитие.

В третьем разделе показан процесс консолидации монгольской народности и усиления феодальных отношений в связи с образованием монгольского феодального государства.

Образование единого монгольского государства в начале XIII в. явилось прогрессивным событием в жизни монгольского народа. Оно создало благоприятные условия для ускорения про-

цессов завершения феодализации общества и консолидации монгольской народности, для сохранения самостоятельности страны, в большой мере способствовало позитивным сдвигам в развитии производительных сил и культуры.

Однако завоевательная политика монгольских феодалов во главе с Чингис-ханом, превративших народ в воинов, а страну — в военный лагерь, затормозила дальнейшее развитие экономики и культуры Монголии. Завоевательные походы Чингис-хана и его преемников против народов Китая, Ирана, России и других стран явились для них величайшим бедствием, надолго задержали прогрессивное развитие этих народов. В конечном счете Монгольская империя, созданная огнем и мечом, раздираемая внутренними противоречиями, не имея единой экономической базы, пала под ударами народов завоеванных стран.

Четвертый раздел характеризует эпоху феодальной раздробленности (XIV — начало XVII в.). Место единовластного хана заняли борющиеся между собой удельные ханы, называемые летописцами «малыми ханами».

С конца XIV — начала XV в. начались длительные войны между западномонгольскими и восточномонгольскими феодалами. Причины этих войн следует искать прежде всего в том кризисном состоянии, в котором оказалась экономика Монголии после падения империи. Тяжелые последствия завоевательных походов, господство натурального хозяйства, отсутствие внутреннего рынка, значительные трудности с налаживанием внешнего товарообмена были серьезным препятствием на пути к объединению страны и созданию предпосылок складывания централизованного государства.

Однако тогда же были сделаны попытки восстановления политического единства страны и преодоления феодальной раздробленности при Даян-хане (1479—1543) и Лигдэн-хане (1604—1634). И в тот период монгольское государство сумело надолго сохранить свою политическую независимость. Мало того, Монголия как суверенное государство выступала активным международным субъектом, имевшим политические, экономические и культурные связи с Китаем, Тибетом, Средней Азией и Россией.

Одним из характерных явлений этого периода было распространение в Монголии буддизма в форме ламаизма, который вскоре стал господствующей религией страны. Принятие ламаизма было обусловлено тем, что традиционный шаманизм не мог уже удовлетворять интересы класса феодалов, нуждавшихся в более мощном идеологическом оружии для укрепления своего господства и удержания в повиновении аратских масс — класса непосредственных производителей материальных благ.

С начала XVII в. Монголии начинают серьезно угрожать маньчжурские завоеватели. Монголия, еще не преодолевшая полностью феодальную раздробленность, несмотря на активное

сопротивление народа, вследствие предательства реакционной части высшего духовенства и крупных феодалов подпадает под маньчжурское иго. Период маньчжурского господства (пятый раздел), длившийся двести с лишним лет, характеризуется потерей Монголией политической независимости и превращением ее в угнетенную и все более отсталую окраину Маньчжурской империи.

Маньчжурские императоры, для того чтобы удержать Монголию в своих руках, проводили политику усиления ее феодальной раздробленности, а также полной «варварской, герметической изоляции» (К. Маркс) страны от внешнего мира. Социальной опорой иноземного господства над монгольским народом стали светские и особенно духовные феодалы.

Так монгольский народ оказался под двойным гнетом: маньчжурских захватчиков и китайских купцов, с одной стороны, собственных феодалов — с другой. Естественно, что это привело к дальнейшему ухудшению положения аратов, к длительному застою в развитии производительных сил и культуры страны.

Маньчжурское иго, продолжительная изоляция страны от внешнего мира и господство ламаизма обусловили растущую экономическую и культурную отсталость монгольского народа.

Особенно тяжело сказалась на экономике и культуре страны, на благосостоянии народных масс империалистическая экспансия в Монголию с конца XIX в., сопровождавшаяся все более возрастающим засильем иноземного компрадорского и торгово-ростовщического капитала в экономике страны.

Несмотря на тяжелый иноземный и феодальный гнет и тлетворное влияние ламаизма, свободолюбивый дух монгольского народа не был сломлен. Араты неоднократно поднимались на вооруженную борьбу против маньчжурского ига. Наиболее крупным до начала XX в. было антиманьчжурское восстание монгольского народа за свою независимость в 1755—1758 гг., возглавлявшееся ойратским князем Амурсаной и халхаским князем Чингунжавом, к которым присоединились многие влиятельные представители господствующего класса и аратства Северной, Западной и Южной Монголии. Но освободительное движение аратов в тот период носило стихийный, неорганизованный характер, у них не было своей политической организации. В этих условиях феодалы, захватившие руководство движением, нередко предавали восставших аратов, шли на сговор с маньчжурскими властями. Однако стихийные аратские выступления расшатывали и подтачивали как иноземное владычество, так и феодальный строй Монголии, обогащая аратов опытом классовой борьбы.

В середине XIX в. в результате межимпериалистических противоречий и роста революционного движения в Европе потерпела крушение политика «варварской, герметической изоляции»

Монголии. Страна стала быстро втягиваться в международные экономические и политические связи.

Революция 1905 г. в России содействовала политическому пробуждению Монголии, как и всей Азии, подняла активность аратского освободительного движения и расширила дружеские связи монгольских трудящихся с русским рабочим классом и революционной интеллигенцией. Отдельные антиманьчжурские выступления аратов, начавшиеся во второй половине XIX в., к 1911 г. слились в крупное вооруженное восстание, приведшее к восстановлению монгольской государственности в форме феодально-теократической монархии (1911—1919), история которой освещается в шестом разделе первой части книги. После свержения маньчжурского ига в 1911 г. монгольское правительство провозгласило независимость страны. Внутренняя Монголия объявила о своем желании воссоединиться с Внешней Монголией, т. е. с Халхой (основная часть современной МНР) в единое независимое монгольское государство.

Правители Китая не могли примириться с провозглашением Монголией государственной независимости. Любой ценой они стремились вновь присоединить Монголию к Китаю. Китайские реакционные круги мотивировали свои незаконные домогательства тем, что они якобы хотят создать великую державу из пяти наций и что сама Монголия якобы не в состоянии существовать отдельно от Китая. Льстивыми уговорами, а иногда и угрозами китайское правительство пыталось оказать давление на феодальных правителей Монголии, неоднократно направляло туда карательные экспедиции для подавления монгольского национально-освободительного движения.

Монгольский народ продолжал самоотверженную борьбу за свою свободу и независимость. Антиманьчжурское движение монгольского народа, провозгласившее борьбу за полный суверенитет страны, переросло теперь в мощное национально-освободительное движение, направленное против великодержавных притязаний Китая.

Но в условиях безраздельного господства империализма во всем мире в то время не могли осуществиться чаяния монголов. В 1915 г. по так называемому «тройственному соглашению» Монголии был навязан статус автономии, подчиненной сюзеренитету Китая.

Все же восстановление монгольского государства после двухвекового чужеземного господства, безусловно, было прогрессивным явлением, несмотря на феодально-теократический характер созданного государства и навязанный ему статус автономии. Ведь именно в это время были проведены некоторые важные реформы в политической, экономической и культурной жизни страны. Правда, аратство по-прежнему оставалось классом политически бесправным и социально угнетенным. Феодально-теократическая клика, ставшая у власти, усилила

эксплуатацию аратов. Араты на собственном опыте все более убеждались, что действительное и полное освобождение возможно лишь в борьбе не только против иностранных захватчиков, но и против своих феодалов.

Последующие этапы борьбы монгольского народа, охватывающие его новейшую историю, начинаются уже в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции. Они излагаются во второй части книги.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России, поворотный пункт в истории человечества, открыла новую эпоху — эпоху перехода современного мира от капитализма, феодализма и более ранних общественных форм к социализму и коммунизму, минуя определенные социально-экономические формации. Она также открыла перед монгольским народом путь к полному освобождению от всякого гнета, путь к социализму.

Великий Ленин указывал, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹. В этих ленинских словах монгольские араты нашли величайший источник вдохновения и веру в конечную победу над силами внешней и внутренней реакции. Братский союз монгольского аратства и российского рабочего класса сыграл решающую роль в победе народной революции 1921 г. и во всей последующей борьбе монгольского народа за укрепление национальной независимости, за победу некапиталистического пути развития, за строительство социализма.

Новейшая история монгольского народа может быть разделена на три основных этапа: первый — 1921—1940 гг., в ходе которого совершилась антиимпериалистическая, антифеодальная народно-демократическая революция, были заложены прочные основы некапиталистического развития; второй — 1940—1960 гг. — социалистический этап революции, этап строительства основ социализма; третий — с 1961 г. — этап завершения строительства социалистического общества.

В первом разделе второй части книги излагается история монгольского народа в 1917—1921 гг. Для первых лет этого периода характерны углубление процесса распада феодального строя и резкое обострение всех социальных противоречий. К тому же в 1919 г. Монголию оккупируют китайские милитаристы и упраздняют ее автономию, а через год Монголию захватывают русские белогвардейцы, бежавшие из России после Октябрьской революции. И китайские милитаристы, и русские белогвардейцы, пользуясь поддержкой международного империализма, пре-

¹ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического интернационала. 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам. 26 июля. — Т. 41, с. 246.

вратили Монголию в военный плацдарм против Советской России. В этот тяжелый момент правящая феодально-теократическая клика Монголии встала на путь предательства своей родины.

В 1921 г. монгольский народ поднялся на решительную борьбу против иностранных захватчиков и внутренней реакции. Восставший народ под руководством МНРП, с помощью Советской России изгнал иностранных оккупантов и, свергнув правительство богдо-гэгэна, завоевал политическую власть в стране.

11 июля 1921 г. в столице Монголии Урге была провозглашена победа народной революции.

Монгольская народная революция по своему характеру и задачам была антиимпериалистической, антифеодальной, народно-демократической.

Второй раздел посвящен периоду 1921—1940 гг., когда был завершён антиимпериалистический и антифеодальный этап революции и началась эпоха некапиталистического пути развития к социализму.

После победы народной революции до ноября 1924 г. в стране происходила ломка старой государственной машины, создавались органы новой власти — местные народные хуралы. Были аннулированы долги иностранным фирмам, купцам и ростовщикам, отменены права собственности феодалов на землю, пастбищные угодья, крепостное право, а также всякого рода феодальные повинности и поборы.

С помощью Советского Союза были созданы аратская потребительско-сбытовая кооперация, монгольский торгово-промышленный банк, школы, новые культурные, научные и медицинские учреждения.

III съезд МНРП, состоявшийся в августе 1924 г., обсуждая перспективу дальнейшего развития страны, определил генеральную линию партии на некапиталистический путь развития к социализму. Впервые об этом В. И. Ленин говорил в беседе с руководителями монгольского народа в Москве в 1921 г.

26 ноября 1924 г. Великий Народный Хурал провозгласил Монголию народной республикой и принял первую конституцию. Образовалась Монгольская Народная Республика — первая страна народной демократии.

В это время впервые в монгольской истории была введена обращение национальная валюта, утвердилась единая государственно-финансовая система, расширилась и укрепилась вновь созданная кооперативная и государственная торговля. Пошлинно-налоговая политика была направлена на ограничение и вытеснение иностранных фирм. В 1930 г. государство установило монополию на внешнюю торговлю, иностранные торговые фирмы были постепенно вытеснены из страны.

Конфискация имущества и скота у крупных светских феодалов и феодального высшего чиновничества, проведенная с

1929 по 1932 г. при активном участии бедняцких и середняцких слоев аратства, нанесла решающий удар по экономической мощи феодализма. К концу 30-х годов класс феодалов, и светских и духовных, был в основном ликвидирован — антифеодальные задачи революции были выполнены.

Одновременно под руководством МНРП и с помощью СССР в стране проводилась огромная созидательная работа: в сельском хозяйстве были созданы машинно-сенокосные станции, а также первые аратские производственные кооперативные объединения, строились новые промышленные предприятия, шоссейные и железные дороги, развивался государственный автотранспорт, складывался социалистический сектор в народном хозяйстве в виде государственных и кооперативных хозяйственных объединений.

В то же время рождается и развивается новая общественно-политическая сила — молодой монгольский рабочий класс, призванный в дальнейшем возглавить социалистическое строительство страны.

В области народного образования, культуры и искусства Монгольская Народная Республика достигла больших успехов. Конец второго раздела посвящен революционно-демократическому преобразованию культуры МНР (1921—1940).

С первых же дней победы народной революции в Монголии проблема развития национальной культуры встала перед МНРП и народной властью как одна из важнейших задач строительства новой жизни. Однако на пути ее осуществления стояли неимоверные трудности, обусловленные прежде всего крайней отсталостью страны, почти сплошной неграмотностью населения. Большим препятствием был ламаизм — господствующая идеология дореволюционной Монголии, основная религия страны, оказывавшая сильнейшее влияние на народные массы и после революции.

Но МНРП, руководствуясь марксистско-ленинским учением, в упорной и неутомимой борьбе сумела повести за собой народ и одержать победу и в этой области. Своеобразие культурной революции в Монголии заключалось в том, что она в своем развитии прошла три этапа — революционно-демократический (1921—1940), социалистический (1941—1960) и этап дальнейшего углубления культурной революции (после шестидесятих годов).

На первом этапе народной революции основными задачами партии и народа в области культуры являлись: ликвидация неграмотности населения, создание основ системы народного образования, новой литературы и искусства, а также формирование народной интеллигенции.

На этом этапе монгольский народ добился больших успехов в области народного образования, в стране открылось множество начальных, средних школ и техникумов, были созданы

культурно-просветительные, научные учреждения и органы здравоохранения.

В 1940 г. состоялся X съезд МНРП, который подвел итоги глубоких социально-экономических преобразований и определил задачи нового этапа развития страны. VIII Великий Народный Хурал утвердил новую конституцию, закрепившую успехи и достижения монгольского народа. Таким образом, успешно завершился общедемократический этап революции, создавший предпосылки для перехода к социалистическому строительству, минуя капитализм.

В третьем разделе второй части книги рассматривается история борьбы монгольского народа за социалистическое преобразование страны, за строительство основ социализма, за полную победу социалистических производственных отношений в народном хозяйстве (1941—1960).

В начале 40-х годов МНР приступила к социалистическому строительству. Однако вероломное нападение немецких фашистов на СССР и военная угроза японского империализма прервали мирный созидательный труд монгольского народа, заставили мобилизовать материальные ресурсы, силы и время на нужды обороны страны и для оказания посильной помощи Советской Армии.

Историческая победа Советского Союза над немецким фашизмом, разгром Советской Армией при участии монгольских войск японского империализма и образование мировой социалистической системы создали исключительно благоприятные условия для социалистического строительства в МНР. Советский Союз и другие социалистические страны, оказывая постоянную братскую помощь монгольскому народу, содействовали тем самым ускорению темпов строительства социализма в МНР.

С 1948 г. МНР приступила к перспективному пятилетнему планированию развития народного хозяйства и культуры. До этого принимались только годовые планы. В годы первой и второй пятилеток и последующего трехлетнего плана развития народного хозяйства монгольский народ, борясь вместе с другими за упрочение мира и укрепление дружбы между народами, добивался все новых побед в развитии народного хозяйства, особенно в промышленности и на транспорте, а также в области культуры. Огромные перемены произошли во внутренней социальной структуре монгольского общества. Рабочий класс вырос количественно и качественно, усилилась его роль ведущей силы общества.

В результате достигнутых успехов в области промышленности МНР превратилась из страны аграрной в аграрно-индустриальную.

Наряду со скотоводством в сельском хозяйстве на основе передовой техники быстро развивалась новая отрасль — социалистическое земледелие. Благодаря успехам в развитии зерново-

го хозяйства к 1960 г. страна могла обеспечить себя семенами и мукой собственного производства.

Основная отрасль сельского хозяйства МНР — животноводство, неуклонно развиваясь, удовлетворяло главные нужды — как потребительские и производственные, так и внешней торговли.

Самым сложным и трудным делом была борьба за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Общие успехи в развитии промышленности, транспорта, культуры, рост кадров, творческое применение опыта колхозного строительства в СССР — все это оказало благотворное влияние на успешное решение задач социалистической перестройки сельского хозяйства страны. Добровольный переход единоличников-аратов на социалистический путь происходил особенно быстрыми темпами с 1955 г. и полностью завершился в 1959 г. С победой социалистического кооперирования аратских хозяйств во всем народном хозяйстве утвердились социалистические производственные отношения.

На первом этапе социализма (1940—1960) в МНР происходит дальнейшее развитие культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию. В результате социально-экономических перемен в обществе и развития социалистической культуры изменился культурный облик населения и всей страны. Ликвидируется неграмотность населения, укрепляются и расширяются системы народного образования и здравоохранения, расширяется сеть школ, больниц. Открывается государственный университет — крупнейший центр высшего образования страны. Вслед за ним открылись медицинский, педагогический, сельскохозяйственный и другие вузы. Растут кадры народной интеллигенции. Появляются учителя, медики, ветеринары, зоотехники, агрономы, экономисты высокой квалификации и инженерно-технический персонал — выпускники отечественных вузов и техникумов или подготовленные в Советском Союзе и других странах социалистического содружества. Пополняются свежими силами ряды ученых и работников литературы и искусства. Появляются их труды.

Благодаря мудрой политике Монгольской народно-революционной партии, руководствующейся в своей деятельности всепобеждающим учением марксизма-ленинизма, строительство основ социализма в МНР было успешно завершено.

Четвертый раздел второй части книги охватывает период с 1961 г. по настоящее время. В течение этого периода монгольский народ ведет борьбу за создание материально-технической базы социализма, за завершение строительства социализма. В 1961—1980 гг. были успешно осуществлены четыре пятилетки, что явилось крупным шагом по пути создания материально-технической базы социализма, превращения МНР в индустриально-аграрную страну. Определяющими факторами стали дальнейшие глубокие перемены в социально-экономической жизни

Ускоренными темпами механизмируется сельское хозяйство, в промышленность и транспорт внедряются передовые техника и технология, построены новые промышленные предприятия, электростанции. Введен в эксплуатацию Дархано-Шарынгольский промышленный комплекс, ставший вторым после столицы крупным промышленным центром страны. Вступили в строй горно-обогатительный гигант — медно-молибденовый комбинат «Эрдэнэт», ТЭЦ в Улан-Баторе, вторая очередь Шарынгольского угольного карьера и многие другие важные народнохозяйственные и культурно-бытовые объекты.

Для завершения строительства материально-технической базы социализма в МНР исключительно важное значение имеет тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Вступление МНР в 1962 г. в состав членов Совета Экономической Взаимопомощи явилось крупным событием в ее истории. Сотрудничество народной Монголии с братскими странами на основе международного социалистического разделения труда служит одним из важнейших факторов успешного решения задач социалистического строительства. Все более развивается и углубляется социалистическая экономическая и научно-техническая интеграция, способствующая всемерному сближению стран — членов СЭВ.

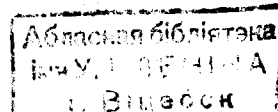
16

Благодаря успехам в осуществлении социалистического строительства, в проведении миролюбивой внешней политики международное положение МНР непрерывно укрепляется. МНР установила дипломатические отношения со всеми социалистическими и со многими капиталистическими и развивающимися странами. В 1961 г. Монголия заняла принадлежавшее ей по праву место в ООН.

Создание Академии наук МНР, крупное событие в жизни монгольского народа, имело огромное значение для развития отечественной науки, народного хозяйства, культуры. Академия наук МНР является крупнейшим центром науки страны. Немалых успехов достигли ученые МНР, тесно сотрудничающие с учеными Советского Союза и других стран социалистического содружества, в изучении проблем экономики, географии, истории, филологии, литературы, искусства, в изучении природных богатств, топливно-энергетической и минерально-сырьевой базы страны. Расширяются международные научные и культурные связи МНР. Все больше развивается и укрепляется культурное сотрудничество МНР со странами — членами СЭВ. Осваивая достижения мировой прогрессивной культуры, монгольский народ умножает свое духовное богатство и национальную культуру.

Строительство материально-технической базы социализма и

2 Зак. 397

культурная революция сопровождаются ростом материального благосостояния трудящихся МНР.

Таким образом, МНР за короткий срок сумела завершить переход от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, и ныне успешно осуществляет задачи завершения создания материально-технической базы социализма.

Монгольский народ под руководством марксистско-ленинского авангарда — МНРП, с помощью Страны Советов, в социалистическом содружестве наций добивается все новых и новых успехов в строительстве социализма, в борьбе за мир и дружбу между народами.

* * *

Обозревая многовековую историю монгольского народа, богатую событиями, а также накопленную к нашим дням обширную многоязычную литературу, посвященную Монголии и ее народу, мы убеждаемся в целесообразности разделить долгий исторический путь, пройденный этой страной, на определенные этапы, периоды, качественно различающиеся между собой.

Руководствуясь требованиями марксистско-ленинской методологии, согласно которым главным и решающим фактором, определяющим развитие любого общества, является способ производства материальных благ, предлагаем вниманию читателей следующую периодизацию истории Монголии.

Период первый. Переход к первобытнообщинному строю.

Период второй. Возникновение исторических предпосылок консолидации монгольской народности, формирования классов и первых раннефеодальных монгольских государств. Этот период восходит к временам хунну (IV—III вв. до н. э.) и завершается в конце XII — начале XIII в. н. э. созданием государства Чингис-хана.

Период третий. Становление и развитие феодализма. Утверждение феодального способа производства на территории всей Монголии, превращение земли — пастбищных территорий — в монопольную собственность класса феодалов, закрепощение массы непосредственных производителей, лишаемых прав перехода от одного владетельного князя к другому, серия завоевательных войн, образование монгольской феодальной империи и ее крушение (XIII — начало XIV в.).

Период четвертый. Феодальная раздробленность (XV—XVII вв.). Экономическое и политическое укрепление местных феодальных уделов — княжеств, резкое ослабление центральной ханской власти. Разделение Монголии на Северную (Внешнюю), Южную (Внутреннюю) и Западную (Джунгарское ханство). Обострение межфеодальных противоречий, попытки пре-

одоления феодальной раздробленности: всемонгольский съезд ханов и князей 1640 г.

Период пятый. Экспансия маньчжуров в Монголию и Китай. Освободительная борьба монгольского народа. Джунгарское ханство в Центральной Азии. Маньчжуро-ойратские войны XVII в.

Период шестой. Монголия в составе Цинской империи. Маньчжурская политика «варварской, герметической изоляции» Монголии от внешнего мира. Утверждение ламаизма. Рост освободительного движения народных масс Монголии (XVIII—XIX вв.).

Период седьмой. Пробуждение Азии и Монголии (XIX — начало XX в.), начало эпохи империализма. Подъем национально-освободительного движения. Провозглашение независимости Внешней Монголии. Влияние русских революций 1905 и 1917 гг.

Период восьмой. Возникновение исторических предпосылок народной революции в Монголии. Образование Народно-революционной партии. Революция 1921 г.

Период девятый. Развитие Монголии к социализму, минуя капитализм. Период подразделяется на несколько этапов. Первый — антиимпериалистические, антифеодальные, общедемократические преобразования. Создание социалистического сектора хозяйства (1921—1940). Второй — строительство основ социализма. Дальнейшее развитие производительных сил. Социалистическое преобразование сельского хозяйства. Утверждение социалистических производственных отношений во всей экономике, создание единой социалистической системы хозяйства (1940—1960). Третий — завершение строительства социалистического общества. Завершение создания материально-технической базы социализма. Совершенствование социалистических общественных отношений. Усиление коммунистического воспитания трудящихся (с 1960 г.).

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА

Источники

Источники по истории монгольского народа разделяются на вещественные и письменные. К вещественным источникам относятся различные археологические материалы: памятники жилья, т. е. стоянки первобытного человека, городища, развалины городов; памятники, связанные с погребениями; находки кладов и отдельных вещей.

На основании найденных археологических материалов можно воссоздать примерную картину жизни прошлых веков, обрисовать в известной степени развитие культуры и хозяйственного быта живших ранее народов. Погребения дают материалы, не только связанные с узким кругом обычаев и верований, на основании которых можно судить об идеологической надстройке данного общества, но и характеризующие быт народа, его хозяйство и общественные отношения. Подобные материалы, найденные в МНР, представляют собой большую научную ценность для изучения древней и средневековой истории Монголии.

Изобилие памятников материальной культуры на территории Монголии свидетельствует, что с древнейших времен Монголия была центром культуры кочевых племен и народностей Центральной Азии.

Археологическое изучение Монголии началось сравнительно недавно — с археологических открытий русских востоковедов в XIX в., в частности открытия Н. М. Ядринцевым в 1889 г. развалин древней столицы Монголии — Каракорума¹.

Для исследования древнейшего периода истории Монголии большое значение имеют археологические находки, обнаруженные в послевоенные годы на территории Монголии в результате советско-монгольских и монгольских археологических экспедиций. Важнейшим результатом экспедиций явилось открытие ря-

¹ «Труды Орхонской археологической экспедиции». Т. 1, 3—5, 9, 11, СПб., 1892—1899.

да палеолитических и неолитических стоянок первобытных людей².

Археологически менее изучен бронзовый век в Монголии. Имеются некоторые материалы из 50—60 плиточных могил, раскопанных на территории МНР, а также подъемные материалы, хранящиеся в музейных коллекциях в Улан-Баторе и в центрах аймаков. С. В. Киселев в статье «Монголия в древности», характеризуя своеобразие бронзовых изделий из собраний Национального музея, впервые определил степень археологической изученности бронзового века в Монголии и выделил его основные черты и этапы³. Среди специальных исследований по истории бронзового века в Монголии за последнее двадцатилетие⁴ особое место занимают работы, исследующие наскальные изображения людей, животных, различных предметов и знаков — важнейшие источники для углубленного изучения как эпохи бронзы, так и всего первобытного общества в Монголии⁵.

Большой вклад в изучение памятников хунну внесли раскопки, произведенные советским ученым П. К. Козловым в горах Ноин-ула в 1924 г. Это было одно из самых крупных археологических открытий XX в.⁶

С 1954 г. монгольские археологи возобновили раскопки хуннских могил в Ноин-уле, Хуннуй-голе и др. Были открыты ранее неизвестные очаги хуннской цивилизации, обнаружено большое количество хуннских захоронений на территории Монголии⁷.

В Монголии сохранилось немало вещественных памятников

² А. П. Окладников. Первобытная Монголия. — «Studia Archeologica». Т. 3. Факс. 10, У. Б., 1962; он же. Новое в изучении древнейших культур Монголии. — «Советская этнография». 1962, № 1; он же. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии. — Древний мир. М., 1962; Археология и этнография Монголии. Ред. А. П. Окладников. Новосибирск, 1972; Д. Дорж. Неолит Восточной Монголии. У. Б., 1971; Д. Дорж, Д. Цэвээндорж. Монголын палеолит. У. Б., 1978.

³ С. В. Киселев. Монголия в древности. — «Известия АН СССР. Серия истории и философии». Т. 4, 1947, № 4.

⁴ В. В. Волков. Из истории изучения памятников бронзового века МНР. — «Studia Archeologica». Т. 3. Факс. 10. У. Б., 1962; Н. Сэр-Оджав, Д. Долгорсүрэн. Дундговь аймгийн нутаг хурлийн уед. — «Studia Archeologica». Т. 4. Факс. 9. У. Б., 1964; Д. Наваан. Дорнод монголын хурлийн үе. У. Б., 1975; Э. А. Новгорова. Центральная Азия и Карасукская проблема. М., 1970.

⁵ А. П. Окладников. Центально-азиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнкэр агуй, Тенгри агуй, Западная Монголия). Новосибирск, 1972; Д. Дорж, Э. А. Новгорова. Петроглифы Монголии. У. Б. 1975; Я. А. Шеер. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980; El. Novgorodova. Alte Kunst der Mongolei. Lpz., 1980.

⁶ Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925; К. В. Тревер. Находки из раскопок Монголии 1924—1925 гг. — «Сообщения ГАИМК». 1931, № 9—10.

⁷ Ц. Доржсүрэн. Умарт Хүнну. У. Б., 1961.

и рунических (так называемых орхоно-енисейских) надписей по истории тюркских народностей, обитавших в древности на территории страны. Честь открытия и дешифровки этих надписей, содержащих ценные сведения о древних тюрках, кыргызах, уйгурах и монгольских племенах, принадлежит главным образом русским и советским тюркологам и археологам⁸.

В 1957—1959 гг. большую исследовательскую работу по тюркским погребениям вели монгольские археологи, как самостоятельно, так и совместно с чехословацкими учеными.

В 1957 г. Н. Сэр-Оджав и Ц. Доржсурэн провели раскопки могилы Тоньюкука — советника тюркского кагана, в урочище Баян-Цогт, около угольной шахты Налайха, в 50 км на юго-восток от Улан-Батора. Там были обнаружены настенные рунические (тюркские) надписи, нацарапанные на штукатурке надгробного сооружения и других строительных материалах⁹. В 1957—1958 гг. монголо-чехословацкая экспедиция раскопала надгробное сооружение тюркского принца Куль-Тегина в Хошо-Цайдаме в бассейне р. Орхон. Были обнаружены ранее неизвестные фрагменты рунических надписей, каменное изображение головы Куль-Тегина и осколки керамических изделий VIII в.¹⁰

Кроме того, на территории Монголии продолжают находить новые мелкие тюркские надписи на камнях и отдельные вещи — печати, монеты и др.¹¹

Немаловажное значение для изучения истории хунну и тюрков имеют раскопки, произведенные на территории СССР, в частности в Бурятской АССР и в Хакасии. Благодаря работам С. В. Киселева и А. П. Окладникова получено много новых данных о хозяйственной жизни и социальном строе древних государств, центр которых находился на территории МНР.

К важнейшим археологическим исследованиям относятся раскопки городских поселений древней и средневековой Монголии. Результаты раскопок Каракорума и других городов, произведенные советскими археологами во главе с С. В. Киселевым в содружестве с монгольскими учеными, изложены в интересном обобщающем труде, вышедшем уже после кончины руководителя экспедиций¹².

⁸ W. Radloff. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. SPb., 1895; он же. Inschriften des Tonjukuk Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Fo. 2. SPb., 1899; С. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

⁹ Н. Сэр-Оджав. Тоньюкукийн барилгаас олсны түрэг бичгээс. — «Studia Archaeologica». Т. 1. Факс. 6. У. Б., 1958.

¹⁰ Н. Сэр-Оджав. Куль Тегиний барилгын хэрэглэхүүн. — ШУ. 1959, № 5—6; Лумир. Исследования археологических памятников в МНР. — «Archaeologica rozhledy». Т. 13. Praha, 1961.

¹¹ М. Шинэхүү. Тариатын орхон бичгийн шинэ дурсгал. У. Б., 1975; он же. Орхон руни бичгийн шинэ дурсгалууд. У. Б., 1980.

¹² С. В. Киселев и др. Древнемонгольские города. М.—Л., 1965.

В результате научных экспедиций, проведенных монгольскими археологами, обнаружены остатки сотен городов и поселений городского типа на территории МНР¹³.

В целом последние археологические открытия позволили осветить многие вопросы древней и средневековой истории Монгольской Народной Республики, дали возможность более глубоко выявить и изучить специфические особенности самобытной цивилизации древних кочевых народов Центральной Азии, которая резко отличалась от цивилизаций оседлых народов этого региона.

В свете новых материалов роль оседлости в истории кочевничества в Монголии выглядит более значительной, чем это предполагалось ранее.

По истории собственно монголов существует значительное число письменных источников: исторические хроники, записи непосредственными участниками или очевидцами исторических событий, тексты законов и постановлений, публикации договоров, государственных актов и т. д. Особую ценность представляют монгольские летописи, появление которых относится к ранней ступени развития письменности у монголов. До нас дошла монгольская историческая хроника, составленная в 1240 г., «Монголын нууц товчоо» («Сокровенное сказание»). Однако, по свидетельству разных источников, у монголов и до XIII в. уже существовали исторические хроники и предания, легшие в основу этого исторического сочинения. Известно, например, что имела секретная история рода Чингиса и его потомков под названием «Алтан дэбтэр» («Золотая», т. е. «Царственная книга»), хранившаяся в ханской сокровищнице, доступ к которой был открыт лишь немногим.

Полный монгольский текст «Монголын нууц товчоо» сохранился в записи китайскими иероглифами и в китайском переводе под названием «Юань-чао би-ши». Со второй половины XIX в. «Монголын нууц товчоо» стало предметом исследования многих монголистов. Текст и его переводы были опубликованы на нескольких языках. Честь открытия и введения в научный оборот этой хроники, а также первый перевод ее на русский язык с сокращенного китайского варианта принадлежит крупному русскому синологу П. И. Кафарову (Палладию), опубликовавшему свой перевод в 1886 г. под названием «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане»¹⁴. Много сделали по публикации, переводу и исследованию «Монголын нууц товчоо»

¹³ Картотека археологических памятников МНР, рук. в фонде рукописей Института истории АН МНР; Х. Пэрлээ. Монгол Ард Улсын эрт, дундад үеийн хот суурин товчоо. У. Б., 1961; Д. Майдар. Монголын хот тосгоны гурван зураг. У. Б., 1970; он же. Архитектура и градостроительство Монголии. Очерки по истории. М., 1971; он же. Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981.

¹⁴ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. 4. СПб., 1866, с. 1—258.

монгольские и советские ученые. Академиком С. А. Козиним были опубликованы полный монгольский текст и русский перевод с пространными комментариями, С. А. Козин впервые дал оценку и критику «Монголын нууц товчоо» на основе материалистического понимания истории¹⁵. В 1962 г. вышла публикация текста памятника под редакцией Б. И. Панкратова¹⁶.

На современный монгольский язык летопись «Монголын нууц товчоо» переведена действительным членом АН МНР Ц. Дамдинсүрэн¹⁷. Монголоеды из братских социалистических государств также провели немалую работу по переводу и публикации этого ценнейшего памятника, имеющего непреходящее значение для изучения раннего монгольского средневековья¹⁸.

От времен Монгольской империи сохранилось историко-юридическое произведение «Цаган түүх», дошедшее до нас в редакции XVI в. Несмотря на небольшой объем, это сочинение содержит богатый фактический материал о политическом строе Монголии XIV в.¹⁹

Завоевательные походы Чингис-хана и его первых преемников не могли не привлечь внимание писателей и летописцев XIII в. в других странах. Опустошительные набеги и завоевания, сопровождавшиеся разгромом цветущих городов, истреблением их населения или массовым уводом его в рабство, нашли отражение в записях современников. В них дается критическая

¹⁵ С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941.

¹⁶ Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). Т. 1. М., 1962.

¹⁷ Ц. Дамдинсүрэн. Монголын нууц товчоо. У. Б., 1947.

¹⁸ P. Pouha. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Praha, 1956; он же. Tajna Kronika Mongols. Praha, 1965; A Mongolok titkos története Mongolboi fordította Ligeti Lajos, a verseket ford. totta Keres Geza. Budapest, 1962; Histoire secrete des Mongols. Texte en ecriture oingure incorpore dans la chronique Altan tobci de Blo-bzon bstan'jin. Budapest, 1974; St. Kaluzynsky. Tajna historia mongolow. Anonimna Kronika Mongolska. Warszawa, 1969; A. Mostaert. Sur quelques Passages de l'Histoire Secrete des Mongols. Cambridge (Mass.), 1953; The Secret History of the Mongols the Translation. Transl. by de Rachewiltz.—«Papers on Far Eastern History», № 4 (Sept. 1971), № 5 (March 1972), № 10 (Sept. 1974), № 13 (March 1976), № 16 (Sept. 1977), № 18 (Sept. 1978), № 21 (March 1980); I. de Rachewiltz. Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University Publication. Uralic and Altaic, Ser. 5, 121. Bl., 1972; E. Haenish. Mongol-un Niuca Tobca'an (Yuan-ch'ao pi-shi). Die Geheime Geschichte der Mongolen aus der Chineschen transcription (Auszage Ye Tehhui) in Mongolischen Wortlaut wiederhergestellt. Lpz., 1935; он же. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Lpz., 1948; P. Pelliot. Histoire secrete des Mongols. Restitution du texte Mongol et traduction française des chapitres. I et VI. P., 1949; M. Murakami. Mongoru hishi. Vol. 1. Tokyo, 1970.

¹⁹ Ш. Нацагдорж. «Цагаан түүхийн» тухай хэдэн үг. У. Б., 1958; Ш. Бира. Анализ основных данных «Белой истории» и время ее составления.—«Түүхийн судлал». Т. 8. Факс. 20. У. Б., 1970, с. 123—136; K. Sagaster. Die Weisse Geschichte (Cagan teuke). Eine Mongolische Quelle zur Lehre von der beiden Ordnungen Religion und Staat in Tibet und der Mongolie, übersetzt und kommentiert von Klaus Sagaster.—«Asiatische Forschungen». Bd 41, Berlin — Wiesbaden, 1976.

оценка действий монгольских завоевателей. В ранних источниках по истории монголов не только содержится изложение хода исторических событий, но и приводятся многочисленные свидетельства современников, освещавших эти события с точки зрения покоренных народов. Таких источников много, отметим лишь важнейшие из них. Первое место среди этих источников занимает «Сборник летописей», написанный в 1300—1301—1310—1311 гг. выдающимся персидским историком средневековья Рашид-ад-Дином по указу Газан-хана. Этот обширный исторический труд представляет собой свод всеобщей истории, доведенной автором до событий, очевидцем которых он был, т. е. до реформы Газан-хана в начале XIV в. Рашид-ад-Дин считал, что при написании истории народов немусульманского происхождения следует опираться на источники и литературные традиции этих народов. Такой взгляд на изложение истории был шагом вперед для персидских историков, ранее игнорировавших историю немусульманских народов. Рашид-ад-Дин положил в основу своего труда о монгольских племенах, о Чингис-хане и его преемниках подлинные хроники («Алтан дэбтэр» и др.) и устные предания, с которыми его ознакомили Болд чинсан и другие монгольские историки. Это позволило Рашид-ад-Дину, как говорит академик Б. Я. Владимирцов, «дать замечательную по своим подробностям картину кочевого быта монгольских племен»²⁰. Рашид-ад-Дин использовал также письменные персидские источники. Труд Рашид-ад-Дина переведен на разные языки мира. Большое научное значение имеет перевод, выполненный коллективом сотрудников Института востоковедения АН СССР²¹.

Из других персидских источников следует упомянуть хроники, повествующие о монгольском нашествии на Туркестан, написанные непосредственно после него. В этих сочинениях персидских авторов очень ярко запечатлены подробности разгрома Бухары, взятие Самарканда и другие события. Часть этих хроник переведена на русский язык²².

²⁰ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 6.

²¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. А. А. Хетагурова, ред. и примеч. А. А. Семенова. М.—Л., 1952; т. 1, кн. 2. Пер. О. И. Смирновой, примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. М.—Л., 1952; т. 2. Пер. Ю. М. Верховского, ред. И. П. Петрушевского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. М.—Л., 1960; т. 3. Пер. А. К. Арендса ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса. М.—Л., 1946. См. также: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. История монголов и история Чингис-хана с восшествия его на престол и до кончины, перс. текст, рус. пер. с примеч. И. Н. Березина.—ТВОРАО. Т. 5—8, 1858—1888; Quatremere. Histoire des Mongoles de la Perse ecrite en Persian par Rashid Eldin. Т. 1. P., 1836; J. A. Boyle. Rashid-ad-Din. The Successors of Genghis Khan. N. Y.—L., 1971.

²² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. 1. СПб., 1884, с. 1—45. И. П. Петрушевский. Новый источник по истории монгольского нашествия («Нафсат-ал-Масдур» — «Раздавшийся свист ветра»).—Белек (подарок) С. Е. Малову. Фрунзе, 1946.

Значительный интерес представляет подробный обзор монгольских походов, данный персидским историком Джувейни, который хотя и не был непосредственным свидетелем завоевания Туркестана и Персии, но писал свой труд вскоре после этих событий. Джувейни пришлось много путешествовать по обширной территории Монгольской империи. Он побывал не только в Туркестане, но и в Уйгурии и в самой Монголии. В его хронике содержится много ценных сведений из истории монгольских походов. Английский перевод сочинения Джувейни вышел в свет в двух томах²³.

Важными источниками по истории раннего средневековья Монголии являются свидетельства европейских путешественников, посетивших Монголию в XIII—XIV вв., Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло. Два первых были посланцами папы римского и французского короля Людовика IX, отправленными один за другим для переговоров с монгольскими ханами. Плано Карпини проехал через западную часть Монгольской империи и побывал в Каракоруме в 1246 г. Он подробно описал столицу монгольских ханов, а также привел много сведений конкретного характера о монголах, их образе жизни и др.

Восемь лет спустя в Каракоруме побывал Вильгельм Рубрук, рассказ которого еще более точен и детален. Оба они приводят подробные материалы, характеризующие военное и экономическое положение и политическую жизнь страны. Нынешние сведения о Каракоруме основаны главным образом на материалах этих двух путешественников. В частности, Плано Карпини сообщает о работах жившего в Каракоруме русского золотых дел мастера Кузмы, отлившего трон для хана и государственную печать; Рубрук рассказывает о другом золотых дел мастере — французе Вильгельме Бушье, создавшем изумительный фонтан для ханского дворца.

И Плано Карпини и Вильгельм Рубрук пробыли в Монголии сравнительно недолго и смогли в своих сочинениях передать лишь общие впечатления от страны. Их книги изданы на разных языках мира, в том числе на русском²⁴ и монгольском (в отрывках). Полные монгольские переводы хранятся в рукописях в монгольском фонде Госбиблиотеки МНР.

В более благоприятном положении находился Марко Поло, сын венецианского купца, проживший в Монгольской империи 17 лет и находившийся на службе у хана Хубилая, по поручению которого он неоднократно ездил в различные места мон-

гольского государства. Марко Поло написал, точнее, продиктовал свою книгу через несколько лет после возвращения из Китая. В этой книге содержатся подробности об административном устройстве империи и организации управления, о культурном уровне жизни в Китае, о монгольских войсках, почтовых дорогах и т. д. В ней имеется много сведений исторического характера. Книга Марко Поло широко известна среди ориенталистов. Она представляет ценность не только для востоковедения, но и для истории мировой культуры. Книга эта сделалась предметом широкого исследования и неоднократно переиздавалась с обширными комментариями²⁵. Из работ на европейских языках следует упомянуть историко-лингвистический комментарий к книге Марко Поло, составленный П. Пеллио и Л. Амбисом²⁶. На монгольский язык книгу Марко Поло переводили три раза²⁷.

Много сведений по ранней истории монгольского государства сообщают армянские источники. К их числу относятся сочинения Григора Акнерци Магакия, Вардана Вардапета, Мхитара Айриванеци, Степаноса Орбеляна, Смбата Спарапета, Киракоса Гандзакеци, Степаноса-епископа, Безымянного Себастаци, Гетума II, Нерсеса Палиенца и др.²⁸

Ценность армянских источников, как об этом писал К. Патканов, заключается в том, что «армянские писатели отличаются выгодно от других, особенно мусульманских и византийских... трезвостью взгляда и правдивостью относительно происшествий, современниками которых они были сами»²⁹.

Согласно традиции, китайские историки всегда составляли подробную официальную историю каждой династии после прекращения ее правления. Подобные династийные истории содержат большой фактический материал, но освещение его обычно

²³ И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Пер. со старофр. текста, под ред. В. В. Бартольда. — ЗРГО по отделению этнографии. Т. 26. СПб., 1902; изд. 2. М.—Л., 1937; Книга Марко Поло. Пер. со старофр. И. П. Минаева, ред. и вст. ст. И. П. Магодовича. М., 1955.

²⁴ P. Pelliot, L. Hambis. Notes on Marco Polo. Vol. 1—2. P., 1960.

²⁷ Полный перевод Ч. Гомбожава с английского, сверенный с японским переводом, был издан во Внутренней Монголии в годы второй мировой войны. Сокращенный перевод с немецкого был сделан Д. Нацагдоржем и неполный перевод — Б. Ринчином. Переводы хранятся в рукописном фонде Института истории АН МНР.

²⁸ История монголов Инока Магакии XIII века. Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871; History of the Archars (Mongols) by Grigor of Akang, ed. Robert P. Blake and Richard N. Frye. Cambr. (Mass.), 1954; Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. Эмнна. М., 1861; Хронологическая история, составленная отцом Мхитаром, Вардапетом Айриванским. Пер. и примеч. К. П. Патканова. СПб., 1869; История монголов по армянским источникам. Вып. 1. Пер. Патканова. СПб., 1873; История монголов по армянским источникам. Вып. 2. Пер. К. П. Патканова. СПб., 1874; Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII—XIV вв. Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М., 1962.

²⁹ История монголов по армянским источникам. Вып. 2, с. 5.

²³ A. M. Juvaani. The History of the World Conquerer. Transl. J. A. Boyle. Vol. 1—2. Manchester, 1958.

²⁴ Плано Карпини. История монголов. Пер. А. И. Маленна. СПб., 1911; В. Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Пер. А. И. Маленна. СПб., 1911; Дж. Карпини и Г. Рубрук. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. Пер. А. И. Маленна, ред., вступит. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.

дается с точки зрения китайской феодальной бюрократии, прославлявшей своих правителей и обоготворявшей императоров.

При изучении истории монголов нельзя обойти вниманием такие китайские официальные анналы, как: «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня, «Цянь Хань шу» («История Ранней [династии] Хань»), «Хоу Хань шу» («История Поздней [Династии] Хань»), «Цзю Тан шу» («История [династии] Тан в старом изложении»), «Синь Тан шу» («История [династии] Тан в новом изложении»), «Суй шу» («История [династии] Суй»), «Вэй шу» («История [царства] Вэй»), «Сань-го чжи» («Записки о трех государствах»), «Ляо ши» («История [династии] Ляо»); «Сун ши» («История [династии] Сун»), «Сун хуэй-яо цигао» («Черновое изложение главных факторов и событий истории [династии] Сун»), «Цзинь ши» («История [династии] Цзинь»), «Сюй вэнь-сянь тун као» («Продолжение исследования всех разделов китайской истории»), «Цзы-чжи тун-цзянь» («Всепроницающее зеркало, управлению помогающее»), «Ци дань го-цзи» («Описание государства киданей») и др.

При создании династийных и хроникальных историй Китая дворцовые историки, как правило, приводили сведения о многочисленных кочевых народностях, живших в северных от Китая землях.

Ими были написаны отдельные «главы» или «записи» о поддержании торговых, политических и культурных связей с указанными племенами и народностями. В этих «главах» или «записях» содержится большой фактический материал о древних кочевых племенах и народностях: хунну, сяньби, жужанях, тюрках, киданях, древних монголах и др.

Одним из важнейших источников по древней истории Центральной и Восточной Азии считаются переводы русских и европейских синологов, собравших и систематизировавших ряд текстов из китайских исторических сочинений³⁰.

Большинство этих трудов выдержали длительную проверку временем и не потеряли своего значения и в наши дни, хотя впервые были изданы более 100 лет тому назад.

Из источников на китайском языке по истории средневековой Монголии прежде всего следует отметить «Шэн-у цинь-чжэн-лу» («Описание личных походов священновоинственного») и «Юань ши» («История [династии] Юань») и др. «Шэн-у цинь-чжэн-

лу» была переведена на русский, французский и монгольский языки³¹. П. Пеллио и Л. Амбис считают это произведение монгольской хроникой, сохранившейся в китайском переводе, сделанном во второй половине XIII в.

Наиболее крупным и законченным произведением, главным источником по истории Монголии XIII и XIV вв. на китайском языке является «Юань ши». Она написана в начальный период династии Мин трудом свыше 30 китайских сановников под общим руководством Сун Ляня и Ван Вэя.

В «Юань ши», однако, не отображена трудовая деятельность монголов на китайской земле: строительство городов, каналов, развитие земледелия, внедрение своего богатого опыта в животноводстве, организация урточной службы и т. д. Кроме того, почти не упомянуты труды монгольских историков и сановников, таких, как Хархасун, Бали, Цаган, Тогон, Ариун, Шазгай, Алинтамир, Дашхаян, Тогтумур.

«Юань ши» претерпела множество публикаций, лучшей из которых является двухтомное издание 1958 г. (издательство «Шунъу», Шанхай), известное среди исследователей под названием «Бо-на-бэнь». Монгольский ученый Данда (Чимэдийн Дэмчигдорж) (1863—1932) перевел на монгольский язык полный текст «Юань ши», составивший 210 тетрадей³². К сожалению, перевод Данда не имеет научных комментариев.

Из других китайских сочинений несомненный интерес представляют описания путешественников, посетивших разные районы Монгольской империи:

1) «Си-ю-лу» советника Чингис-хана Елюй Чуцай³³ («Записки о походе монголов на запад в 1219 г.»);

2) «Вэй-ши-чжи» (Путевые записки китайских послов, ездивших в Монголию в 1220—1221 гг.);

3) «Чан Чунь чжэнь-жэнь си-ю-цзи» («Описание путешествия даоса Чан Чуня»), ездившего из Китая по вызову Чингис-хана к нему в ставку. Чан Чунь проехал через Монголию, Туркестан, к границам Индии, где в это время находился лагерь Чингис-хана. Один из его спутников вел путевой журнал, который впоследствии был опубликован под названием «Си-ю-цзи». Этот журнал содержит подробные сведения о монголах. Он переведен на европейские языки³⁴.

³¹ «Шэн-ву-цин-чжэн-лу». Описание личных походов священновоинственного, пер. с предисл. и примеч. П. Кафарова.— Восточный сборник. СПб., 1977; P. Pelliot, L. Hambis. Histoire des Campagnes de Cengis-Khan Cheng-Wou-t'sin-tcheng-lou, Traduit et annoté par P. Pelliot. Vol. 1. Leiden, 1951. Монгольский перевод хранится в рукописи в фондах ГБ МНР под названием «Богда багатур бие-бэр дайлууган тэмдэглэл».

³² Перевод хранится в рукописном фонде ГБ МНР.

³³ E. Bretschneider. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. 1. L., 1888, с. 9—24.

³⁴ Там же, с. 35—109; см. также: «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. 4. СПб., 1866.

³⁰ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, в 3-х частях. СПб., 1851; изд. 2-е. Т. 1—2. М.—Л., 1950—1953; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961; Liu Mau Tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu Kue). Bd 1. Wiesbaden, 1958.

4) «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») принадлежит сунскому послу Чжао Хуну, ездившему в Пекин в 1221 г. к Мухали, бывшему в это время наместником монгольского хана в Северном Китае³⁵;

5) «Хэй-да ши-люэ» (Путевые записки китайских послов Пэн Дая и Сюй Тина, бывших в Монголии в 1233, 1235—1236 гг.). Этот источник частично переведен на русский язык³⁶;

6) «Си-ю-цзи» («Путевые записки») Чжан Дэхой, ездившего из Китая к Хубилаю, находившемуся тогда в Монголии, содержат интересные наблюдения о жизни монголов³⁷. Так, например, Чжан Дэхой упоминает о существовании в Монголии нескольких поселений ремесленников и мастеров.

Кроме перечисленных сочинений существует ряд других китайских источников, относящихся к этому времени³⁸.

Известны также эпиграфические материалы по раннему средневековью Монголии, к которым относятся разные надписи на стелах, тамги, пайдзы, ханские ярлыки, надписи квадратным письмом. Они сохранились в небольшом количестве и были тщательно исследованы³⁹.

Следует отметить, что в последнее время началась публикация и корейских источников по истории Монголии XIII—XIV вв.⁴⁰.

Для изучения эпохи среднего и позднего средневековья в Монголии наибольшую ценность представляют собственно монгольские исторические сочинения, главным образом феодальные хроники и летописи. К сожалению, до нас дошли лишь летописи,

³⁵ В. П. Васильев. Полное описание монголо-татар «Мэн-да-бэй-лу». — ТВОРАО. Ч. 4. СПб., 1857; Мэн-да-бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Записки китайского посла Чжао Хуна. Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. Монгольский перевод китаиста Ендонжамца хранится в Рукописном фонде Института истории АН МНР.

³⁶ См.: Лин Кюн-н, Н. Ц. Мункуев. Краткие сведения о черных татарах. — «Проблемы востоковедения». 1960, № 5.

³⁷ Путевые записки китайца Чжан-дэ-хой во время путешествия его в Монголию (в первой половине XIII столетия). — Записки СОРГО. 1867, кн. 9, 10.

³⁸ Н. Ц. Мункуев. Основные китайские источники по истории Монголии XIII—XIV вв. — Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1963; он же. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.

³⁹ Ч. П. Савельев. Монгольское пайдзе, найденное в Забайкальской области. — ТВОРАО. Т. 2, 1856; Д. Банзаров. Пайдзе или металлические дощечки с изображением монгольских ханов. — «Записки Арх. об-ва». Т. 2, 1848; Монгольская надпись времен Чингис-хана, найденная в Восточной Сибири. Чтение и перевод архимандрита Аввакума. — «Журнал Министерства Внутренних дел». Т. 12, 1846; Ин. Ключкин. Древнейшая монгольская надпись на Хархираском (Чингисовом) камне. — «Труды Гос. Дальневосточн. ун-та». Сер. 6. № 5. Владивосток, 1927; Х. Пэрлээ. Чингисийн чулууны бичгээс. — «Studia Mongolica». Т. 3. Факс. 13. У. Б., 1962; Х. Пэрлээ. Пайз — түүх судлах сурвалж мөн. — «Studia Historica». Т. 12. У. Б., 1976.

⁴⁰ Сумьяабаатар. XIII—XIV зууны үеийн Монгол-солонгосын харилцааны бичгүүд. 1 дэвтэр. У. Б., 1978.

си, составленные в XVII в. Более ранних летописей до сих пор не было обнаружено, и лишь по имеющимся отдельным указаниям можно полагать, что летописная традиция продолжала существовать и в XIV—XVI вв., т. е. в течение всего средневековья. Все дошедшие до нас монгольские летописи XVII в. являются типично феодальными и принадлежат авторам, вышедшим из ханско-феодальной или клерикальной среды. Во всех этих летописях основное внимание уделено событиям, связанным с жизнью княжеских родов, начиная с истории рода Чингис-хана, от которого вели свое происхождение многие монгольские феодалы. Истории же собственно монгольского народа они уделяют мало места, но все же некоторые сведения о положении аратов в них можно обнаружить. Эти летописи являются ценными источниками для понимания исторического процесса, происходившего в Монголии в период феодальной раздробленности.

В монголоведческой литературе давно уже установилось мнение, что наиболее значительными из летописей XVII в. являются «Эрдэнийн тобчи», принадлежащая перу ордосского князя Саган-Сэцэна, и «Алтан тобчи», написанная неизвестным автором в начале XVII в. Летопись «Эрдэнийн тобчи», законченная автором в 1663 г., богата фактическими данными, особенно о событиях XV—XVI вв., для изучения которых она является основным источником. «Эрдэнийн тобчи» неоднократно исследовалась, переводилась на китайский, маньчжурский, русский, немецкий и японский языки и переиздавалась в Монголии, а также в зарубежных странах в разных редакциях⁴¹. Но при пользовании летописью Саган-Сэцэна нельзя забывать, что сам он принадлежал к «Золотому роду» Чингис-хана и писал уже в то время, когда в Монголии распространился буддизм и когда маньчжурская династия подчинила себе всю Южную Монголию, — обстоятельства, которые не могли не отразиться на характере его труда. При использовании летописи Саган-Сэцэна, так же как и других монгольских исторических хроник, необходим критический подход к материалу, точнее, к своеобразной подаче и освещению этого материала феодальными хронистами и летописцами.

«Алтан тобчи» короче сочинения Саган-Сэцэна. Сведения, со-

⁴¹ Саган Сэцэн. Эрдэнийн товч, изд. Ц. Насанбалжир. У. Б., 1961; Выписки из монгольской истории, сочиненной Сыцин Санани Тайджоу, пер. Татаурова. — «Азиатский вестник, издававшийся гр. Спасским». 1825, январь — июнь, с. 381—390; июнь — декабрь, с. 356—364; Erdeni-yin Tobci. Mongolian Chronicle by Sagang Secen, with a Critical Introduction by the Reverend A. Mostaert and an Editor's Foreword by F. W. Cleaves. — «Scripta Mongolica». Т. 1—4. Cambr. (Mass.), 1960; E. Haenisch. Eine Urga Handschrift des Mongolischen Geschichtswerkes von Secen-Sanang. B., 1955; он же. Qadun Undusun-u Erdeni-yin Tobcia. Wiesbaden, 1964; S. F. Schmidt. Geschichte der Qalhamongolen und Ihres Furstenhauses. Verfasst von Ssetsen Chungtaid-schi der Ordus. SPb. — Lpz., 1829.

державшиеся в обеих летописях, во многом сходны, так как оба летописца использовали в качестве источника «Сокровенное сказание». Но в «Алтан тобчи» имеется ряд подробностей, которых нет у Саган-Сэцэна⁴².

Кроме этих двух летописей XVII в. следует еще упомянуть «Шара туджи»⁴³, «Алтан тобчи», написанную ламой Лубсан Данзаном, «Асрагч нэртийн түүх», созданную халхаским князем Жамба. «Шара туджи» составлялась, по-видимому, не одним автором, а несколькими и пополнялась в течение довольно продолжительного времени (по свидетельству Ц. Жамцарано, около 100 лет). Поэтому вопрос о времени написания и авторе «Шара туджи» требует дальнейшего изучения⁴⁴. Она послужила одним из источников Саган-Сэцэну, что он и отметил в своей летописи. В то же время в генеалогических таблицах, составляющих часть «Шара туджи», упоминаются имена князей, живших в самом конце XVII в. Ценность «Шара туджи» и «Асрагч нэртийн түүх» определяется сведениями о монгольских племенах и подробными генеалогическими таблицами княжеских родов⁴⁵.

Летопись Лубсан Данзана замечательна прежде всего тем, что в ней сохранилась значительная часть краткой редакции «Сокровенного сказания». До выявления этой летописи «Сокровенное сказание» было известно лишь в фонетической записи китайскими иероглифами. Кроме того, летопись содержит ряд сведений из других старинных хроник, до нас не дошедших. Единственный список летописи был обнаружен первым председателем Комитета наук МНР, Жамьяном, в нынешнем Восточном аймаке МНР. «Алтан тобчи» Лубсан Данзана была издана в Монголии и других странах несколько раз⁴⁶.

Недавно во Внутренней Монголии обнаружена одна интересная летопись, написанная в стихотворной форме. Это биография тумэтского Алтан-хана — Ананды. В рукописи содержатся сведения не только о деятельности Алтан-хана, но и некоторые материалы по истории монголов XVI в. Выписки из

⁴² Г. Гомбоев. «Алтан тобчи», монг. летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-кунтайджия и его войны с ойратами. — ТВОРАО. Т. 6, 1858; The Mongol Chronicle Altan Tobci. Transl. Ch. Bawden. — «Gottinger Asiatische Forschungen». Bd 5. Wiesbaden, 1955; С. Фусэй. Моко гэнпоу (Монгольская Алтан тобчи). Токио, 1940.

⁴³ Шара туджи. Монгольская летопись XVII в. Пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.—Л., 1957.

⁴⁴ Х. Пэрлээ. Шар туджийн зохиогчдын тухай. — «Studia Historica». Т. 8. У. Б., 1970.

⁴⁵ Жамба. Асрагч нэртийн түүх. Нийтлүүлсэн Х. Пэрлээ. У. Б., 1960.

⁴⁶ Лувсан-Данзан. Монгол Хаадын төр ёсны үндэслэсэн Алтан товч хэмээх судар. Боть 1—2. У. Б., 1957; Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введ., коммент. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1973; Altan Tobci. A Brief History of the Mongols by b'Lob Bzan bsTan-jin, with Critical Introduction by the Reverend A. Mostaert and an Editor's Foreword by Fr. W. Cleaves. — «Scripta Mongolica». 1. Cambr. (Mass), 1956.

этой рукописи хранятся в Рукописном фонде Института истории АН МНР⁴⁷.

Из других монгольских источников XVI—XVII вв. следует отметить правовые сборники, представляющие собой своды законов, установленных на съездах князей. Они были переведены на разные языки⁴⁸. Сборники монгольских законов имеют большое значение для исследования общественного строя монголов и служат наглядным доказательством классовой дифференциации феодального общества.

Из исторических сочинений XVII в. интерес представляют биографии крупнейших деятелей буддийской церкви, составленные в XVII в. на монгольском и тибетском языках⁴⁹. В этих биографиях содержится довольно много сведений о стране, однако к ним следует подходить строго критически.

При изучении периода XIV—XVI вв. большим подспорьем могут служить источники на китайском языке, многие из которых, к сожалению, еще недостаточно исследованы. Основными источниками того периода являются официальная история «Мин ши» («История [династии] Мин»), «Мин ши-лу» — свод секретного архива минских императоров и «Ван Ли у-гун лу» — историческое сочинение китайского автора. «Мин ши» была широко использована Д. Покотиловым при составлении им труда по истории Монголии⁵⁰. В 1954 г. в Токио было издано десять томов избранных материалов по истории Монголии из «Мин ши-лу», что обогатило монголоведение ценными и интересными сведениями. Однако при пользовании извлечениями из «Мин ши-лу» следует производить тщательное сопоставление с первоисточниками на монгольском и тибетском языках. Кроме вышеперечисленных произведений имеется немало и других: путевые заметки, воспоминания, относящиеся к монгольской истории

⁴⁷ См. также: W. Heissig. Die Mongolische Handschriften. Reste aus Olon Sume Inner Mongolei (16—17 Jahrhundert). Wiesbaden, 1976.

⁴⁸ К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан Хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши, калмыцкий текст с русским пер. СПб., 1880; Х. Пэрлээ. Халхын шинэ олдсон цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг. Монгол ба Төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг. У. Б., 1973; Ш. Бира. XVI зууны үеийн нэгэн монгол цаазны бичиг. — «ШУА-ийн мэдээ». 1975, № 3; Их-Цааз (Памятник монгольского феодального права XVII в.). Ойрат. текст реконстр. монг. текст, введ., пер. и комм. С. Д. Дылыкова. М., 1981; Sh. Bira. A Sixteen Century Mongol Code (Transl. by Rashidonduk W. Veit). — «Zentral-Asiatische Studien». Bd 2. Bonn, 1977.

⁴⁹ Radnabhadra. Rabjamba Zaya bandidu-yin tuguji saran-u gerel. U. B., 1959; Ганжурпа Мэргэн Номун-хан. Жизнеописание Заяпандиты Лувсанпэрэнлэя, называемое Дерево-владыка Парсам. Ксил. ГБ МНР; Дондов. Данзан-ванжил, Гэгэн гүүш ба Лхавзан хааны домог сэлт. Рук. в Монгольском фонде ГБ МНР.

⁵⁰ Д. З. Покотиллов. История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634. СПб., 1893.

конца XIV — начала XVII в. Эти источники достаточно проливают свет на различные стороны общественного и экономического строя Монголии того периода.

С первой четверти XVII в. появляется еще один вид источников, содержащих данные по истории монголов, — это русские архивные документы, на значение которых уже неоднократно указывалось в науке. Советские монголоведы широко используют материалы русских архивов, на основе которых ими созданы обобщающие труды по истории Монголии XVII—XVIII вв., подготовлены документальные публикации.

Так, достоянием исследователей стали два тома материалов русских архивов о Монголии, вышедшие в 1959 и 1974 гг.⁵¹

По истории Монголии в период маньчжурского господства следует прежде всего отметить источники на маньчжурском языке, из которых наиболее значительными являются «Бодогон-и-битхэ» (219 томов) и «Илэту-улабун» (120 книг). Оба источника переведены на монгольский язык. «Бодогон-и-битхэ» — обширное многотомное сочинение, свод материалов по вопросам сношения маньчжурских императоров с монголами (халхасцами и ойратами) и покорения монгольских земель маньчжурскими завоевателями с 30-х годов XVII в. по 60-е годы XVIII в. «Илэту-улабун» представляет собой своеобразные генеалогические списки, содержащие сведения о многочисленных монгольских князьях и краткие их биографии. Составление «Илэту-улабун» было организовано маньчжурским правительством в первой половине XVII в. Издавалось это сочинение параллельными сериями на трех языках — монгольском, китайском и маньчжурском. В основу сочинения были положены генеалогические записи, ведшиеся в монгольских княжеских семьях. На монгольском языке было выпущено два издания — в 1776 и 1803 гг., экземпляры книги рассылались по хошунным управлениям, где их дополняли записями текущих событий. «Илэту-улабун» хотя и в официальных кратких записях, но все же достаточно полно отражают историю монгольских княжеств, находившихся с 1691 г. под властью маньчжуров.

Монгольские ученые Л. Дэндэв, Б. Буянчуулган и др. провели большую работу по изучению и систематизации источников на маньчжурском языке. Сделанные ими переводы хранятся в фондах Института истории АН МНР, Государственного исторического архива и Государственной библиотеки в Улан-Баторе.

В Японии были изданы две книги, содержащие значительный материал по истории Монголии маньчжурского периода: «Манжу и йаргийан кооли» («Записки о родословной маньчу-

⁵¹ Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов, сост. Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1959; Русско-монгольские отношения. 1636—1654. Сборник документов, сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1974.

ров») и «Мань-вэнь лао-дан» («Архивные материалы маньчжурского периода»).

Из сборников законов маньчжурского периода самым важным является «Халха Джирум». Под таким названием известен свод законов трех халхаских хошунов, изданный в 1709 г. и неоднократно дополнявшийся впоследствии⁵². «Халха Джирум» довольно хорошо исследован с юридической стороны⁵³ и переведен на русский язык⁵⁴. Из других правовых сборников следует упомянуть сборник судебных решений шабинского ведомства с 1820 по 1913 г. под названием «Шавь яамны улаан хацартаас хуулсан дурэм» («Уланхацарт») и, конечно, «Монгольское уложение».

В «Уланхацарт» нашла отражение реакционная роль ламастской церкви, беспощадно эксплуатировавшей своих крепостных — шабинаров. Сборник исследован и издан академиком Ш. Нацагдоржем в Улан-Баторе в 1959 г.⁵⁵

«Монгольское уложение» издавалось Палатой внешних сношений Маньчжурской империи параллельно на трех языках — монгольском, китайском и маньчжурском — и предназначалось для управления подчиненной Монголией. Впервые оно было составлено в царствование Цяньлуна и опубликовано в 1789 г., повторно — в 1817 г. и в третий раз, значительно дополненное, — в 1826 г. На русский язык «Монгольское уложение» переводилось дважды⁵⁶. В этом источнике имеется много данных, отражающих феодальные отношения в Монголии не только в маньчжурский период, но и в более раннее время.

Все указанные сборники содержат богатый материал для выяснения общественного строя монголов и характеризуют бесправное положение аратства. Материал по этим вопросам есть также в документах, переписке и всевозможных распоряжениях маньчжурского правительства и монгольских князей. Эти документы еще недостаточно изучены.

Нельзя не упомянуть богатейшую коллекцию архивных документов периода маньчжурского господства в Монголии, хранящихся в государственных архивах МНР. Государственный центральный исторический архив в Улан-Баторе систематиче-

⁵² В. А. Рязановский. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931.

⁵³ С. Жалан-Аажав. «Халх-журам» бол монголын хууль цаазын дурсгалт бичиг мөн. У. Б., 1958.

⁵⁴ Халха Джирум (Памятник монгольского феодального права XVIII в.). Св. текст и пер. Ц. Ж. Жамцарано, подг. текста к изд., ред. пер., введ. и примеч. С. Д. Дылыкова. М., 1965; «Халх Журам». Нийтлүүлсэн Ц. Насанбалжир. У. Б., 1961.

⁵⁵ Шаби яамун-у улаган-хацарту аца хагулугсан дурэм. Нийтлүүлсэн Ш. Нацагдорж. У. Б., 1959.

⁵⁶ С. Липовцев. Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 2. СПб., 1828; Н. Я. Бичурин. Записки о Монголии. Ч. 4. СПб., 1828, с. 203—339.

ски публикует наиболее ценные материалы по истории монгольского народа в XVIII—XIX вв.⁵⁷

Институт истории АН МНР издал несколько интересных документальных сборников об экономике, общественном строе и классовой борьбе в маньчжурский период⁵⁸.

Традиция составления исторических летописей продолжалась и во времена правления маньчжурской династии. Характер летописания сохранялся прежний.

Авторы монгольских летописей, так же как и раньше, недостаточно четко отличали легенды от истинного факта. Кроме того, на позднейших летописях стало больше сказываться влияние ламаистской идеологии, а также проманьчжурские настроения феодалов. Тем не менее нельзя пренебрегать этими летописями, так как и в них можно найти некоторые, хотя и случайные, сведения, характеризующие угнетенное положение народных масс. Из сочинений такого рода отметим трехтомную летопись мэргэн-гэгэна Жамбалдоржа «Болор толи», начинающуюся, как и большинство подобных сочинений, с изложения буддийских представлений о происхождении Земли. История монголов в «Болор толи» доведена до 1820 г. Известны также такие монгольские летописи, как «Болор эрихэ», составленная Рашипунцагом, «Эрдэнийн эрихэ» халхаского тайджи Галдана (в 50-х годах XIX в.)⁵⁹. К этим летописям следует относиться критически, ибо в них ярко отразилась феодальная идеология.

По истории буддизма в Монголии существуют источники, составленные в основном монгольскими ламами на тибетском языке⁶⁰. В этих тибетоязычных монгольских источниках содер-

⁵⁷ Монгол нь Манж, Автономитын үед. Боловсруулан нийтлүүлсэн Ш. Нацагдорж, М. Петухов. У. Б., 1936; 1755—1758 оны үеийн Монголын тусгаар тогтнолын төлөө тэмцлийн түүхийн үндсэн материал. У. Б., 1956; 1764—1833 оны үеийн монгол эмэгтэйчүүдийн дарлагдсан байдлын тухай материал. У. Б., 1963; Манжийн түрэмгийлэгчдийн үе дэх Монголын эмэгтэйчүүдийн дарлагдал (1764—1883). Эмхэтгэсэн О. Чимид. У. Б., 1958; Манжийн дарангуйлын үеийн сургууль (1776—1911). У. Б., 1965.

⁵⁸ Хувьсгалын өмнөх газрын харилцаа. Эмхэтгэсэн Ц. Шархуу, У. Б., 1970; Дөрвөн аймгийн алба тэгшитгэсэн данс. Нийтлүүлсэн Ш. Нацагдорж, Ц. Насанбалжир. У. Б., 1962; Харьяат хошууны дотор дагаж явуулаараа тогтоон тушаасан ухуулах бичиг. Нийтлүүлсэн Ш. Нацагдорж. У. Б., 1959; Ардын заргын бичиг, нийтлүүлсэн Ц. Насанбалжир, Ш. Нацагдорж. У. Б., 1966.

⁵⁹ Рашипунцаг. Дай Юан улсын болор эрих. Рук. ГБ МНР; Галдан. Эрдэнийн эрих. Нийтлүүлсэн Ц. Насанбалжир. У. Б., 1960; А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» с пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 г. по 1736 г. СПб., 1883; W. Heissig. Bolur Erike (Eine Kette aus Bergkristallen). Eine Mongolische Chronik der Kienlung Zeit von Rasipungung. Literaturhistorisch Untersucht. Peiping, 1946; Bolur Erike. Mongolian Chronicle by Rasipungung, with a Critical Introduction by the Reverend A. Mostaert and an Editor's Foreword by F. W. Cleaves. Pt. 1—5.—«Scripta Mongolica». 3. Cambr. (Mass.), 1959.

⁶⁰ Сумба Хамбо Ишибалжир. История святого учения в Индии, Тибете, Китае и Монголии. Ксил. (на тиб. яз.), в Тибетском фонде ГБ МНР; Ишбадан-бандида. Эрдэнийн эрих. Рукоп. пер. с тиб., в Монг. фонде ГБ

жится обильный фактический материал по вопросам истории, культуры и религии средневековой Монголии⁶¹.

Для изучения периода новой истории Монголии помимо вышеуказанных монгольских летописей, составленных в XIX в., имеется еще довольно много источников другого рода.

Так, немало материалов по новой истории монголов содержится в трудах русских путешественников, ездивших в Китай через Монголию в XVIII—XIX вв. Наиболее значительными из них являются труды Н. Я. Бичурина, который собрал много сведений из китайских источников о современном ему положении Монголии. Личные наблюдения значительно пополнили собранные им материалы и сделали его труды более ценными⁶². То же самое можно сказать и о книге Е. Ф. Тимковского⁶³, совершившего путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.

Ко второй половине XIX в. относятся многочисленные отчеты о путешествиях по Монголии крупнейших русских исследователей Центральной Азии. В большинстве случаев это были не специалисты-востоковеды, а главным образом географы, в работах которых нашло также отражение положение монгольского народа в те времена. Известные путешествия Н. М. Пржевальского открыли новую блестящую страницу в истории исследования Центральной Азии вообще и Монголии в частности. Вслед за ним туда совершил несколько путешествий Г. Н. Потанин, собравший огромный материал по этнографии и фольклору монголов. В книгах Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, П. К. Козлова⁶⁴ приводится немало материалов о положении Монголии, об отдельных событиях, которые им пришлось наблюдать во время своих путешествий. Особенно важное значение для изучения последнего десятилетия маньчжурского владычества в Монголии имеют работы А. М. Позднеева, несколько раз путешествовавшего по Монголии. Большой его труд «Монголия и монголы»⁶⁵ представля-

МНР; Цэмбэлгүүш. Хор Чойн-жун (История буддизма в Монголии). Рук. хранится в Тибетском фонде ГБ МНР; Дармадала. Хор Чойн-жун (История буддизма в Монголии). Рукопись хранится в Тибетском фонде ГБ МНР. Рукопись монгольского перевода С. Гомбожава хранится в фонде библиотеки Национального центра монгольских буддистов в Улан-Баторе и др.

⁶¹ Ш. Бира. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII—XIX).—«Studia Historica». Т. 3. Факс. 1. У. Б., 1960.

⁶² Н. Я. Бичурин. Записки о Монголии. Т. 1—2. СПб., 1828, и др.

⁶³ Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. СПб., 1824.

⁶⁴ Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. Т. 1—2. СПб., 1875—1876; Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. Т. 1—4. СПб., 1881—1883; он же. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1898; М. В. Певцов. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883; П. К. Козлов. Монголия и Кам. СПб., 1905—1907.

⁶⁵ А. М. Позднеев. Монголия и монголы. Т. 1—2. СПб., 1896—1898.

ет собой дневники путешествий 1892—1893 гг., в которых подробно освещено положение Монголии в тот период. А. М. Позднеев собрал также большой материал по экономике Монголии, но не опубликовал его. Из подготовленных им к изданию семи томов «Монголия и монголы» вышло лишь два тома дневников.

Для изучения экономического состояния Монголии в конце XIX — начале XX в. ценными источниками являются опубликованные материалы из консульских донесений, в которых приведено немало сведений статистического характера, в частности о торговле Монголии с Россией и Китаем.

Источниками периода монгольского феодально-теократического государства являются опубликованные в 1912—1915 гг. сборники договоров и дипломатических документов, касающихся взаимоотношений Монголии с Китаем. После Великой Октябрьской социалистической революции в СССР была издана многотомная серия публикаций документов, относящихся к международным отношениям до революции. В томах серии под общим названием «Международные отношения в эпоху империализма» опубликовано много документов, протоколов совещаний, дипломатической переписки по так называемому монгольскому вопросу⁶⁶. Эта документация достаточно полно освещает политическое положение Монголии в начале XX в.

По истории монгольского феодально-теократического государства 1911—1919 гг. существуют и другие ценные источники. Так, на монгольском языке имеется неоконченная летопись, составлявшаяся по поручению монгольского правительства. Летопись эта по своему типу ничем не отличается от исторических сочинений предшествующего периода и представляет собой все ту же историю князей.

Из правовых источников следует упомянуть «Новое монгольское уложение», составленное в 1914 г., а также записи хошунских постановлений и судебных решений, которые велись в каждом хошуне. В записях имеются многочисленные данные, характеризующие тяжелое, угнетенное положение народных масс в теократической Монголии.

По своему характеру монгольские источники времени революции 1921 г. принципиально отличаются от старых феодальных материалов. В Монгольской Народной Республике с первых же лет стали закладываться основы научного источниковедения.

В 1921 г. был создан Комитет наук, в задачу которого входила организация научной деятельности в стране. Постепенно Комитет наук внедрял научное исследование истории монгольского народа на основе марксистско-ленинской методологии. При этом он опирался на опыт и дружественную помощь советских ученых. Комитет наук проводил изучение истории мон-

⁶⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 19. Ч. 1. М., 1938.

гольского народа по двум направлениям: сбор и публикация документов и старых источников; создание исторических исследований и пособий по истории новейшего периода. Монгольская народно-революционная партия придает большое значение вопросам разработки истории народной революции и МНРП. Важнейшими источниками по истории Монгольской народной революции и МНРП являются прежде всего протоколы съездов партии, партконференций, пленумов ЦК и другие партийные документы. Особое значение имеют такие документы, как Программа и Устав МНРП.

Важными источниками являются изданные в МНР протоколы Великих народных хуралов, сессий Малого Хурала, сборники законов и постановлений Президиума Великого Народного Хурала, а также Совета министров МНР⁶⁷. Документы партии и правительства ярко отражают опыт народной революции, славный путь развития Монгольской Народной Республики по некапиталистическому пути к социализму.

С 40-х годов Комитет наук (ныне Академия наук) вел большую работу по сбору воспоминаний непосредственных участников народной революции — партизан, а с 1961 г. началась публикация этих воспоминаний⁶⁸.

Документы и материалы, относящиеся к истории борьбы МНР за некапиталистический путь развития МНР, собраны и изданы Ц. Насанбалжиром⁶⁹.

В последние 20 лет опубликованы многочисленные сборники документов, относящихся к истории политического строя МНР, народного хозяйства, внешних отношений, культуры и просвещения и т. д.⁷⁰.

Большую ценность представляют биографические материалы вождя монгольского народа Д. Сухэ-Батора. В этих материалах наряду с данными биографического характера широко

⁶⁷ Ардын засгаас 1921—1924 онд авсан хувьсгалт арга хэмжээнүүд. Эмхэтгэсэн Ц. Насанбалжир. У. Б., 1954; Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921—1924 гг. Документы. Сост. Ц. Насанбалжир, пер. с монг. П. П. Старицкой и Г. С. Мупкина. М., 1960; 1921 оны ардын хувьсгалын түүхэнд холбогдох баримт бичгүүд, 1917—1921. Эмхэтгэсэн О. Чимид. У. Б., 1957; Орон нутагт ардчилсан засаг захиргааны байгууллагуудыг байгуулласан нь. Ц. Насанбалжир нийтлүүлэв. У. Б., 1958, и др.

⁶⁸ Монгол ардын журамт цэргийн дурдатгалууд. Д. Гонгор, Г. Цэрэндорж нар эмхэтгэв. У. Б., 1961; Монгол ардын журамт цэргийн дурдатгалууд. Л. Дугэрсүрэн, Г. Цэрэндорж эмхэтгэв. У. Б., 1969.

⁶⁹ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс хөрөнгөтний биш хөгжлийн төлөө тэмцэлд (1925—1940). Ц. Насанбалжир эмхэтгэв. У. Б., 1956.

⁷⁰ БНМАУ-ын засаг захиргааны эрхтэй холбогдох хуульчилсан актуудын системчилсэн эмхэтгэл. У. Б., 1961, № 1; Хөдөө аж ахуйд (нэгдлээс бусад), холбогдох хуульчилсан актуудын системчилсэн эмхэтгэл. У. Б., 1962, № 1; Соёл гэгээрлийн байгууллагуудын ажлын талаар холбогдолтой зарлиг, тогтоол, заавруудын системчилсэн эмхэтгэл (1940—1961). У. Б., 1962; БНМАУ-ын хөдөлмөрийн эрхийн талаар гарсан хуульчилсан актуудын системчилсэн эмхэтгэл. У. Б., 1962; Тээвэр холбооны талаар гаргасан хуульчилсан актуудын системчилсэн эмхэтгэл (1940—1962). У. Б., 1963.

показана борьба монгольского народа под руководством МНРП за свое освобождение, за строительство новой, счастливой жизни.

Документы, относящиеся к биографии Сухэ-Батора, издавались неоднократно⁷¹.

Важные аспекты послереволюционной истории МНР освещают дипломатические документы на монгольском и русском языках, в том числе публикации договоров и соглашений между СССР и МНР, социалистическими странами и другими государствами мира⁷².

Советско-монгольские отношения с момента их зарождения наиболее полно отражены в двухтомном сборнике, изданном одновременно в СССР и МНР⁷³.

Отдельные документы по новейшей истории МНР представлены в ряде зарубежных изданий, в частности в серии «Договоры Объединенных Наций» и некоторых других публикациях ООН и т. п.⁷⁴. Наконец, богатый документальный и фактологический материал как по истории развития МНР после 1921 г., так и по современному положению республики содержится в прессе и периодике МНР, СССР и других стран. Значительную ценность для изучения различных событий новейшей истории МНР представляет соответствующая мемуарная литература, близко примыкающая к источникам.

⁷¹ Сухбаатарын тухай баримт бичгүүд. У. Б., 1943; Сухбаатарын тухай чухал баримт бичгүүд. У. Б., 1948; Сухбаатарын бичиг захидлууд. У. Б., 1952; Д. Сухбаатар. Захидал бичгийн эмхэтгэл. У. Б., 1954; Д. Сухбаатарын үйл амьдралтай холбогдох баримт материалын эмхэтгэл. Эмхэтгэгч. Г. Пурвээ, Ц. Содномдагва. У. Б., 1964; Д. Сухбаатарын тухай дуртгал, Д. Гонгор, Ц. Долгорсүрэн нар боловсруулав. У. Б., 1965, и др.

⁷² См., напр.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Вып. 2. М., 1921; вып. 4. М., 1923; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 4. М., 1928; вып. 10, 11. М., 1956, и др.; Документы внешней политики СССР. Т. I—XIX. М., 1957—1974; Сборник торговых договоров и соглашений СССР с иностранными государствами. М., 1961; Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын гадаад харилцааны баримт бичгүүдийн эмхэтгэл. Д. Нямаа эмхэтгэв, 1 боть (1921—1961). У. Б., 1964; 2 боть (1962—1965). У. Б., 1966; 3 боть (1966—1972). У. Б., 1972; Внешняя политика МНР в документах. Вып. 1—5. У. Б., 1974—1979; БНМАУ-ын гадаад харилцааны баримт бичгүүдийн эмхэтгэл. 1921—1961, 1—2 боть. У. Б., 1979.

⁷³ Советско-монгольские отношения. 1921—1974. Документы и материалы в 2-х томах. Т. 1. 1921—1940. М.—У. Б., 1975; т. 2, ч. 1. 1941—1965; т. 2, ч. 2. 1966—1974. М.—У. Б., 1978; см. также: Советско-монгольские отношения. 1921—1966. Сборник документов. Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1966.

⁷⁴ См., напр.: Mc Murrey. Treaties and Agreements with and Concerning China. Vol. 2. 1919—1929. Wash., 1929; «China Yearbook». № 7, 1924—1927; Documents on International Affairs. Annual. L., 1954; Soviet Documents of Foreign Policy. L., 1951; United Nations Treaty Series. Treaties and International Agreements Registered or Filed and Recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 48. N. Y., 1950; vol. 259. N. Y., 1959, и др.

Современная литература на монгольском языке

Монгольская историография уходит своими корнями в глубь веков. Упомянутые в первой части настоящего обзора монгольские летописи, являющиеся источниками разных эпох, отражают сложный процесс развития мировоззрения в области исторической науки.

Подлинно научное изучение отечественной истории в Монголии начинается после победы народной революции 1921 г., послужившей переломным моментом и в духовной жизни монгольского общества. Начались переосмысление и переоценка историографического наследия монгольского народа на основе идей марксизма-ленинизма, идей Великой Октябрьской социалистической революции и Монгольской народной революции. Уже в первых решениях и постановлениях партии и правительства монгольские историки нашли практическое руководство для своей научной деятельности.

В области исторической науки постепенно внедрялась марксистско-ленинская методология, вытесняя многолетние традиции феодальной историографии.

Утверждение этой единственно научной методологии происходило не без борьбы со стороны представителей феодальной историографии. Оно осложнялось и тем, что не было кадров, владевших революционным мировоззрением. Однако все эти трудности, какими бы сложными они ни казались, были преодолены, и история была поставлена на службу народа.

В первые годы революции появляются отдельные работы монгольских историков, например Ч. Бат-Очира, Х. Магсаржав хурца, Л. Дэндэва и др.⁷⁵. Эти историки старшего поколения не были марксистами, но они намного опередили представителей феодальной историографии. Их работы, носящие отпечаток происшедших в стране революционных перемен, свидетельствуют о том, что тысячелетиями бытовавшая традиция писать историю в виде генеалогии одних только ханов и религиозных деятелей уступила место более или менее объективному изложению истории. И это явилось определенным рубежом на пути к диалектико-материалистическому пониманию исторических процессов. Однако исследования указанных выше авторов, освещавшие историю с позиций объективизма, порой вперемижку с идеалистическими концепциями, нередко выглядят как последовательное изложение событий без какого-либо социально-экономиче-

⁷⁵ Ч. Бат-Очир. Монгол улсын эртнээс уламжлан ирснийг тэмдэглэсэн бичиг. У. Б., 1928; Л. Дэндэв. Монголын товч түүх. Т. 4. У. Б., 1934; Х. Магсаржав хурц. Монгол улсын шинэ гарсан түүх, 6 дэвтэр. У. Б., 1927. Рук. ГБ МНР; Б. Буянчуулган. Монгол-өөлдийн түүх; Галдан бошогт хааны бүлэг, Галданцэрэн хааны бүлэг. Даваач хааны бүлэг, Амарсанаа хааны бүлэг. Рук. ГБ МНР; Г. Навааннамжил. Гадаад Монголын Автономийн үеийн түүх. У. Б., 1927. Рук. ГБ МНР.

ского анализа. Другим их общим недостатком следует считать недооценку и даже игнорирование роли масс в историческом процессе, в результате чего история изображается как калейдоскоп сменяющихся друг друга «героев», «сильных личностей» и т. д. Отсутствие ссылочного аппарата в этих работах снижает их научную ценность. В целом эти работы, несмотря на недостатки, знаменуют собой положительный сдвиг в монгольской историографии и являются полезными пособиями для изучающих историю Монголии.

Огромное влияние на дальнейшее развитие марксистской историографии оказало знакомство монгольских историков с переведенными на монгольский язык в 20—30-х годах общетеоретическими трудами основоположников марксизма-ленинизма⁷⁶.

В этой связи особо следует выделить работу Х. Чойбалсана, Д. Лосола и Д. Дэмида⁷⁷ по истории Монгольской народной революции, в которой рассматриваются ее зарождение, развитие и ход. Авторы показали, что движущей силой революции 1921 г. были широкие народные массы, воспринявшие идеи Великого Октября и поднявшие на решительную антифеодальную и антиимпериалистическую борьбу. Монгольский народ, как правильно констатируют авторы, опираясь на поддержку и помощь Советского государства, под руководством МНРП одержал полную победу над внутренними и внешними врагами — феодалами и империалистическими поработителями.

В дальнейшем, примерно с 40-х годов, монгольская историография обогатилась рядом новых исследований, обращенных к героическому прошлому монгольского народа, к выдающимся деятелям освободительной борьбы и народной революции. Были опубликованы исследования, посвященные тяжелому положению Монголии под маньчжурским гнетом и нараставшему народному сопротивлению иноземным захватчикам, а также биографии активных деятелей освободительной борьбы — Магсаржава, Дамдинсүрэна, Тогтоха и др.⁷⁸

В этих работах сделаны попытки дать правильную оценку роли народных героев в истории на фоне событий того времени.

⁷⁶ Были переведены: «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса (1925), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса (1928), «Три источника и три составных части марксизма» В. И. Ленина (1931), «Социализм и религия» В. И. Ленина (1931), «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» В. И. Ленина (1931), «Наемный труд и капитал» К. Маркса (1935) и др.

⁷⁷ Х. Чойбалсан, Д. Лосола, Д. Дэвид. Монгол ардын үндсэний хувьсгалын анх үүсч байгуулагдсан товч түүх. Кн. 1, 2. У. Б., 1934.

⁷⁸ Б. Буянчуулган. Манжаас Монголыг эзэрхсэн үеийн илэрхийлсэн хэрэгсэлдэхүүн. У. Б., 1936; он же. Манж, Монголын холбогдсон туухт байдал. 4 кн., 1936. Рук. в ГБ МНР; он же. Дөрвөн ойрадын түүх. — «Шинетоль». 1936—1937; Х. Чойбалсан. Ардын хатан баатар Магсаржавын хураангуй түүх. У. Б., 1942; Ш. Нацагдорж. Манлай баатар Дамдинсүрэн. У. Б., 1946; Г. Наваннамжил. Зоригт баатар Тогтох. У. Б., 1947.

Однако в книге Г. Наваннамжила, например, содержится идеализация ряда исторических личностей.

В последующие (50—60-е) годы продолжалось углубленное изучение различных тем из прошлого и настоящего Монголии, имеющих актуальное научное значение.

Монгольские историки, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, подготовили ряд монографий по истории периода маньчжурского господства и теократической монархии в Монголии.

Академик Ш. Нацагдорж, на основе архивных материалов и рукописных источников подробно проанализировав феодальный строй Халха-Монголии с XVII до начала XX в., положение народных масс, формы и степень эксплуатации их маньчжуро-китайскими и монгольскими феодалами и купцами, ростовщиками, а также освободительную борьбу монгольского народа против чужеземного гнета, создал обобщенный труд по истории Монголии в период маньчжурского господства⁷⁹.

Ц. Насанбалжир, используя маньчжурские и другие источники, исследовал механизм маньчжурской военно-бюрократической администрации и ее налоговую систему в Монголии, традиционное и новое в хозяйстве Монголии конца XIX — начала XX в.⁸⁰

Исследования истории аратского освободительного движения в эпоху империализма на конкретном материале показали своеобразие антимаьчжурских и антифеодальных выступлений аратских масс и в то же время общие черты с крестьянскими восстаниями в других странах.

Антимаьчжурскому освободительному движению под руководством Амурсаны и Чингунжава посвящена работа Н. Ишжамца⁸¹. Ш. Нацагдорж исследовал на основе архивных материалов аратские движения, возникшие в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. Автор справедливо считает, что эти локальные выступления подготовили национально-освободительное восстание 1911 г., свергнувшее 200-летнее маньчжурское господство⁸².

Монгольские историки исследовали также такие важные проблемы истории Монголии в новое время, как проникновение китайского торгово-ростовщического капитала в Халха-Монго-

⁷⁹ Ш. Нацагдорж. Манжийн эрххээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх (1691—1911). У. Б., 1963.

⁸⁰ Ц. Насанбалжир. Манж Чин улсад Ар Монголоос нийлүүлж байсан алба (1691—1911). У. Б., 1963; он же. Монголын аж ахуй хөтлөлтийн уламжлал шинэтгэл. У. Б., 1976; см. также: Л. Гомбо. Манжийн үеийн албан гувчуур. 1850—1910. У. Б., 1958.

⁸¹ Н. Ишжамц. Монголын ард түмний 1755—1758 оны тусгаар тогтнолын эвсэгт тэмцэл (Амарсанаа, Чингунжав нарын бослого). У. Б., 1962.

⁸² Ш. Нацагдорж. Ар Монголд гарсан ардын хөдөлгөөн. У. Б., 1956; он же. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958.

лию, религия и духовенство, монастыри и их хозяйства, различные категории крепостного аратства, система административного управления Монголией, социально-экономические отношения, развитие культуры и др.⁸³

В целом работы монгольских ученых по истории Монголии XVII—начала XX в. убедительно показывают, что маньчжурское иго было для Монголии «самым тяжелым бедствием и наихудшим злом», что без свержения маньчжурского рабства монгольский народ «не мог преодолеть вековую отсталость и выйти на путь прогресса». Грабительская колонизаторская политика Цинов в сочетании с жестоким гнетом внутренних эксплуататоров и засильем хищнического китайского торгово-ростовщического и иностранного капитала привели к глубокому кризису всей системы производственных отношений и обнищанию народных масс, поставили страну в начале XX в. на грань национальной катастрофы. Таковы, по мнению монгольских историков, плачевные итоги маньчжурского владычества в Монголии. Эта справедливая характеристика показывает всю несостоятельность попыток буржуазных фальсификаторов истории задним числом обелить великодержавную политику Цинов и представить положение Монголии в период господства Маньчжурской империи как время беззаботного и счастливого существования.

История монархии богдо-гэгэна (1911—1919) освещена с марксистских позиций в работах Ц. Пунцагнорова, Ш. Сандага и других историков МНР⁸⁴. Этот период является весьма важным рубежом в истории Монголии, когда в результате нового подъема широкого антиманьчжурского национально-освободительного движения монгольского народа была возрождена после 200-летнего перерыва монгольская государственность и ликвидировано маньчжурское колониальное господство в Монголии.

⁸³ Д. Гонгор. Ховдын хураангуй түүх.— «Studia Historica». Т. 3. Факс. 10. У. Б., 1964; Л. Дүгэрсүрэн. Улаанбаатар хотын түүхээс. Нийслэл Хүрээ. У. Б., 1956; Ц. Насанбалжир. Манжийн үеийн албат, сүм. ард. У. Б., 1958; Ш. Нацагдорж. То ван ба түүний сургаал. У. Б., 1968; он же. Монголчуудын өв өвлөх эрх. У. Б., 1971; С. Пүрэвжав. Хувьсгалын өмнөх Их Хүрээ (Түүх эдийн засгийн найруулал). У. Б., 1961; М. Санждорж. Халхад Хятадын мөнгө хүүлэгч худалдаа нэвтэрч хөгжсөн нь (XVIII зуун). У. Б., 1963; Ц. Содномдагва. Манжийн захиргаанд байсан үеийн Ар Монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт (1691—1911). У. Б., 1961; он же. Халх дөрвөн аймгийн олон хошуу, тэдгээрийн гарал, нэрсийн өөрчлөлт (1691—1924).— «Studia Historica». Т. 3. Факс. 1, 1969; Д. Цэдэв. Их шавь. У. Б., 1964; Г. Цэрэндорж. Нийслэл хурээний монгол худалдааны тойм. У. Б., 1961.

⁸⁴ Ц. Пунцагноров. Монголын автономит үеийн түүх. У. Б., 1955; Ш. Сандаг. Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни. М., 1966; БНМАУ-ын түүх, дэд боть. У. Б., 1968; Ш. Нацагдорж. Богд гэгээний засгийн газрын албан татварын бодлого (1911—1919).— «ШУА-ийн мэдээ». 1968, № 3.

Ученые МНР дают правильную оценку экономического и политического строя монгольского феодально-теократического государства, подчеркивают решающую роль народных масс в национально-освободительном движении 1911—1912 гг. Опираясь на достоверный исторический материал, ученые МНР вскрывают классовый антинародный характер и реакционную сущность основных направлений политики правящих феодальных кругов монархии богдо-гэгэна, приведших в итоге к предательству национальных интересов в угоду силам империализма и китайской реакции. В трудах историков МНР дана широкая картина развития антифеодальной и антиимпериалистической борьбы аратства в 1912—1919 гг., показано обострение классовых противоречий, что привело к победе народной революции 1921 г.

Новейший период — период создания и развития Монгольской Народной Республики — всегда был и остается в центре внимания монгольских историков. Постановка и разработка вопросов новейшей истории МНР в 50—60-х годах, ее политического устройства и экономического строительства явились новым достижением в области монголоведения.

Коллективу авторов принадлежит выпущенный в 50-х годах сборник «Великая Октябрьская социалистическая революция и МНРП»⁸⁵. В нем раскрывается роль МНРП — передового отряда монгольского народа, руководителя и организатора народной революции 1921 г., которая высоко несет знамя марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

В 1967 и 1969 гг. вышли сборники, посвященные влиянию Великого Октября на развитие Монголии по некапиталистическому пути⁸⁶.

Ученые МНР единодушны в том, что некапиталистический путь — это сокращенный путь перехода отсталых стран от докапиталистических отношений к социализму через ряд промежуточных этапов, минуя стадию капитализма. Ю. Цеденбал в статье «Великий Октябрь и народы Востока» пишет: «Некапиталистический путь есть антикапиталистический путь, т. е. путь создания необходимых предпосылок для строительства социализма, путь перехода к социализму, который в переживаемую нами эпоху стал магистральной линией развития народов мира к светлому будущему»⁸⁷.

Монгольскими учеными опубликован целый ряд обобщающих трудов, внесших крупный вклад в изучение новейшей истории МНР. На основе большого количества первоисточников и

⁸⁵ Октябрийн социалист их хувьсгал ба Монгол ардын хувьсгалт нам. У. Б., 1957.

⁸⁶ Октябрийн социалист их хувьсгал ба Монгол орон. У. Б., 1967; Октябрийн хувьсгал ба Монгол орон. У. Б., 1969.

⁸⁷ Ю. Цеденбал. Исторический путь развития социалистической Монголии. У. Б., 1976, с. 368—369.

документов авторы проследили исторический путь развития монгольского общества на протяжении важного периода всемирной истории — на стыке эпохи империализма и новой эры, открытой Великой Октябрьской социалистической революцией. Авторы, подвергая обстоятельному научному анализу классовые противоречия в феодальной Монголии в тесной связи с усилением национально-колониального гнета, раскрыли объективные причины национально-освободительного и революционного движения монгольского народа. Подготовленная всем ходом предшествующего исторического развития Монгольская народная революция явилась поворотной вехой в многовековой истории монгольского народа, открывшей перед ним путь к социализму.

Социально-экономическое положение Монголии в эпоху империализма, влияние Великой Октябрьской социалистической революции на судьбы монгольского народа, Монгольская народная революция как революция нового типа, ее внутренние и внешние факторы, переход феодальной Монголии к социализму, минув капитализм, — все эти узловые проблемы новейшей истории МНР находят ясный и четкий ответ в изданных работах. Большое внимание в них уделяется всестороннему исследованию монгольского опыта некапиталистического развития, который является практическим претворением в жизнь ленинской теории перехода ранее отсталых стран к социализму, минув капитализм.

Весьма актуальной теме — процессу формирования рабочего класса МНР и его превращению в передовую, общественно-политическую силу в новой Монголии — посвятил свое исследование историк Б. Тудэв⁸⁸.

Совместная работа монгольских и советских историков по Монголии, начатая еще в 40-е годы, завершилась созданием в 1954 г. «Истории МНР», переизданной в 1967 г. Этот труд стал незаменимым пособием для всех интересующихся историей Монголии.

Однако первые два издания однотомной «Истории МНР», явившиеся большим достижением научной мысли того периода, в настоящее время требуют значительных исправлений и добавлений.

Ценным обобщающим марксистским трудом по новейшей истории МНР является «Краткий очерк истории Монгольской народно-революционной партии»⁸⁹. В книге прослежен славный путь МНРП как марксистско-ленинской партии со дня ее основания до наших дней, обрисована историческая миссия партии по руководству революционным переходом монгольского обще-

ства от феодализма к социализму, минув капитализм. В этой работе показано, как МНРП, творчески применяя теорию Маркса, Энгельса, Ленина в конкретной действительности Монголии, сумела не только довести до конца народную революцию, но и с честью справиться с исторической задачей построения социалистического общества, которым она ныне успешно руководит. От первого революционного кружка до правящей марксистской партии МНРП, стойкий авангард монгольского народа, прошла героический путь, возмужала в непримиримой борьбе с правыми оппортунистами, левыми ультрареволюционерами и прочими антипартийными элементами всех мастей и всегда непоколебимо отстаивала чистоту марксизма-ленинизма и великое знамя пролетарского интернационализма. Дополненное и переработанное издание этой работы в двух томах находится в печати.

Крупнейшим достижением исторической науки МНР к концу 60-х годов явились подготовка и создание «Истории Монгольской Народной Республики» в трех томах⁹⁰. В этом фундаментальном труде, в создании которого приняли участие все ведущие историки, археологи, этнографы МНР, коренные проблемы истории Монголии с древнейших времен до наших дней получили наиболее полное и последовательное освещение. Первый том трехтомной «Истории МНР» охватывает всю древнюю и средневековую историю Монголии, начиная с палеолита и кончая XVI в. Второй том освещает новую историю монголов вплоть до 1917 г., политическое и социально-экономическое положение монголов в период маньчжурского господства и феодально-теократической монархии, освободительную борьбу против внутренних и внешних угнетателей.

Третий том посвящен новейшей истории Монголии. В нем нашла яркое отражение героическая борьба монгольского народа под руководством МНРП, с помощью Советского Союза и других социалистических стран за закрепление завоеваний народной революции 1921 г., ликвидацию класса феодалов и вытеснение иностранного капитала, становление и развитие социалистической экономики, общественных отношений, культуры, за упрочение положения независимого и суверенного монгольского государства на международной арене. Этот том имеет особое научное, теоретическое и практическое значение, ибо обобщает исторический опыт строительства социализма на монгольской земле на путях некапиталистического развития и показывает его международную значимость, разоблачает фальсификацию новейшей истории Монголии со стороны некоторых представителей буржуазной историографии. Трехтомная

⁸⁸ Б. Тудэв. БНМАУ-ын ажилчин ангийн түүх (1921—1952). У. Б., 1963; он же. Формирование и развитие рабочего класса Монгольской Народной Республики. М., 1968.

⁸⁹ Монгол Ардын Хувьсгалт Намын товч түүх. У. Б., 1967.

⁹⁰ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх, гурван боть: тэргүүн боть, нэн эртнээс — XVII зуун. У. Б., 1966; дэд боть, 1604—1917. У. Б., 1968; гутгаар боть (нэн шинэ үе). У. Б., 1969.

«История МНР» получила широкое признание⁹¹, она открывает новые перспективы дальнейшего изучения всех периодов истории МНР как в самой стране, так и за рубежом.

Монгольские историки в своих научно-исследовательских работах неуклонно руководствуются марксистско-ленинской теорией, указаниями МНРП, содержащимися в материалах и решениях пленумов ЦК и партийных съездов, а также в речах и выступлениях Генерального секретаря ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбала⁹², что помогает им правильно и по-марксистски освещать различные проблемы истории монгольского народа, в особенности по ее новейшему периоду.

Учение классиков марксизма-ленинизма имеет исключительное значение для изучения закономерностей исторического развития общества, для решения проблем некапиталистического развития отсталых стран от феодализма к социализму. В трудах Маркса, Энгельса, Ленина содержатся важнейшие теоретические положения, которые указывают историкам правильный путь решения исторических проблем, вооружают их пониманием исторического процесса. В трудах К. Маркса имеются неоднократные высказывания, связанные с историей монголов⁹³. В трудах Ленина ряд важнейших высказываний относится непосредственно к Монголии. Особый интерес представляют материалы бесед В. И. Ленина с Д. Сухэ-Батором и другими членами монгольской делегации⁹⁴. Важными материалами по истории МНРП являются принимавшиеся в свое время решения Коминтерна, касающиеся деятельности Монгольской народно-революционной партии, входившей в Коминтерн на правах сочувствующей секции.

Крупный вклад в исследование истории Монголии, особенно ее новейшего послереволюционного периода, вносят труды выдающегося деятеля мирового коммунистического и рабочего движения, почетного члена АН МНР Ю. Цеденбала⁹⁵. В них дан глубокий анализ экономического, политического, идеологи-

⁹¹ См.: «Народы Азии и Африки». 1971, № 2. Третий том переведен и издан в Англии и США.

⁹² Ю. Цеденбал. Илтгэл, өгүүлэл, хэлсэн үг (1944—1976). Т. 1—5 боть. У. Б., 1966—1976; Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. Т. 1. 1941—1958. М., 1962; т. 2. 1959—1961. М., 1962; т. 3. 1962—1973. М., 1974, и др.

⁹³ См.: К. Маркс. Тайная дипломатия XVIII в.—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 5. Хронологические выписки, с. 219—232.

⁹⁴ В. И. Ленин. Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики.—Полное собрание сочинений. Т. 44, с. 232—233; см. также: Ленинский сборник. Т. XXXV. М., 1945, с. 289—290; В. И. Ленин Монголын тухай бичсэн нь.—«Суртал нэвтрүүлэг». Орчуулсан Х. Пэрлээ. 1955, № 2; В. И. Ленин Монголын тухай. У. Б., 1960; В. И. Ленин Монголын тухай эмхэтгэл. У. Б., 1969.

⁹⁵ Ю. Цеденбал. Социалистические преобразования в МНР. М., 1960; он же. От феодализма к социализму. М., 1962; он же. Социалист монголын хөгжил дэвшлийн түүхэн замнал. У. Б., 1976; он же. Эх орноо батлан хамгаалахын төлөө. У. Б., 1978, и др.

ческого аспектов некапиталистического развития и социалистического строительства в МНР, теории и практики пролетарского интернационализма и социалистического образа жизни, подняты коренные проблемы истории революции 1921 г. и истории МНРП, монголо-советских отношений, раскрыты достижения и перспективы дальнейшего развития социалистического общества в МНР.

ЦК МНРП придает огромное значение марксистской разработке истории монгольского народа. Научные труды по истории, написанные с позиций марксизма-ленинизма, помогают МНРП в успешном проведении идеологической работы, содействуя воспитанию трудящихся в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, разоблачая попытки буржуазных идеологов и всякого рода националистических и антипартийных элементов извратить историю монгольского народа.

Прочная источниковедческая и историографическая база, неуклонный рост числа научных кадров высшей квалификации, общие достижения мирового монголоведения, тесное сотрудничество с советскими учеными и монголоведами других стран позволили историкам МНР развернуть в последние десять с лишним лет комплексные исследования по всем периодам истории Монголии и создать большое число индивидуальных и коллективных научных работ обобщающего характера.

В области древней истории Монголии на базе богатых материалов монгольскими учеными Н. Сэр-Оджавом, Д. Доржем, Д. Наваном, Д. Цэвэндоржем опубликованы ценные монографии по истории Тюркского каганата (VI—VIII вв.), по палеолиту, неолиту и бронзовому веку на территории МНР⁹⁶.

В работе Ц. Хандсүрэн о жужанях широко использован этнографический материал⁹⁷.

Многочисленные письменные источники легли в основу работ по сяньби и хунну.

Образованию единого монгольского феодального государства и положению Монголии в период династии Юань посвятили свои глубокие монографические исследования Н. Ишжамц и Ч. Далай⁹⁸. Важным и во многом новым вкладом в изучение проблем монгольского средневековья, а именно периода фео-

⁹⁶ Н. Сэр-Оджав. Эртний түрэгүүд (VI—VIII зуун). У. Б., 1970; он же. Монголын эртний түүх. У. Б., 1977; Д. Дорж. Неолит Восточной Монголии. У. Б., 1971; Д. Дорж, Д. Цэвэндорж. Монголын палеолит. У. Б., 1977; Д. Наваан. Дорнод монголын хурлийн үе. У. Б., 1975; он же. Мянгэн дурсгалын эх орон. У. Б., 1970.

⁹⁷ Ц. Хандсүрэн. Жужаны аж байдал, соёл, зан заншлын тухай.—«Түүхийн судлал».—«Scripta Historica». Т. 8. Факс. 1—12. У. Б., 1969.

⁹⁸ Н. Ишжамц. Монголд нэгдсэн төр байгуулагдаж феодализм бүрэлдэн тогтсон нь. У. Б., 1976; Ч. Далай. Юан гүрний үеийн Монгол. У. Б., 1973.

дальной раздробленности, социально-экономического строя Халха-Монголии в XI—XVII вв. и др., является двухтомная монография Д. Гонгора «Краткая история Халхи»⁹⁹.

По новой истории Монголии своей актуальностью выделяется работа Ш. Сандага «Внешнеполитические отношения Монголии 1850—1919 гг.». Первый том этого исследования охватывает период до 1912 г. и является, по существу, историей Монголии в эпоху империализма. Его главная тема — свержение маньчжурского господства и восстановление независимости и государственности Монголии¹⁰⁰.

История ламаистской церкви в Монголии в новое время получила освещение в книге С. Пурэвжавы¹⁰¹.

Итогом многолетних исследований проблем феодализма у монголов и кочевых народов вообще, а также положения народных масс до революции явились книги Ш. Нацагдоржа «Араты: сомонные, хамжлага и шаби» и «Основной путь монгольского феодализма»¹⁰². В последней монографии дается развернутая картина эволюции феодальных отношений в Монголии с момента их зарождения и вплоть до полной ликвидации остатков феодализма на демократическом этапе народной революции (1921—1940).

Монгольские ученые всегда уделяли большое внимание изучению богатого культурного наследия монгольского народа. Еще в 50—60-х годах ими были опубликованы интересные исследования по истории монгольского фольклора, музыки, песни, живописи, печатного и строительного дела и т. д.¹⁰³.

Новым достижением в области изучения дореволюционной культуры Монголии в последнее десятилетие стали работы Ч. Жугдэра и Д. Дашжамца по истории социально-политиче-

⁹⁹ Д. Гонгор. Халх товчоон. I. Халх монголчуудын овог дээдэс ба халхын хаант улс (VIII—XVII зуун). У. Б., 1970; II. Халх монголчуудын нийгэм-эдийн засгийн байгуулал (XI—XVII зуун). У. Б., 1978.

¹⁰⁰ Ш. Сандаг. Монгол улс төрийн гадаад харилцаа 1850—1919. Хоёр дэвтэр. Тэргүүн дэвтэр, Монголд Манжийн ноёхтыг устгаж үндэсний тусгаар тогтнолыг сэргээн тунхагласан нь. Богд хаант Монгол улс 1850—1911. У. Б., 1971.

¹⁰¹ С. Пурэвжав. Монгол дахь шарын шашны хураангуй түүх. У. Б., 1978.

¹⁰² Ш. Нацагдорж. Сум, хамжлага, шавь ард. Түүхэн найруулал. У. Б., 1972; он же. Монголын феодализмын үндсэн замнал. У. Б., 1978.

¹⁰³ Ц. Дамдинсурэн. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957; Г. Бадрах. Монголын хөгжмийн түүхээс. У. Б., 1960; Б. Содном. Монголын дууны түүхээс. У. Б., 1960; Х. Нямбуу. Халхын зарим нутгийн хээ угалзны зүйлээс (XIX—XX зууны эхэн). У. Б., 1967; Б. Ринчин. Монгол ардын гоё чимгийн хээ угалз. У. Б., 1958; он же. Из нашего культурного наследия. У. Б., 1958; Г. Дэлэг. Монголын тогтмол хэвлэлийн түүхэн тэмдэглэл. У. Б., 1965; Х. Пэрлээ. Монголд барилгын ухаан хөгжсөн тухай асуудалд (Нэн эртнээс XX зууны эх). — «Монголын хүрлийн үе». — «Studia Archaeologica». Т. 4. Факс. 6. У. Б., 1965; он же. Монголын хувьсгалын өмнөх үеийн түүх бичлэгийн асуудалд. У. Б., 1958.

ской и философской мысли в стране на рубеже XIX—XX вв.¹⁰⁴, исторический очерк Д. Майдара о развитии монгольского градостроительства¹⁰⁵, источниковедческая публикация Ц. Дамдинсурэна «„Рамаяна“ в Монголии»¹⁰⁶ и монография Ш. Биры «Монгольская историография». Труды Ш. Биры, Х. Пэрлэ и других ученых МНР¹⁰⁷ вносят много нового и ценного в изучение истории развития исторических знаний в Монголии вообще, истории монгольской культуры, в частности, что имеет важное значение для разработки такой актуальной проблемы, как вклад кочевых народов Центральной Азии в мировую цивилизацию¹⁰⁸.

Всестороннему исследованию в обозреваемый период подверглись узловые проблемы новейшей истории Монголии, вопросы экономического, политического и культурного строительства на современном этапе, внешняя политика МНР.

Историки МНР считают своим долгом перед партией и народом обобщить опыт народной революции 1921 г., показать ее закономерности и особенности в условиях Монголии. В трудах монгольских историков большое внимание уделяется разработке проблем истории МНРП, ее созидательной деятельности на различных этапах истории МНР, раскрытию роли трудящихся масс в строительстве новой жизни.

«МНРП, пользующаяся безграничным доверием трудящихся нашей страны, — пишет Ю. Цеденбал, — всегда считала своей первостепенной задачей всемерно укреплять связи с массами... убеждать массы в правильности своей политики»¹⁰⁹.

В работах монгольских ученых особое место отводится вопросу развития и укрепления советско-монгольских отношений.

Становлению союза трудящихся Монголии с рабочим классом Советской России в 1920—1921 гг. специально посвящена

¹⁰⁴ Ч. Жугдэр. XIX—XX зууны зааг дахь монголын нийгэм-улс төр философийн сэтгэлгээний хөгжил. У. Б., 1972; он же. З. Агваанбалдангийн гүн ухааны үзэл. У. Б., 1978; Д. Дашжамц. Монгол дахь дэвшилт ардчилсан үзэлийн хөгжлийн асуудалд (XIX—XX зууны зааг). У. Б., 1970; С. Содномдарга. Агваандандарын зарим зохиол дахь философи логикийн үзэл. У. Б., 1978.

¹⁰⁵ Д. Майдар. Архитектура и градостроительство Монголии. М., 1971; он же. Гэр. У. Б., 1977.

¹⁰⁶ Ц. Дамдинсурэн. «Рамаяна» в Монголии. Изд. текста, пер. и иссл. М., 1979.

¹⁰⁷ Ш. Бира. Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978; он же. Монгольская тибетоязычная историческая литература; он же. «О Золотой книге». Ш. Дамдина. У. Б., 1964; он же. Вопросы культуры, истории и историографии МНР (Сборник трудов). Сост. Ц. Ишдорж. У. Б., 1977; Х. Пэрлээ. Некоторые вопросы кочевой цивилизации древних монголов. У. Б., 1978.

¹⁰⁸ См. материалы международного симпозиума. «Төв Азийн иргэншил нүүдэлчдийн роль» («Олон улсын симпозиумын хэрэглэгдэхүүн»). У. Б., 1974.

¹⁰⁹ Ю. Цеденбал. Сорокалетие Монгольской народной революции. — «Коммунист». 1961, № 10, с. 79.

монография Б. Цэдэна «Монголо-советские отношения и МНРП»¹¹⁰.

Советские и монгольские ученые подготовили фундаментальные труды «История советско-монгольских отношений» и «Роль КПСС и МНРП во всестороннем развитии и укреплении советско-монгольских отношений», которые обобщают вклад народов СССР и МНР в развитие нового типа международных отношений, — отношений социалистического типа. Естественно, вопросы советско-монгольских отношений не только освещаются в индивидуальных и коллективных трудах непосредственно по истории братской дружбы и многостороннего советско-монгольского сотрудничества, число которых непрерывно растет¹¹¹, но и в той или иной степени затрагиваются почти во всех исторических публикациях по истории МНР и народного государства, проблемам некапиталистического пути, пролетарского интернационализма и т. д.

В трудах последних лет на историко-партийные темы А. Миниса, Лу Бат-Очира, Г. Лхамсурэна, С. Дамдинсурэна, Б. Лигдэна, Д. Даша, Г. Жамьянжава¹¹², в сборнике научных статей «МНРП и Коминтерн»¹¹³ показаны руководящая и направляющая роль партии в проведении антифеодальных преобразований на демократическом этапе народной революции, ее стратегия и тактика в ходе этой революции, история ее образования и установления связей с международным коммунистическим и рабочим движением, укрепления партийных рядов и превращения в авангард монгольского народа, экономическая и социальная политика партии на современном этапе завершения строи-

¹¹⁰ Б. Цэдэн. Монголын хөдөлмөрчид зөвлөлт оросын ажилчин ангийн холбооны үүслэлийн тухай (1920—1921). У. Б., 1977; он же. Монгол-зөвлөлтийн найрамдал ба МАХН. У. Б., 1967.

¹¹¹ Д. Даш. Монгол түмний төлөө зүтгэсэн анд нөхөд. У. Б., 1967; С. Пурэв. Монгол-Зөвлөлтийн харилцаа ба социалист интернационализмыг хэрэгжүүлсэн нь. У. Б., 1976; Монголын ард түмэн Октябрийн замаар. У. Б., 1977.

¹¹² А. Минис. МАХН-аас феодал ангийн улс төр, эдийн засгийн ноёрхлыг устгахын төлөө явуулсан тэмцэл (1921—1930). У. Б., 1968; он же. МАХН-аас сүм хийд лам нарын эдийн засгийн хүчин чадлыг эвдэж устгахын төлөө явуулсан тэмцэл. У. Б., 1972; он же. Осуществление МНРП антифеодальных экономических преобразований. У. Б., 1977; Лу Бат-Очир. Монгол оронд ард ангийн хувьсгалт нам үүсэн байгуулагдсан асуудалд. 1918—1921. У. Б., 1979; Г. Лхамсурэн. Ардын хувьсгалын үе дахь Монгол ардын Хувьсгалт намын стратеги, тактикийн зарим асуудал. У. Б., 1977; С. Дамдинсурэн. МАХН дэлхийн коммунист хөдөлгөөнтэй холбоо тогтоож хөгжүүлсэн нь (1921—1940). У. Б., 1971; Б. Лигдэн. МАХН бол социалист нийгмийн улс төрийн системийн удирдах хүч мөн. У. Б., 1978; Д. Даш. Ардын хувьсгалын манлай хүчин. У. Б., 1972; он же. Сүхбаатарын тухай түүхэн тэмдэглэл. У. Б., 1973; Дорждэрэм. Намын-эдийн засгийн бодлогын гол асуудлууд. У. Б., 1973; Г. Жамьянжав. Социализм байгуулагийг дусгах үед МАХН-ын нийгмийн бодлогын зарим асуудал. У. Б., 1976; см. также: Б. Гончигсурэн. МАХН-ын явуулсан албан татварын бодлого (1921—1940). У. Б., 1973.

¹¹³ МАХН ба Коммунист Интернационал (Шинжлэх ухааны үгүүлэлүүдийн эмхэтгэл). У. Б., 1979.

тельства социализма в МНР и т. д. Важным аспектам внешне-политической и идеологической деятельности МНРП посвящены монографии Б. Лигдэна и Б. Лхамсурэна и Б. Дашзэвэга¹¹⁴.

Слом старой государственной машины, становление и развитие нового государства и его органов — таково основное содержание глубокого исследования М. Санждоржа, а также обобщающих работ Ц. Балхаажавы¹¹⁵.

Анализ политической основы монгольского народного государства — союза рабочего класса и кооперированного крестьянства — в своем историко-экономическом исследовании осуществил Ш. Жумдаан¹¹⁶. Историк Б. Тудэв осветил авангардную роль рабочего класса в строительстве материально-технической базы социализма в МНР¹¹⁷.

Эволюция другого основного класса монгольского общества, аратства, и преобразования в аратском хозяйстве за годы народной власти получили детальное освещение в обстоятельной монографии акад. Н. Жагварала¹¹⁸. Она внесла много нового в изучение истории социалистического сельского хозяйства МНР и социальных изменений в монгольском худоне¹¹⁹.

Помимо сельского хозяйства, вопросов его интенсификации, отраслевой структуры, подъема животноводства, земледелия и т. п. внимание ученых МНР привлекают актуальные проблемы индустриализации¹²⁰, повышения производительности труда

¹¹⁴ Б. Лигдэн. БНМАУ-ын гадаад харилцааг хөгжүүлэх талаар МАХН-аас явуулсан үйл ажиллагаа (1945—1970). У. Б., 1976; Б. Лхамсурэн. МАХН-ын үйл ажиллагаанд интернационализмын зарчим хэрэгжсэн нь. У. Б., 1975; Б. Дашзэвэг. МАХН-аас шарын шашин, тууний үлдэгдлийг эсрэг явуулсан тэмцлийн зарим асуудал. У. Б., 1975.

¹¹⁵ М. Санждорж. Ардын төрийн түүх. У. Б., 1974; Ц. Балхаажав. Төрийн тухай асуудал ба ардын төрийн хувьсгалт үйл ажиллагаа. У. Б., 1966; он же. БНМАУ-ын ангийн харилцааны хөгжил. У. Б., 1972.

¹¹⁶ Ш. Жумдаан. БНМАУ-д ажилчин анги хоршооллолсон ардын эдийн засгийн холбоо үүсэн тогтож хөгжсөн тухай. У. Б., 1978.

¹¹⁷ Б. Тудэв. БНМАУ-д социализмын материал-техникийн бааз байгуулахын төлөө ажилчин ангийн тэмцэл. У. Б., 1980.

¹¹⁸ Н. Жагварал. Аратство и аратское хозяйство. У. Б., 1974.

¹¹⁹ БНМАУ-ын социалист хөдөө аж ахуйн түүхийн зарим асуудал. Ред. Л. Бат-Очир. У. Б., 1976; Н. Дангаасурэн. БНМАУ-ын капиталист бүс хөгжил ба Хөдөө аж ахуй дахь нийгэм эдийн засгийн өөрчлөлт. У. Б., 1971; Л. Бат-Очир. Ардын хувийн аж ахуйтны таваарлаг чанарыг дээшлүүлэхийн төлөө МАХН-ын тэмцэл. У. Б., 1972.

¹²⁰ См., напр., работы: Х. Дашдондов. БНМАУ-д махны мал аж ахуйг эрчимжүүлэх үндсэн асуудлууд. У. Б., 1969; Д. Дугар. Хөдөө аж ахуйн нэгдлийн таваарлаг чанарыг нэмэгдүүлэх арга замууд. У. Б., 1966; Р. Цаганхуу. Пути снижения себестоимости животноводческой продукции (Из опыта работ сельскохозяйственных объединений МНР). М., 1969; Д. Моёбуу. Мал аж ахуйн эдийн засгийн асуудал. У. Б., 1974; Б. Мягмаржав. Малчдын нүүдлийн үндсэн асуудал. У. Б., 1974; Д. Загасбалдан. Проблемы социалистической индустриализации МНР. М., 1973; он же. БНМАУ-ын социалист үйлдвэржилт, аж үйлдвэрийн хөгжилтийн асуудал. У. Б., 1973; Х. Дашзэвэг. Нийгмийн хөдөлмөрийн бүтээмжийг дээшлүүлэх асуудал. У. Б., 1979; Ц. Гурбадам. БНМАУ-д шинжлэх ухаан-техникийн дэвслэгийн хурдасгах асуудалд. У. Б., 1974; Б. Долгормаа. Төлөвлөлт эдийн засгийн урамшуу-

и эффективности общественного производства, развития инфраструктуры, улучшения системы потребления, планирования и экономического стимулирования, научного управления общественными процессами, научно-технического прогресса. Вышли в свет монографии по общим вопросам развития народного хозяйства и производительных сил МНР, а также коллективные труды по структуре народного хозяйства МНР и экономической интеграции¹²¹.

Вопросы культурной революции и культурного строительства в МНР также занимали важное место в исследованиях монгольских ученых. В последние годы опубликованы монографии, посвященные истории народного образования в МНР, развитию науки, вопросам эмансипации женщин, воспитанию трудящихся в духе патриотизма и пролетарского интернационализма¹²². История проникновения, распространения и утверждения идей марксизма-ленинизма как господствующей идеологии и основы духовной жизни современного монгольского общества рассматривается в работах Д. Дашжамца¹²³. Коллективом авторов завершается подготовка двухтомной «Истории культуры МНР».

История миролюбивой внешней политики МНР с момента торжества народной революции и образования народного государства и почти до наших дней наиболее последовательно излагается в монографии Ш. Сандага, которая готовится к печати. Цекные материалы по истории взаимоотношений МНР с СССР и другими социалистическими странами содержатся в сборнике «Великий Октябрь и международные отношения нового типа», подготовленном Академией наук МНР, Институтом

лын шинэ систем. У. Б., 1972; Д. Дорждэрэм, У. Чимэд. БНМАУ-ын социалист үйлдвэржүүлэлт. У. Б., 1972; Ш. Түдэв. Социалист нийгмийг шинжлэх ухааны үндэстэй удирдах нь. У. Б., 1978; Г. Орсоо. БНМАУ-ын хүн амын материал аж байдлын зарим үндэс. У. Б., 1973.

¹²¹ Д. Загасбалдан. БНМАУ-ын үйлдвэрлэх хүчний хөгжлийн асуудал. У. Б., 1974; он же. Развитие производительных сил в МНР (Опыт экономико-статистического анализа). Пер. с монг. М., 1977; он же. БНМАУ дэлхийн эдийн засаг, соёлын тавцааны дээр. У. Б., 1979; П. Лувсандорж. БНМАУ-ын эдийн засгийн хөгжлийн зангилгаа асуудлууд. У. Б., 1980; БНМАУ-ын ардын аж ахуйн бүтэц. У. Б., 1978; БНМАУ социалист эдийн засгийн интеграцийн систем (Практик онолын зарим асуудлууд). У. Б., 1979.

¹²² Г. Цэрэндорж. БНМАУ-д бичиг үсэг үл мэдэх явдлыг арилгасан нь. У. Б., 1976; Э. Чимэдцэрэн. БНМАУ-д эмэгтэйчүүдийг нийгмийн дарлалаас чөлөөлсөн түүхэн туршлага. У. Б., 1976; Х. Чунагсүрэн. БНМАУ-ын залуучуудад ертөнцийг үзэх социалист үзэл бүрэлдсэн нь. У. Б., 1976; Ш. Чулуунбаатар. БНМАУ-д шинжлэх ухааны хөгжилтэн зарим асуудал. У. Б., 1978; Б. Лхамсүрэн. Монголын хөдөлмөрчдийн эх оронч, интернационалч үзэл бүрэлдсэн асуудалд. У. Б., 1978.

¹²³ Д. Дашжамц. Марксизм-ленинизм Монголд дэлгэрэн хэрэгжсэн нь. У. Б., 1973; он же. БНМАУ дахь марксист сэтгэлгээний хөгжилт. У. Б., 1978; он же. Распространение и утверждение марксизма-ленинизма в Монголии. М., 1979.

истории партии при ЦК МНРП и Высшей партийной школой при ЦК МНРП¹²⁴.

Все большее место в исследованиях монгольских ученых занимают общие проблемы теории и практики некапиталистического пути развития. В работах С. Норовсамбу, Цо. Намсрай, У. Камбара, П. Нэргуйя, Б. Сумья и др., коллективных трудах, докладах и выступлениях общественников МНР на соответствующих международных конференциях¹²⁵, обобщающих исторический опыт МНР, не только определяются его специфические особенности, но и выявляются общие закономерности перехода от докапиталистических формаций к социализму, что имеет в современных условиях огромное научное и политическое значение, особенно для стран социалистической ориентации. Появились работы, рассматривающие экономические проблемы развивающихся стран, их борьбы с неокOLONиализмом и империализмом¹²⁶. Неотъемлемой частью современной монгольской историографии являются этнографические исследования, среди которых богатством материалов и глубиной анализа выделяются работы С. Бадамхатана, Х. Пэрлэ, Х. Нямбуу, Г. Батнасана и др.¹²⁷. Готовится к печати обобщающий труд «Этнография МНР» в двух томах.

Особо следует отметить работы ученых Монгольской Народной Республики, направленные против фальсификации истории монгольского и целого ряда других кочевых народов, населяющих территорию Центральной Азии, против попыток изобра-

¹²⁴ Великий Октябрь и международные отношения нового типа. Материалы международной научной конференции, г. Улан-Батор. 22—24 сентября 1977 г. У. Б., 1978.

¹²⁵ Некапиталистический путь и современность. Материалы научной конференции. У. Б., 1977; С. Норовсамбу. Философско-социалистические проблемы некапиталистического пути развития (Теория, методология, проблематика). Автореф. док. дис. М., 1973; Цо. Намсрай. Социалистическая настройка в странах, миновавших капитализм (На опыте МНР). М., 1976; У. Камбар, П. Нэргуй. БНМАУ-ын хөгжлийн капиталист бус зам ба социалист байгуулалтын эдийн засгийн онолын зарим асуудал. У. Б., 1976; Б. Сумья. Феодалын аж төрөх ёсноос социалист аж төрөх ёсонд. У. Б., 1979; Д. Дашпурэв. БНМАУ дахь социалист байгуулалтын онол практикийн харьцааны диалектик. У. Б., 1980; БНМАУ-ын капиталист бус хөгжлийн түүхэн туршлагын зарим асуудал. У. Б., 1970; Некапиталистический путь развития и опыт Монгольской Народной Республики. М., 1971; Хөрөнгөтний биш хөгжлийн замын тухай В. И. Ленин үзэл санааг БНМАУ-д хэрэгжүүлсэн түүхэн туршлага. У. Б., 1971; Некапиталистический путь развития и современность (Материалы научной конференции). У. Б., 1977.

¹²⁶ См.: Н. Дангасүрэн. Гурав дахь ертөнц. Эдийн засгийн тусгаар тогтнолын асуудал. У. Б., 1977.

¹²⁷ С. Бадамхатан. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм. У. Б., 1962; он же. Хөвсгөлийн дархад ястан.—«Studia Ethnographica». Т. 3. Факс. 1. У. Б., 1965; Х. Пэрлээ. Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь.—«Studia Historica». Т. 1. Факс. 2. У. Б., 1959; он же. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. У. Б., 1976; Х. Нямбуу. Монгол дархны үйлээс. У. Б., 1978; Г. Батнасан. БНМАУ дахь нэгдэлчдийн аж ахуйгаа хөтлөх арга ажиллагаа. У. Б., 1978.

жать историю Монголии не более как придаток истории Китая. Мнение некоторых историков зарубежных стран о том, что монгольские и многие другие малые народности всегда входили в состав китайского государства, не подтверждается источниками.

В целом широкий фронт исторических исследований, особенно за последнее десятилетие, их высокий научно-теоретический уровень, актуальность, политическая и практическая значимость получили широкое признание. Труды монгольских ученых ныне составляют ядро мирового монголоведения, центр которого переместился в МНР¹³⁰.

Русская и советская литература по истории монголов

Изучение Монголии в России началось с установлением и развитием первых связей Российского государства с ханствами и княжествами Джунгарии и Халхи в XVII в.

Доезды, сказки, статейные списки русских посланников, служилых и торговых людей, ездивших в монгольские улусы и через Монголию в Китай, отписки сибирских воевод, принимавших в приказных избах монгольских послов, и т. п. не только представляют собой документальную ценность как первоклассные источники, но и отражают первые попытки систематизированного описания Монголии, являются начальной стадией изучения истории, жизни и быта монгольского народа русскими людьми¹³¹.

В первой половине XVIII в. особые заслуги в изучении Монголии принадлежали некоторым должностным лицам, ведавшим как в центре, так и на местах взаимоотношениями с калмыками, бурятами и монголами.

Первое место среди них по праву занимает секретарь, а затем и статский советник Коллегии иностранных дел В. М. Бакунин, в руках которого в 20—40-х годах XVIII в. была сосредоточена вся переписка по калмыцко-монгольским делам. Са-

¹³⁰ См.: Общественные науки в МНР. М., 1977; Труды монгольских историков 1960—1974. Аннот. библиогр. на англ. и рус. яз. Сост. Б. Ц. Ишдорж, Д. Дорж. У. Б., 1975; Аннотированная библиография некоторых трудов экономистов МНР (1965—1975), на рус. и монг. яз. Сост. Д. Тумурбатар, Р. Цэнддаваа. У. Б., 1976; Труды монгольских философов и юристов (1960—1975). реф. сб. Сост. Б. Ринчин. У. Б., 1976; «Общественные науки в МНР. Ежегодник». У. Б., 1980, № 1.

¹³¹ См., напр.: Н. Н. Оглоблин. Сибирские дипломаты XVII в.— «Исторический вестник». СПб., 1891, № 48; Н. Р. Демидова, В. С. Мясников. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966 г.; Н. Г. Милеску (Спафарий). Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, и др.

моучка, пожалуй, единственный в ту пору знаток не только ойратского, но и халхаского диалекта монгольского языка, он в 1724 г. закончил первый вариант рукописного сочинения «Описание калмыцких народов и особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев», которое к 1761 г. переработал, дополнил и расширил на основе оригинальных источников.

Этот труд, увидевший свет только в советское время¹³², получил высокую оценку специалистов. Например, известный советский монголовед И. Я. Златкин отмечал, что он «облегчает понимание внутреннего строя всего ойратского общества и, в частности, Джунгарского ханства»¹³³.

В. Бакунину же принадлежит первый и достаточно квалифицированный перевод выдающегося памятника монгольского феодального права XVII в. «Их цааз», известного в науке как «Монголо-ойратские законы 1640 года», а также указа Галдана-хунтайджи. К этому переводу, выполненному в 1727—1740 гг., восходит большая часть всех известных русских списков и переводов «Их цааз»¹³⁴.

Вместе с государственными и должностными интересами в XVIII в. к Монголии рос в России и чисто академический интерес, происходило зарождение научного монголоведения. Этому способствовали политика и просветительская деятельность Петра I, с именем которого связаны «первые русские работы научного характера в области изучения Востока»¹³⁵, а также открытие в Пекине в 1716 г. русской Духовной миссии и создание в 1724 г. Российской академии наук, организовавшей первые академические экспедиции в сопредельные с Монголией районы Сибири, в Калмыкию и т. п.

Участники этих экспедиций, маститые по тем временам ученые — академики Г. Ф. Миллер, Е. И. Фишер и П. С. Паллас явились авторами произведений, где впервые Монголии и ее народу отводилась важная роль в истории Сибири.

Так, например, капитальный труд Г. Ф. Миллера по истории Сибири, в котором отношения с Монголией рассматриваются как органическая часть этой истории¹³⁶, не потерял своего значения и в наше время и потому переиздан в СССР в двух то-

¹³² В. Бакунин. Описание калмыцких народов.— «Красный архив». 1939, № 3 (94).

¹³³ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, с. 17.

¹³⁴ М. И. Гольман. Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640.— Монгольский сборник. Экономика, история, археология. М., 1959, с. 162.

¹³⁵ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 203.

¹³⁶ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения Российской державой по сии времена. СПб., 1750.

мах с приложениями, содержащими публикацию ряда материалов из «портфелей» Г. Ф. Миллера, в частности копий документов из сибирских архивов¹³⁷.

Значительное место в связи с историей Сибири уделит Монголии, а также Китаю И. Е. Фишер в своей «Сибирской истории», представляющей во многом переработанный и сокращенный вариант работы Г. Ф. Миллера¹³⁸.

Двухтомное сочинение П. С. Палласа «Собрание исторических сведений о монгольских народностях», изданное на немецком языке¹³⁹, явилось уже специальным исследованием, посвященным истории и этнографии монголов, преимущественно их западной ветви — ойратов. Несмотря на все свои недостатки — описательность, некритическое использование источников и т. п., — работа П. С. Палласа сохраняет историографическую ценность как первая в России монография, назначением которой были сбор, обработка и систематизация исторических данных о калмыках, ойратах и других монгольских и родственных им народностях.

Основоположниками комплексного изучения Монголии в первой половине XIX в. стали Я. И. Шмидт, первым получивший звание академика за работы по Монголии, и руководитель первой в мире университетской кафедры монгольского языка, член-корреспондент Российской академии наук, профессор О. М. Ковалевский. Их труды не только по монгольской филологии и языкознанию, но и по истории и культуре монгольского народа способствовали постепенному превращению монголоведения в одну из ведущих отраслей русской ориенталистики. Так, например, Я. И. Шмидт первым из исследователей прочел и перевел письма ильханов¹⁴⁰, составил обширный исторический комментарий к изданному им на немецком языке, тоже впервые в мире, выдающемуся памятнику монгольской историографии — летописи Саган-Сэцэна «Эрдэнийн тобчи»¹⁴¹ и т. п.

О. М. Ковалевский не только разработал и читал в 1838—1854 гг. первый в России специальный курс лекций по истории

¹³⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1. М.—Л., 1937; т. 2. М.—Л., 1941.

¹³⁸ I. E. Fischer. Sibirische Geschichte. SPb., 1768. В 1774 г. вышел русский перевод под названием «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием». СПб., 1774.

¹³⁹ P. S. Pallas. Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Bd 1. SPb., 1776; Bd 2. SPb., 1801. Отдельные части этого труда публиковались в переводе на русском языке в «Петербургском Вестнике» за 1778 г. (январь—май), в «Месячнике истории и географии на 1797» (СПб., 1798, с. 51—83).

¹⁴⁰ I. J. Schmidt. Philologisch — Kritische Zugabe zu den von Abel — Remusat bekannt gemachten in den Königlichen Französischen Archiven befindlichen zwei mongolischen Originalbriefen der Könige von Persien Argun and Oldshaitu. SPb., 1824.

¹⁴¹ I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidchi der Ordus. SPb., 1829.

монголов на «восточном разряде» (факультете) Казанского университета, но и написал в 1843—1856 гг. двухтомную «Историю монголов», хранящуюся ныне в рукописном отделе ИВ АН СССР¹⁴².

В ней О. М. Ковалевский, выступая с позиций дворянского буржуазного просветительства 30—40-х годов XIX в., рассматривал историю монголов в единстве со всемирно-историческим процессом, не противопоставляя ее истории более многочисленных народов Европы и Азии, не сводил историю к деяниям ханов и полководцев, а считал народ «бессменным деятелем»¹⁴³. В этом сочинении он одновременно с Н. Бичуриным, но вполне самостоятельно поставил вопрос об этногенезе монголов и центральноазиатских народов вообще, высказал по этому поводу ряд ценных мыслей. Отмечая грабительский характер походов Чингис-хана и его преемников, О. М. Ковалевский выступал против огульного обвинения народов Востока европейскими ориенталистами в якобы, природной склонности к войнам и грабежу.

Большие заслуги принадлежат О. М. Ковалевскому в изучении по монгольским источникам буддизма и его тибетско-монгольской ветви — ламаизма, роль которого он оценивал в целом как отрицательную, негативную¹⁴⁴.

К этим изысканиям О. М. Ковалевского близко примыкают соответствующие диссертации и труды его учеников — известного монголиста XIX в., «признанного знатока истории и этнографии народов Центральной Азии» Дорджи Банзарова¹⁴⁵ и одного из крупнейших русских синологов — В. П. Васильева.

Значительный вклад в изучение истории Монголии внесли работы выдающегося русского востоковеда Н. Я. Бичурина (Иакинфа)¹⁴⁶. В течение 14 лет возглавляя российскую духовную миссию в Пекине, он блестяще изучил китайский язык и китайские исторические сочинения, в том числе и о Монголии, и оставил после себя многочисленные труды по истории, географии,

¹⁴² ИВ АН СССР, Архив востоковедов, ф. 29 (фонд Ковалевского), оп. 1. Том 1 — «Введение в историю монголов» — дает периодизацию истории монголов, рассматривает источники, географическую среду и ее влияние на жизнь древних монголов и их соседей, излагает историю Китая с древнейших времен до III в. н.э. Том 2 делится на две части: первая — охватывает историю монголов в 1206—1368 гг., вторая — в 1368—1691 гг. Заканчивается том описанием положения Монголии в Дайчинской империи с приложением родословных таблиц монгольских ханов и князей.

¹⁴³ См.: Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. М., 1956, с. 172.

¹⁴⁴ См.: О. М. Ковалевский. Буддийская космология. Казань, 1837, и др.

¹⁴⁵ Д. Банзаров. Черная вера или шаманство у монголов. СПб., 1897; он же. Об ойратах и уйгурах. Т. 1. Казань, 1949; он же. Собрание сочинений. М., 1955.

¹⁴⁶ Подробно о научной деятельности Н. Бичурина см. в кн.: Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. М., 1977.

экономике, социальному строю, культуре Китая и сопредельных стран — Монголии, Тибета, Синьцзяна. Из обширного научного наследия Н. Я. Бичурина — 15 больших монографий, множество статей, рецензий, обзоров — 4 книги посвящены непосредственно истории монголов (см. Библиографию), причем они предшествовали появлению в свет исследований Н. Я. Бичурина по Китаю.

Последняя прижизненная работа Н. Я. Бичурина, «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»¹⁴⁷, содержащая переводы китайских материалов о происхождении племен и народов Центральной Азии, также связана с историей Монголии и имеет непреходящую ценность для изучения этногенеза монголов и их предшественников.

По этому вопросу, как и по многим другим кардинальным проблемам истории Монголии, Н. Я. Бичурин, несмотря на всю объективно обусловленную ограниченность своего мировоззрения, определенную идеализацию и некритическое отношение к китайской историографии и т. п., занимал передовые для своего времени позиции, был на голову выше многих европейских монголистов и отстаивал справедливые идеи о единстве генетического корня, самобытности исторического пути и культуры народов Центральной Азии. Он писал довольно резко, но справедливо: «Ныне многие ученые в Европе занимаются исследованием происхождения народов, населявших, по их мнению, и населяющих Монголию; но они, не зная основательно ни народа, ни его истории, принимают при сем исследовании ошибочное положение, при котором необходимо должно судить о всем по одним догадкам поверхностно и, наконец, оставаться в недоумении»¹⁴⁸.

«История Монголии не может пройти мимо них», — подчеркивает непреходящую ценность трудов Н. Я. Бичурина Н. П. Шастина и отмечает, что творчество Н. Я. Бичурина «обеспечило дальнейшее развитие монголоведения»¹⁴⁹.

Научные традиции изучения Монголии, заложенные Н. Я. Бичуриным, были продолжены и развиты акад. В. П. Васильевым.

Его капитальные труды по истории народов Центральной и Восточной Азии — киданей, чжурчженей — и государства тангутов, маньчжуров¹⁵⁰ не потеряли своего значения и для изучения истории Монголии, ибо удачно дополняют новыми све-

¹⁴⁷ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, в 3-х частях. Т. 1—2. СПб., 1851; изд. 2-е. М.—Л., 1950.

¹⁴⁸ Н. Я. Бичурин. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. 1. СПб., 1828, с. 157.

¹⁴⁹ Н. П. Шастина. Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения. — «Очерки по истории русского востоковедения». Вып. 1. М., 1953.

¹⁵⁰ В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложениями перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб., 1857; см. также Библиографию.

дениями соответствующие труды Н. Я. Бичурина и в целом завершают начатую последним работу по исследованию исторического прошлого народов сопредельных Китаю стран.

Большую ценность представляют труды В. П. Васильева по буддизму и ламаизму¹⁵¹, намного опередившие развитие науки об этой религии на Западе и положившие начало русской и европейской буддологии.

Изучение Монголии нового времени неразрывно связано с именем А. М. Позднеева, оставившего ряд ценных работ по периоду маньчжурского владычества в стране и по истории ламаистской церкви в Монголии (см. Библиографию).

Обширный комментарий А. Д. Позднеева к изданному им же переводу нескольких глав летописи Галдана «Эрдэнийн эрихэ» отличается богатством фактического материала¹⁵². Вместе с тем методологические ошибки и неправильные по существу утверждения, содержащиеся в трудах А. М. Позднеева, обязывают относиться к его работам осторожно, с поправками на ограниченность мировоззрения и несовершенство методов исследовательской работы в его время.

Помимо работ А. М. Позднеева последняя четверть XIX в. ознаменовалась в области изучения Монголии и ее истории не только публикацией путевых отчетов великих русских путешественников — Н. М. Пржевальского, Т. Н. Потанина, М. В. Певцова, П. К. Козлова, но и выдающимися археологическими открытиями В. В. Радлова и Н. М. Ядринцева, а также выходом в свет отмеченных выше солидных источниковедческих работ К. Ф. Голстунского, Д. З. Покотилова, В. П. Успенского, значительно расширивших фронт исторических исследований по Монголии (см. Библиографию).

Венцом замечательных достижений русского монголоведения в XIX в. стал фундаментальный труд акад. В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»¹⁵³, где впервые в исторической науке на основе широкого круга источников, главным образом мусульманских, дается анализ общественного строя монголов, характера военной и государственной организации империи Чингис-хана. Последнему вопросу посвящено также специальное исследование В. В. Бартольда¹⁵⁴.

¹⁵¹ В. П. Васильев. Буддизм, его догматы, история и литература. СПб., 1857, ч. 1. Общее обозрение; СПб., 1869, ч. 2. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты, пер. с тибетского; он же. Религия на Востоке: конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб., 1873; он же. Буддизм и ламаизм. — «Энциклопедический словарь И. Н. Березина», и др.

¹⁵² А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» с пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.

¹⁵³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898, ч. 1. Тексты; 1900, ч. 2. Исследование.

¹⁵⁴ В. В. Бартольд. Образование империи Чингисхана. — ЭВРАО. Т. 10, 1896.

Заслуга В. В. Бартольда — в установлении классового характера монгольского государства, выражавшего и защищавшего интересы степной аристократии, ярким представителем которой ученый считал Чингис-хана. Вместе с тем он явно преувеличивал роль последнего в создании монгольской государственности, недооценивал предшествовавший Чингис-хану опыт государственной организации Монголии.

Значительный вклад в изучение истории Монголии, в частности периода освобождения от маньчжурского ига и феодально-теократической монархии, внесли работы выдающегося монголоведа XX в. В. Л. Котвича¹⁵⁵. Так, например, его исследование «Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии», опубликованное в 1914 г., по глубине анализа и охвату материала выгодно отличалось как от близких по тематике лекций по истории Монголии профессора Петербургского университета Н. И. Веселовского, так и книг по Монголии других его современников — представителей профессуры, военной и гражданской администрации царской России: Б. М. Гурьева, М. И. Боголепова, Л. Н. Соболева, Ю. Кушелева, А. М. Беннигсена, А. В. Баранова, А. П. Болобана и др. (см. Библиографию).

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало качественно новому периоду развития монголоведения.

Опираясь на богатое наследие и традиции и руководствуясь марксистско-ленинской методологией, в тесном содружестве с обществоведами МНР советские ученые добились крупных успехов в научном изучении и освещении как исторического прошлого, так и коренных проблем новейшей истории монгольского народа. Так, уже в 1921 г. в Иркутске вышла книга акад. И. М. Майского «Современная Монголия», написанная под впечатлением и по материалам полугодовой экспедиции в Монголии Всероссийского центрального совета потребительских обществ, которую возглавлял автор. Книга выдержала проверку временем и примерно 40 лет спустя была переиздана под другим названием. В предисловии к этому переработанному изданию автор справедливо отмечал, что «„Современная Монголия“ была первой марксистской работой о Внешней Монголии»¹⁵⁶. Действительно, на основе строгого научного анализа множества уникальных фактических данных И. М. Майскому удалось, особенно в новом издании, вскрыть причины глубокого социального, экономического и политического кризиса феодаль-

¹⁵⁵ Подробно о научной деятельности В. Л. Котвича см.: Записка об ученых трудах В. Л. Котвича — «Известия Российской академии наук». Сер. 6, т. 17, 1923, с. 371—372.

¹⁵⁶ И. М. Майский. Монголия накануне революции. Перераб. изд. М., 1959.

но-теократической монархии, приведшего к народной революции 1921 г.

Одной из первых попыток марксистского освещения истории национально-освободительного движения и народной революции 1921 г. стали также работы участника экспедиции И. М. Майского — историка-монголоведа А. Д. Каллиникова¹⁵⁷. Рассчитанные на широкого читателя, они охватывали главным образом период 1911—1934 гг. с краткими историческими экскурсами в прошлое и освещали ряд новых и серьезных вопросов, как-то: движение под руководством Аюши, становление народной партии и образование народной власти, советско-монгольские отношения, роль ревсомола, хозяйственные и культурные достижения республики и т. д.

В 30-х годах А. Д. Каллиников опубликовал интересные очерки об аграрных отношениях в Монголии, а также о народных движениях в стране до 1911 г.¹⁵⁸

Наряду со становлением нового направления монголоведения в 20-х годах в СССР продолжалось активное развитие традиционных направлений, в том числе изучения дореволюционной истории монгольского народа.

В 1926 г. вышел внушительный по объему труд по истории Монголии известного путешественника по Центральной Азии, этнолога по образованию Г. Е. Грумм-Гржимайло¹⁵⁹. Его достоинства — в подробном и систематическом изложении политических событий в стране с древнейших времен на основании скрупулезного учета обширной литературы по Монголии, вышедшей до 1917 г. Богатая фактологическим материалом работа носит компилятивный характер. Неправильное понимание сущности исторических процессов привело автора к преувеличению роли географического фактора, идеализации Чингис-хана и созданной им империи, ошибочной оценке ряда исторических явлений и фактов.

Рубежом в развитии не только монголистики, но и всего советского востоковедения стало посмертное издание в 1934 г. капитального труда акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов»¹⁶⁰. Непременное значение этой работы заключается в том, что в ней впервые с материалистических позиций представлена целостная картина развития общественных отношений у монголов с XI по XVIII в. включительно.

¹⁵⁷ А. Д. Каллиников. Революционная Монголия. М., 1925; он же. Национально-революционное движение в Монголии. М.—Л., 1926 и др.

¹⁵⁸ А. Д. Каллиников. Аграрные отношения и антифеодальная аграрная революция в Монголии. — Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933; он же. Аратское революционное движение в доавтономной Монголии. — «Революционный Восток». 1935, № 5, 6.

¹⁵⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.

¹⁶⁰ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М., 1934.

В результате тщательного анализа массы первоисточников Б. Я. Владимирцов убедительно показал процесс зарождения, расцвета и упадка феодализма у монголов, выявил его характерные черты и особенности, осветил те вопросы истории Монголии, которые до него были менее всего изучены. Доказав тождественность в общем и целом характера исторической эволюции кочевых и оседлых народов в период феодализма, Б. Я. Владимирцов внес крупный вклад в изучение истории человеческого общества вообще.

Большой интерес представляют и другие исторические работы Б. Я. Владимирцова: «Буддизм в Тибете и Монголии», «Чингис-хан», «Надписи на скалах халхаского Цогт-тайджи», «Где пять халхаских поколений» и т. д.¹⁶¹. Несмотря на отдельные недостатки общетеоретического характера, все они отличаются отличным знанием источников, насыщенностью достоверными фактами, оригинальностью исследовательской мысли.

В 1937 г. А. Ю. Якубовским совместно с акад. Б. Д. Грековым был опубликован важный труд по истории монголов, базировавшийся на привлечении широкого круга новых источников, в том числе на арабском и персидском языках¹⁶². В нем впервые с марксистских позиций получили освещение вопросы образования, развития и упадка Улуса Джучиева, или Золотой Орды, тесно связанные с историей русского народа. Написанные А. Ю. Якубовским разделы уточняют и развивают концепцию Б. Я. Владимирцова о феодальном характере монгольского государства Чингис-хана, ярко показывают грабительскую сущность его завоевательных походов. Книга получила всеобщее признание, выдержала три издания и переведена на многие языки¹⁶³.

Вслед за историей Золотой Орды вышло серьезное исследование советского историка А. Е. Насонова «Монголы и Русь»¹⁶⁴, в котором на основании данных русских летописей показаны разрушительные последствия монгольского владычества на Руси, в частности тяжелое бремя финансового налогообложения и дани в пользу монголо-татарских правителей на завоеванных землях.

Довоенный этап в изучении Монголии в СССР завершается соответствующими разделами в первых в советской науке кол-

¹⁶¹ См. Библиографию. Б. Я. Владимирцовым опубликовано свыше 60 печатных работ, из которых 10 касаются непосредственно исторических вопросов. Институт востоковедения АН СССР готовит четырехтомное Собрание сочинений Б. Я. Владимирцова.

¹⁶² Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда (Очерк истории улуса Джучиева в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв.). М.—Л., 1937; изд. 2-е. М.—Л., 1941.

¹⁶³ Третье издание, значительно расширенное и дополненное, вышло под названием «Золотая Орда и ее падение». М.—Л., 1950.

¹⁶⁴ А. Е. Насонов. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.—Л., 1940.

лективных и индивидуальных трудах по новой истории зарубежного Востока¹⁶⁵.

В послевоенные годы фронт исследований советских ученых охватывает все без исключения периоды истории МНР.

Так, истории ранних племенных и государственных образований на территории МНР, истории народов сопредельных с Монголией стран в древности и в период средневековья посвящены труды советских историков-востоковедов А. Н. Бернштама, М. В. Воробьева, Е. И. Кычанова и др.¹⁶⁶. Они внесли много нового и оригинального в изучение социально-экономического и государственного строя кочевников Центральной Азии, в постановку и освещение проблемы этногенеза монголов, их тесных связей с различными цивилизациями этого региона.

Значительное внимание проблемам этногенеза монголов и их взаимоотношений с соседними народами уделено также в обобщающих коллективных работах по истории Сибири, Тувы, Бурятии и Калмыкии¹⁶⁷.

Крупный вклад в исследование монгольского средневековья, образования единого монгольского государства, завоевательных походов Чингис-хана и его преемников, социально-экономических отношений монгольского феодализма внесла коллективная работа «Татаро-монголы в Азии и Европе», выдержавшая два издания (1970 и 1977 гг.).

Новым словом в изучении древней истории и культуры народов Центральной Азии, включая и монголов, их роли в мировой цивилизации стали работы акад. А. П. Окладникова и коллектива историков-востоковедов Сибирского отделения Академии наук СССР¹⁶⁸.

Новая история Монголии впервые в советской литературе систематизирована в работах И. Я. Златкина «Очерки новой и новейшей истории МНР» и «История Джунгарского ханства».

¹⁶⁵ Е. Л. Штейнберг. Новая история колониальных и зависимых стран. Киев, 1939; Новая история колониальных и зависимых стран. М., 1940 и др.

¹⁶⁶ А. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л., 1951, и др.; М. В. Воробьев. Чжурчжени и государство Цзинь. М., 1975; Л. А. Викторов. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980; Е. И. Кычанов. Очерк истории тангутского государства. М., 1968; Г. Е. Марков. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976, и др.; Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М., 1966.

¹⁶⁷ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1964; История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954; История Тувы. Т. 1. М., 1964; Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 1. М., 1967.

¹⁶⁸ А. П. Окладников. Очерки по истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937; он же. О начале земледеия за Байкалом и в Монголии.— Древний мир. М., 1962; он же. Центрально-Азиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнкэр агуй, Тэнгри агуй, Западная Монголия). Новосибирск, 1972; Центральная Азия и Тибет. Материалы конференции. Новосибирск, 1972; А. Т. Малавкин. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974; Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

Ценность этих работ усиливается вводом в научный оборот большого числа русских архивных материалов — важных источников по истории Монголии. На документах русских архивов во многом основаны и работы Н. П. Шастиной и Ш. Б. Чимитдоржиева¹⁶⁹. Вопросы международного положения, внешнеполитических и внешнеэкономических связей Монголии в новое время освещаются в трудах ряда международников и специалистов по истории России и Китая¹⁷⁰, а также в общих трудах по истории некоторых советских союзных и автономных республик¹⁷¹.

Вопросы же внутреннего устройства Монголии в период маньчжурского ига рассмотрены в очерках Г. С. Гороховой¹⁷².

Обстоятельный анализ китайских источников по вопросам монголо-маньчжурских отношений дан в монографии И. С. Ермаченко и в коллективных трудах по внешней политике Цин и новой истории Китая¹⁷³.

Разработка актуальных проблем новейшей истории и социалистического строительства в МНР, обобщение опыта некапиталистического развития и пропаганда достижений монгольского народа во всех областях жизни всегда находились в центре внимания советских ученых. Уже в первые послевоенные годы выходит в свет ряд ценных монографических исследований и сборников, в которых освещаются история народной революции и революционные преобразования, восстанавливается картина трудной борьбы монгольского народа против белогвардейских банд и китайских милитаристов, подводятся итоги экономического и культурного подъема страны за годы народной власти¹⁷⁴.

¹⁶⁹ Н. П. Шастина. Русско-монгольские посольские отношения в XVII в. М., 1958; Ш. Б. Чимитдоржиев. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978; он же. Взаимоотношения Монголии со странами Средней Азии. М., 1979.

¹⁷⁰ В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах. М., 1969; Б. П. Гуревич. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX вв. М., 1979; А. Л. Нарочницкий и др. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. по 1917 г. М., 1973; М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений народов России и Китая (до 1917 г.). М., 1974.

¹⁷¹ См. также: История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1967; История Киргизской ССР. Фрунзе, 1978; Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, и др.

¹⁷² Г. С. Горохова. Очерки по истории Монголии в период маньчжурского господства (конец XVII—начало XX в.). М., 1980.

¹⁷³ И. С. Ермаченко. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974; Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977; Новая история Китая. М., 1972.

¹⁷⁴ И. Я. Златкин. Монгольская Народная Республика — страна народной демократии. М., 1950; С. Д. Дыльков. Демократическое движение монгольского народа в Китае. М., 1953; Г. Кунгуров и Б. Сороковиков. Аратская революция. Исторический очерк. Иркутск, 1947; Монгольская Народная Республика. М., 1952; Б. Д. Цыбиков. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947, и др.

Широкий спектр вопросов государственного, экономического и культурного строительства в Монголии, ее международного положения, исторического пути, пройденного монгольским народом после революции, его большой международной значимости получил научное освещение как в коллективных¹⁷⁵, так и в индивидуальных трудах советских историков и экономистов, особенно за последние 20 лет. Например, укрепление народной власти в стране и развитие социалистической демократии раскрыты в монографии Г. С. Матвеевой и П. П. Старициной «Народная демократия и строительство социализма в МНР» (М., 1965).

Характеристике истории развития и основных черт современной экономики МНР, в том числе вопросов индустриализации, социалистического преобразования сельского хозяйства, внешней торговли и т. д., посвящены работы Е. П. Баврина, Т. Д. Джакупова, М. В. Мещерякова, Д. Б. Улымжиева, Т. А. Якимовой и др. (см. Библиографию). Обобщающий характер носят исследование Г. С. Матвеевой «Создание материально-технической базы социализма в МНР» и С. К. Рощина «Развитие социалистических производственных отношений в МНР», где дан глубокий анализ современных экономических процессов в МНР и тенденций их дальнейшего развития.

Актуальная проблема оседания кочевников на опыте МНР рассматривается в монографии В. В. Грайворонского¹⁷⁶.

Многогранная деятельность МНРП и народного государства по развитию социалистической по содержанию, национальной по форме культуры МНР обобщена в историческом очерке Г. И. Михайлова¹⁷⁷.

Достижения науки, в частности «обществоведения, в социалистической Монголии нашли отражение в коллективном труде советских монголоведов «Общественные науки в МНР».

Вопросы международного положения и внешней политики МНР анализируются в трудах Л. М. Гатауллиной, А. А. Осипова и др.¹⁷⁸.

Истории советско-монгольских отношений как первого в мире образца международных отношений нового социалистического типа посвящено монографическое исследование М. С. Капи-

¹⁷⁵ См., напр.: Монгольский сборник. История, экономика, археология. М., 1959; С. К. Рощин, Г. С. Матвеева, Н. Т. Варгин. Очерки экономики Монгольской Народной Республики. М., 1969; Очерки истории культуры МНР. Улан-Удэ, 1971, и др.

¹⁷⁶ В. В. Грайворонский. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979.

¹⁷⁷ Г. И. Михайлов. Культурное строительство в МНР (Исторический очерк). М., 1957.

¹⁷⁸ Л. М. Гатаулина. Монгольская Народная Республика в социалистическом содружестве. М., 1964; А. А. Осипов. Внешняя политика Монгольской Народной Республики. М., 1963; Вопросы внешней политики стран социалистического лагеря. М., 1958.

цы и В. И. Иваненко¹⁷⁹. В нем прослеживается процесс становления и укрепления братской дружбы, взаимопомощи и сотрудничества между Советским Союзом и Монголией.

Многогранное политическое, экономическое и культурное сотрудничество СССР и МНР, боевое содружество наших народов подвергнуто специальному рассмотрению не только в научной, но и в научно-популярной и мемуарной советской литературе (см. Библиографию).

Ряд узловых проблем новейшей истории МНР, в частности руководящая роль МНРП и национальные особенности строительства социализма в Монголии, международная значимость исторического опыта перехода от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм, и др. получили глубокую разработку в трудах советских ученых по общим вопросам марксизма-ленинизма, воздействия Великой Октябрьской социалистической революции и ее вождя В. И. Ленина на народы Востока, а также по проблемам пролетарского интернационализма, союза рабочего класса и крестьянства, некапиталистического пути развития, мировой социалистической системы¹⁸⁰.

Большое научно-теоретическое значение имеют в этом плане ряд совместных исследований советских и монгольских авторов¹⁸¹.

Наконец, вопросы, касающиеся политического, экономического и культурного развития МНР в новейшее время и современный период, улучшения ее международных связей, процесса завершения строительства социализма в МНР и т. п., находят то или иное отражение также и в обзорных юбилейных сборниках по Монголии, и в справочно-информационной и научно-популярной литературе по МНР, во все больших масштабах издаваемой в Советском Союзе (см. Библиографию).

¹⁷⁹ М. С. Капица, В. И. Иваненко. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). М., 1965.

¹⁸⁰ См., напр.: Н. Я. Бромлей и др. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М., 1973; Л. М. Гатаулина. Проблемы некапиталистического развития. Монгольская Народная Республика. М., 1978; М. С. Джунусов. О некапиталистическом пути развития. М., 1963; Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина. Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока. М., 1967; они же. Союз рабочего класса и крестьянства и опыт социалистических стран Азии (на примере МНР, КНДР, ДРВ). М., 1977; Ю. В. Коронов. Развитие социалистической экономической интеграции. Проблемы и перспективы. М., 1974; Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. М., 1970; Марксизм и наша эпоха. М., 1968; Т. А. Якимова. Некапиталистический путь развития ранее отсталых стран. М., 1967.

¹⁸¹ Воплощение ленинского учения о партии нового типа в деятельности Монгольской народно-революционной партии. М., 1976; История советско-монгольских отношений. М., 1981; Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм. М., 1971; Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. М., 1978, и др.; Некапиталистический путь развития и опыт Монгольской Народной Республики. М., 1971.

Зарубежная литература по истории МНР

Начало изучению истории монгольского народа на Западе положили в середине XVIII в. труды французских миссионеров Ж. Дюгальда, Ж. Дегиня, Висделу, М. Малья, Жербилона¹⁸².

Использование китайских, маньчжурских и отчасти арабских источников, личные наблюдения — главная ценность работ этих квалифицированных синологов по истории Монголии, затрагивавших и такие серьезные вопросы, как происхождение кочевых народов Центральной Азии, начиная с хунну. Их общие слабости — некритический подход к источникам, изображение исторического процесса как простой смены политических событий во времени и пространстве, игнорирование социально-экономического развития и т. д. Эти авторы произвольно делили все народы Центральной Азии на оседлые — «культурные» и кочевые — «некультурные», одобряли завоевания Чингис-хана и маньчжурских императоров, хотя и считали, что монголы в XIII в. принесли огромные разрушения в покоренных ими странах. Вместе с тем для своего времени это были одни из первых попыток систематического изложения истории монголов. Так, Ж. Дегинь привлекал не только китайские, но и арабские источники и в «Общей истории» дал в основном правильный обзор исторического развития гуннов, тюрок и монголов¹⁸³. А. М. Малья посвятил истории монголов три последних тома из 11-томного сочинения «Общая история Китая по архивам этой империи»¹⁸⁴.

В последующие годы изучение кочевников, и особенно монголов, приобрело новые импульсы в связи с дальнейшим развитием взаимоотношений между Западом и Востоком, Европой и Китаем. Причем все более заметным, особенно во второй половине XIX в., стал колонизаторский подход к исследованию судеб восточных народов, призванный служить оправданием захватнической политики капитализма.

В 1824 г. вышло первое издание «Истории монголов» французского ориенталиста армянского происхождения Д'Оссона¹⁸⁵.

¹⁸² J. B. Duhalde. Descriptions Geographiques, Historiques, Chronologique, Politique et Physique de l'Empire Chinois et la Tartarie Chinoise. Vol. 1—4. La Haye, 1736. Vissdelou. Histoire de Tartarie. P., 1779. Ch. v. Jerbilhon. La Grand Tartarie. P., 1779 (Часть сочинений см. в кн.: Гербион. О Великой Татарии. — Собрание сочинений, выбранных из месячных слов на разные годы в Санкт-Петербурге. Ч. 1. СПб., 1785).

¹⁸³ J. Deguignes. Histoire Generale des Huns, des Turks, des Mongols et des autres Tartares Occidentaux, avans et Depuis J. E. Jusqu'à Present. T. 1—4. P., 1756—1758.

¹⁸⁴ J. A. M. Mailla. Histoire Generale de la Chin, ou Annales de cet Empire. Vol. 1—11. P., 1777—1785.

¹⁸⁵ D'Osson. Histoire des Mongols depuis Tchingis-Khan jusqu'à Timour Beg ou Tammerlan. Vol. 1—4. P., 1824. Второе издание, значительно расширенное и дополненное, вышло в 1834—1835 гг. (Le Haye-Amsterdam), третье — повторение второго — в 1852 г.

Прекрасное знание персидских, тюркских и арабских источников в подлинниках и умелое их использование, позволило Д'Оссону воссоздать широкую картину монгольских завоеваний, правильно оценить их разрушительные последствия для народов Азии и Восточной Европы.

В целом верно освещая ход исторических событий, Д'Оссон вместе с тем допустил ряд существенных ошибок. Так, говоря о походах Батыя на Русь и далее на Запад, он, с одной стороны, недооценивал роль героического сопротивления русского народа, подорвавшего наступательный порыв монгольских армий, с другой — переоценил роль немецких рыцарских орденов, якобы остановивших продвижение монгольских завоевателей. При этом он упустил из виду венгерские, польские и немецкие хроники и русские летописи, которые приводят сведения о нашествии монголов на Русь. Тем не менее труд Д'Оссона не потерял своего научного значения и спустя много лет после своего написания, и недаром он дважды издавался в XX в. в Китае, один раз — в Японии, 1-й том — в СССР¹⁸⁶. После Д'Оссона наиболее крупной попыткой создания обобщающей работы по истории монголов в Западной Европе можно считать четырехтомник английского историка Г. Ховорса. Его «История монголов с IX по XIX век» представляет собой обширную компиляцию монголоведческих работ, вышедших в Европе в XVIII—XIX вв.¹⁸⁷. Не зная восточных языков, Г. Ховорс целиком зависел от переводчиков, не все из которых были достаточно квалифицированными. Тем не менее труд Г. Ховорса, аккумулировавший достижения мирового монголоведения двух веков, продолжает сохранять справочное значение для изучения истории МНР.

Западные ориенталисты конца XIX — начала XX в. продолжили изучение истории Монголии в средние века и новое время.

В 1896 г. вышла в свет книга Леона Кауна (Давида Леона) «Введение в историю Азии. Тюрки и монголы с момента происхождения до 1405 г.»¹⁸⁸. Не имея особой научной ценности, она вместе с тем впервые вскопала весьма распространенные в буржуазной историографии концепции, согласно которым в основе монгольских завоеваний лежали либо стихийные «нашествия бесчисленных диких полчищ», либо «бессознательные движения огромных волн народов»¹⁸⁹.

Значительное место роли Монголии, в частности Джунгарского ханства, во взаимоотношениях Китая и России в период

¹⁸⁶ Д'Оссон. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Т. 1. Чингис-хан. Иркутск, 1937.

¹⁸⁷ Н. Н. Howorth. History of the Mongols from the IXth to the XIXth Century. P. 1—3. L., 1876—1888; p. 4. Supplement and Indexes. L., 1927.

¹⁸⁸ Leon Cahun (David Leon). Introduction à l'Histoire de l'Asie. Turks et Mongols des Origines à 1405. P., 1896.

¹⁸⁹ См. рецензию А. Бартольда В. В. на книгу Л. Кауна «Журнал Министерства Народного просвещения». СПб., 1896, июнь, с. 375—376.

Цинской империи отведено в трудах Г. Каэна, М. Курана¹⁹⁰ и др.

Двухтомный труд Д. Бээдли¹⁹¹, также посвященный этой проблематике, ценен главным образом наиболее подробной на Западе публикацией и широким использованием русских архивных материалов по истории Монголии и Китая.

Описание положения Монголии в конце XIX — начале XX в., т. е. в период маньчжурского господства и существования монгольского феодально-теократического государства, с определенными экскурсами в историю можно найти в трудах западных путешественников, как правило проезжающих через территорию Монголии в Тибет и Китай, — У. Уильямса, Е. Гука и Габса, В. Рокхилла, Д. Каррутерса и др.¹⁹².

В целом эти описания носят мрачный характер, проникнуты духом высокомерия и нигилизма, пессимистическими оценками исторических перспектив развития Монголии. Вместе с тем они являются свидетельствами очевидцев о бедственном положении страны в условиях маньчжурского гнета, засилья китайского торгово-ростовщического капитала и империалистической эксплуатации и, как таковые, опровергают неправильные представления и преднамеренную идеализацию дореволюционной Монголии в трудах ряда современных буржуазных авторов¹⁹³.

В период между двумя мировыми войнами, а точнее, вплоть до 50-х годов монголоведением на Западе занимались лишь отдельные ученые, преимущественно филологи и языковеды: Рамстедт — в Финляндии, К. Гренбех — в Дании, Б. Лауфер и Ф. Лессинг — в США, П. Пеллио — во Франции, Э. Хейниш — в Германии, Ункриг — в Австрии и др. Они внесли крупный вклад главным образом в изучение и публикацию важных источников по истории Монголии.

¹⁹⁰ G. Cahen. Histoire de la Relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730). P., 1912; M. Courant. L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles: Empire Kalmouk or Empire Mantchou. Lyon — Paris, 1912.

¹⁹¹ J. Baddeley. Russia, Mongolia and China. Being Some Records of the Relations between them from the Beginning of the XVII Century to the Death of Tsar Alexei Mikhailovich. 1602—1676. Vol. 1—2. L., 1919.

¹⁹² S. W. Williams. The Middle Kingdom. L., 1848; E. R. Hug and Gabst. Souvenirs d'un Voyage dans Le Tartarie, Le Thibet et La Chine Pendant Les Annees 1844, 1845 et 1846. Vol. 1—2. P., 1850 (англ. пер.: Travels in Tartary, Thibet and China 1844—1846. Vol. 1—2. L., 1928); E. R. Hug. Le Empire Chinois. P., 1854; W. Rockhill. The Land of the Lamas. N. Y., 1891; он же. Diary of the Journey through Mongolia and Tibet. Wash., 1894; он же. The Dalai-Lamas of Lhasa and their Relations with the Manchu Emperors of China. Leiden, 1910; D. Carruthers. Unknown Mongolia. Vol. 1. L., 1913; Vol. 2. L., 1914.

¹⁹³ H. Vreeland. Mongol Community and Kindship Structure. New Haven, 1956; G. Murphy. The Economic Development of Outer Mongolian Economy in Recent Times. Ann Arbor, 1957; R. Rupen. The Mongols of the XX-th Century. Vol. 1. Bl., 1964; он же. The City Urga in the Manchu Period. — «Ural-Altische Bibliothek». V. Wiesbaden, 1957, с. 157—169 etc.

В целом на Западе в этот период не было создано обобщающих исторических исследований по Монголии. Зато в 20—40-е годы, как, впрочем, и в последующее послевоенное время, не было и нет недостатка в поверхностных и, по выражению Б. Я. Владимирцова, «безнадёжно слабых книг»¹⁹⁴, посвященных эпохе Чингис-хана и Монгольской империи.

Даже серьезные исторические исследования о Монголии периода Чингис-хана и его преемников французского историка Рене Груссе «Монгольская империя» и др.¹⁹⁵, несмотря на привлечение довольно широкого круга источников и литературы, в том числе русской и китайской, страдают явной апологетикой монгольских завоеваний, детерминируют их лишь сменой погодных условий в степи, традиционно обходят молчанием социально-экономические вопросы и в итоге значительно уступают работам русских и советских авторов. Эти же черты, включая слабость анализа, бедность исторической мысли, присущи сходным по проблематике работам Д. Мартина, Б. Шпулера, Г. Вернадского и др. (см. Библиографию). Так, например, Б. Шпулер развивает концепцию спасения европейской цивилизации от монгольских войск немецкими рыцарями. Игнорируя освободительную борьбу покоренных народов и сопротивление русского народа, он вопреки историческим фактам утверждает, что завоевание России для монгольских ханов было лишь «эпизодом», спасла же Европу осторожная политика и военная мощь германских правителей, чьи рыцари якобы сыграли решающую роль в битве при Легнице¹⁹⁶. Г. Вернадский же, следуя давней традиции, видит причины отступления монгольских войск из Западной Европы только в смерти великого хана Угэдя, якобы отравленного своей сестрой. «Эта женщина,— пишет он,— кто бы она ни была, должна рассматриваться как спасительница Западной Европы»¹⁹⁷, а объединение монгольских земель под

¹⁹⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.—М., 1934, с. 12—13, примеч. 7. См.: F. Kraus. Chinghis Han. Die Geschichte seines Lebens nach den Chinesischen Reichsanalen. B., 1922; H. Lamb. Cenghis-Khan. The Emperor of All Men. 1927; N. Y.—L., 1928; он же. Cenghis Khan. The Conqueror the Steppes. P., 1966; R. Fox. Genghis Khan. N. Y., 1936; M. Prawdin. Tschingis Khan und Seine Erbe. Stuttgart, 1957; F. Mackenzie. The Ocean and the Steppes. The Life and Times of the Mongol Conqueror Chinghis Khan (1155—1227). N. Y.—Wash., 1960; M. Persheron. Chinghis Khan. P., 1962; F. Saunders. The History of Mongol Conquests. L., 1971; P. Brendt. The Mongol Empire. Genghis Khan. His Triumph and Legacy. L., 1976.

¹⁹⁵ R. Grousset. L'Empire Mongol (Irephase).—«Histoire du Monde». Vol. 8(3). P., 1941; он же. L'Empire des Steppes: Attila, Cenghis Khan, Tamerlan. P., 1939; он же. Cenghis Khan. Le Conquerant du Monde. P., 1944.

¹⁹⁶ B. Spuler. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. Lpz., 1943, с. 20, 22—23 (цит. по: Монголы-татары в Азии и Европе, изд. 2-е. М., 1977, с. 210).

¹⁹⁷ G. Vernadsky. The Mongols and Russia. New Haven, 1958, с. 58. Оценку общей концепции Вернадского см.: «Вопросы истории». 1955, № 8, с. 180—186.

властью Чингис-хана объясняет воплощением некоей имперской идеи, которая, мол, не давала покоя монгольскому хану.

После второй мировой войны, особенно с середины 50-х — начала 60-х годов, в условиях общего подъема буржуазного монголоведения, вызванного совокупностью множества весьма противоречивых факторов, изучение истории Монголии на Западе активизируется и развивается как по традиционным, так и по новым направлениям.

Наибольшие успехи достигнуты традиционно по части исследования и публикации источников, которые за последние 20—30 лет приняли серийный характер и широкий размах, особенно в США, Западной Германии и Японии. Особые заслуги в этой области принадлежат таким крупным ученым, как А. Мостэрт, Ф. В. Клиффс, В. Хейссиг, Д. Бойл, Л. Амбис, К. Сиратори, С. Хаттори, А. Мураками, С. Одзава, И. Рачевильц¹⁹⁸ и др. Значительное внимание традиционно уделяется также древней, средневековой и новой истории Монголии. Наиболее значительными здесь являются работы Г. Серройса по истории монголов в период XV—XVI вв., Х. В. Шурмана и Г. Франке по экономической структуре монгольской династии Юань, И. Рачевильца по времени Чингис-хана и Монгольской империи, Г. Абемацу, С. Вада, М. Мураками, Х. Одзава по монгольскому средневековью и др. (см. Библиографию). Среди произведений японских монголистов широким диапазоном и оригинальными трактовками выделяется книга С. Ивamuры «Исследование социально-экономической истории монголов»¹⁹⁹.

Появление трудов указанных авторов знаменует собой определенный отход от мелкотемья и фрагментарного подхода к изучению дореволюционной истории монголов, стремление исследовать не только политическую историю, но и общественные отношения и социально-экономические процессы, проходившие в стране в период средневековья и нового времени. Тому свидетельством также такие работы, как, например, монографии Д. Фаргюхара «Монгольская администрация в период Цинской династии», Г. Вриланда «Монгольское общество и родовая структура», Е. Бекон «Обок. Исследование социальной структуры Евразии», Ц. Жагжида «Монгольский ламаистский квази-феодализм во время маньчжурского господства», С. Тояма «Общественный строй монголов в период Цинской империи»²⁰⁰.

¹⁹⁸ См.: Ш. Бира. Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978, с. 3—5.

¹⁹⁹ С. Ивamuра. Монору саяк кэйдзайси-ко кэнкю (Исследования социально-экономической истории монголов). Киото, 1968; он же. Кацуфидэн Такаку Дай Моко Тэйкоку (Великая монгольская империя). Токио, 1965.

²⁰⁰ Е. Вacon. Obok. A. Social Structure in Eurasia. N. Y., 1957; D. Farquhar. Mongol Administration during Ch'ing Dynasty. Cambr. 1960; H. Vreeland. Mongol Community and Kingship Structure. New Haven, 1957; S. Jagchid. The Mongolia Lamaistic Quasi Feudalism during Manchu Domination. Taipei, 1966.

Общие проблемы номадизма на примере монголов рассматриваются в работах Оуэна Латтимора и Лоуренса Крадера²⁰¹. Однако если первый придерживается эволюционной теории развития общественных отношений и исторического процесса у кочевников, то второй — сторонник весьма распространенной антинаучной концепции движения по кругу, повторяемости определенных циклов в истории кочевых народов, а по сути — теории застойности, консервативности кочевой жизни.

Большой интерес представляют историко-этнографические исследования Л. Шрама по истории, культуре и языку монголов, Х. Ф. Шурмана — по истории монголов в Афганистане, В. Хейсига — по истории культуры и религии монголов (см. Библиографию).

Растущая тенденция к комплексному изучению исторического прошлого и актуализации исторических исследований, посвященных даже древности и средневековью, усиленное внимание к социальной проблематике — вот то, что отличает современный этап в развитии этого традиционного направления буржуазного монголоведения от довоенного времени.

Систематическое изучение новейшей истории, экономики, государственного строя и современного положения МНР — новая, наиболее характерная черта буржуазного монголоведения, вызванная к жизни колоссальными изменениями, которые произошли в мире после войны. В развитии этого направления, как, впрочем, и всего буржуазного монголоведения, четко прослеживаются две тенденции, два течения: фальсификаторское, тенденциозное, обусловленное противоречивой политикой правящих кругов Запада по отношению к МНР, антикоммунизм и антисоветизм, и объективистское, реалистическое, вызванное ростом интереса широкой общественности к социалистической Монголии.

Сугубо тенденциозно освещаются и трактуются вопросы послереволюционной истории МНР, ее международно-правового статуса, взаимоотношений с СССР и Китаем и т. д., например, в книгах, статьях, публицистических очерках специалистов по Монголии В. Баллиса, Г. Мэрфи, В. Рупена, специалистов по Китаю П. Тана, А. Уайтинга, Э. Кларба, японского востоковеда Хидесуки Кимура, отпрысков известного царского реакционера — Аркадия и Дмитрия Столыпиных, журналиста-международника, исполнительного директора «Нью-Йорк таймс» Г. Солсбери²⁰² и др.

²⁰¹ O. Lattimore. *Studies in Frontier History. 1928—1958*, La Haye, 1962; L. Krader. *Social Organization of the Mongol-Turkish Pastoral Nomads*. The Hague, 1963.

²⁰² W. Ballis W. *The Mongolian People's Republic Since World War II— in Aspects of Modern Communism*, Columbia, 1968, с. 279—317; G. Murphy. *Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite*. Berkely-Los Angeles, 1966; R. Rupen. *The Mongols of the XX-th Century*. P. 1—2. Bl., 1964; он же. *The Mongolian People's Republic*. Stanford, 1966; он же. *The Fif-*

Общей чертой произведений всех этих авторов, написанных, как правило, на весьма скудном материале и изобилующих предвзятыми рассуждениями и псевдонаучными концепциями, является стремление очернить и дискредитировать исторический опыт МНР, фальсифицировать коренные проблемы новейшей истории Монголии, принизить достижения некапиталистического пути развития, бросить тень на принципы пролетарского социалистического интернационализма, посеять враждебность в отношениях МНР с СССР и другими социалистическими странами.

Одним из последних образчиков подобной литературы являются, например, книги Чэн Чунцзо и Вэй Мэнчина «Новейшая история Внешней Монголии», А. Столыпина «Монголия между Москвой и Пекином» и, конечно, Р. Рупена «Как действительно управляют Монголией». По своей тенденциозности эти работы, так же как и другие произведения Р. Рупена и К²⁰³, примыкают к откровенно враждебным писаниям о Монголии таких ученых — прислужников империализма, как В. Коларж, А. Далин, А. Паак, Н. Кнутсон и др.²⁰³

Избитым клеветническим утверждениям, всему фальсификаторскому течению в определенной степени противостоит объективистское течение. У его представителей преобладают трезвые взгляды на историю Монголии, стремление познать и осмыслить ее прошлое и настоящее, ее достижения и планы на будущее.

Первые попытки реально оценить и объективно представить основные вехи развития МНР на демократическом этапе монгольской революции (1921—1940) имели место еще в работах довоенного и военного периодов английских авторов Д. Филлипса и У. Смита, француза Ж. Левена, японского журналиста tieth Anniversary of Mongolian People's Republic, 1921—1971.— «Asian Survey». Vol. 3. 1973, № 5, с. 458—470; он же. *Mongolia*.— «Yearbook on International Communist Affairs». Stanford, 1978; P. Tang. *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911—1913*. Durham, 1959; A. Whiting. *Soviet Policies in China 1917—1924*. N. Y., 1954; E. Clubb. *Mongolian People's Republic*.— «Eastern World». Vol. 9, 1955; № 9, он же. *Twentieth Century China*. N. Y., 1964; он же. *China and Russia, the Great Game*. N. Y. L., 1971; H. Kimura. *Roshia Shuhen nokakumei (Revolutions around Russia)*.— Dai-ichiji Sekai Taisen Chikago. Tokyo, 1970, с. 102—132; Arkhady and Dimitri Stolypine. *Le Destin Extraordinaire de Mongolie*.— «Ecrit etc, Paris». Vol. 4. 1972; H. Salusbury. *The Asian Heartland. The Non Marxist View on Mongolian People's Republic*.— *The Communist World: Marxist and Non Marxist Views*. N. Y., 1967; он же. *To Peking and Beyond. A Report of the New Asia*. N. Y., 1973; он же. *War between Russia and China*. N. Y., 1969.

²⁰³ Chen Ch'ung-tsu, Wai Meng-Chin. *Recent History of Outer Mongolia*, Taipei, 1965; R. Rupen. *How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic 1900—1978*, Stanford 1979; W. Kolarz. *Communism and Colonialism*. L., 1964; A. Dallin. *Soviet Conduct in World Affairs*; A. Park. *The Non-Capitalistic Path of Development*. N. Y., 1949; N. Knutson. *Outer Mongolia. A Study in Soviet Colonialism*. Hongkong, 1959.

К. Фусе, шведских путешественников Свена Гедина и Х. Хаслунда и, конечно, О. Латтимора²⁰⁴.

В этих работах, как правило, не подвергалась сомнению независимость МНР и отмечался конструктивный характер советско-монгольских связей.

Дальнейшее развитие объективистская тенденция в освещении новейшей истории МНР получает в исследованиях по экономической географии и экономике МНР — Э. Тилиа и отчасти Ф. Хольцмана, по революции 1921 г. — К. Танака, Ф. Исоно и В. Вейт, по внутренней и внешней политике МНР — К. Сакамото, по государственному праву МНР — Г. Гинзбурга, по аграрной политике МНР — Ф. Обен. Целостную концепцию поступательного развития МНР после революции 1921 г. развивает в своих последних работах патриарх западного монголоведения Оуэн Латтимор.

Знакомство с монгольской действительностью и с архивными данными привело ученого еще в книге «Номады и комиссары. Снова в Монголии», по существу, первом на Западе серьезном очерке новейшей истории МНР, к открытому отказу от своих собственных ошибочных представлений, о международно-правовом статусе МНР, которые он ранее отстаивал в книге «Национализм и революция» и других работах²⁰⁵, к признанию примата внутренних факторов, а не действий извне при трактовке узловых проблем развития МНР с 1921 г. по наши дни, при оценке революционных преобразований в МНР, успехов в подъеме ее экономики и культуры, к признанию органичности союза монгольского и советского народов.

«Главное, что должен знать мир о Монголии, — заключает ученый, — она выдающийся пример успешного экономического развития путем осуществления плановой программы помощи другой страны»²⁰⁶.

Трезвые оценки и объективные суждения о современном этапе развития МНР содержатся в ряде справочных общенформационных популярных публикаций по Монголии.

Из последних наиболее значительных работ подобного плана можно указать на книгу Ж. Леграна «Путь Монголии от феодализма к социализму»²⁰⁷, представляющую собой полезное, доведенное до наших дней обозрение событий в Монголии за последние полстолетия, с особым вниманием к экономическим

²⁰⁴ D. Phillips. Russia, Japan and Mongolia, L., 1972; J. Leveno. La Mongolia. Historique, Geographique, Politique, P., 1937; K. Fuse. Soviet Policy in the Orient. N. Y., 1927; S. Hedin. Across Gobi Desert, L., 1931; H. Huslund. Man and Gods in Mongolia, L., 1935.

²⁰⁵ O. Lattimore. Nomads and Commissars, Mongolia Revisited. N. Y., 1962; он же. Nationalism and Revolution in Mongolia. N. Y., 1955; он же. Satellite's Politics; Mongolian Prototype. — «Western Political Quarterly». Vol. 9, 1956, № 2, etc.

²⁰⁶ O. Lattimore. Nomads and Commissars, Mongolia Revisited, с. 51.

²⁰⁷ J. Legran. Le Choix Mongol de la Feodalite en Socialism. P., 1975.

переменам, и обзоры положения в МНР в 1975—1977 гг. К. Скотта, основанные на материалах монгольской прессы и периодики²⁰⁸.

Наконец, западные читатели могут почерпнуть достоверную информацию о вчерашнем и сегодняшнем дне Монголии из путевых очерков, заметок, отчетов о поездках и воспоминаний о пребывании в стране прогрессивных общественных деятелей, ученых, журналистов и путешественников и т. д.

Вся эта литература в целом убедительно показывает, что после революции 1921 г. монгольский народ был не объектом, а субъектом исторического процесса, яркой страницей которого являлись его взаимоотношения с СССР, что эти отношения способствовали укреплению государственной самостоятельности и социально-экономическому и культурному прогрессу Монголии.

Следует отметить, что почти для всех представителей объективистского течения в буржуазной историографии все еще характерны непоследовательность и противоречивость в оценке ряда важных периодов и моментов новейшей истории МНР, особенно сущности и итогов демократического этапа революции, непонимание объективной исторической закономерности советско-монгольских отношений, сомнения и оговорки в отношении возможностей МНР проводить полностью независимый политический курс и др.

Наиболее двойственными и противоречивыми выглядят работы тех буржуазных авторов, которые занимают, так сказать, промежуточное положение между явными фальсификаторами и объективистами. Так, например, в книге Д. Фритерса «Внешняя Монголия и ее международное положение», положившей начало специальным монографическим исследованиям по МНР на Западе, наряду с правильными выводами и положениями проводится абсолютно неверный тезис об обретении МНР суверенитета де-юре только с 5 января 1946 г.²⁰⁹ Ч. Боуден, в своих статьях безоговорочно признававший независимый характер МНР, ее крупные достижения на путях строительства социализма, в монографии «Современная история Монголии» отрицает какую-либо международную значимость исторического опыта МНР, повторяет выдумки буржуазной пропаганды о моделировании внутренней жизни в Монголии, в частности кооперирования аратства, по «русским образцам» и т. п.²¹⁰ Автор обстоятельного общего справочника «Монгольская Народная Республика»²¹¹ Алан Сандерс, с начала 70-х годов регулярно освещаю-

²⁰⁸ K. Scott. The Mongolian Scene (Fall 1975—Spring 1976). — «Canada-Mongolia Review». Vol. 3, 1977; он же. The Mongolian Scene 1976—1977. — «Canada-Mongolia Review». Vol. 3, 1977, № 1.

²⁰⁹ G. Fritters. Outer Mongolia and Its International Position. Ed. 1-est. Baltimore, 1949; Ed. 2-nd. L., 1951, с. 287.

²¹⁰ Ch. Bawden. Modern History of Mongolia. L., 1968.

²¹¹ A. Sanders. The People's Republic of Mongolia. A General Reference Guide. L.—N. Y., 1968.

ший современное положение и все важнейшие текущие события в МНР на страницах ряда известных востоковедных журналов, базирует свои публикации, как правило, на материалах монгольской и советской прессы, что само по себе создает объективную картину. Однако под маской беспристрастного комментирования нередко дается такая интерпретация фактов, которая бросает тень на равноправное советско-монгольское сотрудничество, подыгрывает оголтелому антисоветизму империалистической реакции и ее приспешников²¹².

Таким образом, несмотря на все положительные сдвиги, изучение новейшей истории МНР на Западе проходит сложно и противоречиво, и пока буржуазная историография не может похвастаться фундаментальными трудами в этой области. Для подлинно научного понимания истории МНР как до, так и после 1921 г. читатель должен в первую очередь обратиться к марксистской монголоведческой литературе, выходящей в МНР, СССР, других социалистических странах (см. выше), а также соответствующим публикациям в капиталистических странах²¹³.

Следует подчеркнуть, что со времени образования КНР до конца 50-х годов среди китайских историков существовало полное единодушие в оценке важнейших событий, связанных с историей монгольских завоеваний и образованием Монгольской империи в XIII в. Об этом свидетельствуют труды таких видных историков, как Фань Вэньлань, Шан Юэ, Юй Юаньань, Тогтоху²¹⁴ и др.

Например, в «Очерках истории Китая» под редакцией Шан Юэ говорилось: «Монголы во время вторжения в Китай и после

²¹² См., напр.: A. Sanders. Unhappy Neighbours.—«Far Eastern Economic Review». Vol. 65, 1972, № 12, с. 19—20; он же. Mongolia, from Sambuu to Tsedenbal.—«Asian Survey». Vol. 14, 1974, № 1, с. 971—984; он же. Mongolia, 1977. Directive № 14.—«Asian Survey». Vol. 18, 1978, № 1, с. 29—35, etc.

²¹³ См. выше, а также, напр.: J. Schubert. Poralipomena Mongolia. Wissenschaftlichen Notizen über Land, Volk und Lebensweise in der Mongolischen Volksrepublik. B., 1971; B. Tamchina, W. Viteslav. Mongolia 50 lat Revolucji. Warszawa, 1972; K. F. Komornik. Tavalod, Jurtak, Budapest, 1974; St. Kaluzynski. Imperium Mongolskie. Warszawa, 1970; H. Erzseber. Mongolia Naplo. Budapest, 1977; Рона Шаш. По следам кочевников. М., 1968; W. Hartwig. Ethnographica der Chalcha und Burjaten (Mongolische Volksrepublik). B., 1966; I. Montague. The Land of Blue Sky. L., 1965; I. Vidal. Le Mongolie. P., 1971; A. Miller. From Feudalism to Socialism with the Aid of C. M. Ca.—«Socialist». Sydney, 1976; N. Balara. MPR. Build Industrial Economy.—«New Age». Vol. 24, 1976, № 27.

²¹⁴ Чжунго тунши цзяньбянь (Краткая общая история Китая). Ред. Фань Вэньлань, Шанхай, 1949; Фань Вэньлань. Чжунго синьдай ши (Новая история Китая). Пекин, 1954; на рус. яз.—М., 1955; Шан Юэ. Чжунго цзяньши гайяо (Очерки истории Китая). Пекин, 1957; М., 1959; Юй Юаньань (Юй Баан). Нэй мэngu лиши гайяо (Очерк истории Внутренней Монголии). Шанхай, 1958; он же. Чэнцзисы-хань чжуань (Биография Чингисхана). Шанхай, 1955; Тогтоху. Нэй мэngu фачжань ши (История развития Внутренней Монголии). Хух-Хото, 1958.

установления там своего господства жестоко истребляли и порабощали китайское население, нанесли огромный ущерб сельскому хозяйству и ремеслу, культуре и искусству. Феодалная экономика и культура, достигшие за период Северных и Южных Сунов высокого уровня развития, пришли в упадок. Таким образом, монгольское иго надолго задержало дальнейший прогресс китайского общества»²¹⁵.

Такая объективная оценка монгольского владычества в Китае была основана на фактических данных китайских и монгольских летописей, показаниях современников монгольских завоеваний и высказываниях авторитетных деятелей истории и культуры Китая последующих времен.

Однако с начала 60-х годов в Китае стали высказываться взгляды о необходимости переоценки отрицательного отношения к монгольским завоеваниям. Китайские историки начали утверждать, что период господства Юаньской (монгольской) династии являлся «эпохой великого объединения» Китая. Они стали восхвалять опустошительные походы Чингис-хана и его преемников. По их трактовке, «империя, созданная Чингис-ханом, сыграла прогрессивную роль в истории Китая... Чингис-хан сломал границы между национальностями и восстановил вновь великое многонациональное государство, которого не было со времени династий Хань и Тан»²¹⁶.

В китайских исторических журналах было опубликовано немало статей, в которых в той или иной степени развивались тезисы о «прогрессивности» завоевательных походов Чингис-хана и других монгольских полководцев.

Китайские историки также идеализировали агрессивную политику маньчжурских завоевателей, подчеркивая их «заслуги» в объединении многонационального Китая.

Как известно, Цинская (маньчжурская) империя была создана в результате многолетних кровопролитных завоеваний народов Китая, Монголии и других стран. Маньчжурские правители на всем протяжении своего господства проводили политику жесточайшего угнетения народов поработенных стран, в том числе и Монголии. Лишь в результате мощного национально-освободительного движения народов покоренных стран Цинская империя была ликвидирована в 1911 г. и Монголия объявлена независимым государством. Однако суверенитет восстановленного монгольского государства не был признан буржуазно-помещичьим, милитаристским правительством Китая.

²¹⁵ Шан Юэ. Очерки истории Китая. М., 1959, с. 354.

²¹⁶ «Жэньминь жибао», 10.VIII.1961.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОИ

Глава I

ЭПОХА ПРОИЗВОДСТВА ОРУДИЙ ИЗ КАМНЯ

Марксистской исторической наукой установлено, что все современные народы и нации образовались из различных этнических элементов в процессе длительного и сложного исторического развития. Такой же сложный исторический путь прошли, разумеется, и предки современного монгольского народа. Нельзя поэтому рассматривать прошлое монгольского народа только лишь с того момента, когда о нем появились упоминания на страницах писаной истории.

Палеолит. История предков монгольского народа уходит далеко в глубь веков — в эпоху первобытнообщинного строя.

Новейшие данные показывают, что территория Монголии была заселена древнейшим человеком около 300 тыс. лет тому назад. К тем временам относятся остатки синантропа в пещере Чжоукоудянь, а также находки в г. Горно-Алтайске на р. Улалинке. Самые ранние следы деятельности человека на территории Монголии относятся к нижнему палеолиту — ашельско-мустьерскому времени¹.

Древнейшие стоянки палеолитического человека обнаружены в местности Ярх Средне-Гобийского аймака, в районе Сайн-Шанд Восточно-Гобийского аймака, в местности Оцон-Маньт Южно-Гобийского аймака, на горе Их-газар в Богд-сомоне Убур-Хангайского аймака.

¹ А. П. Окладников. Внутренняя Азия в каменном веке (нижнем, среднем палеолите). — «Studia Mongolica». Т. I. Fasc. II. У. Б., 1973; Д. Дорж, Д. Цэвээндорж. Монголын палеолит. У. Б., 1978.

Из большого количества каменных изделий, собранных в этих местах, следует назвать ручные рубила, остроконечники, дисковидные и прямоугольные нуклеусы так называемого леваллуазского (по месту первых находок во Франции) типа, грубо оббитые гальки и многочисленные отщепы, сколотые с галечных нуклеусов. Нередко обнаруживаются грубые каменные отщепы и столь же примитивные орудия — чопперы. Чопперы изготовлялись из хорошо окатанных речных галек, один конец которых обрабатывался несколькими целесообразно нанесенными ударами. Ими с успехом можно было рубить и резать.

Каменный отщеп
палеолитического периода
(Кобдо)

Обладателями этих орудий в нижнепалеолитическое время были предшественники неандертальцев — архантропы.

В период жизни неандертальского человека и его предков климат был более умеренным: в горах росли хвойные и лиственные леса, в низинах расстилались влажные луга, где водились мамонты, корсаки, привыкшие к прохладному климату, и теплолюбивые винторогие антилопы и страусы.

Переход от нижнего к среднему палеолиту (около 40—50 тыс. лет тому назад) совпал с оледенением, которое способствовало резкому изменению климата. В связи с наступлением похолодания произошли значительные изменения не только в растительном и животном мире, но и в физическом облике самого человека. Он создает более совершенные орудия производства, назначение которых расширяется. Остроконечники употреблялись как ножи и наконечники копий, а скребла — для обработки шкуры и дерева. Широко распространяются орудия из пластин, сколотых из дисковидных и леваллуазских нуклеусов, что было характерным в технике среднепалеолитической индустрии.

Подобные орудия найдены во многих местах центральной и западной части страны, в частности в Мойлтын-ам на Орхоне, в местностях Духбаа-цагаан-сомон Баян-Хонгорского аймака и Богд-сомон Убур-Хангайского аймака.

Одним из крупнейших достижений среднего палеолита было искусственное добывание огня. Огонь дал людям возможность согреться от холода, защищаться от хищников и употреблять пищу не в сыром виде.

Люди этого времени, покинув пещеры, навесы, переселились в открытые места, стали строить жилища и носить одежду из обработанных шкур.

Следующим этапом развития человечества является верхний палеолит (12 тыс.—40 тыс. лет тому назад).

Стоянки человека этого времени найдены: в долине р. Селенги около г. Сухэ-Батора и на р. Толе в окрестностях Улан-Батора; на р. Орхоне — в районе Эрдэнэ-Дзу; в бассейне р. Халхин-гола — на востоке и в глубине Гоби — у склонов Монгольского Алтая, вблизи Кобдо-сомона Убур-Хангайского аймака.

О глубокой древности этих поселений свидетельствует то обстоятельство, что их остатки обнаруживаются обычно в определенных геологических условиях — на высоких речных террасах, часто вдали от русла современных рек, успевших за минувшие тысячелетия значительно изменить и углубить свое русло.

Судя по некоторым костным находкам в долине рек Толы и Селенги, животный мир, окружавший человека того времени, сильно отличался от современного. Там обитали мамонты, «шерстистые» носороги, большерогие олени, бизоны, дикие ослы и антилопы — сайга.

Верхнепалеолитические обитатели Монголии знали также и животных более теплолюбивых — вымерший ныне вид винторогой антилопы, близкой к африканской, и особый вид страуса, также весьма близкий к современному африканскому.

На этой ступени развития палеолита формировался человек современного физического типа (*homo sapiens*).

Верхний палеолит относится к концу ледникового периода, предшествовавшего современной нам геологической эпохе. Следует поэтому коротко сказать о ледниковом периоде на территории МНР.

Как выяснено учеными, после теплого третичного периода² на земном шаре наступил ледниковый период, т. е. время резкого охлаждения климата, когда на значительной части Европы, Азии и Америки образовались огромные массы льда. Ледники оставили свои следы и на территории Монголии.

Правда, вследствие континентальности климата Центральной Азии ледники ограничивались в своем распространении лишь областью гор и предгорий, в частности Хэнтэйских и Алтайских гор³. Здесь не было сплошного ледяного покрова, как в Европе, но соседство ледников все же сильно сказалось на климате, животном мире и растительности, на жизненных условиях первобытного человека.

² Геологическая история земли делится на эры, которые, в свою очередь, подразделяют на более короткие отрезки времени — периоды, каждому из них соответствуют определенные осадочные породы, или слои. Третичный период начался около 60 млн. лет назад и закончился за один миллион лет до наших дней. Его сменил четвертичный период, в который входит и современная эпоха.

³ Ш. Цэгмид. Хэнтэйн уулархаг орны физик-газар зүйн ба эртний мөстлөгийн тухай гэдэрхийлэлт. У. Б., 1955.

Основным источником существования человека в верхнем палеолите, как и прежде, служила охота, уже более усовершенствованная, чем у людей предшествующих периодов каменного века. Именно теперь, в верхнем палеолите, появляется, например, специальное охотничье вооружение — в первую очередь метательные дротики, которые значительно облегчили охотничий промысел и повысили его производительность. Характерно, что верхнепалеолитический костяной наконечник дротика с пазами вдоль боков для закрепления в них кремневых пластин найден и на одной из интереснейших стоянок МНР — на 125-м километре шоссе Сухэ-Батор — Улан-Батор.

По-видимому, палеолитические охотники применяли в это время загоны и всевозможные ловушки. Рост производительности охоты приводил к внедрению более оседлого быта, так как охотникам уже не надо было постоянно передвигаться, их потребности обеспечивали теперь сравнительно ограниченные площади охотничьих угодий. Это подтверждается и характером верхнепалеолитических стоянок Монголии. Обитатели этих стоянок жили на них подолгу, на что указывают остатки бытовой утвари, обнаруженные при раскопках.

В тесной связи с прогрессом в охотничьем хозяйстве находились и важные перемены в общественном устройстве людей того времени. Люди верхнего палеолита жили в условиях первобытнообщинного строя, на той его ступени, которая характеризуется развитием первобытной родовой общины.

В. И. Ленин характеризовал древнейший этап истории человечества как эпоху первобытного стада, пережив которую оно вступило в эпоху первобытной родовой коммуны. Согласно археологическим данным, этот период наблюдался именно в верхнепалеолитическое время. Правда, в нашем распоряжении нет достоверных сведений о характере общественного строя палеолитических обитателей Монголии. Но такие данные найдены неподалеку от Монголии, в палеолите соседней Сибири. Поскольку между находками на палеолитических стоянках Монголии и Сибири имеется большое сходство, которое обуславливает наличие известных связей между их обитателями, вполне закономерен вывод, что важнейшие особенности образа жизни на сибирских стоянках в одинаковой степени характерны и для палеолитических охотников Монголии.

При раскопках двух палеолитических стоянок в Прибайкалье — Мальта и Буреть, под Иркутском, найдены многочисленные статуэтки, изображающие женскую фигуру. Они служили воплощением определенных идей, очевидно связанных с особым положением женщин в эпоху верхнего палеолита. Такое положение женщины заняла именно на ранней стадии родового строя в условиях значительной оседлости охотничьих родов. Женщина была в то время основой родового единства, ибо по женской линии велся счет родства. Оставаясь дома, обеспечивая

хранение продуктов, приготовление пищи и одежды, воспитание детей, она считалась подлинной домоправительницей.

Матриархат — основная черта тогдашнего родового строя, женщинам принадлежала главная роль в общественной жизни рода. Естественно отсюда возникновение палеолитических женских статуэток. В них верхнепалеолитические люди запечатлевали образ женщины — родоначальницы, хранительницы домашнего очага.

Все сказанное позволяет с полной уверенностью считать, что как древние охотники Сибири, так и близкое к ним по уровню и характеру культуры население забайкальских стоянок и стоянок Монголии уже в верхнепалеолитическую эпоху жили материнским родовым строем.

О высоком уровне развития первобытных племен Монголии в данную эпоху свидетельствует прекрасный памятник искусства — пещерные росписи Хойт-Цэнкэр агуй, открытый на территории Манхан-сомона Кобдоского аймака⁴.

В целом новые открытия и исследования палеолитических памятников Монголии в корне меняют некогда бытовавшее представление об отсталости и застойном характере первобытной культуры Центральной Азии.

Мезолит. Древнее население Монголии в своем дальнейшем развитии от палеолита к неолиту пережило переходный период — мезолит⁵ (около 7—12 тыс. лет тому назад). Отличительная черта этого периода — появление лука, стрел и вкладышевых орудий. Уже с этого времени чопперы, остроконечники, скребла и другие изделия начали уступать свое место орудиям из ножевидных пластин, сколотых из призматического нуклеуса. Такие орудия — пластины, обработанные с двух сторон, и накопечники стрел на пластинах — найдены на стоянке № 9 на правом берегу р. Керулена, напротив г. Чойбалсана, на р. Иро в Селенгинском аймаке, на горе Хэрэ-ула Восточного аймака⁶.

⁴ А. П. Окладников. Центрально-Азиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнкэр агуй, Западная Монголия). Новосибирск, 1972.

⁵ Мезолит — наименование, образованное из двух греческих слов: мезос — средний, литос — камень, т. е. среднекаменный век.

⁶ А. П. Окладников. Поселение каменного века на горе Хэрэ-ул (Восточная Монголия) и докерамические культуры Японии. — Историко-филологические исследования. М., 1974.

Пещерная живопись
Хойт-Цэнкэр агуй
палеолитического периода
в сомоне Манхан
(Кобдоский аймак)

в местности Барун и Дзун-Хайрхан-ула Южно-Гобийского аймака.

В мезолитическое время Центральная и Северная Азия составляли единую область материальной и духовной культуры. Богатый каменный инвентарь мезолитических памятников Мойлтын-ам (первый слой — Центральная Монголия), Хэрэ-ула (Восточная Монголия) и др., который находит близкие аналогии в ряде позднепалеолитических и мезолитических поселений Прибайкалья, Восточной Сибири, Приморья, Якутии, Камчатки и Японии⁷, свидетельствует о том, что именно в этот период население Монголии принимало участие в заселении Североамериканского континента через Восточную Сибирь и Берингов пролив⁸.

Мезолит по формам хозяйства и своим общественным отношениям стоял преимущественно ближе к палеолиту. Как отмечал Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», появление лука и стрелы для охоты и изготовление глиняной посуды являются характерной особенностью дальнейшего развития первобытного общества и его культуры.

Неолит. В результате исследований, проведенных с 20-х годов XX в. до настоящего времени, установлено широкое распространение неолитических поселений почти на всей территории МНР. Эти поселения чаще всего были расположены вблизи древних, большей частью исчезнувших озерных водоемов, ключей и рек.

Из них наиболее интересны стоянки, а также поселения с погребениями и полуподземными жилищами в местности Тамцаг-Булак Восточного аймака, Овот у г. Чойбалсана, Баяндзак Южно-Гобийского аймака⁹. Отдельные погребения этого времени были найдены у горы Норовлин Восточного аймака и на правом берегу р. Керулен напротив г. Чойбалсана.

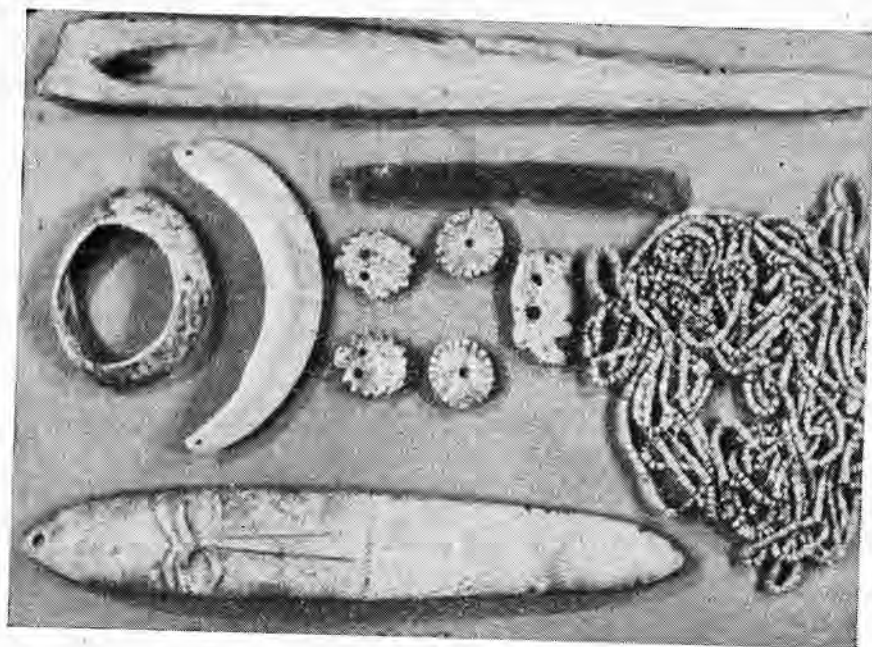
Раскопки этих поселений и погребений показали, что людей хоронили в сидячем положении в узкой шахте, сопровождая их костяными ножами с лезвиями, сделанными из тонких ножевидных пластин с ретушью и перламутровыми бусинками, а также украшениями из зубов марала. Жилища, обнаруженные в Тамцаг-Булаке и Овоте, представляли собой прямоугольные сооружения, иногда достигавшие 42,5 кв. м¹⁰.

⁷ Д. Дорж. Мезолитическое поселение на р. Халхин-гол. — «Studia Mongolica». Т. 4. Fasc. 13.

⁸ Д. Дорж. Некоторые вопросы древнейшей истории Монголии. — «БНМАУ-ын ШУАкадемийн мэдээ». 1975, № 4.

⁹ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Тамцаг-Булак — неолитическая культура Восточной Монголии. — «Материалы по истории и филологии Центральной Азии». Вып. 5. Улан-Удэ.

¹⁰ Д. Дорж. Тамцагбулакская культура и ее место в древнейшей истории Центральной Азии. — Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. У. Б., 1974.

Находки неолитического погребения
в сомоне Булган Восточного аймака

Погребение, найденное у горы Норовлин, было густо засыпано красной охрой. Из сопровождавших покойника вещей особый интерес представляет каменный талисман, изображающий человеческое лицо¹¹.

Обычными находками на стоянках и поселениях являются многочисленные кремневые пуклеусы чисто неолитического типа, отщепы, ножевидные пластинки, проколки, миниатюрные дисковидные скребочки, наконечники стрел.

Обитатели Монголии неолитического времени прекрасно владели такой техникой обработки камня, как сверление и шлифовка; свидетельство тому — найденные большие шлифованные топоры из мелкокристаллических пород камня. Многочисленные каменные пестики и примитивные зернотерки говорят о возросшем значении сбора дикорастущих съедобных злаков и, возможно, о зачатках земледелия¹².

Наряду с каменными изделиями в Гоби обнаружены древнейшие неолитические глиняные сосуды полуяйцевидной формы,

¹¹ В. В. Волков. Погребение в Норовлин-ула (Монголия). — Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975; Н. Сэр-Оджав. Древняя история Монголии. У. Б., 1977.

¹² Д. Дорж. Неолит Восточной Монголии. У. Б., 1971.

покрытые снаружи характерными оттисками мелкой сети-плетенки. Такие же сосуды и близкие по типу каменные орудия характерны для ранних стадий неолита соседних областей Восточной Сибири, прежде всего Забайкалья. Это подтверждает тот факт, что культурные связи между племенами Монголии и Восточной Сибири не прекращались и после древнекаменного века, что древнейшая история Сибири и Центральной Азии имела много общего в новокаменном веке (неолите), т. е. примерно 4—5 тысячелетий до н. э.

Археологи установили также наличие культурных связей между неолитическими племенами, населявшими территорию Приамурья, и древними племенами Восточной Монголии в районе Тамцаг-Булака и Халхин-гола.

В эпоху неолита достигает своего расцвета зародившаяся еще в период позднего палеолита первая четкая организация — материнский род. Род выступал единственным собственником всех средств производства. С дальнейшим развитием общества усложнялись общественное сознание и первобытные религиозные представления. Многочисленные рисунки на скалах, изображающие горных козлов, лошадей, человеческие фигурки, змей и т. д., отражали эти религиозные представления.

К концу неолита наблюдалось различие в качестве и количестве орудий и украшений, сопровождавших покойников, о чем свидетельствует инвентарь погребений Тамцаг-Булака и Норовлина.

В то же время между отдельными родами возникает обмен, носивший еще случайный характер. Об обмене свидетельствуют найденные нефритовые изделия: топоры, тесла, сохранившиеся в южных районах Монголии, сырье для изготовления которых находилось в других местах, отдаленных за сотни километров, — в Прибайкалье (Саяны), за Байкалом (Витим).

Таким образом, найденные в разных местах на территории Монголии каменные изделия свидетельствуют о повсеместной заселенности этой части Центральной Азии в неолитическую эпоху, о крупных сдвигах в производственной деятельности, ознаменовавшихся переходом к производящим формам хозяйства (начало земледелия и скотоводства).

Глава 2

ЭПОХА ПРОИЗВОДСТВА ОРУДИЙ ИЗ БРОНЗЫ

С конца неолита племена, жившие на территории Монголии, совершенствуя свои орудия труда, постепенно переходят к производству металлических орудий из бронзы. Наличие месторождений меди и олова в различных районах Монголии обуслови-

Золотая брошка бронзового века
(Селенгинский аймак)

ло развитие металлургии древней бронзы. Бронзовый век Монголии был прямым продолжением предшествующего неолитического периода.

Доказательством могут служить уникальные памятники, обнаруженные совместной монголо-советской археологической экспедицией в местностях Куйтан-Булак и Тамцаг-Булак в Восточном аймаке.

Здесь наряду с неолитическими каменными орудиями были найдены остатки меднолитейного производства, которые свидетельствуют о том, что обитатели этих мест находились на стадии перехода от неолита к эпохе меди и бронзы.

В последние годы по западным и восточным склонам Хангая (Шатар-Чулу, Алтая, Саян) обнаружены также курганные могильники начала II тысячелетия до н. э. Захоронения с костяками, покрытыми красной охрой, глиняная посуда с елочным орнаментом позволяют отнести их к культуре древнейших скотоводов, населявших на заре бронзового века некоторые районы Южной Сибири и Центральной Азии. По месту первых находок (в Южной Сибири) эта культура получила название афанасьевской.

К этому времени относятся и некоторые наскальные рисунки, обследованные в среднем течении р. Чулуут-гол. Здесь открыты очень близкие к южносибирским (окуневским) маски-личины, многочисленные изображения домашних быков с очертаниями ярма, выбитого на скале впереди животного. Рисунки домашних быков на скалах Чулуут-гола — еще одно свидетельство перехода племен Монголии в начале II тысячелетия до н. э. к пастушескому скотоводству.

Металлургия древней бронзы достигла в Монголии наибольшего расцвета в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

В Монгольской Народной Республике известно уже значительное число находок, относящихся к данному периоду.

Наиболее ранние из этих находок по типам металлических орудий относятся к так называемому карасукскому этапу (XIII—VIII вв. до н. э.), памятники которого впервые были обнаружены археологами в Южной Сибири (в районе Минусинска).

К этому времени следует отнести множество бронзовых орудий, разного вида украшения, предметы обихода, найденные в разных районах Монголии и ныне хранящиеся в музеях МНР. Это прежде всего целая серия массивных бронзовых ножей. Среди них уникальные боевые длинные кинжалы, навершия рукояток которых украшены изображениями голов горных баранов и козлов.

К этой же группе находок относится исключительный по совершенству выделки боевой топор, обнаруженный в Южной Гоби, а также двух- и трехлопастные бронзовые привески, которые, возможно, в ту пору женщины вплетали в косы.

На территории Монголии и Забайкалья известны наскальные рисунки, выполненные красной краской, датированные бронзовым веком и характерные только для этого региона. Основные сюжеты этих рисунков — прямоугольные и кругообразные «дворы» с многочисленными точками внутри. Их сопровождают также стилизованные животные, изображения людей (обычно два или три), стоящих в ряд, взявшись за руки, и, наконец, орел, распростерший крылья над всей этой композицией. Эти рисунки найдены в окрестностях г. Улан-Батора — Их тэнгэр-аме, в Хачурте (в 40 км от города), в местности Тольжгий-боом в Хубсугульском аймаке и других районах.

В рисунках первобытные люди стремились выразить свои надежды, а также пожелания благополучия членам родов, успехов в охоте, сохранения и умножения поголовья скота — основного их богатства.

К концу бронзового века относится также большая серия изображений боевых колесниц, выбитых на скалах Монгольского Алтая и Хангая, — важное свидетельство появления колесного транспорта, а также развитого коневодства уже в столь отдаленные времена.

Современное состояние изучения памятников эпохи бронзы на территории Монголии не позволяет определенно решить вопрос о происхождении культуры карасукского типа. Вместе с тем исследования последних лет выявили ее важную роль в сложении культур последующих эпох.

На каком уровне развития стояло население Монголии в это бурное время продвижения древних племен бронзового века на север, можно судить главным образом по тому, что и в сле-

НАЧАЛО ПРОИЗВОДСТВА ЖЕЛЕЗНЫХ ОРУДИЙ

дующую эпоху еще очень долго сохранялось древнее родовое единство, хотя, очевидно, семья, возглавляемая мужчиной, становилась все более самостоятельной внутри родовой организации.

Процесс укрепления патриархальной семьи ускорялся развитием хозяйства, в котором скотоводство делало все большие успехи.

Таким образом, в эпоху бронзы произошли крупнейшие изменения в хозяйстве и культуре древних обитателей Центральной Азии. Именно тогда одновременно со степными племенами в Европе они перешли к скотоводству.

Ф. Энгельс придавал этому факту огромное значение, так как считал, что вследствие развития скотоводства «пастушеские племена выделились из остальной массы варваров — это было первое крупное общественное разделение труда»¹³.

Пастушеские племена производили больше, чем охотники и рыболовы, и имели иные средства к жизни. У них были «не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возраставшее с увеличением масс сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен»¹⁴.

В начале эпохи бронзы скотоводство распространяется в соседних с Монголией и удобных для разведения скота степных районах Сибири и Забайкалья и даже в районе оз. Байкал, на границе с тайгой, где на некоторых стоянках и в могильниках, еще сохранявших весьма архаический характер, найдены при раскопках кости домашнего быка и овцы.

Первое крупное общественное разделение труда привело к другому, еще более важному последствию: пошатнулись тысячелетние устои древнего матриархального родового устройства. «А с приобретением стад и прочих новых богатств, — указывал Ф. Энгельс, — в семье произошла революция. Промысел всегда был делом мужчины, средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми средствами промысла; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. „Дикий“, воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, „более кроткий“ пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе»¹⁵.

¹³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21, с. 160.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 161—162.

Как показали исследования последних лет, появление железа в археологических комплексах Монголии относится к первой половине I тысячелетия до н. э. и, видимо, с V в. до н. э. начинается массовое использование ковкого металла для изготовления орудий труда и оружия.

Эту эпоху (IX—III вв. до н. э.) в истории культуры племен, населявших степной пояс Европы и Азии, обычно называют скифской, так как наибольшей выразительности эта культура достигла у скифов, населявших территории, примыкавшие к Черному морю.

Как у скифов, так и у всех других, несомненно разноязычных, различавшихся в этническом отношении и по культурному уровню племен степной зоны (в Приуралье и Казахстане, в Западной и Южной Сибири, в Забайкалье и Монголии) в это время бытовало множество вещей сходных форм. Особенно это характерно для оружия, конской сбруи и украшений.

Скифская эпоха — одна из наиболее ярких страниц в истории Монголии и Центральной Азии в целом. В этот период происходит окончательное становление прогрессивной в то время формы хозяйства — кочевого скотоводства, кочевого быта и культуры со всеми важнейшими техническими достижениями, яркого и неповторимого искусства кочевников. Иными словами, это было время появления тех черт культуры, которые затем на многие столетия становятся особенно обильны и разнообразны. Исследования их позволили выделить две этнокультурные зоны: восточную и северо-западную.

Восточная целиком совпадает с культурой плиточных могил, памятники которой на севере выходят за границы Монгольской Народной Республики и широко распространяются за Байкалом и в Прибайкалье.

Так называемые плиточные могилы получили это наименование потому, что на поверхности земли они окаймлены четырехугольными оградами из врытых на ребро каменных плит. Плиточных могил много встречается в центральной части МНР. Имеются они и на северо-востоке Монголии в Хэнтэйском аймаке, и в бассейне рек Керулена и Онона, а также к югу от Улан-Батора, в Гобийских аймаках. В северных районах МНР плиточные могилы отмечены по берегам оз. Косогол и в долине р. Селенги.

Раскопки плиточных могил в Монгольской Народной Республике производились в ряде мест по рекам Толе, Керулену и близ курорта Худжирта на р. Орхоне. Найденные в могилах покойники лежали на спине, головой на восток, вместе с различ-

ными вещами. Иногда под голову или под пятку покойника клали плоский камень — «подушку».

В могилах чаще всего встречаются ожерелья из бронзовых и сердоликовых бус, а также плоские и цилиндрические бусы, сделанные из белой и красной пасты. Кроме бус нередко оказываются бронзовые бляхи в виде круглых пуговиц с ушком на обратной стороне. Подобные украшения находят и в забайкальских плиточных могилах, и в курганах скифского времени на Саяно-Алтае, а также в более ранних захоронениях VIII—VII вв. до н. э.

Что касается глиняной посуды, то она представлена в могилах изделиями двух типов. Сосуды первого типа — с ручками — изготовлены из красноватой глины, очень похожи на горшки, обнаруженные на стоянках VIII—III вв. до н. э. в Ордосе и Жэхэ; сосуды второго типа — из более грубой коричнево-серой глины, покрытые штрихами, интересны тем, что напоминают грубую глиняную посуду, столь характерную для следующего этапа — для хуннских могил Монголии и Забайкалья. Антропологи, проводившие краниологические исследования костных материалов из плиточных могил, утверждают, что носители их культуры были монголоидами и, возможно, составляли основное ядро будущих хунну.

Всеми указанными чертами монгольские плиточные могилы сходны с забайкальскими, в которых обнаружены некоторые находки, дополняющие перечисленные выше.

Так, в плиточных могилах долины р. Селенги найдены бронзовые стрелы и топоры-кельты, бронзовый кинжал, украшенный фигурой медведя, игольник с костяной иглой, бронзовое зеркало с ручкой в виде фигуры животного, обломок «скифского» котла и «псалии» (трэнзеля) от бронзовых удил, а также известные в Монголии украшения — бусы и бляхи. Кроме того, в одной из забайкальских плиточных могил оказались и железные предметы — удила. На основании могильных находок удалось определить, что одни могилы сооружались в VII—IV вв. до н. э., а другие — в III—II вв. до н. э.

Вторая этнокультурная зона — крайние северо-западные аймаки МНР (Убсунурский, Баян-Улэгэйский, Кобдоский) — характеризуется памятниками алтайского и саяно-тувинского типа. Наиболее ярко особенности культуры скифского времени представляет Чандаманьский могильник V—III вв. до н. э., раскопанный в окрестностях г. Улангома. Здесь найдены погребальные комплексы могильника двух типов: коллективные захоронения в бревенчатых срубках и одиночные или парные погребения в каменных ящиках. В процессе раскопок получен обширный материал: целая серия разнообразной глиняной и деревянной посуды, в том числе богато орнаментированной налепными узорами и рисунками, выполненными черной краской, большое число всевозможных украшений в виде стеклянных и

Олений камень
в долине р. Хуннуй.
Сомон Эрдэнэмандал
Ара-Хангайского аймака

пастовых бус, подвесок из зубов животных, бронзовых медальонных зеркал, бляшек, в том числе выполненных в скифо-сибирском «зверином стиле». Здесь же найдено большое количество всевозможного бронзового и железного оружия: кинжалы, наконечники стрел, боевые топоры и чеканы. О большой роли войны в жизни племен, оставивших этот могильник, свидетельствуют также военные травмы, следы которых имеются на многих черепах захоронений могильника. По погребальному обряду, сопровождающему инвентарю, а также по антропологическому типу погребенных могильник относится к так называемой уюкской культуре Тувы, которая, как показала раскопки, получила распространение и в северо-западных районах Монголии.

Однако для обеих выделенных зон, как и для всего пояса европейской степи, характерны и общие элементы, прежде всего так называемая скифская «триада» — оружие, конское снаряжение, прикладное искусство.

Наряду с этим на территории Монгольской Народной Республики широко распространены «оленные камни», представляющие собой каменные столбы, украшенные изображениями стилизованных скачущих оленей. Иногда эти камни стоят в виде угловых столбов ограды плиточных могил среди или возле курганов саяно-алтайского типа в северо-западных районах МНР. Эти памятники представляют собой древнейшую в Монголии антропоморфную монументальную скульптуру. Особенно интересны «оленные камни» Ушкин-Увэра (Хубсугульский аймак), на которых имеются детально выполненные изображения человеческого лица. На них же выбиты прекрасные изображения ножей, кинжалов и клевцов карасукского типа, что свидетельствует о сильных карасукских традициях в оформлении этих стел и о местных корнях культур скифского времени Монголии.

Существенно дополняют наши сведения о быте, идеологии ранних скотоводов Монголии наскальные рисунки, обследованные в целом ряде мест на территории МНР. В горно-таежных районах на севере МНР продолжали создавать красочные ри-

сунки в виде квадратных оградок и рядов человеческих фигур, связанные, как отмечалось, с весенними праздниками плодородия.

Наряду с ними известно огромное количество рисунков, выбитых на скалах и по стилю совпадающих с изображениями на «оленных камнях». Это сцена одиночной и загонной охоты с собаками на оленей и кабанов; фигурки лошадок, породистость которых подчеркнута длинными лебедиными шеями и стройными ногами. Иногда лошади изображены оседланными. Может быть, это те самые «небесные» и «полнокровные» кони Средней Азии, очень высоко ценимые на Востоке.

Ответ на вопрос о причинах столь широкого и почти одно-временного распространения на огромных пространствах одних и тех же форм украшений, оружия и принадлежностей конской сбруи лежит, по-видимому, не только в укреплении связей между отдельными центральноазиатскими кочевыми племенами, но и в усилении хозяйственных и культурных связей между удаленными областями Евразии в VIII—VII вв. до н. э.

Природные условия Монголии благоприятствовали населению для занятия скотоводством. В степях Монголии, особенно в бассейне Орхона, Керулена и Толы, стада и табуны были обеспечены прекрасными пастбищами и водопоями. Предгорья Саян и Алтая на севере, Большого Хингана на востоке и Хангайского хребта в центре Монголии также служили удобным местом кочевков. Кроме того, леса этих горных областей изобиловали зверем и дичью. Там с успехом можно было охотиться, добывая мясо и ценную пушнину.

Вместе с тем нужно отметить прямые указания на наличие земледелия во многих местах Северной и Южной Монголии уже в VII—V вв. до н. э. Об этом прежде всего говорят каменные зернотерки, найденные в разных районах Монголии, и наскальные изображения со сценами пахоты в урочище Бичигтын-ам Баян-Хонгорского аймака.

Возникновение местного производства изделий из нового металла — железа — значительно ускорило процесс развития производительных сил древнего населения Монголии.

Обработка железной руды иковка даже самых несложных предметов требовали гораздо большей специализации, чем литье богато украшенных бронзовых предметов. В связи с этим происходит разделение труда в области ремесла. Появляется специалист-ремесленник — общинный кузнец.

Все это свидетельствует о прогрессирующем обособлении ремесла. Такое обособление не могло не способствовать дальнейшему развитию разделения труда внутри родовых объединений. Растущий благодаря этому обмен оказался важнейшей причиной неравномерной концентрации семейной собственности.

О путях и источниках накопления собственности говорят сообщения о бесконечных набегах, производившихся в поздне-

жжоускую эпоху с севера на китайские владения. Уже в III в. до н. э. китайские правители царств вынуждены были начать строительство Великой китайской стены для ограждения себя от кочевников севера. Но не только грабеж имущества служил источником обогащения степных воинов; среди их добычи постоянно упоминаются рабы — военнопленные.

Очевидно, старая родовая организация племен, населявших Монголию, расшатывалась выраставшей на основе новых форм разделения труда частной собственностью и усиленным обменом. При этом все больший вес приобретали руководители военных набегов, предводители племен и родовые старейшины. Из них складывалась сильная и богатая степная знать.

Эта знать даже в погребальных обрядах стремилась выделиться из остальной массы населения. Именно ко времени появления железа, роста обмена относится и деление погребальных сооружений на два вида. Одни из них в основном сохраняют старые традиционные формы, другие — более сложные — встречаются гораздо реже и, очевидно, принадлежат племенной знати. В этом отношении показательны материалы «царского» кургана Аржан, раскопанного на территории соседней Тувы.

Не только грабительские набеги усиливали патриархально-родовую знать. Знатные представители родов приобретали реальную власть в связи с тем, что присваивали частное имущество. На этом держалось их собственное хозяйство. Так частная собственность подтачивала самую основу первобытнообщинного строя, коллективность производства и присвоения.

Первобытнообщинный строй и здесь отживал свой век, клонился к упадку.

* * *

Отметим, что оседлый Китай и кочевые народы Центральной Азии в древности представляли собой два самостоятельных этнических и хозяйственно-культурных очага цивилизации, каждый из которых имел самобытные истоки, свою оригинальную историю и культуру. Новейшие открытия монгольских и советских археологов неопровержимо подтверждают, что на огромных просторах Центральной Азии, в том числе Монголии, существовали своеобразные палеолитические и неолитические культуры, свидетельствующие о древнейшем заселении этих территорий первобытными людьми автохтонного происхождения.

При этом особое значение имеет открытие нижнепалеолитических памятников — мастерской у горы Ярх, находящейся на территории Гурван-сайхан-сомона Средне-Гобийского аймака МНР; стоянок в местности Ерол-Гоби, в 60 км к северу от г. Мандал-Гоби, и в районе Сайн-Шанда (Восточно-Гобийский аймак МНР). Найденные здесь бифасы — ручные рубила и остроконечники аналогичны как по технике изготовления, так и по форме классическим ашельским ручным рубилам нижнего па-

леолита Европы, Передней Азии и Африки. Эти изделия, обнаруженные впервые в Центральной Азии и Африке, отличающиеся совершенством, имеют самое прямое отношение к проблеме первоначального заселения территории Монголии (300 тыс. лет тому назад).

Относительно неолитического периода истории Монголии следует подчеркнуть значение находок неолитической культуры в районе Тамцаг-Булака (Восточный аймак МНР), которые свидетельствуют о существовании одного из центров возникновения древнейшего земледельческо-скотоводческого хозяйства в Центральной Азии. Таким образом, в результате археологических открытий советских и монгольских археологов территория Центральной Азии, в том числе Монголии, представляется в настоящее время как самостоятельный очаг неолитической культуры, в целом синхронной с древнейшей неолитической культурой бассейна р. Хуанхэ.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ И СКЛАДЫВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Глава I

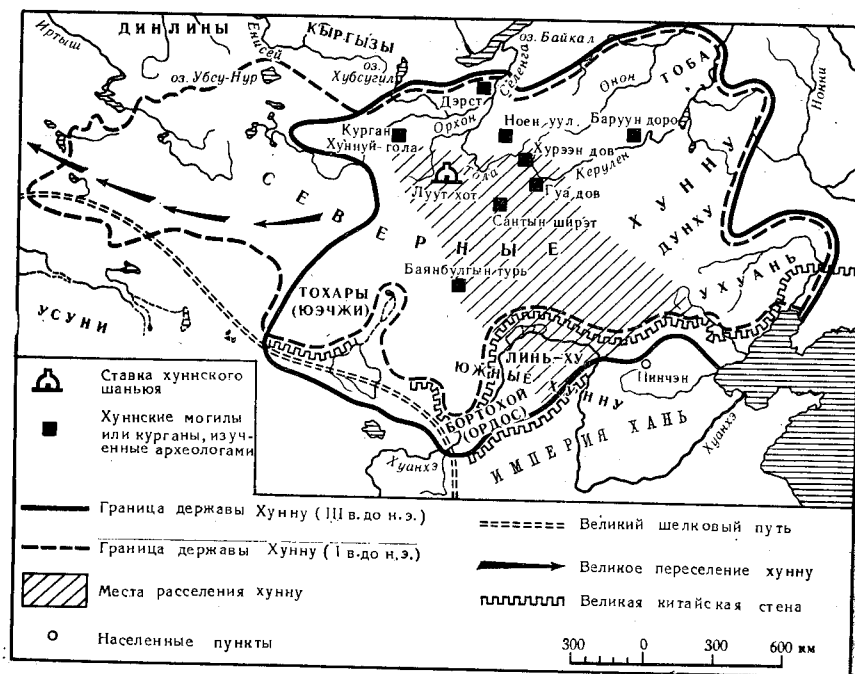
ПЕРВЫЕ ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Держава Хунну

Испокон веков на территории Монголии жили различные кочевые племена, о чем свидетельствуют многочисленные археологические и письменные данные. Источники приводят краткие сведения о тех племенах, которые населяли территорию Монголии во II тысячелетии до н. э. Более полные сведения относятся к V—IV вв. до н. э. К этому времени в Центральной Азии сложились два племенных союза — хунну и дунху. До последнего времени окончательно не решен вопрос об этнической принадлежности и происхождении этих двух групп племен. Высказывались противоречивые мнения по этому вопросу, причем наибольшие споры касались хунну.

Выдающийся русский ученый-востоковед первой половины XIX в. Н. Я. Бичурин впервые высказал мнение о монгольском происхождении как хунну, так и дунху. Он указал на общность обычаев, сходство языка и принадлежность обеих племенных групп к племени Северные ди (бэйдэ), именем которых древние источники обозначали различные протомонгольские племена, кочевавшие задолго до хунну на территории Южной Монголии. В более позднее время другие ученые высказывали мнение, что хунну — племя тюркской этнической принадлежности, что в языке их преобладают тюркские элементы.

Археологические и лингвистические исследования последних лет позволяют сделать вывод, в основном подтверждающий мнение Н. Я. Бичурина. Однако вопрос об этнической принадлежности хунну требует дополнительных исследований.

Держава Хунну (III—I вв. до н. э.)

К III в. до н. э. среди других скотоводческих племен хунну стали наиболее сильными. Хунну и другие племена обменивали продукты скотоводства и меха на продукты земледелия и ремесла соседних стран.

Хунну вели кочевой образ жизни. Для перекочевки каждому племени выделялась определенная территория. Об этом сообщают источники: «Каждый имел выделенный участок земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде». Хунны разводили крупный и мелкий рогатый скот, а также в небольшом количестве верблюдов, ослов и лошадей различной породы.

Свои потребности в пище и одежде хунну в основном удовлетворяли за счет скотоводческого хозяйства. Зерновые продукты, изделия ремесла и предметы роскоши для племенной знати они получали в обмен у оседлых соседей, главным образом у Китая.

Однако с I в. до н. э. хунну стали заниматься также земледелием. В источниках встречаются упоминания о неурожае вследствие засухи, заморозков и появления саранчи, о хлебных амбарах и зернохранилищах.

При раскопках Иволгинского городища хунну в Забайкалье были открыты сложные оборонительные сооружения, жилища

типа полуземлянок с отопительной системой, остатки всевозможных мастерских — по обработке кости, по изготовлению глиняной посуды, в том числе специально для хранения зерна, остатки железодельного производства и различные чугуны изделия.

Хунну изготавливали глиняную посуду вручную или на гончарном круге. Посуда, сделанная на гончарном круге, имела равные стенки и квадратный отпечаток на дне.

Глиняная посуда предназначалась для разных целей: тарелки, чашки, большие сосуды для хранения зерна и производства сыра и т. д. Хунну также выделывали украшения из золота, серебра и драгоценных камней. Ремесленники пряли пряжу, ткали.

Частичное исследование поселения Гуа дов, Терельджин-Дурвульджин и др. в Центральном и Хэнтэйском аймаках свидетельствовало об оседлости некоторых хуннских племен, появлении у них монументальной архитектуры и начала градостроительства.

Более полную картину собственной хуннской кочевой культуры дают рядовые могильники, раскопанные в последние десятилетия, в окрестностях г. Дархан, на р. Хунуй-голе в Ара-Хангайском аймаке и в Дулаг-уле в Хэнтэйском аймаке.

Важное место среди находок занимает оружие — сложные луки с костяными накладками, знаменитые свистящие стрелы с железным наконечником, войлочные ковры, украшения вышивкой и аппликациями, разные поделки из бронзы и пасты, в том числе прекрасные произведения прикладного искусства хунну, сохранившего лучшие традиции скифо-сибирского «звериного стиля», например бронзовые поясные бляхи с фигурами дерущихся лошадей, богхедовые пластины со вставками из драгоценных камней и т. д.

Племенной союз хунну в последнем десятилетии III в. до н. э. значительно усилился, чему отчасти содействовало ослабление его соседа — Китая, где происходили непрерывные народные восстания и борьба между группировками аристократии за власть.

Сложившийся к этому времени общественный строй хунну был переходным от первобытнообщинного к классовому. Политической формой племенной организации была военная демократия.

Строй «военной демократии» непосредственно предшествует образованию государства, т. е. классовому обществу. Энгельс под «военной демократией» подразумевал такую общественную организацию, при которой родовое управление начинает разлагаться, устанавливается наследственная власть родовой аристократии, выделяются военачальники, грабительские войны становятся постоянным промыслом. Однако при этом строе сохраняются элементы первобытной родовой демократии — совет,

народное собрание. В этом ее отличие от «публичной власти», от аппарата классового угнетения государства.

Вот что говорит Энгельс о военной демократии: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»¹.

Власть у хунну передавалась по наследству, она закреплялась за определенным родом, переходила от отца к сыну. Во главе племенного союза стоял правитель — шаньюй, который в III в. до н. э. уже не избирался племенем или советом старейшин. Выделялась племенная знать, князья. Князьям подчинялись наследственные старейшины — темники, носившие различные титулы. Таких старейшин было 24. У каждого из них было по 10 тыс. конницы. Для управления делами темники назначали тысячников, сотников и десятников. Из их среды выдвигались наследственные князья и крупные военачальники.

Наличие у хунну власти наследственной аристократии знаменовало собой разложение родо-племенных отношений, переход к классовому обществу и создание основ государственной организации. Большую роль в выделении наследственной аристократии, узурпации ею власти и противопоставлении родовой знати всему племени играли постоянные и частые войны, которые велись хунну. Совет старейшин еще существовал, но он не играл решающей роли. О богатстве и влиянии новой военной аристократии свидетельствуют огромные и богатые курганы Ноин-ула, исследованные в 20-х годах монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова. Хуннский шаньюй Модэ, захвативший власть в 209 г. до н. э. после убийства своего отца, шаньюя Туманя, хотя и обращался за советом к старейшинам, но приказывал «рубить головы» им, если они не соглашались с его мнением. Хунну было первым государством на территории Монголии, сыгравшим в дальнейшем огромную роль в социально-политической истории кочевых племен Центральной Азии.

Проведенные шаньюем Модэ реформы укрепили наследственную власть хуннской аристократии. Земли, подвластные хунну, были разделены на три части (стороны). Одна из них служила базой для кочевой орды шаньюя Модэ. Две другие — восточная и западная — возглавлялись «князьями»: чжуки-князем и лули-князем. Восточная, или левая, сторона считалась старшей. Обычно наследником престола шаньюя бывал восточный — чжуки — князь.

Тщательно проанализированный Энгельсом процесс становления наследственной власти и выделения наследственной знати в античном мире характерен и для других народов и племен.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21, с. 164.

Энгельс указывал: «Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати»².

Постоянные войны хунну с другими племенами и соседними народами приводили к захвату имущества и рабов. Источники отмечали:

«Пленные, и мужчины и женщины, поступают в неволю... Кто убитого привезет с сражения, тот получает все имущество его». Наряду с превращением в рабов пленных у хунну развивается и местное рабство. Об этом можно судить по факту похищения членов семей преступников: «За похищение конфискуется семейство». С возникновением рабства появляется слой социально угнетенных. Однако рабство у хунну не нашло широкого применения в хозяйстве, не вышло за пределы патриархального рабства и не развилось в рабовладельческую формацию.

Хуннский шаньюй Модэ, как и его преемники, вел непрерывные войны с соседями. В 209 г. до н. э. он неожиданно напал на дунху, разгромил их и захватил земли, скот и имущество побежденных. Часть дунху попала в зависимость от Модэ и стала платить ему дань продуктами животноводства и охотничьего промысла. Другая часть дунху, не желавшая покоряться, бежала на север и заняла земли по рекам Онону, Керулену, Аргуню. Основная же масса дунху откочевала к верховьям р. Ляохэ.

В дальнейшем Модэ на западе разбил племя юэцжи, на юге покорил племена, кочевавшие в Ордосе, вернул земли, отнятые у хунну китайским полководцем Мэн Тянем еще в царствование династии Цинь (221—207 гг. до н. э.), а затем покорил ряд северных племен.

Держава Хунну при Модэ достигла наивысшего могущества, занимая обширную территорию. На западе границей хуннских владений были города-государства Восточного Туркестана, на востоке — р. Ляохэ, в верховьях которой кочевали племена дунху; на юге граница проходила вдоль Великой китайской стены; на севере владения хунну достигали Байкала.

Успех хунну в войнах и в расширении территории, с одной стороны, объясняется сравнительной слабостью других кочевых племен и соседних оседлых народов. С другой стороны, такому успеху способствовали и военно-административная организация хунну, и применение вооруженной конницы. Новым в воору-

² Там же.

жении явилась тяжелая броня — панцирь для коня и всадника, а также длинное штурмовое копье, прикрепленное цепью к коню. Военно-административная организация, как указывалось выше, предусматривала разделение на боевые единицы — десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч, обеспечивающие постоянное военное обучение. Такое устройство давало возможность подготавливать воинские резервы и превращало весь мужской состав в постоянное войско.

Ежегодно старейшины приезжали в ставку шаньюя для принесения жертв предкам, небу, земле и духам. Кроме того, каждую осень старейшины съезжались для совместной облавной охоты, где проверялось наличие людей и скота, т. е. определялся размер обложения. В связи с образованием государства у хунну возникла потребность в письменности для проведения учета населения и скота, а также для сношения с внешним миром. У хунну были известные попытки изобрести свою собственную письменность, о чем свидетельствуют археологические находки в Ноин-уле и в других местах Монголии: различные знаки на предметах домашнего обихода. Таких знаков обнаружено к настоящему времени несколько десятков (не включая дублированных), и они аналогичны с буквами орхонской письменности.

Китайская империя Хань не могла примириться с появлением на ее севере такой могущественной державы, как Хунну, которая не только препятствовала торговле Китая с западом, так как хунну захватили территорию, по которой раньше пролегал Великий шелковый путь, соединявший Китай с «Западным краем», но и угрожала самому существованию Китая. Хунну часто производили набеги на территорию Китая, приводившие к уничтожению городов и посевов.

Ханьская династия (220—25 гг. до н. э.) долгое время не признавала государство Хунну и требовала от него покорности. С целью ослабления хунну Ханьская династия посылала большие карательные отряды на территории кочевых племен, состоявшие из нескольких сот и тысяч человек. Ханьский двор не только организовывал военные походы против хунну, но и оказывал экономический нажим на них.

Хунну были заинтересованы в ведении торговли с Китаем с целью обмена скотоводческих продуктов на ремесленные изделия и зерно.

В борьбе с хунну ханьский двор проводил тактику раскола, разжигая распри между кочевыми племенами, натравливая их на хунну, подкупая старейшин.

Борьба между хуннским государством и ханьским Китаем продолжалась в течение многих лет с переменным успехом. Но Ханьская династия настолько ослабла в этой борьбе, что вынуждена была откупаться от хунну дарами, своеобразной данью, и признать независимость державы Хунну.

В 162 г. до н. э. ханьский император Сяо Вэнь-ди в послании к хуннскому шаньюю Лаошан-Гиюю, сыну Модэ, официально заявил, что «кочевые владения, лежащие от Долгой стены на север, должны принимать повеления от шаньюя, обитающими внутри Долгой стены шляпопоясными я управляю». В этом же послании дальше говорится, что «Хань и Хунну суть два смежных и равных государства».

Это было официальным признанием Ханьской империей державы Хунну и исторически существующей границы между ними.

При последующих шаньюях в течение более ста лет происходила борьба как внутри хуннской державы между отдельными племенами, так и борьба хунну с Китаем. В ходе ее китайские войска неоднократно наносили поражение хунну (127, 124, 123, 121, 119 гг. до н. э.). Это вынуждало хуннскую знать искать примирения с Китаем.

Внутренняя борьба в хуннской державе между племенами, а также среди правящей верхушки привела к расколу хунну на южных и северных (57—55 гг. до н. э.) и переходу южных хунну во главе с шаньюем Хуханье под «покровительство» Ханьской империи. Часть северных хуннов во главе с шаньюем Чжичжи, братом Хуханье, вступив в союз с кангюйцами, среднеазиатскими племенами, откочевала на запад. Ушедшая из Монголии часть северных хунну установила союз с прикаспийскими племенами и продвинулась дальше на запад. В V в., вероятно, они образовали крупное государство во главе с Атилой на Дунае. После смерти Атилы (453 г.) оно перестало существовать как единое государство.

Основная масса северных хунну, оставшаяся на своей исконной земле, в борьбе с племенами ухуань и сяньби из группы дунху значительно ослабла.

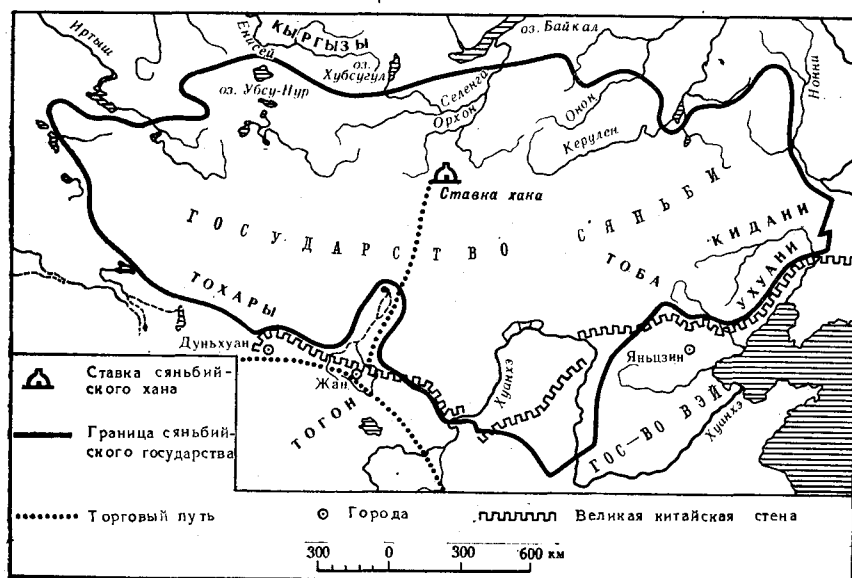
В 85 и 87 гг. н. э. сяньби дважды наносили поражение северным хунну в Монголии, после чего они не смогли оправиться. Южные хунну, подстрекаемые ханьским Китаем, в ряде сражений нанесли им крупное поражение.

В 93 г. самостоятельное государство — объединение северных хунну — перестало существовать. Значительная часть их была физически истреблена, а оставшиеся в живых — до 100 тыс. кибиток — влились в племена сяньби, приняв их название.

Южные хунну, находившиеся под властью Китая, в I в. н. э. неоднократно выступали против него. Южнохуннские государства в Северном Китае существовали до конца IV в. После их падения большинство южных хунну вернулось в Монголию.

Раннее государство Сяньби

Дунху, разбитые шаньюем Модэ в 209 г. до н. э., расселились на обширной территории севернее Великой китайской стены по соседству с хунну. Племена дунху стали себя именовать

Государство Сяньби (I—V вв. до н. э.)

ухуань и сяньби по названию гор, вблизи которых они обитали. Во времена могущества хунну они были их данниками и служили в войсках.

С I в. до н. э. племя сяньби начинает играть заметную политическую роль в истории Центральной Азии.

Сяньби, как и их соседи ухуань, были кочевниками-скотоводами и охотниками. В их хозяйстве немаловажное место занимало земледелие. В значительной мере было развито и ремесло: изготавливались роговые и клеевые луки, стрелы, седла и конские сбруи, золотые и железные изделия.

В своем общественном развитии сяньби отставали от хунну. Так, у них во II в. н. э. сохранялась выборная власть. Войны, которые вели сяньби с соседями (хунну, ухуань и Китаем), постепенно способствовали накоплению богатства в руках племенной верхушки, что разрушало родовую общину. Племенная знать сяньби, по-видимому, владела рабами, главным образом из числа военнопленных. Лишь в конце II в. н. э. у сяньби власть стала передаваться по наследству, а во II—III вв. н. э. наступил период от доклассового к классовому обществу.

После разгрома в 93 г. н. э. северных хунну и слияния их с племенем сяньби последние стали этнически неоднородным племенем. Это смешение двух племен нашло свое отражение и в языке.

В середине II в. н. э. из среды племенной знати сяньби выдвигается Таньшихуай (141—181), который выступил основателем государственного образования сяньби. Сам он был избран, а не наследовал управление.

Таньшихуай завоевал всю территорию, подвластную хунну в период их могущества. После укрепления своих позиций в Центральной Азии сяньби возобновили набеги на северные провинции Китая. Ханьская династия, обеспокоенная разорением пограничных областей, предложила Таньшихуаю титул князя и союз «мира и родства», но он отверг это. При Таньшихуае было упорядочено управление покоренными землями. Они были разделены, как и в период господства хуннского шаньюя Модэ, на три аймака, во главе которых были поставлены назначенные Таньшихуае старейшины.

Успеху завоеваний Таньшихуая способствовало значительное ослабление Ханьской империи, которая с конца I в. н. э. переживала упадок в связи с крестьянскими восстаниями и обострившейся феодальной междоусобицей. Ослабленная Ханьская империя не была в состоянии проводить активную политику против сяньби.

С другой стороны, произошло укрепление государственной организации сяньби, в частности за счет подчинения других кочевых племен. Китайский источник пишет о могуществе сяньби при Таньшихуае: «Они имеют 100 000 войска... У них оружие острее и лошади быстрее, нежели у хунну... Сяньбийские роды многочисленны, не слабее против прежнего времени».

Пограничные области Китая постоянно опустошались набегами сяньби. Китайский источник объяснил причины набегов: «Скопища кочевников день ото дня умножались. Скотоводство и звероловство недостаточны были для их содержания».

Китайские войска, посланные для защиты границ, неоднократно терпели поражение. Но внутренняя борьба сяньби, в особенности борьба за власть среди аристократии, подорвала их силы.

При правлении сына Таньшихуая Кэбинына ненадолго возродилось былое могущество сяньби. Однако после его смерти (235 г.) князья, добившись самостоятельности еще при его жизни, окончательно отделились. В середине III в. н. э. государство сяньби перестало существовать как единое целое, распавшись на ряд отдельных племен, из которых вскоре выделились муюн и тоба.

В IV в. н. э. в связи с усилением процесса образования классов складываются раннефеодальные государства племен муюн и тоба на территории Южной Монголии, которые оказали действительное влияние на формирование элементов феодальных отношений у кочевых племен.

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Жужаньский каганат

В исторических источниках, освещающих события IV в. н. э., впервые встречаются упоминания о кочевниках под именем жужаней, которые обитали южнее Гоби. Жужани, по-видимому, относились к монголоязычным племенам и в этническом отношении были ближе к сяньби. Первоначально они находились в зависимости от государства Тоба-Вэй (386—535) и платили ему дань скотоводческими и охотничьими продуктами. Родоначальником жужаней, впервые объединившим их, был Гюйлухой. Его потомки боролись с тобаскими ханами за свою самостоятельность. Их борьба увенчалась победой, и племена объединились в государство, получившее в исторических хрониках название Жужань.

Жужаньский каганат особенно усилился при хане Шелуне за счет новых покоренных племен. Шелунь в 402 г. принял титул кагана с титулом «могущественнейший».

Шелунь провел ряд мероприятий по укреплению своего каганата. Он разделил каганат на два крыла: западное и восточное, поставив во главе каждого из них селифа.

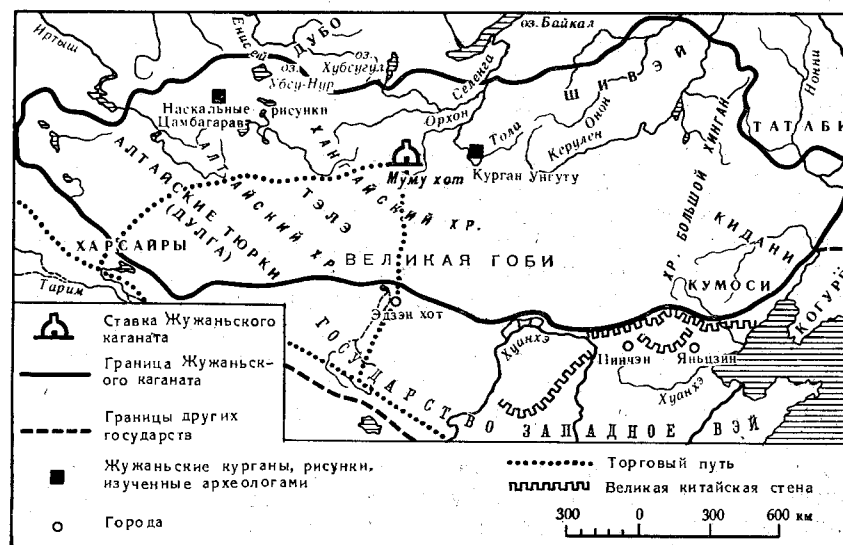
Он осуществил военную реформу. По его новой системе тысяча человек образовала полк во главе с предводителем, сто человек составляли знамя во главе с начальником. По закону тот, кто первым нападал, получал награду пленниками и большую долю в добыче, а в отступившего по трусости бросали камнями или убивали палками.

Политический центр жужаней со ставкой кагана находился около Хангайских гор. В состав Жужаньского каганата вошли Монголия, Западная Маньчжурия и восточная часть современного Синьцзян-Уйгурского автономного района. Владения жужаней в V в. простирались на юге до Гоби, на севере до Байкала, на западе до Харшара и на востоке до Корен.

Жужани вели кочевой образ жизни, разводили крупный и мелкий рогатый скот и лошадей. С VI в. наряду со скотоводством и охотой они стали заниматься земледелием. Жилищем им служили войлочные юрты. Жужани, несмотря на частые войны с Тоба-Вэй, поддерживали с ним экономические связи. Из государства Тоба-Вэй они привозили рис, просо, ткани, лак, оружие и др.

Подвластных алтайских тюрок жужани эксплуатировали в качестве ремесленников по производству оружия и других металлических изделий.

У жужаней была сравнительно высокоразвитая культура, что

Жужаньский каганат (IV—VI вв.)

подтверждают археологические раскопки, проведенные на территории МНР. Примером могут быть археологические находки из раскопок, проведенных на берегу р. Толы в Центральном аймаке, в местности Унгету. Здесь найдены несколько десятков каменных изваяний и фигурки животных, выполненных в высокохудожественном стиле, кованые металлические изделия различного назначения, масса строительных материалов — кирпичи с орнаментами и лепные архитектурные украшения.

Китайские источники отмечают, что у жужаней, как и у всех кочевых народов, отсутствовала письменность. По их мнению, те народы, которые не пользовались китайским иероглифическим письмом, не имели и своей письменности. Однако есть основание полагать, что у жужаней была письменность протоорхонского типа. Об этом свидетельствует тот немаловажный факт, что среди жужаньской знати было немало образованных людей; каган Шелунь, например, занимался астрономией и математикой.

Система управления каганата состояла из кагана, селифов (правители западного и восточного крыльев), тысячников и сотников. Они представляли собой господствующий класс Жужаньского каганата. В их власти находились рядовые кочевники, все более попадавшие в зависимое положение от них, и рабы, в большинстве случаев из военнопленных. Рабство у жужаней не играло значительной роли в общественном производстве. Жужаньский каганат был первым государством раннефеодального типа на территории Монголии, если не считать государственных

образований муон и тоба, распространивших одно время свое влияние на территорию Китая; жужани представляли собой грозную силу для соседних оседлых государств и племен, в первую очередь для государства Тоба-Вэй в Северо-Западном Китае.

История Жужаньского каганата — это цепь непрерывных войн и постоянной борьбы против тобаских императоров, в свою очередь стремившихся покорить жужаней.

Именно в жестокой борьбе против притязаний государства Тоба-Вэй зарождался и укреплялся Жужаньский каганат. В основе почти полувековой войны между жужанями и тобасцами лежали прежде всего экономические и политические причины. Тобаские императоры, державшие в своих руках все экономические ключи Северного Китая, умело использовали свое преимущество в борьбе против своих непокорных соседей — жужаней.

Жужаньские каганы стремились установить политико-экономические связи с Восточным Туркестаном, с тем чтобы удовлетворить экономические нужды, а также приобрести союзника в борьбе против Тобаского государства.

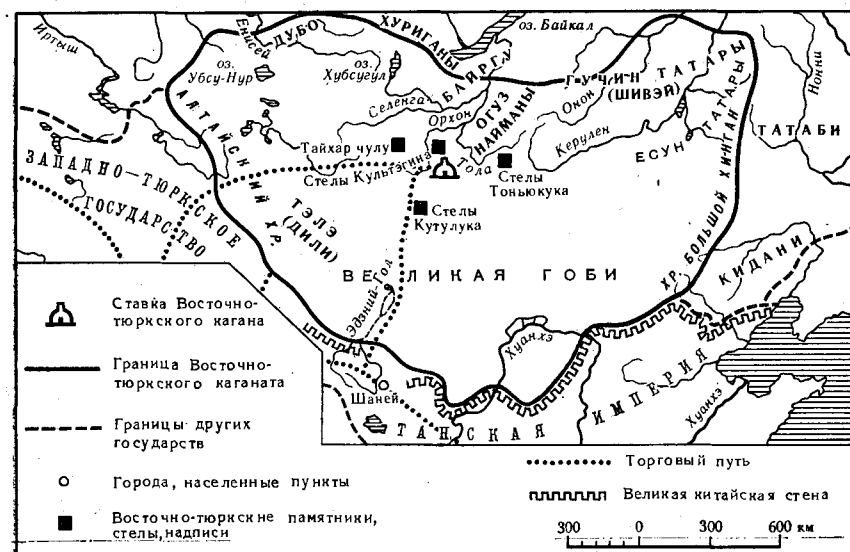
В V в. в Жужаньском каганате усилились междоусобицы. За короткий промежуток времени — с 402 по 445 г. — сменилось шесть каганов, одновременно ускорился процесс отпадения от жужаней некоторых подвластных племен. К тому же захватническая политика и постоянные военные нападения Тоба-Вэй подрывали силу Жужаньского каганата.

Зависимые от жужаней тюркские племена, в особенности алтайские, часто поднимали восстания. Восстания приняли особенно широкий размах в VI в. В середине VI в. государство жужаней было разгромлено в степях Монголии коалицией тюркских племен во главе с алтайскими тюрками. В 552 г. жужаньский каган Анахуань, потерпев поражение от тюрков, покончил жизнь самоубийством, а к 555 г. тюрки окончательно уничтожили жужаньскую державу и захватили ее владения. Жужани перестали играть какую-либо политическую роль в дальнейшей истории Монголии, уступив место другим племенам.

Основное население жужаней вошло в состав Тюркского каганата, другая часть их, известная под названием аваров, до 30 тыс. шатров, не желая подчиняться алтайским тюркам, откочевала на запад до Дунае-Карпатской котловины.

Тюркский каганат

После разгрома в 552 г. Жужаньского каганата тюркскими племенами на территории Монголии образовалось новое политическое объединение — Тюркский каганат, во главе которого встал предводитель алтайских тюрков Тумэн (Буман). Тумэн

Тюркский каганат (VI—VIII вв.)

принял титул жужаньского властителя — «каган», а его государство получило название «каганат». Титул «каган», впервые появившийся у жужаней, получил в дальнейшем распространение как у монголоязычных, так и у тюркоязычных народов и сохранился в качестве титула главы государства.

Потомки Тумэна (ум. в 553 г.), продолжив завоевания, начатые их предшественником, значительно расширили владения Тюркского каганата.

Завоевательная политика Тюркского каганата преследовала цель захвата новых земель, продуктов ремесла, земледелия и установления контроля над великим торговым путем, идущим с востока на запад.

Владение торговым путем давало тюркской знати возможность широко общаться с внешним миром и увеличивать прибыль за счет пошлин.

Уже к 80-м годам VI в. Тюркский каганат достиг огромных размеров, включив в свой состав множество различных племен и народов. Тюрки покорили на западе эфталитов, на севере — енисейских киргизов. Силу тюркского оружия испытал и Северный Китай. Существовавшие там царства Северное Ци и Северное Чжоу вынуждены были в 70-х годах VI в. выплачивать Тюркскому каганату дань. Например, только Северное Чжоу платило дань шелковыми тканями до 100 тыс. кусков (рулонов) в год. В результате завоеваний владения тюрков простирались с

востока на запад — от Корейского залива до Семиречья, с юга на север — от Великой китайской стены до оз. Байкал. Центр каганата в то время находился в бассейне р. Орхон, и поэтому тюрки называются в литературе орхонскими. Успешным завоеваниям тюрков содействовало в известной мере ослабление их соседей.

Политическая история Тюркского каганата протекала чрезвычайно бурно, в постоянной борьбе между отдельными племенами, входившими в состав каганата, между родовыми старейшинами, а также в борьбе между свободными общинниками и знатью. В результате острой внутренней борьбы Тюркский каганат в конце VI в. распался на восточный и западный, которые соответственно получили названия Толис и Тардуш. Восточнотюркские каганы вмешивались во внутренние дела Китая, принимая активное участие в борьбе феодальных кланов Китая, и тем самым способствовали падению Суйской династии и приходу к власти в 618 г. Танской.

Однако Танский Китай в скором времени стал проводить захватническую политику в отношении недавнего своего союзника, стремясь подчинить тюрков с помощью военной силы. С этой целью правители Китая натравливали одних соседей на других, используя постоянные распри внутри каганата. Наконец в 630 г. Китай нанес каганату решительный удар крупными военными силами, вследствие чего Тюркский каганат на 50 лет утратил свое единство.

Но тюркские племена в 80-х годах VII в. восстали против Танской империи. Восстание возглавил один из влиятельных представителей тюркской знати — Кутулуг. До восстания он носил титул «тудун» и жил в окрестностях нынешнего города Хух-Хото, в местности Черные пески. После ряда удачных сражений удалось восстановить Тюркский каганат, хотя далеко не в тех же размерах. За восстановление Тюркского каганата Кутулуг получил имя Эльтэрэс, т. е. «объединитель народов».

После смерти Эльтэрэса (691 г.) престол каганата перешел к его брату Мочжо (Капаган). Тюркский каганат при Мочжо (693—716), несмотря на экономическую блокаду и захватниче-

Каменное изваяние
эпохи Тюркского каганата
(Гоби-Алтайский аймак)

скую политику со стороны Танской династии, сумел вернуть свои прежние владения. Мочжо пытался провести ряд важных реформ по развитию земледелия, созданию постоянных поселений и т. д. Несмотря на то что не все эти реформы были проведены в жизнь, они в известной мере содействовали усилению восстановленного Тюркского каганата. Мочжо, представляя новую феодализирующуюся прослойку, проводил жесткую политику по отношению к местной знати покоренных племен.

После смерти Мочжо (716 г.) в результате кратковременной борьбы за престол в том же, 716 г. сын Эльтэрэса Бильгэ-Могилян (684—734) стал каганом при содействии своего брата, крупного полководца и государственного деятеля принца Куль-Тегина (685—731).

Бильгэ-каган пытался улучшить экономическое и политическое положение страны. Однако его мероприятия уже не могли спасти пришедший в упадок Тюркский каганат. В дальнейшем восточнотюркские каганы вели войны с Китаем, а также с племенами, формально подчинявшимися Восточнотюркскому каганату, но постоянно восстававшими против политики закабаления, проводившейся каганами.

Среди тюркских племен в связи с растущим процессом феодализации резко обострились социальные противоречия, приводившие к частым восстаниям свободных общинников против знати. Междоусобицей каганов воспользовались уйгурские племена, входившие в каганат. Они подняли восстание, в результате которого в 745 г. Восточнотюркский каганат потерял свою самостоятельность.

На смену каганату тюрков пришло Уйгурское ханство. Тюркский каганат относится к раннефеодальным государствам, хотя в общественном строе тюрков сохранились родо-племенные пережитки. Верховным государем был каган. Его ближайшие родственники кроме родового титула «тэгин» носили еще титулы «ябогу» или «шад». Они же управляли подвластными племенами. Родо-племенная знать — беги и буюруки стояли во главе своих племен и родов, входивших в состав каганата. Основная масса свободных кочевников называлась «харабудун» («черный народ»), а в отличие от них каганский род и знать — «кок-тюрк». Свободные кочевники часто попадали в зависимое положение от феодализирующей знати и назывались «татами». В орхонских памятниках часто встречается выражение «нет тюрков без тата». Таты работали на знать и служили в их войсках, платили налог продуктами.

Тюркские правители взимали налоги с подвластных оседлых народов натурой, а иногда деньгами. Угнетение знатью харабудунов обычно служило причиной восстаний. Обострение классовых противоречий в тюркском обществе вылилось в крупное восстание кочевой бедноты, возглавляемое принцем Або, родившимся от рабыни (583 г.).

Собственность и богатство правящей верхушки состояли из земли (пастбищ), скота и рабов. В большинстве случаев рабов использовали в качестве ремесленников, землевладельцев и домашних слуг.

Основным занятием тюрков были кочевое скотоводство и охота. У них господствовало натуральное хозяйство, однако начала развиваться и торговля. В земледелии применялись железные сошники и другие земледельческие орудия. Им также была хорошо известна плавка железной руды: в период владычества жу-жаней алтайские тюрки, их данники, плавил для них железо.

Ремесло у тюрков было более развито, особенно ювелирное, о чем свидетельствуют украшения из серебра и золота, найденные при археологических раскопках памятников Куль-Тегина и Тоньюкука.

В пищу они употребляли мясо, молоко, кумыс и другие молочные продукты, жили в войлочных юртах.

Боевое оружие тюрков изготовлялось в основном местными мастерами. Оно пополнилось кривыми саблями и боевыми топорами. Кроме того, тюркские воины носили кольчугу и шлем.

В тюркское время получили свое дальнейшее развитие градостроительство, архитектура и каменотесное мастерство.

При раскопках памятников Тоньюкука и Куль-Тегина обнаружены различные архитектурные украшения из камня и обожженной глины, а также керамические водопроводные трубы, которые свидетельствуют о своеобразии градостроительства и архитектуры кочевых народов. О каменотесном мастерстве тюрков можно судить по многочисленным находкам «каменных баб», распространенных почти по всей территории Монголии. При этом можно увидеть ярко выраженный почерк отдельных авторов. Кроме того, в исторических хрониках также имеются сведения о городах, постройке дорог и почтовых станций. В 647 г., например, тюрки построили 68 почтовых станций, связывающих север с югом.

Хотя тюрки были шаманистами и почитали духов земли, воды и предков, есть данные о появлении буддизма среди них.

Каменное изваяние
Куль-Тегина, сомон Хашат
Ара-Хангайского аймака

У тюрков раньше, чем у других кочевников, появилась фонетическая письменность — первое крупное достижение в области культуры. Памятники этой письменности впервые найдены в Монголии в долине Орхона. Отсюда и ее название — орхонская письменность. Примером могут служить надгробные стелы Куль-Тегина, Бильгэ-кагана в местности Хошо-Цайдаме, на р. Орхоне, и Тоньюкука, около Налайхи, повествующие о героической борьбе тюркских и других монголоязычных народов против ненавистного китайского ига.

Уйгурское ханство

После падения Восточнотюркского каганата в 40-х годах VIII в. уйгуры образовали на территории бывшего Тюркского каганата сильную кочевую державу с центром в Монголии.

Многочисленные монголо- и тюркоязычные племена, входившие в состав Уйгурского ханства, как в социально-экономическом, так и в культурном отношении были неоднородны.

Сами уйгуры состояли из двух племен: он-уйгуры (основная часть) и тогуз-уйгуры.

Ученые, изучавшие антропологию уйгурских племен, пришли к выводу, что уйгуры, жившие в Монголии, представляли собой типично монголоидный народ. После переселения в Среднюю Азию большинство их в результате смешения с местными жителями приобрели европеоидный тип.

В северо-западной части Монголии еще сохранились названия местностей и племен, восходящих к уйгурскому периоду. Так, на территории Баян-Улэгэйского аймака существует река под названием Уйгур-гол. Помимо этого в Хубсугульском аймаке среди дархатов встречается этническая группа, которая называет себя уйгурами. После смерти первого уйгурского хана, Пейло (746 г.), его преемником стал принц Моюн-чур (746—759), при нем уйгуры достигли наибольшего могущества.

Моюн-чур, продолжая политику своего предшественника, предпринял ряд успешных походов против кыргызов на севере и киданей на востоке. Это дало возможность Моюн-чур значительно расширить свои владения. Уйгуры уже к середине VIII в. занимали территорию от Алтайских гор на западе до Хингана на востоке, от Гоби на юге до Саянских гор на севере.

Уйгуры неоднократно вмешивались в феодальные междоусобицы, происходившие в Китае. Видя слабость Танской империи, уйгуры все чаще нарушали ее границы и вели себя в Китае как завоеватели. Большая часть их обосновалась в самой столице Чанъане и принуждала население в течение нескольких десятков лет платить дань.

Уйгуры держали под своим контролем караванный торговый путь, проходивший из Китая в Среднюю Азию.

С конца VIII в. из-за междоусобиц среди уйгурской знати,

Уйгурское ханство (VIII–IX вв.)

с одной стороны, и борьбы подвластных племен, особенно енисейских кыргызов, против господства уйгуров — с другой, могущество Уйгурского ханства постепенно стало ослабевать.

В 840 г. Уйгурское ханство пало под ударами енисейских кыргызов. Часть уйгуров переселилась в Восточный Туркестан и Джунгарию, образовав там ханство. Уйгуры, оставшиеся на прежних землях, смешались с тюркскими и монгольскими племенами и вошли в состав вновь созданного Кыргызского ханства.

Основатели нового ханства — кыргызские племена, жившие в Минусинской котловине на Енисее, занимались земледелием и скотоводством. К IX в. у них сложилось феодальное государство во главе с ханом. Но вскоре монгольские племена киданей вытеснили кыргызов из Монголии.

Несмотря на свое недолгое существование, Уйгурское ханство сыграло большую роль в дальнейшем углублении процесса феодализации кочевого общества Центральной Азии.

Уйгурское ханство в VII–VIII вв. являлось раннефеодальным государством, при котором основные средства производства (земля и скот) принадлежали феодалам.

В Уйгурском ханстве верховная власть целиком принадлежала хану, которому подчинялись наместники подвластных областей — тутуки и местные феодалы — беги, состоявшие на службе у хана. Беги имели военные дружины, которые не только сопровождали им в военных походах, организуемых ханом, но и сами охотно эксплуатировали зависимое от бегов население.

Внутреннее устройство Уйгурского ханства опиралось на удельную систему, которая неизбежно порождала сепаратистские тенденции и, следовательно, распри. Вследствие этого вся политическая история Уйгурского ханства была насыщена феодальными войнами.

Важнейшими отраслями хозяйства уйгуров оставались по-прежнему кочевое скотоводство и частично земледелие. В земледелии в некоторых местах применялись оросительные системы. Кроме ручных мельниц уйгуры имели также большие каменные мельницы, которые приводились в движение вьючными животными, о чем свидетельствуют археологические находки. Уйгуры занимались охотой, добыча которой шла в основном на продажу. Уйгуры поддерживали интенсивные экономические связи с Китаем и Средней Азией. Хотя в торговом обращении уйгуров и находились монеты собственной чеканки³, но меновая торговля еще не была изжита.

Они вывозили в чужеземные страны скот, продукты скотоводства, меха, а привозили оттуда шелковые ткани и украшения. Имеются сведения о том, что только за один раз они обменяли в Китае 6 тыс. коней на 240 тыс. кусков ткани⁴.

Со времени царствования Моюн-чур у уйгуров было положено начало градостроительству. Большой интерес представляет возведенная Моюн-чуром столица уйгуров, расположенная на левом берегу р. Орхона, в 40 км к северу от Эрдэнэ-Дзу. Ее называли Ордубалык или Балыккык, ныне ее называют Орхонским Карабалгасуном. Там находились дворец хана, военные казармы, торговые лавки, мастерские ремесленников.

В 758 г. на некотором расстоянии от Ордубалыка, на берегу р. Селенги, уйгуры построили г. Байбалык, сделав его культурным центром. Там разместили согдийских монахов, которые переводили книги религиозного характера. Существование городов в известной степени зависело от интенсивности караванной торговли, в основном же города и кочевое население жили за счет внутреннего товарообмена.

Кочевники привозили на рынок продукты своего хозяйства, скот, кожу, шерсть; жители оседлых поселений доставляли ткани, изделия из кожи, дерева, керамики, металла, зерно и другие товары, пользующиеся спросом у кочевников.

У уйгуров отмечались довольно развитые ремесла, так же как у тюрков, имевших металлургов и литейщиков, гончаров, ювелиров, каменотесов, скульпторов, строителей и ткачей. В Уйгурском ханстве широко распространилось прикладное искусство.

У уйгуров были также мелкие ремесленники, кустари, изготавливавшие войлок, обрабатывавшие шкуры, портные, изделия

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, с. 820.

⁴ Там же. с. 336.

которых шли на внутренние нужды. До наших дней сохранились многочисленные золотые, серебряные и бронзовые украшения, свидетельствующие о высокой степени их мастерства, а также о формировании художественных традиций.

При раскопках могильных курганов в сомонах Шанх и Худжирт в Убур-Хангайском аймаке были обнаружены шариковые золотые серьги, удила с кольцевой псалней, костяные застёжки от пут и глиняные сосуды с аročным орнаментом.

Большим культурным достижением уйгуров является изобретение собственно уйгурской письменности, основанной на согдийском алфавите сирийского происхождения. До этого уйгуры использовали орхонскую письменность, о чем свидетельствуют памятники, найденные в Тариат-сомоне Ара-Хангайского аймака, в бассейне р. Тэс в Хубсугульском аймаке, на западном берегу р. Селенги, и каменные стелы в Ордубалыке. Эти надписи содержат ценные исторические сведения по истории VIII в.

Впоследствии многие племена, находившиеся под властью уйгуров, в том числе монголы, заимствовали уйгурскую письменность. Благодаря уйгурской письменности в монгольский язык проникли согдийские слова: «ном» (книга), «дэвтэр» (тетрадь), «судар» (священная книга), «эрдэнэ» (драгоценность), «шулэг» (стихи) и индийские слова: «сум» (монастырь), «суврага» (субурган), «хөрөг» (портрет), «эрдэм» (наука, знание) и др.

Уйгуры, как и предшествовавшие племена, имевшие письменность, делали надписи на камне, а также на бересте, шкурах и тканях. Что касается религии уйгуров, то известно, что часть их исповедовала буддизм. С конца VIII в. к ним проникло манихейство. Уйгурская феодализирующаяся знать стремилась распространять его через согдийцев.

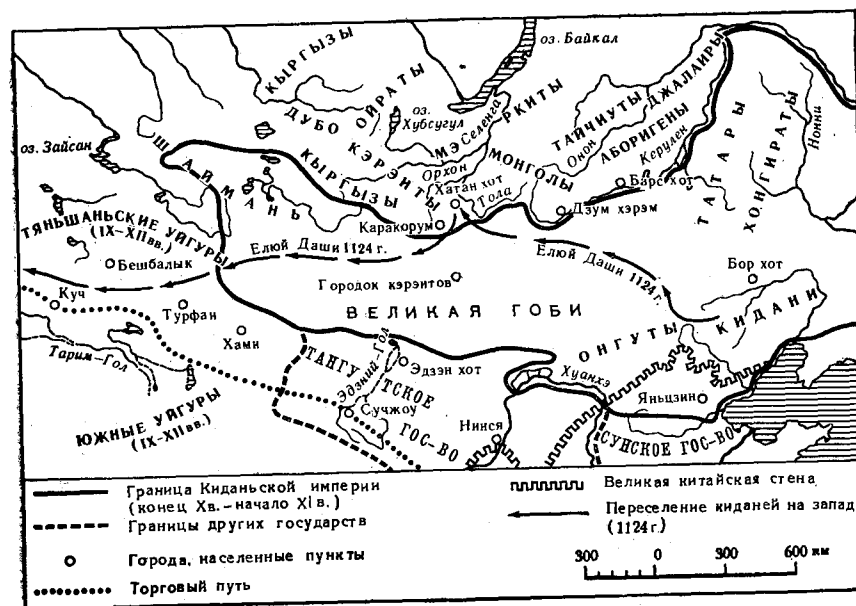
В 763 г. манихейство было провозглашено государственной религией. Некоторые уйгуры в X в. приняли христианство несторианского толка, но большинство их оставались шаманистами.

Киданьская империя

Кидани, в давние времена создавшие свое государство на территории монгольского Хангая и Гоби, оставили заметный след в истории. Подобно другим кочевникам, проживавшим на территории Монголии, кидани нередко упоминаются в исторических хрониках. Первые достоверные сведения о киданях относятся к IV в. н. э. Ныне распространено мнение о том, что они имеют происхождение, общее с монголами — потомками восточных ху (дунху), от известных горных жунов (шаньжун).

Первоначально кидани кочевали в районе р. Шара-Мурэна (Маньчжурия).

В VIII—IX вв. произошли значительные социально-экономические сдвиги в развитии киданьского общества. В этот период довольно быстро развивались земледелие и ремесла, увеличи-

Киданьская империя

валось поголовье скота, возникали города и новые поселения. Об этом свидетельствуют археологические находки киданьского периода. При раскопках киданьских городищ и могильников в Центральной и Восточной Монголии обнаруживают железные лемехи плуга, семена проса, ручные мельницы и др. С ростом власти и экономического могущества киданьская аристократия вела войны с соседними племенами, грабила имущество и уводила в плен людей, которых затем использовала в своем хозяйстве, в земледельческих и ремесленных работах, что, естественно, становилось одним из источников укрепления их власти и умножения богатств.

В результате этого киданьская аристократия обособлялась от основной массы, углублялись классовая дифференциация и антагонизм между угнетенными и угнетателями. В это время во главе киданей находились выборные ханы, происходившие из аристократических родов.

Аристократия, могущество которой все более возрастало, отняла власть у выборных правителей многих племен, и в X в. из рода Елюй выдвинулся верховный хан киданей.

Переход верховной власти к одному роду вызвал его усиление и в итоге его обособление от остальных родов и племен. В конечном счете нарушился прежний порядок выборов киданьских предводителей, а это содействовало возникновению династической формы правления. Начиная с середины IX в. выделяют-

ся военно-административные должности под властью хана, что свидетельствует о усложнении государственного аппарата.

В начале X в. Амбагянь (р. в 872 г.), выходец из правящего рода Елюй, получивший впоследствии имя Елюй Амбагянь, вместо обычных трех лет оставался правителем киданей девять лет, не допуская перевыборов с помощью военной силы. Заняв прочное положение, Елюй Амбагянь окончательно ликвидировал отжившие формы племенного устройства и образовал государство раннего феодального типа, объединив восемь киданьских племен. Кидани, как и другие кочевые племена и государства, перешли от первобытнообщинного строя к феодальному, минуя рабовладельческую формацию.

Елюй Амбагянь начал расширять территорию киданей, захватывая земли у других племен и народностей: на севере — у племен чернотелых шивэй, на западе — у си (кумоси) и др. Он вытеснил из Монголии киргизов и расширил свои владения за счет земель уйгуров, тунгусских племен мохэ, нюйчжэней (чжурчжэней), государства Бохай и части Северного и Северо-Восточного Китая. К середине X в. складывается Киданьская империя под названием Ляо. Империя Ляо в этническом отношении была неоднородной, она состояла из многочисленных племен с неодинаковым уровнем социально-экономического развития: от охотничьих племен с родовым строем до племен с развитыми феодальными отношениями.

Кочевое скотоводство играло ведущую роль в хозяйстве империи Ляо, в особенности на севере; в источниках встречаются сведения о наличии пастбищного скотоводства у киданей.

Земледелие играло главную роль в экономике южных районов империи Ляо, заселенных осевшими там киданями, и частично на севере. В земледелии они применяли железные лемехи, плуги и имели довольно развитую оросительную систему. Основой земледельческой культуры у киданей было монгольское просо, но частично также выращивали рис и дыни.

В записках путешественников, посетивших киданьскую империю в X в., отмечается, что в стране строились города и поселения, получили развитие ремесла: ткачество, шелководство, плавка металлов и горные разработки.

В империи Ляо велась оживленная торговля. В верхней столице (Шанцзин) были основаны северная и южная торговые палаты. Северная торговая палата ведала торговлей среди кочевых племен, а южная торговала с оседлым населением. Кроме того, действовали несколько городских и местных рынков.

Хотя у киданей была широко распространена меновая торговля, однако с X—XI вв. бронзовая монета в товарном обороте стала играть значительную роль. Иногда при археологических раскопках находят такие монеты.

Киданьские феодалы владели огромными стадами скота, были крупными собственниками земли, имели много домашних

рабов. «История Ляо» указывает, что среди киданей есть такие, которые «владеют 10 тыс. лошадей». В то же время источники сообщают, что рядовые кидани имели менее десятка голов скота, в том числе несколько овец и, возможно, одну-две лошади. Эти данные показывают, насколько сильна была имущественная дифференциация в киданьском обществе.

Коренное киданьское скотоводческое население, хотя и освобождалось от ряда повинностей, налагавшихся на завоеванные племена и народности, все же частично выполняло их. Например, кидани-скотоводы, за исключением киданьской знати, обязаны были обслуживать почтовых курьеров, пасти скот императорской семьи, обслуживать перевозку зерна и других продуктов, предоставлять для этой цели транспортные средства.

Кроме того, кочевое население обязано было нести службу в пограничных военных гарнизонах. Весьма обременительной повинностью было обязательное участие кочевников в императорской охоте. Попавшее под власть киданей оседлое население выполняло государственные повинности на строительстве городов, дворцов, храмов, дорог, ремонте плотин и других работах.

В империи Ляо в основном господствовали две формы феодальной земельной собственности — государственная и частная. Согласно данным источников, к государственной или казенной земельной собственности относились земли военных поселений и земли, переданные во временное пользование крестьянам.

Частное землевладение охватывало такие категории земель, как земли киданьской знати и других киданьских феодалов, а также монастырские земли.

Частное землевладение было неодинаковым по размерам и по способу эксплуатации. Часть земель находилась в собственности у мелких и средних землевладельцев, не являвшихся представителями знати или служилого дворянства. Эти земли состояли на учете у правительства с целью обложения их налогом-рентой, но они могли быть заложены и проданы.

Крупные земельные владения принадлежали киданьской знати и бюрократии, а также некоторым китайским феодалам, находившимся на службе у киданьских императоров.

Земля, как правило, обрабатывалась «арендаторами», которые платили земельным собственникам до 50% урожая. «Арендаторы» — это те же феодально зависимые крестьяне, эксплуатация которых прикрывалась арендной формой эксплуатации — рентой продуктами.

Большую роль в империи Ляо играло церковное землевладение, преимущественно земельные владения буддийских монастырей. Буддизм среди киданей получил значительное распространение, особенно с начала X в. В 942 г. в государстве киданей было 50 тыс. монахов, а в 1078 г. — 360 тыс. Киданьские правители оказывали большое внимание буддийским, а также даосским храмам, жалую им земли, крепостных, деньги, зерно.

Храмы, в особенности буддийские, а они преобладали в стране, владели значительной земельной собственностью и большим числом крепостных.

Монастырские земли обрабатывались приписанными (пожалованными) к монастырям крепостными, а также сдавались в «аренду» окрестным крестьянам. Формами эксплуатации в церковном землевладении были барщина и рента продуктами. Приведенные выше факты относятся больше к территории оседлого киданьского населения и китайцам.

После образования империи Ляо классовая структура в киданьском обществе подверглась значительным изменениям. К классу эксплуататоров кроме светских феодалов во главе с императором принадлежали и духовные феодалы.

К эксплуатируемым относились государственные феодальные зависимые «податные», крепостные «иноязычные» (некиданьские кочевники) и «пленные» семьи («пленные китайцы»), которых насильно поселили в разных местах империи Ляо. Самой бесправной частью эксплуатируемого населения были рабы. Подавляющая часть их состояла из военнопленных различных этнических групп. Рабами становились и некоторые лица, осужденные за серьезные преступления. Рабы использовались на различных работах киданьским императорским домом, а также дворцовой знатью, крупными чиновниками и духовенством.

Между эксплуатируемыми — феодально зависимыми и эксплуататорами — феодалами велась острая классовая борьба, выливавшаяся в различные формы. Наряду с этим происходила борьба народных масс завоеванных и зависимых стран против киданьских феодалов, которая подтачивала основы империи.

Таков в общих чертах экономический строй империи Ляо, который, безусловно, являлся феодальным при существовании значительных пережитков рабства и родовых отношений.

Ослабленная междоусобицами господствующего класса и восстаниями различных племен, империя Ляо не могла противостоять объединенным силам сунского Китая и образовавшегося на севере чжурчжэньского государства Цзинь (1115 г.). Пять последних лет ее существования были годами агонии и потери территорий. В 1125 г. чжурчжэни захватили в плен последнего киданьского императора, что положило конец империи Ляо.

Часть киданей вошла в состав нового государственного образования на территории Монголии, Маньчжурии и Северного Китая — чжурчжэньской империи Цзинь. Другая часть, не подчинившись чжурчжэням, во главе с полководцем Елюй Даши ушла на запад и создала в Средней Азии государство Си Ляо (Западное Ляо), более известное как государство кара-киданей.

Существование Киданьской империи является периодом, когда в Монголии завершается процесс поочередного возвышения кочевых государств и княжеств, продолжавшийся свыше 1000 лет, и на историческую арену выступили коренные монго-

лы и другие монголоязычные племена, которые стали играть еще более заметную роль в истории Центральной Азии.

Киданьская культура была высокоразвитой по сравнению с культурой предшествующих эпох. По мнению некоторых археологов, для культуры киданей было характерно сочетание кочевых традиций с оседлыми, земледельческими. Кидани еще до образования государства имели свою письменность.

После образования империи Ляо киданьские ученые изобрели два вида письменности. Создатели одной из них (920 г.) — Тулюйбу и Елюй Лубугу (племянник Амбагяня) — взяли за образец китайское иероглифическое письмо (большая письменность).

Другой вид письменности (малая письменность) — собственная киданьская — был создан сыном Елюй Амбагяня Елюй Тэла на основе уйгурского алфавита. В какой-то мере была распространена также тюркская и уйгурская письменность, о чем свидетельствует памятник с киданьскими, тюркскими и уйгурскими письменами, который приказал установить в 924 г. в Карабалгасуне Елюй Амбагянь.

Киданьская письменность частично была дешифрована учеными СССР, Венгрии, Китая и других стран.

Кидани имели свою литературу на родном языке, внук Елюй Амбагяня Лунсянь составил литературный сборник «Парк». Император Шэньцзун (988—1030) написал свыше 500 стихов, он же перевел на киданьский язык «Сатирический сборник» знаменитого китайского поэта Бо Цзюйи. Киданьские ученые также создали много ценных исторических произведений.

Судя по письменным источникам, в VIII—X вв. некоторые отрасли знания, непосредственно связанные со скотоводством, земледелием и ремеслами, получили большое развитие у киданьского населения, например ветеринария, география, медицина, астрономия, агрономия и т. д.

Известное развитие у киданей получили живопись, скульптура, резьба по дереву, музыкальная культура.

По своему вероисповеданию кидани в основном были шаманистами. Они почитали культ предков, неба и земли. Археологами при раскопках киданьского города Дунчэна (Барс-Хот) были обнаружены деревянные фигуры духов. С образованием империи Ляо феодальная верхушка поощряла распространение буддизма, конфуцианства и даосизма, из них буддизм оставался наиболее влиятельной религией в империи Ляо.

* * *

История кочевых народов, несмотря на соседство и соприкосновение с Китаем, представляла собой самостоятельный и специфический путь социально-экономического, политического и культурного развития народов, населявших обширные просторы Центральной Азии, к северу от Китая. Южная граница кочевого

мира проходила по Великой китайской стене, которая с древних времен являлась не только политической, но и физико-географической, хозяйственной и этнокультурной границей между оседлым Китаем и миром кочевых народов.

История государственности народов Центральной Азии уходит своими корнями в глубь веков. Еще в 209 г. до н. э. на территории Центральной Азии была образована великая степная держава Хунну, оставившая заметные следы в истории. Она успешно соперничала с китайской империей, доставляя ей немало беспокойства, и в 198 г. до н. э. ханьский Китай был вынужден заключить договор с хунну.

Как известно, вслед за Хунну на территории Монголии создавались различные государственные образования и могущественные империи кочевых народов. В истории взаимоотношений между Китаем и кочевыми народами китайские правители стремились всеми средствами расширить свои владения. Кочевые народы на протяжении многих веков отстаивали и защищали свою независимость, территориальную и этническую общность от захватчиков.

На территории Монголии имеется немало памятников с надписями о героической борьбе кочевых народов против захватнической политики китайских правителей, в частности династии Тан (618—907). Всемирно известны надписи памятников древних тюрков, показывающие экспансию китайских императоров в отношении народов, населявших Центральную Азию. В надписях с особой силой звучат патетические ноты своеобразного патриотизма и независимости. К примеру, на памятнике в честь Куль-Тегина (685—731) говорится о подвигах тюрков по возрождению тюркского государства в Центральной Азии, напоминая о том, что он «был народом, составлявшим племенной союз», «да не погибнет народ тюркский, пусть будет народом»⁵.

В надписи на памятнике тюркскому полководцу Тоньюкуку, находящемуся недалеко от Улан-Батора, отражающей примерно ту же мысль, содержатся сведения о восстании тюркского народа против империи Тан и создании тюркского государства.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 36—37.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

МОНГОЛЬСКОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 1

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XII — НАЧАЛЕ XIII В.

ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

Монгольские племена в конце XII — начале XIII в.

Образование монгольского государства и сложение монгольской народности относится к началу XIII в. До этого монголы жили отдельными племенами и племенными объединениями. Каждое из этих племен и племенных объединений имело своего предводителя — хана. Кочевое скотоводческое общество монгольских племен в конце XII в. вступило в стадию развития феодального способа производства.

Монгольские племена с точки зрения своего общественного развития не представляли единства. Б. Я. Владимирцов имел все основания вслед за Рашид-ад-Дином разделить их на «лесных» и «степняков-кочевников». Они находились на разных уровнях общественного развития: «лесные» племена были еще рыболовами и звероловами, а «степняки-кочевники» — скотоводами. Кочевые скотоводческие племена составляли большинство монгольского общества и играли в его жизни ведущую роль.

По данным китайских источников, монгольские племена в XII в. населяли территорию от Великой китайской стены до верховьев Селенги. Южных монголов, кочевавших у оз. Буир-Нур вдоль границ Цзиньской империи (Северный Китай), называли «белыми татарами». Некоторые авторы отождествляют «черных татар» (северных монголов) с теми племенами, которые являлись ядром племенного объединения, получившего в начале XIII в. общее наименование «монгол».

Само слово «монгол» до сих пор в исторической науке не имеет единого толкования. По сообщениям китайских и других

источников, «монголами» называлось одно из древних племен, живших на территории Монголии. Наиболее вероятно предположение о том, что термин «монгол», обозначавший вначале одно из племен, затем стал собирательным, подразумевавшим всю монгольскую народность, вместе взятую.

Крупными монгольскими племенами в то время были хамаг-монголы, джалаиры, тайчиуты, кэрэиты, мэркиты, найманы и др. Хамаг-монголы обитали в бассейне рек Онона, Керулена и Толы. Многочисленным и сильным племенем были джалаиры, кочевавшие в долине р. Онона. В долине рек Онона и верховьев Селенги жило также племя тайчиутов. Самыми малочисленными среди кочевых племен были онгуты, их насчитывалось всего 4 тыс. семей. Они жили обособленно и состояли на службе у цзиньских императоров, охраняя границы Китая.

Крупным и влиятельным племенем были кэрэиты. Они обитали главным образом между Хангайским и Хэнтэйским хребтами, в долинах рек Орхона и Толы.

Местность к западу от кэрэитских кочевий, в районах между Хангайским и Алтайским хребтами, была заселена найманами. По данным Рашид-ад-Дина, большинство их обитало в гористых местах (предгорьях), а остальные — на равнинах. Кочевья найманов доходили до р. Орхона, до тех мест, где впоследствии была основана первая столица Монгольской империи — Каракорум. Найманы считались наиболее культурными из всех монгольских племен. Найманская знать, например, пользовалась услугами уйгурских писцов. Однако найманов, знающих уйгурскую письменность, было немного.

К числу крупных племен принадлежали и мэркиты (мэргэт). Мэркиты обитали в верховьях р. Селенги и непосредственно на севере граничили с «лесными» племенами. Среди других монгольских племен мэркиты выделялись своей воинственностью, они имели сильное войско.

«Лесные» племена — звероловы и рыболовы — селились в лесах, по берегам рек, главным образом в таежных районах Южного Алтая. В Забайкалье жили племена хори, баргут, тумэт, булагачин, кэрэмучин, урянхат, урасут и теленгут. В области Секизмурэн (Восьмиречье) обитали ойраты. Таковы главные монгольские племена в XII—XIII вв. и места их обитания.

По словам Рашид-ад-Дина, «лесные» племена жили в шалашах и под навесами из веток. Основным их занятием была охота. Племена часто воевали между собой из-за звероловных угодий. «Сокровенное сказание» неоднократно отмечало эту войну как повседневную. «Лесные» племена, так же как и «степные» скотоводы, вели кочевой образ жизни, для транспортировки своего имущества во время перекочевки они использовали горных быков (яков), лошадей, а в дальнейшем и верблюдов.

В доступных нам источниках нет данных, достаточно полно освещающих характер общественных отношений у «лесных»

племен. Однако, по всей видимости, все эти племена начали выходить из стадии первобытнообщинных отношений. Шаманизм освящал эти отношения и поддерживал авторитет родовых и племенных старейшин. Впрочем, религией скотоводческих племен был также шаманизм, ставший впоследствии идеологией раннефеодального монгольского общества.

Под воздействием развития производительных сил и под влиянием кочевых скотоводческих племен, достигших более высокого уровня культуры, у «лесных» племен также начался процесс разложения первобытнообщинного строя. Но резко выраженного классового расслоения среди «лесных» племен в конце XII — начале XIII в. еще не наблюдалось.

Основное богатство монгольских скотоводческих племен составляли овцы, козы, крупный рогатый скот и лошади. Верблюдов было немного, да и те принадлежали главным образом найманам. Овцы играли в хозяйстве монголов первостепенную роль. Их мясо, кожа, шерсть, молоко — все шло как на внутреннее потребление, так и на рынки оседлых соседей, и прежде всего Северного Китая. О роли лошади в жизни кочевников китайский историк XIII в. Чжао Хун пишет: «Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади; они сами собой приучаются сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проходит на охоте». Лошадь служила средством передвижения, лошадь была верным другом в походе, на войне и на облавной охоте, наконец, она же давала молоко, из которого монголы приготавливали кумыс. Монголы — кочевые скотоводы для ведения своего хозяйства перекочевывали с места на место, причем летники и зимники того или иного племени были точно определены. Направление перекочевки зависело от времени года и состава стад: пастбище, годное для овец, не подходило для лошадей. Кочевали монголы куренями (кольцом).

По данным Рашид-ад-Дина, в один курень входило около тысячи кибиток-семей. Пока кочевники-скотоводы жили первобытной общиной, курень был определенной формой кочевания. Куда бы племя ни пришло, оно обязательно располагалось кольцом, состоявшим примерно из тысячи кибиток. В центре такого кольца находилась кибитка вождя племени. Отсюда он управлял своим куренем. По мере разложения первобытной общины, т. е. по мере классового расслоения, увеличивалась роль богатых семей. Рамки куреня стесняли богачей, они стремились пасти свой скот обособленно, у них появились слуги, рабы. Богатые скотоводы усиливали свое влияние на рядовых членов куреня, на простых кочевников-скотоводов, опираясь на свою экономическую мощь и на военную силу в лице нукеров, из которых со временем формировались отряды телохранителей и личной гвардии владетельных ханов и князей. Так постепенно разлагался куренный общинный способ ведения скотоводческого хозяйства у монголов.

Все чаще происходило кочевание айлами, т. е. отдельными семьями, а не родом, как это практиковалось раньше. В условиях новых патриархально-феодальных отношений оно становилось более целесообразной, чем курень, формой ведения кочевого хозяйства. Однако, утрачивая свое хозяйственное значение, курень еще долго сохранял оборонное. Характерно, что во время перекочевов племя стремилось обезопасить себя от внезапного нападения тем, что располагалось куренем. Еще чаще это имело место во время облавных охот и военных походов.

Переход от куренной формы хозяйствования к айльной происходил постепенно в течение длительного времени.

В начале XIII в., когда складывалось монгольское государство, несмотря на то что формой кочевания по-прежнему оставался курень, айл уже утвердился как основная хозяйственная единица. Окончательно айльный способ кочевания укрепился уже в условиях победившего феодализма.

При переходе к классовому обществу, особенно при наличии кочевого хозяйства, родовые институты исчезают не сразу. У монголов после возникновения феодализма очень долго сохранялись пережитки родовых организаций, обычаи, верования. Старые формы при этом получали новое, классовое содержание. Пережитки общинно-родового строя, в частности обычаи и верования (шаманизм), бытовали у монголов в течение нескольких столетий после того, как феодальный способ производства стал господствующим.

Устойчивость родовых пережитков объяснялась, в частности, тем, что единство рода охранялось у монгольских племен особым почитанием «старшего» в роде. В «Сокровенном сказании» по этому поводу говорится, что потомок старшего в роде возводился в особый сан — «бэки» — и считался высшим жрецом, шаманом рода.

В айле, по родовым обычаям, особое внимание уделяли охране домашнего очага, наблюдение за которым поручали младшему сыну. По этой причине младший сын не мог уйти в раздел, он наследовал юрту родителей. Эти и другие родовые обычаи были использованы формировавшейся феодальной знатью для узурпации прав и званий старейшин родов и племен.

Длительное существование пережитков общинно-родового строя наложило свой отпечаток на развитие феодализма в Монголии.

Классовое расслоение монгольского общества к началу XIII в. и развитие феодальных отношений

В процессе сложения классового кочевого скотоводческого общества немалую роль сыграло домашнее рабство. Оно содействовало сравнительно быстрому возвышению богатых, эко-

номически сильных айлов. Знать племен добывала рабов на войне, обычно ими становились пленники. В «Сокровенном сказании» и у Рашид-ад-Дина неоднократно упоминается о наличии рабов у монгольской аристократии. Рабы были домашними слугами, кроме того, их часто использовали в качестве пастухов. Рабовладение в Монголии не занимало столь значительного места, чтобы стать основой рабовладельческой общественно-экономической формации, но оно существовало как уклад в феодальном обществе в Монголии на раннем этапе его развития.

Рашид-ад-Дин и «Сокровенное сказание» приводят множество фактов, показывающих, что во второй половине XII в. у монголов-кочевников почти во всех племенах уже выделились богатые скотоводы, степная скотоводческая знать — нойоны. Нойонам присваивали различные титулы, а именно: «батор» — богатырь, «сэчэн» — мудрый, «мэргэн» — меткий стрелок, «бильгэ» — мудрый, «букэ» — силач. Часто они носили титулы, заимствованные у других народов.

В условиях кочевой жизни племена часто враждовали из-за пастбищ или звероловных угодий. Столкновения эти иногда отличались своей жестокостью и приводили к тому, что разбитое, ослабленное племя переходило в полную зависимость к племени-победителю.

Эти зависимые монголы назывались утэгу-боголы. Характеризуя зависимость утэгу-боголов, Б. Я. Владимирцов отмечал, что утэгу-боголы «должны были кочевать вместе со своими владельцами или образовывать по их указаниям курени и айлы, позволяли своим господам удобно вести большое скотоводческое хозяйство. Во время облавных охот они бывали загонщиками».

В начале XIII в. в процессе создания монгольского государства произошли уже заметные перемены в положении массы рядовых кочевников. Былое социальное и экономическое равенство исчезло, в то же время еще не наблюдалось полной потери личной свободы рядовых кочевников.

Процесс дальнейшего классового расслоения и усиления феодальной зависимости кочевников ускорился в связи с образованием в начале XIII в. монгольского государства. Большую роль в этом сыграло нукерство. Нукеры — «друзья», дружинники, близкие сподвижники и слуги нойона.

Нукерство появляется, когда складываются классы и обостряются классовые противоречия. Именно тогда господствующий класс — нойонство — для защиты своих интересов создает отряды вооруженных людей — нукеров. Об этом свидетельствуют и упоминавшиеся исторические источники.

Только тот нойон пользовался влиянием в своем племени и у соседей, который набирал сильную дружину нукеров.

Богачи-нойоны, опираясь на силу нукеров, подчиняли себе большие группы людей своего племени, а затем целиком какой-

нибудь род, постепенно добиваясь установления своей власти над всем племенем. Для Монголии того времени характерна постоянная борьба нойонов за власть — как внутри племени, так и за его пределами.

Монгольское войско было построено по десятичной системе: десятки, сотни, тысячи и тьма (десять тысяч). Такое деление связано прежде всего с куренем, который, согласно источникам, состоял из десятков, сотен и тысяч. Напомним, что курень содержал тысячу кибиток — айлов. За исключением «кэшик» — личной гвардии, созданной самим Чингис-ханом, все строение монгольского войска перешло к нему от предшествующего времени.

Все изложенное выше о монголах описываемого периода дает основание сделать следующие выводы.

Несмотря на распыленность племени, у монголов на грани XII и XIII вв. имелось много общего в языке, в характере хозяйства и способе его ведения, в обычаях и культуре.

Однако вследствие низкого уровня развития производительных сил в Монголии не создалось еще сколько-нибудь широких экономических связей. Процесс классового расслоения племен уже был на той стадии, когда выделился сильный класс в лице нойонства, которое не могло закрепить свое господствующее положение старыми формами и нуждалось в мощном аппарате насилия в виде государства. Начало XIII в. в Монголии — время напряженной борьбы за создание единого общемонгольского государства, в рамках которого завершался процесс слияния разрозненных родовых и племенных объединений в единую монгольскую народность. Таким образом, сложение монгольской народности происходило в обстановке зарождения и развития феодального общества.

Феодализм в Монголии имеет некоторые специфические особенности, отличающие его от феодального общества многих других стран. Во-первых, он возник и развивался не на базе земледелия, как это было в подавляющем большинстве других стран, а на базе экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства. Это обстоятельство не могло не наложить отпечаток на многие черты общественного строя монголов. Во-вторых, феодализм в Монголии складывался не в процессе разложения рабовладельческой формации, а минуя последнюю, в процессе разложения первобытнообщинного строя. Это обусловило одновременное зарождение и неравномерное развитие феодального способа производства у различных монгольских племен. Монгольские племена, населявшие лесные районы, у которых материальное производство зиждилось на звероловстве и охоте, изживали родо-племенные отношения и переходили к феодализму позже и медленнее, чем монгольские племена в степных районах, в основе производственной деятельности которых лежало кочевое скотоводство.

В условиях первобытнообщинного строя пастбища, как и скот, были собственностью монгольского рода. В эпоху разложения первобытнообщинного строя, когда скот уже превратился в собственность патриархальной семьи, пастбища еще длительное время находились в собственности рода. В дальнейшем родовая собственность на землю (пастбища) все больше уступала место частной, семейной собственности на них.

Именно об этом писал К. Маркс: «У пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец, например, — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»¹. Такая форма собственности на землю наблюдалась у многих народов.

В основе процесса феодализации Монголии лежала узурпация общинной собственности на землю и пастбища складывавшейся феодальной аристократией — крупными скотовладельцами, превращение непосредственных производителей — свободных аратов — в класс феодально зависимых людей. Раньше всего и наиболее интенсивно этот процесс развернулся в степных районах, позже и менее интенсивно он протекал в лесистых районах.

Превращая землю, т. е. пастбища, в свою монопольную собственность, класс монгольских феодалов в XIII в. наделял ею непосредственных производителей — аратов, давая им, таким образом, возможность вести собственное частное кочевое скотоводческое хозяйство, но требуя от них за это выполнения ряда повинностей. Источники свидетельствуют, что уже в конце XII в. араты доставляли нойонам топливо, доили их скот, готовили для них молочные продукты, стригли овец и т. п. В дальнейшем, по мере того как росла численность нойонских стад, выпас этих стад все больше превращался в главную повинность аратов. Так возникла и получила развитие в Монголии отработочная рента.

Специфические формы экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства вызвали к жизни такую своеобразную форму собственности феодалов на землю, как право регулирования перекочевов и вообще управления кочевьями. «Кто имеет возможность распоряжаться по своему усмотрению пастбищными территориями, — замечает Владимирцов, — тот является у кочевников владельцем (ejen) земельных угодий (nutug)».

Как и во всех странах мира, в основе феодализма в Монголии лежало натуральное хозяйство, при котором ремесленное производство существовало рядом с сельскохозяйственным. Каждый монгольский айл наряду с основным трудом по уходу за скотом занимался изготовлением для своих нужд войлока, повозок, сбруи, домашней посуды, оружия и т. п. Удовлетворяя за счет собственного производства свои потребности в хо-

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому способу производства. М., 1940, с. 24.

зяйственном инвентаре, предметах домашнего обихода и вооружении, хозяйство кочевников экономически было мало связано с другими такими же хозяйствами. Натуральный характер хозяйства превращал владение князя в замкнутую, самодовлеющую единицу, у которой экономические связи с другими владениями вовсе отсутствовали или были очень слабыми. Это, однако, не означает, что монгольское общество того времени не знало товарного производства и товарного обмена.

Монголы-кочевники, естественно, нуждались в продуктах земледелия, в текстильных изделиях и в изделиях из металла, производившихся в соседних странах. Соприкасаясь с населением Китая, с оседлыми народами Средней Азии, монголы приобретали у них необходимые товары в обмен на лошадей и других домашних животных. Но такая торговля не разрушила и не могла в условиях того времени разрушить натуральное хозяйство, которое внутри монгольского общества оставалось безраздельно господствующим.

Таковы основные особенности развития феодальных отношений в Монголии на их первой, начальной стадии. Полная же победа феодальной формы эксплуатации и связанная с ней потеря аратами личной свободы произошла позднее, уже в период Монгольской империи. Однако и тогда продолжали сохраняться многочисленные пережитки патриархальных отношений.

Борьба за власть между монгольскими ханами

Племенные союзы, возникшие после разложения родового строя в начале XI в., в процессе своего дальнейшего общественного развития начали складываться в государственные объединения первоначального типа. К числу таких государственных образований принадлежит объединение «Хамаг монгол улус», образовавшееся в бассейне рек Онона и Керулена. Государство типа «Хамаг монгол» существовало также у кэрэитов и найманов, однако между ними шла упорная борьба за власть.

Образование и развитие раннефеодальных государств на территории Центральной Азии, начиная с Жужаньского каганата (IV—V вв.), несомненно, подготовили почву для последующего создания единого монгольского государства в начале XIII в.

Среди боровшихся между собой представителей степной аристократии выделялся молодой Тэмучин, сын Есугэй-батара, внук первого хана государства «Хамаг монгол улус» — Хабула.

Тэмучин родился в 1162 г. в местности Дэлюн Болдок, на р. Ононе. Отец Тэмучина Есугэй-батор был самым сильным и влиятельным среди преемников Хабул-хана. Он окружил себя многочисленными нукерами, владел огромными стадами. В его подчинении находилось самое крупное племя хамаг-монгол — тайчиуты.

В 1166 г. Есугэй был отравлен враждовавшими с ним татарами. После смерти Есугэй-батара нукеры покинули его семью, и вскоре улус Есугэя распался.

Жена и дети Есугэя недолго оставались в нужде. Старший сын Тэмучин, установив союз с андой (породненным другом) отца, влиятельным кэрэитским ханом Тогорилом и своим андой Джамухой, начал успешно собирать бывших подданных своего отца. Тэмучин вместе с Тогорилом и Джамухой напали на мэркитов, разбили их и поделили между собой военную добычу. Однако этот союз продолжался недолго из-за вражды между Тэмучином и Джамухой, претендовавшими на власть над «Хамаг монгол улусом». Государство «Хамаг монгол» все еще не имело общепризнанного хана. В бою с Джамухой у Далан Балжута Тэмучин был разбит. Однако Джамуха не сумел воспользоваться победой для укрепления своего положения. Тэмучину путем щедрых наград и обещаний удалось привлечь на свою сторону большинство племен, подвластных Джамухе. Он при активной поддержке нукеров и нойонства в 1190 г. занял трон «Хамаг монгол улуса».

Тэмучин с целью сплочения вокруг себя нойонства и нукеров предоставлял им различные привилегии; в частности, он учредил привилегированное сословие дарханов. Дарханы были освобождены от всяких налогов, могли не делиться своей добычей с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану и не наказывались за первые девять проступков. Тэмучин занялся организацией своих войск. Он назначил верных ему нойонов во главе каждой тысячи, а также начальников сотен и десятков.

Был организован отряд телохранителей — кэшик, состоявший из двух частей: «80 человек кэбтэулов — ночной охраны и 70 человек турхаудов — дневной гвардейской стражи». Кэшик представлял собой своеобразную гвардию.

Как указывает «Сокровенное сказание», в кэшик зачислялись главным образом сыновья и братья нойонов, тысячников и сотников.

Тэмучин вместе с Алтан-ханом (цзиньским императором) участвовал в походе против татарского племени, видя в этом удобный случай отомстить татарам. Поход закончился успешно.

Указанные события произошли на рубеже XII—XIII вв., по видимому в 1200 г. Пока Тэмучин участвовал в походе против татар, Джамухе удалось укрепить свои связи с некоторыми родо-племенными группами. Теперь к Джамухе примкнули татары, тайчиуты, хатагины, салджеуты, хунгираты, мэркиты, ойраты и др., аристократические правители которых решили провозгласить Джамуху своим ханом. Джамуха возобновил вооруженную борьбу с Тэмучином, но потерпел поражение.

В 1202 г. Тэмучин договорился с кэрэитским ханом Тогорилом о совместных военных действиях против мэркитов и та-

тар. Тогорил должен был вести борьбу с мэркитами, а Тэмучин — с татарами. Осенью 1202 г. Тэмучин выступил против татар. Поход этот закончился разгромом последних. Тогорил в это время сражался с мэркитами, часть которых была разбита и взята в плен, а остальные бежали в сторону нынешнего Прибайкалья. По окончании этих походов отряды Тэмучина и Тогорила двинулись к Алтаю против найманов. Однако вскоре между Тэмучином и Тогорилом вспыхнула борьба. Тогорил вступил в союз со старым соперником Тэмучина — Джамухой. В конце концов победителем из этой борьбы вышел Тэмучин.

В 1204—1205 гг. Тэмучин, покорив найманов и мэркитов, завершил объединение всех основных племен Монголии под своей властью.

Монгольское государство и его классовый характер

На курултае, состоявшемся в 1206 г. на р. Ононе, монгольское нойонство провозгласило Тэмучина Чингис-ханом, т. е. великим ханом.

Новое монгольское государство по сравнению с предыдущими раннефеодальными объединениями носило ярко выраженный классовый, феодальный характер. В его основу было положено военно-административное устройство. Чингис-хан разделил население Монголии на два крыла: правое (барун-гар) и левое (дзун-гар). Крылья состояли из тем (тумэн). Тьма включала десять тысяч человек, тысяча — десять сотен, сотня — десять десятков. Таким образом, наименьшей военно-административной единицей в Монголии была группа айлов, обязанная выставлять десять воинов, а самой крупной — владение, дававшее хану возможность мобилизовать 10 тыс. человек. Чингис-хан образовал 95 отрядов по тысяче человек. Тысячниками — военно-административными чинами — были назначены нукеры — вооруженные дружинники Чингис-хана. Они управляли аратскими семьями своих тысяч со всей их территорией в качестве вознаграждения за верную службу. Так, бывшие дружинники — нукеры стали вассалами монгольского хана, а создание тысячи как военно-административной единицы нанесло окончательный удар по отжившему свой век родовому строю.

В мирное время все кочевники обязаны были выполнять разные повинности в пользу хана и нойонов, во время войны все годные к военной службе призывались в ряды войска.

Войско собиралось не только для походов, но и для облавных охот, которые преследовали как хозяйственные цели, так и задачи военной тренировки.

После курултая 1206 г. Чингис-хан увеличил состав своей личной гвардии — кэшика — до 10 тыс. человек. За нарушение дисциплины кэшиктэны несли тяжелые наказания, подробное перечисление которых содержится в «Сокровенном сказании».

Однако, как бы ни была сурова дисциплина в кэшике, состоять в ней считалось большой честью.

Кэшик был не только личной охраной Чингис-хана, но и основной силой, с помощью которой он удерживал власть нойонства над рядовыми кочевниками-скотоводами, охотниками и рыбаками.

В «Сокровенном сказании» имеются данные о первых мероприятиях Чингис-хана по организации управления обширными территориями Монголии. Чингис-хан для укрепления положения правящей династии и централизации страны выделил отдельные улусы в качестве «хуби» — определенной доли — своей матери, сыновьям и младшим братьям: матери совместно с Отчигином он выделил 10 тыс. семей, Джучи — 9 тыс., Чагадаю — 8 тыс., Угэдэю — 5 тыс., Хасару — 4 тыс., Алчидаю — 2 тыс. и Бэлгүтэю — 1500 семей. Он издал закон с целью прикрепления аратов к земле нойонов. Согласно Ясе (Собрание законов) Чингис-хана, аратам запрещалось самовольно переходить из одного десятка в другой, из одной сотни в другую, что фактически означало прикрепление их к земле нойонов — тысячников, сотников и т. д.

Чингис-хан также учредил должность государственного судьи-дзаргучи, в обязанность которого входило рассмотрение дел и вынесение приговора согласно Ясе. Араты жестоко карались за малейшие признаки сопротивления.

Организация нового административного устройства — создание системы тысяч, учреждение личной гвардии, щедрое пожалование уделов-улусов родственникам хана, отдельным феодалам, наконец, введение писаного права — все это было направлено против родо-племенных организаций и сепаратизма отдельных феодалов.

Образование монгольского государства имело огромное значение в истории монгольского народа. Оно положило конец непрерывным родо-племенным междоусобицам, содействовало укреплению государственного единства. В условиях борьбы против иноземных нашествий монгольское государство способствовало укреплению обороноспособности страны. Создание монгольского государства знаменовало собой замену родового строя новым общественным строем — феодальным.

Монгольские племена, носившие доселе различные названия, получили единое — монголы, а монгольское государство, простиравшееся на севере от верховьев Селенги, на юге — до Великой китайской стены, на востоке — от Хинганского хребта, на западе до Алтайских гор, стало называться Великим монгольским государством (Yeke mongol ulus).

Таким образом, образование единого монгольского государства способствовало политическому объединению Монголии, складыванию монгольской народности, ликвидации племенной раздробленности и пережитков родового строя, росту производительных сил и развитию культуры.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ ЧИНГИС-ХАНА И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ. ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Захватнические походы Чингис-хана

Наряду с эксплуатацией монгольских аратов обогащение за счет покоренных народов стало главной целью Чингис-хана, нойонской знати и их дружинников — нукеров.

Такая ограниченная собственная экономическая база, как кочевое скотоводство, не могла удовлетворить все возраставшие потребности феодалов и их дружинников. Монгольские феодалы во главе с Чингис-ханом видели источник своего обогащения прежде всего в завоевании земледельческих стран. На захватнические войны монгольских феодалов толкали также обострившиеся классовые противоречия внутри монгольского общества. Успеху военных походов способствовали хорошо организованная монгольская конница и применение сравнительно высокой для того времени военной техники, а также искусство ведения войн монгольскими военачальниками. Одной из главных причин успехов завоевательных походов было и то, что страны Азии и Европы, подвергшиеся нашествию, были значительно ослаблены феодальной раздробленностью и внутренними распрями между феодалами.

В 1211 г. Чингис-хан начал военные действия в Северном Китае. После ряда сражений войска Чингис-хана проникли далеко в глубь страны и в 1215 г. захватили г. Пекин (Чжунду).

Частые крестьянские восстания, внутренние распри сделали положение Цзиньского государства весьма неустойчивым, что и предопределило поражение его войск в боях с войсками Чингис-хана. Взяв огромную добычу и много пленных, чингисхановские войска ушли из Северного Китая.

Весть о северокайтайском походе Чингис-хана и о взятии им Пекина породила массу тревожных слухов в Средней Азии. Чтобы проверить слухи и составить правильное представление о возможном своем противнике, глава Хорезмского государства хорезмшах Мухаммед отправил в Монголию одно за другим два посольства. Через некоторое время Чингис-хан направил ответное посольство, во главе которого был поставлен хорезмский купец Махмуд Ялавач, находившийся на службе у Чингис-хана. Посольство Чингис-хана застало хорезмшаха в Бухаре, где и было им принято.

В 1218 г. Чингис-хан направил в столицу Хорезмского государства Ургенч новый посольский караван с дипломатическими и торговыми целями. Однако в дальнейшем отношения между

Чингис-ханом и хорезмшахом обострились и вылились в вооруженную борьбу.

В 1218 г. монгольские войска заняли Восточный Туркестан и Семиречье. Техническое оснащение войска Чингис-хана для своего времени было довольно совершенным. Наряду с конницей и пехотой в монгольском войске имелось много осадных стенобитных и камнеметных машин. У Чингис-хана были также метательные снаряды, бросавшие глиняные сосуды с горючей жидкостью, в состав которой входила нефть.

В 1218 г., завоевав Семиречье, Чингис-хан вторгся в пределы государства хорезмского шаха Мухаммеда. Шах, не доверяя крупным феодалам и боясь вооружить своих воинов, отказался оказать сопротивление Чингис-хану на границах государства. Он расквартировал войска по городам, оставив население на произвол судьбы. Только народ героически сопротивлялся неприятелю, местные же феодалы и купцы пошли на сговор с захватчиками, стараясь ценой предательства избавиться от шаха, сохранить свою жизнь и богатства.

Чингис-хан зимой 1219/20 г. во главе основных сил двинулся в глубь Мавераннахра и захватил его культурный центр Бухару.

В марте 1220 г. монгольскими войсками был занят древний и богатый город Средней Азии Самарканд. Затем Чингис-хан начал поход на столицу Хорезма Ургенч. Осада города началась в самом конце 1220 или в начале 1221 г. Жители упорно и героически обороняли родной город от захватчиков. Только потеряв много тысяч своих воинов, после четырех-пятимесячной осады войска Чингис-хана смогли овладеть столицей Хорезмского государства. Погибло огромное число горожан, а ремесленники были отосланы на работы в тыл монгольского войска.

Последним из крупных городов Средней Азии, трудовое население которого оказало героическое сопротивление монгольским войскам, был Мерв. Он был взят в 1221 г.

Еще недавно цветущая, культурная страна теперь была разорена. Многие города были разрушены. Весть о нашествии Чингис-хана на Среднюю Азию широко распространилась по всему Ближнему Востоку. Монгольские завоеватели одержали победу в силу того, что некоторые племена, окружавшие Монголию, не имели еще своей государственности, а государства при наличии феодальной раздробленности были не в состоянии организовать народное сопротивление.

В 1221 г. монголы («татары» в русских летописях) вторглись в Азербайджан, а затем и в земли Грузии. Захватив г. Шемаху, монголы проникли через горы на Северный Кавказ и оттуда дошли до Крыма, где захватили Судак.

В 1223 г. на берегу р. Калки монголы разбили войско русских князей. Причина поражения русского войска заключалась в том, что русские князья в самый опасный момент не смогли

отрешиться от внутренней разобщенности. Монголы, однако, не задержались в южнорусских степях, а двинулись в сторону средней Волги, к устью Камы, в направлении к болгарскому княжеству.

Дальнейшее продвижение не принесло им успеха. Булгары устроили засаду, нанесли монгольским войскам сильное поражение и прекратили их дальнейшее наступление. Это поражение было обусловлено не только силой и храбростью болгарского войска, но и тем, что завоеватели были еще раньше ослаблены битвой на р. Калке.

Осенью 1225 г. Чингис-хан вернулся на родину и последние полтора года жизни провел в походе против государства тангутов. Тангуты потерпели поражение. Тангутские города были разграблены и сожжены. Этот поход явился последним военным предприятием Чингис-хана. В самый разгар тангутского похода, в 1227 г., он умер.

Историческую роль Чингис-хана нельзя оценивать однозначно. Она была прогрессивной в том смысле, что соответствовала объективно-историческому процессу консолидации монгольской народности и формированию единого монгольского феодального государства. Именно в этом направлении развивалась его деятельность примерно до начала второго десятилетия XIII в. В дальнейшем, когда он встал на путь захватнических войн, его деятельность приобрела реакционный характер.

Выходец из кругов степной аристократии, Чингис-хан являлся выразителем интересов феодализирующейся кочевой знати. Обладая незаурядными способностями, он был крупным полководцем, государственным и политическим деятелем. Он умело подходил к проблемам внутреннего устройства молодого государства, решал их в соответствии с интересами класса феодалов. Это позволило утвердить новый и для того времени более прогрессивный общественный порядок.

Чингис-хан собрал воедино разрозненные племена и создал единое монгольское государство, многое сделав для упрочения его независимости.

Однако Чингис-хан и его феодальное окружение направили энергию только что сложившегося государства на захватнические войны, которые не только причинили неисчислимые бедствия народам завоеванных стран, но и были пагубны для самой Монголии.

Войны способствовали разобщению монгольской народности, истощали людские ресурсы Монголии, обусловили длительный политический, экономический и культурный ее упадок в последующие века.

Богатства чужих стран, захваченные завоевателями, использовались не для развития экономики Монголии, а исключительно в целях обогащения господствующего класса монгольских феодалов.

Жизненные интересы народа Монголии отнюдь не требовали создания мировой империи; она была нужна только монгольским феодалам. Империя Чингис-хана не имела общей экономической базы и представляла собой обширный конгломерат племен и народностей. Конечным итогом могло быть только одно — распад этой столь же непрочной, сколь огромной державы.

В течение ряда лет китайская историография пыталась использовать имя Чингис-хана в угоду великодержавным притязаниям Мао Цзэдуна и его приверженцев, стремившихся оправдать завоевательные походы Чингис-хана и его преемников, представить Чингис-хана в качестве представителя одной из малых народностей, входивших в состав Китая. Отдельные историки в полном противоречии с исторической истиной включали завоеванные монгольскими феодалами территории в состав Китая. Отсюда и стремление некоторых китайских историков возвеличить Чингис-хана и его преемников.

Монгольская империя при преемниках Чингис-хана (1227—1259)

Еще при жизни Чингис-хана огромные земли, входившие в Монгольскую империю, были поделены между четырьмя его сыновьями. Розданные Чингис-ханом земли принято именовать улусами или улусами.

Чем старше был сын, тем отдаленнее от Монголии лежал его улус. Джучи, старший сын, получил земли к западу от Иртыша; из среднеазиатских владений в улус Джучи вошли низовья Амударьи, т. е. Хорезм и его столица Ургенч, а также низовья Сырдарьи. Ставка Джучи размещалась в долине Иртыша.

Второй сын Чингис-хана, Чагадай, получил Мавераннахр, т. е. территории между Амударьей и Сырдарьей; ставка его была в долине р. Или.

Угэдэю Чингис-хан передал Западную Монголию и Тарбагатай. Ставка Угэдэя находилась у Чугучака. Четвертый сын Чингис-хана, Тулуй, наследовал коренной отцовский улус.

При жизни Чингис-хана сыновья целиком подчинялись ему, но ни в коей мере их нельзя считать его вассалами. Они, вернее всего, были его наместниками. Положение резко изменилось после смерти Чингис-хана: наследники стремились превратить свои улусы в независимые владения, неподвластные всемонгольскому хану.

Большинство нойонов, занимая в войске Чингис-хана командные должности сотников, тысячников и темников, разбогатели за счет военных грабежей. Многие из них становились даруга-

чи и тамгачи, т. е. правителями и их помощниками в городах и областях завоеванных стран. Представители нойднства получали при этом возможность грабить население почти бесконтрольно.

Еще при жизни Чингис-хана преемником его был намечен третий сын — Угэдэй. Но в течение года после смерти Чингис-хана фактическая власть принадлежала Тулугу, который, как его младший сын, почти всегда находился при отце в качестве хранителя семейного очага.

После соответствующих переговоров местом курултая была избрана чингисова юрта в долине р. Керулена. Сюда в 1228 г. съехались представители от всех улусов. Из Дешт-и-Кыпчака явились сыновья Джучи-хана Бату, Шэйбан, Бэркэ, Бэркэчор. Из Мавераннахра прибыл Чагадай с сыновьями и внуками. Также с сыновьями и внуками приехал Угэдэй и другие родственники и близкие.

На этом курултае Угэдэй был избран ханом. После избрания устроили торжественный пир в честь нового хана.

Угэдэй правил с 1228 по 1241 г. В год вступления его на престол размеры Монгольской империи были чрезвычайно велики. Кроме собственно Монголии она включала Северный Китай, Восточный Туркестан, Среднюю Азию, степи от Иртыша до Волги, большую часть Ирана и Кавказа, хотя в двух последних странах власть монгольских феодалов не была достаточно прочной.

При Угэдэе для управления завоеванными странами назначались особые уполномоченные — даругачи и тамгачи. Эта система сохранялась до распада империи.

Господствующий класс завоеванных стран в лице крупных землевладельцев и высшего духовенства, а также крупные купцы ради сохранения своих богатств и привилегий шли на службу к завоевателям. Монгольские завоеватели оставили в ряде покоренных областей даже местных властителей, сделав их послушным орудием в своих руках и поставив их под надзор баскаков.

С именем Угэдэя связан курултай 1235 г., на котором, по словам Рашид-ад-Дина, установлено было взимать копчур (налог) со скота в размере одной головы со ста голов. Кроме того, Угэдэй приказал, чтобы с каждых 10 тагаров зерновых взимали в пользу казны 1 тагар, т. е. десятину.

О подобных же распоряжениях Угэдэя говорит и «Сокровенное сказание»: «Пусть взнос в государственную продовольственную повинность (шулен) будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада... Повсюду от каждой тысячи выделит кобыл и установит их удой. Поставит при табунах доильщиков, выставит постоянно сменяемых распорядителей кочевьями — нутукчинов, которые одновременно будут и унгучинами, заведующими конским молодняком». По существу, это была по-

винность феодального характера, налагавшаяся на каждую тысячу монгольских кочевников. За три десятилетия со времени образования государства процесс феодализации монгольского общества значительно усилился. В результате хищничества чиновников и насилий, творимых монгольскими военными отрядами, а также злоупотреблений, связанных с находившейся преимущественно в руках мусульманских купцов откупной системой взимания налогов и повинностей, налоговый гнет увеличился в несколько раз. Да и сами ставки налогов на местах под различными предлогами значительно повышались по сравнению с тем, что предписывалось из центра.

Тяжелой повинностью для кочевого и земледельческого населения была и почтовая служба, организованная в 1225 г. Почта должна была обслуживать всю систему управления Монгольской империи, т. е. перевозить огромное число посланцев, гонцов и чиновников. Угэдэй установил, что «на каждой яме должно быть на 20 человек улачинов», определенное количество лошадей, баранов для продовольствия, дойных кобыл, упряжных волов и повозок.

Много зла жителям селений и городов причиняли так называемые пайдзы — золотые, серебряные, бронзовые и даже деревянные пластинки, предоставлявшие их обладателю право возлагать на трудовое население разные повинности. Это еще более ухудшало положение крестьян и ремесленников в Монгольской империи.

Взимание разных налогов и повинностей в покоренных монгольскими феодалами странах приняло огромные размеры. При Мункэ-хане, т. е. уже в 50-х годах XIII в., экономическое положение резко ухудшилось. Сам хан вынужден был в одном из своих указов (ярлыков) признать, что «насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно доведены до крайности земледельцы множеством всякого рода тягот — взысканиями и бременем чрезвычайных налогов, так что польза, получаемая ими, не равнялась и половине взысканий (в виде повинностей)».

Изнурительный труд выпал на долю трудящихся, особенно пленных ремесленников, при постройке монгольской столицы Каракорума, начатой еще при Чингис-хане и законченной в 1235 г.

Столица была возведена на берегу Орхона. В сооружении города и ханского дворца принимали участие китайские, таджикские, тюркские, персидские и другие мастера и ремесленники.

Интересно свидетельство посла французского короля Людовика IX, монаха Рубрука, лично посетившего столицу Монголии при Мункэ-хане: «Город окружен глиняной стеной и имеет четверо ворот. У восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз;

у южных — быков и повозки; у северных — коней». Это показывает, что Каракорум был крупным торговым центром.

Находившиеся под монгольским игом народы не мирились со своим положением. В 1238 г. восстали крестьяне и ремесленники Мавераннахра. Во главе восстания стоял Махмуд Тараби, ремесленник, родом из соседнего с Бухарой селения Тараб.

Махмуду и его приверженцам удалось изгнать монголов из Бухары, захватить в ней власть и разбить под Кермине с помощью крестьян большое монгольское войско и отряды местных феодалов. Однако силы были неравные, и через несколько месяцев после смерти Махмуда Тараби монголы подавили восстание народа.

Завоевательные походы монгольских войск не прекратились со смертью Чингис-хана. Под властью монгольских феодалов оказались Восточный Туркестан, Семиречье, Средняя Азия и азиатская часть Дешт-и-Кыпчака. Иран был покорен не полностью, да и в захваченных районах власть монголов была шаткой. Лишь в 1252 г. Хулагу-хан окончательно завоевал Иран.

Что же касается Закавказья — Азербайджана, Армении и Грузии, то эти страны вошли в состав империи только в 30-х годах XIII в. Грузия и Армения с 40-х годов XIII в. до 1257 г. находились во власти Джучи, а после 1257 г. они перешли к монгольским илханам из династии Хулагидов.

К последним годам царствования Угэдэя относятся основные события похода монгольских войск в Юго-Восточную Европу и завоевание земель древней Руси. Два раза, на курултаях 1228 и 1235 гг., поднимался вопрос о походе в Поволжье и дальше на запад. Во главе похода встал Бату, сын Джучи.

1236—1238 гг. Бату провел в походах по завоеванию Рязанского и Владимирского княжеств. Великие князья Юрий Игоревич Рязанский и Юрий Всеволодович Владимирский потерпели поражение, так как из-за междоусобицы сражались против монголов разрозненно. В марте 1238 г. монгольские войска двинулись к Новгороду, однако, ослабленные прежними битвами, не дошли до него. На обратном пути монголы натолкнулись на героическое сопротивление небольшого городка Козельска. Храбрые русские люди почти на два месяца задержали монгольское войско.

В 1239 г. Бату двинулся во второй поход на русскую землю. На этот раз главные свои силы Бату бросил на юг, в бассейн Днепра и его притоков. Были взяты и разграблены Переяславль, Чернигов, а в 1240 г. — Киев. Отсюда открывались дороги на Волынь и Галицкую землю. В 1241—1242 гг. монгольские войска появились уже в Польше, Венгрии и Моравии.

Однако Бату, получив известие о смерти Угэдэя, принял решение не продолжать дальнейшее наступление на запад и поспешил на выборы нового хана, в которых Бату сыграл первостепенную роль. К тому же мужественное сопротивление рус-

ского и других народов вынуждало монгольских завоевателей вернуться в свою страну.

В результате похода Бату и завоевания обширных земель произошли значительное расширение улуса Джучи и образование государства, которое впоследствии получило наименование Золотой Орды. Это государство вначале еще входило в Монгольскую империю как ее улус, а затем, после 60-х годов XIII в., отделилось в качестве самостоятельного владения.

Угэдэй умер в 1241 г. В том же году скончался и Чагадай. Сразу же положение в Монгольской империи чрезвычайно осложнилось. Договориться быстро о кандидате в ханы оказалось очень трудно: слишком много противоречий обнаружилось между разными семьями Чингисова дома. В роли регентши оставалась вдова Угэдэя Туракина. Пять лет тянулось междуцарствие. Курултай состоялся наконец в 1246 г. На нем избрали ханом сына Угэдэя Гуюка.

Во время избрания Гуюка в ставку, где происходил курултай, прибыл францисканский монах Плано Карпини, посланный в Монголию папой Иннокентием IV, формально с целью обратиться в христианство главу империи и его дом и установить с монголами прочные мирные сношения. По существу же он должен был разведать о силе и могуществе Монгольской империи. Плано Карпини присутствовал при избрании Гуюка и записал немало ценных наблюдений. Он застал в ставке хана русского князя Ярослава, отца Александра Невского, двух сыновей грузинского царя, послов последнего аббасидского халифа Муста-сима, несколько мусульманских султанов, китайских сановников и др.

В ставке Гуюка Плано Карпини встретил замечательного золотых дел мастера, русского человека Кузьму (Косму), работавшего у хана. С большой теплотой Плано Карпини вспоминает ту помощь, которую Кузьма оказал ему в трудные дни его пребывания при дворе Гуюка.

Гуюк, хотя и возведенный на престол курултаем, все же общего признания не получил. Бату, с которым он был в ссоре еще со времен Угэдэя, не признал Гуюка и присяги ему не дал. Источники отмечают, что готовилось даже военное столкновение между ними. Гуюк выступил в поход против Бату, но по дороге, не выйдя еще из пределов Монголии, в 1248 г. умер.

Бату, находившийся во враждебных отношениях с домом Угэдэя, энергично боролся за избрание Мункэ, сына Тулуя. Два дома — Джучи и Тулуя — объединились против домов Угэдэя и Чагадая.

В 1251 г. в Монголии снова собрался курултай. На нем присутствовали в основном представители Джучи и Тулуя. Из царевичей дома Чагадая явились те, кто пострадал от хана Гуюка.

Таким образом, курултай 1251 г. не представлял всего потомства Чингис-хана. Курултай этот, однако, считал себя право-

мочным и выбрал ханом Мункэ. Этот своеобразный переворот произвели потомки Джучи и Тулуя. Приход к власти Мункэ (1251—1259), происшедший в обстановке междоусобицы, вызвал со стороны нового хана репрессии в отношении его врагов.

Мункэ послал особые войска, чтобы разгромить улусы Угэдэя и Чагадая. Бату и Мункэ окончательно ликвидировали прежнюю роль домов Чагадая и Угэдэя. Как крупные улусы они перестали существовать. Фактически в эти годы Монгольская империя разделилась на две части — владения Мункэ, носившего титул хана, и владения Бату. Мавераннахр целиком перешел под власть последнего, и граница улуса Джучи оказалась теперь не на Амударье, а в Семиречье, где-то около р. Чу.

Положение Монгольской империи к началу правления хана Мункэ было весьма непрочным. Покоренные народы в Северном Китае, Восточном Туркестане, Семиречье, Мавераннахре, Иране, Закавказье и Восточной Европе страдали от непосильных налогов, податей и повинностей, а также от злоупотреблений чиновников. В любой момент могли повториться народные восстания, подобные восстанию Махмуда Тараби в 1238 г.

Хан Мункэ немедленно принялся за укрепление центрального аппарата управления. Своим главным советником и секретарем сделал Булгая, ему же поручил составить ханские указы-ярлыки (дзарлики). Он назначил чиновников, которые должны были выдавать печать (алуую тамгу), изготовлять из золота, серебра, бронзы пайдзы, управлять ханским арсеналом и т. д.

Тщательно были подобраны придворные чины. Двух мусульман-битикчиев хан специально назначил для выдачи пайдз купцам.

Он пригласил знатоков-купцов, которые бы оценивали разные покупаемые ханским дворцом драгоценные камни, меха, художественные ткани и т. д. Он собрал также большое количество писцов, хорошо владевших персидским, китайским, уйгурским, монгольским, тибетским и другими языками.

Мункэ назначил наместников как в Средней, так и в Передней Азии. Управление завоеванными странами и областями находилось непосредственно под контролем Мункэ-хана.

Что касается положения господствующего класса покоренных стран, то монгольские власти повсюду установили контакт с местными крупными землевладельцами и высшим духовенством, т. е. со светскими и духовными феодалами. Монгольские ханы привлекли на свою сторону и богатое купечество. Представители господствующего класса в большинстве своем сразу же перешли на сторону монгольских завоевателей. Кроме того, все монгольские ханы — Угэдэй, Гуюк, Мункэ — и владельцы отдельных улусов, т. е. ханы из Чингисова дома, принимали деятельное участие в караванной торговле, стремясь извлечь из нее как можно больше выгод. При ханских дворах находились уртаки, т. е. купцы-мусульмане, которые вели ханскую торговлю,

извлекая большую выгоду для себя из этих операций. Согласно Рашид-ад-Дину, Угэдэй сам внес в качестве пая в торговые обороты 200 золотых балышей — сумму по тому времени огромную.

Сговор между завоевателями и господствующими классами покоренных стран дорого обошелся народу — крестьянам и ремесленникам.

В большинстве случаев монгольские власти, забирая все или почти все производимое ремесленниками, выплачивали им самое жалкое содержание. «Каждому дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, кроме как небольшую порцию мяса трижды в неделю».

При Мункэ-хане проведено было два новых крупных завоевательных похода. Один, во главе с Хубилаем, братом Мункэ, был начат для окончательного покорения всего Китая; другой, во главе с Хулагу, другим братом Мункэ, был совершен для полного завоевания Ирана, в частности для уничтожения государства исмаилитов.

Покончив в 1256 г. с исмаилитским государством, которое было последним оплотом независимости Ирана, Хулагу-хан направил свои войска против Багдада и земель, принадлежавших аббасидскому халифу Мустасиму (1242—1258). В Багдад монгольские завоеватели шли с надеждой на большую добычу. С Багдадом тогда было связано широко распространенное представление о неисчислимых богатствах, накопленных за 508 лет существования аббасидской династии. Багдадские властители не сумели хоть сколько-нибудь использовать свои возможности к сопротивлению. Хулагу легко захватил Багдад. 15 февраля 1258 г. он въехал в знаменитую столицу, разграбил огромные сокровища халифов, убил Мустасима и навсегда покончил с аббасидской династией. Хулагу продолжал движение дальше на запад. Однако в 1259 г. мамлюкский царь Египта Кутуз (1259—1260) нанес крупное поражение монгольскому войску, изгнал монгольских завоевателей из Сирии и положил конец их дальнейшему наступлению.

Особую историю имело обширное государство джучидов, именуемое в русских летописях «Золотая Орда».

На западе границы Золотой Орды доходили до Днестра, захватывали Крым, на востоке — до Иртыша, на северо-востоке в границы Золотой Орды входило Булгарское княжество, на юге — Северный Кавказ до Дербента, на юго-востоке — Хорезм с Ургенчем и нижнее течение Сырдарьи. Данниками Золотой Орды были русские княжества, сохранившие, однако, своих князей и внутренний строй своей жизни.

Золотая Орда представляла собой государство, искусственно образованное путем насильственного захвата чужих территорий и соединения в одно целое различных народов, говоривших на разных языках и исповадовавших разные религии.

Первые два правителя Золотой Орды, Бату-хан (1236—1255)

и Бэркэ-хан (1255—1266), установили на указанной выше территории такой же режим грабежей и насилий, какой был в Средней Азии, Азербайджане, Грузии, Армении и Иране.

Пришедшие вместе с Бату монголы не перешли на оседлое состояние, а продолжали вести кочевую жизнь в пределах Дешт-и-Кыпчака. Громадные пространства этой страны уже давно были заселены кочевыми тюркскими народами — половцами (кыпчаками), канглами и др. Так как монголов-кочевников было меньше, чем половцев, к тому же находившихся на более высоком культурном уровне, то уже в XIV в. началась ассимиляция монголов, которые постепенно стали осваивать кыпчакский язык.

Огромную дань взимали золотоордынские ханы с русского народа. Особенно тяжелым было положение русского крестьянства и русских городов, которые вынуждены были терпеть монгольских, или, как их называли на Руси, татарских, даругачи и баскаков.

Монгольские ханы Золотой Орды опирались в покоренных странах на сильные военные гарнизоны, и они владели богатой казной, куда поступали налоги и подати, взимаемые с покоренных народов.

Несколько позже, чем Золотая Орда, образовалось государство хулагидов в Иране и Закавказье, называемое иногда государством ильханов. Государство это, как выше указывалось, появилось в результате окончательного завоевания Хулагу-ханом Ирана. Хулагу-хан включил в состав нового государства кроме Ирана также и территорию Азербайджана, Армении и Грузии, в которых, впрочем, оставались местные династии на положении зависимых и платящих дань.

В 60-х годах XIII в. эти государства фактически оторвались от единого монгольского центра, возглавляемого ханом. Каждый из этих улусов во второй половине XIII в. на деле вел самостоятельную политику, мало считаясь с монгольским ханом.

Причины распада Монгольской империи на отдельные части заключались в отсутствии прочных экономических связей, которые не могла заменить караванная торговля, и в том, что монгольские ханы отдельных улусов в экономическом отношении все больше становились зависимыми от местных феодалов и богатых купцов, на которых они опирались в угнетении и эксплуатации покоренных народов. Местная политика все более отрывала этих ханов как в Золотой Орде, так и в государстве хулагидов от далекого хана, который в основном занимался имперскими и, вполне естественно, собственно монгольскими делами, а не делами отдаленных улусов. Связь между ханами улусов вскоре стала чисто номинальной.

Значительное число монгольских племен покинуло Монголию и рассеялось во вновь образованных улусах на территории покоренных стран. В каждой же из покоренных областей монголов

было сравнительно немного. В монгольских военных отрядах этих областей большинство уже составляли кочевники-тюрки (кыпчаки, канглы и др.). Некоторая часть монголов со своим скотом и имуществом покинула родные земли и обратно не вернулась, что привело к ослаблению экономики Монголии. Что же касается огромной добычи, которую получало монгольское войско от захватнических войн Чингис-хана, его сыновей и внуков, то все эти богатства обогащали не монгольский народ, а военно-командную верхушку войска, монгольских даругачи и баскаков. Да и в саму Монголию из этих богатств поступила лишь небольшая часть, которая не оживила, да и не могла оживить производительные силы страны. Завоевания не только не принесли никаких экономических выгод монгольскому народу, но и ослабили его. Монголия по-прежнему оставалась отсталой скотоводческой страной.

Большую ценность в качестве источника по истории общественной жизни монголов периода Монгольской империи представляет Яса Чингис-хана. Яса создавалась, если судить по сохранившейся записи у Джувейни, в период завоеваний, так как в ней нашли отражение и условия земледельческого быта покоренных народов.

Яса определенно указывает, что крестьяне, которые несли повинности и налоги (копчур, аваризит, дополнительный налог на содержание гонцов, почтовых станций и т. д.), призывались в войска, когда появлялась в этом надобность. Таким образом, согласно Ясе, земледельческое население покоренных стран так же образовывало ополчение, как и кочевое монгольское общество. Уход земледельца в качестве воина не освобождал его семью от уплаты налогов и повинностей в пользу монгольских властей; эти налоги и повинности должны были теперь выплачивать оставшиеся члены семьи — мужчины и женщины. Ополчение также строилось по десятичной системе, т. е. делилось на десятки, сотни, тысячи и тумэны, как войско кочевников-монголов.

Согласно Ясе, человек, приписанный к определенным тысячам, сотням и десяткам, не мог покинуть их и перейти в подразделение к кому-либо другому, под его начало. В этом случае запрещалось оставлять у себя такого человека. Суровой каре (смерти) подвергался покинувший свое подразделение, подвергался наказанию и тот, кто укрывал его.

Таким образом, наблюдалось прикрепление земледельческого населения и кочевников в качестве воинов к десяткам, сотням и тысячам, т. е. к земле, собственниками которой были начальники сотен, тысяч и тем. Это прикрепление возникло на основе феодальных порядков, существовавших в завоеванных странах, где было фактическое прикрепление крестьян к земле.

Выше мы видели, что феодальная зависимость стала определяться еще при жизни Чингис-хана и до него, но особенно чет-

ко она обнаружилась в распоряжениях Угэдэя, как это показано в «Сокровенном сказании», у Рашид ад-Дина, в Ясе и китайских источниках. Во времена Монгольской империи монгольское общество стало феодальным, несмотря на наличие множества пережитков первобытнообщинных отношений. За десятилетия существования Монгольской империи монгольское нойонство выросло в сильный военно-феодальный класс, который хозяйничал в своей стране, а также на обширных территориях покоренных стран.

Во время многочисленных походов монгольские завоеватели брали огромное количество пленных, которые фактически становились рабами. Монгольские феодалы использовали их на тяжелых работах, а также на войне, посылая пленных при осаде городов в самые опасные места; по существу, рабами становились и многие пленные ремесленники, которых монгольские войска десятками тысяч вывозили из захваченных ими городов. Однако рабский труд широкого применения в кочевом хозяйстве не получил.

За полустолетие с небольшим, т. е. с 1206 г. до 60-х годов XIII в., положение монгольского народа сильно изменилось. В самом начале XIII в. кочевники-скотоводы были еще в основной массе своей свободны, хотя и намечались в монгольском обществе признаки развития феодальных отношений; в середине же XIII в. классовое расслоение настолько углубилось, что масса простых кочевников потеряла личную свободу и попала в положение крепостных господствующего класса монгольских феодалов.

В XIII в., когда совершались важнейшие походы с завоевательскими и грабительскими целями, монгольская военно-нойонская аристократия развращала рядовых воинов, заставляя их грабить мирное население земледельческих стран. После окончания завоевательных войн монгольские кочевники снова в своей основной массе занялись скотоводством и из воинов превратились в людей мирного труда.

В последующие периоды своей истории монгольский народ неоднократно доказывал, что ему присущи как стремление к мирному труду, так и свободолюбие. Отстаивая свою самостоятельность и борясь против иноземных завоевателей и местных феодалов, монгольский народ проявлял непреклонную стойкость и горячую любовь к своей родине.

Глава 3

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ ЮАНЬ (1271—1368)

Монгольские завоеватели постепенно захватывали территорию Китая. Чингис-хан и его первые преемники завоевали чжурчжэнское государство Цзинь, расположенное в Северном Китае.

Но окончательно завладеть всем Китаем им удалось лишь впоследствии.

Чтобы установить прочную власть над Северным Китаем, нужно было приблизить к нему центр управления. Для этого Мункэ-хан еще в 1255 г. отдал приказ своему брату Хубилаю учредить ставку неподалеку от нынешнего города Долоннора. В следующем году Хубилай построил в этом районе город, названный им Кайпином.

Мункэ-хан во время своего похода на Китай оставил временно во главе ставки в Каракоруме младшего брата, Ариг-Бугу. После смерти Мункэ в 1259 г. он решил воспользоваться удачно сложившимися для него обстоятельствами, чтобы захватить ханскую власть. Он хотел созвать курултай в Каракоруме, надеясь на то, что именно он будет избран ханом. Его поддерживали старшая жена Мункэ-хана и царевичи. Узнав об этом, Хубилай не остановился перед нарушением традиционных форм избрания хана и не стал созывать князей-чинггисидов на курултай.

Вместо этого он ограничился приглашением лишь преданных ему сторонников, которые и провозгласили его монгольским ханом в Кайпине в 1260 г. Этим актом в борьбе с Ариг-Бугой Хубилай противопоставлял Кайпин как новый административный центр империи Каракоруму.

Завоевание Южного Китая, начатое еще при Мункэ, Хубилай продолжал после восшествия на ханский престол. Монгольские завоеватели встретили упорное сопротивление китайцев в районе среднего течения р. Янцзы. С трудом им удалось занять г. Учан — центр обороны большого района. Только после этого они смогли продвинуться дальше на восток, а затем на юг. Сунская династия не сумела поднять народ на борьбу с противником в масштабе всей страны. Монгольские войска в 1276 г. захватили столицу — Ханчжоу. Отдельные китайские отряды, хотя и безуспешно, продолжали еще некоторое время борьбу, но в 1279 г. уже весь Китай был захвачен монгольскими завоевателями.

Еще до окончательного завоевания Южного Китая, в 1267 г., Хубилай осуществил строительство новой столицы в г. Чжунду, бывшей резиденции Цзиньской династии. Город был назван Дайду (Великая столица) в отличие от Кайпина, получившего название Шанду (Верхняя столица). Позднее Дайду был переименован в Пекин.

Перенесение Хубилаем центра Монгольской империи в Китай было продиктовано тем, что собственно Монголия в географическом отношении была слишком удалена от главных караванных дорог и морских путей. Кроме того, необходимо было сохранить свое господство над Китаем, использовать его огромные людские ресурсы и природные богатства для завоевания других государств, усиления политического могущества самого

монгольского хагана и приведения в полное повиновение своих вассалов.

Монголия того времени в экономическом и культурном отношении не могла быть центром такой огромной по своим размерам империи, представлявшей пестрый конгломерат наций, находившихся на различных ступенях развития.

Наконец, управление такой обширной империей возможно было только в том случае, если сам великий хаган будет непосредственно иметь свою постоянную резиденцию в центре Китая. У хагана были все основания не доверять управление государством кому-либо из членов императорской семьи, а тем более своим военачальникам.

В 1271 г. Хубилай принял для своей династии китайское название — Юань (по-китайски «начало»). Видимо, Хубилай дал такое название своей империи потому, что хотел ввести в заблуждение китайцев, сопротивлявшихся чужеземному господству. Но Юаньская династия была не китайской, а монгольской, созданной на завоеванной монголами территории Китая внуком Чингис-хана Хубилаем, вся политическая и государственная деятельность которого была направлена на укрепление монгольского господства и порабощение китайского народа.

Юаньская империя монголов в Китае отнюдь не была эпохой «великого единения Китая» или «укрепления великой китайской многонациональной семьи», как утверждают некоторые китайские историки. Наоборот, она являлась тяжелым периодом угнетения китайского народа монгольскими феодалами-захватчиками и их союзниками — китайской военно-феодальной бюрократией, пришедшей на службу монгольским правителям.

Монгольские ханы опирались в основном на монгольскую военно-феодальную знать, частично используя в своих целях китайское чиновничество.

В первые годы монгольского правления в Китае гибли города вместе с населением, приходили в упадок целые области. Широко распространились рабство, долговая кабала, всевозможные поборы и повинности. В законодательном порядке проводилась дискриминация населения по этническим признакам.

Победители сохранили в основном систему правления, существовавшую при Цзинях и Сунах, в этом состояло их отличие от прежних завоевателей. От управления государством была фактически отстранена конфуцианская просвещенная элита.

Для закрепления господства в Китае и обеспечения своих интересов монгольские феодалы использовали существовавший до них китайский феодальный государственный аппарат.

При Хубилае был создан историографический комитет с участием китайских ученых. Как правило, руководителями центральных органов являлись представители монгольской военно-феодальной знати и частично выходцы из Средней Азии; на второстепенные посты назначались китайцы.

За 130 с лишним лет правления монголов (со времени свержения династии Цзинь и до падения империи Юань в 1368 г.) высшие гражданские должности (цзо-чэнсян и ю-чэнсян) занимали лишь три китайца, высшие военные должности — два, главою цензората был только один ханец.

Другие главные посты в администрации принадлежали или монголам, или выходцам из покоренных ими стран — мусульманам и христианам. В течение 70 лет были отменены и не проводились государственные экзамены — основной путь пополнения бюрократии в феодальном Китае. Хотя часть прежнего служилого сословия довольно скоро оказалась в фаворе у новых правителей, тем не менее социальный престиж носителей книжной учености упал.

Согласно историческим источникам, в период монгольского господства все китайское население подразделялось на десять категорий: сановники, мелкие служащие, буддийские священнослужители, даосы, лекари, ремесленники, охотники, простолюдины (крестьяне), конфуцианцы и нищие.

Уже в период царствования Хубилая (1260—1294) конфуцианство перестало быть государственной идеологией в империи.

Монгольская военно-феодальная знать в Китае со временем усвоила новые для нее методы эксплуатации подвластного населения, практиковавшиеся китайскими землевладельцами-феодалами, и скоро в ее руках начали скапливаться огромные богатства.

Страна была разделена на десять лу (дорог) — провинций, во главе которых стояли преимущественно монголы-губернаторы. Провинции делились на префектуры, округа и уезды, возглавлявшиеся соответствующим начальником. В его распоряжении находился местный административный аппарат, основным назначением которого было выколачивание налогов из населения.

Для подавления сопротивления китайского народа в ряде провинций размещались монгольские военные гарнизоны и были созданы военно-пахотные поселения, где солдаты несли военную службу и занимались земледелием. Монгольские войска, размещенные в Китае, жили со своими семьями, со всем своим имуществом.

В системе гнета, введенной монгольскими феодалами, большую роль играла религия, в особенности буддийская. Монгольские ханы, в частности Хубилай, допускали одновременное существование в империи различных религий: буддизма, конфуцианства, ислама и христианства. Однако общегосударственное значение имел только буддизм. Хубилай поддерживал буддийское духовенство, особенно после военной экспедиции в Тибет. Из Тибета в Китай стали прибывать в большом количестве ламы, проповедники буддизма, получавшие поддержку не только Хубилая, но и его преемников.

Буддийскому духовенству предоставлялись земельные владения, оно освобождалось от налогов и повинностей.

Хубилай поставил во главе буддийской церкви Пагва-ламу, носившего титул «царя веры в трех странах», т. е. в Тибете, Монголии и Китае. Пагва-лама на основе тибетской письменности составил собственно монгольский алфавит (квадратное письмо). Монгольский язык стал государственным языком в Китае, вся официальная переписка велась на нем и одновременно на китайском.

Монгольские феодалы, завоевав Китай, столкнулись с развитым феодальным строем, который они не изменили, но использовали в своих интересах. Монгольские ханы конфисковали земли, принадлежавшие на севере чжурчжэньской и на юге китайской феодальной знати. Значительная часть этих земель стала наследственным владением самих ханов и их родичей, остальные земли были розданы «в кормление» монгольским полководцам и чиновникам крупных рангов. Размеры жалованных земельных владений были значительными, особенно на юге Китая, экономически более развитом, куда охотно отправлялись служить монгольские феодалы, так как там было больше возможности пограбить население. Некоторые монгольские феодалы получили десятки и сотни тысяч му земли и по несколько сотен тысяч податных крестьян. Сыну Хубилая, например, было передано 105 тыс. податных семейств, доходы с которых шли в его личное распоряжение. Полководец Баян получил 6 тыс. семейств и т. д. Многие крестьяне были превращены в рабов монгольской военно-феодальной знати.

Многочисленные монгольские феодалы кроме пожалований насильно захватывали землю китайских землевладельцев, часто превращая обработанные поля в пастбища для скота и в места для охоты.

Господство монгольских феодалов привело к еще большему закрепощению и разорению китайского крестьянства. Основной формой его эксплуатации, как и прежде, была рента продуктами; одновременно существовала и отработочная рента. Крестьянство обязано было платить налоги государству, причем они дифференцировались в зависимости от местности. Налоги, взимаемые центральным правительством и местными властями, были тяжелыми и приводили к обнищанию крестьянства. Тяжесть налогов усиливалась произволом местных властей, вводивших новые поборы в дополнение к установленным центральным правительством налогам.

Население страдало также от финансовой политики монгольских ханов — чрезмерного выпуска бумажных денег. Монгольские ханы широко практиковали этот метод грабежа, используя ранее существовавший опыт выпуска бумажных денег во времена династий Тан и Сун. В период правления Юаньской династии было выпущено семь видов различных ассигнаций.

сменявших друг друга. Были выстроены специальные дворы для обмена золота и серебра на бумажные деньги. За один лан золота выдавалось бумажных денег на сумму 20 связок монет. Так как они были объявлены единственным средством платежа, то населению приходилось отдавать серебро в обмен на ничего не стоившие бумажки.

Земельная и налоговая политика монгольских феодалов вызвала резкое ухудшение положения крестьянства — обезземеливание, обнищание, рост бродяжничества, массовый голод. Это в конечном счете привело к упадку и опустошению когда-то плодородных и сравнительно развитых областей Южного Китая.

В руках монгольских феодалов сосредоточивались огромные богатства, которые не были использованы для дальнейшего развития производительных сил страны, а растрачивались на удовлетворение прихотей феодалов, на роскошь и пиршества, а также на содержание многочисленных войск.

После захвата власти Хубилаю пришлось вести борьбу с враждебными ему группировками монгольских князей, пытавшихся отнять у него престол.

Его собственный брат Ариг-Буга оспаривал у него право на трон. В развернувшихся военных действиях Ариг-Буга потерпел поражение и в 1264 г. сдался Хубилаю. Через два года он умер.

В 1266 г. против Хубилая была создана новая коалиция монгольских князей, во главе которых стоял Хайду, внук Угэдэя. Вражда между ним и Хубилаем началась еще во время избрания последнего ханом. Хайду поддерживал Ариг-Бугу в его претензиях на ханский трон, а затем и сам стал претендовать на него.

Борьба между ними продолжалась вплоть до самой смерти Хубилая в 1294 г. Хайду организовал против Хубилая довольно сильный и прочный союз князей, в который входили потомки Угэдэя, Чагадая, а впоследствии к ним присоединился и Ширкэ, сын Мункэ. Ширкэ, посланный Хубилаем с войсками против Хайду, изменил и перешел на сторону Хайду. Лишь после того как руководство военными действиями было возложено на Баяна, Хубилаю удалось отеснить противников и временно восторжествовать над ними. Тем не менее Хайду продолжал сколачивать коалицию и через десять лет снова создал союз князей против Хубилая. К нему присоединились на территории чжурчжэней. Из этих князей самым влиятельным был Наян. В 1289 г. Наян и другие князья со своими войсками двинулись против Хубилая. Однако восстание князей было подавлено, а Наян, взятый в плен, был казнен (его закатали в войлок, в котором он задохнулся).

Борьба Ариг-Буги и Хайду против Хубилая была, по существу, борьбой за власть, но объективно была направлена на

сохранение политического центра государства в самой Монголии.

Борьба с князьями несколько сдерживала размах военных походов Хубилая. Многие его завоевательные походы за пределами Китая не имели успеха. После захвата Южного Китая Хубилай провел ряд походов против Бирмы, Камбоджи и Аннама. Несмотря на временные успехи, эти походы все же окончились неудачей в связи с упорным сопротивлением народов этих стран и затруднениями, которые испытывали монгольские войска при ведении войны в тропическом климате. После двух походов Хубилаю пришлось отказаться от попыток подчинить себе владетеля Тямпы. Однако Бирма и Аннам в конце концов признали Хубилая своим сюзереном и некоторое время платили ему дань. Вассалами монгольского императора признали себя также владетели Зондских островов.

Хубилай совершил также два больших морских похода против Японии. Первый из них состоялся в октябре 1274 г., второй — в 1281 г. Оба похода были неудачными.

Во времена монгольской династии в Китай приезжало много иностранцев, которых влекли туда главным образом торговые интересы. Монгольские власти охотно поддерживали торговые отношения более чем с 20 странами, видя в этом один из важнейших источников государственного дохода. Из ранних европейских путешествий в империю Хубилая наибольший интерес представляет посещение Китая итальянцем Марко Поло. Он приехал в Пекин в 1275 г., прожил в Китае 17 лет, став приближенным монгольского императора. После своего возвращения на родину в Венецию Марко Поло написал книгу, которая долгое время служила для европейцев главнейшим источником сведений о Китае. В книге Марко Поло содержится богатый фактический материал о царствовании Хубилая и о системе управления Монгольской империи.

Хубилай был выразителем интересов феодалов — господствующего класса монгольского общества. Умер Хубилай в 1294 г. Еще при жизни он назначил наследником своего сына Чинкима. Но Чинким умер раньше отца во время экспедиции в Тибет, которую он возглавлял, Хубилай выбрал себе нового преемника — своего внука Тэмуря, сына Чинкима.

Тэмур (род. в 1265 г., царств. в 1295—1307 гг.), получивший титул Улджэйтү-хана, до этого был наместником в Каракоруме и вел военные операции против Хайду. Став императором, он заключил мир с Аннамом и установил связи с Индией. При нем закончилась длительная борьба с Хайду и другими монгольскими князьями. Во время его царствования вспыхнуло большое народное восстание в Юньнани, которое было жестоко подавлено.

После Тэмуря престол захватил его племянник Хайсан, правивший с 1308 по 1311 г. и получивший прозвище Хулуг-хана. При нем начались дворцовые интриги, которыми отмечена вся

последующая история монгольской династии. Эти интриги отражали борьбу за власть между различными группами монгольской военно-феодальной знати.

С 1295 по 1333 г. сменилось восемь императоров, в большинстве своем не доживших до зрелого возраста и служивших чаще всего безвольными марионетками в руках той или иной группировки монгольских феодалов.

Политика монгольских императоров была направлена на установление и дальнейшее укрепление господства монгольских завоевателей в покоренных странах. Для этой цели они не только использовали государственную власть и военные силы, но и проводили довольно тонкую политику в отношении покоренных народов. Для того чтобы удерживать покоренные народы в повиновении, монгольские императоры разделили все народности империи Юань на четыре группы: в первую включили монголов, во вторую — людей Западного края, в третью — киданей, чжурчженей и северных китайцев, а в четвертую — южных китайцев, подвластных ранее Сунам. Такое деление напоминало традиционный метод управления господствующих классов в рабовладельческих и феодальных империях Азии и Европы подчиненными странами по принципу «разделяй и властвуй».

Конец правления монгольской династии был занят продолжительным царствованием Тогон-Тэмуря (род. в 1320 г., царств. в 1333—1368 гг.), ознаменовавшимся усилением эксплуатации китайского населения, ростом беззакония и произвола со стороны монгольской администрации и резким ухудшением положения народных масс. Во время его царствования в стране часто вспыхивал голод, от которого погибало множество людей. С 1337 г. в Китае начались народные восстания. На юге повстанцы пытались провозгласить китайским императором потомка династии Сун, а на юго-западе и севере появились другие претенденты. В Монголии также нашелся претендент на ханский престол — один из потомков Угэдэя. Война с восставшим китайским народом завершилась падением династии Юань.

Собственно Монголия для монгольских императоров считалась «священной» территорией, ибо она являлась колыбелью зарождения монгольского государства и его опорной базой.

Монголия была постоянным местопребыванием наследного принца, исполнявшего обязанности императорского наместника, который приобретал там практику в управлении государственными делами.

В Монголии размещался основной контингент монгольских войск. Там проводилось их военное обучение, и в случае необходимости или восстания со стороны китайского населения отряды монгольских войск направлялись на их подавление.

Императоры монгольской династии стремились сохранить самобытность Монголии, ее традиционное ведение кочевого хозяйства в нетронутom, первозданном виде. Монголия, представ-

ляя основную зону кочевого скотоводства, использовалась в основном для разведения и выпаса скота императора и крупнейших феодалов.

Каракорум в качестве столицы Монголии не сразу утратил свое политическое значение, постоянно находясь в поле зрения Юаней, являясь резиденцией наместника всех монгольских императоров. На первых порах в Каракоруме велись дворцовые строительные и реставрационные работы, в какой-то мере развивались земледелие и ремесла. Но, прекратив свое существование в качестве столицы, он постепенно приходил в упадок, утрачивал былой блеск и величие, превращаясь в заурядный город.

Что же касается самого монгольского населения, то оно по сравнению с другими этническими группами империи занимало самое привилегированное положение. Но, несмотря на это, положение рядовых кочевников было тяжелым.

Во время стихийных бедствий они были вынуждены массами пробираться в Пекин, где находилась резиденция императора, и просить о помощи. Монгольские императоры, случалось, оказывали материальную помощь пострадавшим от стихийных бедствий монголам, выдавая им небольшое количество скота, предоставляя льготы и освобождая на какой-то срок от несения повинностей и уплаты налогов.

Правление Юаньской династии не привело ни к дальнейшему развитию производительных сил, ни к росту народного благосостояния в самой Монголии. Наоборот, как правильно отмечал Б. Я. Владимирцов, «благосостояние Монголии и монголов сильнее пошло на убыль». Монгольские араты по-прежнему находились в политической и экономической кабале у феодалов. Причинами экономического упадка Монголии были феодальные войны, вспыхивавшие непрерывно в течение всего периода господства династии. Большинство из них происходило именно на территории Монголии и тяжело отзывалось на населении. Содержание большого контингента монгольских войск для охраны империи также истощало ресурсы страны и отрывало значительную часть населения от производительного труда.

Бедственное положение монголов было настолько очевидным к концу существования империи, что великие ханы стали тяготиться оказанием им постоянной помощи. Нередко они отказывали в помощи и даже запрещали им въезд в Пекин.

Падение Юаньской династии усилило начавшийся ранее процесс распада империи монгольских завоевателей; сильный удар был нанесен им русскими войсками во время исторической Куликовской битвы в 1380 г. Эта битва предредила свержение монгольского ига на Руси. Чрезвычайно выразительную характеристику монгольскому господству на Руси дал Карл Маркс в работе «Тайная дипломатия XVIII в.». Он подчеркивал, что татаро-монгольское иго не только подавляло, но и растлевало и

иссушало саму душу народа, ставшего его жертвой. Татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства.

Колоссальная военно-феодальная империя, созданная монгольскими завоевателями, находилась в непримиримых противоречиях с коренными интересами покоренных народов, стоявших в большинстве своем на более высоком уровне хозяйственного и культурного развития, чем монголы. Монгольские феодалы-завоеватели, угнетая и грабя население подвластных стран, не могли создать устойчивой империи. Народы, находившиеся под монгольским владычеством, один за другим восставали и постепенно освобождались. Трудящиеся массы самой Монголии также становились объектом все более жестокой эксплуатации со стороны своей феодальной знати. В конце концов, раздираемая внутренними противоречиями, Монгольская империя окончательно распалась под ударами боровшихся против ига завоевателей народов Европы и Азии.

Глава 4

КУЛЬТУРА МОНГОЛОВ В XIII—XIV ВВ.

В XIII в. происходят крупные сдвиги в развитии культуры монголов в связи с дальнейшим развитием феодальных отношений у них. Объединение разрозненных племен и образование единого государства явилось сильным толчком к развитию национальной культуры монголов.

В ходе создания единого государства значительно усилился процесс сближения монгольских племен. Монголы в основной массе занимались скотоводством, хотя и сохраняли немало элементов охотоводства. Скотоводы удовлетворяли свои хозяйственно-бытовые нужды, обрабатывая продукцию животноводства. Основным питанием для них служили мясо и молочные продукты. Однако беднякам и рабам часто приходилось довольствоваться случайной ловлей диких зверьков, таких, как тарбаганы и др.

Из источников явствует, что монголы в то время приготавливали мясные и молочные продукты почти так же, как они это делали до последнего времени. К таким молочным продуктам относятся кумыс (чигэ), масло (цаган тос), сушеный творог (хурут) и т. д.

Основным жилищем монголов в XIII—XIV вв. служила войлочная юрта (гэр). О монгольских юртах того времени Плано Карпини писал: «Стави у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок, наверху же в середине ставни имеется круглое окно, откуда попадает

свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыша покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставни велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудности людей». Юрты XIII в., по существу, мало чем отличались от современных. По сравнению с более ранним периодом в XIII в. они были более благоустроены. Жилища степных аристократов, ханов и нойонов, так называемые гэр-орд (юрта-дворец), выделялись среди других не только по своему размеру, но и по богатому убранству. «Алтан-орд», «алтан-тэрмэ», которые описываются в источниках, порой вмещали сотни людей. Кроме того, были юрты, постоянно установленные на повозках, они не могли разбираться, как обычные. Их называли «гэр-тэрэг», т. е. юрта-повозка. Они различались по своей величине: для перевозки небольшой юрты достаточно было одного быка, для перевозки большой юрты — три, четыре или даже больше. Ханы и нойоны владели особыми юртами-повозками (орд-гэртэрэг), т. е. «дворец-юрта-повозка». По свидетельству очевидцев, тогда эти юрты были настолько велики, что имели 30 футов в ширину и их тянули 22 быка. Кроме юрт-повозок монголы широко использовали так называемые харагутай-тэрэг (крытые повозки).

В XIII в. в одежде богатых и бедных наблюдались различия в отделке, фасонах, а также качестве материалов. «Богатые носили одежды, сшитые из шелковых и шерстяных материй, дорогих мехов, привозимых из различных стран мира. Они подшивали платья (дэли) шелковыми охлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. А бедные изготавливали верхние шубы из собачьих или козьих шкур, подшивали платья полотном, хлопчатобумажной... Из войлока они делали плащи, чепраки и шапки от дождя». Монгольские халаты (дэли) того времени сильно отличались от современных. У халата не было воротника, сверху донизу они были разрезными, на груди запахивались, на левом боку застегивались одной, а на правом тремя пряжками; на левом боку халаты также были разрезаны до рукава. Замужние женщины носили своеобразный кафтан (номрог), очень широкий и разрезной спереди до земли, а также головной убор — богтаг.

Монголы устраивали всякие пиры и празднества. Но больше всего они любили проводить «три мужских состязания» («эрийн гурван наадам») — по борьбе, стрельбе из лука и конным скачкам. Кроме разных культовых празднеств, связанных с древними верованиями, у монголов отмечались и чисто семейные праздники — свадьба, день рождения и т. д. Праздники сопровождались пением, музыкой и танцами.

Данные археологии и письменных источников свидетельствуют, что в XIII в. представления монголов об окружающем мире получили настолько заметное развитие в связи с крупными изменениями в социально-экономическом развитии и куль-

туре монгольского общества, что именно с этого времени мы можем конкретно говорить о естественнонаучных представлениях монгольского народа, составлявших вплоть до последнего времени один из важных компонентов его национальной культуры. Эти представления превращались в определенные знания и практическое руководство во многих областях трудовой деятельности древних монголов.

Скотоводство, представлявшее собой весьма сложную систему традиционных приемов и техники ведения хозяйства, требовало определенного уровня знаний о различных видах скота и природно-климатических условиях их разведения. К рассматриваемому периоду монгольские скотоводы обладали обширными знаниями о жизни животных и растительного мира. Изготовление монголами войлока высокого качества, умелая обработка ими шерсти, кожи и других видов животноводческого сырья, приготовление молочных и мясных продуктов — все это не обходилось без знаний прикладной химии и домашнепромысловой технологии. Чтобы войлок был белым и сверкал ярче, монголы чаще всего пропитывали его известкой, белой глиной и порошком из костей². Изготавливался также особый, черный войлок, пропитанный салом или овечьим молоком, препятствовавший проникновению воды³. Из войлока делали самые разнообразные изделия, начиная с покрывала юрты и кончая одеждой и шапками. Кожи обрабатывались с применением кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока⁴.

Совершенствовались орудия труда и хозяйственно-бытовые изделия. Это, в свою очередь, способствовало дальнейшему развитию у монголов новых навыков техники и ремесла. Без таких знаний было бы немыслимо изобретение описанной выше юрты-повозки сложной конструкции, изготовление различных видов телег и повозок.

Богатство монгольской земли залежами руд различных металлов благоприятствовало развитию знаний физических свойств руд и металлов и умения их обработки для определенных нужд.

В рассматриваемый период металлургическое производство достигает значительного развития. Об этом свидетельствуют письменные источники и материалы археологических находок. Характерно, что среди монголов в XII—XIII вв. бытовали интересные предания и обычаи, связанные с добычей железной руды и кузнечным ремеслом и свидетельствующие о довольно древнем знакомстве монголов с горнорудным делом.

Так, Рашид-ад-Дин сообщает, что «в местности Эргуна-Куны люди из родов Кыят и Нукуз нашли месторождение железной руды, где постоянно плавил железом... Собравшись все вместе,

² П. Карпини, Г. Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, с. 91.

³ Там же, с. 92.

⁴ Там же, с. 101.

они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные меха. Затем сложили дрова и уголь у подножия того кособора и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа»⁵. Как говорится в «Сокровенном сказании», некто Жарчиудай привел своего сына Жэлмэ к Тэмучину. За спиной отца был кузнечный мех.

Результаты раскопок Каракорума и других монгольских городов подтверждают существование собственно монгольских ремесел, в том числе и чугунолитейных, бронзолитейных и иных мастерских, занимавшихся главным образом производством различных видов оружия. О мастерстве монгольских кузнецов, литейщиков и ювелиров свидетельствуют находки из Каракорума — бронзовый сосуд, украшенный чеканным орнаментом, серебряные сосуды, украшения конской утвари, бронзовые зеркала и др. О высоком уровне металлургического производства в Каракоруме можно судить на основании технологического анализа некоторых изделий, найденных там. Исследование образцов белого чугуна и стали показало, что белый чугун плавился при температуре 1350°. По мнению специалистов, для достижения такой температуры недостаточно ручного дутья, необходим двигатель, которым, очевидно, служила вода, поступавшая в Каракорум из Орхона⁶.

В XIII в. существовала довольно развитая народная медицина. Монголы разбирались в лечебных качествах некоторых растений и использовали их в лечебных целях. Рашид-ад-Дин писал, что «лесные племена, подобно монголам, хорошо знали монгольские лекарства и хорошо лечили монгольским способом», что «существуют некоторые монгольские лекарства, которые в настоящее время называют „каджир“, а в старину их именовали „кадыр“, т. е. сильное лекарство». В монгольских и китайских источниках встречаются сведения о самых различных способах лечения: прижигание раны горячим железом; обертывание раненого теплой шкурой только что убитого быка, овцы и других животных; компресс из содержимого потрохов закалываемых животных для лечения болезни суставов, обезвреживание ран, примитивная ингаляция и т. д.

Среди монголов значительное развитие получили исторические знания. Рашид-ад-Дин писал, что у всех монгольских племен «четкое и ясное родословное древо, ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие каждого появившегося на

⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2, М.—Л., с. 154.

⁶ См.: С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова и др. Древнемонгольские города. М., 1965, с. 178.

свет ребенка, и по той причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения».

На основе устной исторической традиции в это время создается письменная история, зарождается монгольская национальная историография.

Монгольская историография возникла в период развития феодальных отношений и образования единого государства. И вполне естественно, что в ней нашли свое отражение социальные перемены, которые происходили в то время в монгольском обществе. Крупным историческим памятником того времени является «Сокровенное сказание монголов», составленное в 1240 г. на берегу р. Керулена.

Появление такого замечательного историко-литературного памятника, как «Сокровенное сказание», на заре монгольской историографии свидетельствует об успешном накоплении исторических знаний у монголов того времени. «Сокровенное сказание» не обычная погодная запись, оно носит творческий характер оригинального сочинения.

Б. Я. Владимирцов писал, что «Сокровенное сказание» можно охарактеризовать не как произведение богатырского эпоса, а как историю-хронику, переданную эпическим стилем, пропитанную «ароматом степи».

Порою поражает умение автора «Сокровенного сказания» улавливать основные тенденции развития исторических событий и решать некоторые важнейшие исторические вопросы в духе времени. Наиболее характерной чертой этого произведения является то, что оно проникнуто идеей родства различных монгольских племен и необходимости объединения их в единое монгольское государство во главе с сильным ханом.

Примечательно, что автор «Сокровенного сказания» выражает свое затаенное беспокойство за будущее монгольского государства при описании выступления Чингис-хана в поход на Хорезм (Сартаул).

«Сокровенное сказание» отражает феодальную идеологию, которая сводилась к обоснованию концепции неприкосновенности ханской власти и ханской особы, верности подданных хану. Согласно «Сокровенному сказанию», девизом Чингис-хана было: «Кто поднимает руку на природного хана, того следует казнить» или же: «Холоп, поднявший однажды руку на природного хана, не может быть верным другому хану».

Автор «Сокровенного сказания» хорошо владел методом образно-художественного эмоционального воздействия на читателя. При освещении исторических событий он прибегает больше к средствам художественного показа истории, нежели к логическому или теоретическому анализу.

В XIII—XIV вв. кроме «Сокровенного сказания» существовали и другие исторические сочинения, которые, к сожалению, не дошли до нас. Об этих сочинениях стало известно из не-

которых иностранных источников. Авторы таких трудов, как «История завоевателя мира» (Джувеини), «Сборник летописей» (Рашид-ад-Дин) и «Юань ши», привлекали в основном монгольские источники для написания истории древних монголов. Так, например, Рашид-ад-Дин широко использовал, как он сам пишет, «то, что приводится в монгольских списках и летописях по годам» и содержится в истории, которая «была написана на монгольском языке и монгольским письмом, но не была собрана и приведена в порядок». Из монгольских источников персидский историк чаще всего ссылается на «Золотую книгу» («Алтан дэбтэр»), которая всегда хранилась в сокровищнице ханов. Судя по сведениям, заимствованным Рашид-ад-Дином из «Золотой книги», можно предполагать, что она была официальной историей «Золотого рода» чингисидов, составленной на древнемонгольском языке.

Возможно, история монголов в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина первоначально была написана не на персидском языке, а на монгольском Булад-чинсаном и другими монгольскими летописцами. В основу этой части работы была положена «Монгольская книга» Булада, который, как не имеющий «равных себе» в осведомленности о видах различных искусств, в знании происхождения тюркских племен и их истории, особенно истории монголов, находился во главе комиссии по составлению всемирной истории.

Ученые предполагают, что известное сочинение, называемое «Описание походов Чингис-хана» («Шэн-у цин-чжэн-лу»), является монгольской хроникой, сохранившейся в китайском переводе, сделанном во второй половине XIII в.

О существовании в XIII—XIV вв. другого монгольского исторического сочинения — «Их тобчиян» — мы узнаем из тибетского источника «Красная книга», составленного Гунгадоржи в 1346 г.

Таким образом, начальный период развития монгольской историографии характеризуется появлением ряда значительных произведений.

От периода Монгольской империи до нас дошло только одно небольшое историко-юридическое произведение «Белая история» («Цаган түүх»), сохранившееся в редакции XVI в. «Белая история» интересна тем, что она свидетельствует о первоначальном проникновении индо-тибетской буддийской идеологии в монгольскую историческую литературу. В ней впервые была представлена схема трех буддийских монархий (Индия, Тибет, Монголия), которая позднее была заимствована монгольской историографией.

В «Белой истории» обосновывается известная концепция буддийской государственной философии, согласно которой основой основ государственного управления является тесный союз или даже слияние государства и церкви. История интересует

автора постольку, поскольку она нужна для иллюстрации этой концепции.

В XIII—XIV вв. у монголов накапливаются юридические знания, о чем свидетельствует появление к началу XIII в. первого кодекса монгольских законов Великая яса. Хотя Великая яса не дошла до нас в оригинале, о ней дают нам определенное представление сохранившиеся источники. Великая яса — это кодекс законов, содержащий основные элементы государственного, административного, военного, уголовного, гражданского, обычного права монголов. Она как основной закон монгольского феодального государства была направлена на укрепление феодальных институтов в Монголии, на закрепощение народных масс.

Первый верховный судья монгольского государства, видный политический деятель своего времени Шиги-Хутуг (1180—1262), принимал активное участие в разработке Великой ясы.

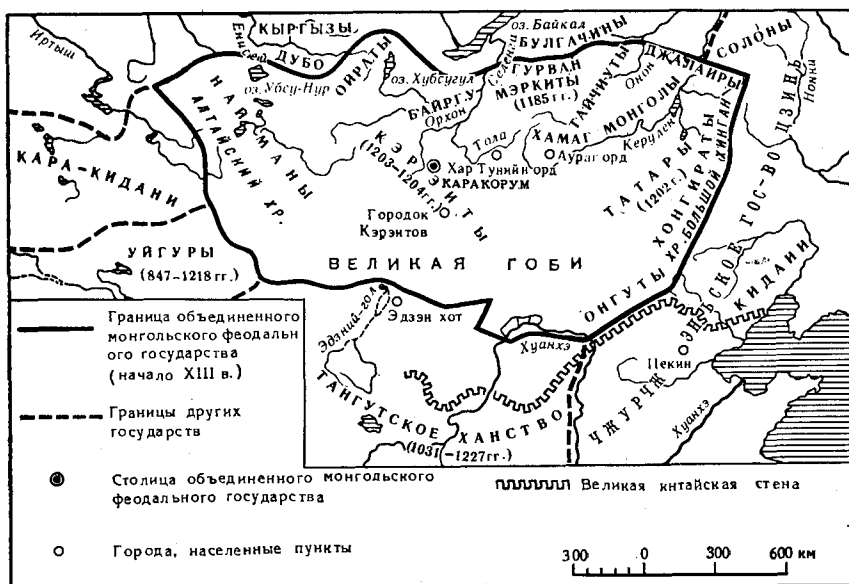
Крупным событием в развитии духовной культуры монголов было появление в начале XIII в. официальной общемонгольской письменности, основу которой составило уйгурское письмо, восходящее к согдийскому и древнеарамейскому. Надо думать, вместе с письменностью монголы приняли и лунный календарь. В самом раннем из известных нам памятников литературы описание событий с указанием дат начинается с 1201 г.

Принятие монголами письменности послужило сильным толчком для развития монгольской литературы, распространения просвещения и знаний. Для нужд монгольского государства требовались грамотные и образованные люди, поэтому было организовано обучение монголов грамоте.

Все это способствовало оформлению и утверждению монгольского письменного языка. Зарождение монгольской литературы можно условно отнести к XIII в.

С начала XIV в. начинается новый период в развитии монгольского письменного языка в связи с активизацией переводческой деятельности у монголов. Язык приобретает окончательное оформление, фиксируются новые явления, возникшие благодаря влиянию живых народных говоров, устанавливается орфография, иногда следовавшая уйгурским образцам, иногда сознательно от них отступавшая.

В XIII—XIV вв. под влиянием древнеиндийской и тибетской лингвистической школы особенно заметное развитие получила лингвистика. Монголы изучали грамматические трактаты Панини (V в. до н. э.), Томисамбата (VII в. н. э.), Сажа-пандита Гунгажалцана и др., а также писали самостоятельные сочинения по образцу этих же трактатов. Они занимались в основном разработкой вопросов монгольской письменности, орфографии и грамматики, а также вопросами литературного перевода. К наиболее известным лингвистам того времени относится Чойжи-Одсор, омонголившийся уйгур. О нем имеется очень мало

Монгольское феодальное государство (XIII—XIV вв.)

сведений. По данным некоторых источников можно сделать заключение, что Чойжи-Одсор работал при хане Улэйту (1295—1307), Хайсан Хулуге (1308—1311) и его деятельность продолжалась вплоть до 1321 г. Чойжи-Одсор был крупным ученым своего времени, оставившим после себя ряд значительных лингвистических, философских и литературных работ. Он написал первую грамматику монгольского языка «Зурхний тольт» («Покров сердца»). Труд Чойжи-Одсора не дошел до нас в своем первоначальном варианте, но о нем можно судить по некоторым поздним комментариям, в которые были включены отрывки из него (комментарии Данзандагвы, Билгийн-Далая). Чойжи-Одсор в своем труде разработал ряд важнейших вопросов монгольской фонологии и орфографии, таких, как сингармонизм гласных, определение гласных и согласных, классификация звуков по принципам пяти махбоди.

В период Юаньской империи Хубилай-хан осуществил реформу монгольской письменности, в 1269 г. было введено так называемое квадратное письмо, созданное Пагва-ламой Лодойжал-цаном по образцу тибетского алфавита. Как отмечал Б. Я. Владимирцов, Хубилай намеревался создать международный алфавит, на котором могли бы писать, пользуясь своим языком, его разноплеменные подданные: монголы, китайцы, тюрки, тибетцы и др. Монгольский хан всеми силами старался добиться своей цели. Он издал многочисленные указы о распространении но-

вого алфавита по всей империи. Было запрещено применение уйгурской письменности, открыты многочисленные школы и т. д. Проводилась большая работа по переводу и изданию главным образом буддийской литературы на новом алфавите. Однако все эти усилия не дали желаемых результатов, сохранился старый письменный язык монголов на уйгурском алфавите.

Устное поэтическое творчество монголов широко представлено в легендах, преданиях, героическом эпосе, народных песнях, пословицах и поговорках. Древние монголы часто произносили яркие поэтические речи, искусно рифмованные, содержащие много изречений, наставлений, пословиц и поговорок. У них был обычай «большинство устных посланий передавать искусно рифмованной и иносказательной речью». Подобные послания назывались в то время «дуу бариулах» (букв. «доверять голос»). Много примеров такой поэзии можно найти в источниках («Нууц товчоо», «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина и др.). Большинство стихотворных фрагментов в «Сокровенном сказании» — это лучшие образцы древней монгольской устной поэзии, зафиксированные письменно. Среди монголов того времени было немало талантливых народных поэтов, умелых рассказчиков, импровизаторов. Так, Рашид-ад-Дин отмечает, что монгольские поэты сложили в восхваление Кутула-хана (Хотолхан) много стихов и поэтично описали его отвагу и храбрость. Далее он приводит типичные примеры того, как монгольские поэты воспевали своих богатырей, в данном случае Кутула-хана. «Они говорят, что голос его был так громок, что его крик слышался через семь холмов и был похож на эхо, которое отдается в другой горе, что кисти его рук были похожи на лапы медведя: он хватал обеими руками человека, крепче и сильнее которого не бывало, и, словно деревянную стрелу, без труда сгибал его пополам и переламывал ему хребет. Рассказывают, что в зимние ночи он клал в костер деревья и укладывался около него, из горячего костра на его тело падали раскаленные угли и жгли его, а он на это не обращал внимания. Каждая трапеца его состояла из крупного барана-трехлетка и одной громадной чаши кумыса, и он же бывал сыт».

Монгольская письменная литература, берущая свое начало в устном поэтическом творчестве, достигла к XIII в. значительного развития. Об этом свидетельствует создание «Сокровенного сказания», которое является не только уникальным историческим памятником, но и шедевром монгольской художественной литературы XIII в.

Большой интерес представляют не только стихотворные фрагменты «Сокровенного сказания», но и весь памятник в целом. Язык, стиль памятника служат доказательством того, что искусство слова у монголов уже в XIII в. находилось на достаточно высоком уровне. Автор «Сокровенного сказания», умело используя богатство устного народного поэтического творчества,

написал историю Монголии, как отметил акад. Ц. Дамдинсурэн, не путем регистрирования фактов, а посредством художественного отображения исторической действительности.

Из произведений юаньской или близкой к ней эпохи известны «Поучения Чингис-хана младшим братьям и сыновьям» и некоторые другие такого же рода. Во всех этих произведениях на первом плане стоит Чингис-хан.

В конце юаньской эпохи (XIV в.) было создано типичное для того времени произведение «Плач Тогон-Тэмүра». В нем авторы скорбят по поводу падения Юаньской династии, потери власти над Китаем.

В описываемый период появляются произведения, несколько отличные от названных выше. К ним относятся, например, «Повесть о мудрых беседах мальчика-сироты с девятью сподвижниками Чингиса» и «Повесть о двух скакунах Чингиса». В первом из них в качестве героя выступает мальчик-сирота, затеявший спор с всемогущими сподвижниками Чингиса. Во втором же главное место занимает повествование о двух скакунах.

Уникальным памятником народной литературы является лирическая народная песня, записанная на бересте уйгурским алфавитом на монгольском языке. Она была найдена советскими исследователями в Поволжье, входившем некогда в состав Золотой Орды.

Рукопись относится к концу XIII или началу XIV в. Содержание песни сводится к следующему. Мать провожает сына, призванного на военную службу к какому-то властителю. Мать и сын в этой народной песне выступают как люди мирного труда. В поэтическом диалоге они высказывают друг другу свои чувства. Мать обеспокоена судьбой сына, отправляющегося служить господину. Сына также не привлекает эта служба, его помыслы устремлены к наступившей весне, начавшейся кочевке. И в этом произведении отразилась противоположность интересов феодальной знати и простого народа. Идеалы простого кочевника противостоят интересам степной аристократии. Если феодалы помышляют лишь о проведении грабительских набегов, то простой народ стремится к мирному труду, разведению скота и т. д. Противоположность интересов определила разную направленность произведений литературы данного периода.

К XIV в. необычайно активизировалась деятельность по переводу художественной, а особенно буддийской литературы Индии, Тибета и Китая на монгольский язык. До наших дней дошло немного переводных работ, например «Бодичарья-аватары» — древнеиндийское философско-литературное произведение, переведенное Чойжи-Одсором; «Банзарагч», «Алтангэрэл» в переводе Шарав-Сэнгэ; «Долоон Увгуний судар», «Субхашид» Гунгажалцана в переводе Соном-Гара; «Ачлалт ном» — конфуцианское сочинение, переведенное и изданное в 1307 г., и т. д.

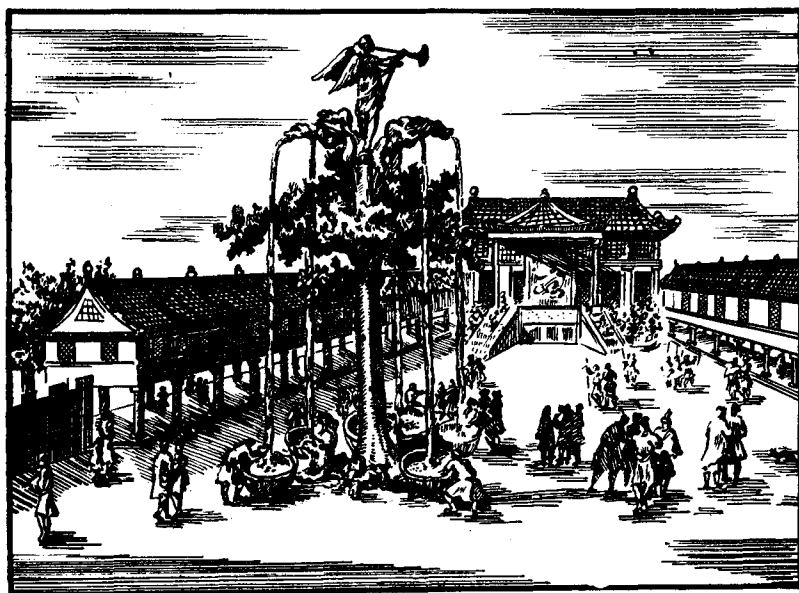
Крупным представителем монгольской литературы XIV в. был Чойжи-Одсор, о котором уже говорилось. Он был талантливым поэтом, написавшим ряд интересных литературных произведений, таких, как комментарии к десятой главе «Бодичарья-аватары», послесловие в стихах к «Банзарагч», «Воспевание Махагалы» и др.

В рассматриваемый период новым явлением в жизни монгольского общества вообще и в истории материальной культуры монголов в частности явилось возникновение и развитие городов. В результате археологических раскопок советских и монгольских ученых были открыты города, относящиеся к периоду монгольского государства: город на р. Хирхире, являвшийся административным и экономическим центром улуса Джучи-Хасара — брата Чингис-хана, а впоследствии Исункэ, сына первого; город в урочище Дентерэг на р. Элэгэст, у северных подножий хребта Танну-ола; Каракорум — столица монгольского государства и др. На основании археологических материалов и данных письменных источников специалисты делают вывод о том, что эти города являлись не только военно-административными центрами, но и средоточием ремесла и торговли. С другой стороны, результаты изучения крупнейших сооружений — цитаделей и дворцов — в этих городах позволяют специалистам говорить о высоком уровне градостроительных и архитектурных ремесел, развивавшихся в Монголии, и выделить наряду с продукцией иноземных мастеров местные изделия, отличавшиеся своеобразием⁷.

Образцом древнемонгольского градостроительства и архитектуры являлся Каракорум, основанный Чингис-ханом в 1220 г. В 1948—1949 гг. советско-монгольская археологическая экспедиция под руководством С. В. Киселева произвела обширные раскопки развалин монгольской столицы, сопровождавшиеся ценными находками. Результаты раскопок показывают, что Каракорум как столица монгольского государства была построена преимущественно руками иностранных мастеров, привезенных из покоренных и других стран. Поэтому в нем смешаны различные архитектурные стили, приемы и техника строительных работ многих стран мира. Однако следует подчеркнуть, что при строительстве Каракорума, особенно в первоначальный период, значительную роль сыграли традиции старой культуры уйгурских городов IV—XIII вв. В деталях построек и в украшениях их обнаруживаются местные приемы и традиции, бытовавшие в Монголии еще задолго до XIII в. и воплощенные в архитектурных памятниках IX—XI вв. (например, в архитектуре г. Харабалгаса на р. Орхоне).

Среди архитектурных памятников Каракорума немало буддийских сооружений, свидетельствующих о заметном влиянии

⁷ Там же.

Ханский дворец в столице Монгольской империи
г. Каракоруме (XIII в.)

буддизма в ранний период монгольского государства. Эти сооружения, детали построек и фрески, найденные при раскопках Каракорума, воплощали в себе лучшие традиции центрально-азиатской буддийской архитектуры и декоративного искусства, восходящие к древнеиндийскому буддийскому искусству типа Гандхары. Так, например, фрагментарная глиняная головка бодхисатвы (а не женщины, как писалось раньше), найденная в юго-восточном раскопе, а также цветные фрески, обнаруженные под дворцом Угэдэя, непосредственно связаны с центрально-азиатскими, в первую очередь с уйгурскими, традициями буддийского искусства.

Одной из крупнейших достопримечательностей Каракорума была большая буддийская ступа, построенная в 1256 г. по указанию Мункэ-хана и дважды (в 1311 и 1346 гг.) реставрировавшаяся в правление других монгольских ханов. Согласно двуязычной надписи (на китайском и монгольском) 1346 г., эта ступа высотой в пять этажей представляла собой целый архитектурный ансамбль. На нижнем этаже в четырех стенах были сделаны ниши, в которых находились статуи различных будд.

Почетное место в столице занимал дворец Угэдэя, построенный на высоком фундаменте, каждая сторона которого равнялась расстоянию дальности полета стрелы. В центре дворца возвышалось тронное помещение, блиставшее художественной отделкой, богатой живописью. Рядом с ханским дворцом рас-

полагались богатые и красивые дома ближних родственников Угэдэя. По приказу хана изготовлялось много красивой посуды и утвари из золота и серебра в виде слонов, львов, лошадей и других животных.

Ценным украшением дворца было большое серебряное дерево, сделанное по заказу Мункэ-хана пленным мастером Вильгельмом Парижским. По описанию очевидца, во дворце было три двери, обращенные на юг. Внутри дворца напротив двери стояло серебряное дерево, у корней его находились четыре серебряных льва, а на верхушке — скульптура ангела, держащего трубу. Внутри дерева были проведены четыре трубы до самой его верхушки; каждое отверстие, обращенное вниз, оканчивалось в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол. При приведении в действие соответствующего механизма гудела труба и лились различные напитки из четырех отверстий⁸. Ханский дворец располагался в юго-западной части города. За глинобитной стеной были найдены остатки шести зданий и каменный постамент в виде черепахи для торжественной надписи в честь хана. Главное здание дворца возвышалось на высоком цоколе и представляло собой обширный зал с 64 колоннами. Пол зала был устлан зелеными глазурованными плитками. Все дворцовые здания покрыты черепицей зеленого и красного цвета и украшены различными рельефными изображениями.

Раскопки городских домов, прежде всего на перекрестке двух центральных улиц, показали, что Каракорум был крупным центром различных ремесел. Так, были найдены мастерские по изготовлению всевозможной посуды — китайской, тангутской и близкой к таджикской и персидской, часто украшенной изящнейшими узорами. Каракорумские кузнецы и литейщики изготовляли много земледельческих орудий — плуги с отвалом, сошники, серпы и косы, различное оружие и шлемы, отливали чугунные котлы и втулки для колес повозок, на которых передвигались обозы армий. Судя по высокому мастерству и большому объему производства кузнечных, чугуно- и бронзолитейных мастерских, Каракорум был, по-видимому, очень важным центром по оснащению монгольских армий вооружением.

В источниках есть данные о прикладном искусстве монголов того времени, в частности, упоминается об узорах на дымнике и об изображениях лозы, деревьев, птиц и зверей на войлоке, закрывавшем вход в юрту.

В «Сокровенном сказании» кратко сообщается об украшениях одежды и предметов обихода монголов. Очевидно, монгольские воины украшали и свое оружие (луки, пики, мечи, щиты, колчаны и т. д.). Некоторые образцы таких укра-

⁸ П. Карпини, Г. Рубрук. Путешествие в восточные страны, с. 158—159.

шений, найденные при раскопках Каракорума, подтверждают высокий уровень мастерства монгольских кузнецов.

Издавна было известно монголам и ювелирное дело. Рашид-ад-Дин указывает, что среди других трофеев дружина Тэмучина захватила у татар серебряную колыбель. В другом месте он сообщает, что Даян-хан найманский приказал оправить серебром череп Ван-хана кэрэитского. Археологические находки дали образцы тонкого чеканного рисунка на металлических изделиях. Широкое распространение получили музыкальные инструменты. Источники сообщают, что монголы перед боем пели песни и играли на музыкальных инструментах. Упоминается в источниках и о военных барабанах, обтянутых бычьей кожей, а также о ритуальных бубнах, которыми пользовались шаманы при камлании. Из других музыкальных инструментов упоминается хуур (смычковый инструмент). Об этом инструменте рассказывается в «Сокровенном сказании» в связи с сообщением об одной похоронной процессии. В записях путешественников говорится также о трубах, которые применялись в дворцовых церемониях.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОНГОЛИЯ В XIV—XVII ВВ. (ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ СТРАНЫ)

Глава I

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛИИ В XIV—XVII ВВ.

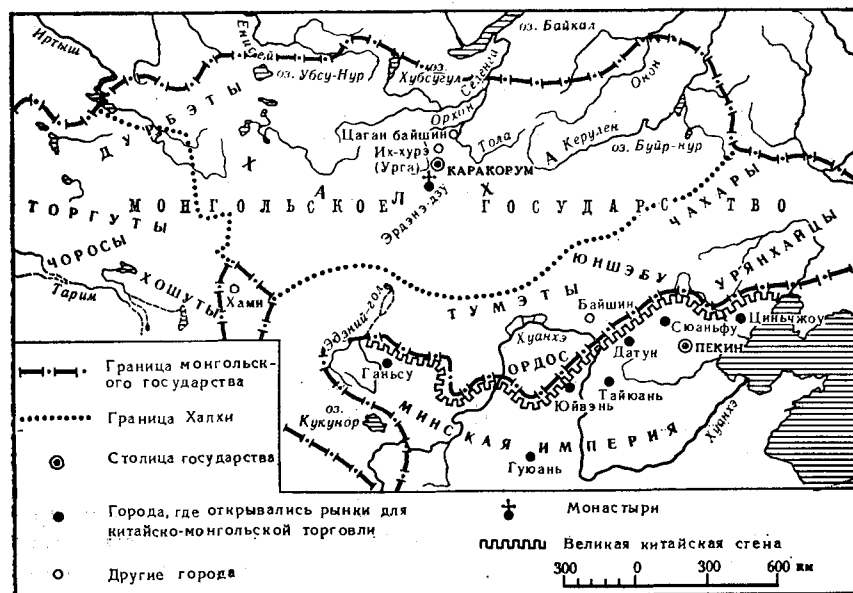
На известной ступени развития феодального способа производства единое монгольское государство начинает дробиться на более или менее значительное число местных феодальных владений, стремящихся к политической самостоятельности. В основе этого процесса лежит социально-экономическое и политическое укрепление местных феодалов и их владельцев — правителей улусов. Добившись превращения условных пожалований верховной властью великих ханов, так называемых хуби, в безусловные наследственные феоды, или умчи, их владельцы постепенно укрепляли свое могущество как путем жестокой эксплуатации собственных крепостных, так и путем захвата владений более слабых ханов и князей.

В дальнейшем, по мере роста хозяйственной самостоятельности феодалов, по мере того как вассалы становились экономически все более независимыми от своих сюзеренов, ослабежали те узы, которые привязывали вассалов к сюзеренам и ставили первых в зависимость от последних. Наступила эпоха феодальной раздробленности.

Период феодальной раздробленности в Монголии ведет свое начало с конца XIV в. и длится около трех столетий. Необычайно затянувшаяся эпоха феодальной раздробленности, а затем потеря страной политической независимости и установление маньчжурского ига явились решающими причинами, обусловившими социально-экономическое и культурное отставание Монголии.

В начале этого периода монголы населяли огромную территорию: от предгорьев Хингана на востоке до Тянь-Шаня на западе, от верховьев Иртыша и Енисея на севере до Великой китайской стены на юге.

Основным занятием монгольского народа по-прежнему было кочевое экстенсивное животноводство. Богатство страны состав-

Монгольское государство в период феодальной раздробленности (XIV—XVII вв.)

ляли стада крупного рогатого скота, овец, верблюдов, табуны лошадей. Араты кочевали небольшими группами айлов, переходя с одного места на другое в зависимости от времени года в поисках пастбищ для скота, водопоев и удобных стойбищ для себя и своих семей. Каждая группа аратов передвигалась в границах строго определенного района, являвшегося владением данного феодала, к земле которого эти араты были прикреплены и откочевать от которого они не имели права.

«Простой монгол,—говорит Б. Я. Владимирцов,—должен был кочевать согласно распоряжениям своего сеньора, обязан был останавливаться там, где ему укажут, и переходить на новые пастбища тоже в зависимости от воли своего господина». Основной производственной единицей оставался айл—одно или небольшая группа индивидуальных хозяйств, отдельных семей.

Существенную роль в хозяйстве страны в этот период продолжала играть охота. «Когда монгол подрастет, то охота становится его обычным занятием. Он уходит утром и возвращается вечером. Мясо добытой дичи идет в пищу, а шкуры—для сна на них»—так сообщает один из источников конца XVI в. Летом араты охотились небольшими группами или в одиночку для удовлетворения своих личных потребностей. Осенью же

они привлекались феодалами для участия в больших облавных охотах, длившихся по два-три месяца и более.

В своем хозяйстве араты производили, как правило, лишь те продукты и предметы домашнего обихода, которые удовлетворяли насущные потребности кочевого быта. Шерсть овец шла на изготовление войлока, из шкур домашних животных делали ремни, сбрую, разного рода сосуды, а также шили одежду, головные уборы и обувь. Из дерева изготавливали посуду, повозки и остовы для юрт. Каждый арат обязан был выстругать и держать наготове определенное количество стрел. Но луки и доспехи были предметами специального производства, которым в княжеских ставках занимались особые мастера из аратов или из числа военнопленных. Луки делали из шелковицы и вяза, тетиву—из тонкого ремня. Из ивы мастерили древки стрел, а наконечники различной формы ковали из железа.

Возвращение в Монголию воинов, ханов и князей, изгнанных из Китая, существенно изменило обстановку в стране. Теперь она снова превратилась экономически и в известной мере политически в самостоятельный общественный организм. Судьбы страны зависели главным образом от внутренних факторов, от уровня собственных производительных сил. В этой обстановке происходило дальнейшее развитие феодальных отношений в стране.

В монгольском обществе в рассматриваемый период четко различаются два класса: господствующий класс феодалов, с одной стороны, и угнетенный класс крепостного аратства—с другой.

К классу феодалов принадлежали потомки Чингиса: ханы и царевичи, стоявшие на самой верхней ступени иерархической лестницы правящего класса и представлявшие «белую кость» («цаган ясун»). На одну ступень ниже стояли царевичи-чингисиды (тайджи), которым, в свою очередь, подчинялись более мелкие феодалы—служилая аристократия, потомки прежних темников и тысячников. Крупные феодалы имели свои наследственные улусы (хуби). Хан кроме верховного владычества над всей Монголией и управления своим улусом специально ведал так называемым левым крылом (дзун-гар), т. е. западной частью страны, а правое крыло (барун-гар), т. е. восточная часть страны, оставалось в управлении наследника ханского престола, носившего титул князя-соправителя (джинон). Крупные феодалы являлись наследственными владельцами отоков или аймаков и находились в вассальной зависимости от хана.

Обязанности монгольского феодала в качестве вассала заключались в том, что он должен был участвовать в съездах для решения военных и административных дел, а также в суде и управлении. В то же время он был обязан по требованию сюзерена выступать в поход, выставляя определенное число воинов в полном вооружении, и оказывать своему господину любую дру-

гую помощь. В источниках нет материалов, по которым можно было бы проследить процесс превращения условных пожалований (хуби) в безусловные, наследственные феоды (умчи). Однако несомненно, что в описываемое время типичными для всей Монголии были не хуби, а умчи. Опираясь на свои умчи, вассалы стремились к самостоятельности, часто отказывались повиноваться распоряжениям сюзерена, иногда даже сами захватывали ханскую власть.

Все это вело в рассматриваемое время к длительным междоусобным войнам и усиливало внутреннюю раздробленность.

Трудящиеся араты находились в феодальной зависимости от своих владык-ханов и князей (эдзэн). В основе этой зависимости лежало то, что класс феодалов был монопольным собственником основного средства производства — земли, т. е. пастбищных территорий (нутуг), которыми он распоряжался по своему усмотрению. Это давало ему возможность распоряжаться и самими албату, принуждая их выпасать свои стада и табуны, нести подати и многочисленные повинности. «Как в давние времена империи, — пишет Владимирцов, — сенюру принадлежали люди (ulus) и место, пастбищные территории, где они могут кочевать (nutug)». Класс феодалов являлся не только монопольным собственником земли, но и крупным скотовладельцем. Главное богатство страны — скот был сосредоточен в основном в руках феодалов.

Основные черты феодальной зависимости и феодальной эксплуатации аратства, наметившиеся еще на ранней стадии феодализма в Монголии, теперь окрепли и получили свое дальнейшее развитие. Именно в этот период завершилось окончательное закрепощение непосредственных производителей. Феодально зависимые араты стали повсеместно именоваться албату, т. е. обязанными нести феодальные повинности (алба) и подчиняться своим хозяевам-нойонам. Монгольские феодалы, выделяя аратам соответствующие пастбищные угодья, давали им возможность вести свое мелкое животноводческое хозяйство, основанное на их личном труде. Араты были собственниками некоторого количества скота, им же принадлежали несложные орудия труда. Мелкое индивидуальное аратское хозяйство было важнейшим условием феодального способа производства в Монголии, так как оно обеспечивало существование крупного хозяйства феодалов. «„Собственное“ хозяйство крестьян на своем наделе, — писал В. И. Ленин о русской пореформенной деревне, — было условием помещичьего хозяйства, имело целью „обеспечение“ не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»¹. Именно так обстояло дело в Монголии, где «собственное» хозяйство аратов было призвано не

столько обеспечивать арата и его семью средствами к существованию, сколько феодала — рабочими руками, рабочей силой, без которых не могло существовать и развиваться его собственное крупное животноводческое хозяйство.

Система хозяйства в Монголии в описываемое время имела много общего с барщинной системой хозяйства оседлых народов эпохи феодализма. В. И. Ленин установил, что для господства такой системы хозяйства необходимы следующие четыре условия: «Во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром... Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика... Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»².

Ленинский анализ барщинной системы хозяйства может быть с учетом конкретных особенностей, связанных с кочевой формой хозяйствования, применен и к Монголии средних веков и нового времени. Тот факт, что ремесло не отделилось от сельского хозяйства, не выделилось в самостоятельное производство, а существовало слитно с сельским хозяйством, превращал феодальные уделы в Монголии в крепостные поместья, замкнутые единицы, слабо связанные с остальным миром. Непосредственный производитель в Монголии — арат был наделен, как мы видели, основным средством производства — землей, т. е. пастбищем; вместе с тем он был прикреплен к этой земле. Он находился также в личной зависимости от крепостников-феодалов. Низкое и рутинное состояние техники кочевого животноводческого хозяйства Монголии было, с одной стороны, условием, а с другой — следствием господствовавшей в стране феодальной системы хозяйства.

Опираясь на свою экономическую власть и используя внеэкономическое принуждение, феодалы подчиняли своему контролю хозяйственную деятельность аратов и ограничивали свободу их хозяйственной инициативы.

Араты не могли без разрешения своих господ выделять имущество детям, женить сыновей, выдавать замуж дочерей, брать и давать в долг. Такое ограничение хозяйственной инициативы аратов отражало степень эксплуатации и личной зависимости

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Т. 3, с. 184.

² Там же, с. 184—185.

аратов, но не уничтожало их собственности на принадлежавшие им скот и орудия производства.

В то время наиболее распространенной формой феодальной эксплуатации аратов была отработочная рента, которая выражалась в раздаче скота феодалами на выпас аратам или в привлечении аратов непосредственно в хозяйство феодалов в качестве пастухов, доильщиков, стригалей и т. д. Наряду с отработочной рентой широкое распространение имела продуктовая рента как форма феодальной эксплуатации. Каждое аратское хозяйство было обязано безвозмездно отдавать феодальному владельцу определенную часть своего стада. Согласно источникам, каждое аратское хозяйство, имевшее не менее сорока овец и не менее двух голов крупного рогатого скота, отдавало господину в год три барана. Кроме того, судя по источникам более позднего времени, араты несли расходы, связанные с такими событиями в семье феодалов, как рождения, свадьбы, похороны, перекочевки и т. п. В этих случаях феодалы получали по одной лошади и по одной телеге в бычьей упряжке от каждого десяти аратских хозяйств, а также определенное количество молока, молочной водки, войлока и пр. в зависимости от численности стад у аратов.

Однако продуктовая рента в Монголии не пришла на смену ренте отработочной, не вытеснила ее. Продуктовая рента в Монголии существовала одновременно и параллельно с отработочной, сохранившей значение решающего условия существования крупного животноводческого хозяйства феодалов.

Помимо обычных видов отработочной и продуктовой ренты монгольские араты несли на себе бремя многих других повинностей. Они обязаны были расплачиваться своим скотом за князя, если на того был наложен штраф или в том случае, если князю предстояло поднести дар старшему феодалу. Араты должны были, кроме того, выполнять по требованию своих господ любые черные работы при ханских и княжеских ставках, служить в феодальном ополчении, содержать в исправности оружие, выступать в поход, сражаться и умирать за интересы феодала. На аратов была возложена одна из наиболее тяжелых повинностей — уртонная (подводная), по которой они обязаны были своим трудом, скотом и продуктами питания обеспечивать почтовую службу в стране и снабжать продовольствием проезжающих чиновников, ханов и князей.

В условиях экстенсивного кочевого животноводства продуктовая рента, будучи естественным результатом отсталых форм натурального хозяйства, в свою очередь, становилась фактором, способствовавшим консервации этих отсталых форм. Здесь находит выражение закономерность, открытая К. Марксом, установившим, что благодаря ренте продуктами, «благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней про-

мышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, словом, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии»³.

Аратство, основной производительный класс, своим трудом содержащий все монгольское общество, не было единым. В его среде происходил процесс дифференциации. К аратству относились «сайн хумун» (лучшие люди), куда входили зажиточные чиновные (ямбуту) семьи. Затем следовали «дунда хумун» (средние люди), состоявшие из зажиточных, но не чиновных людей (ямбу угэй). Последнюю группу составляли бедняки — «хара хумун» (черный люд).

На самой низкой ступени находились рабы (богол). Рабовладение, сохранявшееся как пережиток дофеодальной эпохи, носило характер домашнего рабства. Рабы выполняли главным образом функции слуг. Они могли обладать имуществом, но не являлись его полноправными собственниками. Принадлежность к рабству была, как правило, пожизненной и наследственной.

Привилегированное положение в обществе того времени занимало сословие дарханов. Зародившись на ранней стадии феодализации общества, институт дарханства получил широкое распространение при Чингис-хане и его преемниках. В дарханы зачислялись иногда и выходцы из простого народа, особо отличившиеся на службе у феодала и освобожденные от повинностей.

Таково было экономическое положение Монголии в XIV—XVII вв., таким был ее общественный строй. Общественному строю страны соответствовала ее политическая организация.

Предания говорят, что во времена Юаньской династии монгольское войско включало 40 тем (тумэнов), но в это число не входили четыре тьмы ойратов. Отсюда и пошло долго бытовавшее в Монголии выражение «дучин дурбэн хояр» (сорок и четыре) — сорок тем восточных и четыре тьмы западных монголов, которое применялось для обозначения всех монголов.

В послеюаньскую эпоху монгольские источники упоминают только о шести тьмах, на которые разделялись все восточные монголы. Из них три тьмы составляли левое крыло, а другие три — правое крыло. Что же касается ойратов, то они по-прежнему составляли четыре самостоятельные тьмы.

В XIV—XVII вв. термин «тумэн» (досл. «10 тысяч») стал употребляться уже для обозначения не только составной части крыла, но и больших владений — улусов, на которые тогда де-

³ К. Маркс. Капитал. Т. 3. — Т. 25. Ч. 2, с. 359—360.

лились восточные и западные монголы. При этом улус количественно не равнялся тумэну эпохи завоеваний и Юаньской династии. Даже в эпоху Чингис-хана тьмы по своему численному составу колебались больше, нежели тысячи, а после падения династии название тьмы уже и вовсе не соответствовало своему содержанию: они уже не выставляли по 10 тыс. воинов. Поэтому термин «тумэн», как и «улус», в послеюаньский период употреблялся в качестве наименования крупного владения безотносительно к количеству выставляемого им войска.

Каждый улус распадался на более или менее крупные группы айлов, объединенных между собой общностью занимаемой ими под кочевья территории. К тому же они имели во главе общего наследственного владельца (эдзэн) — собственника данной территории, находившегося в прямой зависимости от своего сюзерена, владельца улуса. Подобные объединения в послеюаньский период назывались «отоками». С военной точки зрения оток представлял собой также определенную единицу, ибо его ополчение составляло особую воинскую часть, носившую в эпоху маньчжурского господства название «хошун», причем в монгольских источниках XVIII в. термин «оток» и «хошун» часто заменяют друг друга.

Отоки состояли не только из родственных групп; в них, так же как и в тысячи, могли входить представители различных родовых объединений. Определяющим для отока была территориальная общность и вытекавшая из нее феодальная зависимость всех жителей отока от одного эдзэна. Войны и выделение новых уделов уменьшали количество айлов, входивших в оток.

Кроме отоков в Монголии существовали также аймаки. В отличие от отока аймак прежде представлял собой объединение родственных семей, которые вели свое происхождение от общего предка. По своим размерам аймаки были весьма различны; иногда несколько аймаков составляли один оток, иногда же аймак по размерам равнялся отоку. В послеюаньский период аймак состоял, как правило, из нескольких отоков.

Аппарат феодальной власти, феодального угнетения и эксплуатации трудящихся в то время был весьма несложным. В каждом феодальном владении сидел свой наследственный властитель, который единолично управлял всеми делами. Он командовал своим войском, творил суд и расправу, устанавливал всевозможные поборы и повинности; в его руках находилась вся полнота военной, административной и судебной власти; он был для своих подданных единственным и всевластным повелителем. Если ему нужен был советчик по каким-нибудь сложным вопросам, он находил его среди своих родичей. Посла для дипломатической миссии он также легко мог найти в кругу приближенных. Опираясь на свои войска, на своих приближенных и родичей, занимавших важнейшие должности в войске и в граж-

данской администрации, владетельный князь в Монголии чувствовал себя очень прочно. Такой аппарат феодальной власти более или менее успешно решал задачи как внутренней, так и внешней политики феодалов.

Глава 2

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ И ПОПЫТКИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Средневековому монгольскому кочевому скотоводческому обществу жизненно необходим был бесперебойный мирный обмен со странами оседлого земледелия. Но торговля с соседями в описываемое время оставляла неизблемым натуральный характер хозяйства внутри монгольского общества. Торговля очень мало способствовала развитию общественного разделения труда, на основе которого в стране могли бы складываться местные рынки. Это в известной мере объяснялось тем специфическим характером, который носила, например, торговля между Монголией и Китаем.

Экономическая слабость Монголии проявилась со всей остротой сразу, как только Юаньская династия монгольских феодалов была свергнута народными массами Китая и изгнана из их страны. Монголия оказалась отрезанной от китайского рынка, который в тот период был единственным, куда монголы сбывали продукты своего хозяйства и где они могли приобретать необходимые им продукты земледелия и ремесла.

Минский двор, следуя традициям китайских императоров, проводил политику «и и чжи и» («управлять одними варварами, используя других»): то была политика, напоминающая современную империалистическую практику «разделяй и властвуй». Пускались в ход и другие политические средства (к примеру, так называемый «цаньши»), имевшие целью постепенное поглощение земель соседей, подобно шелковичному червю, поедающему листья тутового дерева. Используя острую нужду кочевников в продуктах земледелия и городского ремесла, минский двор всячески ограничивал монголо-китайскую торговлю, используя последнюю как средство давления на кочевников-монголов. Правда, в то время в Китае промышленность была слабо развита, экономически Китай не очень был заинтересован в приобретении монгольского скота и продуктов скотоводства. Но было бы ошибкой считать, что между скотоводческой Монголией и земледельческим Китаем не существовало экономических связей. Правители Минской династии далеко не всегда шли навстречу стремлениям кочевников вести торговлю с Китаем, выдвигая часто неприемлемые для последних условия, требуя от них иногда даже признания своего подданст-

ва Китайской империи и обязательства регулярно выплачивать дань. Лишь на таких, как правило, условиях они соглашались не препятствовать своим купцам и казне вести торговлю с Монголией. Такого рода требования китайского двора, естественно, не устраивали кочевников, что приводило часто к конфликтам и военным столкновениям между Китаем и Монголией.

Войны, которые вели монгольские феодалы в описываемое время против Китая, не носили характера, свойственного завоевательным походам периода Монгольской империи, а имели своей главной целью добиться открытия рынков для обмена скота и скотоводческой продукции на продукты китайского земледелия и ремесла, а также предотвратить экспансию Минской династии, войска которой неоднократно вторгались в пределы Монголии, пытаясь подчинить ее Китаю. Монголы постоянно испытывали давление и экономическое притеснение со стороны минских правителей.

Указанные обстоятельства определили взаимоотношения между Монголией и Китаем в период господства Минской династии. Они помогают в известной мере понять внутреннюю историю Монголии этого времени, и в частности причины междоусобной борьбы монгольских феодалов.

Правом торговать с Китаем пользовались лишь члены монгольских посольств, периодически являвшихся ко двору. Они везли с собой кроме так называемых «даров» императору еще и товары для продажи. Такие товары обычно закупались казной по установленным ценам либо на деньги, либо в обмен на китайские продукты. Если часть товаров оставалась не купленной казной, то в посольских подворьях открывались специальные рынки, длившиеся три-четыре дня, на которых происходил меновой торг под строгим контролем китайских властей. Кроме торговли с посольствами Китай иногда открывал для соседних кочевых народов конские рынки в пограничных районах. На рынках кочевники пригоняли не только лошадей, но и рогатый скот и привозили меха для обмена на китайские товары.

Главными поставщиками на эти рынки были монгольские феодалы и богатые араты, пригонявшие для продажи скот, привозившие продукты скотоводства и охоты, как собранные ханами и князьями в своих хозяйствах, так и полученные ими от аратов в порядке различного рода поборов и повинностей. Минские власти строго контролировали эту торговлю. Монгольские феодалы, со своей стороны, также регулировали торговый обмен в своих собственных интересах.

Создаваемые в пограничной полосе конские рынки обычно открывались один-два раза в месяц, причем торговля продолжалась от трех до пяти дней. Монголы должны были являться на рынки безоружными и сразу же по окончании торга покидать китайскую территорию, уходя не менее чем за 50 км от границы. Сделки в основном носили меновой характер, но не

исключалось и использование денег в виде главным образом слитков серебра. Китайская сторона предлагала бумажные и шелковые ткани, железные изделия, котлы для варки пищи, хлебные продукты, табак, чай и т. п. в обмен на монгольских лошадей, скот, шкуры и меха. Строго запрещалось продавать кочевникам оружие.

Такой официальный, строго регулируемый характер монголо-китайской торговли, происходивший к тому же не на монгольской территории, в условиях все усиливавшейся феодальной раздробленности Монголии и бесконечных княжеских междоусобиц ограничивал развитие общественного разделения труда, рост ремесла и товарного производства.

Отделенные друг от друга обширными пространствами, а часто и труднопроходимыми естественными преградами (Гобийская пустыня, горы Алтая) и экономически совершенно не связанные друг с другом, феодальные княжества Монголии после свержения Юаньской династии быстро стали превращаться в самостоятельные, не желавшие никому подчиняться феодальные деспотии. Авторитет и реальная власть всемонгольского хана среди феодалов стали падать. Ханский трон все более превращался в орудие постоянной борьбы между различными феодальными кланами, свергавшими с трона одних ханов и сажавшими других, более им угодных. Известно, что монгольские феодалы не сразу отказались от надежды восстановить свою власть над китайским народом. Бежавший из Пекина Тогон-Тэмур закрепился со своими войсками в Инчане (у оз. Далай-пор), поддерживая связь со своим полководцем Куку-Тэмуром, воевавшим на северо-западе Китая, а также с Нагачу, который скрывался со своими отрядами в горах Цзиньшань, к северо-востоку от Пекина. Опираясь на эти силы, Тогон-Тэмур готовился к борьбе за восстановление Юаньской династии. Но в 1370 г. инчанская группа была разгромлена китайскими войсками, захватившими весь лагерь Тогон-Тэмура. Спаса и бежал в Каракорум лишь сын Тогон-Тэмура Аюшридар. Туда же вскоре прибыл и Куку-Тэмур, армия которого также потерпела поражение. Каракорум вновь стал политическим центром Монголии. Здесь в 1370 г. Аюшридара был провозглашен ханом с титулом Биликту-хана; здесь формировались военные силы, с помощью которых Биликту-хан рассчитывал вернуть власть в Китае.

Но в 1372 г. в Монголию вторглись войска Минской династии, и в боях с ними войска Биликту-хана были разбиты. Через год, однако, монгольские феодалы сами совершили несколько набегов на пограничные области Китая.

Желая договориться с монгольским ханом о мире, правительство Минской династии в 1374 г. освободило из плена сына Биликту-хана Майдарипала и отправило с ним свои мирные предложения. Мир сохранялся до 1378 г., до смерти Биликту-

хана. Его преемник Тогус-Тэмур (1378—1388) возобновил военные действия против Китая. Весной 1380 г. китайская армия вновь вторглась в пределы Монголии, заняла Каракорум. Бои с переменным успехом продолжались до 1388 г. В этом году Тогус-Тэмур потерпел поражение и был убит.

Источники свидетельствуют, что после 1388 г. на протяжении 12 лет в Монголии сменилось пять ханов. Каждый раз совершался дворцовый переворот, в результате которого противники свержали хана с престола и уничтожали его. Вассалы часто выходили из повиновения своим сюзеренам. Они проводили самостоятельную внешнюю политику, заключали союзы с одними феодалами против других, причем вчерашний союзник сегодня легко становился противником и наоборот.

Минский двор всячески стремился привлечь феодалов пограничных с Китаем областей на свою сторону. Так, князь Нагачу, кочевавший на территории вдоль Великой китайской стены от Калгана до Кайюаня, первым из монгольских феодалов признал себя вассалом минского императора. По распоряжению императора Китая владение Нагачу, в котором насчитывалось, по данным источников, около 200 тыс. жителей, было реорганизовано в 1389 г. и получило наименование «Три округа Урянха». Минская династия была очень заинтересована в использовании своего нового вассала в качестве примера для других монгольских князей. Связи между князьями трех округов Урянха и Минской династией становились все более тесными. Князья оказали вооруженную поддержку одному из претендентов на минский престол, который стал в 1403 г. императором Китая под девизом Юн-лэ и щедро награждал князей Урянха.

С конца XIV в. начались длительные междоусобные войны между западными и восточными феодалами Монголии. Основное население западной части Монголии составляли ойраты, первое упоминание о которых в источниках относится к 1204 г., когда они в союзе с найманами вели вооруженную борьбу против Чингис-хана. В 1208 г. они, однако, покорились ему. В то время ойраты жили на крайнем северо-западе страны, в верховьях Енисея, и вели полукочевой-полуохотничий образ жизни. Вследствие неравномерности развития феодализма в Монголии у ойратских племен в начале XIII в. еще происходило разложение остатков первобытнообщинного строя. Позднее они населяли степные пространства главным образом к западу от Алтайских гор, занимались скотоводством. У них установились феодальные отношения, хотя пережитки родо-племенного строя у ойратов сказывались больше, чем у восточных монголов.

В конце XIV в. феодальным владыкой ойратов стал Мункэ-Тэмур, после смерти которого его владение было поделено между тремя преемниками — Махмудом, Тайпином и Бату-Болодом.

Одной из главных причин борьбы между восточными и западными феодалами Монголии в рассматриваемое время был временный перерыв торговых связей монгольских княжеств с Китаем. Это лишило ойратских феодалов выгод и преимуществ, связанных с благоприятным расположением их кочевий вдоль торговых путей, соединяющих Китай со странами Запада. Добиваясь восстановления экономических связей с Китаем, ойратские феодалы начали междоусобную войну за господство над торговыми путями в Китай через Монголию. В ходе этой борьбы ойратские феодальные княжества вышли из подчинения всемонгольскому хану, ставка которого находилась на востоке. Минская династия вначале весьма одобрительно отнеслась к стремлению ойратских князей сблизиться с Китаем; она рассчитывала натравить их на феодалов Восточной Монголии, бывших в этот период ее главными противниками. Чтобы поощрить вероятных союзников, император Чжу Ди пожаловал упомянутым выше трем ойратским князьям почетные звания и различные ценные подарки. Подстрекаемые минскими властями, ойратские князья в 1409 г. предприняли первый большой поход против своих восточных соседей и нанесли им серьезное поражение. Страна фактически распалась на две части, каждой из которых управлял свой властитель.

Опасаясь, однако, чрезмерного усиления ойратских феодалов, Минская династия вскоре в войне ойратов с монголами поддержала восточномонгольских князей, на помощь которым в 1413—1414 гг. отправила многочисленную армию, разгромившую ойратские войска.

Политическая обстановка характеризовалась непрекращавшейся борьбой между монгольскими феодалами запада и востока и их систематическими вооруженными набегами на пограничные районы Китая. Бесконечные войны разоряли аратские хозяйства, усиливали их бедственное положение, толкали их на борьбу с феодалами. Одной из распространенных форм борьбы того времени являлась откочевка аратов от своих нойонов. Случалось, что откочевывало несколько сот аратских семей.

В течение почти всей первой половины XV в., несмотря на противодействие Минской династии, шел процесс усиления ойратских феодалов. Войны между восточными и западными группами феодалов заканчивались нередко победой ойратов. Силы восточномонгольских феодалов были ослаблены их раздробленностью. Успехам ойратских князей способствовало также и то, что во главе их стоял энергичный правитель Тогон, сын Махмуда, формально бывший лишь первым министром (тайши) при монгольском Дайсун-хане, фактически же игравший роль единодержавного правителя Монголии. Подчинив все ойратские княжества, Тогон перешел в наступление против князей Восточной Монголии. К 1434 г. под властью Тогона была уже вся Западная и Восточная Монголия, за исключением той ее части, ко-

торая находилась во владении восточномонгольского Адай-хана и его первого министра Аруктая. В 1434 г. произошло решающее сражение между Тогоном и Аруктаем, закончившееся полным разгромом сил последнего и его гибелью. Дайсун-хан благодаря своему первому министру оказался единственным и полновластным правителем объединенной Монголии. На очередь встала задача урегулирования экономических и политических взаимоотношений с Минской династией. Тогон начал деятельно готовиться к походу на Китай, рассчитывая силой оружия навязать его правителям условия экономических и политических связей, которые соответствовали бы интересам монгольских феодалов. В 1439 г. Тогон умер. На посту тайши при Дайсун-хане оказался сын Тогона Эсэн (1440—1455).

Продолжая политику своего отца, Эсэн привлек на свою сторону феодальных правителей трех округов Урянха, завершив, таким образом, собирание монгольских земель.

Отношения Дайсун-хана и Эсэна к Китаю внешне оставались дружественными. Как Дайсун-хан, так и его тайши наряду с другими монгольскими феодалами регулярно отправляли в Пекин посольства с дарами и товарами для продажи. Минский двор, в свою очередь, регулярно посылал хану и его первому министру ответные посольства с дарами.

Вскоре, однако, почувствовав себя достаточно сильным, Эсэн изменил тактику. Он стал систематически нарушать установленный обеими сторонами порядок, согласно которому посольства в Пекин ездили один раз в год, а их численность не должна была превышать нескольких десятков человек. Эсэн посылал по несколько посольств в год, доводя их состав до двух-трех тысяч человек. Он потребовал также, чтобы китайские власти обеспечивали Монголию продовольствием. Отказ минского императора удовлетворить одно из таких требований послужил поводом к войне.

Осенью 1449 г. Эсэн выступил в поход. Направленная против него китайская армия, во главе которой стоял император, терпела жестокие поражения. Неподготовленная, плохо оснащенная, руководимая бездарными полководцами, она была оттеснена в местность Туму (к юго-западу от г. Хуайлая), где произошло генеральное сражение, в котором армия императора Инцзуна была разгромлена. Победителям достались огромные трофеи, они захватили множество пленных, среди которых оказался и сам Инцзун. Предложенные затем Эсэном условия заключения мира были отвергнуты правящими кругами Китая. Новый император принял ряд мер для укрепления обороны Пекина и стал формировать свою армию для борьбы с Эсэном. Мирные переговоры затянулись. Как сообщают источники, во время одной из встреч с представителями Минской династии Эсэн заявил: «Зачем же вы снизили цены на лошадей и часто отпускали негодный, порченный шелк?» Китайские представители

отвергли этот упрек: «Не мы виноваты в том, что приходилось платить вам менее, чем следовало, за лошадей, а вы же сами с каждым годом приводили их все больше и больше». Приведенная беседа между Эсэном и представителями Китая — важное свидетельство, проливающее свет на характер экономических связей Монголии и Китая в описываемое время, на экономическую подоплеку войн между ними.

Мир между Монголией и Китаем был заключен лишь осенью 1450 г. Вскоре после этого резко обострились взаимоотношения между Эсэном и Дайсун-ханом. В 1451 г. между ханом и его первым министром начались военные действия. Дайсун-хан потерпел поражение и был убит. Подавив сопротивление ряда местных феодалов, Эсэн в 1451 г. оказался полновластным и единственным правителем страны от Ляодуна до Хами. Провозгласив себя ханом всей Монголии, Эсэн в этом же году отправил в Пекин специальное посольство с уведомлением о своем вступлении на престол, величая себя «великим юаньским ханом».

Эсэн, однако, недолго оставался ханом объединенной Монголии. В 1455 г. вспыхнули мятежи местных феодалов — решительных противников централизованной власти, от которых Эсэн-хан требовал беспрекословного подчинения. Между ними началась вооруженная борьба, в которой погиб Эсэн-хан.

После смерти Эсэна авторитет и реальная сила ханской власти упали еще больше, страна вновь фактически расчленилась на ряд самостоятельных деспотий. Владетельные князья Монголии снова стали самостоятельно решать вопросы внешней и внутренней политики своих княжеств.

Не имея сил для организованного противодействия экономическому давлению со стороны китайского двора, владетельные князья раздробленной Монголии стремились порознь урегулировать взаимоотношения с Минской династией, то совершая вооруженные набеги на территорию Китая, то заключая мир с его правительством. Требование открыть рынки было основным, неизменно выставлявшимся монгольскими феодалами условием отказа от набегов на города и села Китая и поддержания мира.

В 1479 г. ханский престол занял Бату-Мункэ (род. в 1460 г., ум. в 1543 г.), известный в истории под именем Даян-хана. В годы правления этого хана была предпринята вторая попытка преодолеть раздробленность и объединить страну под властью всемонгольского хана. К 1488 г. Даян-хан подчинил своей власти большинство владетельных князей в стране. В грамоте, отправленной с посольством в 1488 г. к минскому императору, Даян-хан вновь называет себя «великим юаньским ханом». Посольство Даян-хана установило мирные отношения Монголии с минским двором. В связи с этим правительство Минской династии в том же, 1488 г. издало закон о порядке

торговли с кочевниками. Закон устанавливал, что рынки для меновой торговли будут открываться в пограничных районах три раза в год. Мирные условия 1488 г. соблюдались в течение ряда лет обеими сторонами. В определенное время вдоль границы открывались рынки, на которые монголы доставляли лошадей, рогатый скот, пушнину, конский волос и т. д., а китайские купцы — хлопчатобумажные и шелковые ткани, котлы для варки пищи и другие товары хозяйственного и личного обихода.

Однако мирные торговые отношения с Китаем в 1500 г. были прерваны. Источники не сообщают причин, приведших к разрыву. Известно лишь, что начиная с 1500 г. Даян-хан, перенесший свою ставку в Ордос, прочно удерживая в своих руках власть над Монголией, часто выступал в роли организатора крупных вооруженных нападений на Китай, возвращаясь оттуда с добычей, обогащая хана и других феодалов.

В источниках нет сведений, по которым можно было бы судить о внутренней жизни страны в годы правления Даян-хана, о положении народных масс, об их борьбе против феодального гнета. Нет также более или менее достоверных данных о состоянии культуры в монгольских княжествах. Но известно, что Даян-хану не раз приходилось силой оружия подчинять своей власти тех или иных владетельных феодалов, пытавшихся восстановить свою былую самостоятельность. Наиболее крупный феодальный мятеж произошел, когда Ибиритайши и Мандулай Агулху убили сына Даян-хана, назначенного к ним в качестве ханского наместника. Взаимоотношения, существовавшие в описываемое время между ханом и его вассалами, характеризуются словами, приписываемыми этим мятежникам в летописи Саган-Сэцэна. «Зачем нам принимать над собой господина, — говорил один другому, — сами ведь можем ведать своими головами: уьем этого наследного принца-царевича».

Даян-хан направил против мятежников карательную экспедицию, нанес им поражение и принудил к бегству.

Даян-хан умер в 1543 г. Он был последним всемонгольским ханом. Время его царствования характеризовалось укреплением монгольского феодализма. Значительную роль в упрочении государственного суверенитета феодальной Монголии сыграла выдающаяся женщина — государственный деятель средневековой Монголии Мандхай-цэцэн, известная в исторических хрониках под именем «мудрой Мандхай». Объединение монгольских ханств на продолжительное время, восстановление политического единства и самостоятельности монгольского государства, усиление его обороноспособности способствовали дальнейшему росту производительных сил страны и развитию феодальных отношений. После смерти Даян-хана Монголия вновь распалась на ряд самостоятельных владений.

Внутренняя и внешняя обстановка того времени не благоприятствовала попыткам создать прочное объединение в Мон-

голии. Экономическая отсталость страны, господство натурального хозяйства, отсутствие внутренних рынков и городов как центров ремесла и торговли препятствовали образованию общественных сил, на которые можно было опереться в борьбе за преодоление феодальной раздробленности и создание централизованного государства. Серьезным препятствием на пути централизации страны была также политика Минской династии, прилагавшей все усилия к тому, чтобы не допустить объединения и усиления Монголии, а сохранить ее в состоянии раздробленности и бесконечных княжеских распрей, рассчитывая такой политикой гарантировать безопасность границ своей империи.

Старшие сыновья Даян-хана получили уделы в южной части Монголии и стали родоначальниками княжеств Аохан, Найман, Барин, Джаруд, Кэшиктэн, Удзумчин, Хучит, Сунит, Ордос. Младший сын Даян-хана, Гэрэсэндээ, наследовал коренной отцовский улус на севере Монголии и стал родоначальником владетельных князей Халха-Монголии.

После смерти Даян-хана на ханском троне сменили друг друга: Боди-Алаг, Дайсун, Тумэн. Среди преемников Даян-хана особое место занимает Тумэн (1553—1593). Тумэн-хан настойчивее, чем его предшественники, старался пресечь феодальный сепаратизм. Чтобы сохранить единство страны, он образовал центральное правительство Монголии, состоявшее из представителей монгольских княжеств левого и правого крыла. Однако и эти попытки имели кратковременный успех. Усилившиеся феодалы правого крыла перестали признавать верховную власть монгольского хана. Правитель правого крыла, один из внуков Даян-хана, Алтан (род. в 1507 г., ум. в 1582 г.), еще во время правления Боди-Алага получил титул хана. Он также игнорировал верховную власть хана. Алтан проводил политику, направленную на подчинение всей Монголии. На севере он покорил ойратов, на западе занял Кукунор и стремился распространить свое влияние на Тибет, на востоке соперничал с Тумэн-ханом в борьбе за господство над всей Монголией.

Алтан-хан в первую очередь пытался наладить нормальную торговлю с Китаем; в области внутренней политики Алтан-хан стремился создать в Монголии очаги земледелия и ремесла. Алтан-хан был среди монгольских феодалов первым, объявившим желтошапочный ламаизм официальной религией и положившим начало широкому внедрению ламаизма в стране.

Попытки Алтан-хана завязать мирные отношения с Китаем длительное время встречали сопротивление его правящих кругов. В 1541 г. они обещали крупное денежное вознаграждение тому, кто доставит в Пекин голову Алтана, а в 1542 и 1546 гг. казнили его послов. Минский двор видел в лице Алтан-хана наиболее опасного противника в осуществлении своей политики в отношении Монголии. В 1548 г. Алтан-

хан вновь шлет в Пекин послание, в котором просит мира и права торговли, заявляя о своей готовности сурово наказывать нарушителей мира, а также сообщая, что в условиях мира китайцы могли бы беспрепятственно заниматься земледелием, а монголы — животноводством. Китайские правители и на этот раз отклонили предложение Алтан-хана. Не добившись цели, Алтан-хан организует ряд вооруженных набегов на Китай.

В 1550 г. Алтан-хан со своими войсками дошел до окрестностей Пекина и вновь предложил мир. Правительство Минской династии выставило в качестве предварительного условия требование о немедленном уходе Алтан-хана из пределов Китая. Алтан-хан выполнил это условие и вернулся в Монголию. В 1551 г. был заключен мир. В Датуне и Сюаньфу были созданы рынки. Однако мир этот оказался весьма непрочным, вскоре рынки были закрыты; началась новая полоса вооруженных нападений Алтан-хана на китайские города и селения. Как отмечают источники, главной целью Алтан-хана было принудить минского императора открыть торговлю.

Так продолжалось до 1570 г., когда в поддержку предложения Алтан-хана выступили некоторые видные китайские сановники. Мир был заключен, и в ряде пограничных китайских городов начали действовать меновые рынки. Некоторое представление об обороте китайско-монгольской торговли того времени дают сведения источника, сообщаящего, что в 1571 г. на четырех рынках (Датун, Калган, Синин, Хух-Хото), действовавших в среднем по 12—14 дней, было продано монголами более 28 тыс. лошадей общей стоимостью около 20 тыс. лан. Некоторые китайские историки считают, что установление мира между Алтан-ханом и минским двором было якобы достигнуто благодаря тому, что Алтан-хан признал себя вассалом последнего и обязался регулярно платить дань правителям Минской династии. В действительности дело обстояло по-иному. Алтан-хан и в самом деле был весьма заинтересован в нормализации торговли с Китаем и установлении с ним добрососедских отношений. Его устремления были продиктованы политикой создания единого могущественного монгольского государства, поощрения развития производительных сил страны путем сочетания кочевого скотоводства с земледелием, градостроительством, развитием культуры и т. д.

Письмо Алтан-хана на имя минского императора об установлении мира было неизвестно изменено тогдашним наместником Ван Чиньгу, который представил дело так, будто Алтан-хан считает себя покорным рабом Минской династии и отныне будет во всем следовать предписаниям минского императора. Подобные искажения писем монгольских правителей минскому двору были нередким явлением в то время.

Алтан-хан до самой смерти строго соблюдал условия мира,

пресекая попытки вассалов нарушить его и вернуться к системе вооруженных набегов.

О серьезных изменениях в экономике страны свидетельствовало строительство Алтан-ханом г. Хух-Хото. Княжеская ставка Алтан-хана стала городом, начавшим довольно быстро превращаться в центр ремесла и торговли; в окрестностях города развивалось земледелие, которым занимались не только китайцы, но и монголы. Строительство этого очага земледелия и ремесла, несомненно, связано с общим стремлением Алтан-хана нормализовать мирные торговые отношения с Китаем. Таким образом, мы видим во внешней и внутренней политике Алтан-хана некоторые новые черты, отличавшие ее от политики его предшественников.

Несомненно, все эти изменения были обусловлены сдвигами в общественно-экономической жизни страны. О них, в частности, говорит тот факт, что вооруженные вторжения монгольских феодалов в Китай в это время происходили все реже, уступая место длительным периодам мира. Кроме того, именно тогда ламаизм стал превращаться в официальную религию в Монголии.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности исчерпывающим образом проследить те сдвиги, которые обусловили эту политику Алтан-хана.

Алтан-хан владел обширной территорией к югу от Гоби и к северу от Великой китайской стены; западным рубежом его владений был Кукунор, куда Алтан-хан назначил правителем своего сына Бинту. В начале 70-х годов XVI в. Бинту совершил вооруженный набег на провинцию Сычуань. Правительство Минской династии обратилось к Алтан-хану с просьбой оказать соответствующее воздействие на сына. Алтан-хан ответил, что Бинту сделал это только по необходимости, ввиду того что вблизи, в Ганьсу, у него нет открытого рынка для торговли, а ходить в Нинся далеко и неудобно; поэтому, если бы Алтан-хан и приказал Бинту смириться, тот не послушался бы его. Минская династия вынуждена была пойти на уступки, а в 1574 г. в Ганьсу был открыт рынок для меновой торговли с местными монголами.

Феодалная раздробленность в какой-то мере способствовала развитию княжеств. Но со временем углубление процесса политического дробления и усиление феодалных междоусобиц в значительной мере ослабили обороноспособность страны.

Со смертью Алтан-хана его владение распалось на большое число мелких княжеств, между которыми вновь разгорелась междоусобная борьба.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАМАИЗМА В МОНГОЛИИ

Во второй половине XVI в. произошло важное событие в жизни Монголии — принятие ламаизма. Процесс разложения феодального общества страны шел быстрее после распада Юаньской империи и перенесения ее политического центра в Монголию. Большие изменения, происшедшие в этот период, вызвали значительные сдвиги в области идеологии. Старый монгольский шаманизм, возникший еще в недрах родового строя, уже не мог в новых условиях удовлетворять нужды класса феодалов.

Монгольские феодалы приняли буддизм в форме ламаизма, пришедшего из Тибета. Зародившись в Индии в VI в. до н. э., буддизм в VII в. н. э. проник в Тибет и вскоре широко там распространился. Оставаясь неизменным в основных своих догматах, буддизм в Тибете претерпел, однако, значительные изменения в обрядовой, культовой стороне и в организации церковных институтов. Эти перемены были направлены на приспособление буддизма к интересам господствующего класса тибетского феодального общества. Основателем ламаизма в его современной форме был тибетский монах Дзонхава (1357—1419).

Дзонхава учредил сложную систему церковной иерархии, разработал устав для ламаистских монастырей, установил безбрачие для лам, разрешил им иметь собственность. Для более эффективного воздействия на массы он ввел пышную обрядность при богослужениях с использованием музыки, с организацией празднеств и мистерий в честь различных буддийских божеств. Буддизм-ламаизм был религией, которая наиболее полно выражала интересы класса феодалов, и поэтому с течением времени стал господствующей религией в Монголии.

В соответствии с основными догматами буддизма ламаизм учит, что жизнь есть страдание, что она состоит из смены одной формы существования живых существ другой, что в этой смене форм есть преемственность. Поэтому человек в его настоящей жизни несет ответственность (карму) за образ жизни в своих предыдущих перерождениях. Отсюда, по учению ламаизма, следовало, что ханы, нойоны, вообще все богатые и знатные люди заслужили власть и богатство добродетельной жизнью в своих прежних перерождениях, трудящиеся же араты испытывают лишения и угнетение потому, что наказаны этим за греховную жизнь в прошлом.

Таким образом, ламаизм утверждал законность господства феодалов, угнетения и эксплуатации ими трудового народа. К трудящимся массам ламаизм обращался с проповедью смирения, отказа от борьбы за улучшение их жизни, внушал им,

что в бедственном, бесправном положении они виноваты сами. К ламаизму эпохи феодальной Монголии применима характеристика, данная Марксом христианству. К. Маркс указывал, что социальные принципы христианства, служившего интересам Прусской монархии, провозглашали угнетение трудящихся «справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов»⁴.

Призывая трудящихся к терпению и покорности, к безропотному перенесению невзгод и лишений в этой жизни, ламаизм обещал им «спасение» в грядущей жизни, в будущих перерождениях. Однако достичь «спасения» человек может лишь с помощью «доброго друга-наставника» — ламы и при поддержке хубилганов — «живых богов», «воплощений» бодхисатв, находящихся на земле для «спасения» людей.

Учение о хубилганах — «живых богах» и о ламах — «добрых друзьях-наставниках» нашло в ламаизме наиболее полное отражение.

Согласно ламаизму, бодхисатвы, т. е. существа, приблизившиеся к состоянию нирваны, нисходят с небес на землю в образе человека и помогают людям на пути «спасения». Таких хубилганов — «живых богов» в Тибете, а затем в Монголии появилось очень много. Лица, объявленные ламаистской церковью хубилганами, занимали руководящее положение в монастырях, им создавался ореол святости и непогрешимости, они составляли высшую прослойку церковных феодалов. Наряду с ними в роли непосредственных наставников, «добрых друзей» каждого человека персонально, выступала огромная масса рядовых лам-монахов. Ламаизм провозглашал, что без помощи ламы-наставника человек не может достичь «спасения», и требовал, чтобы каждый мирянин имел такого наставника и неукоснительно руководствовался его «добрыми советами и поучениями». Ламаистская церковь внушала своим последователям, что человек, принявший сан ламы, посвятивший себя служению Будде, стоит неизмеримо выше обыкновенного, мирского человека, что его указания непогрешимы.

Ламаистская церковь в лице лам имела в своем распоряжении многочисленный пропагандистский аппарат, повседневно внедрявший в умы населения реакционную идеологию, проповедовавший покорность церковным и светским феодалам.

В Монголии буддизм был известен давно. Уже в XIII в. Хубилай усиленно покровительствовал буддизму в Тибете, объявил его государственной религией, пытаясь создать ему условия для распространения в империи. Установилась связь между Хубилаем и высшим духовным сановником Тибета. Они созда-

⁴ К. Маркс. Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter». — Т. 4, с. 204.

ли так называемые два принципа (хоёр ёс), т. е. союз ханской власти и церкви. В то время буддизм был распространен при ханском дворе, среди представителей монгольской верхушки. Что касается основной массы населения, то их религией оставался шаманизм. Сколько-нибудь широкого распространения буддизм в те времена в Монголии не получил.

В Монголии широкое внедрение буддизма в его ламаистской форме началось с конца XVI в. В это время Монголия была раздроблена на феодальные уделы и не имела экономического и политического единства. Междоусобные феодальные войны продолжавшиеся свыше 200 лет, усилили недовольство народных масс феодальной эксплуатацией и обострили классовую борьбу. Класс феодалов все острее ощущал необходимость в укреплении своего господства и влияния на массы. Одним из важнейших орудий духовного закабаления и эксплуатации аратов в руках феодалов была религия. Для упрочения власти феодалам нужны были более утонченные средства идеологического воздействия на аратские массы, чем шаманизм. Опыт Хубилая был воспринят монгольскими феодалами, рассчитывавшими использовать ламаизм для подчинения широких слоев народа и укрепления своей власти над аратами.

Монгольские князья во время принятия ламаизма стремились установить политические связи с Тибетом. Так, например, Алтан-хан вел политические переговоры с главой ламаистской церкви Тибета Содномжамцем, прибывшим из Тибета в Монголию на торжества по случаю введения новой религии. Алтан-хан официально признал Содномжамца главой ламаистской религии, присвоив ему звание далай-ламы, а Содномжамец, со своей стороны, провозгласил Алтан-хана великим ханом.

Наиболее крупные влиятельные князья Монголии — халхаский Абатай-хан, чахарский Лигдэн-хан, равно как и ойратские князья, почти одновременно приняли ламаизм и начали активно распространять его среди аратов. Для проповедей были приглашены из Тибета сотни лам, был осуществлен перевод ламаистской церковной литературы на монгольский язык с тибетского языка (особенное усердие проявил в этом Лигдэн-хан, организовавший перевод собрания буддийских канонических книг «Ганжур»). Ламаистские монастыри превращались в феодальные поместья их настоятелей и других высших лам. Во главе монастырей обычно становились сами же феодалы или их сыновья, причем ламаистская церковь провозглашала некоторых из них хубилганами — «перерожденцами», что повышало их духовный авторитет.

Первый ламаистский монастырь в Халхе был построен в 1586 г. Абатай-ханом. Феодалы наделяли монастыри земельными угодьями и крепостными аратами, именовавшимися после приписки их к монастырям шабинарами, т. е. учениками.

Для побуждения аратов к принятию ламаизма и вступлению

в ламаизм феодалы применяли и ряд поощрительных мер — освобождали лам от воинской повинности, от налогов и других феодальных повинностей; известны даже случаи наделения аратов, принявших ламаизм, некоторым количеством скота.

Шаманизм оказывал некоторое сопротивление распространению ламаизма, однако он был не в состоянии преградить ему путь, поскольку господствующий класс феодалов, которому, собственно, и служил шаманизм, предпочел ему ламаизм. К тому же ламаизм в борьбе с шаманизмом применил довольно гибкую тактику: он включил в свой ритуал ряд шаманистских обрядов, в частности сохранил чествование так называемых обо, весьма популярных тогда в народе, хотя и придал этому чествованию ламаистский характер.

Ламаизм в Монголии, как, впрочем, и в Тибете, чрезвычайно упростил «общение» верующих с богами. Распространились так называемые хурдэ — вращающиеся цилиндры. В эти хурдэ вкладывалось большое количество бумажек с написанными молитвами. Верующему достаточно было повернуть хурдэ, что бы считалось, что он прочитал молитву.

Приняв в качестве официальной идеологии ламаизм, монгольские феодалы, естественно, старались упрочить положение ламаистской церкви, поднять авторитет лам, предоставить им различные привилегии. В частности, Алтан-хан в законодательном порядке приравнивал ламство различных степеней к соответствующим феодальным рангам. Так, например, цорджи был приравнен к хунтайджи (княжеский титул).

С течением времени положение ламаистских монастырей как феодальных вотчин все более укреплялось. Увеличивался размер их земельных угодий, умножалась численность приписанных к ним крепостных — шабинаров. С ростом экономической мощи монастырей возрастало и политическое влияние высших лам — церковных феодалов.

Если монгольские феодалы с помощью ламаистской церкви стремились укрепить свое политическое господство, что могло в какой-то мере способствовать упрочению монгольской государственности и самостоятельности, то минский двор, напротив, хотел использовать распространение ламаизма в Монголии в собственных целях как средство для покорения своих северных соседей — воинственных кочевников.

Принятие Монголией ламаизма имело большое значение в тот период. Оно способствовало ослаблению остроты феодальных раздоров, упрочению политического единства, распространению грамотности и письменности среди населения, сближению Монголии с другими буддийскими странами, обогащало ее культуру. Однако не подлежит сомнению, что ламаизм, являясь идеологической опорой феодального строя, укреплял власть феодалов, способствуя усилению феодальной эксплуатации и социального гнета.

НАЧАЛО МАНЬЧЖУРСКОГО НАШЕСТВИЯ

В конце XVI в. в Восточной Азии стало складываться маньчжурское военно-феодалное государство, сыгравшее в дальнейшем отрицательную, реакционную роль в истории народов Китая, Монголии, Кореи и других стран Азии, ставших жертвами захватнической политики маньчжурских феодалов.

Маньчжуры, маньчжу — одно из многих южнотунгусских племен, населявших территорию современной Маньчжурии, представляли самостоятельную народность, имевшую собственную культуру, давние традиции государственности, история которой восходит ко второй половине VII в. В основе хозяйственной деятельности маньчжуров лежали скотоводство, охота и земледелие. С XVI в. у них начали складываться феодальные отношения. Племенные вожди уже превратились в наследственных князей (бэйлэ), боровшихся за охотничьи угодья и пастбища, за лучшие условия торговли. По данным китайских источников, в пределах Маньчжурии во второй половине XVI в. было более 60 мелких тунгусских феодальных владений. Все они были заинтересованы в торговле с Китаем, которому ссылали пушнину, женьшень и лошадей в обмен на продукты китайского земледелия и ремесла.

Племя маньчжу населяло южную часть Маньчжурии. Резиденция его князя находилась в 135 км к востоку от Мукдена, в местности Хэтуала.

В 1575 г. правителем маньчжуров стал Нурхаци. Пользуясь выгодным географическим положением своего владения, через территорию которого проходили торговые пути в Китай, Нурхаци постепенно стал подчинять себе одно княжество за другим. В 1616 г. Нурхаци заставил подчинившихся ему князей признать себя ханом маньчжурского государства. Этому предшествовала многолетняя ожесточенная вооруженная борьба между правителями тунгусских княжеств, не желавших подчиняться центральной ханской власти во главе с Нурхаци. В борьбе против Нурхаци приняли участие и монгольские феодалы, владения которых располагались по соседству с княжествами Маньчжурии. Из источников следует, что в 1598 г. хорчинский князь Онгудай выступил с оружием в руках в союзе с тунгусскими княжествами Ула, Дэда, Хойфа и др. против Нурхаци, но потерпел поражение. После этого он отказался от борьбы, вступил с Нурхаци в союз и первым из монгольских феодалов породнился с домом Нурхаци.

Походом против Кореи в 1618 г. открылась эпоха маньчжурских завоевательных войн. Формирование маньчжурского военно-феодалного государства и его экспансионистская политика

задевали самым непосредственным образом интересы монгольских феодалов. Маньчжурские феодалы понимали, что их военные успехи не будут прочными, пока на их правом фланге существуют независимые монгольские княжества. Вот почему ликвидация независимости Монголии стала одной из важнейших задач маньчжурских феодалов.

Что касается монгольских феодалов, то они, заинтересованные прежде всего в сохранении своей политической самостоятельности, самым решительным образом воспротивились этим агрессивным планам. Тем более чуждыми были эти планы народным массам Монголии, которым маньчжурское господство не сулило ничего, кроме дополнительного гнета. Именно по этим причинам окончательное подчинение Монголии потребовало от маньчжурских феодалов огромного напряжения сил, более полутора веков тяжелой борьбы и ряда кровопролитных войн.

Вследствие феодальной раздробленности Монголия в то время была разделена на три крупные части: Южную Монголию, Халху и Ойратию, которые, в свою очередь, дробились на множество мелких феодальных владений.

Умело используя феодальную раздробленность, подкупая одних монгольских князей и силой оружия сокрушая других, маньчжурские завоеватели постепенно подавляли сопротивление монгольского народа и подчиняли себе в первые десятилетия XVII в. одно княжество Южной Монголии за другим. Решительное сопротивление маньчжурским захватническим планам оказал последний монгольский хаган, Лигдэн, правнук старшего сына Даян-хана. Лигдэн-хан (годы правления — 1604—1634) стремился к тому, чтобы централизовать в своих руках власть над подчиненными ему князьями и создать объединенную независимую Монголию. В 1625 г. он направил карательную экспедицию против изменивших ему князей Хорчина, Дурбэти и Горлоса, предавших родину и перешедших на сторону маньчжурских завоевателей. Эта карательная экспедиция не принесла успеха Лигдэн-хану. После его поражения в 1629 г. ряд южнотунгусских князей перешел в маньчжурское подданство.

Так, с 1624 по 1635 г. перешли на сторону маньчжурских завоевателей владетельные князья хошунов Аохан, Найман, Барин, Джаруд, Хорчин, Онгниот, Горлос, Кэшиктэн и др.

Несмотря на то что отпадение этих княжеств существенно ослабило Лигдэн-хана, он располагал все еще значительными силами. Маньчжурский хан Абахай (1626—1643), сменивший умершего Нурхаци, не раз предлагал Лигдэну перейти на сторону маньчжурских феодалов, но Лигдэн-хан решительно отказывался.

Пытаясь заключить союз с Минской династией о совместной борьбе с маньчжурами, Лигдэн продолжал борьбу с Абахаем. Борьба была трудной, и в 1634 г. произошло генеральное сра-

жение между маньчжурскими завоевателями и значительно уступавшими им по силе войсками Лигдэн-хана, которое закончилось поражением последнего. Победители сурово расправились с непокорным противником: они уничтожили Чахарское ханство, раздробили его на мелкие части и роздали своим послушным вассалам. Лигдэн-хан с остатками сил отступил к Кукунору, где вскоре умер. Его сын Эчжэ продолжал борьбу против захватчиков, но вскоре был ими схвачен и убит.

Победа над Лигдэн-ханом принесла Абахю трон монгольского хана. В 1636 г. по его повелению были созданы все подчинившиеся ему князья Южной Монголии, которые и провозгласили его ханом Монголии. На этом в основном закончился первый этап завоевания Монголии маньчжурскими феодалами.

На очереди теперь была Северная Монголия, которая состояла из семи самостоятельных княжеств и называлась «Халхаин долон хошун» («Семь халхаских хошунов»). К концу XVI в. в Халхе выделились три могущественных феодала — Тушэту-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан, подчинившие себе остальных владетельных князей и игравшие важную роль в последующей истории Северной Монголии.

Халхаские феодалы не принимали участия в борьбе южно-монгольских княжеств против маньчжурских завоевателей, не оказывали им помощи. Не думая о судьбе страны, заботясь лишь о своих собственных интересах, они пассивно наблюдали за тем, как Южная Монголия превращалась в провинцию Маньчжурской империи. Лишь один из них, известный в истории под именем Цокто-тайджи, вступив в союз с Лигдэн-ханом, активно боролся против завоевателей.

Цокто (1580—1637) был одаренным человеком, поэтом, одним из активных сторонников объединения страны. После изгнания из Халхи за поддержку политики объединения Монголии Лигдэн-ханом Цокто-тайджи занял район Кукунора и за короткое время собрал крупные силы. Однако Цокто-тайджи и Лигдэну так и не удалось объединиться.

Цокто-тайджи после смерти Лигдэна намеревался завоевать Тибет, но был разбит в районе Кукунора объединенными силами тибетских и кукунорских феодалов. В этом сражении он и погиб.

После того как маньчжурские феодалы сурово расправились с Чахарским ханством, а Абахай был провозглашен ханом Монголии, феодалы Халхи сделали попытку обеспечить свое будущее путем установления «дружественных» отношений с завоевателями. В январе 1636 г. ко двору Абахая прибыло посольство от Цэцэн-хана с предложением союза и дружбы и с дарами из верблюдов, лошадей и собольих шкур, а в октябре 1637 г. к Абахю прибыло посольство и от Тушэту-хана с дарами из двух золотых луков и трех лошадей. Затем последовали новые посольства от Цэцэн-хана, Тушэту-хана и других мон-

гольских князей. Это означало, что халхаские феодалы выступали как самостоятельные правители, добровольно предлагавшие свою дружбу. Но уже очень скоро маньчжурские завоеватели решительно потребовали от халхаских ханов, чтобы те прекратили поставлять в минскую армию лошадей, угрожая в случае неповиновения поступить с ними так же, как с Лигдэн-ханом. Халхаские феодалы не рискнули ослушаться и прекратили торговые связи с Китаем. Маньчжурские правители все чаще вмешивались во внутренние дела Халхи.

В 1640 г. халхаские ханы приняли участие в джунгарском съезде монгольских и ойратских владетельных князей, созванном по инициативе ойратского Батор-хунтайджи. Этот съезд ставил цель: урегулировать внутренние взаимоотношения между монгольскими феодалами и объединить их усилия в борьбе против маньчжурской угрозы.

Смерть Абахая в 1643 г. и вступление на престол молодого императора Шуньчжи (1644—1661) были использованы Тушэту-ханом и Цэцэн-ханом, осознавшими к тому времени всю глубину опасности маньчжурской агрессии, нависшей над Халхой: они поддержали антиманьчжурское выступление князя суннитов Тэнгиса и направили в помощь ему свои войска. Эта попытка, однако, не имела успеха. Тэнгис был маньчжурами разбит, потерпели поражение и войска халхаских ханов.

В 1644 г. маньчжурские завоеватели благодаря предательству китайских феодалов овладели Пекином и основали династию Цин, положив начало своему господству над Китаем. Это осложнило и положение монгольских княжеств Халхи. Если ранее в течение ряда лет ханы Халхи отказывались прислать заложников, которых требовали маньчжуры, то в 1655 г. халхаские князья вынуждены были капитулировать перед маньчжурским правительством и отправить своих заложников в Пекин.

Маньчжурские завоеватели понимали, что решить вопрос о захвате Северной Монголии путем прямого военного вторжения они не могут, так как их позиции были далеко не упрочены в самом Китае, где не прекращалась активная борьба китайских народных масс против захватчиков. Вынужденное направлять свои главные силы на подавление сопротивления китайского народа, правительство маньчжуров временно задержало вторжение в Северную Монголию, рассчитывая овладеть страной иным путем.

Провокационная политика завоевателей привела к срыву соглашения монгольских феодалов, заключенного в 1640 г. на джунгарском съезде. Между ойратскими и халхаскими феодалами вновь вспыхнули споры и конфликты. В 1688 г. началась новая, спровоцированная маньчжурами война между ойратскими и халхаскими феодалами. Последние потерпели жестокое поражение, и большинство их бежало на юг, к Великой китайской стене. Там на специальном съезде по предложению главы ла-

маистской церкви Ундур-гэгэна (одного из членов семьи Тушэту-хана) они решили стать подданными маньчжурской (Цинской) династии. В 1691 г. на съезде всех князей Южной и Северной Монголии в присутствии маньчжурского императора Канси было оформлено включение халхаских феодальных княжеств в состав империи маньчжуров. Так закончился второй этап завоевания Монголии маньчжурскими феодалами. Начался третий, последний этап этой борьбы, направленный против сохранившего независимость Джунгарского ханства.

История ойратов в период после смерти Эсэн-хана до конца XVI — начала XVII в., на протяжении 150 лет, малоизвестна. Несомненно одно: в это время данная часть Монголии не представляла собой единства. Можно лишь предполагать, что вследствие ряда неблагоприятных обстоятельств ойратские владения оказались в состоянии длительного кризиса, обусловившего их серьезное ослабление.

В конце XVI в. началось объединение ойратских владений под властью чоросского княжеского дома. В ходе длительной внутренней борьбы произошла значительная перегруппировка ойратских феодалов, часть которых покинула родные кочевья и переселилась в другие места.

В начале 20-х годов XVII в. покинул насиженные места и направился в пределы России князь торгоутов Хо-Урлюк. Он увел с собой более 50 тыс. кибиток, т. е. 200—250 тыс. человек, которые поселились в низовьях Волги. В 1635 г. примеру Хо-Урлюка последовали князья хошоутов во главе с Туру-Байху (впоследствии Гуши-хан), тоже не пожелавший подчиниться чоросскому дому, глава которого Батор-хунтайджи в 1638 г. объявил себя всеойратским ханом. Туру-Байху откочевал на юго-восток, в Кукунор. Места ушедших заняли оставшиеся ойратские феодалы, расширившие за их счет свои владения.

Батор-хунтайджи стал полновластным повелителем независимого Ойратского государства. О силе его власти говорит тот факт, что правительство и местные власти России с конца 30-х годов XVII в. по всем вопросам стали сноситься только с ним, тогда как раньше они имели дело с отдельными ойратскими князьями.

Укрепив свою власть среди ойратских княжеств, Батор-хунтайджи (1635—1654) стал помышлять о распространении своего влияния на всю Монголию. По его инициативе в 1640 г. состоялся всемонгольский съезд владетельных князей, обсудивший и утвердивший собрание законов «Их цааз», ставившее целью положить конец междоусобной внутренней борьбе между князьями, урегулировать взаимоотношения между ними и объединить их усилия для отражения маньчжурской угрозы.

После смерти Батор-хунтайджи между его сыновьями разгорелась борьба за престол, которым в конце концов овладел Галдан (1671—1697). Он продолжал политику своего отца, стре-

мившегося к упрочению и расширению мирных хозяйственных и политических отношений с Россией. Галдан пытался также наладить торговые связи с Китаем. С этой целью он ежегодно отправлял в Китай многочисленные посольства и торговые караваны, состав которых доходил до 3 тыс. человек.

Эти посольства и караваны вели широкую торговлю в Китае, откуда вывозили товары, необходимые населению, особенно чай. Но в 1683 г. Канси запретил пропускать в Китай посольства и караваны, превышавшие 200 человек. Галдан неоднократно обращался к Канси с просьбой восстановить торговлю, но тот неизменно отказывался. Отношения между маньчжурскими правителями и Галданом стали обостряться. Галдан причислил к своим врагам не только маньчжурских завоевателей, но и тех монгольских князей, которые проводили капитулянтскую политику перед маньчжурским двором, подчинялись завоевателям и переходили к ним на службу.

Маньчжурский император Канси, понимая, что в лице Галдана он имеет серьезного противника, прилагал усилия к тому, чтобы натравить на него других монгольских феодалов. Зная о неприязненных отношениях между Галданом и Тушэту-ханом, Канси в 1682 г. послал им обоим богатые дары, а в 1687 г. пожаловал Галдану титул хана. Маньчжурским завоевателям удалось в конце концов спровоцировать ойрато-халхаскую войну, закончившуюся в 1688 г. разгромом халхаских князей и переходом их в маньчжурское подданство.

Разгромив своих халхаских противников, Галдан в конце того же, 1688 г. вновь отправил к Канси послов с предложением мира. Его условия мира были: во-первых, установление нормальных торговых отношений, во-вторых, выдача ему Тушэту-хана и Ундур-гэгэна, которых он считал виновниками войны и своими главными врагами. Но маньчжурская династия не была заинтересована в мире с Галданом. Обстановка казалась Канси достаточно благоприятной, чтобы одним ударом овладеть Халхой и Джунгарским ханством. Поэтому попытки Галдана договориться о мире не увенчались успехом.

Военные действия продолжались. Против Галдана выступила многочисленная, хорошо вооруженная маньчжурская армия. Под давлением превосходящих сил противника Галдан вынужден был начать отступление. В 1696 г. он потерпел поражение и через год умер.

Поражение Галдана привело к окончательному подчинению Халхи маньчжурской династии.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОНГОЛИИ И РОССИИ
В XVII В.

В конце XVI в. поток русских переселенцев двинулся на просторы Сибири и Дальнего Востока. В ту пору там обитало много мелких племен и народностей, находившихся на различных стадиях разложения первобытнообщинного строя и становления феодализма, занимавшихся охотой, примитивным земледелием и кочевым скотоводством. Освоение русским народом Сибири и Дальнего Востока совпало по времени с образованием маньчжурского военно-феодального государства. Но если маньчжурские правители в отношении Монголии и Китая настроены были явно агрессивно, то русское государство вследствие особенности его тогдашнего внутреннего и международного положения проводило политику мира и мирной торговли с этими странами.

Монголия, расположенная между империей маньчжуров и царской Россией, не могла не испытывать на себе влияние русско-маньчжурских противоречий. Противоречия облегчали борьбу монгольского народа против маньчжурских завоевателей. Эта борьба объективно находила поддержку со стороны России, которая не была заинтересована в захвате Монголии маньчжурами.

Перед угрозой прямой агрессии со стороны маньчжурских завоевателей некоторые монгольские князья стремились сблизиться со своим северным соседом — Россией.

Россия стремилась к установлению добрососедских отношений с независимыми монгольскими ханствами, самостоятельно решавшими вопросы внутренней и внешней политики, а также с другими народами Центральной Азии и Дальнего Востока.

Так начали складываться условия для развития дружбы между монгольским и русским народами, помешать которой не смогли — как мы увидим ниже — ни корыстолюбивые и продажные монгольские феодалы, ни русский царизм с его алчным чиновничеством и хищным купечеством.

Согласно источникам, русские поселенцы впервые встретились с монгольскими кочевниками в 1605—1606 гг. С этого времени сношения между монгольскими княжествами и русским государством стали приобретать все более регулярный характер. В 1608 г. в Монголию направилось первое русское посольство, в том же году в Москву прибыло посольство из Монголии. В дальнейшем обмен посольствами между монгольскими княжествами и Россией происходил все чаще, отражая рост экономических и политических связей между ними.

Первыми вступившими в контакт с Россией были ойратские

феодалы, а также халхаский князь Шолой Убаши-хунтайджи, известный в русских источниках как Алтан-хан, владения которого находились в районе оз. Убсу-Нур.

Переговоры между ними сводились в основном к следующему. Монгольские феодалы просили помощи в борьбе против того или иного монгольского же князя — своего противника, добивались торговых привилегий, просили прислать им специалистов в том или ином промысле. Русские власти, в свою очередь, предлагали владетельным князьям Монголии улучшить условия транзита в Китай, расширить русско-монгольскую торговлю.

Если маньчжурские завоеватели были заинтересованы в усилении феодальной раздробленности Монголии, что должно было облегчить им завоевание страны, то русское государство, наоборот, было заинтересовано в укреплении центральной монгольской власти, способной оказать сопротивление маньчжурской агрессии.

Стремление монгольских феодалов развивать торговлю с Россией находило у нее поддержку. В источниках почти полностью отсутствуют указания на споры и конфликты по вопросам торговли. В 1647 г. Батор-хунтайджи получил от русского царя Алексея Михайловича грамоту, предоставлявшую его подданным право беспошлинно торговать в городах Сибири. Монгольские княжества с успехом сбывали в Россию лошадей, рогатый скот, овец, пушнину, ремень и т. д., получая за свои товары от русских купцов различные ткани, кожи, изделия из металла и т. п. Согласно источникам, в течение одного 1653 г. в Томск пять раз прибывали караваны ойратских купцов; в городе было отведено специальное место для торговли с ойратскими купцами. Позднее Джунгарскому хану было разрешено через Астрахань пригонять лошадей для продажи в Москву.

По свидетельству русского посла Спафария, ездившего в 70-х годах XVII в. через Монголию в Китай, в районе оз. Ямышева шла оживленная торговля. Он писал, что сюда «приходят многие тысячи людей, калмыки, и бухарцы, и татары и торгуют с русскими людьми». Аналогичная картина наблюдалась и в других городах Сибири, куда часто прибывали монгольские караваны из нескольких сотен верблюдов.

В 40-х годах XVII в. русские переселенцы впервые появились в Забайкалье, где установили сношения с монголами. Здесь, как и в других пограничных районах, между монголами и русскими сложились и стали крепнуть мирные торговые связи. Спафарий свидетельствует, что в районе Селенгинска «мунгалы кочуют везде зело много и торгуют с казаками: продают кони, и верблюды, и скот... а покупают у них соболи и иные многие русские товары».

Испытывая на себе растущее давление маньчжурских вла-

стей, халхаские феодалы не раз ставили перед Москвой вопрос о своем переходе в подданство России. Переговоры об этом вел в Урге в 1665 г. русский посол В. Бубенной, в 1666 г. — П. Кульвинский, в 1675 г. этот же вопрос обсуждался в Москве с послами Халхи.

Маньчжурская династия с тревогой следила за развитием русско-монгольских отношений, видя в них серьезную угрозу своим агрессивным планам. Она усиливала нажим на халхаских феодалов, провоцировала конфликты между ними, натравливая их на русских и поощряя нападение на русские селения и города.

В 80-х годах XVII в. Тушэту-хан, инспирированный маньчжурами, дважды совершил вооруженное нападение на русский город Селенгинск, основанный в 1666 г. Но конфликты подобного рода были нетипичны для русско-монгольских отношений. Основной их чертой было расширение мирной торговли в интересах обеих стран.

Русско-монгольские добрососедские отношения были фактором, облегчавшим борьбу монгольского народа против маньчжурской агрессии

Глава 6

КУЛЬТУРА МОНГОЛОВ

в XV—XVII вв.

Захватническая политика Монгольской империи пагубно отразилась на состоянии культуры в стране. Феодалная раздробленность и междоусобицы, последовавшие вслед за падением Юаньской династии, нарушили нормальный ход развития культуры монголов.

Однако благодаря усилиям и творческой энергии монгольского народа культурное развитие страны все же не остановилось и в этот «темный период». Еще в 1934 г. Б. Я. Владимирцов писал: «В настоящее время выяснилось, что монголы за „темный“ период их истории, т. е. за время, протекшее от падения Юаньской династии до эпохи „Возрождения“ во второй половине XVI в., сумели сохранить многое из своего культурного достояния. Выяснилось, что литература и письменность у монголов не прерывалась, как не прерывалась и литературная традиция эпохи Юаньской династии»⁵. В подтверждение этого тезиса можно привести немало конкретных данных, обнаруженных в результате кропотливых изысканий ученых. Источники

⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 15.

свидетельствуют, что монголы в XV—XVII вв. присылали минскому двору грамоты, написанные на монгольском языке, на этом же языке писали свои послания к монгольским князьям и правителям и представители Минской династии.

Письменность бережно сохранялась монголами. Частные школы в домах отдельных лиц играли важную роль для поддержания и распространения грамотности среди населения. Нужно полагать, что те частные школы, о которых пишет Сяо Дасянь, посетивший в начале XVII в. южную часть Монголии, существовали и в предыдущие века. Он пишет: «Человек, который умеет читать и писать, называется „багши“ (учитель), а того, кто обучается письменности, называют „шавь“ (ученик). Когда ученик начинает обучаться грамоте у учителя, он делает ему поклон, преподнося в подарок барана и архи (напиток). После того как [он] выучится, выражает благодарность учителю, преподнося ему в подарок одного коня и белое дэли (халат)»⁶.

В описываемый период устное народное поэтическое творчество продолжало развиваться: было создано немало эпических произведений, в которых нашли отражение идеалы простых кочевников. Правда, до нас не дошло цельных литературных произведений или летописей XV в. Однако есть основание предполагать, что литературное и иное письменное творчество не прекратилось и в этот период, доказательством чего могут служить письменные источники — летописи, юридические документы, переводы, относящиеся ко второй половине XVI и началу XVII в., возникшие на основе использования источников, перешедших от предыдущих эпох. Так, например, об историко-литературном творчестве монголов XV—XVI вв. вполне можно судить по летописям XVII в. История воссоздавалась главным образом сказителями в виде преданий, легенд, эпических рассказов и лишь позже была записана. Другими словами, история по-прежнему перемежалась с элементами поэтического творчества, в первую очередь устного. Разделы летописей XVII в., посвященные истории так называемых малых ханов, были в основном написаны по тем же преданиям, которые создавались в правление этих ханов.

В пользу приведенного выше тезиса Б. Я. Владимирцова говорит также и письменный материал. Исследования показали, что 211 фрагментов рукописей, обнаруженных в 1944 г. в Олон-сумэ (Внутренняя Монголия), представляют собой в основном переводы буддийских сочинений, в первую очередь неканонических, сделанные монголами с XV по начало XVII в. Этот факт свидетельствует, что письменная традиция, прежде всего переводческая, продолжала существовать и в XV—XVI вв. Примечательно, что среди рукописей из Олон-сумэ имеется

⁶ Сяо Дасянь. Монголын зан заншилн тэмдэглэл. — «Хэл, зохиол, түүх». 1960, № 2, с. 8.

39 фрагментов монгольского перевода «Бодхичарьяватары», сделанного Чойжи-Одсором, но переписанного в стиле XVI в.

Со второй половины XVI в. начинают появляться некоторые признаки политической и культурной активности в монгольском обществе. Этот подъем рассматривается рядом исследователей как «монгольский ренессанс». Но, говоря о «ренессансе», они отнюдь не предполагают, что в Монголии в данный период происходило нечто подобное эпохе Возрождения в средневековой Европе. Они хотели лишь отметить появление новых тенденций, которых не было в предшествующие полтора-два столетия, начавшихся после крушения Монгольской империи.

В основе так называемого ренессанса лежали активизация борьбы за объединение монгольских земель, с одной стороны, и распространение нового направления тибетского буддизма — ламаизма — с другой. В этих условиях вполне естественно усиление интереса монголов к судьбам своей страны, к ее истории, идеологии, религии, праву и государству. Признаки «ренессанса» проявились заметнее всего именно в духовной жизни общества. Распространение новой религии в Монголии сопровождалось заметными сдвигами в культурной жизни. Ламаизм послужил проводником не только религиозных и культурных традиций Индии и Тибета. Он вызвал возрождение основных элементов индо-тибетской древности и оказался в конечном счете серьезной духовной силой в монгольском обществе. Монастыри строились со всей пышностью, и при них — школы, игравшие роль очагов культуры и центров подготовки кадров для ламаистской церкви. Вместе с тем церковь не могла обойтись без распространения некоторых элементов светских знаний, унаследованных ею от древней Индии и Тибета. Содержание всех учебных дисциплин, именовавшихся «пятью великими» и «пятью малыми науками»⁷, всех, кроме одной — учения самого буддизма, состояло из элементов светского образования, берущих свое начало от древней Индии. Знание тибетского языка наряду с другими предметами становится неотъемлемой частью монастырского образования. Распространялось знание и санскритского языка, считавшегося «священным языком» буддийской религии. Ламаистская церковь в равной мере не могла не пользоваться услугами и монгольской письменности, и национальных культурных традиций.

Из среды монгольского ламства выделилась целая группа церковно-феодалных интеллигентов. К ним относится Гуши Цоржи Шришилаварараба (конец XVI — начало XVII в.), перу которого принадлежат переводы многих буддийских сутр. О его историко-философских и религиозных взглядах можно судить на основании труда «Чухал хэрэглэгчи» — «Шастра, называемая

⁷ К «пяти великим наукам» относились: грамматика, логика, искусство, буддийское учение, медицина, а к «пяти малым наукам» — астрология, поэтика, наука о словах, просодия, механические искусства (ремесла).

сущность всего необходимого». Это произведение Гуши Цоржи положило начало новому типу монгольской историографии — церковно-буддийской.

Талантливый мастер буддийской скульптуры в Монголии XVII — начала XVIII в. Ундур-гэгэн Занабазар (1635—1723) создал замечательные образцы художественного литья.

Зая-пандита Халхаский Лувсанпрэнлэй (1642—1715) написал на тибетском языке много томов сочинений по различным разделам буддизма. Крупнейшим из них является четырехтомное сочинение «Запись глубоких, священных книг, прослушанных хувраком Лувсанпрэнлэем, так называемое „Ясное зеркало“» (1698—1702). Это сочинение содержит материал по истории религии, науки и литературы Индии, Тибета и Монголии. Его автобиография (1680 г.) представляет определенный интерес для изучения истории ламаизма в Монголии. Им же составлена на монгольском языке биография Халхаского Тушэту-хана, которая, к сожалению, до сих пор не обнаружена.

Зая-пандита Ойратский Намхайжамцо (1599—1662) занимался преимущественно переводом буддийской литературы на ойратский язык. Из биографии Зая-пандиты Намхайжамцо, написанной его учеником Раднабадрой в 1690 г., явствует, что Намхайжамцо и представители его школы осуществили перевод свыше 200 сочинений. В результате кропотливой филологической работы Намхайжамцо создал в 1648 г. новый ойратский алфавит на основе монгольской письменности. Алфавит Зая-пандиты отличается от монгольского начертанием некоторых букв и дополнительными диакритическими знаками, позволяющими точно передавать звуки ойратской речи. Поэтому алфавит Зая-пандиты и был назван монголами «Тод бичиг» («Ясное письмо»). Однако «Тод бичиг» не получил широкого распространения в Монголии, да и среди ойратов он пользовался популярностью сравнительно недолго.

В связи с распространением буддизма-ламаизма в Монголии в XVII в. большого размаха достигли переводы буддийской литературы на монгольский язык. При Лигдэн-хане, в 1628—1629 гг., под руководством Гунга-Одсора большая группа переводчиков успешно завершила перевод с тибетского языка на монгольский буддийского канона «Ганжур» — собрания древнеиндийских буддийских сутр.

Активизировалось также и собственное монгольское письменное творчество. Основным видом историографической деятельности монголов в XV—XVI вв. было составление родословных, явившихся позже главным источником для авторов XVII в., писавших генеалогию монгольских хаганов и тайджи XV—XVI вв. Указанными родословными пользовались также и иностранные историки. Особый интерес представляют труды персидских авторов тимуридского периода, поскольку по времени их написания они были наиболее близки составителям ханских

и княжеских родословных в Монголии. Самые ранние сведения о генеалогии первых преемников Тогон-Тэмүра мы находим у персидских историков в XV—XVI вв.

Крупным представителем светской феодальной интеллигенции того времени был Хутуктай-Сэцэн-хунтайджи (1540—1586). Его прапрадедом был знаменитый Бату-Мункэ Даян-хан. Хутуктай-Сэцэн играл крупную роль в политической и культурной жизни не только Ордоса (где он родился), но и всей Монголии. Больше всего он известен как ближайший сподвижник своего двоюродного дяди Алтан-хана, вместе с которым стремился к восстановлению единства Монголии, используя не только силу оружия, но и авторитет новой, единой для всех монголов религии — ламаизма. Хутуктай-Сэцэн составил известный «Закон Учения [Будды], обладающего десятью добродетелями». Этот закон имел своей главной целью закрепить позиции ламаизма в Монголии как официальной и господствующей религии и запретить шаманизм. Особо следует отметить заслугу Хутуктай-Сэцэна в возрождении древнемонгольских историко-правовых традиций в новых исторических условиях. Он открыл историко-юридический памятник XIII в. «Белая история» и осуществил ее новую редакцию, дошедшую до наших дней. Хутуктай-Сэцэн отводит правовым проблемам — законам буддийского учения (дхарма) большое место, что объясняется его религиозно-политическими взглядами.

Хутуктай-Сэцэна сильно интересовала основная историко-правовая концепция времен Хубилай-хана — концепция «двух принципов», обосновавшая союз Трона и Алтаря. Он стремился возродить и применить эту концепцию в новых условиях своего времени.

Нужно заметить, что в XVI—XVII вв. в Монголии значительно возрос интерес монгольских правящих кругов к правовым вопросам.

Весьма интересным юридическим документом, относящимся ко второй половине XVI в., является так называемый Закон Алтан-хана, сохранившийся в тибетском переводе и недавно обнаруженный в музее г. Ливерпуля. Этот закон имеет большую ценность для изучения исторических традиций юридических знаний монголов. Памятник интересен тем, что письменно фиксирует важнейшие достижения обычного права монголов и в своей основной части носит характер степных законов, тесно связанных с жизнью и бытом монгольских скотоводов, но не лишенных характерных черт феодального права.

Характерно, что в Законе Алтан-хана мы встречаемся с известной уже концепцией «двух принципов», которая сформулирована почти в тех же словах, что и в «Белой истории».

О письменном творчестве, в частности о правовых знаниях в Халхе в рассматриваемый период, можно судить по берестяной книге, открытой в 1970 г. монголо-советским археологи-

ческим отрядом в Булганском аймаке. Эта книга включает в себе рукописи юридического, буддийского и буддийско-шаманского содержания. Наиболее интересными из этих рукописей являются юридические документы, состоявшие из 18 законов, принятых во второй половине XVI — начале XVII в. на съездах монгольских феодалов. Эти законы представляют собой ценнейшие источники для изучения юридических знаний в Халхе в XVI и XVII вв., а также для восстановления правовых традиций монголов в более ранний период.

С конца XVI в. в Монголии заметно активизируется историографическая деятельность: с одной стороны, монголы вступают в контакты с индо-тибетской религиозно-исторической школой, с другой — получает дальнейшее развитие древнемонгольская историко-политическая традиция. В конце XVI и в XVII в. складывались основы новой, феодально-буддийской историографии. Характерно, что историографическое творчество монголов не сводилось к слепому подражанию буддийской религиозной исторической литературе. Ламаистская разновидность буддизма, хотя и стала господствующей идеологической силой в Монголии, столкнулась с довольно развитой местной историографической традицией, которую ламаизм не смог одолеть с тем, чтобы открыть дорогу безраздельному господству церковной историографии.

В развитии монгольской феодально-религиозной исторической литературы большую роль сыграли Хутуктай-Сэцэн-хунтайджи, Гуши Цоржи и др.

В XVII в. монгольские историки создают ряд значительных произведений, к которым относятся: «Алтан тобчи» анонимного автора, «Шара туджи», «Эрдэнийн тобчи» Саган-Сэцэна, «История Асарагчи» и др. Авторы этих хроник в основном следуют древнемонгольской историографической традиции, которую можно назвать традицией «Ниуча тобчийн», первенца монгольской историографии. Для авторов рассматриваемых произведений характерно изображение истории монгольского государства как истории его правителей, а истории религии они отводят совсем мало места. Примечательно, что в своих трудах монгольские историки пытаются обосновать не только древнее, но и священное, с точки зрения буддистов, происхождение монгольских ханов, доказать, что эти ханы славились не только былой мощью чингисидов, но и святостью и родовитостью их происхождения, что они принадлежали не только к знаменитому роду Чингиса, но и к святой родословной Махасаммади, мифическому родоначальнику царей всего буддийского мира. Тем самым монгольские историки, хотя и «модернизировали» историю с позиций буддизма, решали по-своему весьма актуальную задачу в то время, когда Монголия оказалась под игом чужеземных, маньчжурских захватчиков. В трудах авторов XVII в. не нашли отражения ни проманьчжурские, ни антиманьчжурские

настроения, тем не менее оппозиция установившемуся режиму существовала. Представляет определенный интерес в этом отношении Саган-Сэцэн, крупный историк и видный политический деятель. Есть основание думать, что он отрицательно относился к маньчжурам. Вплоть до последнего времени среди его сородичей бытовала легенда о том, что Саган-Сэцэн дерзко и гордо отвергавший неоднократные предложения маньчжурского императора вступить в подданство, был варварски казнен — тело его было расчленено.

В XVI—XVII вв. заметное развитие получает художественная литература. В этот период происходит процесс перехода произведений устного народного поэтического творчества в письменную литературу. И одновременно с этим формируются основные жанры старой монгольской литературы. Можно полагать, что знаменитая «Повесть о Гэсэр-хане» стала литературным произведением значительно раньше 1716 г., когда она была впервые издана ксилографическим способом. Исследователи считают, что отдельные сказания о Гэсэр-хане записаны в конце XVII или в самом начале XVIII в. До первого издания «Повести о Гэсэр-хане» существовало несколько ее письменных версий.

«Повесть о Гэсэр-хане» — крупнейшее эпическое произведение, получившее одинаково широкое распространение у народов стран Центральной Азии сначала в устном, а позже в письменном виде.

Монгольский народ наряду с другими народами стран Центральной Азии — тибетцами, ойратами, бурятами — внес свой вклад в формирование и популяризацию сказания о Гэсэр-хане. Это произведение вплоть до последнего времени пользовалось у монголов большой популярностью. Это объясняется тем, что сказания о Гэсэр-хане возникли и бытовали в народной среде. Не умаляет достоинств Гэсэриады и легкий ламаистский налет. Гэсэр-хан — любимый народом эпический герой, защитник простых людей. Гэсэр, сын Хурмаст-хана, правителя тэнгри-ев, был послан на землю, чтобы избавить людей от зол и страданий. На земле новорожденный Гэсэр умерщвляет ламу, который лишал младенцев языка, и ворона, выклевывавшего им глаза. Он же совершает богатырские подвиги, сражаясь со всеми злыми силами — гигантским тигром, чудовищами-мангасами, Эрлэг-ханом, владыкой ада и т. д. Гэсэр выступает как «искоренитель десяти зол в десяти сторонах света».

Вторым крупным произведением былинного эпоса является «Джангар», пользовавшийся среди монгольских народов не меньшей популярностью, чем «Повесть о Гэсэр-хане». Исследователи полагают, что «Джангар» возник более 500 лет назад среди ойратов (западная часть Монголии). Долгое время песни этого цикла передавались из поколения в поколение в устной форме, а затем грамотные люди стали записывать их.

Точно установить, когда Джангариада стала литературным произведением, пока не удалось. Впервые запись одной из песен этого цикла была обнаружена у калмыков в 1802 г. Надо полагать, что и в XVIII в. рукописная Джангариада существовала на берегах Волги. В ойратской среде такие рукописи встречались, быть может, и еще раньше.

В рассматриваемый период из фольклора переходят в литературу такие произведения, как «История Убаши-хунтайджи и его войны с ойратами», «Легенда о Мандхай-Сэцэн-хатане», «Хвала шести тумэнам монголов Даян-хана» и др. Последние два произведения дошли до нас в том виде, в каком они были включены в хроники XVII в. («Шара туджи», «Эрдэнийн тобчи» Саган-Сэцэна и др.).

Особо следует говорить о поэтическом творчестве. О его развитии в рассматриваемый период можно судить в основном по тем поэтическим пассадам, которые содержатся в хрониках XVII в. Г. И. Михайлов правильно отметил, что в общей совокупности монгольские исторические сочинения воссоздают картину развития поэтического творчества монголов по крайней мере за целое тысячелетие, предшествовавшее нашему времени. Летописцы XVII в. были одновременно и хорошими писателями, и поэтами. Примером может служить творчество упомянутого Саган-Сэцэна. Обширный колофон его хроники «Эрдэнийн тобчи» содержит искусно сочиненные стихи, состоящие, как он сам пишет, из 79 строф (шулэг) в 316 строк (бадаг). Эти стихи представляют большой интерес для изучения новых приемов монгольского стихосложения в XVII в. В колофоне чувствуется влияние поэтического творчества Сажа-пандиты Гунга-Жалцана, написавшего известное сочинение «Субхашид», переведенное на монгольский язык еще в XIV в.

Вообще следует заметить, что тогда не проводилось резкой грани между историческим и художественным творчеством. При составлении истории авторы стремились к художественно-эпическому описанию исторических событий, а в художественном творчестве они увлекались историко-легендарными сюжетами. Поэтому в хрониках XVII в. нетрудно обнаружить ценные образцы художественного творчества монгольских авторов.

О новом явлении в истории развития монгольской поэзии в XVII в. можно судить по известным стихам Цогто-тайджи (1581—1637), просвещенного политического деятеля Халхи, борца против маньчжурских завоевателей. Эти стихи были сочинены автором устно осенью 1621 г. во время охоты в Хангайских горах и были тут же записаны адъютантом Цогто-тайджи Эрхиа. А в 1624 г. стихи были высечены на скале его сподвижниками Дайчин-хиа и Гуен-батором. Литературоведы по-разному определяют характер этих стихов. Стихи Цогто-тайджи следует считать философско-лирическими.

Подобная поэзия возникла в Монголии на стыке традиций

устной поэзии монголов и буддийского религиозно-философского учения. Если в некоторых четверостишиях поэт по-буддийски рассуждает о неземных и земных явлениях, то в других он весьма лирично, по-монгольски тоскует по любимой сестре, живущей далеко, в земле онгютов, упоминает о реках Ононе, Орхоне и Толе.

Несмотря на легкий буддийский налет, в стихах монгольского поэта чувствуется национальный колорит.

В конце XVI — начала XVII в. в связи с оживлением культурной жизни в монгольском письменном языке происходят значительные изменения, ознаменовавшие новый период в развитии языка. Этот период характеризуется тем, что «выводятся из употребления старые, сделавшиеся непонятными слова и формы, широко открывается доступ народным диалектическим элементам, которые искусственно арханизуются, происходит проникновение тибетских заимствований... устанавливается новый почерк уйгурского письма и изобретаются новые буквы — возникает настоящее монгольское письмо; до той поры, до конца XVI в., можно сказать, монголы пользовались уйгурскими буквами». В результате образовался язык, который получил название «классического» письменного языка⁸.

Из-за скудности материалов очень трудно проанализировать народное искусство в XV—XVII вв. Однако с полным основанием можно утверждать, что этот вид искусства развивался в данный период и лежал в основе развития всего монгольского искусства. Нужно полагать, что народное искусство рассматриваемого периода мало чем отличалось от того же искусства, которое дошло до нас от более поздних веков (XVIII—XIX вв.). Ему были присущи все основные черты, которые мы наблюдаем в лучших образцах народного творчества, сохранившихся до наших дней. Ценность народного искусства заключается в том, что оно воплощает в себе эстетические вкусы и взгляды широких народных масс и определяет неповторимое, национальное своеобразие монгольского искусства. Искусствоведы утверждают, что своеобразие монгольского народного искусства заключается в максимальной приспособленности его лучших образцов к условиям кочевой жизни (портативность, легкость, простота, выразительность и т. д.), а также в веками выработанных специфических приемах и технике исполнения художественных изделий (цветовые решения, орнаментальная декоративность, яркость, динамизм).

С конца XVI в. монгольское искусство подпало под влияние ламаизма, и оно под воздействием новой религии претерпевает заметные изменения. Наряду с многочисленными потребителями домашнего ремесла в лице монгольских скотоводов появляется крупный потребитель художественных изделий — лама-

истская церковь, сосредоточившая в себе лучшие художественные силы и средства страны. С тех пор на монгольской почве создается и развивается буддийское искусство индо-тибетского типа. При всем своем религиозном содержании развитие буддийского искусства в Монголии сопровождалось созданием некоторых новых художественно-эстетических ценностей и возникновением разнообразных художественных приемов и средств, способствовавших развитию монгольского искусства в целом. С другой стороны, из-за доминирующего положения религиозной идеологии монгольское искусство теряло многие черты своей самобытности, национального характера и постепенно приобретало общие черты, характерные для буддийского искусства в целом. Все же нужно подчеркнуть, что буддийское искусство не могло полностью контролировать художественное творчество монголов, равно как и свести на нет народное искусство. Это связано с тем, что, во-первых, творения народных умельцев сами по себе оставались за пределами и вне контроля церкви, а во-вторых, творцами религиозных художественных изделий были монгольские мастера и ремесленники, в своем большинстве вышедшие из народной среды, но обращенные в монашество. По манере и стилю исполнения и во многих случаях по художественным средствам и деталям легко можно определить, что те или иные произведения религиозной живописи и изваяния созданы не кем другим, как монгольскими мастерами. В самом религиозном искусстве можно обнаружить заметное влияние многовековых традиций народного искусства и художественно-эстетических воззрений и вкусов народных умельцев.

Вообще следует отметить, что ламаистская церковь в Монголии стремилась поставить на свою службу буквально все, что она находила нужным для себя в художественно-культурных традициях Монголии. Это можно, в частности, видеть на примере развития архитектуры. В кочевых условиях в начальный период обыкновенная юрта (гэр) использовалась для религиозных целей. Такая юрта-храм отличалась от обычной юрты лишь своими ритуально-культовыми убранствами и роскошными украшениями. Однако небольшая площадь юрты не удовлетворяла потребности церкви. Поэтому в ходе эволюции юрты-храма возникли сначала небольшие юртообразные круглые здания, а впоследствии большие своеобразные сооружения квадратной формы, что было оригинальным достижением строительного искусства монгольских зодчих. Квадратные храмы строились начиная с середины XVII в. В 1654 г. в Их-хурэ был построен Цогчин-дуган, главный соборный храм, являвшийся крупнейшим памятником квадратных сооружений в Монголии. Он вмещал 2 тыс. человек.

С конца XVI в. в Монголии повсеместно начали строиться монастыри, это способствовало в определенной степени развитию религиозно-культовой архитектуры и ремесла в монгольских

⁸ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, с. 23—24.

степях. В 1586 г. вблизи руин Каракорума был основан халхаским ханом Абатаем монастырь Эрдэнэ-Дзу. Монастырь как цельный архитектурный комплекс завершился в последующих годах. Его строили главным образом зодчие и строители из четырех аймаков Халхи с участием мастеров из Хух-Хото. В центре архитектурного ансамбля находилось три храма, предназначенные для трех Дзу, т. е. для Будды трех возрастов — юного, среднего и пожилого. Отличалась своим своеобразием трехэтажная постройка — Лавран, о которой А. М. Позднеев писал, что это «здание бесспорно нужно признать самым элегантным из всех сооружений Эрдэнэдзуских построек».

В 1654—1686 гг. в Хэнтэйских горах при непосредственном участии Ундур-гэгэна был построен монастырь Рибогэжа-Гандан-Шадублин в качестве ставки главы ламаистской церкви в Монголии. С основания этого монастыря берет свое начало история столицы Монголии, впоследствии называвшейся по-разному — Урга, Богдын-хурэ, Их-хурэ — и кочевавшей много раз, пока не выбрали в середине XVIII в. теперешнее местонахождение. Из источников ясно, что строительство монастыря сопровождалось интенсивными работами по созданию художественно-культовых предметов, архитектурных и декоративных деталей, свидетельствующих об умении монгольских мастеров. Так, например, сам Ундур-гэгэн Занабазар, будучи талантливым мастером, создал многочисленные фигуры бурханов, в частности бронзовую статую Очирдара (Важрадары), главной святыни монастыря, бронзовые статуэтки 21 Дар-эх (Тара), а также свой шедевр — бронзовую статуэтку богини Дар-эх Пунсалдулмы, хранящуюся до сих пор в музее богдо-гэгэна в Улан-Баторе. Для работ Ундур-гэгэна характерно мастерство соединять в своем творчестве глубокое знание индо-тибетской художественной культуры с национальными традициями. Его произведения отличаются особым стилем и манерой исполнения, и поэтому их легко можно определить среди других работ монгольских или тибетских мастеров.

Следует отметить, что в XVI—XVII вв. художественное литье, производство фигурок бронзовых и медных божков и всевозможных предметов ритуально-культового назначения получило значительное развитие. Этому способствовали, кроме всего прочего, древние традиции кузнечного дела и ювелирного мастерства среди монголов.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

МОНГОЛЫ ПОД ВЛАСТЬЮ МАНЬЧЖУРСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ (1691—1911)

Глава I

ПРЕВРАЩЕНИЕ МОНГОЛИИ В ОКРАИНУ МАНЬЧЖУРСКОЙ (ЦИНСКОЙ) ИМПЕРИИ

Поражение монголов в борьбе против маньчжурских завоевателей привело страну к потере политической самостоятельности. Монголия стала окраинной частью Маньчжурской (Цинской) империи, основу которой составлял Китай, окончательно завоеванный маньчжурскими войсками к 1683 г.

Маньчжурские правители вкупе с феодальной верхушкой китайского общества искусственно усугубляли противоречия между различными народностями Китая, разжигая национальную рознь, стремясь таким образом подавить силы сопротивления. Цинская империя была «тюрьмой» для народов, подпавших под иго маньчжуров. Чужеземный гнет, длившийся свыше 200 лет, оказал самое отрицательное влияние на социально-экономическое развитие Монголии, держал ее в изоляции от внешнего мира.

Принимая самые действенные меры для предотвращения политического объединения монгольских княжеств, маньчжурская династия одновременно использовала монголов для охраны своих северных границ.

Цинский двор проводил политику сохранения кочевого образа жизни монголов и их традиционного занятия — кочевого скотоводства. Осуществляя такую политику, маньчжурские правители в течение длительного времени в законодательном порядке сдерживали наплыв в Монголию китайских купцов и переселенцев.

Маньчжурский император объявил себя богдыханом Монголии, а все земли ее — своей собственностью. Цинское правительство распространило на Монголию свои законы. Так называемое «Уложение палаты внешних сношений» (издавалось в 1789 и 1815 гг.) включало специальный раздел о монголах.

Маньчжурские императоры превратили монгольских феодалов в своих вассалов. Они присвоили себе право присуждать монгольским князьям титулы и звания, смещать их с должностей, передавать во владение или отнимать у них феодальные уделы.

Значительную роль в системе сложного маньчжурского военно-феодального бюрократического аппарата играла Палата внешних сношений. Организованная для управления Монголией и другими окраинами, она стала ведать всеми их делами. Палата внешних сношений подбирала кандидатуры на должность императорских наместников — цзянцзюней, определяла состав аппарата их управления, назначала председателей аймачных сеймов (съездов) и хошунных правителей — дзасаков.

В непосредственном подчинении палаты находился цзянцзюнь, на которого возлагался военный, административный и политический контроль в Монголии, осуществлявшийся им через военных и гражданских помощников — амбаней и хэбэй-амбаней.

Цинское правительство ликвидировало власть монгольских ханов в аймаках, сохранив, однако, съезды хошунных дзасаков (аймагын чуулган). Но эти съезды и их председатели (чуулган дарга) были лишены самостоятельности и играли главным образом роль посредников между маньчжурскими властями и монгольскими хошунными дзасаками. Роль аймачных сеймов также была весьма ограничена, тем более что созыв их разрешался не чаще одного раза в три года в определенных пунктах и непременно в присутствии и под наблюдением цзянцзюня или его помощников.

Старое деление Монголии на улусы, тумэны и отоки было аннулировано, была введена единообразная система, при которой вся Монголия оказалась разделенной на хошуны. Территориальные границы каждого хошуна и каждый хошунный дзасак утверждались богдыханом. Хошунному дзасаку предоставлялось право ведать военными, административными и судебными делами в масштабе своего хошуна — удела. Он определял границы сомонов, багов и арбанов (десятков), назначал и смещал их начальников, регулировал пользование пастбищами, распоряжался приписанными к его хошуну крепостными аратами.

Хотя власть хошунных дзасаков была признана наследственной, император Канси при введении хошунной системы пересмотрел наследственные права всех монгольских князей, их феодальные уделы и утвердил определенное число князей наследственными владельцами хошунов. Тем самым маньчжурский хан как бы заново жаловал земли монгольским князьям во владение. Цинским правительством практиковался подкуп монгольских князей как один из методов их подчинения. Эта система выражалась в разнообразных формах. Присвоение но-

вых, более высоких титулов и званий, назначение на новую должность и т. д. были обусловлены степенью преданности, покорности монгольских феодалов маньчжурской цинской династии.

Цинское правительство ликвидировало старые монгольские титулы и звания и ввело маньчжурские и китайские звания. Эти звания были затем зафиксированы в «Монгольском уложении». В порядке значимости княжеские звания подразделялись на следующие: циньван, цзюньван, бэйлэ, бэйсэ, тушэ-гун, гун. Большинство невладельцев феодалов получили звания тайджи. Князьям, женившимся на принцессах императорского дома, присваивались звания табунан или эфу. За бывшими аймачными ханами был сохранен ханский титул, однако в остальном они были приравнены к хошунным дзасакам.

В 1733 г. был определен и размер жалованья князьям Монголии. Например, князья 1-й степени, циньваны, получали по 2 тыс. лан серебра и 25 кусков ткани в год, князья же 6-й степени, гуны, — по 200 лан и 7 кусков ткани.

В 1691 г. указом императора Канси к владельческим и невладельческим князьям прикреплялись аратские семьи. Прикрепленные араты назывались «хамджилга». Князья 1-й степени получали 60 семейств, а тайджи 4-й степени — 4 семейства хамджилга. Одновременно маньчжурское правительство установило жалованье и всем тайджи в зависимости от степени — по 40—100 лан и по 4 куска ткани.

«Монгольским уложением» были предусмотрены кроме жалованья подарки монгольским князьям от имени императора, преподносимые по различным поводам. Так, например, монгольские аймачные ханы и богдо-гэгэн при представлении дани императору получали по 25 кусков шелковых и 15 кусков бумажных тканей, золотую, серебряную и фарфоровую посуду. Знатные монгольские князья имели право носить такие же церемониальные одежды и знаки отличия, какие носили сановники маньчжурского двора.

Одним из методов сближения монгольских князей с маньчжурской династией являлась выдача замуж за монгольских князей маньчжурских принцесс, а равно и женитьба маньчжурских сановников на дочерях монгольских князей. В частности, император Шуньчжи (1644—1661) был женат на монгольской княжне. Всеми этими подачками и почестями маньчжурские богдыханы привлекали на свою сторону и подчиняли своему влиянию значительную часть монгольской феодальной знати, которая ради своих корыстных классовых интересов предавала интересы монгольского народа, поддерживая господство над Монголией иноземных угнетателей.

Цинское правительство в зависимости от обстановки то расширяло, то суживало права и привилегии монгольских хошунных князей, сочетая методы угроз и поощрений. Опираясь в

целом на класс монгольских феодалов, маньчжурская династия проводила в то же время политику разобщения их.

Монгольские князья и при маньчжурском господстве продолжали междоусобную борьбу за феодальные уделы и власть в Монголии. Борьба эта не носила теперь характера вооруженных столкновений между враждующими феодалами, а проходила в форме взаимных жалоб и доносов цинскому правительству. Посредничество в решении тяжб монгольских феодалов несомненно способствовало укреплению власти маньчжурской династии над Монголией и усилению зависимости монгольских феодалов от цинского правительства.

С целью упрочения своей власти Цины реорганизовали систему административного и военного устройства Монголии. Реорганизация была направлена на усиление феодальной раздробленности Монголии. Так, на территории Халхи вместо трех аймаков было создано четыре. Четвертый образовался в 1725 г. в составе 19 хошунов, выделенных из аймака Тушэту-хана. Новому аймаку присвоено было наименование «Сайн-нойон-хан» в соответствии с титулом одного монгольского князя, выслужившегося перед маньчжурским императором в войнах против ойратов.

Три первых аймака сохранили свои прежние названия: Цэцэн-хан, Тушэту-хан, Дзасакту-хан. Маньчжурское правительство постоянно увеличивало количество хошунов. В 1655 г. в Халхе их было 8, в 1725 г. — 74. Халха была так мелко раздроблена, что на каждый ее феодальный удел-хошун не приходилось в среднем и двух сомонов.

Контроль и наблюдение за Халхой возлагались на специального маньчжурского наместника (цзянцзюня), постоянной резиденцией которого был Улясутай — маньчжурская военная крепость в Халхе.

Цинское правительство превратило все боеспособное монгольское население в солдат хошунного войска. Владетельные князья-дзасаки выполняли функции военачальников. Хошун — «знамя» — в военном отношении являлся основной тактической боевой единицей (примерно дивизия), командовал которой хошунный князь. Хошун делился на сомоны (эскадроны), несколько хошунов (дивизий) сводились в аймак (корпус). Представляя собой военную организацию, хошун продолжал оставаться основной административной единицей и феодальным уделом, закрепленным за тем или иным владетельным монгольским князем.

Хошунные дзасаки Халхи были обязаны ежегодно собирать свои войска на смотр. Создав войско из монголов, цинское правительство не снабдило его огнестрельным оружием, которым уже тогда была оснащена маньчжурская армия, опасаясь военного усиления монголов. Монгольские солдаты по-прежнему имели на вооружении лишь копьё и луки.

Цинское правительство возложило на халха-монголов несение караульной службы на северных рубежах своей империи.

В 1697 г., после разгрома ойратских войск маньчжурской армией и отступления этих войск из Халхи в пределы Джунгарского ханства, Канси вернул в Халху всех тех князей, которые бежали во Внутреннюю Монголию в 1688 г., опасаясь нашествия Галдан-хана. Он предложил также вернуться халха-монголам, переселившимся в этот период из Халхи в Россию. Однако многие из них не подчинились его приказу. Дружески принятые русским и бурятским населением Забайкалья, получив в пользование пастбищные угодья, они отказались от возвращения и приняли русское подданство.

В дальнейшем переселения монголов в Забайкалье и Южную Сибирь из Барги, Халхи, Синьцзяна и Кобдоского округа происходили довольно часто. Среди переселенцев, в частности, оказался халхаский князь Андахай с тысячей семей своих поданных. Его сын Амор, ставший русским переводчиком (толмачом), участвовал в переговорах русского посла Саввы Рагузинского с маньчжурскими послами при заключении Кяхтинского договора в 1727 г.

После Долоннорского съезда 1691 г. в течение некоторого времени монгольские князья в Халхе пытались еще вести самостоятельную политику. Но в 1721 г. цинский император ограничил их право непосредственно вступать в какие-либо переговоры с иностранными государствами.

Внутреннюю политику монгольских князей Халхи определяли принятые на съездах в период 1709—1770 гг. законы, известные под названием «Халха Джирум». Этот свод законов закреплял привилегии светских и духовных феодалов.

Еще до утраты Монголией политической самостоятельности, с 1651 г., халхаские ханы стали поставлять маньчжурским императорам под видом даров дань «девяти белых»¹. Дань эта в годы самостоятельного существования Халхи была своего рода дипломатическим приемом при сношениях с маньчжурскими правителями. Со временем маньчжурские власти превратили монгольские «дары» в обязательную и обременительную дань. С 1655 г. согласно императорскому указу кроме ежегодной дани «девяти белых» была введена дань «по состоянию» от всех монгольских князей. Маньчжурская династия взимала дань в этих двух формах до конца своего господства. Дань «девяти белых» не являлась теперь уже лишь символической, в нее включались ценные меха, шкуры зверей, самые лучшие домашние животные, преимущественно лошади, а также различные ценности.

¹ Дань, имевшая первоначально символический характер и состоявшая из девяти животных белой масти — восьми лошадей и одного верблюда.

Дань «девяти белых» в Пекин доставляло посольство из знатных князей во главе с ханом. Эта дань преподносилась по торжественным праздникам самому богдыхану с коленопреклонением в знак покорности. Дань «по состоянию» представлялась всеми монгольскими князьями, но по очереди и вручалась кому-либо из маньчжурских сановников для передачи в императорскую казну. Эта дань взималась по разным поводам, в том числе по случаю утверждения князя в должности дзасака или представления его к новому званию.

Антиманьчжурские народные восстания во Внешней Монголии

В своей многолетней борьбе против маньчжурских завоевателей монголы потерпели поражение главным образом вследствие феодальной раздробленности и предательской политики феодалов и высшего ламства.

Монгольский народ продолжал, однако, оказывать сопротивление поработителям и после завоевания Монголии маньчжурами. После смерти Галдана Джунгарское государство продолжало вести борьбу против маньчжурских завоевателей. Джунгарские ханы Цэвэн-Равдан (1697—1727) и Галдан-Цэрэн (1727—1748) проводили активную политику укрепления своих позиций в Кукуноре и Тибете, а также стремились объединиться с халхаскими князьями в антиманьчжурских действиях. В 1730 г. ойратские войска проникли в Халху и при активной поддержке самих халхасцев заняли ее северную часть. Однако цинским войскам удалось вытеснить ойратские части за пределы Халхи с помощью крупных монгольских феодалов.

Тяжелый оккупационный режим, установленный маньчжурскими войсками, систематическое ограбление народа маньчжурскими захватчиками вызвали глубокое возмущение населения. Это возмущение вылилось в 1755—1758 гг. в крупное народное восстание. Во главе восстания встал ойратский князь Амурсана, ранее состоявший на службе у цинского правительства, а затем порвавший с ним и перешедший на сторону повстанцев. Восстание развивалось на первых порах успешно, удалось разгромить маньчжурские гарнизоны в Западной Монголии. Однако цинское правительство направило для подавления восстания крупную армию. В кровопролитных сражениях отряды повстанцев потерпели поражение. Джунгарское ханство было ликвидировано. Амурсана бежал в Россию.

После бегства Амурсаны отдельные отряды повстанцев продолжали борьбу до тех пор, пока не были полностью разбиты цинскими войсками. Преобладающая часть ойратского населения Джунгарии была истреблена маньчжурскими карателями. Раздавая позорные вознаграждения наиболее рьяным

участникам подавления восстания в размере 20—50 лан серебра, истребив более половины ойратского населения. Цины жестоко подавили восстание. Одновременно с восстанием ойратов, а именно в 1755—1758 гг., в Халхе началось крупное антиманьчжурское движение под руководством князя Чингунжава Хотогойтского. Чингунжав создал повстанческие отряды, которые длительное время помогали ойратам вести борьбу с цинской армией у границ Западной Монголии. Во время этого восстания араты Дзасакту-ханского и Сайн-нойон-ханского аймаков угоняли в глубь степей свои стада, прекращали караульную пограничную службу и отбывание уртонной повинности, чем значительно затрудняли операции цинской карательной армии и вместе с тем создавали известную угрозу маньчжурскому владычеству в Халхе.

Жестокие репрессии и террор цинского правительства в отношении населения Халхи, гибель сотен аратов и казни захваченного в плен Чингунжава вызвали новую волну возмущения аратов Халхи. Освободительное движение в Халхе приняло массовый характер. К нему примкнули многие антиманьчжурски настроенные крупные феодалы, в том числе Дзасакту-хан Бальжир и Второй ургинский хутухта, брат которого Ринчиндорж был казнен маньчжурами за союз с Амурсаной. Цинское правительство от имени Второго ургинского хутухты мобилизовало лам-проповедников для агитации за прекращение восстания, созвало чрезвычайный съезд дзасаков Халхи, послало в Халху крупные вооруженные силы. Восстание было подавлено.

Маньчжурские правители, учитывая огромное влияние Второго хутухты среди населения, не посмели открыто осуждать его за явную антиманьчжурскую позицию, занятую им во время движения Чингунжава, и наоборот, предпочли привлечь его на свою сторону путем щедрых наград и подкупа. Цинский император дал Второму хутухте золотую печать, грамоту и титул «благодетеля одушевленных существ». Но вскоре Второй хутухта внезапно скончался.

Цинские власти наградили разными почетными титулами церковных и светских феодалов, помогавших Цинской династии подавлять восстания в Халхе и в Западной Монголии. Один из князей Халхи, Цэрэн, в момент наиболее острой борьбы между цинской армией и ойратами насильственно мобилизовал монголов Халхи, сформировал карательные отряды и выступил с ними на стороне маньчжурских завоевателей против ойратов. За свое предательство он получил от цинского правительства повышение в ранге. Кроме того, за него была выдана дочь богдыхана, что принесло ему звание императорского зятя — эфу.

Эти и многие другие факты участия феодалов в подавлении антиманьчжурского восстания аратов ярко свидетельствуют о предательстве феодалами интересов страны ради своих классовых выгод и привилегий.

Вскоре после подавления восстаний 1755—1758 гг. цинское правительство завершило новую реорганизацию военно-административной системы Монголии. В северной части бывшего Джунгарского ханства, по соседству с Халхой, был создан особый Кобдоский округ. Цинская династия установила над жителями этого округа двойной контроль. В маньчжурской крепости Кобдо пекинское правительство посадило своего уполномоченного (цаньцзань дачэнь) для контроля над населением округа, а на цзянцзюня Халхи возложило надзор за этим уполномоченным. В пограничной с Россией полосе Халхи цинское правительство создало особую зону шириной в 50 верст. Длина этой зоны между пограничными пунктами Абагайту (на востоке) и Шабин-Дава (на западе) составляла 2 тыс. с лишним верст. Здесь Цины расположили 87 монгольских пограничных гарнизонов-караулов.

Служба в этой пограничной зоне была возложена на аратское население Халхи и Кобдоского округа в порядке военной повинности. Каждый караул формировался из нескольких десятков аратов под командованием монгольских начальников, но под контролем и наблюдением маньчжурских офицеров. Для несения караульной службы монгольским аратам-цирикам надлежало переселяться в пограничную зону обычно вместе с семьями. Караульная повинность была одним из наиболее тяжелых проявлений маньчжурского ига.

Ламаистская религия на службе у маньчжурских завоевателей

Утверждая свое господство в Монголии, маньчжурские завоеватели учитывали огромное влияние ламаизма и стремились использовать ламаистскую церковь в своих интересах.

Политика цинского двора в отношении церкви носила двойственный характер. С одной стороны, Цины опасались чрезмерного усиления влияния главы монгольской церкви Джебзундамбы, вокруг которого могло бы состояться политическое объединение монголов. С самого начала маньчжуры, боясь сильной централизации ламаистской церкви в Халхе, запретили Джебзундамба-хутухте сосредоточить все монастыри Монголии в своих руках, сохранив их относительную самостоятельность в составе аймаков и хошунов или в ведении отдельных хутухт и хубилганов (высший духовный сан). Маньчжурский двор наложил запрет на избрание «перерожденца» Джебзундамбы в самой Халхе, разрешив его только в Тибете.

Таким образом, начиная с третьего Джебзундамбы, главы монгольской церкви стали назначать только из Тибета. Этому способствовала явно антиманьчжурская позиция второго Джебзундамба-хутухты и его сочувствие движению, возглавлявшемуся хотогойтским Чингунжавом.

С другой стороны, при маньчжурском господстве положение ламаистских монастырей как феодальных вотчин все более укреплялось, увеличивался размер их земельных угодий, умножалась численность приписанных к ним крепостных-шабинаров. С ростом экономической мощи монастырей возрастало политическое влияние высших лам — церковных феодалов. Среди многочисленных лам, делившихся по рангам и степеням, особую роль играли хубилганы («перерожденцы»). Они возглавляли всю ламскую иерархию. По своему социальному происхождению они, как правило, принадлежали к верхушке класса феодалов. Они становились настоятелями монастырей и владели сотнями и тысячами крепостных аратов-шабинаров, приписанных к монастырям. Хубилганы, по понятиям верующих ламаистов считавшиеся «живыми богами», пользовались неограниченным влиянием. Они были объектами самого пристального внимания маньчжурских императоров.

Цинские императоры сохранили за ургинскими хутухтами первенствующее положение среди ламаистского духовенства Монголии. Им платили такое же жалованье, как и монгольским ханам. Императоры часто приглашали ургинских и других хутухт в Пекин, стремясь превратить их в активных проводников своей политики в Монголии.

Ургинские хутухты оказались послушным орудием в руках цинского правительства. Они возглавляли реакционные, антинародные силы в Монголии.

Положение ламаистской религии при маньчжурском господстве настолько укрепилось, что она вскоре заняла ведущее место среди феодальных институтов Монголии. Этому способствовала поощрительная политика цинского правительства. Не только высшие ламы, но и все монастырские ламы освобождались от воинской, подводной и других повинностей и от податей. Для проповеди или выполнения монастырских дел ламам предоставлялось право бесплатного проезда за счет средств аратского населения.

Церковные феодалы имели право судить своих лам и наказывать согласно монастырскому уставу. Многие монастыри получали пособия от императорской казны. Эти феодалы обогащались за счет эксплуатации аратства. Эксплуатация носила самые разнообразные формы, включая «добровольные подношения» — источник огромных доходов монастырей и лам.

Всеми богатствами в монастырях распоряжались высшие должностные ламы. Ламы по происхождению и по положению были неодинаковы. К эксплуататорскому классу принадлежали лишь высшие ламы, которые в большинстве своем являлись выходцами из феодального класса. Основная же масса монастырских лам состояла из выходцев из класса аратов-скотоводов и не принадлежала по своему имущественному и правовому положению к классу феодалов.

Низшие ламы в монастырях находились в полной зависимости от высших лам, но и они вели паразитический образ жизни и не участвовали в общественно полезном труде.

Многотысячное монастырское низшее ламство вербовалось преимущественно среди аратов и существовало в основном за счет своих родственников. Арат, ставший ламой, подлежал освобождению от всяких налогов и повинностей в пользу своего светского господина — дзасаку или тайджи — и цинского правительства. Эти обязанности перекладывались на аратов-албату. Чтобы не лишиться в конце концов всех крепостных, светские феодалы установили порядок, запрещавший переход аратов в ламы без разрешения владетельного хошунного князя.

Цинское правительство издало во второй половине XVIII в. распоряжение, согласно которому льготами могли пользоваться только ламы, постоянно проживающие в монастырях и не имеющие личного хозяйства. Общее число монастырских лам не должно было превышать $\frac{1}{3}$ всего ламства. Остальные ламы хотя и числились в монастырских списках, но жили в своих кочевьях. В конце XIX в. в связи с увеличением числа рядового ламства, сокращением численности аратов-албату и истощением их хозяйств лам, не проживавших постоянно в монастырях, стали все чаще привлекать к отбыванию уртонной, караульной и других повинностей. Причина увеличения числа лам в известной мере объясняется тем, что в обстановке резкого усиления колониально-феодалского гнета араты, прикрываясь ламским облачением, пытались хотя бы частично избавиться от несения многочисленных повинностей и податей как цинскому двору, так и собственным феодалам и этим облегчить свою тяжелую долю.

Ламаизм отрывал значительную часть мужского населения от производительного труда и этим тормозил развитие экономики страны, задерживал рост народонаселения.

Закабаление аратских масс и рост экономической мощи ламаистских монастырей все более усиливали реакционное влияние ламаистской религии на культуру и быт монголов.

Используя тесные связи населения с монастырями через рядовых лам-родственников, а также через лам-«наставников», церковь осуществляла надзор за каждой монгольской семьей и вмешивалась в повседневную жизнь монголов. Она следовала по пятам каждого человека от его рождения вплоть до смерти, постоянно отравляя его сознание религиозным дурманом.

Ламаистская религия при маньчжурском господстве стала орудием не только феодальной эксплуатации аратства, но и национального угнетения монгольского народа. Реакционное духовенство участвовало в усмирении и подавлении классовой борьбы и освободительного движения монгольского народа против маньчжурских завоевателей, призывая народ к безропотному подчинению, отвлекая тем самым его от активной борьбы.

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ АРАТОВ В УСЛОВИЯХ МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСПОДСТВА

Опираясь на монгольских светских и духовных феодалов, маньчжурские завоеватели поставили основную массу трудового монгольского населения — крепостных аратов — в еще более бесправное положение, чем прежде.

Законы цинского правительства, касающиеся Монголии, зафиксированные в «Монгольском уложении», носили ярко выраженный классовый характер. В стране утвердился суровый режим, при котором все стороны жизни монгольских трудящихся строго регламентировались и подвергались контролю.

Араты обязаны были беспрекословно подчиняться маньчжурским и монгольским властям, тайджи и высшим ламам; они должны были испрашивать разрешения у своего князя на выезд в другой хошун. На них были возложены многочисленные повинности и подати.

Одним из важных органов военно-феодалского господства и принуждения был суд. Разбором дел в хошунных судах занимались хошунные дзасаки, которые осуществляли и административные и судебные функции. Однако присуждение к смертной казни, прежде всего за преступления против маньчжурской династии, а также все судебные дела самих монгольских феодалов передавались по инстанциям: второй инстанцией после хошунного дзасака был председатель аймачного сейма, третьей — цзянцзюнь, четвертой — Палата внешних сношений и высшей — богдыхан.

На хошунные суды кроме непосредственных свидетелей вызывались поочередно большие группы аратов данного хошуна для непременно присутствия при дознаниях, пытках и исполнении решений суда. Это делалось ради устрашения трудящихся.

Главными видами наказания по Уложению были: смертная казнь, ссылка, рабство, принудительные работы, внеочередная уртонная служба, телесное наказание, заковывание в колодки, тюремное заключение, различные штрафы. Для монгольской знати наказания ограничивались главным образом штрафами, временным лишением жалования и, очень редко, отстранением от должности и лишением звания.

Классовый характер Уложения выражался и в неравных мерах наказания за одинаковые преступления. Например, на князя, убившего арата, налагался лишь штраф. Убийство же аратами лошадей любого сословия каралось непременно смертной казнью. Даже виды смертной казни определялись в зави-

симости от социального положения убитого. Аратов подвергали наиболее зверской казни. Оскорбление простого человека словом или делом не считалось преступлением, оскорбление же «знатных» особ аратами, очно или заочно, влекло за собой строгое наказание.

Сурово карались люди всех сословий, совершавшие так называемые государственные преступления, например бегство за границу или содействие в побеге за границу. «Всех тех,—гласило Уложение,—кто... предпримет бегство за границу и окажет сопротивление, убивать без всякого разбора». За содействие в побеге за границу князя лишали звания и отбирали у него крепостных; чиновников умерщвляли через удушение, а простым людям отсекали головы; на семьи казненных налагали штраф в размере двух десятков голов скота в пользу цинской казны.

В период маньчжурского господства, как и раньше, занятие скотоводством сочеталось у аратов с различными видами домашнего ремесла в каждом отдельном хозяйстве. Араты производили заготовку впрок мясных и молочных продуктов, сами изготавливали войлоки для покрытия юрт, волосяные и ременные веревки, обрабатывали кожи и овчины, шили из них одежду и обувь. Из дерева делали каркасы для юрт, сундуки, двухколесные телеги, седла, луки, стрелы, посуду и другие предметы первой необходимости для своего хозяйства.

Аратское хозяйство продолжало сохранять натуральный характер. Двойной гнет препятствовал дальнейшему развитию и совершенствованию монгольского ремесла.

Араты находились в личной крепостной зависимости у князей — светских и духовных. Аратам запрещалось под страхом сурового наказания самовольно уходить с территории хошуна, переходить от своего господина к другому. Внутри хошуна араты перекочевывали с одного пастбища на другое по указанию князей — феодальных земельных собственников.

Маньчжуры большую часть прежних албату монгольских феодалов превратили в государственных податных, называя их сомонными албату. Основная их обязанность заключалась в несении военной, караульной и уртонной служб, в земледельческих работах на государственных пашнях, в выпасе императорского стада и в уплате расходов на содержание многочисленного маньчжурского административного аппарата.

Другая часть албату, которую называли хамджилга, была распределена между монгольскими феодалами. Хамджилга, находясь в крепостной зависимости от феодалов, были обязаны платить своим нойонам подать и поборы, выполнять тяжелую домашнюю работу в их юртах, пасти господские стада, даже уплачивать долги своих хозяев китайским купцам.

Араты-албату как военнообязанные были приписаны к своим хошунным дзасакам и ежегодно являлись на военные сборы на собственных лошадях при собственном вооружении, со своим

продовольствием и проходили смотр и строевое обучение. Они обязаны были находиться в состоянии готовности на случай военного похода. И к службе в пограничных караулах привлекались главным образом араты-албату.

На всех дорогах Монголии, имевших значение военно-административных коммуникационных линий, по указу цинского правительства араты-албату обслуживали дорожно-почтовые станции (уртоны), обеспечивали их транспортом, погонщиками, проводниками, доставляли проезжавшим маньчжурским чиновникам, офицерам, правительственным гонцам и т. д. ночлег и пищу безвозмездно. В Халхе во второй половине XVIII в. действовало всего лишь 120 станций-уртонов, которые обслуживали араты-албату. В конце XIX в. уртонов стало вдвое больше. Десятки уртонов создавались и на внутренних путях сообщения в Монголии. Уртоны отвлекали у аратского хозяйства большое количество рабочих лошадей, быков, верблюдов и людскую рабочую силу.

На аратов-албату были возложены также перевозка чиновников от одного кочевья до другого (урга ула) и доставка лошадей в распоряжение ставок цзянцзюней, амбаней и пр., а также для хошунных и аймачных управлений (уяагта). Уртонная повинность являлась как бы своеобразной формой ренты, соединившей в себе элементы отработочной и продуктовой ренты.

Еще более разнообразный характер носила натуральная рента, взыскиваемая маньчжурскими властями. Кроме установленных маньчжурским законодательством двух видов дани, о чем говорилось выше, цинское правительство получало из Монголии целые табуны лошадей, большие стада овец и других животных как особые подношения монгольских князей, собиравших скот с тех же аратов-албату. Немало ценностей вывозилось из Монголии в Пекин в счет уплаты многочисленных штрафов, налагавшихся Палатой внешних сношений на монгольское население.

Согласно документам Государственного архива МНР, относящимся к XVIII в., князья и ургинский хутухта ежегодно собирали с аратов-албату и отправляли в Пекин сверх установленной дани по специальным требованиям императора десятки тысяч голов скота и разные ценности: пушнину, войлоки, юрты, ювелирные изделия местных мастеров и т. п. Взамен этих ценностей араты ничего не получали ни от цинского правительства, ни от монгольских феодалов.

О размерах такого рода чрезвычайных поборов, по далеко не полным данным, можно судить по некоторым примерам. За 1715—1733 гг. халхаские князья поставили от четырех аймаков Халхи для императорской армии 222 тыс. голов лошадей, 25 тыс. голов верблюдов, 400 голов крупного рогатого скота, 1430 тыс. голов овец, свыше 238 тыс. голов коз. В 1753 г. халхаские князья дополнительно подарили 5700 коней и

1600 верблюдов. В 1754 г. Шабинское управление ургинского хутухты послало для армии 5 тыс. лошадей и 350 верблюдов.

В 1819 г. сверх дани «девяти белых» и «по состоянию» халхаские князья и ургинский хутухта отправили 40 тыс. голов скота — молодняка разных видов, собрав по 10 тыс. голов с аратов каждого аймака. Такой богатый дар был сделан императору Цзяцину по случаю его приезда в Долоннор.

По официальным данным, основные повинности (налоги) в денежных выражениях составляли 619 350 лан серебра. Одному податному аратскому хозяйству приходилось платить свыше 35 лан в год. Всего в Халха-Монголии существовало 21 015 аратских податных хозяйств.

О размерах движимого имущества, накопленного императорской казной преимущественно в результате поступления дани, особых подношений и штрафов, полученных с населения Монголии, а также путем прямого грабежа в первые годы маньчжурского господства, говорят данные, приводимые французским миссионером Жербильоном, современником Канси. По его утверждению, уже в 1696 г. император Канси имел между Калганом и Пекином 230 конных заводов по 300 маток с жеребятами в каждом и 32 больших конских табуна. Сорок тысяч голов рогатого скота и 180 тыс. овец паслись на монгольских пастбищах, отчужденных в императорскую казну. При этом почти весь «императорский» скот бесплатно обслуживали и пасли монгольские араты.

С течением времени кроме богдыханских стад и табунов в Монголии были созданы за счет ограбления аратов многотысячные конские табуны военного ведомства цинского правительства.

Духовные феодалы называли своих крепостных шабинарами, которые, так же как и араты-хамджилга, подвергались гнету и эксплуатации. Шабинеры содержали Джебзундамбу, хутухт, хубилганов, несли расходы, предназначенные для монастырей и на исполнение культовых обрядов.

Араты-шабинеры (духовные ученики, но не монастырские послушники) составляли особую группу трудящегося аратства. В 1764 г. при маньчжурском господстве было проведено официальное закрепление их за хубилганами и монастырями. Уже тогда они составили значительную группу аратства. С ведома маньчжурских властей хошунные дзасаки превратили многих аратов в предмет «дара», преподносимый ургинскому хутухте и другим хубилганам. В результате выделялась особая группа крепостных аратов, обязанных податями и повинностями не хошунным дзасакам или тайджи, а высшим ламам — церковным феодалам.

Феодалная эксплуатация аратов-шабинеров — главный и постоянный источник обогащения высших монастырских лам. Шабинеры ежегодно платили натуральную подать. Кроме того,

они были обязаны пасти монастырский скот, а также выполнять повинности в пользу церковных феодалов в качестве грузчиков, погонщиков, в кустарном производстве, на постройке монастырей и на других работах. Значительную часть своих личных средств шабинеры отдавали на строительство монастырей и содержание лам, на массовые паломничества лам в Тибет, Лхасу, на поклонение разным «святым», на приглашение «знаменитых» лам из Тибета и пр.

Поездки хубилганов в Лхасу и Пекин отнимали у шабинеров сотни тысяч ланов. Так, очередная поездка в Пекин пятого ургинского хутухты (1840 г.) обошлась в 50 тыс. ланов помимо огромной стоимости преподнесенного им богдыхану подарка, состоявшего из 9 девяток отборных лошадей, чернобурых лисиц, соборей и др.

В 1889 г. хубилган Заин-гэгэн для постройки дворца и поездки в Пекин не только обобрал своих шабинеров, но и взял крупную ссуду у китайских фирм. За неуплату Заин-гэгэном в срок ссуды в сумме 20 тыс. ланов китайские ростовщики увеличили долг вдвое, т. е. до 40 тыс., и начислили еще 13 тыс. ланов годовых процентов. Все это пришлось оплачивать шабинерам.

Особую, правда малочисленную, группу населения составляли рабы. Эта группа образовалась в то время главным образом из числа аратов, присужденных к рабству по судебным решениям. Рабства как экономического уклада тогда уже не существовало. Практически рабы пополняли ряды аратов-хамджилга, однако были еще более бесправными и угнетенными.

За светскими и духовными князьями было закреплено право неполной собственности на аратов всех сословий. Князья продавали аратов, дарили их хубилганам, монастырям, своим родственникам и соседям. Указом императора Цяньлуна от 1772 г. монгольским князьям было запрещено продавать аратов в Китай, однако за ними сохранялось право продажи крепостных аратов в пределах своего аймака. Единственным ограничением власти князей в отношении аратов было запрещение убивать их самовольно, без суда и следствия, но и этот закон феодалы нередко обходили.

Монголия с давних времен поддерживала торговые связи с Китаем и другими странами. В период, предшествующий нашествию маньчжурских завоевателей, между Монголией и Китаем велась пограничная торговля. С завоеванием Монголии цинское правительство вначале препятствовало расширению китайско-монгольской торговли, что определялось общей политикой, проводившейся в отношении Монголии маньчжурами.

Однако китайско-монгольская торговля производилась только в трех монгольских населенных пунктах — Калгане, Хух-Хото и Долонноре. Позднее китайским торговцам был разрешен

въезд и в другие районы Монголии, но с большими ограничениями. Ограничено было, в частности, число одновременно находившихся в Монголии китайских купцов.

Китайским купцам запрещалось въезжать в Монголию без особых торговых свидетельств, в которых указывались район, срок торговли и виды разрешенных для ввоза товаров. На китайские товары налагались высокие пошлины, запрещалось давать монголам ссуду серебром, ограничивался ассортимент товаров, нельзя было ввозить металлические предметы, кроме чугунных котлов и мелких изделий. Это мотивировалось тем, что «злонамеренные из монголов могут перековать их в военное оружие».

Срок пребывания торговцев в Монголии ограничивался одним годом. «Мера сия, — объяснялось в Уложении, — необходима для того, чтобы шатающиеся сего рода торгаши через долговременное пребывание в Монголии не завели каких-либо незаконных связей и не нанесли бы через это вреда общественному спокойствию».

К китайцам, нарушившим всю эту регламентацию, маньчжурские власти применяли различные меры наказания: их штрафовали, отбирали товары в пользу маньчжурской казны и изгоняли из Монголии, не разрешая повторный въезд в эту страну.

В одном из отчетов ургинский амбань Юндун-Доржи указывал, что маньчжурские чиновники совместно с хошунными монгольскими властями ежегодно проверяли торговые свидетельства китайских купцов в Урге, Улясутае, Кобдо и Кяхте. После одной такой проверки, проведенной в 1803 г. по указу императора Цзяцина (1796—1820), было выслано из этих городов большое число китайских купцов, не имевших свидетельств или с просроченными свидетельствами.

С течением времени интересы маньчжурских феодалов стали все теснее переплетаться с интересами крупных торговых и ростовщических фирм Китая; правящая клика маньчжурских феодалов уже не могла не считаться с торговыми интересами этих фирм в Монголии, и цинское правительство ослабило ограничения в китайско-монгольской торговле.

В XIX в. «высоких покровителей» (сановников пекинского правительства) приобрели многие крупные фирмы, действовавшие в Монголии.

Покровительство высших маньчжурских чиновников китайским фирмам, оперировавшим в Монголии, особенно наглядно видно на примере длительной тяжбы между ургинским монастырем Их-хурэ и китайскими купцами в начале XIX в. К этому времени китайский маймачэн Урги перерос размеры территории, отведенной для него монастырем, вплотную приблизился к последнему со своими лавками, складами и другими постройками, что вызвало недовольство хутухты и выс-

ших лам. В знак протеста они переселили всех лам монастыря в другое место.

Управляющий (шанцзотба) Шабинского ведомства² обратился к улясутайскому цзянцзюню с жалобой на действия китайских купцов, прося выселить их из Урги. В районе монастыря проживало тогда свыше тысячи китайских торговцев. Маньчжурский цзянцзюнь в Улясутае И Гуань не удовлетворил жалобу шабинского ведомства и поддержал торговцев. Правда, в связи с протестом ургинского хутухты цинское правительство было вынуждено пересмотреть решение улясутайского цзянцзюня и ограничить деятельность китайских купцов в Урге. Однако это могло лишь замедлить проникновение китайского торгового-ростовщического капитала в Монголию, но не остановить его, тем более что некоторые монгольские феодалы тоже включились в торговые операции китайских фирм. В частности, ургинский амбань Дэлэг-Доржи стал пайщиком нескольких фирм и владел магазином в Урге.

Китайские купцы проникали во Внешнюю Монголию постепенно, обосновываясь в крупных населенных пунктах: в Урге, Эрдэнэ-Дзу, Улясутае, Ван-хурэ, Кобдо и в Кяхте монгольской. Первое место в китайско-монгольской торговле принадлежало Урге — религиозному центру Монголии.

По мере роста числа постоянных жителей Урги, основанной еще в XVII в., в связи с превращением ее в военно-административный центр Тушэту-ханского и Цэцэн-ханского аймаков, а также с активизацией русско-китайской торговли расширялась и торговая деятельность китайских купцов в Урге.

Купеческие поселения — маймачэны, выросшие в Урге, Кяхте, Улясутае, Кобдо, превратились в крупные торговые центры.

Один из руководителей Российской духовной миссии в Пекине, Софроний Грибовский, проехавший через Халху в 1808 г., писал об Урге как о крупном для того времени торговом городе. Вопреки ограничениям маньчжурского правительства китайские торговцы прочно обосновались в Урге. Они строили там свои торговые склады, магазины и жилища, продолжали снимать в аренду ламские помещения и превращали Ургу в центр оптовой и розничной торговли.

Среди китайских фирм, развернувших свои торговые и ростовщические операции в Монголии, первенствующее положение занимали шаньсийские фирмы. До вторжения иностранного капитала в Китай они торговали преимущественно китайскими товарами: шелковыми и бумажными тканями, чаем, табаком, крупами, металлическими, фарфоровыми и глиняными изделиями, предметами домашнего обихода и ламаистского культа.

Во Внешнюю Монголию проникали и русские товары, особенно во время пушных ярмарок, открывавшихся в Кяхте или

² Шабинское ведомство — управление крепостными араатами богдо-гэгэна.

в Урге, куда съезжалось несколько тысяч китайских и русских купцов и много монголов. При торговых сделках основным мерилем ценности являлись овца, шкурка соболя, кирпич зеленого чая, слитки серебра и т. п.

В отдаленные от центра хошуны проникали бродячие китайские торговцы, агенты крупных фирм. Они меняли свои товары на скот, пушнину или продавали их в кредит под высокие проценты, с тем чтобы в следующий приезд произвести расчеты по долгам. Монгольские араты были вынуждены пользоваться этим кабальным кредитом, причем кроме своих собственных долгов они должны были оплачивать и долги своих господ-феодалов.

По мере роста оборота китайского торгово-ростовщического капитала в Монголии и укрепления его связей с феодально-бюрократической верхушкой Цинской империи законы, ограничивавшие китайско-монгольскую торговлю, стали терять свою силу, а в середине XIX в. полностью были сняты, что способствовало дальнейшему усилению эксплуататорской деятельности торгово-ростовщического капитала в Монголии.

Крупнейшими китайскими фирмами в Монголии, занимавшимися преимущественно ростовщическими операциями, были фирмы Да Шэнху, Тянь Идэ, Юань Шэндэ и Юн Цзичэна. Общий годовой оборот всех китайских фирм во Внешней Монголии к концу XIX в. исчислялся в несколько десятков миллионов ланов.

О богатстве фирм Да Шэнху и Юань Шэндэ монголы образно говорили, что первая из них может устлать дорогу от Урги до Пекина (2 тыс. км) 50-лановыми серебряными слитками, а вторая — покрыть всю эту дорогу верблюдами по паре в ряд.

О масштабах деятельности фирм можно, например, судить по чайной фирме Фын Тайлуна. Она торговала в Ханькоу, Калгане, Урге, Кобдо, Кяхте, была связана с Москвой. В конце XIX в. она сбывала во Внешней Монголии ежегодно не менее 30 тыс. ящиков кирпичного чая.

Крупные китайские купцы в Монголии объединялись в торговые общества со старшинами во главе. Общества устанавливали монопольные цены на монгольское сырье, на разгрузку, погрузку и перевозку товаров. В счет погашения долга араты вынуждены были отдавать своих верблюдов в собственность фирм. За долги же араты обслуживали китайские караваны, выполняли работу грузчиков, погонщиков, гуртовщиков и т. д.

Торгово-ростовщический капитал Китая сыграл самую реакционную роль в истории Монголии, явившись олицетворением чужеземного гнета. Традиционная политика маньчжурского двора в отношении китайских купцов и переселенцев претерпела значительные изменения в ходе превращения маньчжурской знати в проводника интересов китайских феодалов и китайского торгово-ростовщического капитала.

Под непосредственным покровительством цинского двора китайский торгово-ростовщический капитал паутиной охватил экономику Монголии. Каждый аймак, каждый хошун, каждая аратская семья находились в неоплатном долгу перед китайскими купцами. Араты и аратское хозяйство разорялись и нищали.

Китайский торгово-ростовщический капитал создал в Монголии гибкую организацию, помогавшую ему сохранять монопольное положение на монгольском рынке. В качестве основного средства закабаления и эксплуатации аратов торгово-ростовщический капитал применял систему продажи товаров в долг с условием погашения долга определенным видом сырья или скота. На долг начислялись высокие ростовщические проценты. При этом установленная маньчжурским правительством высокая норма годового процента (36) произвольно завышалась во много раз, доходя до 400. При неуплате долга в срок купцы прибавляли сумму процента к долгу и начисляли новый процент на общую сумму. Фирмы старались не получать долг сполна, чтобы держать должника в зависимости и иметь постоянный источник прибыли. Продажа товаров в кредит производилась по ценам выше рыночных, сырье же у монголов скупалось по более низким ценам, чем рыночные. Кроме того, массовым явлением было обмеривание, обвешивание, обсчет. Десятки лет такой «торговли» превращали многих монгольских аратов в неоплатных должников, в нищих, в пастухов чужих стад.

Монгол-кочевник попадал всецело под власть ростовщика. «Для мелких производителей, — писал К. Маркс, — сохранение или потеря условий производства зависят от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильны обнищанию и представляют момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать воспроизводство в своем хозяйстве в прежних размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится»³.

Китайские ростовщики завязывали также тесные контакты с монгольскими феодалами и чиновниками и превращались в их постоянных кредиторов.

Вместе с тем в XIX в. некоторые крупные монгольские князья и монастыри сами принимали непосредственное участие в торговых и кредитных операциях китайских фирм. Монгольские светские и духовные феодалы вкладывали свои капиталы в операции фирм, становились их компаньонами и получали определенный пай с прибылей фирм.

В результате все более возрастала зависимость монгольских феодалов от китайского торгово-ростовщического капитала.

³ К. Маркс. Капитал Т. 3. — Т. 25. Ч. 2, с. 148—149.

Они стали активно поддерживать грабительскую торгово-ростовщическую деятельность крупного китайского купечества в Монголии.

Торговцы-ростовщики широко использовали свои связи с местными феодальными властями для усиления эксплуатации аратства. В частности, в случае неуплаты долгов и протеста со стороны должников фирмы обращались к хошунному правителю — дзасаку или к представителям маньчжурской власти в Монголии. Как те, так и другие, защищая интересы ростовщиков, заставляли аратов платить долги.

В XIX в. китайские ростовщики брали у хошунных князей на откуп сбор податей и взимали их с аратов вместе со своими долгами, используя, таким образом, методы феодальной эксплуатации.

Хищническая деятельность китайских торговцев-ростовщиков приводила к тяжелым последствиям, истощала хозяйство Монголии, задерживала развитие производительных сил, способствовала обнищанию аратства.

Глава 3

МОНГОЛИЯ В ПЕРИОД ВТОРЖЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В КИТАЙ. РОСТ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ МОНГОЛЬСКОГО АРАТСТВА.

Положение монгольского народа, как и других народов Цинской империи, стало особенно тяжелым в условиях насильственного проникновения в Китай иностранного капитала.

Вторжение капиталистических держав в Китай, начавшееся в 30—40-х годах XIX в., повлекло за собой коренное изменение международного и внутреннего положения Цинской империи. Крушение системы «варварской и герметической изоляции» (К. Маркс) поставило феодальный Китай лицом к лицу с капиталистическим миром, с его могущественными средствами нападения. Решающие экономические и политические позиции в стране стали переходить в руки иностранных капиталистических государств.

Военное вторжение капиталистических держав в Китай привело к захвату рынков, к подчинению политики маньчжурской династии их влиянию. Втягивание феодального Китая и его окраин в орбиту мирового капиталистического рынка, усиление агрессии иностранных держав вызвали изменение методов закабаления Внешней Монголии маньчжурской династией. Основным содержанием политики цинского правительства во второй половине XIX — начале XX в. явилось дальнейшее экономиче-

ское и политическое ослабление Внешней Монголии, усиление ее колонизации и изоляции от внешнего мира.

Новые методы закабаления Монголии маньчжурской династией наиболее ярко проявились на рубеже XIX—XX вв., с утверждением господства колониальной системы империализма на Дальнем Востоке и завершением грабительского раздела Китая на «сферы влияния» между крупными державами. Подчиняясь воле западных агрессоров, цинское правительство главное острие своей политики на севере направило против России. Противодействуя сближению России и Монголии и охраняя в Монголии свое господство, цинское правительство изданными во второй половине XIX в. законами отменяло все ограничения для деятельности китайского торгово-ростовщического капитала в Монголии, открывало китайским феодалам и торговцам путь колонизаторского захвата монгольских земель, создавало благоприятные условия английским, американским и другим иностранным фирмам для грабежа монгольского народа как непосредственно, так и при помощи китайского капитала компраторского типа.

Такая политика встретила поддержку со стороны капиталистов западных держав, так как соответствовала их захватническим интересам. Капиталисты США, Англии, Японии и других стран рассчитывали при поддержке правящей в Китае клики феодалов и при посредничестве китайского торгово-ростовщического капитала захватить Монголию и превратить ее в место сбыта своих товаров и источник продуктов скотоводства и другого сырья. Агрессивные устремления капиталистических держав и колонизаторская политика маньчжурской династии обусловили широкое развертывание компраторско-ростовщической деятельности китайских торговцев и значительный количественный рост их предприятий в Монголии.

В 60-х годах XIX в. во Внешней Монголии насчитывалось несколько десятков крупных и средних китайских купеческих и ростовщических предприятий, а в начале XX в. количество их возросло уже до 500. Это были магазины, лавки и конторы: в районах Урги — 160, Улясутая — 86, Кобдо — 65, Кяхты — 100, Ван-хурэ — 30, Улангома — 20, Дзаин-Шаби — 12 и т. д.

Многие китайские фирмы в Монголии после «открытия» китайских портов для торговли с иностранцами попали в зависимость от иностранных фирм, отделения которых находились в Пекине, Калгане, Хух-Хото и т. д. Китайские купцы-компраторы вывозили из Монголии разнообразные виды продукции хозяйства монголов — скот, шерсть, пушнину и др. — и ввозили кроме китайских товары иностранного происхождения — бакалею, галантерею, хлебную продукцию и ткани японского, американского и английского производства. Эти ткани доставлялись в Китай через порт Тяньцзинь и после наклейки на них китайских торговых марок поступали на монгольский рынок под

видом китайской далямбы или цуембы (сорт тканей). Такие же операции проделывались и над галантереей и другими видами товаров, вплоть до изображений буддийских бурханов, в массовом количестве изготавливавшихся на западе, в частности в Варшаве.

В 1909 г. было ввезено во Внешнюю Монголию 256 400 двадцатипятирдовых кусков английской и американской хлопчатобумажной ткани на сумму 1400 тыс. руб. золотом и большое количество японской бязи. Вся эта торговля для Монголии была неэквивалентной, вела к оскудению народного хозяйства и приносила огромные прибыли империалистическим монополиям. Не довольствуясь услугами компрадоров, американские, английские и другие фирмы открывали во Внешней Монголии свои собственные отделения. В частности, в 1907 г. в Урге появилась первая английская фирма, а несколько позднее — американская.

Расширение деятельности иностранного капитала в Монголии в эпоху империализма способствовало усилению неэквивалентного обмена, вело к разорению аратства. В качестве денежной единицы в Монголии утвердился ходивший в Китае мексиканский доллар, русский рубль и китайский лан⁴. Натуральную форму обмена, налогов и сборов начали сменять денежные формы. Вследствие этого увеличивалась потребность как у аратов, так и у монгольских князей в денежных ссудах.

В связи с развитием денежных отношений еще более усилилась эксплуатация монгольских масс. Продолжался упадок производительных сил страны. Разлагая натуральные отношения, торгово-ростовщический капитал в условиях отсталой Монголии не менял основы феодального способа производства. «При азиатских формах,— писал К. Маркс,— ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»⁵.

Возросла задолженность аратов ростовщикам. В начале XX в. на каждое аратское хозяйство помимо общешоунной задолженности ростовщикам приходилось долга на сумму от 500 до 1000 ланов серебра, а общая хошунная задолженность в 1911 г. равнялась 11 млн. ланов. Огромная задолженность ставила аратов в положение долговых рабов, ибо полное погашение этой задолженности в силу истощенности аратского хозяйства становилось невозможным. Так, например, стоимость всего имущества аратов Кобдоского округа не составляла и половины суммы задолженности торгово-ростовщическим фирмам.

С середины XIX в. китайские ростовщики превращаются в фактических хозяев значительных земельных участков во многих хошунах Внешней Монголии. Они захватывают земельные угодья под видом «аренды» или в счет погашения хошунных долгов.

⁴ Лан (лян) — мера веса слитков серебра, равная 37,301 г.

⁵ К. Маркс. Капитал. Т. 3.— Т. 25. Ч. 2, с. 146.

В первом десятилетии XX в. цинское правительство, поддерживая колонизаторские устремления китайских ростовщиков и противодействуя усилению влияния России в Монголии, проводило ряд экстренных мер по завершению полной колонизации Внешней Монголии.

Особое бюро по переселенческим делам Монголии, учрежденное в 1906 г. в Пекине, провело в 1909 г. перепись населения, скота и земель во Внешней Монголии, учло пахотные земли, наметило «план колонизации» и составило проект соглашения с монгольскими князьями. Соглашение и план подписали хошунные дзасаки Внешней Монголии: Зоригту-хан, Ноинт-ван и др., специально вызванные для этого в Пекин на совещание. По соглашению, подписанному ими, все земли, пригодные для земледелия, отчуждались в фонд цинского правительства с условием уплаты 50% стоимости земли хошунным дзасакам.

После утверждения «плана колонизации» торгово-ростовщические фирмы захватывали земли за долги, использовали их под пашни, огороды и пастбища, на которых они пасли награбленный у монголов скот, или превращали землю в предмет спекуляции.

Это вызвало резкие протесты со стороны аратов. Когда в хошуне Батор-вана Тушэту-ханского аймака хошунным князем была передана одной китайской фирме хошунная земля, возмущенные араты подали коллективную жалобу в аймачное управление, а затем, не добившись толку, изгнали представителей этой фирмы из своего хошуна.

В 1909 г. колонизационное бюро цинского правительства захватило значительную часть лучших монгольских пастбищ. В материалах русских экспедиций того времени написано: «Там, где прежде паслись тысячи голов монгольского скота и стояли десятки и сотни юрт, теперь уже нет ни одной юрты, ни одного стада. Их уже оттеснили от привольных долин и рек в безводные степи, где монголы принуждены пользоваться колодцами, плохими пастбищами». По данным представителя России в Монголии Куропаткина, в 1911 г. площадь отчуждаемых земель в северной части Внешней Монголии достигла 4905 тыс. десятин.

Массовое отчуждение пастбищ наряду с ростовщической кабалой подрывало в корне монгольское скотоводческое хозяйство, разоряло аратство и одновременно затрагивало интересы князей и высших лам, сокращая базу их феодальной эксплуатации.

Великодержавная политика маньчжурского правительства, носившая название «новая политика», имела глубоко реакционный характер. Помимо проведения насильственной колонизации она выражалась в усилении роли цинской администрации и в ограничении прав местной монгольской администрации, в укреплении маньчжурских гарнизонов.

Политика цинского правительства, направленная на усиление

ние национального гнета и на превращение Внешней Монголии в «барьер» между Россией и Китаем, наряду с углублением внутрифеодальной эксплуатации, в условиях превращения Монголии в сырьевой придаток мирового капиталистического рынка, привела к тяжелому экономическому положению в стране.

Грабеж народных масс монгольскими, маньчжурскими и китайскими феодалами и иностранным капиталом приводил к росту нищеты народных масс. К 1911 г. во многих хошунах Кобдоского округа до 80% аратского скота, а в восточных хошунах более половины принадлежало китайским и другим иностранным фирмам. Отдельные хошун разорялись полностью, а население их разбегалось. Так было, например, в хошуне дзасака Цэрэна Тушэту-ханского аймака.

По данным русских торговых экспедиций, феодальная эксплуатация и систематическое отчуждение монгольского скота за долги и проценты китайским и другим фирмам, угон его за пределы страны, а также сокращение пастбищных угодий в связи с отчуждением земель привели к резкому сокращению общего поголовья скота и упадку всего хозяйства Монголии. Положение усугублялось стихийными бедствиями, вызванными суровыми зимами и засухами первого десятилетия XX в.

Результатами многолетнего ига маньчжурских завоевателей, китайского торгово-ростовщического капитала и гнета монгольских феодалов, а затем грабительской политики империалистических держав в Монголии были задержка в развитии производительных сил страны, экономическая и культурная отсталость и крайнее обнищание монгольского аратства.

В начале XX в., как и в глубокую старину, продолжало господствовать отсталое пастбищное, кочевое скотоводство, преобладавшее в системе всего хозяйства страны; промышленность не развивалась, земледелие находилось в зачаточном состоянии.

Данные русских экспедиций в Монголии в начале XX в. свидетельствуют, что за весь период маньчжурского ига в Монголии техника и методы ведения хозяйства не получили сколько-нибудь заметного развития. Монгольское хозяйство по-прежнему носило натуральный и полунатуральный характер. Согласно данным русской торговой экспедиции, в 1911 г. одно среднее аратское хозяйство, на долю которого приходилось несколько десятков голов скота, оценивалось в 1058 руб.

В начале XX в. по четырем халхаским аймакам на каждое аратское хозяйство в среднем приходилось 60 голов скота, на светское феодальное хозяйство — 2500, т. е. в 50 раз больше, чем на одно аратское хозяйство, а монастырское хозяйство в среднем имело более 5 тыс. голов скота, превосходя аратское хозяйство по количеству скота в 80 раз.

С конца XIX в. в Монголии стали появляться крупные скотоводческие и земледельческие хозяйства китайских фирм. Китайские купцы и ростовщики поняли выгоды организации та-

ких хозяйств на базе экспроприированного у аратов скота, при бесплатном пользовании монгольскими пастбищами. Вследствие долговой кабалы араты выполняли работы по обслуживанию этих хозяйств, пасли скот, ранее им принадлежавший.

После жестокого подавления маньчжурами народного движения 1755 и 1758 гг., охватившего Джунгарию и Халху, араты не прекращали своей борьбы против гнета маньчжурских и монгольских феодалов, китайских купцов и ростовщиков. В конце XVIII и в первой половине XIX в. в Халхе происходили народные выступления локального характера, в частности в хошунах Тушэту-ханского, Цэцэн-ханского аймаков. Из этих аратских выступлений особое место занимают вооруженные выступления в хошуне Тогтох-Туре Цэцэн-ханского аймака 1837—1840 гг. Эти выступления носили не только антифеодальный, но и сильно выраженный антиманьчжурский характер. Араты открыто заявляли о своем неподчинении хошунному князю и маньчжурскому императору.

Как известно, захватническая политика капиталистических держав и усиление колониального и феодального гнета вызвали в Китае такие крупные народные восстания, как тайпинское в 1850—1864 гг. и ихэтуаней в 1898—1901 гг. Восстания в Китае послужили сигналом к разворачиванию освободительного движения и на окраинах Цинской империи. Только с помощью иностранных интервентов цинское правительство было в состоянии подавлять восстания. Маньчжурское военное командование пыталось также для борьбы с повстанцами проводить насильственную мобилизацию в армию, в том числе в Монголии. Однако эти мероприятия потерпели неудачу.

В освободительной борьбе монгольских аратов второй половины XIX в. наиболее крупным было дугуйланское движение во Внутренней Монголии. Оно зародилось в 1852 г. в Ордосе — в хошуне Ушин (пров. Суйюань) и носило не только антиманьчжурский, но и антифеодальный характер. Оно вылилось в форму народных съездов и собраний и получило название «дугуйланское» от термина «ардын-дугуйлан» — «народный круг» (народное собрание). В основу этих собраний был положен принцип полного равенства участников: сидеть кругом, на равной высоте, дела решать сообща, подписывать принятые решения всеми участниками. В начале XX в. дугуйланское движение, возглавленное народным героем Улдзэй-Жаргалом, стало массовым.

Аратское движение во Внешней Монголии во второй половине XIX в. принимало самые разнообразные формы. Оно направлялось против непомерно тяжелой ростовщической кабалы, хищничества маньчжурского цзянцзюня, амбаней, чиновников и против произвола своих феодалов. В 90-х годах начались волнения в Кобдоском округе. Ими пытался воспользоваться авантюрист Дамби-Джанцан, объявивший себя потомком и хубил-

ганом Амурсаны, легенды о «втором пришествии» которого жили тогда в монгольском народе.

Разъезжая по монгольским хошунам, Дамби-Джанцан призывал монголов к свержению маньчжурского господства и изгнанию из страны ростовщиков и чиновников. Хошунские князья на аймачном сейме, где выступил Дамби-Джанцан, поддержали его и предложили улясутайскому цзянцзюню покинуть сейм.

В 1899 г. под давлением аратов и рядовых лам группа князей составила на имя маньчжурского императора обширную петицию. Ее подписали крупнейшие князья и ламы. В этой петиции выдвигались требования немедленно устранить от должности улясутайского цзянцзюня и его помощников и коренным образом улучшить положение монголов. Петиция заканчивалась угрозой: «Если дело и дальше так будет идти, то монголам ничего не останется, как взяться за оружие». Цинское правительство ответило усилением репрессий и судов над инициаторами этой петиции. В эти же годы во Внешней Монголии повсюду создавались мелкие группы из беглых крепостных аратов, которые в знак протеста против существующего режима устраивали степные пожары там, где находились ставки маньчжурских чиновников и монгольских князей, громили лавки китайских фирм. Не прекращалось сопротивление аратов и в пассивных формах. В доказательство можно привести множество фактов. Например, араты провели массовую откочевку и подали жалобу на Далай-хана Дэлгэр Намжила. В конце концов этого князя отстранили от должности дзасака. Участились в эти годы случаи бегства аратов в монастыри, пользовавшиеся правом предоставления убежища беглым. Но и в монастырях аратов ждало угнетение со стороны церковных феодалов, а их долги ростовщикам должны были уплачивать родственники. Все чаще низшие ламы поддерживали движение аратов. Примером этому могут служить неоднократные выступления лам Улангомского монастыря.

Монгольский народ всячески выражал свои симпатии борющемуся китайскому народу. Монголы отказывались участвовать в карательных походах цинского правительства и иностранных захватчиков против китайских трудящихся. Маньчжурские власти во Внешней Монголии пытались организовать в 1900 г. среди монголов 20-тысячное войско для похода против ихэтуаней, однако им удалось набрать лишь 2 тыс. Но и эта группа, переданная хошунными князьями в распоряжение маньчжурского цзянцзюня в Улясутае, подняла восстание под руководством арата Энхэ-Тайвана. Повстанцы перебили солдат улясутайского маньчжурского гарнизона, разгромили купеческие конторы и лавки и затем разъехались по домам.

Почти одновременно с улясутайским событием на востоке страны в хошуне князя Сансарай-доржи Цэцэн-ханского аймака вспыхнуло новое крупное антиманьчжурское восстание. Вос-

ставшие араты громили конторы и лавки китайских торговцев, сжигали долговые книги, выгоняли купцов и торговцев, насчитывавших несколько сот человек, за пределы своего хошуна. Движение, охватив все население данного хошуна, перекинулось в соседние. Араты этих хошунов также выступили против купцов и торговцев. Однако маньчжурские власти сразу же подавили это движение и сурово наказали его участников. Выступления монголов послужили для цинского правительства поводом к ускорению военной оккупации Внешней Монголии и значительного пополнения и усиления маньчжурских гарнизонов в ряде городов и населенных пунктов.

Революция 1905 г. в России оказала большое влияние на развитие освободительного движения на Востоке. В статье «Пробуждение Азии» Ленин писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁶. Многомиллионный китайский народ поднялся на борьбу против маньчжурского ига, иностранного гнета и феодальной эксплуатации. Пробудились угнетенные не-китайские народы Цинской империи.

Революция 1905 г. и связанные с ней революционные события в Забайкалье, в Минусинском крае, освободительное движение бурят, создание Советов в Чите, Красноярске, Верхнеудинске, Иркутске не могли не оказать влияние на развитие освободительного движения аратских масс Внешней Монголии.

В начале XX в. разворачивается аратское освободительное движение в ряде районов Внешней Монголии. Наиболее крупными были аратское восстание под руководством арата Аюши и волнения в Урге и Кобдоском округе. В выступлениях, происходивших почти одновременно в разных частях Монголии, уже наблюдались элементы организованности. Борьба аратов была направлена не только против маньчжурского ига, но и против гнета местных феодалов. Все эти аратские выступления, вспыхнувшие в разных частях страны, слились в общемонгольское освободительное движение 1911 г., приведшее к свержению господства маньчжурской династии во Внешней Монголии.

Выступления аратов под руководством Аюши в Цэцэнгурском сомоне хошуна Дархан-бэйлэ Дзасакту-ханского аймака начались в 1903 г. Отказавшись платить очередную албу в счет долгов хошунного князя Манибазара, араты во главе с Аюши повели борьбу против своего князя. На совместном собрании араты и обедневшие тайджи заявили протест против ростовщических долгов, произвола князя и выработали петицию, в которой излагали жалобы на жестокую эксплуатацию с его стороны. Петиция, являвшаяся своего рода политической платфор-

⁶ В. И. Ленин. Пробуждение Азии.— Т. 23, с. 146.

мой, требовала привлечь к отбыванию повинностей все слои населения, в том числе и князей, ликвидировать албу в пользу князей, создать аратское самоуправление.

Для вручения петиции представителю сейма Дзасакту-ханского аймака и ведения тяжбы с князем Манибазаром было выделено 12 человек во главе с Аюши. В ответ последовали жестокие репрессии со стороны хошунного князя и маньчжурских властей. Аюши и его товарищи подверглись аресту, пыткам и штрафу. Но как только Аюши удалось освободиться, он снова возглавил начатую борьбу против угнетателей.

Борьба аратов в западной части Внешней Монголии под руководством Аюши возобновилась с новой силой в 1911 г., составив часть общего освободительного движения аратства против маньчжурского господства и монгольских феодалов. Отказавшись признать власть хошунного князя, выступив одновременно против маньчжурской власти и китайских ростовщиков, араты организовали народный дугуйлан (Цэцэгнурский) по типу дугуйланов Внутренней Монголии. Араты создали свое собственное управление и, вооружившись чем могли, откочевали в горы.

Аратами этого дугуйлана, возглавляемого Аюши, была составлена петиция из 44 пунктов. Петиция разоблачала эксплуататорскую сущность и произвол монгольских феодалов, маньчжурских чиновников и хищничество китайских ростовщиков.

Преследования маньчжурских и монгольских властей не сломили сопротивления аратов, которые смело доказывали свою правоту в борьбе против хошунного дзасака Манибазара и др. Аратское движение под руководством Аюши продолжалось и в годы автономии Внешней Монголии. Аюши и его соратники активно участвовали затем в Монгольской народной революции 1921 г., а позднее в строительстве новой, народно-демократической Монголии. Аюши умер в 1939 г.

В 1909 г. участились активные выступления аратов в Барге и в Цэцэн-ханском аймаке Халхи. Сформированные под руководством Тогтоха аратские повстанческие отряды громили торгово-ростовщические конторы и лавки, убивали ростовщиков, отбирали товары, изгоняли маньчжурских чиновников и китайских помещиков из монгольских хошунов. В частности, они совершали налеты на Санбэйсэ (ныне г. Чойбалсан). В один из таких налетов была разгромлена контора ростовщической фирмы, являвшейся главным кредитором ургинского хутухты. В конце 1909 г. крупный маньчжурский карательный отряд оттеснил повстанцев к русско-монгольской границе. Тогтохо и многие его соратники нашли убежище в России и временно поселились на территории Забайкалья. Однако отдельные вооруженные группы повстанцев продолжали нападать на конторы и лавки торговцев-ростовщиков и ставки князей в Барге и Халхе.

Наряду с крупными вооруженными выступлениями происходили и мелкие эпизодические вспышки среди аратов против маньчжурских чиновников и ростовщиков. Так, в 1906 г. в Урге началась схватка между аратами-должниками и китайскими ростовщиками, в которую вскоре вмешалась большая группа монголов, в том числе низшие ламы.

В 1910 г. в Урге наблюдались столкновения между ламами и китайскими купцами. При попытке маньчжурской полиции арестовать некоторых монголов толпа бросилась на полицейских и принудила их к бегству. Монголы разгромили ряд магазинов и складов и заставили удалиться явившегося к месту происшествия ургинского амбана Сандо, забросав его камнями и палками. В то же время активизировались выступления аратов Кобдоского округа против китайских ростовщиков и маньчжурских чиновников.

Аратское движение начала XX в. во Внешней Монголии показывает, как в процессе борьбы росло политическое сознание аратских масс. Под влиянием русской революции 1905 г. и китайской революции 1911 г. борьба поднялась на более высокую ступень по сравнению с предыдущим периодом, значительно углубилось классовое содержание борьбы. Араты переходили к более организованным формам движения.

В 1911 г. разрозненные аратские выступления слились в единый поток национально-освободительной борьбы, направленной против маньчжурского господства. Но руководство этим движением захватили монгольские князья, которые стремились использовать его в своих узкоклассовых интересах. Освободительная борьба, главной движущей силой которой было монгольское трудовое аратство, развернувшись в условиях и под воздействием китайской революции 1911 г., привела к свержению маньчжурского господства во Внешней Монголии.

Весь ход событий в период, когда феодальная Внешняя Монголия находилась под властью маньчжурских завоевателей, а именно с 1691 по 1911 г., показывает, что это было чрезвычайно тяжелое время в истории монгольского народа. Господство маньчжурских завоевателей задержало экономическое и культурное развитие Монголии.

Некоторые буржуазные ученые представляли монгольский народ сошедшим с исторической арены. В действительности же и в этот тяжелый период национального и социального угнетения монгольский народ не утратил свободолюбивого духа и героически боролся против маньчжурского ига и против феодального гнета за свою свободу и независимость.

РАЗВИТИЕ МОНГОЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ
(XVIII — НАЧАЛО XX В.)

Выше говорилось, что Россия стремилась к мирному экономическому сотрудничеству с Китаем и Монголией и добилась значительных успехов в этом направлении. С течением времени были урегулированы многие спорные вопросы и уточнены границы между Россией и Цинской империей. Усилились экономические связи путем расширения сухопутной торговли. В XIX в. активизировалась деятельность Российской духовной миссии в Пекине. Начальники этой миссии выполняли роль дипломатических представителей. Многие деятели миссии занимались изучением Китая, Монголии, Тибета и других стран Центральной и Восточной Азии. Труды Российской духовной миссии в этой области явились весьма ценным вкладом в востоковедение. Среди них особенно выделяются работы Н. Я. Бичурина по истории Монголии и Тибета.

До середины XIX в. русско-китайские и русско-монгольские отношения развивались на основе договоров, заключенных между правительствами Российского и Маньчжурского государств — Нерчинского (1689 г.), Бурунского и Кяхтинского (1727 г.). Русско-китайская торговля велась преимущественно в Кяхте, Калгане и Пекине. Караванный торговый путь пересекал Внешнюю Монголию с севера на юг.

В 1858 г. Айгунским, а в 1860 г. Пекинскими договорами была еще раз уточнена русская граница, соприкасавшаяся с Маньчжурией, Баргой, Внешней Монголией и Синьцзяном. Соглашением от 20 февраля 1862 г. предусматривалось установление здесь особой приграничной полосы по 50 верст в обе стороны от рубежей. В этой полосе подданным России и Цинской империи разрешалось вести беспошлинную торговлю.

В 1860 г. русское правительство направило во Внешнюю Монголию, в Ургу, своего первого консула. Привилегии России по торговле во Внешней Монголии были расширены на основе дополнительно подписанных 20 февраля 1862 г. обеими сторонами Правил сухопутной торговли между Россией и Китаем. По этому соглашению кроме торговли в приграничной полосе русским торговым фирмам и отдельным торговцам предоставлялось право вести мелкую торговлю с монголами беспошлинно во всех населенных пунктах Внешней Монголии. Русские купцы, отправлявшиеся со своими товарами в китайский порт Тяньцзинь через Монголию, получили право оставлять пятую часть товаров в Калгане для непосредственной торговли с монголами, но не для оптовой продажи и право торговать в Кяхте и Урге, где еще в XVIII в. были созданы первые русские подворья для обслуживания купцов, участвовавших в торговле с Китаем.

Несмотря на строгие ограничения и запреты цинских правителей, между русскими и монголами установились прочные связи. Пограничное население России и Монголии вступало в непосредственные контакты. Многие жители Монголии самовольно, вопреки запретам переходили границу крупными и мелкими группами и оставались на русской земле на временное или постоянное жительство. Известно, например, что большая группа халхаских монголов в несколько тысяч человек, не желавших принять цинское подданство, бежала из Монголии в Забайкалье в конце XVII в., поселилась там, приняв русское подданство. Монголы перебегали через границу на русскую территорию и позднее, спасаясь от тяжелого гнета цинских правителей, от поборов, от караульной, урточной службы и других феодальных повинностей.

Имели место, хотя и в незначительном числе, переходы русских в Монголию. Это были крестьяне-староверы («семейские»), притеснявшиеся царским правительством и русской православной церковью, беглые крестьяне, считавшиеся в «нетях», политические ссыльные и др. Русские путешественники Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, Г. Н. Потанин и др. отмечали наличие в Монголии отдельных групп русских, переселившихся туда в XVIII и XIX вв. Русские оседали главным образом в долинах рек Селенги, Онона, Орхона и Тэса. Они занимались здесь в небольших размерах земледелием, скотоводством и охотой, различными видами ремесла и вступали в дружественные экономические и бытовые связи с монгольским населением, чем значительно способствовали проникновению в Монголию культуры русского народа.

Наряду с этим происходило проникновение в Монголию русского торгового капитала. Русские купцы по соглашению с местными хошунными князьями строили в Монголии небольшие торговые фактории, создавали товарищества и вели торговлю с монгольским населением. Поэтому ко времени открытия в Урге в 1860 г. русского консульства во Внешней Монголии уже имелось некоторое число русских переселенцев — крестьян, ремесленников и торговцев.

Русские консулы в Урге, а затем в Улясутае, Кобдо поощряли деятельность русских подданных в Монголии, обращая особое внимание на развитие торговли русского купечества. Русские консульства особенно поддерживали чайную торговлю и вывоз из России в Китай пушнины, сукна, тканей через Кяхту — Ургу — Калган — Пекин.

Первоначально в Монголии действовало немного русских торговых фирм. Но уже в 70-х годах XIX в. их насчитывалось несколько десятков.

Для русских купцов, торговавших во Внешней Монголии, открывали кредиты банки и промышленные предприятия России. Большую роль в развитии русско-монгольской торговли сы-

грала Великая сибирская дорога. Построенная Россией в 90-х годах XIX в., она приблизила монгольский рынок к России, способствовала увеличению объема торговли, более быстрому включению Внешней Монголии в мировой рынок.

Главными предметами вывоза из Внешней Монголии в Россию являлись живой скот, пушнина и шерсть. Россия вывозила в Монголию ткани, сукна, муку, бакалейные и другие товары.

Общий оборот русско-монгольской торговли с 1861 по 1900 г. вырос в 80 раз. С открытием Великой сибирской дороги темпы роста торговли усилились. Так, в 1861 г. общий оборот торговли Монголии с Россией составлял всего 218 167 зол. руб., в 1885 г. — 1700 тыс., а в 1900 г. — 16 900 тыс. зол. руб. Дальнейшему развитию русско-монгольской торговли оказал большое противодействие капитал других империалистических держав, усиливший конкуренцию на монгольском рынке и действовавший в основном через компраторские китайские фирмы. Пользуясь поддержкой цинского правительства, компраторы добились значительного преимущества на монгольском рынке. Если в 1880 г. они вывозили из Монголии в порт Тяньцзинь 19 видов сырья, то в 1899 г. вывезено было 40 видов различного сырья, главным образом шерсти, пушнины, овчин и кож. К тому же компраторы держали в своих руках торговлю такими предметами первой необходимости, как чай, табак, далемба и просо.

Не выдержав конкуренции, русское купечество вынуждено было постепенно сократить свои торговые обороты во Внешней Монголии. По данным Кошагачской таможни, на западной границе Внешней Монголии с 1900 по 1909 г., т. е. за 10 лет, ввоз мануфактуры из России во Внешнюю Монголию сократился в 10 раз. То же наблюдалось и по другим таможням. Китайский торгово-ростовщический компраторский капитал сохранял свое господствующее положение на монгольском рынке вплоть до 1911 г., когда политическое положение во Внешней Монголии изменилось в пользу России.

Столкновение империалистических интересов Японии и России на Дальнем Востоке привело к русско-японской войне 1904—1905 гг., закончившейся поражением царизма. Царское правительство было вынуждено вступить в сговор с Японией о разделе сфер влияния. В частности, в 1907 г. было заключено секретное соглашение, по которому Внешняя Монголия признавалась сферой влияния царской России, а Внутренняя Монголия (исключая Баргу) — сферой влияния Японии. Царское правительство согласилось затем на аннексию Кореи Японией. В. И. Ленин назвал этот империалистический акт «обменом» Кореи на Монголию⁷, а русско-монгольское соглашение 1912 г. — «нежным обниманием» Монголии царизмом⁸.

⁷ См.: В. И. Ленин. Тетради по империализму. — Т. 28, с. 669.

⁸ См.: В. И. Ленин. Обновленный Китай. — Т. 22, с. 189.

В своих отношениях с Внешней Монголией царское правительство исходило, конечно, из империалистических своекорыстных интересов господствовавших эксплуататорских классов России. Однако империалистическая политика царского правительства не могла поколебать добрососедских, дружественных связей между широкими массами русского и монгольского народов. Общение с русскими, влияние русской культуры имели положительное, прогрессивное значение для монгольского народа.

Ф. Энгельс указывал, что Россия играла прогрессивную роль на Востоке. Несомненно, что такая роль России была особенно значительной в отношении непосредственного ее соседа — Внешней Монголии. Определяющим моментом в русско-монгольских отношениях до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России было влияние более высокой, чем в феодальной Монголии, культуры русского народа, прогрессивных идей и революционного движения народных масс России.

Велика заслуга научных экспедиций в Монголию, возглавленных такими крупными исследователями, как Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Б. Я. Владимирцов, В. А. Обручев и др. Их труды способствовали ознакомлению широких читательских кругов России с жизнью монгольского народа и усиливали рост симпатий русского народа к монгольским аратам.

Своей научной деятельностью, своим сочувствием к тяжелому положению закрепощенного аратства русские ученые заслужили уважение монгольского народа. Русские исследователи помогли монголам открыть природные богатства их родины, их исторические памятники, вскрыть многогранные стороны хозяйственной и культурной жизни и быта монгольского народа.

Глава 5

КУЛЬТУРА МОНГОЛОВ В XVIII—XIX ВВ.

Культура монголов в этот период развивалась под воздействием ламаистской религии на духовную жизнь монголов в условиях господства маньчжурских завоевателей. Это обстоятельство, конечно, не могло не оставить заметные следы на культуре монгольского народа.

В духовной жизни монголов большую роль играл буддизм, и буддийская образованность составляла существенную часть всей монгольской культуры.

В Монголии наблюдалось то же самое, что и в средневековой Европе, где существовало, по выражению Ф. Энгельса, «верховное господство богословия во всех областях умствен-

ной деятельности» и «само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер»⁹. В монгольской культуре были чрезвычайно сильны феодально-религиозные элементы в противовес народной традиции. Буддийская религия стремилась контролировать всю умственную деятельность монголов. При полной изоляции Монголии от культурного мира вплоть до XX в., явившейся следствием захватнической политики маньчжурских колонизаторов, для монголов притягательным центром не только религиозной, но и всякой другой культуры стал Тибет, родина ламаизма. На пути развития монгольской культуры встречались большие трудности.

В рассматриваемый период получила развитие система религиозного образования. Начальное обучение осуществлялось путем индивидуального ученичества детей 5—7 лет у лам-учителей. Оно ограничивалось самым элементарным знакомством с тибетской грамотой и зубрежкой некоторых начальных молитвенных текстов на тибетском языке. Большинство обучающихся завершали свое образование на этом этапе, пополняя ряды низшего слоя ламства. Следующей ступенью в системе религиозного образования являлись дацаны — специальные школы, где ученики получали более или менее систематическое обучение по основным дисциплинам религии.

Главным предметом в дацанах были основы буддизма, которые ученики проходили по устаревшим, древнеиндийским трактатам в тибетском переводе и по тибетским комментариям. Обучение было сугубо архаичным, схоластичным и сильно сковывало творческое мышление и активную умственную деятельность. Основная цель религиозных школ заключалась в массовой подготовке преданных церкви богослужителей, от которых требовалось не так много — знание основных молитв и ритуалов и тибетского языка. Родной язык и письменность не входили в число предметов, преподававшихся в дацанах, и со временем фактически переставали применяться в сфере религии. Преподавание велось исключительно на тибетском языке, который в конечном счете стал основным языком ламаистской церкви в Монголии.

Говоря о реакционном характере религиозного обучения в Монголии, следует заметить, что ламаистская церковь, создавая школы, не могла обойтись без некоторых элементов светского образования, унаследованных от древнего индо-тибетского культурного мира. Изучение тибетской письменности в обязательном порядке не могло не способствовать распространению знания тибетского языка среди монголов. Учебная программа дацанов, хотя всецело и определялась интересами церкви, все же включала в себя предметы, которые не относились к религиозным дисциплинам.

⁹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— Т. 7, с. 360.

В период чужеземного господства и засилья религии в духовной жизни монгольского общества важную роль в поддержании грамотности в национальной письменности играли традиционные домашние школы. Благодаря этим школам представители светского населения имели возможность приобретать образование. Их основными пособиями служили произведения светской литературы на монгольском языке, и молодежь в большинстве случаев воспитывалась на народных традициях. Из воспитанников домашних школ выходили лучшие грамотей, любители и собиратели книг, сторонники знаний и просвещения.

Следует сказать, что маньчжурская администрация в интересах обеспечения своего господства в Монголии не могла не привлекать самих монголов к деятельности местных органов власти. А для этого требовалось определенное число грамотных, знающих людей из местных жителей. Поэтому маньчжуры должны были создавать отдельные школы в Монголии, где готовились будущие чиновники и писцы для местных канцелярий. В этих школах преподавали монгольскую, маньчжурскую, китайскую письменность и маньчжурские законы. Школы имели чрезвычайно узкий, однобокий характер. Из известных нам архивных данных видно, что одна из первых школ была создана в 1767 г. в Кобдо, где начали обучение 20 детей улотов и мянгад. Примерно в этот период открылась школа в Улясутае. В 70—80-х годах XVIII в. функционировали школы в центрах многих хошунов Ханульского чулгана Тушэту-ханского аймака, школы маньчжурского и монгольского языков (в Урге). В 1898 г. была создана школа, в которой учились дети из хошунов Тушэту-ханского и Цэцэн-ханского аймаков. На содержание школы выделялись 600 ланов серебра ежегодно из казны этих двух аймаков и шабинского ведомства.

В 1908 г. в Хурэ появилась еще одна школа, где обучались дети из Тушэту-ханского и Цэцэн-ханского аймаков и шабинских хошунов. По данным 1911 г., в Дзасакту-ханском аймаке имелись школы монгольского языка в 20 хошунах и в трех шабинских хошунах. В этих школах работали 23 учителя и учились 220 детей. В это же время в Тушэту-ханском аймаке 23 школьника обучались монгольской письменности и 10 детей маньчжурскому, монгольскому и китайскому языкам. В Цэцэн-ханском аймаке в школах монгольского языка насчитывалось 129 учащихся, а в школах маньчжурского, монгольского и китайского языков — 12.

Таким образом, существовавшие в указанный период некоторые светские школы были на деле элементарными школами грамотности. Они, конечно, не могли оказывать сколько-нибудь значительного влияния по сравнению с многочисленными религиозными школами на общий культурный уровень населения. Качество обучения было чрезвычайно низким. В большинстве

своем выпускники так и оставались малограмотными. В лучшем случае они становились писарями, и лишь немногие делали карьеру в качестве чиновников в местных органах администрации. В материальном отношении школы всегда находились в трудном положении. Основная масса средств и продуктов питания для учащихся взималась с народа. Характерно, что некоторые школы оказывались в задолженности у китайских ростовщиков и торговцев. В петиции, поданной в декабре 1910 г. на имя маньчжурского наместника в Улясутае, правители хошунов Сайн-нойон-ханского аймака настоятельно просили наместника «освободить их хошуны, и без того разоренные из-за различных видов повинности, от долгов, наделанных школами». Однако маньчжурский наместник ответил, что хошуны сами должны погасить задолженность своих школ.

Монголия в XVIII—XIX вв. по характеру и состоянию своей духовной культуры напоминала средневековую, феодальную Европу, в которой «своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах. Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»¹⁰.

При тогдашнем положении в Монголии только ламы имели возможность заниматься умственной деятельностью, всецело подчиняясь интересам ламаистской церкви и господствующего феодального класса.

В основе знаний и всякой умственной деятельности лежала буддийская догма. Знание в целом носило религиозный характер и было оторвано от жизни. Основная масса ламства занималась религиозной проповедью, всячески помогая воспитывать трудящихся в покорности и преданности их господам. Тем не менее были отдельные ламы, которые серьезно интересовались научными дисциплинами и занимались переводами древнеиндийских и тибетских трудов на монгольский язык.

Так, в 1718—1720 гг. был опубликован ксилографическим способом «Ганжур» (108 томов), переведенный, как сказано выше, в период правления Лигдэн-хана. В 1741—1749 гг. был издан перевод на монгольский язык буддийской энциклопедии «Данжур» ксилографическим способом в 225 томах. Переводу «Данжура» предшествовала большая подготовительная работа по разработке монгольской, буддийской и научной терминологии и правил перевода древних текстов на монгольский язык. Был составлен известный тибетско-монгольский терминологический словарь «Источник мудрецов» («Мэргэд гархын орон»). Пере-

вод этих двух крупнейших собраний буддийской литературы явился большим достижением монгольских переводчиков. По своему содержанию не все тексты, переведенные на монгольский язык, относятся к религиозной литературе. Среди них немало научных и литературных работ. «Данжур» представляет собой богатую коллекцию трудов древнеиндийских и отчасти тибетских авторов по различным отраслям знания (философия, логика, лингвистика, поэтика, медицина, искусство, астрология, математика и т. д.).

Литературная деятельность в Монголии того времени не ограничивалась переводами. Монгольские авторы создали довольно обширную литературу, правда, главным образом на тибетском языке, поэтому она называется тибето-язычной монгольской литературой. Труды монгольских авторов на тибетском языке охватывают широкий круг предметов, начиная с религиозной догматики и кончая логикой, грамматикой, историей, поэтикой и медициной. Следует отметить, что монгольские тибетоязычные произведения формировались под сильным воздействием индо-тибетской буддийской литературы и религиозной догмы, поэтому большинство этих сочинений имеют характер духовной литературы.

Из авторов, писавших свои труды на тибетском языке, кроме Зая-пандиты Лувсанпрэнлэя, о котором шла речь в предыдущей главе, известны следующие: Сумба-хамбо Ишбалжир (1704—1788), Лхарамба Агвандандар (1759—1852), Лувсандагва-Даржа (1734—1803), Агванхайдав (1779—1838), Агванбалдан (1797—1864), цахар-гэвш Лувсанчултэм (1740—1810), гуши Цэмбэл, Дармадала, Жамьянгарав (конец XIX — начало XX в.) и др.

Примечательным явлением в духовной жизни монголов в тот период было возникновение религиозного обновленческого течения, нашедшего отражение главным образом в тибетоязычной литературе. Представителями этого течения были названные выше Агванхайдав и Агванбалдан, а также Агвандорж, Шижэ (XIX в.), нойон-хутухта Равжай (1803—1856), аграмба Дандар (1835—1915), Зава Дамдин (1867—1937) и др. В их трудах подвергаются острой критике невежество и аморальность высших лам, а также алчность и жестокость монгольских феодалов и маньчжурских правителей. Особенно интересны небольшие по объему, но глубокие и острые по содержанию сочинения Агванхайдава — основоположника обновленческого течения в Монголии: «Послание в адрес победоносных бурханов, бодисатв десяти сторон света, великих драгоценных владык буддийского учения»¹¹, «Гротовое колесо, размалывающее невежество, побуждаемые чертями», «Ясная биография» и др. В первом из

¹⁰ Ф. Энгельс. Юридический социализм. — Т. 21, с. 495.

¹¹ Это произведение было переведено и опубликовано после победы народной революции в журн. «Лам нарын сэтгүүл» (1936, № 2).

перечисленных сочинений автор характеризует «великих» лам как «невежественных людей, носящих лишь желтое одеяние, но разбогатевших путем спекуляций и ростовщичества» и «наносящих вред и страдания людям». В этом же сочинении автор критикует маньчжурских завоевателей, которые «вредят людям потому, что обладают их телом и имуществом», а «законы маньчжурского императора приумножают страдания народа». В другом сочинении Агванхайдав разоблачает лам-хубилганов. Он пишет, что хубилганы, предающиеся пьянству, разврату и безудержной жажде наживы, «глупее свиньи» и «вреднее змеи».

Обновленческие идеи оказали заметное влияние на последующую литературную деятельность монгольских авторов и пользовались особой популярностью среди ламства и даже после победы народной революции. Вместе с тем критика и разоблачение пороков представителей ламаистской религии и господствующего класса в Монголии не выходили за рамки обычного обновленческого или реформистского движения, которое также имело место в истории других народов в средние века. В условиях монгольского средневековья обновленческое течение могло возникнуть только в форме религиозных наставлений «еретиков», подобно тому как это наблюдалось в странах Европы.

Несмотря на трудности, монгольский народ продолжал создавать свои духовные ценности. Его прогрессивные деятели во имя умножения светских знаний воспринимали по мере возможности все передовое от других стран, создавали оригинальные труды по некоторым отраслям знаний, особенно по восточной и монгольской филологии, истории, медицине и т. д. Характерно, что в период иноземного ига уделялось внимание изучению родного языка и истории страны. Был написан ряд значительных работ по монгольской грамматике (Комментарий к «Сердечному покрову» Данзандагвы, «Украшение речи» Агвандандара, труды Билигун-Далая, «Поучение разума» Тохтохтура, «Золотое зеркало» о правилах монгольского письма Лхамсурэна и др.). Авторы многих трудов продолжают и развивают филологическую традицию Чойжи-Одсора — создателя первой монгольской грамматики. Ценность грамматических работ монгольских авторов состоит в том, что в них разработаны основные вопросы монгольской грамматики, особенно орфографии и фонологии.

Монгольские авторы занимались и изучением других языков, прежде всего тибетского и санскритского, а также составлением двуязычных и многоязычных словарей. Из трудов, написанных монгольскими авторами по тибетской и санскритской грамматике, наиболее известны сочинения Зая-пандиты Лувсанпрэнлэя, Сумба-хамбо Ишбалжира, Агвандандара, Лувсандаша, Бичээж-цоржи Агвандоржа и т. д. Грамматические трактаты тибетского автора Тонмисамбхаты (VII в.) пользовались большой популярностью в Монголии. Многие труды монгольских

лингвистов посвящены толкованию этих же трактатов. Успехи лингвистики в Монголии следует связывать с положительным влиянием древнеиндийской лингвистической мысли. В XVIII в. были переведены с тибетского на монгольский язык основные грамматические трактаты индийских и тибетских авторов и включены в монгольский «Данжур». Знаменитая грамматика Панини «Панинивыякарнасутра» была переведена на монгольский язык переводчиком Сумадишидой (Лувсанчултэм, род. в 1694 г.?). По современным подсчетам, в монгольском «Данжуре» содержится свыше 30 грамматических сочинений индийских авторов.

Монгольские авторы написали ряд интересных трудов по теории поэзии на тибетском языке. Они представляют собой различного рода толкования упомянутого выше трактата по теории поэзии «Кавьядарша» («Зерцало поэтики») Дандина (VII в. н. э.), переведенного на монгольский язык в XVIII в. Гэлэгжалцаном.

В XVIII—XIX вв. вышел ряд крупных исторических произведений: «Течение Ганги» гуна Гомбожава, «Золотое колесо с тысячью спиц» Ширээт-гуша Дарма, «Хрустальные четки» Рашипунцага, «Драгоценные четки» Галдана, «Синяя книга» и др. Монгольские тибетоязычные исторические произведения довольно многочисленны: исторические труды Сумба-хамбо Ишбалжира, «История буддизма в Монголии» гуши Цэмбэла, «История буддизма в Монголии» Дармадалы и т. д.

Монгольская историография XVIII—XIX вв. в целом сделала шаг вперед по сравнению с предыдущим периодом. В это время значительно расширилась тематика исторических исследований, улучшилась методика и техника написания истории, намного увеличилось количество источников, используемых монгольскими историками.

Значительным достижением монгольской историографии следует считать, также зарождение в ней критического направления, представители которого высоко ценили историю, призванную сохранить народную память об историческом прошлом страны в условиях чужеземного господства.

Крупным представителем критического направления был Рашипунцаг, написавший в 1775 г. «Историю Юаньской империи». Для него характерно критическое отношение к источникам. Он пытался, порою весьма удачно, критически осмыслить и проанализировать те или иные исторические события. Больше того, Рашипунцаг в заключительной части своего сочинения своеобразно обосновал необходимость критики и полемики при написании истории.

Положительным явлением в монгольской историографии было стремление авторов расширить исторические знания народа. Монгольские летописцы занимались исследованием истории Китая, Тибета, Индии и других стран Азии, тщательно изучая ис-

торические источники. В качестве примеров можно привести Сумба-хамбо Ишбалжира, гуна Гомбожава, написавших крупные труды по истории Индии, Китая и Тибета. В трудах Сумба-хамбо сообщаются ценные исторические сведения о Турецкой империи и ее столице Стамбуле, о мусульманских странах, о Мекке, России и Москве, Германии и т. д.

В XVIII в. в Монголии появляются переводы некоторых работ по естественным наукам; в частности, в 1712 г. было переведено с китайского на монгольский язык так называемое «Сочинение о координатах» («Сольбицан барих бодрол бичиг»).

Интересным памятником монгольской культуры середины XIX в. являются этико-экономические наставления Тохтохтура, Дзасак-нойона Цэцэн-ханского аймака.

О юридических и правовых знаниях монголов можно судить по таким крупным памятникам монгольского феодального права, как «Халха-Джирум» XVIII в. и «Их цааз» («Монголо-ойратское уложение») 1640 г. Примечательно, что в памятниках монгольского права продолжали сохраняться древние монгольские традиции правового регулирования жизни кочевого общества, несмотря на господствующее положение маньчжурского законодательства в Монголии.

Характерной чертой и особенностью художественной литературы в XVIII—XIX вв. является заметное усиление в ней двух основных направлений — религиозно-феодального и светско-демократического.

Ламаистская церковь внушала верующим мысль о том, что для благополучия семьи присутствие в доме буддийских сутр необходимо так же, как и изображений — фигур бурханов. Поэтому в Монголии трудно было найти семью, где бы не было религиозной сутры, независимо от того, умели ее читать или нет.

Чаще всего сутру держали как предмет религиозного культа, поэтому по степени ее распространения нельзя судить о популярности той или иной книги среди монголов. Основная цель религиозных литературных произведений заключалась в популяризации в доходчивой и занимательной форме буддийских идей среди народных масс. Авторы таких произведений, обещая одним райское блаженство и запугивая других адом и адскими муками, пытались держать народ в полном повиновении и покорности и отвлекать их внимание от насущных земных дел и забот и тем самым защищать религию и существующий строй. К числу подобных религиозных произведений можно отнести намтары (биографии) святых типа намтара Нэйжи-тойна, «Повесть о Молом тойне», «Повесть о Ногон-дар-эх», «Повесть о Цаган-дар-эх», «Лунная кукушка» и др.

Основная масса религиозных произведений в Монголии являлась переводной литературой и оставалась далекой от жизни и интересов простых людей, хотя и предпринимались попыт-

ки приспособить их к монгольской среде, используя форму и средства народного поэтического творчества. В истории литературных связей Монголии с Индией и Тибетом определяющее значение имела не религиозная литература, распространявшаяся в монгольских степях, а их светские литературные произведения.

Широкой популярностью пользовались среди монгольских читателей сокращенные рассказы из знаменитого древнеиндийского эпоса «Рамаяна», монгольский перевод «Субхашид» тибетского автора Гунгажалцана (1182—1251), отдельные рассказы из «Панчатантры», «Рассказы ветапы» (монг. «Волшебный мертвец» — «Шидит хуур»), повести о царе Викрамадिति («Бигармижид хааны тууж»), царе Боржа («Арж Борж хааны намтар») или «32 модон хуний улгэр» («Сказки 32 деревянных воинов»), царе Гэсэнэ («Гэсэнэ хааны намтар») и др.

Индо-тибетские повести и рассказы нашли благоприятную почву в Монголии благодаря тесным связям с народным поэтическим творчеством, которое, естественно, было гораздо ближе и понятнее монгольскому народу, чем религиозные произведения. Они часто распространялись в Монголии в переработанных и адаптированных вариантах, соответствующих вкусам и интересам монгольских читателей. Среди них немало повестей и рассказов, которые, омонголизовавшись в местной среде, приобрели характер монгольского народного поэтического творчества, лишь напоминая индийский или тибетский оригиналы.

В XVIII—XIX вв. переводились некоторые произведения китайской художественной литературы («История трех царств», «Путешествие на Запад», «Сон в красном тереме», «Цзин, Пин и Мэй», новеллы Пу Сунлина и др.). Однако нужно отметить, что эти произведения не получили сколько-нибудь широкого распространения в Монголии, они были достойным лишь ограниченного круга образованных людей. Только во Внутренней Монголии отдельные сказители передавали устно содержание тех или иных китайских романов. В целом влияние китайской литературы в Монголии по сравнению с индийской или тибетской было незначительным. Это объяснялось тем, что к периоду, когда начали переводить китайскую литературу, в Монголии была уже прочно утвердившаяся национальная литература и богатое устное поэтическое наследие, а также опромная масса переводной буддийской литературы, как религиозной, так и светской, перешедшей вместе с буддизмом из совершенно другого культурного мира.

В противовес религиозной литературе в данный период получает дальнейшее развитие и оригинальная светская литература монголов. К концу XIX в. усиливается ее демократическая и критическая направленность.

В этот период новый размах приобрело развитие фольклора. В период маньчжурского ига появилось много произведений, остроты которых было направлено против монгольских феодалов

и лам, а также их маньчжурских хозяев и китайских ростовщиков и торговцев. В условиях иноземного господства в народе распространялись многочисленные былины, которые рассказывали о победе народного героя-богатыря над многоголовым чудовищем (мангас).

Фольклор в маньчжурскую эпоху обогатился новой формой, известной под названием «Бадарчины улгэр» («Рассказ странника»). Бадарчин — колоритная фигура в старой Монголии. Он постоянно странствует, со всеми общается, наблюдает жизнь в различных ее проявлениях. С таким персонажем легко связывать всякого рода истории и приключения. В Монголии создан целый цикл рассказов, героем которых выступает бадарчин. Многие рассказы цикла «Бадарчины улгэр» носят ярко выраженный антифеодальный и антиламский характер.

Близко примыкает к «Бадарчины улгэр» и другая серия рассказов, главный герой которых — Балансэнгээ. Эти произведения часто проникнуты антифеодальным и антиламским духом. Ловкий, находчивый, остроумный Балансэнгээ, одурачивающий то лам, то торговцев, был очень популярен в народной среде.

Большой любовью простых людей пользовались талантливые народные сказители, писатели, поэты-импровизаторы (ероолч, магтаалч, улгэрчин). Они приглашались в кочевье арата не реже, чем ламы.

Характерно появление в XVIII в. сказания об Амурсане, возглавившем в середине XVIII в. восстание ойратов и хотгойтов против маньчжурских завоевателей. Сказание представляет собой запись одной из народных легенд об Амурсане, широко распространенных среди народа. Оно замечательно прежде всего тем, что повествовало о героической борьбе народных масс против иноземных захватчиков и вселяло в народ надежду на наступление дня освобождения страны от поработителей и угнетателей.

Примечательным явлением в истории монгольской литературы следует считать тот факт, что в конце XIX — начале XX в. в ней наблюдается заметный отход от старых традиций и религиозных сюжетов, приближение к действительности, интерес к простым людям, их жизни и земным делам и заботам.

Даже в традиционном направлении монгольской литературы имели место некоторые новые явления. В этом отношении характерны произведения нойон-хутухты Равжай (1803—1856), выходца из монгольского ламства, писавшего свои сочинения как по-монгольски, так и по-тибетски. Хотя в его творчестве и преобладали религиозные мотивы, однако у него есть немало произведений, написанных на светские, гражданские темы, воспевающих любовь, радость в жизни или остро критикующих пороки представителей религии и феодального общества.

Равжай — автор ряда песен, близких к народным и завоевавших большую известность. Он же является зачинателем лю-

бовной лирики в монгольской литературе. В частности, его песни «Преисполненная лучших качеств» («Улэмжийн чанар»), «Ур хан хонгор» и др. приобрели широкую популярность благодаря своей лиричности, их поют до сих пор в Монголии.

Представителями нового, реалистического направления в монгольской литературе были Хуульч-Сандаг (первая половина XIX в.). Инжиннаш (1837—1892), Гэлэгбалсан (1846—1923), Данзанванжил (1854—1907), Хишигбат (1849—1916) и др.

Хуульч-Сандаг был родом из хошуна Говь Мэргэн-вана Тушэту-ханского аймака. Он был талантливым поэтом, восхищавшим своих современников даром мгновенной импровизации.

Его произведения, обычно небольшого объема, остроумные по содержанию, назывались «Слово» («Уг»). К таким сочинениям относятся: «Слово тающего снега» («Хаврын хайлаад урсаж байгаа цасны хэлсэн уг»), «Слово волка, попавшего в лову» («Авын хоморгонд орсон чонын хэлсэн уг»), «Слово антилопы, попавшей в западню» («Хажинд орсон зээрийн хэлсэн уг»), «Слово верблюжонка, разлученного с маткой» («Эхээс салсан ботгоны хэлсэн уг»), «Слово сторожевой собаки» («Тэжээсэн нохойн хэлсэн уг»), «Слово о хороших и плохих чиновниках и писарях» («Сайн муу тушимэл бичээч нарыг хэлсэн уг») и др. В произведениях Хуульч-Сандага говорится о трудной жизни и заботах арата-скотовода и в какой-то мере воссоздается картина жизни на стойбищах скотоводов. Поэт вводит в литературу нового героя — арата-скотовода. В этом основная заслуга Хуульч-Сандага как писателя.

В реалистическом изображении жизни народа дальнейшие шаги делает Гэлэгбалсан (родом из того же хошуна, что и Сандаг), живший несколько позднее. С 30 лет он начал свою творческую деятельность. Он прожил трудную жизнь, служил караванщиком на торговом тракте между Монголией и Пекином. Будучи талантливым поэтом и народным сказителем, он сочинял большие ероолы (благопожелания). Из его произведений следует назвать «Как у неба просили дождя» («Тэнгэрээс хур бороо гуйх ероол»), «Благопожелание наадама» («Наадмын ероол»), «Благопожелание айрага» («Аргийн ероол»), «Благопожелание девяти белых» («Есун цагааны ероол») и др. В первом произведении автор с большой реалистичностью показывает бедствия скотоводов во время разгула стихии, засухи. Поэту близки и понятны горести и страдания народа.

В произведениях Инжиннаша и Хишигбата сильнее всего звучат социальные мотивы, критическая и обличительная направленность. Творчество Инжиннаша (Внутренняя Монголия) характеризовалось тем, что он создал первые монгольские романы («Синяя книга», «Одноэтажный павильон»), в которых дана критика лам и феодалов. В предисловии к роману «Синяя книга» Инжиннаш решительно осуждает уход монголов в монастыри, слепое служение религии и расценивает их поступки как

противоречащие интересам народа. Увеличение числа лам нагубно сказывается на рождаемости, на приросте населения. Не менее острой критике автор подвергает светских феодалов.

Особое место в развитии нового, критического направления в монгольской литературе занимает творчество Хишигбата. Он родился и вырос в семье бедного скотовода Равжаа в хошуне Ушин (Ордос). Много лет был батраком. С детства он овладел грамотой и упорно занимался самообразованием. Будучи образованным человеком, Хишигбат довольно продолжительное время служил чиновником в своем хошуне. Когда в Ордосе возникло антиманьчжурское, дугуйланское движение, он примкнул к нему. В конце концов поэту-бунтарю пришлось оставить службу навсегда. Его перу принадлежат такие произведения, как «Иноходь двух коней» («Хос морины сайвар»), «Высокое синее небо» («Өндөр хөх огторгуй»), «Скверные времена» («Муу цаг»), «Равенство» («Адил тэгш»), «Дугуйланы» («Эрхэм олон дугуйлан») и др.

Хишигбата по праву называют поэтом-бунтарем, активным борцом за освобождение народа. Его произведения по своему социальному звучанию и художественным достоинствам ознаменовали крупный шаг вперед по пути развития монгольской литературы и современному реализму. Однако в то время слишком сильна была феодально-религиозная идеология, чтобы робкие ростки критического направления в монгольской литературе могли нормально развиваться.

Усиление позиции ламаистской религии и владычество маньчжурских захватчиков в XVIII—XIX вв. оказывали сильное влияние на искусство монголов. Предметы искусства создавались главным образом по заказам и в интересах церкви.

При монастырях были сосредоточены талантливые мастера-литейщики, художники, ювелиры, декораторы и др. Их усилиями было создано в Монголии религиозное изобразительное искусство, которое, хотя и перенимало образцы индо-тибетского буддийского искусства, отличалось национальным своеобразием. Монгольские мастера в своем творчестве должны были строго руководствоваться каноническими предписаниями религиозного искусства. Тем не менее многие мастера оставались верными навыкам и средствам художественного творчества, накопленным поколениями народных умельцев. Поэтому художественные изделия монгольских мастеров — будь то рисунок или изваяние — легко можно отличить от подобных же работ тибетских или китайских мастеров.

Художественные традиции страны сохранялись в гуще народа. Народные умельцы, создавая даже предметы, имеющие сугубо утилитарное назначение, старались всячески украсить их. Такие обычные бытовые предметы, как седла, стремяна, ножи, замки, домашняя утварь, мебель, юрты и др., часто отличались

высоким художественно-эстетическим вкусом, носившим черты кочевого образа жизни монголов.

Монгольские мастера были и искусными ювелирами. Из драгоценных металлов, чаще всего из серебра, они делали кольца, перстни, браслеты, серьги, женские головные уборы и т. д. Монголы любили украшать предметы конского снаряжения. Русских путешественников конца XIX — начала XX в., побывавших в Монголии, удивлял контраст между чрезвычайной бедностью скотоводов и богатством убранства лошадей, украшением одежды, трубок, табакерок и т. д.

П. К. Козлов писал, что монголы «стараясь перещеголять друг друга резвыми иноходцами и убранством седел. Золото, серебро, цветные камни, шерстяные и шелковые ткани играют большую роль в нарядах кочевников». Г. Н. Потанин также отмечал, что среди монголов есть очень хорошие мастера серебряных дел.

В предметах быта нашло особенно яркое выражение народное искусство Монголии. Народные умельцы свободнее всего выражали свои художественно-эстетические вкусы именно в изделиях для скотоводов. Эти изделия вызваны к жизни потребностями кочевого образа жизни. Традиционными продуктами скотоводческого хозяйства были кроме продуктов питания кожа и шерсть. Из кожи и выделяемого из шерсти войлока монголы изготавливали самые разнообразные предметы быта, хозяйства, из которых многие представляли большую художественную ценность и свидетельствовали о мастерстве монгольских умельцев. Художественная вышивка, аппликация, тиснение по коже, узорное шитье и другие средства художественной отделки одежды и предметов обихода достигли заметного развития в рассматриваемый период. Традиции народного искусства сохранились вплоть до нового времени.

В XVIII—XIX вв. нашла свою законченную форму развития монгольская культовая архитектура в связи с постройкой многочисленных монастырей по всей Монголии. Создаются монументальные сооружения, в которых господствуют смешанные монголо-тибетский и тибето-монгольский стили. При строительстве монастырей получили дальнейшее развитие и юртообразные здания.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА В 1911—1912 гг. ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Глава I

ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1911—1912 гг.

Начало XX в. застало Монголию на грани полного обнищания и разорения. В усиленной эксплуатации монгольского народа, в разрушении производительных сил страны с одинаковым рвением участвовали внутренние и внешние эксплуататоры, а именно монгольские светские и духовные феодалы, маньчжуро-китайская бюрократическая администрация, иностранный, особенно китайский, торгово-ростовщический капитал и, наконец, международный империализм. Это, естественно, привело к упадку базы экономики — экстенсивного кочевого скотоводства. Повсеместно наблюдалось разорение аратских хозяйств, целых хошунов и районов, основное богатство страны — скот — все больше концентрировалось главным образом в руках небольшой кучки крупных феодалов и китайских ростовщиков. Массы же аратов, лишившись скота — средства пропитания, превращались в пастухов чужих стад, влача нищенское и полуголодное существование. Свиристествовали голод и разруха, страна переживала глубокий экономический и социально-политический кризис.

Многочисленные материалы, как официальные, так и приводимые в трудах исследователей и путешественников, ярко рисуют глубину и остроту этого кризиса. Укажем для примера на хошун Цэрэн-дзасака Тушэту-ханского аймака, аратство которого в 1892 г. обязано было уплатить хошунную задолженность купцам-ростовщикам на сумму более 100 тыс. ланов и внести в аймачное управление (джисан) на разные казенные нужды обременительный натуральный и денежный оброк. Араты этого хошуна должны были, кроме того, приобретать новое вооруже-

ние и снаряжение для солдат своих сомонов, снаряжать для населения пограничной службы воинские отряды. Как признавали сами власти этого хошуна, всего имущества аратов не хватило бы для погашения лежавших на них обязательств. Естественно, что аратство хошуна с каждым годом все более утрачивало хозяйственную самостоятельность. Через 20 лет, в 1912 г., хошун посетил русский путешественник Свечников, который отметил, что араты здесь занимаются лишь тем, что пасут стада китайских ростовщиков и возят их товары.

В хошуне Гончик-Чойнджон-дзасака Сайн-нойон-ханского аймака в 1912 г. на одно аратское хозяйство приходилось в среднем всего по 2 головы рогатого скота, по 12 овец и коз. Такое количество скота не могло прокормить аратов, задавленных феодальными поборами и повинностями. Они вынуждены были добывать себе средства к существованию разными побочными заработками. Такое бедственное положение аратов усугублялось еще тем, что задолженность этого хошуна китайским фирмам равнялась в среднем 100 ланам на одно аратское хозяйство.

В хошуне Балдан-дзасака того же аймака хошунный дзасак, исчерпав все обычные источники доходов, не нашел ничего лучшего, как обложить особым сбором нищих за право собирать милостыню. С тех пор нищие должны были выделять часть своих «доходов» в пользу владетельного феодала. Положение в большинстве других хошунов Монголии мало чем отличалось от описанного выше.

Разнузданное, ничем не ограниченное ограбление монгольского аратства обогащало светских и духовных феодалов, торговцев-ростовщиков, в руках которых скапливались огромные богатства. Но эти богатства не вели к подъему народного хозяйства и созданию нового, более передового способа производства.

По уровню своего развития Монголия в это время была очень отсталой страной. Маньчжурская династия сделала все, чтобы лишить монгольский народ условий, необходимых для социально-экономического и культурного развития. Вследствие исключительной отсталости монгольской экономики и низкого уровня развития ремесла и промышленности араты, теряя скот, превращались в людей, труд которых не мог найти себе производительного применения.

Колониальное угнетение и жесточайшая феодальная эксплуатация были основным препятствием на пути культурного развития монгольского народа. Естественным результатом такой политики была почти поголовная неграмотность населения. В стране не издавалось газет и журналов.

Маньчжурское иго губительно отразилось не только на материальных условиях жизни монгольского народа, не только на его культурном уровне, но и на его физическом состоянии.

К концу маньчжурского господства почти $\frac{1}{3}$ мужского населения страны составляли ламы, связанные обетом безбрачия, что неизбежно приводило к падению рождаемости. Вместе с тем в Монголии находилось много китайских купцов-ростовщиков и их служащих, проживавших в стране временно и без семей. Все это не могло не влиять отрицательно на монгольскую семью. Тибетская медицина, будучи единственным видом доступной народу медицинской помощи, не могла предохранить аратство от распространения болезней. Массовому распространению социальных болезней и различных эпидемий способствовали антисанитарное состояние жилищ, пищи и низкий уровень всего бытового уклада.

Бедственные условия жизни монгольского народа толкали его на путь борьбы за уничтожение порядков, принесших ему бесконечные страдания. В конкретных условиях конца XIX — начала XX в. главным препятствием для прогресса Монголии было господство Цинской династии. Свержение маньчжурского колониального господства и гнета китайского ростовщического капитала было основной задачей, стоявшей перед монгольским народом. Без этого монгольский народ не мог преодолеть вековую отсталость и выйти на путь прогресса.

В стране все больше росло недовольство, выливавшееся в стихийные выступления аратов против цинских властей. Эти выступления, особенно участвовавшие под влиянием революции 1905 г. в России, свидетельствовали о том, что идеи освободительной борьбы начали овладевать аратскими массами. Наряду с этим росли симпатии аратства к России, к великому русскому народу, героически боровшемуся против царизма. Росту симпатии к России не могла помешать даже хищническая деятельность русских купцов, мало чем отличавшаяся от деятельности китайских ростовщиков.

При всем этом формирование революционного сознания аратства чрезвычайно затруднялось его раздробленностью, его рассеянностью на огромной территории, где на каждого человека приходилось в среднем 2—3 кв. км площади, при отсутствии иных средств связи и общения, кроме лошади и верблюда. Огромные трудности возникали также в связи со всей системой ламаистского идеологического воздействия на аратов, когда им с детского возраста внушались религиозная мистика и благоговейное преклонение перед ламами, особенно высшими, а также перед своими господами-феодалами.

Класс крепостного аратства был основной движущей силой национально-освободительного движения в Монголии, развернувшегося под влиянием русской революции 1905 г. и в тесной связи с начавшейся революцией в Китае. Однако общие условия, как внутрисполитические, так и внешнеполитические, были неблагоприятны для аратства. В Монголии не существовало национального рабочего класса, который мог бы возглавить все-

народное восстание и обеспечить его победоносное завершение. Аратство Монголии не имело и достаточного опыта организованной борьбы, не имело своей политической революционной организации. Руководство движением оказалось поэтому в руках феодалов и высшего ламства. Плоды народной борьбы на этом этапе достались феодалам и высшим ламам.

Отношение монгольских феодалов к Цинской династии стало с конца XIX в. резко меняться. Так называемый новый курс политики цинских правителей в Монголии, сохранявшей ранее относительно обособленное положение в Цинской империи, вызывал недовольство даже среди феодалов, которые не могли не искать пути к национальному освобождению страны от иноземного гнета, преследуя, разумеется, свои классовые интересы и цели. Это объяснялось главным образом поворотом цинской политики в Монголии, ставившей целью колонизацию монгольских земель, увеличение в Монголии численности маньчжурских войск, отстранение монгольских феодалов от управления страной и усиление маньчжурской администрации и экономического господства китайского торгово-ростовщического капитала. Рост антиманьчжурских настроений среди феодалов в немалой степени был связан также с общим ослаблением внешних и внутренних позиций Цинской империи. Этому же способствовали прогрессирующее разорение страны и обнищание аратства, что вело к сужению возможностей феодальной эксплуатации аратов. Наконец, на путь борьбы с маньчжурским господством толкало монгольских феодалов расширение и углубление стихийной национально-освободительной борьбы аратства, угрожавшее перерасти в борьбу против феодалов. Монгольские князья добивались освобождения страны от иноземного гнета не потому, что отстаивали интересы своего народа, а потому, что хотели поставить во главе Монголии, уже освободившейся от маньчжурского ига и восстановившей свою государственную независимость, своего хана, который передал бы в их руки безраздельное господство над народом, вернул бы им монопольное право на эксплуатацию аратства.

Чувствуя свою слабость, монгольские ханы и князья искали опору в русском царизме, с помощью которого надеялись освободиться от власти Цинской династии, добиться провозглашения государственной независимости Монголии, удержать в повиновении аратство и сохранить свои привилегии.

Таким образом, к 1911—1913 гг. складывались реальные условия для общенациональной борьбы в Монголии за свержение маньчжурского колониального режима в стране и ликвидацию китайского торгово-ростовщического капитала.

СВЕРЖЕНИЕ ЦИНСКОГО ГОСПОДСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНО-ТЕОКРАТИЧЕСКОГО МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В эпоху империализма Монголия стала объектом острой межимпериалистической борьбы. Богатейшие естественные ресурсы страны и ее выгодное географическое положение привлекали к себе внимание империалистических государств Старого и Нового света. Но главными претендентами на господство в Монголии выступили Япония и царская Россия.

Монголия привлекала внимание японских империалистов не только своими богатствами, но и как плацдарм для агрессии против Китая и России. Именно эти устремления были впоследствии положены империалистической Японией в основу так называемого плана Танака.

Политика царской России в Монголии определялась, с одной стороны, целями обороны против будущей агрессии Японии, а с другой — заинтересованностью русского капитала в монгольском рынке. Если до русско-японской войны царская Россия воздерживалась от активной политики во Внешней Монголии, находившейся в стороне от основных направлений ее империалистической политики, то после войны и заключения ряда соглашений с Японией о разделе сфер влияния положение изменилось. Внешняя Монголия стала занимать серьезное место в политике царской России на Дальнем Востоке.

Особую заинтересованность во Внешней Монголии проявляли русское купечество и фабриканты, нуждавшиеся в экспорте своей продукции и источниках дешевого сырья. Их попытки укрепить свои позиции в Монголии встречали сопротивление китайского торгово-ростовщического капитала, превратившегося в приказчика крупных американских, английских и японских фирм. Опираясь на эти фирмы, пользуясь поддержкой цинских властей, китайские купцы почти монопольно владели монгольским рынком, вытесняя оттуда русские товары и русских капиталистов. Это вело к тому, что пассив русско-монгольской торговли из года в год увеличивался, вынуждая русских капиталистов покрывать его ввозом в Монголию драгоценных металлов. До свержения маньчжурского господства вывоз товаров из России в Монголию был в несколько раз меньше ввоза в Россию сырья из Монголии. Монголия была важным источником сырья для русской промышленности. Уже в 1909 г. Монголия поставляла 12% кожевенного сырья, покупаемого Россией за границей, 13% шерсти и пушнины, 25,5% конского волоса, 10,5% крупного рогатого скота, 10,8% лошадей и 24,9% мелкого рогатого скота.

Богдоханская монархия в Монголии (1911—1919)

Русские купеческие круги и фабриканты пытались создать организацию, способную противостоять конкуренции на монгольском рынке. В 1912 г. в Москве было учреждено так называемое «Русское экспортное товарищество», во главе которого встал известный миллионер, фабрикант и купец Рябушинский. Это «Товарищество» открыло в Урге и Улясутае свои отделения. Но всего этого оказалось недостаточно для преодоления конкуренции. Крупное купечество и промышленные круги добивались активизации политики царизма, требуя эффективных мер по «охране» их интересов в Монголии. Дворянство и придворная знать, заинтересованные в колониальных авантюрах, в свою очередь, оказывали давление на внешнюю политику царского правительства, также настаивая на ее активизации в Монголии. Новый курс маньчжурской политики на усиление колонизации Монголии вызывал недовольство правящих кругов царской России. Осуществление этой политики серьезно затруднило бы русскому царизму выполнение его собственных экспансионистских планов.

Однако правительство царской России вынуждено было осторожно приближаться к осуществлению своих планов в Монголии. Оно опасалось, что политика прямых действий вызовет нежелательную реакцию других империалистических государств.

Империалистическая Япония уже в то время всеми мерами стремилась установить свое господство в Монголии. Ее очередной задачей в этот период было закабаление Внутренней Монголии. Раздел сфер влияния с царской Россией отдавал почти

всю Внутреннюю Монголию в руки Японии. В результате хищный японский империализм оказывался непосредственным соседом Внешней Монголии, куда японская военщина засылала своих агентов и шпионов. Правящие круги Японии, спекулируя на влиянии ламаизма в Монголии, выдавали себя за защитников буддизма-ламаизма.

Таким образом, соседство с империализмом Японии таило в себе для Внешней Монголии постоянную опасность вооруженного вторжения и превращения ее в японскую колонию.

Помимо Японии и царской России активное участие в борьбе за преобладание в Монголии принимали и другие империалистические страны, особенно США и Англия, каждой из которых хотелось закрепить монгольский рынок за собой. В качестве орудия своей политики они использовали правительство, насквозь прогнившей маньчжурской династии, а после ее свержения — различные милитаристские клики реакционных китайских генералов, а также китайский торгово-ростовщический капитал. При посредничестве китайских купцов-ростовщиков монгольское сырье стало с каждым годом во все больших количествах поступать на рынки Европы, Америки, а также Японии; при их же посредничестве в Монголию завозились товары из Японии, США и Англии, успешно конкурировавшие с русскими товарами.

В Китае Цинская династия еще продолжала цепляться за власть, хотя дни ее были сочтены. В стране назревала революция, задуть которую агонизировавшая правящая клика была уже не в состоянии. Но вместе с тем в силу неблагоприятных международных и внутренних условий революция в Китае не могла решить вопрос о переходе власти в руки народа.

Таково было международное положение Внешней Монголии накануне событий 1911 г. В этой обстановке интересам монгольского народа наиболее соответствовала политика сближения с Россией. В России в то время складывались предпосылки нового революционного подъема. Дружественные отношения с Россией открывали дорогу в Монголию передовым революционным идеям. Наоборот, политика, ориентирующая на установление связей с империалистической Японией или с другими империалистическими государствами, не сулила Внешней Монголии ничего, кроме реакции, новой колониальной кабалы и окончательной гибели. То же самое могла дать Внешней Монголии и политика, направленная на сговор с китайской реакцией. В этом случае монгольский народ не мог бы избежать превращения его страны в колонию одной из империалистических держав — Англии, Америки или Японии, в зависимости от того, чьей марионеткой была милитаристская группировка, в данный момент оказавшаяся у власти в Китае.

Путь к освобождению монгольского народа от цепей колониального и феодального гнета пролегал через укрепление тра-

диционной дружбы с русским народом, а также с трудящимися Китая, которые в это время поднимались на революционное восстание, приведшее вскоре к свержению Цинской династии.

Великодержавная маньчжурская политика во Внешней Монголии стала особенно активизироваться в последние годы правления Цинов. В начале 1911 г. в Ургу прибыл из Пекина специальный представитель военного министерства полковник Тан с большой группой чиновников. Его главной задачей была реорганизация военного управления Монголии. По его приказу недалеко от Урги стали строить казармы. Содержание всех вновь созданных учреждений, бесчисленные разъезды чиновников, расходы на строительство казарм — все это легло дополнительным бременем на плечи аратства. Недовольство масс росло, обстановка в стране все более накалялась.

Внешняя Монголия стала центром всемонгольского анти-маньчжурского национально-освободительного движения.

В июле 1911 г. в Урге тайно от цинских властей состоялось совещание, в котором приняли участие крупнейшие светские и духовные феодалы во главе с богдо-гэгэном. На нем присутствовали и представители Внутренней Монголии. Совещание обсуждало положение в стране. Учитывая новый курс цинской политики и настроения аратства, участники совещания признали невозможным для Монголии оставаться дольше под властью Цинской династии. Это решение было принято в результате долгих прений большинством участников, отмечавших, что начинавшаяся в Китае революция создает благоприятную обстановку для провозглашения независимости Монголии. Совещание решило послать специальную делегацию в Россию для переговоров о помощи.

Дипломатический представитель царской России был информирован инициаторами совещания как о его созыве, так и о принятых решениях. 28 июля 1911 г. он телеграфировал в Петербург, что в ближайшие дни из Урги выедет в Россию делегация, которая будет вести переговоры о поддержке Россией нового монгольского государства, которое должно было объединить Внешнюю и Внутреннюю Монголию.

Царское правительство после некоторых колебаний решило принять делегацию, с тем чтобы «попытаться придать этому делу желательный для нас характер», как выразился исполнявший обязанности премьер-министра царского правительства Кокцов в своем письме временному главе министерства иностранных дел Нератову.

Делегация монгольских феодалов во главе с командующим войсками Тушэту-ханского аймака цинь-ваном Ханда-Доржи прибыла в столицу России 15 августа. Через день она была принята министром иностранных дел Сазоновым. Ханда-Доржи передал Сазонову письмо богдо-гэгэна от 30 июля, адресованное русскому царю и содержавшее предложение заключить договор

о признании независимости Монголии, соглашение о торговле, о строительстве железных дорог, об организации почтовой связи и т. п.; богдо-гэгэн писал, что ханы и князья решили изгнать из пределов Монголии китайских торговцев и установить дипломатические отношения с Россией, расширить торгово-экономическое сотрудничество. В письме подробно излагались причины, побудившие ханов и князей добиваться освобождения страны от власти Цинов и просить помощи России. Это письмо вскрывает подлинные причины, вынудившие выступить против тех, кому они верой и правдой служили более 200 лет, за независимость страны.

Отмечая, что монгольские ханы в прошлом неограниченно, по собственному усмотрению распоряжались своим наследством, вступали в его владение и назначали наследников, а также награждали титулами и званиями, авторы письма писали, что в настоящее время «маньчжурские тушимэлы (чиновники) захватили это право себе и за наследование и жалование титулами берут себе дань в тысячи и десятки тысяч ланов. Сейчас имеется очень много дзасаков, которые, не имея достаточных средств, годами не могут получить себе чинов. Маньчжурский император в течение многих лет не отпускал монгольским князьям полагавшиеся им по закону ежегодные подарки шелками». Далее говорилось о том, что цинские власти «урезывают и уменьшают права многих монгольских дзасаков».

Кроме богдо-гэгэна это письмо подписали: тушэту-хан Даши-Нима, цэцэн-хан Наван-Нэрин, дзасакту-хан Содном-Рабдан и сайн-нойон-хан Намнан-Сурэн. В этом документе была изложена фактически вся программа монгольских феодалов. Как видим, в основе этой программы лежали прежде всего узкоклассовые, своекорыстные цели, направленные прежде всего к тому, чтобы восстановить право феодалов на монопольную эксплуатацию аратства.

Предложения монгольских феодалов о полном отделении Монголии от Цинской империи, о восстановлении государственной независимости Монголии, включая Внутреннюю Монголию, о покровительстве России над новым монгольским государством были отклонены царским правительством, которое опасалось отрицательной реакции других империалистических держав; оно, однако, согласилось взять на себя роль посредника между Ургой и Пекином, с тем чтобы побудить цинское правительство отказаться от колонизации монгольских земель, от ввода в Халху маньчжурских войск, от насаждения в стране своей администрации и от других реформ подобного рода.

В соответствии с принятым решением царское правительство убеждало Ханда-Доржи и других членов депутации отказаться от плана полного отделения от Цинской империи, обещая за это помощь в предстоящих переговорах с правительством Пекина. Наряду с этим через своих представителей в Пе-

кине царское правительство оказывало давление на Цинов, требуя отказа от нового курса политики в Монголии. Начавшееся в конце лета 1911 г. мощное антиманьчжурское движение китайского народа, свергнувшее в начале 1912 г. Цинскую династию, дало возможность царскому правительству более решительно вмешаться во взаимоотношения между Ургой и Пекином. Еще в октябре 1911 г. оно потребовало от цинского правительства формального письменного обязательства не проводить во Внешней Монголии никаких реформ без соглашения с правительством России. Доживавший последние дни маньчжурский двор вынужден был согласиться с этим требованием. 19 октября 1911 г. посольство России в Пекине специальным письмом уведомило, что правительство России приняло к сведению заявление цинского правительства о том, что к членам монгольской делегации, ездившей в Петербург, никаких репрессий не будет применено. Желая подкрепить свои позиции перед Пекином и показать монгольским феодалам свою готовность прийти им на помощь, правительство царской России направило в Ургу под предлогом охраны русского консульства батальон пехоты и несколько сотен казаков.

В середине октября 1911 г. депутация Ханда-Доржи вернулась в Ургу. Обсудив итоги переговоров, надеясь на помощь царизма и учитывая развернувшуюся в Китае революцию, феодальная верхушка приступила к действиям. Комитет князей и высших лам, образованный для руководства переворотом, 28 ноября 1911 г. вызвал в Ургу из ближайших хошунов монгольское ополчение, а 30 ноября маньчжурскому амбану Саньдо было предъявлено требование покинуть пределы Внешней Монголии.

1 декабря 1911 г. было опубликовано обращение к монгольскому народу, в котором говорилось:

«Наша Монголия с самого начала своего существования была самостоятельным государством, а потому, согласно древнему праву, Монголия объявляет себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью в вершении своих дел. Ввиду изложенного сим объявляется, что мы, монголы, отныне не подчиняемся маньчжурским и китайским чиновникам, власть которых совершенно уничтожается, и они вследствие этого должны отправиться на родину».

Китайский гарнизон в Урге не захотел защищать Цинскую династию, против которой в это же время китайский народ поднял восстание. Справедливо опасаясь гнева народных масс и видя безнадежность сопротивления, Саньдо со своими чиновниками и их семьями укрылся в стенах царского консульства в Урге, взявшего их под свою защиту. 4 декабря 1911 г. Саньдо и другие чиновники под охраной русских казаков выехали из Урги в Китай. Царское консульство взяло на себя защиту и китайских купцов, когда долго сдерживавшаяся ненависть монгольского аратства стала выливаться в стихийные выступления.

Улясутайский цзяньцзюнь, будучи, подобно Саньдо, бессильным против восставшего народа, также не оказал серьезного сопротивления и в конце декабря 1911 г. покинул Монголию.

Иначе сложилась обстановка в районе Кобдо, где маньчжурский амбань имел в своем распоряжении многочисленный гарнизон, большие запасы продовольствия и боеприпасов. Рассчитывая на помощь из Синьцзяна, откуда уже были отправлены к нему подкрепления, амбань отказался признать новую монгольскую власть. Он заперся в крепости и стал готовиться к обороне. Но тут вмешалось правительство царской России, которое решительно потребовало от пекинских властей задержать войска из Синьцзяна. Таким образом, подкрепления из Синьцзяна не дошли до Кобдо, который был осажден восставшими аратами и войсками, посланными из Урги правительством богдо-гэгэна. 6 августа 1912 г. город и крепость Кобдо были взяты штурмом аратами, боевыми действиями которых руководили Максаржав и Дамдинсурэн. За заслуги в боях за взятие Кобдо были присвоены почетные титулы: хатан-батор — Максаржаву и манлай-батор — Дамдинсурэну. Население Кобдо тогда же разгромило лавки и склады китайских купцов-ростовщиков и уничтожило долговые документы.

Так в результате освободительного движения монгольского аратства Монголия сбросила с себя более чем двухвековое маньчжурское иго, изгнала из страны ненавистную маньчжурскую бюрократию и нанесла сильный удар позициям китайских купцов-ростовщиков. Но власть в стране не перешла в руки монгольского народа, сыгравшего решающую роль в освободительной борьбе. Власть попала в руки феодалов и высших лам, провозгласивших богдо-гэгэна ханом нового монгольского государства. 16 декабря 1911 г. в Урге, в монастыре Дзун-хурэ, состоялась церемония восшествия на ханский престол главы ламаистской церкви богдо-гэгэна, получившего титул «многими возведенного». Богдо-гэгэн назначил правительство, которое передало портфель премьер-министра сайн-нойон-хану Намнан-Сурэну, министра внутренних дел — одному из крупнейших церковных феодалов да-ламе Цэрэн-Чимиду. Министром иностранных дел стал цинь-ван Ханда-Доржи, пост военного министра занял далай-ван Гомбосурэн, министра финансов — тушэту-ван Чагдаржав, а министра юстиции — эрдэнэ-ван Намсрай.

Таким образом, через двести с лишним лет после ликвидации маньчжурами монгольской государственности она была восстановлена в виде неограниченной феодально-теократической монархии. Создание независимого монгольского государства в результате национально-освободительного движения монгольского народа в 1911—1912 гг., несмотря на его феодальную сущность, было объективно прогрессивным явлением в истории страны.

Новый этап национально-освободительного движения завершился ликвидацией маньчжурского колониального режима в Монголии и восстановлением национальной государственности. Однако при этом не были полностью решены задачи движения, ради которых боролся находившийся под чужеземным гнетом свободолюбивый монгольский народ. Монгольские светские и духовные феодалы, возглавившие освободительную борьбу, использовали ее в своих узкоклассовых интересах и не замедлили превратить вновь созданное государство в орудие эксплуатации народных масс.

В это время бурно развивалось национально-освободительное движение во Внутренней Монголии. Здесь почти во всех хошунах произошли вооруженные восстания. Но, как и во Внешней Монголии, руководство движением захватили в свои руки князья Внутренней Монголии. Так обстояло дело и в Западной Монголии. Таким образом, широкая антиманьчжурская волна, охватившая в 1911—1912 гг. Внутреннюю и Внешнюю Монголию, была единым освободительным движением монгольского народа, в отношении которого на протяжении 200 лет маньчжурская власть проводила политику насильственной изоляции и искусственного разъединения. Однако это не могло остановить общего стремления монголов избавиться от чужеземного гнета и добиться независимости страны.

Наибольший размах движение приобрело в начале 1912 г. в Барге, которая объявила о своем присоединении к вновь созданному монгольскому государству. О добровольном присоединении заявило большинство хошунов Внутренней Монголии (35 из 49).

В Ургу посыпались многочисленные петиции о присоединении, заверенные подписями и печатями, от сеймов, хошунов, а также от отдельных лиц из Внутренней Монголии.

Во Внутренней Монголии проводилась жесточайшая колониальная политика Цинской династии, в результате которой монгольские скотоводы были согнаны с плодородных земель и исконных пастбищ в пустынные районы. Усиливался также и национальный гнет. Все это стимулировало рост национально-освободительного движения во Внутренней Монголии, принимавшего различные формы: вооруженного восстания, переселения во Внешнюю Монголию, активной помощи войскам правительства богдо-гэгэна и т. д.

Феодальная верхушка Внешней и Внутренней Монголии, добиваясь объединения монгольских земель и образования единого национального государства, руководствовалась не только общенациональными интересами, но и желанием закрепить за собой право на монопольную эксплуатацию всего аратства.

Движение за присоединение к Внешней Монголии хошунов Внутренней Монголии активно поддерживалось и правительством вновь созданного государства богдо-гэгэна. Такая политика

правительства богдо-гэгэна объективно отвечала стремлениям народных масс к объединению всех монгольских земель и созданию сильного национального государства.

Успех этой политики зависел в первую очередь от позиции царской России. Но ее правительство, подталкиваемое собственной империалистической буржуазией, было против образования независимого монгольского государства; оно отклонило и предложение о присоединении к Внешней Монголии Барги и хошунов Внутренней Монголии. Японии и другим империалистическим державам также было не по нутру объединение обеих частей Монголии.

Пользуясь, однако, затруднительным положением правительства маньчжурской династии, правительство царской России стало добиваться предоставления Внешней Монголии широкой автономии. В декабре 1911 г. русский посол в Пекине предложил правительству заключить формальный договор с Внешней Монголией о широкой внутренней автономии в рамках китайского государства. Вместе с тем царское правительство требовало официального признания особых прав России во Внешней Монголии и отказа от проведения каких-либо мероприятий в этой стране без согласования с ним, что было продиктовано его экспансионистской политикой в интересах русского торгово-промышленного капитала.

В январе 1912 г. китайский народ сбросил ненавистную маньчжурскую династию. Правительство царской России вступило в переговоры по поводу Внешней Монголии с новым правительством Китая. Переговоры тянулись весь 1912 год и не принесли успеха царизму. Торгово-ростовщические и бюрократические круги Китая вынудили правительство Юань Шикая категорически отказать России в ее притязаниях. Оно отказалось признать отделение Монголии от Китая и отклонило предложение царской России о предоставлении Монголии внутренней автономии.

Убедившись в невозможности достигнуть соглашения с правительством Юань Шикая, царское правительство решило самостоятельно узаконить существование автономии Монголии и свое преобладание в ней. В результате длительных переговоров между представителем царской России Коростовцем и правительством богдо-гэгэна 3 ноября 1912 г. в Урге было подписано русско-монгольское соглашение.

Сам факт заключения такого договора имел важное политическое значение для феодально-теократического монгольского государства. Он означал, что правительство богдо-гэгэна уже вступило в договорные соглашения с такой великой державой, как царская Россия, и заявило о себе на международной арене как самостоятельная сила.

Русско-монгольские переговоры начались в Урге. Разгоревшиеся жаркие споры в ходе переговоров чуть не привели к

срыву их. В конечном счете стороны сошлись на том, что в тексте договора политическая независимость монгольского государства будет сформулирована по-разному в обоих текстах договора: в монгольском — как «полная независимость», а в русском — как «автономия». В этой связи становится понятным высказывание министра иностранных дел Ханда-Доржи. В Петербурге в беседе с корреспондентом газеты «Далекая окраина» (Владивосток) в январе 1913 г. он отметил, что при заключении ургинского соглашения «мы понимали, что этим актом признана полная независимость Монголии от Китая, и мы твердо намерены это отстаивать».

Вводная часть этого соглашения констатировала, что «ввиду желания монголов сохранить самобытный строй своей страны маньчжурские войска и маньчжурские власти были удалены с монгольской территории и Джебзундамба-хутухта был провозглашен повелителем монгольского народа. Прежние отношения Монголии и Китая, таким образом, прекратились». Соглашение в русском тексте не признавало Монголию независимым государством и обходило вопрос о взаимоотношениях между ней и Китаем. Оно обещало монгольскому правительству помощь России в деле сохранения автономии, формирования вооруженных сил, недопущения китайской колонизации и ввода китайских войск. К соглашению был приложен протокол, в котором были сформулированы права русских подданных в Монголии. Этот протокол носил ярко выраженный империалистический характер. Он разрешал русским купцам беспрепятственно передвигаться по всей стране и заниматься любым промыслом, поселяться и приобретать недвижимость, а также давал право беспошлинного ввоза в Монголию товаров и вывоза из нее скота и сырья, освобождения от всех внутренних налогов и право экстерриториальности.

Подписанию соглашения предшествовала упорная борьба правящих кругов Монголии, добивавшихся реализации своей внешнеполитической программы. Правящая верхушка Монголии требовала, чтобы соглашение четко определило положение Барги и Внутренней Монголии как составных частей единого монгольского государства. Представители царской России возражали. Единственная уступка, сделанная царской Россией, сводилась к тому, что всюду в тексте соглашения название «Внешняя Монголия» было заменено словом «Монголия». Но и здесь царский представитель по указанию Петербурга в секретной ноте разъяснил представителям монгольского правительства, что царское правительство оставляет за собой право выбрать, на какие районы, кроме самой Внешней Монголии, оно распространит право на автономию.

Преследуя империалистические цели, царская Россия тем не менее объективно содействовала прогрессивному развитию событий в Монголии. Она фактически признала существование

монгольского государства, вступив с ним в международные договорные отношения.

Русско-монгольский договор, облаченный в столь двусмысленные, завуалированные фразы, вызвал немедленную реакцию на международной арене. Империалистические соперники царизма, боясь усиления его позиций в Монголии и во всем Китае, подвергли резкой критике его внешнюю политику. Юаньшикаевский Китай, претендовавший на Монголию как на обычную китайскую провинцию, и слышать не хотел о русско-монгольском договоре.

Что же касается собственно Монголии, то отказ царизма признать Монголию независимым от Китая государством и согласиться на присоединение к ней Внутренней Монголии и Барги вызвал серьезное недовольство среди крупных феодалов и высших лам. Уже в ходе переговоров среди высших лам раздавались голоса, требовавшие установления связи с Японией или заключения самостоятельного соглашения с Китаем. Представитель царской России Коростовец в октябре 1912 г. сообщил в Петербург: «Под влиянием враждебной России агитации да-ламы, шанцотбы и некоторых других сановников за последние дни заметно охлаждение к соглашению с нами и поворот в пользу сближения с Китаем, негласные сношения с которым, как мне точно известно, продолжаются».

Вскоре после подписания русско-монгольского договора богдо-гэгэн направил да-ламу Цэрэн-Чимида к японскому императору с письмом, в котором просил «помощи», т. е. фактически предлагал протекторат Японии над Монголией. Правда, японские империалисты, опасавшиеся в то время открыто испортить отношения с царской Россией, задержали богдо-гэгэновского посла в Хайларе, откуда ему пришлось возвращаться в Ургу. Но сама попытка обращения к японскому императору говорила о готовности теократической клики Урги вступить в сговор со злейшими врагами монгольского народа — японскими империалистами.

В 1912 г. в Петербург была командирована из Урги вторая миссия во главе с Ханда-Доржи для переговоров с правительством царской России о границах, займе, помощи в организации армии и т. д. Центральным пунктом переговоров был вопрос о границах. В результате переговоров царизм согласился на присоединение к богдоханской монархии Кобдоского округа, но отклонил ее законное право на Внутреннюю Монголию. В феврале 1913 г. было заключено специальное соглашение о формировании монгольской бригады в составе двух конных полков с пулеметами и артиллерийскими подразделениями, включавшей всего 1900 солдат и офицеров. Для обучения личного состава бригады монгольское правительство должно было пригласить русских инструкторов. Соглашение было подписано сроком на один год. Царское правительство обещало также предоставить

правительству богдо-гэгэна заем в 2 млн. руб. и некоторое количество вооружения.

С такими результатами миссия Ханда-Доржи в марте 1913 г. покинула столицу России и выехала на родину.

Ведя переговоры с царской Россией, правительство богдо-гэгэна одновременно искало возможности укрепить свои позиции установлением дипломатических отношений с другими государствами, в частности с Соединенными Штатами Америки, Англией, Германией, Японией, Францией, Бельгией и т. д. В письме министра иностранных дел феодально-теократического государства, адресованном государственному департаменту США, говорится, что монголы, «отделившись от Цинской империи, создали независимое суверенное государство, возвели на трон всемонгольского хана, главу духовенства Халхи Джебзундамба, передав в его руки всю полноту государственной и духовной власти. Извещая об этом уважаемое правительство, просим заключить договор о торговле и дружбе. 9 числа первого зимнего месяца 1912 г.».

Мы уже видели, как провалилась попытка Урги опереться на Японию. Столь же неудачными были попытки установить контакт с другими странами, предпринимавшиеся богдо-гэгэновским правительством. Этому препятствовал царизм, который не хотел, чтобы вновь созданное монгольское государство добились признания на международной арене. Да и сами империалистические государства к которым обратилось правительство богдо-гэгэна, не проявляли активности в монгольском вопросе из-за все усиливавшихся межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке.

Заключение русско-монгольского соглашения от 3 ноября 1912 г. вызвало сильное раздражение в лагере китайской реакции, настойчиво требовавшей от Юань Шикая жестких карательных мер против «взбунтовавшейся» кучки феодалов. Так она стремилась квалифицировать широкое национально-освободительное движение монгольского народа. Пекинское правительство стало готовить карательную экспедицию из Синьцзяна во Внешнюю Монголию. Правительство царской России летом 1913 г. ввело в район Кобдо русские войска, что вынудило пекинское правительство вернуть войска, отправленные им к границам Внешней Монголии.

К этому времени особенно накалилась обстановка во Внутренней Монголии и Барге. На пути своего освобождения монголы встречали огромные трудности. Из Пекина были посланы карательные экспедиции. В ответ на просьбы о помощи богдо-гэгэновское правительство (вопреки серьезным возражениям царизма) направило свои воинские части в хошуны Внутренней Монголии. В начале 1913 г. между монгольскими и китайскими войсками разгорелись ожесточенные бои, дававшие перевес то одной, то другой стороне. Царская Россия, как империалисти-

ческая держава, разграничившая специальными договорами с Японией «сферу влияния» в Монголии, не могла поддерживать усилия ургинского правительства присоединить Внутреннюю Монголию. Когда правительство богдо-гэгэна обратилось к царской России с просьбой взять под свою защиту хошуны Внутренней Монголии, она ответила отказом. Царское правительство писало богдо-гэгэну, что если китайские войска вторгнутся во Внешнюю Монголию, то Россия немедленно придет ей на помощь, но что она не может давать ей деньги или оружие для проведения военных операций за пределами Внешней Монголии.

Такая позиция царизма была известна в Пекине. Юань Шикай воочию убедился, что действия против Внешней Монголии приведут к столкновению с Россией. Вступать же в вооруженный конфликт с ней он не мог, и у него не было сил для этого.

В сложившихся условиях царская Россия и Китайская республика стремились добиться осуществления взаимовыгодных целей и решить монгольский вопрос за спиной самих монголов.

Так была подготовлена почва для переговоров, которые завершились 5 ноября 1913 г. подписанием русско-китайской декларации, признавшей Внешнюю Монголию автономной, территорию Внешней Монголии — частью территории Китая, а правительство Китая — сюзереном автономной Внешней Монголии.

«Признавая исключительное право монголов Внешней Монголии, — говорилось в декларации, — самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет посылать войск во Внешнюю Монголию, не содержать там никаких гражданских или военных властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны... Россия, со своей стороны, обязуется не содержать войска во Внешней Монголии, за исключением конвоев, не вмешиваться в какую-либо отрасль управления этой страны и воздерживаться от ее колонизации».

Правительство Китая согласилось с тем, что автономная Внешняя Монголия будет состоять из четырех халхаских аймаков и Кобдоского округа, что территориальные вопросы, связанные с Внешней Монголией, будут решаться только с ведома правительства царской России. «Что касается политических и территориальных вопросов, то по ним китайское правительство будет консультироваться с русским правительством путем переговоров, в которых власти Внешней Монголии будут принимать участие».

По русско-китайской декларации 1913 г. Внешняя Монголия получала довольно широкую внутреннюю автономию. Правительство Автономной Монголии имело право вести переговоры

даже с другими государствами по экономическим вопросам и заключать соответствующие соглашения. Но оно не могло вступать в переговоры с другими государствами по вопросам политического характера и заключать политические договоры.

Так без участия монголов, за их спиной, в 1913 г. была «решена» судьба Внешней Монголии. Основные положения русско-монгольского договора были в 1913 г. официально признаны и подтверждены правительством Китая.

Русско-китайская декларация вызвала в правящих кругах Монголии отрицательную реакцию. 2 декабря 1913 г. дипломатическому представителю России в Урге была вручена нота монгольского правительства о том, что оно категорически отказывается признать русско-китайскую декларацию обязательной для Монголии.

Таково было официальное отношение правительства богдо-гэгэна к русско-китайской декларации 1913 г. о Монголии. Но монгольское государство, как таковое, продолжало существовать независимо от того, как называли его.

Опубликование русско-китайской декларации 1913 г. по монгольскому вопросу, предусматривавшей образование Автономной Монголии под фактическим протекторатом царской России, серьезно обеспокоило империалистические державы — Англию, Францию, Германию, Японию и США. Те из них, интересы которых так или иначе соприкасались с Внешней или Внутренней Монголией, проявляли явную настороженность. В частности, Япония была не прочь закабалить всю Монголию, но боялась это сделать, так как была связана с царской Россией секретными договорами о разделе «сфер влияния» в Монголии. Япония зорко следила за каждым шагом России в монгольских степях.

Большую активность проявил в Монголии американский империализм. Монголия уже в конце XIX в. привлекала усиленное внимание американских монополий, которые стремились получить концессии на лесные и минеральные богатства и тем самым проникнуть в Монголию. В 1910 г. представители американских финансовых кругов вели переговоры с маньчжурским правительством о получении концессии на постройку железной дороги Калган — Урга. После свержения в Монголии маньчжурского ига американские правящие круги, поддерживавшие в Китае реакционный режим Юань Шикая, стояли за ликвидацию независимости богдоханской монархии и передачу ее под контроль Китая, где американский капитал занимал сильные позиции. После заключения русско-китайской декларации 1913 г. для ознакомления с обстановкой во Внешней Монголии в декабре 1913 г. Ургу посетил американский дипломат Рокхилл. Представитель американских фирм в Урге, выражая официальную линию американского правительства по так называемому монгольскому вопросу, всячески поддерживал в правительстве

богдо-гэгэна феодалов, которые ориентировались на юаньшикаевский Китай.

Такова была экспансионистская политика американского империализма в Монголии. В то же время она отражала усиление империалистических противоречий в борьбе за передел мира.

Правительство богдо-гэгэна, пользуясь установлением статус-кво на Дальнем Востоке и видя заигрывание с ним иностранных держав, продолжало развивать активную внешнеполитическую деятельность.

В ноябре 1913 г. в Петербург выехала новая монгольская миссия во главе с премьер-министром сайн-нойон-ханом Намнан-Сурэнгом. Миссия ставила перед собой задачу договориться с царским правительством о предоставлении Монголии нового займа, о дополнительном снабжении оружием и т. д. 4 декабря 1913 г. сайн-нойон-хан в специальной ноте довел до сведения царского правительства, что правительство богдо-гэгэна, получив 7 ноября текст русско-китайской декларации и ознакомившись с ним, а также с содержанием нот, которыми обменялись представители России и Китая, «с удовлетворением убедилось, что Китаем и Россией обеспечены и признаны за монголами существующий ныне государственный строй и независимость во всех областях внутреннего управления, в делах, касающихся торгово-промышленных, железнодорожных, телеграфных и финансово-экономических вопросов, а равно в связи с этим в дружественных взаимных отношениях с другими державами». «Но наряду с этим,— говорилось в ноте,— уже неоднократно раньше Монголия заявляла, что она окончательно порвала связи с Китаем и что она не признает никакой зависимости от последнего». «Поэтому,— указывалось в конце ноты,— монгольское правительство будет настаивать на таком определении границ монгольского государства, чтобы в состав его были включены все присоединившиеся монголы».

Такая же нота была вручена сайн-нойон-ханом посольству Китая в Петербурге.

Как видим, вопрос о присоединении Внутренней Монголии к Внешней находился в центре внешней политики богдогэгэновского правительства. В то время, когда сайн-нойон-хан вел в Петербурге переговоры с царским правительством, войска богдоханской монархии продолжали сражаться вместе с повстанческими отрядами Внутренней Монголии против карательных войск Юань Шикая. Местные повстанческие отряды и посланные туда войска богдогэгэновского правительства добивались побед в боях с превосходящими силами противника; им оказывало активную помощь местное монгольское население.

Сайн-нойон-хан дважды побывал на приеме у русского царя Николая II, много раз встречался с членами царского правительства, пытаясь получить ответ на вопросы о судьбе Внут-

ренней Монголии, о займе, о снабжении оружием, о постоянном дипломатическом представительстве Монголии в Петербурге и т. п. Царское правительство, со своей стороны, категорически настаивало, чтобы богдо-гэгэн отозвал свои войска из Внутренней Монголии и Барги. Решение ряда вопросов, в том числе о займе, снабжении оружием, царское правительство ставило в зависимость от выполнения Монголией этого требования.

В конце концов царское правительство решило предоставить правительству богдо-гэгэна новую ссуду в 3 млн. руб. и выделить для нужд монгольской армии дополнительное вооружение и снаряжение. Сайн-нойон-хан, в свою очередь, от имени богдо-гэгэновского правительства дал обязательство отозвать из Внутренней Монголии и Барги войска монгольского государства, согласился принять предложенного царским правительством русского специалиста в качестве советника монгольского правительства. Сайн-нойон-хан дал также обещание принять участие в будущих тройственных русско-китайско-монгольских переговорах.

Выполняя принятое на себя обязательство, правительство богдо-гэгэна вывело свои войска из пределов Внутренней Монголии. Весной 1914 г. ушли из Внешней Монголии и русские войска, находившиеся там с 1913 г.

Однако богдогэгэновское правительство, отозвав свои войска с полей сражений, не отказалось от объединения страны. Оно рассчитывало добиться этого дипломатическим путем на предстоящей тройственной конференции.

Кяхтинская тройственная конференция занимает в истории монгольского феодально-теократического государства особое место. Конференция, в которой участвовали Китай, Монголия и царская Россия, осенью 1914 г. начала свою работу и закончила ее через восемь месяцев, в мае 1915 г. Столь затяжной характер конференции показывает, насколько серьезен был обсуждавшийся вопрос о судьбе Монголии. Каждая делегация привезла с собой свой готовый проект, который в корне отличался от других. Китайская делегация прибыла с твердым намерением низвести суверенитет монгольского государства до уровня обычной провинции Китая.

Делегация царской России отстаивала идею широкой автономии для Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая и совершенно не затрагивала вопроса о судьбе Внутренней Монголии.

Что же касается монгольских представителей, то они настойчиво добивались признания полной государственной независимости Монголии. Но им не удалось отстоять своих позиций.

Монгольская делегация была вынуждена в конце концов принять идею широкой автономии, к которой после долгих препи-

рательств присоединилась и китайская делегация. Это соглашение полностью подтвердило принципы русско-китайской декларации 5 ноября 1913 г.

Исход конференции, как это обычно бывает в международно-правовой практике эпохи империализма, зависел отнюдь не от аргументов того или иного участника, а от общего соотношения сил государств-участников, в котором сильные диктуют свою волю слабым.

Тройственное Кяхтинское соглашение было подписано 25 мая 1915 г. По утверждению дипломатических представителей царизма, «по этому акту Внешняя Монголия окончательно признается внутренне самостоятельным государством, находящимся в вассальной зависимости от Китая».

Кяхтинское тройственное соглашение окончательно определило международно-правовое положение монгольского государства, сведя его к уровню «автономии Внешней Монголии», что было признано и подписано официальными представителями правительства богдо-гэгэна.

Что же касается широких слоев монгольского народа, то они были глубоко возмущены исходом Кяхтинской конференции, ограничившей политическую независимость страны и явившейся прелюдией к усилению национально-колониального гнета.

Китайские милитаристы от Юань Шикая до Цао Куня, обуреваемые агрессивными замыслами, в конце 1919 г. послали в Ургу генерала Сюй Шучжэна, чтобы силой оружия ликвидировать автономию Внешней Монголии, что и было осуществлено.

История богдоханской монархии Монголии (1911—1919) — ее возвышение, падение и ликвидация — показала, что китайские милитаристы, так же как и империалисты, являются врагами национальной независимости монгольского народа.

Глава 3

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОИ ФЕОДАЛЬНО-ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

Монголия, свергнув маньчжурское иго, превратилась в феодально-теократическую монархию. Глава ламаистской церкви в Монголии, богдо-гэгэн Джебзундамба-хутухта, стал повелителем монголов, неограниченным самодержавным монархом, сосредоточившим в своих руках всю полноту как духовной, так и светской власти.

Главным достижением национально-освободительного движения монгольского народа были возрождение монгольской государственности, ликвидация двухсотлетнего маньчжурского господства.

Созданный после переворота государственный аппарат цели-

ком и полностью служил классовым интересам феодалов, являясь орудием эксплуатации монгольских народных масс. Монгольские араты — главная движущая сила национально-освободительной борьбы — активно выступали за социальное и национальное раскрепощение. Но они были обмануты в своих надеждах. Свержение маньчжурских властей в Монголии привело к ликвидации национального гнета Цинской династии, что, несомненно, принесло стране некоторое облегчение. Однако это не означало полного освобождения от национального гнета вообще. В стране оставался и начал усиливаться китайский ростовщический капитал, возросло экономическое и политическое влияние царизма, продолжалось проникновение капитала США, Японии и других империалистических держав.

Как известно, правительство богдоханской монархии состояло из пяти министров, ответственных только перед богдо-гэгэном, им назначавшихся и им же смещавшихся. Эти министры ведали иностранными делами, внутренними делами, вооруженными силами, финансами и юстицией. Аппарат угнетения и эксплуатации аратства, созданный маньчжурами, был сохранен и продолжал функционировать по-старому. Руководство государственным аппаратом находилось всецело в руках феодалов; только они были допущены к власти.

Впрочем, в 1914 г. было создано и некоторое подобие парламента из двух палат: верхней, куда входили дзасаки, министры, их заместители и другие крупные феодалы, и нижней, которая состояла из чиновников и невладетельных феодалов.

Палаты носили лишь совещательный характер: они собирались по повелению богдо-гэгэна и распускались, когда надобность в них, по мнению богдо-гэгэна, отпадала.

Создание этого подобия парламента, несмотря на его незначительную роль в политической жизни страны, все же было прогрессивным явлением, вызванным к жизни не столько желанием правящих феодалов использовать его как громоотвод от народного гнева в случае провала тех или иных мероприятий, сколько стремлением средних, мелких чиновников и торговцев участвовать в управлении государством.

В хошунах же все оставалось по-старому. Как и при Цинах, хошуны делились на сомоны и десятки. Хошунный дзасак — владетельный князь в богдоханской монархии, как и в маньчжурскую эпоху, был полновластным вершителем судеб своих крепостных, которыми он правил с помощью тех же тусалакчи, дзахиракчи, мэйрэнов и дзанги. Не стало маньчжурских амбаней, но их место заняли наместники богдо-гэгэна (сайты) в Кобдо, Улясутае, т. е. там же, где раньше были резиденции амбаней.

Богдогэгэновское правительство оставило в силе цинское законодательство и учрежденный Цинами сословный суд; для ха-

нов, князей и тайджи существовал один суд, для крепостных аратов — другой. Хошунный дзасак по-прежнему совмещал в себе судебную, административную и военную власть.

Араты, как и прежде, остались классом крепостных, обязанных своим трудом содержать крепостников-феодалов, лам и крепостническое государство. Аратство, бесправное при маньчжурах, не получило прав и в этот период. Как и раньше, аратство делилось на сословия хамджилга, шабинаров и албату. Ламство принадлежало к паразитическому привилегированному сословию.

Существенной особенностью социального строя феодально-теократической Монголии был его ярко выраженный теократический характер. Феодальное ламаистское духовенство больше других выиграло от свержения маньчжуров и от образования монгольского государства. Пользуясь тем, что на ханском престоле сидел глава церкви, церковные феодалы стали теснить князей и других светских феодалов, стремясь урвать в свою пользу наибольшую часть феодальных доходов. Первым после премьер-министра богдогэгэновского правительства считался министр внутренних дел, один из крупнейших церковных феодалов — да-лама Цэрэн-Чимид. Под его руководством вскоре после свержения цинской власти было проведено распределение скота, принадлежавшего маньчжурскому императорскому дому и конфискованного указом богдо-гэгэна. Тысячи верблюдов и лошадей были розданы князьям и высшим ламам, причем последние получили весьма значительную часть бывших императорских стад. Через несколько месяцев после этого, в 1912 г., Цэрэн-Чимид как министр внутренних дел обратился к Тушэтувану, возглавлявшему министерство финансов, с письменной просьбой об оказании материальной помощи «терпящему нужду» управлению богдогэгэновских шабинаров. В том же, 1912 г. богдо-гэгэн специальным указом освободил шабинаров от всех налогов, кроме сборов на проведение богослужений и на приобретение изображений будд. В 1916 г. этот указ был «разъяснен» таким образом, что культовые расходы должны ложиться на шабинаров.

Высшие ламы составляли ближайшее и наиболее влиятельное окружение богдо-гэгэна, в значительной мере определяя его внешнюю и внутреннюю политику. Они получили из государственной казны огромные, совершенно непосильные для разоренной страны суммы в виде различных пособий и пенсий. Отметим для примера Ламаин-гэгэна, который владел огромной территорией в 20 тыс. кв. км, имел 2 тыс. крепостных семейств и получал, кроме того, ежегодное «пособие» от казны в сумме 15—18 тыс. зол. руб. Высшие ламы широко использовали государственную власть для увеличения числа своих крепостных, отнимая их у светских феодалов.

В этот период особенно сильно возросли права и привилегии

духовных феодалов. По их настоянию правительство богдо-гэгэна перевело в ведение шабинского ведомства целиком население ряда хошунов, что давало монастырям и высшим ламам дополнительные источники обогащения.

Число шабинаров во владениях только богдо-гэгэна за годы монархии увеличилось с 55 479 до 89 362 человек. По некоторым данным, около $\frac{1}{3}$ всего населения Халхи в годы монархии находилось в крепостной зависимости от церковных феодалов. Личный бюджет богдо-гэгэна доходил в год до 900 тыс. ланов, за ним следовали семь других крупных хутухт и многочисленная свора более мелких хубилганов, хамбо, дэд хамбо, цорджи и т. п., превратившихся при монархии в первое сословие в стране.

Такое резкое усиление экономических и политических позиций феодального духовенства не могло не вызвать сопротивление со стороны светских феодалов. С течением времени в Монголии развернулась и обострилась борьба между светскими ханами и князьями, с одной стороны, и высшими ламами — с другой. То была борьба двух групп феодалов за наибольшую долю каждой из них в распределении феодальных доходов, за привилегированное положение в стране. Эта борьба нашла свое выражение при определении внешней политики богдоханской монархии. Ламская клика, окружавшая богдо-гэгэна, уже в 1912 г., как мы видели, больше всего тяготела к установлению контактов с японским империализмом, что в тогдашних условиях могло бы обратиться трагедией для монгольского народа. Наоборот, влиятельные светские феодалы в ту пору ориентировались на Россию. Богдогэгэновская клика в борьбе против своих противников не останавливалась ни перед чем, прибегая к различным методам, даже к отравлению. Таким путем она разделилась с премьер-министром сайн-ноён-ханом Намнан-Сурэном и министром иностранных дел цинь-ваном Ханда-Доржи, проводившими линию, направленную на укрепление связей с Россией.

Однако основным противоречием в общественном строе Монголии было противоречие между классом феодалов и крепостным аратством. Свержение ига Цинской династии частично освободило аратство от уплаты ростовщикам огромного долга, исчислявшегося миллионами рублей, от расходов на содержание маньчжурской бюрократии, маньчжурских гарнизонов и т. п., что облегчило податное бремя, под тяжестью которого аратство до 1911 г. буквально задыхалось. Прекращение начатой маньчжурским правительством колонизации устранило бесконтрольный приток в страну китайцев. Тем не менее гнет феодальной эксплуатации не ослабел. Наоборот, феодалы, стремясь поправить свои дела, пошатнувшиеся в последний период правления Цинской династии, теперь доводили до предела эксплуатацию аратов. Поэтому пауперизация аратского хозяйства, начавшаяся

в условиях маньчжурского ига, продолжалась и в годы богдо-гэгэновской монархии.

Убедительные материалы об этом процессе были представлены специальной экспедицией, организованной в 1915 г. русским советником при правительстве богдо-гэгэна. Экспедиция, обследовавшая около $\frac{1}{4}$ части страны, в своем докладе констатировала «крайнюю малочисленность состава семей, малочисленность детей, относительно большое число лиц духовного сословия — лам, многочисленность шабинцев, которые мало участвуют в несении повинностей общегосударственного значения, преобладающее число бедных, маломощных хозяйств». В отчете экспедиции сообщалось, что ей «приходилось сталкиваться, как с обычным, широко распространенным явлением, с тем, что у хозяина-монгола нет своего скота или только ничтожное количество его. Скот, регистрируемый у семьи, оказывался принадлежащим или китайской фирме, или монастырю... из хозяина монгол превращался в батрака. Это явление при существующем строе имеет основания для быстрого роста».

Экспедиция всюду наблюдала непомерные налоги, налагаемые дзасаками на крепостных аратов и взыскиваемые в самые неожиданные сроки скотом и деньгами. «Непомерные налоги усугубляют тяжесть и без того тяжелых условий существования монголов... На состояние скотоводства, делая его совершенно упадочным, влияет сильным образом общая податная система Монголии. Подати собираются как натурой — скотом, так и деньгами, которые монгол может выручить только от продажи скота. Подати собираются в самые неожиданные сроки, размеры их населению неизвестны. Внезапные, необдуманные сборы податей вынуждают население брать нужные суммы в долг у торговцев под будущие продукты своего промысла при самой низкой их оценке или выручать от продажи неподготовленного малоценного скота». «Скотоводство в Монголии, — отмечала экспедиция, — быстро падает».

Экспедиция установила, что в аймаке Цэцэн-хана, в хошуне Дархан-цинъ-вана араты разорены возложенной на них уплатой личных долгов князя, что прироста населения давно уже не наблюдалось, что повсюду идет вымирание. В хошуне Дзорику-бэйсэ того же аймака экспедиция нашла всего 411 владельцев юрт, из них 143 нищенствовали. Монастырям этого хошуна и дзасаку принадлежало столько же лошадей, сколько их было у всех аратов, а верблюдов и крупного рогатого скота в 1,5 раза больше. Во владениях Илагугсан-хутухты из 528 хозяйств шабинаров 153 были нищими или очень бедными. В хошуне цинъ-вана Эрдэни Далая из 9265 человек всего населения нищенствующих оказалось 5740. В хошуне цинъ-вана Цогтбадархо, который в это время был представителем аймачного сейма и заместителем министра юстиции, все араты имели 6200 голов крупного рогатого скота и 5 тыс. мелкого, тогда как только

А. Аюши

два монастыря этого хошуна владели 10 300 голов крупного и 12 612 мелкого скота.

В аймаке Сайн-нойон-хана экспедиция посетила владения Эрдэни-пандита-хутухты; его управитель доложил, что 878 хозяйств шабинаров имеют 3124 лошади, а монастыри и хутухта — 2094 лошади, верблюдов насчитывалось соответственно 4619 и 4011, овец и коз — 24 335 и 12 680. В хошуне Даши-Доржи аратских хозяйств было 579. Этот хошун имел всего 574 лошади, из них 200 лошадей принадлежали князю; на 1 тыс. овец 300 были княжеских.

Такое положение наблюдалось почти во всех хошунах Внешней Монголии. Богдогэгэновское правительство подавляло любую попытку протеста аратства. Стоило, например,

аратам одного из хошунов Тушэту-ханского аймака в 1914 г. захватить некоторое число лошадей из табуна, принадлежавшего крупному церковному феодалу из монастыря Чойрэн, как немедленно последовало распоряжение правительства о строгом наказании этих аратов.

Тяжелое положение аратства в период монархии послужило основной предпосылкой обострения классовой борьбы в стране. Одним из наиболее ярких проявлений классовой борьбы аратства в этот период явилось выступление аратов в хошуне князя Манибазара Дзасакту-ханского аймака, известное как движение Аюши. Это движение не было единичным. Подобные аратские движения имели место и в других районах страны, в частности в Тушэту-ханском и Цэцэн-ханском аймаках. Серьезные волнения происходили и среди солдат Внешней Монголии. Солдатские выступления были частью классовой борьбы аратства того периода.

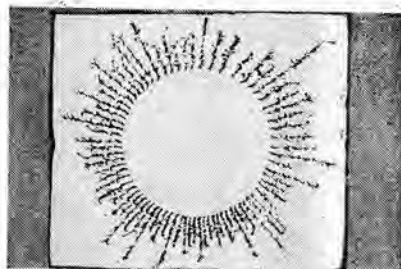
Принципиально аратское движение ничем не отличалось от крестьянских движений других стран. Одной из специфических черт аратского движения был его локальный характер в еще большей степени, чем у крестьянских движений других стран. Кочевой образ жизни, крайняя неразвитость экономических связей, редкое население, огромные пространства усиливали разобщенность аратских движений. В дореволюционной Монго-

лии не было городов в подлинном смысле этого слова, аратское движение в степи не могло ждать какой-либо поддержки. Но, несмотря на все преграды и препятствия, аратское движение расширялось.

Борьба аратов облекалась в разные формы: частичное, пассивное сопротивление отдельных аратов, ведение тяжбы с феодалами, уход или откочевку от них, дугуйлан, наконец, вооруженное восстание.

Пассивное сопротивление отдельных аратов происходило повседневно в феодальной Монголии. Оно охватывало широкие круги аратов и выражалось в отказе от выплаты налогов, от выполнения приказов феодальных властей и т. д. В условиях скотоводческого хозяйства одной из самых распространенных форм протеста аратов было сокрытие поголовья скота от феодалов. По мере усиления феодальной эксплуатации араты от частичного, пассивного сопротивления переходили к активной борьбе. Так, например, нередко они начинали тяжбу со своими князьями и откочевывали от них. В условиях Монголии откочевка была одной из эффективных форм борьбы. Дугуйлан представлял собой более организованную борьбу аратов с феодалами. Вооруженная борьба, восстания были высшей формой аратского антифеодального движения.

Кроме аратов к движению примыкали низшие ламы и цирьки (солдаты), иногда выступавшие и самостоятельно. В аратских выступлениях также принимали участие мелкие тайджи, однако они на первых порах ставили перед собой другие цели. Если араты боролись против феодального гнета вообще, то тайджи в своем большинстве стремились в первую очередь только восстановить свои права, ущемленные крупными феодалами. Они стремились освободить себя и своих хамджилга (дворовых) от государственных и княжеских повинностей, с тем чтобы самим получать возможность безраздельной эксплуатации. Тайджи, сперва игравшие реакционную роль в аратском движении, тормозившие его своей нерешительностью и соглашательством, постепенно переходили на более последовательные позиции под влиянием углубления и расширения этого движения. Аратское движение еще не выработало оформленной программы борьбы, его ближайшая задача заключалась в том, чтобы максимально ослабить тяжелый налоговый гнет. Характерной чертой аратского движения была его стихийная направленность одновременно и против феодалов, и против чужеземных поработителей в лице купцов-ростовщиков. Феодальное государство

Имена участников аратского дугуйланского движения в Цэцэн-ханском аймаке

выступало как машина подавления народного движения. Хотя аратское движение было стихийным, неорганизованным, оно было подлинной движущей силой монгольского общества. Исторически прогрессивное значение антифеодального аратского освободительного движения заключается в том, что оно, нанеся ощутимые удары по феодальному строю и подрывая его устои, облегчило победу народной революции.

Реакционному, антинародному общественному строю богдо-гэгэновской монархии соответствовала и реакционная, антинародная экономическая политика ее правительства.

Бюджет Внешней Монголии из года в год оставался дефицитным. Дефицит неизменно покрывался из так называемых чрезвычайных доходов, т. е. из займов царской России. За годы богдогэгэновской монархии Россия трижды сужала деньги правительству богдо-гэгэна. Первый заем сроком на десять лет был предоставлен в начале 1913 г. на сумму 100 тыс. руб. на организацию армии; второй заем сроком на 20 лет был дан в начале 1914 г. на сумму 2 млн. руб. на расходы по формированию вооруженных сил и на пужды управления; третий заем в сумме 3 млн. руб. сроком на 30 лет был предоставлен в том же, 1914 г. Царские займы носили кабальный характер. Они каждый раз сопровождались новыми уступками со стороны правительства богдо-гэгэна.

Главное место в бюджетных доходах занимали таможенные сборы, удельный вес которых достигал 70% и более. Львиную долю их приносили не внешние таможи (русский экспорт и импорт по договору от 3 ноября 1912 г. были освобождены от обложения), а внутренние, взимавшие пошлину за товары, сырье и скот, перемещавшиеся из одного района в другой внутри страны. Внутренняя пошлина оплачивалась оставшимися в Монголии китайскими купцами, а также монголами, покупавшими или продававшими скот и сырье (русские купцы были освобождены от этих сборов). Эта система, порожденная феодальной раздробленностью, в свою очередь, способствовала ее усилению, препятствуя внутреннему товарообороту и образованию единого рынка. Таможенный тариф 1916 г. облагал пошлиной в размере 5% рыночной цены на все товары, ввозимые и вывозимые через границу китайцами и монголами, а также продаваемые на рынках Урги, Улясутая, Кобдо и Кяхтинского Маймачена.

Внутренние пошлины впервые в истории Монголии были введены в период феодально-теократического государства. Они оказались необходимыми правительству богдо-гэгэна в качестве дополнительных источников государственных доходов; в них было заинтересовано и правительство царской России, рассчитывавшее таким путем затруднить проникновение на территорию Внешней Монголии европейского, американского, японского и других капиталов.

Доходы от прочих статей бюджета на протяжении всей истории богдоханской монархии не играли значительной роли.

В расходной части государственного бюджета совершенно отсутствовала статья на народное здравоохранение, но зато пенсии и пособия князьям в 2,5 раза превышали расходы на просвещение и ветеринарию; большую долю государственного бюджета составляли расходы на содержание богдо-гэгэна и его двора. Игнорируя действительные нужды страны и народа, правительство богдо-гэгэна одним из первых своих указов восстановило выплату всем феодалам жалованья за звания и титулы в размерах, установленных в 1733 г. маньчжурским императором Юнчжэном.

В государственном бюджете был, правда, так называемый «фонд реформ», предназначенный для финансирования мероприятий культурно-хозяйственного строительства. Этот фонд составлялся из поступлений от лесного налога, из доходов от телеграфа и телефона, из прибылей кирпичного завода и угольной шахты в Налайхе. В 1916 г. в этот фонд поступило 524 726 зол. руб., из которых на мероприятия социально-культурного характера было израсходовано менее 20% и на хозяйственные нужды — около 40%. Свыше 40% фонда было истрачено на содержание аппарата так называемого комитета реформ.

При этом строившиеся комитетом реформ предприятия (электростанция, телефонная станция, кирпичный завод, типография) обслуживали в основном чиновную знать столицы, а мероприятия в области народного образования сводились к открытию единственной школы в Урге и нескольких школ грамоты в отдельных хошунах; ветеринарная практика заключалась главным образом в организации противочумных прививок скоту, предназначенному на вывоз за границу. Таким образом, эти нововведения почти ничего не давали широким аратским массам.

Анализ «местных бюджетов» правительства богдо-гэгэна также показывает их сугубо феодальный, антинародный характер. Хошунские дзасаки выкачивали у крепостных аратов столько средств, сколько считали необходимым; они налагали на аратов всевозможные поборы, ни перед кем не отчитываясь. Они бесконтрольно и без ограничений расходовали собираемые средства на цели, ничего общего с культурой и прогрессом не имевшие.

Русско-монгольское соглашение 3 ноября 1912 г. и Кяхтинское русско-китайско-монгольское соглашение от 25 мая 1915 г. создавали русскому капиталу исключительно благоприятные условия для захвата монгольского рынка. Однако русские капиталисты не сумели в полной мере воспользоваться результатами дипломатических побед царизма; им не удалось занять место китайских купцов, изгнанных в своем большинстве в 1911—

1912 гг. из Монголии. Они не стали монопольными поставщиками промышленных товаров и не смогли удовлетворить спрос монголов на эти товары. Завоз товаров в Монголию из России в 1912—1915 гг. не превышал 30—35% потребности рынка, что при отсутствии ввоза из Китая скоро привело к острому товарному голоду.

Первая мировая война вызвала ослабление позиций царской России в Монголии, куда с 1916 г. вовсе прекратилась доставка русских товаров.

Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г., легализовавшее деятельность китайского купечества в Монголии, хотя и не уравнило его в правовом отношении с русскими капиталистами, очень скоро привело к восстановлению преобладающей роли китайцев как поставщиков товаров в Монголию и как покупателей монгольского сырья. Непрочность экономических позиций царизма наряду с его военными неудачами на фронтах мировой войны неизбежно влекла за собой и постепенное падение политического престижа царской России в Монголии.

Однако ослабление царизма на Дальнем Востоке не способствовало укреплению независимого положения монгольского государства. По мере того как падало влияние царской России, активизировалась агрессивная политика японского империализма. Япония еще до первой мировой войны начала подготовку к захвату всей Монголии. Так, например, в конце 1913 г., после подписания русско-китайской декларации об Автономной Монголии в Ургу прибыл японский чиновник Кодама, который вел переговоры с министром иностранных дел Ханда-Доржи, предлагая помощь в объединении Внешней и Внутренней Монголии в одно независимое от Китая государство. В обмен на эту «помощь» Кодама просил предоставить Японии «известные торговые и территориальные права и льготы». Хотя предложения Кодамы были сочувственно встречены многими влиятельными феодалами и высшими ламами, миссия Кодамы не имела успеха; в дело вмешалась царская Россия, и японскому правительству пришлось официально отмежеваться от Кодамы и от его предложений.

В лице некоторых высших лам, окружавших богдо-гэгэна, японские империалисты имели надежных сторонников. По их инициативе богдо-гэгэн 13 января 1914 г. написал японскому императору второе письмо, в котором высказывал сожаление, что прежние попытки установить связи между Монголией и Японией были неудачны, и выражал надежду, что японский император согласится оказать содействие «доброму делу» объединения всех монголов. Но эта попытка правительства богдо-гэгэна опереться на японский империализм потерпела провал. Письмо богдо-гэгэна попало в руки правительства царской России, вследствие чего Японии пришлось сделать вид, что оно к нему непричастно.

Новое широкое наступление японского империализма на Азиатском материке было предпринято в 1915 г. «21 требование», предъявленное японским правительством 18 января 1915 г. Китаю, знаменовало собой начало этого наступления. Агрессия японского империализма против Китая таила в себе опасность и для Монголии.

Великая Октябрьская социалистическая революция и образование Советского государства отвели эту угрозу от монгольского народа, навсегда спасли его от колониального рабства и помогли ему разбить цепи феодального гнета.

Великий Октябрь положил начало крушению колониальной системы империализма. Страна Советов, аннулировав все кабальные договоры, заключенные царизмом со странами Востока, в том числе с феодально-теократической монархией Монголии, протянула руку дружбы всем угнетенным народам, стала их реальным и последовательным защитником и другом.

Именно Советская страна выступила за применение в международных отношениях принципов равенства и взаимной выгоды, взаимного уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга.

* * *

В период существования богдоханской монархии (1911—1919) значительно усилилось культурное влияние России на Внешнюю Монголию.

Революционно настроенные рабочие и служащие, приезжавшие из России в Ургу, несли передовую идеологию, распространяли революционные идеи среди тех монголов, с которыми им приходилось общаться. Политическая жизнь и политическая борьба в русской колонии в Урге также привлекали внимание передовых аратов, прививали им навыки политической борьбы.

Революционная идеология и передовая русская культура распространялись также и через монгольскую молодежь, посылавшуюся тогда на учебу в Россию. Монгольские учащиеся имели возможность лично наблюдать острую классовую борьбу и октябрьские бои 1917 г. Среди обучавшихся в Иркутске находился Х. Чойбалсан, один из будущих организаторов и руководителей МНРП.

В этот период в Монголии появились первые небольшие промышленные предприятия. В частности, большое культурное и политическое значение имели типографии, созданные в Монголии русскими людьми.

Первая русско-монгольская типография была организована еще в начале XX в. Типография эта была небольшая, оснащенная несколькими ручными печатными машинами, которые обслуживали два десятка русских и монгольских рабочих.

В годы монархии была создана при министерстве иностран-

ных дел вторая типография в Монголии. Печатала она преимущественно официальные материалы. Кроме того, небольшая типография, созданная при шабинском ведомстве, выпускала материалы этого ведомства, указы и поучения богдо-гэгэна.

В русско-монгольской типографии некоторое время работал организатор и вождь монгольской революции Сухэ-Батор. Он не только приобрел там специальность наборщика, но и установил связь с русскими рабочими, в частности с механиком типографии М. И. Кучеренко.

Наличие типографии позволило выпускать периодические издания и книги. В годы богдогэгэновской монархии стала издаваться в Урге первая монгольская газета — «Нийслэл хурээний сонин» («Столичные новости»).

Крупным событием было открытие первой светской школы при министерстве иностранных дел богдоханской монархии. В ней начал свое образование Х. Чойбалсан. Кстати говоря, поступить в школу Чойбалсану помог политический эмигрант из России Г. Г. Данчинов, работавший тогда преподавателем в этой школе.

Глава 4

КУЛЬТУРА В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКОЙ МОНАРХИИ (1911—1919)

Для культуры периода монгольской монархии характерны некоторые особенности. Она развивалась в обстановке подъема национально-освободительного движения монгольского народа. В духовной жизни монголов обнаружились некоторые новые явления в связи с выходом страны из полной изоляции от культурного мира и вступлением ее в сношения с другими странами, в первую очередь с Россией.

Для дальнейшего развития монгольской национальной культуры особенно важное значение имел тот факт, что к концу существования монархии в Монголии начали проникать революционизирующие идеи Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Среди монголов усилились стремления учиться у культурных стран Запада управлять государством по примеру развитых стран. Это нашло свое выражение в некоторых прогрессивных мероприятиях, проведенных в то время в области культуры и просвещения.

Прежде всего были предприняты шаги к созданию современной светской школы в Монголии. В обращении министерства иностранных дел к богдо-гэгэну от 4-го года «многими возведенного» (1914) говорилось о необходимости обучения каждого че-

ловека письменности, создания в стране светской школьной системы по образцу России, Франции и Англии. В этом обращении подчеркивалась крайняя отсталость Монголии. Оно отмечало, что грамотность населения не достигает даже одного человека на десять, что «монголы до сего времени остаются не образованными и дошли до состояния нищеты и отсталости»¹.

При монархии началось создание светской школы в Монголии наряду с существовавшими многочисленными религиозными школами². Светское образование в то время находилось в ведении министерства иностранных дел.

В правилах о начальных школах, опубликованных в 1915 г., указывалось: «Принимаются дети чиновников, тайджей и простолюдинов... По окончании начальной школы выбираются наиболее способные дети для дальнейшего обучения в средних школах»³.

24 марта 1912 г. при министерстве иностранных дел в Урге открылась первая современная светская школа, в которую приняли 47 учащихся от четырех аймаков и шабинского ведомства.

В связи со сближением Монголии с Россией активизировались культурные отношения между двумя странами. При министерстве иностранных дел стала функционировать школа русского языка для монгольских детей. В школу были приглашены учителя из России. В июне 1914 г. в школе работали директор, два учителя, три сотрудника из обслуживающего персонала, а число учащихся достигало 46 человек. Эта школа сыграла важную роль в подготовке прогрессивно настроенных интеллигентов среди монголов, а также в распространении передовых идей в Монголии. Учащиеся школ столицы отправлялись на учебу в русские города — Иркутск и др. Из них впоследствии вышли активные участники монгольской революции.

В 1912 г. в Худжир-Булане при участии русских инструкторов было создано военное училище. Из 30 окончивших его вышли впоследствии активные бойцы и командиры народных революционных войск. В это же время зародилась в стране военная музыка.

В период монгольской монархии состоялось первое знакомство монголов с совсем новым в то время искусством кино. Кинофильмы поступали в столицу страны из России. Один русский путешественник, посетивший кино, писал: «Кинематограф охотно посещается русскими и китайцами, но главными любителями его оказались сами монголы... Театр буквально не мог

¹ «Улсын архив», 6 анги, 21 бүлэг, 1 бүс.

² О школах того времени см.: Н. Сэр-Оджаг. Монголын автономит уеийн соёлын зарим асуудлууд. — ШУ. 1955, № 3, с. 13—18; Ш. Бира. Монголын автономит засгийн үед төрийн сургуулийн хэргийг хөгжүүлэх талаар авч явуулсан зарим дэвшилт арга хэмжээний тухай. У. Б. 1950; Л. Дүгэрсүрэн. Улаанбаатар хотын түүхээс, Нийслэл хүрээ. У. Б., 1956, с. 65—66.

³ О правилах начальных и средних школ см.: «Улсын архив», 1 анги, 29 бүлэг, 8 бүс.

вместить всех желающих посмотреть на „дикийн тени“. Каждая картина встречалась с нескрываемым восторгом».

Зарождение светской школьной системы в обстановке застоя религиозного образования следует рассматривать как положительное явление в истории национальной культуры Монголии. Мероприятия в области образования приобщили в известной мере Монголию к современной культуре, заметно повысили национальное самосознание монголов.

Многие из тех, кто получил образование в те годы, работали при народной власти в центральных и местных государственных, партийных и общественных организациях, а также в культурно-просветительных учреждениях страны.

Вместе с тем школьные дела в монгольской монархии находились в крайне запущенном состоянии и не получили должного развития. Правящие круги полностью подчинили культурные мероприятия корыстным целям господствующего феодального класса. Они отнюдь не заботились об интересах широких народных масс. В первом обращении министерства внутренних дел к богдо-гэгэну по поводу организации школ подчеркивалось следующее:

«Основа религии и государства заключается только в образованных людях, способных укреплять власть чиновников. Они являются главной опорой государства. Все это нужно начать с организации начальных школ. При этом очень важно подготовить образованных людей из среды наследственных князей и нойонов. Поэтому в первую очередь нужно дать образование нойонам и их детям»⁴.

К одному из значительных культурных достижений того времени относится зарождение современной прессы в Монголии, подготовившей условия для появления революционной газеты в ноябре 1920 г.

6 марта 1913 г. вышел первый номер журнала «Шинэ толь» («Новое зеркало»), а с 1915 г. начала выходить газета «Нийслэл хурээний сонин бичиг» («Столичные новости»). Эти периодические издания на своих страницах критиковали реакционную сущность монархического режима в стране, крайнюю отсталость Монголии, а также распространяли передовые демократические идеи о создании нового возрожденного монгольского государства. Газета и журнал доносили до монгольских читателей известия о революционных событиях, происходивших в России и Китае, а также знакомили с международным положением того времени.

В Монголии развивалось печатное дело. Были отпечатаны типографским способом некоторые книги, в частности «Букварь», «Оюун тулхур» («Ключ разума»), «Цаган шувууны тууж» («Повесть белой птицы»), «Гадаад улсын товч түүх»

⁴ «Улсын архив», 1 анги, 29 бүлэг, 1 бүс.

(«Краткая история иностранных государств»), «Хоёр эр загалын түүх» («Повесть о двух скакунах»), «Орчлонгийн сав шим» («Об устройстве вселенной») и др.

В связи с ростом национально-освободительного движения монгольского народа и повышением его национального самосознания значительно усилился интерес к истории страны. Интенсифицировалась работа по собиранию различного рода материалов, относящихся к истории и родословной монгольских князей и нойонов.

Началась подготовка к составлению истории Монголии. В 1918—1919 гг. была написана официальная история Монголии под названием «Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын шастир» в 11 томах. В ее создании принял участие коллектив авторов, в том числе историки Цэрэндэв, Гомбоцэрэн, Галсандон, Ш. Дамдин, Сумья, Дашням, Тогтох, Намсрайжав.

В труде «Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын шастир» красной нитью проходит мысль о том, что Монголия — с древних времен независимое государство, которое после выхода из маньчжурской империи возродилось в виде монгольской монархии. В этом труде можно найти критические замечания о политике маньчжуров в Монголии. В ней говорится: «Представители маньчжурского императора, самовольно отказавшись от того, чтобы с почтением следовать законам и принципам государства и религии, из-за того, что они занимаются взяточничеством по поводу каждого дела, думая лишь о своих выгодах, полностью нарушили законы и порядки и считают правильное дело неправильным, а неправильное — правильным. Ввиду изложенного все [люди] без исключения, будучи доведенными до крайности как в физическом, так и в имущественном отношениях»⁵, избрали Богдо-Джебзундамбу «многими возведенным» хаганом монгольского государства.

Несмотря на то что цитата показывает всю ограниченность представителей феодального класса Монголии при критике политики чужеземных угнетателей, а также при определении причин создания независимой монгольской монархии, все же видно, что идеи национально-освободительного движения нашли в какой-то мере отражение в монгольской историографии того времени.

Из историков периода монгольской монархии следует назвать Ш. Дамдина (1867—1937). Он принадлежал к числу историков, вышедших из среды ламства и сочинявших свои труды на тибетском языке. С 1900 по 1920 г. им написаны следующие работы: «Хронологический трактат», «Краткая история буддизма в Монголии», тибетский перевод «Путевых заметок Фасяна» и др. Он же начал составлять в 1919 г. историю Монголии под названием «Золотая книга». Дамдин внес некоторые

⁵ «Монгол улсын шастир». Т. 11 (без пар).

нововведения, используя современные исторические данные, однако он не смог освободиться от пут феодально-религиозной идеологии, характерной для тогдашней монгольской историографии.

Новые веяния наблюдались и в монгольской литературе данного периода. В монгольском фольклоре нашли свое отражение чаяния и думы народа, вставшего на путь освободительной войны. В устном народном творчестве народные сказители остро высмеивали пороки феодального класса и в то же время воспевали мужество и талант простого народа.

В рассматриваемый период такие народные таланты, как Гэлэгбалсан, Лувсан и др., плодотворно продолжали свое творчество. В условиях подъема освободительного движения в стране народность и критическая направленность их творчества вырисовываются еще рельефнее. Народные сказители и поэты того времени были предтечами писателей революционной эпохи. Эстафету с тех пор до наших дней донес знаменитый народный поэт Лувсан-хуурч (1885—1943). Он был родом из хошуна Уй-зэн-гуна аймака Цэцэн-хана. Его предки в трех поколениях были талантливыми сказителями.

Подобно Гэсэриаде и Джангариаде, стала литературным произведением и «Повесть о Хан-Харангуе», довольно известном эпическом герое, борце с мифическими силами зла. Списки повести обнаруживались в разных местах Монголии, в Бурятии и Туве. Известно было это произведение ойратам и калмыкам. К какому времени относится первая запись и где она была сделана, точно установить трудно. Б. Я. Владимирцов, посетивший ойратов в 1911, 1913—1915 гг., пишет, что знаменитый Парчин-туульч заучил эту повесть по рукописи, хранившейся у баитского правителя Да-бэйсэ.

Для изобразительного искусства того периода примечательно стремление некоторых художников к отображению действительной жизни, к выходу за рамки религиозной тематики. Крупным представителем реалистической тенденции в монгольском искусстве является Б. Шарав (Марзан) (1869—1939). Он создал такие крупные реалистические работы, как «Один день Монголии», портреты Богдо, Эх-дагини и др.

Народные умельцы в основном работали на ханов и нойонов. Так, при дворе богдо-гэгэна служила группа мастеров по декоративному искусству, художественному литью, аппликации, вышивке.

Расширение экономических и культурных связей Монголии с Россией содействовало ознакомлению монголов с новинками европейской культуры и техники. Появились первые современные предприятия (золотые прииски «Монголор», мастерская по ремонту оружия, электростанция и др.), был учрежден телефонный узел в Урге на 50 номеров, открылась русско-монгольская типография. Были внедрены некоторые виды медицинской

и ветеринарной службы, небольшое число монголов получили специальности механиков, слесарей, техников и шоферов.

Правительство богдо-гэгэна совместно с Россией создало Комитет по исследованию Монголии. Его задача заключалась в изучении народонаселения, хозяйства, выявлении геологических ресурсов и составлении географической карты Монголии, определении районов, пригодных для земледелия и сенокосения, и т. д. Впервые в многовековой истории страны была проведена перепись населения и скота. Данные переписи 1918 г. положили конец всевозможным догадкам и предположениям о людских и хозяйственных ресурсах Монголии.

Избавление Монголии от чужеземного гнета дало некоторый толчок развитию монгольской культуры. Однако не было еще условий для всестороннего развития национальной культуры. Основная причина заключалась в том, что в Монголии по-прежнему господствовали отсталые феодальные отношения и народ не получил свободы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПОБЕДА НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОНГОЛИИ

Глава I

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МОНГОЛИЮ

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции

Истории человечества известны многие крупные революционные выступления угнетенных классов и поработенных народов против эксплуататоров. Но все эти восстания и буржуазные революции в тех или иных странах никогда не приводили к уничтожению социального гнета. Только Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в истории ликвидировала эксплуатацию человека человеком, навсегда уничтожила эксплуататорский строй, установила в России диктатуру пролетариата, полностью раскрепостив рабочий класс, трудящееся крестьянство, а также многочисленные нерусские народности, угнетавшиеся и подавлявшиеся господствующими классами помещичье-капиталистической России.

Благодаря этому значение Октябрьской революции вышло далеко за пределы национальных рамок Российского государства, оказав могучее революционизирующее воздействие на весь ход истории человечества.

Определяя международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин писал, что оно сказывается в двух направлениях: в воздействии на револю-

ционное движение в других странах и в неизбежности повторения основных черт русской революции в международном масштабе.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась главным событием XX в., изменившим весь ход мировой истории, открывшим перед человечеством новые перспективы.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался переходный период от капитализма и докапиталистических отношений к социализму.

Под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции пришли в движение народы всех континентов, весь мир эксплуатируемых, изнывающих под гнетом империализма трудящихся масс. Ряд революций — в Германии, Австро-Венгрии и в других странах, массовые революционные выступления рабочих Европы и Америки потрясли до основания капиталистический мир. Пробудились поработанные народы колониальных стран.

Победа Октябрьской революции в России и установление Советской власти в республиках Средней Азии и Закавказья содействовали подъему национально-освободительного движения в Афганистане, Китае, Корее и других странах Азии.

Октябрьская революция показала всему миру, и прежде всего зависимым и колониальным народам, составлявшим более половины человечества, единственно правильный путь решения национального вопроса.

Советское правительство с первого дня своего существования решительно порвало с захватнической империалистической политикой царской России. Оно аннулировало все неравноправные договоры, навязанные царизмом колониальным и полуколониальным странам, предало гласности все тайные договоры царской России с другими империалистическими государствами, направленные на ущемление суверенных прав народов Востока. Оно провозгласило в качестве незыблемых основ своей внешней политики право народов на самоопределение, мирное сотрудничество и взаимное уважение стран и народов.

Объективный ход истории превратил Советскую Россию в центр революционной борьбы народов всего мира, выступающих против империализма. Страна Советов стала надежным оплотом и союзником угнетенных народов в их борьбе против империалистического и феодального гнета.

Следует отметить, что В. И. Ленин всегда уделял большое внимание и сочувственно относился к борьбе монгольского народа за свое национальное и социальное освобождение, решительно отстаивая его интересы и предсказывая ему путь к светлому социалистическому будущему. В своих выступлениях в 1912—1917 гг. В. И. Ленин рассматривал монгольский вопрос в свете международной политики на Дальнем Востоке. В апреле 1913 г., анализируя колониальную политику России в отношении

Монголии, В. И. Ленин подчеркивал, что царское правительство щедро финансирует «политику авантюры и грабежа вчера в Корее или на реке Ялу, сегодня в Монголии и в турецкой Армении»¹.

В марте 1915 г., раскрывая сущность первой мировой войны, В. И. Ленин отмечал, что царизм и правящие классы России участвуют в этой войне за захват Монголии и некоторых других стран Азии².

В августе — октябре 1916 г. В. И. Ленин писал: «Мы, великорусские рабочие, должны требовать от своего правительства, чтобы оно убралось вон из Монголии, из Туркестана, из Персии, — английские рабочие должны требовать, чтобы английское правительство убралось вон из Египта, из Индии, из Персии и т. д. Но разве это значит, что *мы*, пролетарии, *хотели* отделяться от египетских рабочих и феллахов, от монгольских или туркестанских или индийских рабочих и крестьян?»³.

Октябрьская революция положила начало объединению революционных выступлений рабочих капиталистических стран и национально-освободительной борьбы колониальных и зависимых стран в единую силу, способную победить империализм.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции аратство Монголии получило реальную возможность установить союз с рабочим классом Советской России. Исторические корни этого союза уходят в далекое прошлое, когда монгольский народ, боровшийся против феодального и колониального гнета, искал и находил поддержку у прогрессивных представителей русского народа. Из России проникали в Монголию передовые идеи — идеи демократии и социализма. Общение монгольского и русского народов давало возможность передовым людям из аратства воспринимать революционный опыт русского рабочего класса и его партии. Эти передовые представители аратства сознавали, что дело освобождения многострадального монгольского народа неразрывно связано с революционной борьбой и успехами рабочего класса России. Под влиянием происходивших в Советской России революционных событий классовая борьба аратства против феодалов и его освободительное движение против иностранных капиталистов в период автономии стали носить более острый характер, перерастали из одиночных выступлений в групповые, принимавшие иногда форму вооруженной борьбы. В этот период с новой силой возобновилась борьба аратских масс под руководством известного народного героя — арата Аюши.

¹ В. И. Ленин. К вопросу о политике министерства народного просвещения. — Т. 23, с. 129.

² В. И. Ленин. Конференция заграничных секций РСДРП. — Т. 26, с. 162.

³ В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Т. 30, с. 119.

Весной 1914 г. произошли крупные волнения в воинских частях на западной границе Монголии и в Урге, а в январе 1915 г. — в пограничных частях на юго-восточных рубежах страны.

В ряде хошунов Цэцэн-ханского и Тушэту-ханского аймаков в течение 1917 г. араты выступали с антифеодальными и антиимпериалистическими требованиями. Однако эти выступления ввиду отсутствия руководящей организации и программы действий потерпели поражение.

Классовая узорность этих выступлений заключалась в том, что они не выдвигали вопроса о революционной замене общественного строя, ограничиваясь главным образом протестами против произвола феодальных правителей, грабительской политики империализма и иностранных торгово-ростовщических фирм.

Лишь победа Октября и рождение Советского социалистического государства коренным образом изменили обстановку в Монголии и в сильнейшей степени способствовали быстрому созреванию субъективных предпосылок народной революции в ней, обеспечили возможность непосредственного контакта передовых слоев монгольского аратства с победившим рабочим классом России. Все это создало благоприятные условия для успешного развития и победоносного завершения антиимпериалистической и антифеодальной революции, в которой главной движущей силой выступил угнетенный класс аратства, руководимый революционной партией, в тесном интернациональном союзе с рабочим классом Советской России.

В силу этого народная революция в Монголии характеризовалась целым рядом следующих особенностей.

Во-первых, она развертывалась под непосредственным идейным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, в тесном интернациональном союзе с русским рабочим классом.

Во-вторых, своим острием она была направлена в первую очередь непосредственно против империализма, его пособников — китайских милитаристов и русских белогвардейцев. Поэтому освободительная война монгольского народа должна была неминуемо слиться с борьбой народов Советской России против мирового империализма.

В-третьих, освободительная борьба монгольского народа против империалистического гнета с самого начала народной революции теснейшим образом переплеталась с борьбой против феодализма. Антиимпериалистические цели революции были неразрывно связаны с антифеодальными задачами демократических преобразований в стране.

В-четвертых, будучи по своему характеру антиимпериалистической и антифеодальной, она должна была привести к утверждению в стране не буржуазного, а народно-демократического строя, обеспечившего с помощью первого в мире социалисти-

ческого государства — Советской России — некапиталистический путь развития страны к социализму.

Благодаря этим своим особенностям народная революция в Монголии представляла собой революцию нового типа — народно-демократическую революцию.

Значительную роль в пробуждении политической активности народных масс Монголии сыграли события в Сибири и на Дальнем Востоке, где под руководством Коммунистической партии развертывалась героическая партизанская война рабочих и крестьян против белогвардейских мятежников, поддержанных войсками японских, американских и других империалистических интервентов.

Победа Красной Армии над Колчаком в Сибири способствовала усилению революционной активности передовой части монгольского населения.

Некоторые представители революционного движения Монголии, например хатан-батор Магсаржав, в июле — августе 1919 г. установили дружественные контакты с командующими советских пограничных войск по урегулированию пограничных отношений⁴.

Борьба русских поселенцев, проживавших в Урге, с реакционными кругами русской колонии также помогала монгольскому народу раскрыть смысл событий, происходивших в России.

Организовав в 1919 г. в Урге нелегальный революционный комитет, революционно настроенные русские тайно скупали оружие и боеприпасы и переправляли их в партизанские отряды, сражавшиеся по ту сторону русско-монгольской границы.

С весны 1918 г. в Монголии появились бежавшие из России представители капиталистов и помещиков, белогвардейские офицеры, кулаки, чьи злобные, клеветнические выпады против Советской власти, против большевиков воспринимались передовыми аратами как новое доказательство того, что Советская власть борется с эксплуататорами и защищает интересы угнетенных и неимущих.

С конца 1918 г., когда при помощи иностранных интервентов русские белогвардейские мятежники временно подавили власть Советов на Дальнем Востоке и в Сибири, в Монголию стали также эмигрировать, спасаясь от контрреволюционного террора, семьи активных советских работников и рабочие и крестьяне — сторонники Советской власти. Они своими рассказами содействовали повышению революционной активности аратов.

Так великие освободительные идеи Октябрьской революции, опыт революционной борьбы трудящихся России становились до-

⁴ Туухийн тов архив. Хатанбаатор Магсаржавын фонд, эх бичиг (Центральный исторический архив. Фонд Хатанбатора Магсаржава, подлинник).

стоянием трудящегося аратства, будили его классовое сознание и волю к борьбе за свое национальное и социальное освобождение. Именно в этот период в стране появились первые монгольские революционные кадры, сыгравшие видную роль в народной революции.

Летом 1919 г. Красная Армия Советской России начала свое победоносное наступление на Восточном фронте, предвещавшее близкое освобождение Сибири и Дальнего Востока от белогвардейских наймитов империализма. 3 августа 1919 г. Советское правительство обратилось со специальным воззванием к правительству и народу Автономной Монголии, сообщая о своем полном отказе от преимуществ и привилегий царской России в Монголии, от всех неравноправных договоров. «Монголия,— говорилось в обращении,— есть свободная страна... Вся власть в стране должна принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии... Советское правительство, громогласно возвещая об этом монгольскому народу, предлагает немедленно вступить в дипломатические сношения с русским народом и выслать навстречу Красной Армии посланцев свободного монгольского народа»⁵.

Богдогэгэновская клика не только не ответила на обращение Советского правительства, но приняла все меры к тому, чтобы скрыть его от народа. Но, несмотря на все ее ухищрения и полицейские рогатки, весть об обращении правительства Советской России дошла до трудящихся Монголии.

Страх перед освободительными идеями Октября побудил феодально-теократическое правительство богдо-гэгэна встать на путь открытого сговора с японскими империалистами и их агентурой в лице китайских милитаристов из клики Аньфу. Опасаясь за прочность своей власти, за свои феодальные привилегии, богдогэгэновская клика надеялась с помощью империалистической Японии и реакционных китайских генералов сохранить в стране феодальные порядки и удержать в повиновении аратство.

В результате переговоров в марте, апреле и сентябре 1918 г. между японским правительством и китайскими милитаристами были заключены соглашения об участии последних в вооруженной интервенции против Советской России. Китайские милитаристы обязались ввести свои войска в Автономную Монголию и, опираясь на нее, начать наступление по направлению к оз. Байкал, чтобы отрезать Дальний Восток от Советской России.

В 1918 г. при тайном согласии клики богдо-гэгэна в Урге появились китайские войска под предлогом защиты северо-западного края, т. е. Монголии, от «угрозы большевизма». Это

⁵ Монгол Ардын Хувьсгалт намын түүхийн зарим чухал баримтууд. У. Б., 1946, с. 64—65.

и привело в дальнейшем к ликвидации автономии Внешней Монголии. Контрреволюционная борьба против Советской России объединила в одном реакционном лагере японских, американских, английских и других империалистов, китайских милитаристов, богдогэгэновскую клику и представителей свергнутых в России помещиков и капиталистов. Активная роль в этом разбойничьем блоке принадлежала японскому милитаризму, возглавившему на Дальнем Востоке лагерь мировой реакции. Японские милитаристы, в свою очередь, опирались на прояпонскую клику Аньфу, стоявшую тогда у власти в Северном Китае.

Японские милитаристы считали, что обстановка благоприятствует осуществлению их планов захвата советского Дальнего Востока и Монголии. Желая, однако, замаскировать свои захватнические планы, они сделали попытку осуществить их под видом «движения панмонголистов». Сочинив проект создания так называемой Великой Монголии, включающей Бурятию, Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Баргу, Кукунор и другие районы, населенные монгольскими народностями, японская военщина решила поставить во главе движения за «Великую Монголию» своего платного агента — белогвардейского атамана Семенова. В случае удачи план создания «великомонгольского» государства открывал японским милитаристам возможность превратить в свою колонию огромную территорию, весьма для них важную в экономическом и стратегическом отношении.

Атаман Семенов, окруженный японскими советниками, снабженный деньгами и вооружением, развернул активную деятельность. Он привлек к участию в панмонгольской аванюре одного из влиятельных иерархов ламаистской религии — Нэйсэгэгэна, несколько крупных феодалов Внутренней Монголии, а также отдельных буржуазных националистов Бурятии. Однако богдогэгэновская клика, правившая Автономной Монголией, отказалась от прямого и открытого сотрудничества с Семеновым, боясь потерять свое безраздельное господство над монгольским аратством. «Панмонгольская» авантюра японских империалистов вскоре потерпела крах. Марионеточное правительство «Великой Монголии», никем не признанное, лишенное поддержки народных масс и раздираемое внутренними противоречиями, в конце 1919 г. закончило свое бесславное существование.

Установление в Монголии оккупационного режима китайских милитаристов и обострение внешнего и внутреннего положения страны

Богдогэгэновское правительство, премьером которого в это время был шанзотба Бадамдорж, один из крупнейших церковных феодалов, боясь влияния Октябрьской социалистической революции на Монголию, предательски готово было отдать страну в руки аньфуистских оккупантов.

Но ликвидировать автономию втихомолку богдогэгэновская клика боялась. За сохранение автономии страны выступали не только широкие массы аратства, но и мелкие и средние чиновники центральных правительственных учреждений Урги. Видную роль в движении за автономию играли Сухэ-Батор и другие представители аратства.

В связи с этим в ургинских официальных кругах в 1919 г. развернулась острая борьба. Ничтожная верхушка правящих феодальных кругов соглашалась на ликвидацию автономии при условии сохранения их титулов и привилегий, что им было обещано китайскими милитаристами. Широкие народные массы, а также мелкие и средние ургинские чиновники оказывали решительное сопротивление стремлению ликвидировать автономию. Аратство было заинтересовано в сохранении автономии, так как на смену автономии пришло бы господство китайских милитаристов и связанное с ним тяжелое чужеземное рабство. В такой обстановке китайские милитаристы могли добиться ликвидации автономии лишь путем подкупа кучки предателей-феодалов из богдогэгэновского правительства и военной оккупации страны.

Летом 1919 г. китайские милитаристы начали захватнические акции, непосредственно направленные на ликвидацию автономии. Китайский наместник в Урге Чэн И то запугивал богдогэгэна и его правительство, то уговаривал их «добровольно» отказаться от автономии, обещая сохранить князьям их привилегии. Начался торг китайских агрессоров об условиях отказа от автономии.

В результате китайскими милитаристами был подготовлен и навязан монгольскому правительству капитулянтский документ, известный под названием «64 пункта об улучшении будущего положения Монголии». Согласно этим «пунктам», правительство Автономной Монголии аннулировалось. Монголия должна была управляться китайскими наместниками и их помощниками в Урге, Кобдо, Улясутае и Кяхте; права монгольских феодалов на эксплуатацию аратов оставались прежними; богдо-гэгэн формально сохранял титул хана и получал ежегодное жалованье для себя и своей жены в размере более 72 тыс. ланов; содержание китайских гарнизонов в Монголии возлагалось на аратов.

В июле 1919 г. при правительстве богдо-гэгэна были созданы верхняя и нижняя палаты, которым было поручено обсудить и одобрить соглашение о ликвидации автономии. Верхняя палата, состоявшая из представителей предательской верхушки, одобрила проект этого соглашения, а нижняя палата, куда входили средние и мелкие чиновники и представители аратства (в том числе Сухэ-Батор), решительно отвергла его, высказавшись за сохранение автономии с целью восстановления государственной самостоятельности страны. Таким образом, в реше-

нии нижней палаты наиболее ярко проявилось обострение борьбы за коренные интересы аратства.

Задуманная китайским представителем Чэн И игра в «добровольный отказ» от автономии, продолжавшаяся долгое время в самых ухищренных формах, не увенчалась успехом.

Провал попытки Чэн И договориться о добровольном отказе от автономии вынудил китайских милитаристов перейти к более решительным действиям. По согласованию с японскими милитаристами правившая в Китае аньфуистская клика в октябре 1919 г. направила в Ургу одного из своих лидеров, опытного политика, душителя революционного движения трудящихся — генерала Сюй Шучжэна, который и ликвидировал автономию Внешней Монголии в течение нескольких дней. Опираясь на свои войска, Сюй ультимативно потребовал от председателя Совета министров Бадамдоржа немедленного представления петиции, подписанной богдо-гэгэном, министрами и их заместителями, о безоговорочном отказе от автономии. Реакционная верхушка феодалов во главе с богдо-гэгэном, позорно предав интересы страны и народа, выполнила требование Сюй Шучжэна. 17 ноября 1919 г. ему была вручена требуемая петиция, а через пять дней после этого, 22 ноября, был обнародован так называемый декрет президента Китая о ликвидации автономии Внешней Монголии.

Автономия Монголии, завоеванная аратством в 1911 г., была ликвидирована. Во Внешней Монголии установилась власть китайских милитаристов, ухудшилось и без того тяжелое положение аратства.

В страну нахлынули представители и агенты китайских фирм, «пострадавших» в результате событий 1911—1912 гг. в Китае и предъявивших монголам требование возместить понесенные ими «убытки». Сюй Шучжэн издал указ, согласно которому монгольское аратство обязывалось возобновить платежи по старым кабальным договорам и сделкам, причем к сумме старой задолженности были причислены ростовщические проценты за истекшие восемь-девять лет. Это составляло огромную сумму, в ряде случаев значительно превышавшую стоимость всего скота хошунов-должников.

По инициативе Сюя и при его активном участии в Урге было открыто отделение банка, называвшегося китайским, но весь капитал которого принадлежал японским монополиям.

Кроме того, аратство Монголии должно было нести всю тяжесть поборов и повинностей, связанных с содержанием многотысячной армии китайских милитаристов, оккупировавших страну.

Оккупация Монголии китайскими войсками вызвала небывалый подъем национально-освободительного, антиимпериалистического движения монгольского аратства, быстрый рост его классового самосознания. Аратов воодушевлял пример русских

рабочих и крестьян, свергнувших власть помещиков и буржуазии и приступивших к строительству новой жизни без угнетения человека человеком.

Создание революционных кружков в Урге и установление связи с Коминтерном и Советской Россией

Под влиянием великих идей Октябрьской социалистической революции национально-освободительное движение аратства принимало все более острый характер. Оно было направлено прежде всего против оккупантов — китайских милитаристов и их лакеев — монгольских феодалов. В этих условиях летом 1919 г. в столице Внешней Монголии Урге были организованы два подпольных революционных кружка.

Первый революционный кружок, который назывался ургинским, зародился в центре города. В него вошли представители аратства — Д. Сухэ-Батор и гражданские и военные служащие аратского происхождения — Данзан, Д. Догсом, М. Дугаржав, Дэндэв, Галсан, Тогтох, Цэнд, Даш и др.

Из числа революционеров выдвинулся Д. Сухэ-Батор, ставший руководителем революционной борьбы и народным героем.

Сухэ-Батор родился 2 февраля 1893 г. в Цэцэн-ханском аймаке (ныне Сухэ-Баторский) в семье бедного арата Дамдина, который со своей семьей перебрался в Ургу, рассчитывая найти там работу.

У Сухэ не было надежд на получение образования. Тяжелое материальное положение семьи вынуждало его искать средства к существованию. В 14 лет он поступил на работу в качестве погонщика уртонных лошадей на тракте Урга — Кяхта. Общаясь с широким кругом людей, Сухэ часто сталкивался с фактами несправедливого отношения к аратам феодалов, высших лам и маньчжурских чиновников.

В 1907—1908 гг. Сухэ-Батор занимался поденной работой в Урге. В свободные от тяжелого труда минуты Сухэ упорно и настойчиво изучал монгольскую грамоту.

В 1912 г. он был призван в армию Автономной Монголии. Успешно окончив школу младших командиров, Сухэ-Батор стал командиром эскадрона. Он неоднократно участвовал в боях за независимость Монголии против китайских милитаристских войск.

Среди русских военных инструкторов, обучавших монгольские войска в Худжир-Булаке, где служил Сухэ-Батор, были офицеры, сочувственно относившиеся к революции и к Советской власти. Несомненно, именно от них командир эскадрона Сухэ-Батор получил первую обстоятельную информацию о революции в России.

Внимательно следя за событиями в стране, Сухэ-Батор по-

нимал все тяжелые последствия оккупации страны аньфуистскими войсками. К этому времени относится начало его активной революционной деятельности.

В конце 1918 г. Сухэ-Батор был демобилизован из армии. Он приехал в Ургу, где поступил работать наборщиком в типографию. Так постепенно формировались и укреплялись революционные убеждения Сухэ-Батора.

Несколько позже сложился и начал работу второй революционный кружок, созданный Х. Чойбалсаном.

Х. Чойбалсан родился 8 февраля 1895 г. в Цэцэн-ханском аймаке в семье бедной аратки Хорло. Детство его было тяжелым. Не имея возможности прокормить семью, мать решила отдать мальчика в монастырь. Пробыв около двух лет в монастыре, он бежал оттуда и в 1912 г. приехал в Ургу, где после долгих мытарств попал в школу при министерстве иностранных дел. Учился Чойбалсан хорошо, и его в числе лучших учеников в 1914 г. направили для продолжения образования в Иркутск.

Пребывание в России многое дало Чойбалсану. Он изучил русский язык, приобщился к культуре великого русского народа. Революционная борьба рабочего класса России, свержение самодержавия, борьба классов и партий в период после февральской буржуазно-демократической революции — все это оказало большое влияние на молодого Чойбалсана и на обучающуюся там монгольскую молодежь.

Кружок этот назывался консульским, так как он возник в консульском поселке г. Урги. В состав этого кружка входили: Бодо, Д. Лосол, Д. Чагдаржав, Жамьян, Жигмиддорж, Алтан-гэрэл, Бабу и др.

Оба кружка не имели на первых порах четкой организации и программы и действовали разобщенно. Кружковцы распространяли листовки против китайских оккупантов и их монгольских приспешников — высших лам и князей, уточняли количество и расположение китайских войск, покупали оружие и т. д.

Члены кружков выражали интересы различных слоев населения: аратства, мелких и средних чиновников и нарождавшихся капиталистических элементов, но всех их объединяла одна цель — борьба против реакционных китайских оккупантов.

Революционеры, прежде всего Сухэ-Батор и его верные соратники, все больше понимали необходимость тесных связей с Советской Россией, но осуществление этого затруднялось гражданской войной в Сибири. Попытка Сухэ-Батора весной 1920 г. установить контакты не увенчалась успехом. Все же монгольские революционеры прилагали колоссальные усилия, чтобы завязать отношения с русским рабочим классом. Этому в большой степени способствовала революционная работа русских граждан — наборщиков русской типографии в Урге М. И. Кучеренко и Я. В. Гембаржевского.

В то же время по другую сторону русско-монгольской границы развертывалось мощное, победоносное наступление героической Красной Армии. 7 января 1920 г. под Красноярском был нанесен сокрушительный удар по остаткам армии Колчака. Победы Красной Армии способствовали мощному подъему партизанского движения по всей Сибири и Дальнему Востоку. Партизанские отряды Сибири, особенно в граничащих с Монголией районах, перешли в наступление и освободили ряд городов и районов.

В конце февраля 1920 г. советские войска освободили Троицкосавск, 2 марта — Верхнеудинск (Улан-Удэ). Близился час полного освобождения советской земли от империалистических интервентов и победы над русской буржуазно-помещичьей контрреволюцией.

Члены революционных кружков, действовавших в глубоком подполье, ясно понимали, что победы Красной Армии создадут благоприятную обстановку для революционной борьбы монгольского народа. Но для того чтобы эта борьба была успешной, надо было возможно быстрее объединить свои силы, установить связь с международным революционным движением, руководимым Коммунистическим Интернационалом, и вступить в непосредственный контакт с правительством Советской России. Объединению кружков предшествовали неоднократные встречи их членов.

Вспоминая свою первую встречу с Сухэ-Батором, Чойбалсан 3 февраля 1942 г. в своем выступлении в Высшей школе партийных кадров в Улан-Баторе рассказывал: «Осенью 1919 г., когда китайские милитаристы оккупировали Монголию, собираясь ликвидировать нашу автономию, я впервые беседовал с товарищем Сухэ-Батором о тяжелом положении страны. Он говорил о том, что нужно делать для того, чтобы Монголия не подпала под иго китайских милитаристов и чтобы монгольский народ обрел вечную свободу... Это была первая наша встреча, она запала мне в душу»⁶.

25 июня 1920 г. состоялось совместное заседание обоих кружков, на котором они были объединены в одну организацию под названием «Монгольская народная партия».

Был выработан и принят документ под названием «Присяга партийцев».

В присяге кратко говорилось о целях и задачах будущей партии, главными из которых были: «очистить страну от лютых врагов... укрепить государство... непреклонно защищать монгольскую нацию, пересмотреть и изменить внутреннюю политику страны, всемерно заботясь об интересах аратских масс, за-

⁶ Х. Чойбалсан. Сухбаатар бол чухамхүү манай хайрт удирдагч мөн, с. 4.

щищать их права и положить конец страданиям трудящихся масс и угнетению человека человеком»⁷.

Присяга требовала, чтобы партийцы были стойкими в выполнении задач партии, чтобы они ставили интересы партии выше личных, были правдивыми перед ней, соблюдали партийную тайну. «Если кто-либо из членов партии будет схвачен врагами, он должен не выдавать своих товарищей, не говорить ничего о делах партии и скорее умереть, чем стать предателем. В свою очередь, находящиеся на свободе члены партии не должны садить своей жизни для спасения арестованных товарищей»⁸.

Учитывая острую необходимость расширения рядов партии, присяга обязывала партийцев неустанно вербовать новых членов.

«Каждый человек, — читаем в пункте 8 присяги, — вступивший в члены партии, обязан привлечь в ее ряды не менее 10 человек и, образовав из них ячейку партии, руководить ею. При этом политика партии и ее указания должны проводиться везде одинаково, без каких-либо отклонений»⁹.

«Присяга партийцев» свидетельствовала о росте организованности революционного аратства под влиянием Октября. Этот документ сыграл большую роль в борьбе за создание единой партийной организации с единой политической платформой, объединенной общностью целей, крепкой своей сознательностью и дисциплиной.

Текст присяги обсуждался на собрании революционеров и был одобрен. Каждый член организации поставил подпись под этим текстом, подтверждая тем самым свое согласие с ним. Одновременно было решено изготвить печать, которая скрепляла бы все документы партийной организации.

На этом же собрании было принято решение направить в Советскую Россию делегацию для переговоров о помощи. С этой целью была выбрана делегация в составе Чойбалсана и Данзана, а затем в делегацию были дополнительно включены Сухэ-Батор, Лосол, Догсом, Бодо, Чагдаржав. 28 июня 1920 г. первая группа делегатов во главе с Чойбалсаном выехала из Урги на север. Вторая группа во главе с Сухэ-Батором отправилась несколько позже.

Сухэ-Батор оставался в Урге, в исключительно трудных условиях продолжая руководить работой организации. Полицейский режим и террористическая политика Суй Шучжэна требовали от революционеров не только героизма, но и большой осторожности. Собрания проводились тайно, за городом, на берегу р. Толы под видом выпаса коней или прогулок.

⁷ Х. Чойбалсан. Краткий очерк истории Монгольской народной революции, с. 21—22.

⁸ Там же, с. 22.

⁹ Там же.

Атмосфера в стране между тем все накалялась. Сюй Шучжэн не останавливался ни перед чем, усиливая террор против недовольных. Китайские милитаристы установили всюду слежку за монгольскими революционерами, с тем чтобы всемерно ослабить национально-освободительное движение в стране и воспрепятствовать установлению революционных контактов монгольского народа с народами Советской России. Сюй Шучжэн ограничивал даже свободу отправления религиозных обрядов, требуя от богдо-гэгэна, чтобы тот испрашивал разрешения оккупантов совершать богослужения. Недовольство охватило не только массы трудящихся, но и часть феодально-чиновничьих кругов Урги, которые, однако, боялись опереться на народные массы и призвать их к оружию. Феодалы видели единственный выход в помощи империалистических государств. Обращение за подписью богдо-гэгэна было адресовано правительству США и секретно вручено американскому консулу в Калгане. Аналогичное обращение было направлено в Японию через японского консула в Хайларе.

Тем временем важные события произошли в самом Китае, где развернулось массовое антиимпериалистическое движение, известное в истории как «движение 4 мая» 1919 г. Оно было направлено непосредственно против Японии и ее аньфуистской агентуры.

Летом 1920 г. клика аньфуистов была свергнута. Ее место заняла так называемая чжилийская клика милитаристов, за спиной которых стояли английские и американские империалисты. В связи с поражением аньфуистов Сюй Шучжэн уехал из Урги в Пекин, где нашел убежище в стенах японского посольства.

В этой обстановке 15 июля 1920 г. вторая группа делегатов во главе с Сухэ-Батором тайно покинула Ургу и отправилась на север, в Советскую Россию.

22 июля она прибыла в Верхнеудинск, где встретила с группой Чойбалсана. В то время Верхнеудинск был центром Дальневосточной Республики. Для переговоров с представителями Советского правительства надо было ехать на запад, в пределы РСФСР. 15 августа объединенная делегация во главе с Сухэ-Батором и Чойбалсаном прибыла в Иркутск, где имела встречи с представителями Коминтерна и правительства РСФСР. Эти встречи сыграли огромную роль в уяснении Д. Сухэ-Батором, Х. Чойбалсаном и другими революционерами вопросов мировой революции, освободительной миссии Советского государства и путей победы Монгольской народной революции.

В июле 1920 г. состоялся II конгресс Коммунистического Интернационала, имевший исключительно важное теоретическое и практическое значение для национально-освободительного движения во всех колониальных и зависимых странах, в том числе и в Монголии.

Конгресс принял специальную резолюцию по колониальному вопросу в соответствии с ленинским первоначальным наброском тезисов по национальному и колониальному вопросам¹⁰.

Эти и другие важнейшие ленинские положения стали тогда известны монгольским революционерам, делегация которых находилась в конце июля, в период работы II конгресса Коминтерна, в Иркутске.

Вместе с тем при разработке кружковцами своей революционной линии проявлялись противоречия, обусловленные их принадлежностью к различным слоям общества.

Среди кружковцев существовали разногласия по важнейшим вопросам революционной работы. Выразитель интересов феодального чиновничества Бодо, представитель нарождавшихся буржуазных элементов Данзан и др. решительно возражали против самой идеи обращения к Советскому правительству от имени революционной организации. Среди членов делегации острую дискуссию вызвал вопрос о том, скреплять свое обращение к официальным органам Советской России печатью богдо-гэгэна или печатью революционной организации. По настоянию Сухэ-Батора члены делегации заверили свои документы печатью революционной организации.

В Иркутске кружковцы от имени монгольского народа составили обращение к правительству РСФСР, в котором говорилось: «Мы, члены Народной партии, от имени своей партии обращаемся к великой России с просьбой о помощи. Мы в союзе со служилыми элементами (монгольскими военнослужащими) своей страны, на военную силу которых рассчитываем, стремимся восстановить автономию Монголии, сохранив за хутухтой-богдо титул ограниченного монарха. Затем мы хотим провести соответствующие мероприятия по ограничению наследственных прав князей. Добившись независимости страны, мы, используя опыт других стран, развернем борьбу за права и интересы своего народа. Рост национального самосознания аратства позволит нам через год-другой двинуть революцию дальше, с тем чтобы окончательно ликвидировать права владетельных князей»¹¹.

Сухэ-Батор и Чойбалсан настояли на том, чтобы в тексте обращения было ясно выражено стремление монгольских революционеров установить дружественную связь с революционными организациями Советской России и Китая. Уже тогда, на заре монгольской революции, передовые люди страны понимали общность интересов народных масс Монголии и Китая, боровшихся против империализма.

24 августа 1920 г. состоялось еще одно совещание членов

¹⁰ В. И. Ленин. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.— Т. 41, с. 159—168.

¹¹ Х. Чойбалсан. Краткий очерк истории Монгольской народной революции, с. 25—26.

делегации, на котором было решено разделить ее на три группы: одну из них (Данзан, Лосол и Чагдаржав) направить в Москву, другую, в составе Бодо и Догсома, вернуть в Ургу для усиления революционной работы в массах; Сухэ-Батора и Чойбалсана оставить в Иркутске для руководства работой революционной организации в Монголии и для связи с делегатами, уехавшими в Москву.

Находясь в Иркутске, Сухэ-Батор и Чойбалсан упорно работали над повышением уровня своих политических и военных знаний. Сухэ-Батор присутствовал на партийной конференции г. Иркутска и выступил на ней с речью, в которой выразил волю аратства и членов революционных кружков связать свою борьбу с борьбой рабочего класса и всех трудящихся Советской России против общего врага.

В это время положение в стране серьезно обострилось. После бегства из Урги Сюй Шучжэна туда прибыл в качестве верховного комиссара «по умиротворению» северо-западного края представитель пекинского правительства Чэн И. Положение народных масс становилось все хуже, монгольское аратство по-прежнему несло на себе всю тяжесть поборов, связанных с содержанием оккупационной армии. В стране царили произвол, насилие, грабежи населения. Усилился террор против тех, кто высказывал малейшее недовольство. Аресты и репрессии обрушились на членов революционной организации. Были арестованы пламенные патриоты, храбрые борцы против китайских оккупантов — хатан-батор Максаржав, манлай-батор Дамдинсурэн, а также многие сочувствовавшие революционным идеям.

Арестованные подвергались пыткам и истязаниям, терпел всяческие унижения народный герой хатан-батор Максаржав, умер в тюрьме милитаристов манлай-батор Дамдинсурэн.

Большинство революционеров были вынуждены покинуть город и скрываться в горах в окрестностях Урги. Но, несмотря на все это, революционная работа в стране не прекращалась.

Революционеры, уехавшие в Советскую Россию, развернули огромную работу, направленную на свержение чужеземного режима китайских милитаристов, завоевание государственной независимости и освобождение трудящихся от социального гнета.

Глава 2

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1921 г.

Ухудшение положения аратства в связи с вторжением белогвардейских банд

Китайским оккупантам стало известно, что делегация монгольских революционеров выехала в Советскую Россию для

переговоров о помощи. Они обещали 10 тыс. долл. тому, кто поймает Сухэ-Батора и его соратников и доставит их властям. Соответствующие объявления были расклеены в Урге и других городах Монголии; о них широко оповестили население сельской местности. В Урге было введено военное положение. Но оккупанты не в силах были остановить надвигающуюся народную революцию, вдохновлявшуюся идеями Октябрьской социалистической революции.

Японские империалисты, потерпев в 1919 г. неудачу с планом создания «Великой Монголии» и лишившись в 1920 г. англо-японской агентуры, решили использовать в своих агрессивных целях русских белогвардейцев, остатки которых после разгрома основных сил контрреволюции Красной Армией бежали в Монголию и Маньчжурию. В качестве главаря белогвардейской армии японские империалисты назначили яркого контрреволюционера барона Унгерна. Они прикомандировали к его штабу японских советников, снабдили его материальными средствами и оружием.

2 октября 1920 г. Унгерн со своей «конно-азиатской дивизией» в составе четырех полков с артиллерией перешел границу Монголии. Боевым ядром дивизии стали восемь сотен забайкальских казаков.

Оккупационным режимом китайских милитаристов в Монголии были недовольны не только араты, но и правящая верхушка феодалов. Унгерн пытался представить себя борцом за освобождение Монголии от китайских оккупантов, за восстановление автономии и всех прав и привилегий класса феодалов Монголии во главе с богдо-гэгэном.

Многие монгольские князья откликнулись на призыв Унгерна. Это были по преимуществу феодалы, лично пострадавшие от китайских милитаристов, но вместе с тем больше огня боявшиеся революционного движения аратства. Они стали оказывать Унгерну всяческую поддержку, снабжая его продовольствием, фуражом, лошадьми и т. д., мобилизуя аратов для службы в рядах его войск.

Демагогическим лозунгом «восстановления автономии» и «защиты желтой религии» Унгерну удалось привлечь на свою сторону часть светских и духовных феодалов, оказавших содействие в мобилизации монгольской молодежи в армию. Так, с помощью местных феодалов им были созданы отряды из аратов Тушэту-ханского и Цэцэн-ханского аймаков и Шабинского ведомства. При своем штабе Унгерн создал так называемое временное правительство Монголии во главе со своими ставленниками — феодалами Лувсанцэвэном и Жамьяном.

Началась борьба между унгерновцами и войсками китайских милитаристов. В Урге располагался многотысячный китайский гарнизон под командованием генерала Го Цайтяня. Первая попытка белогвардейцев занять Ургу в ноябре 1920 г. окон-

чилась неудачей. Унгерн отошел на восток и расположился в долине Тэрэлджин-гола, где начал лихорадочно готовиться к новому наступлению на Ургу. Он устанавливал связи с белогвардейскими отрядами, бежавшими из России в западные районы Монголии, и подчинял их своему командованию. Обирав у аратов скот и другое имущество, он проводил с помощью феодалов и высших лам одну мобилизацию за другой.

Учитывая религиозный авторитет богдо-гэгэна, Унгерн пытался поставить его себе на службу. Ему удалось установить с богдо-гэгэном, находившимся в Урге, тайную связь. Действуя в полном контакте с ним, Унгерн в конце января 1921 г. вывез богдо-гэгэна из Урги и поселил в монастыре Манзушир, получив таким образом возможность выдавать себя за исполнителя «божественной» воли главы церкви. Накопив с помощью монгольских феодалов и богдо-гэгэна достаточно сил, Унгерн в начале февраля перешел в наступление на Ургу.

3—4 февраля между войсками китайских милитаристов, занимавших Ургу, и отрядами русских белогвардейцев завязалось ожесточенное сражение, в результате которого китайские войска были наголову разбиты. Унгерновцы заняли Ургу, а вскоре туда прибыл богдо-гэгэн. 21 февраля состоялась церемония нового восшествия богдо-гэгэна на ханский трон.

Часть разгромленных войсками Унгерна сил китайских милитаристов сосредоточилась в районе южнее Кяхты. Остальные части Ургинского гарнизона отошли к Калгану в Китай. Заняв Ургу, барон Унгерн подверг трудящихся аратов жестокому грабежу, шадя в то же время имущество ванов, гунов, ханов и хутухт.

Начались жестокие расправы над населением, репрессиям подвергался всякий, кто уклонялся от выполнения унгерновских приказов. Прогрессивно настроенных русских общественных деятелей, проживавших в Монголии, вешали и расстреливали. Среди убитых были члены революционного комитета русских граждан в Урге М. И. Кучеренко и Я. В. Гембаржевский, а также врач С. Б. Цыбыктаров и др.

Ургинские феодальные круги, довольные «помощью» Унгерна, считали, что автономия восстановлена, что незачем народным массам продолжать борьбу. Они старались помешать установлению связей революционных кружков с Советской Россией. Эти намерения нашли отклик у некоторых членов революционного кружка, сторонников феодально-монархических взглядов. Так, например, один из членов объединенного кружка, Бодо, посланный в Ургу для революционной работы, стал сотрудничать с унгерновцами, что, естественно, вызвало серьезную тревогу у революционеров.

Однако попытки Унгерна замаскировать свои преступные планы и обмануть монгольский народ были обречены на неизбежный провал. Идея войны против Советской России получила

резкий отпор народных масс Монголии, возглавлявшихся революционным кружком.

Вторжение Унгерна в Монголию и переход на его сторону ургинской феодальной клики во главе с богдо-гэгэном обусловили настоятельную необходимость организации широких народных масс на борьбу против оккупантов — китайских милитаристов и унгерновской банды.

Тем временем находившиеся в Советской России делегаты объединенного революционного кружка под влиянием идей Октябрьской революции, Советской власти и советов Ленина стали яснее и правильнее представлять цель и конкретные пути осуществления антиимпериалистической и антифеодальной революции.

16 ноября 1920 г. делегаты вернулись из Москвы в Иркутск. Здесь они подробно информировали Сухэ-Батора и Чойбалсана о результатах переговоров с правительством Советской России. Излагая содержание своей беседы с В. И. Лениным, они рассказали, что Ленин обстоятельно проанализировал международное положение Монголии. Он говорил, что единственно правильный путь для трудящихся Монголии в их борьбе за независимость — это союз с рабочими и крестьянами России. Ленин подчеркнул, что эту борьбу нельзя вести разрозненными силами, поэтому создание партии монгольских аратов — необходимое условие для победы революции.

Осуждая националистические взгляды члена делегации Данзана, Ленин доказывал необходимость интернациональной революционной солидарности монгольского аратства с рабочими и крестьянами соседних стран.

Советы В. И. Ленина легли в основу всей деятельности монгольских революционеров.

Советское правительство удовлетворило просьбу делегатов монгольского народа о помощи в борьбе против общего врага — унгерновских банд.

«Молодая Советская республика, — писал Чойбалсан, — пережившая тяжелые годы гражданской войны, разрухи и голода, протянула руку братской помощи измученному монгольскому народу, проявила исключительное внимание и горячую заботу о его судьбе»¹².

17 ноября 1920 г. в Иркутске было созвано совещание членов делегации. На этом совещании Сухэ-Батор сделал доклад о внешнем и внутреннем положении страны и призвал ускорить созыв съезда партии, приступить к формированию революционных партизанских отрядов, начать подготовку к вооруженному восстанию. Для осуществления этих идей делегация монгольских революционеров — руководящее ядро объединенного революционного кружка — должна была немедленно возвратиться на родину.

¹² Там же, с. 28.

Однако Сухэ-Батору и Чойбалсану опасно было возвращаться в Монголию, так как их преследовали полицейские власти китайских оккупантов и унгерновских банд. Поэтому 22 ноября Сухэ-Батор и Чойбалсан прибыли в Кяхту, чтобы отсюда руководить революционной борьбой.

В это время тяготы народных масс все возрастали. Они находились под двойным гнетом — китайских милитаристов и унгерновцев. Барон Унгерн стал жестоким тираном Монголии. Правительство богдо-гэгэна раболепно выполняло все его приказания. Унгерновцы и китайские милитаристы совершали насилия, грабежи. С каждым днем росло недовольство народных масс унгерновским режимом. Даже некоторые князья и ламы, прежде считавшие Унгерна избавителем от гнета китайских милитаристов, все в большей мере стали тяготиться его грубым вмешательством в дела управления Монголией. В ответ на это Унгерн применял суровые меры наказания. Так, он казнил министра западного края Есоту-бэйсэ Чултэма за его неодобрительное отношение к белогвардейцам. Отстранив от поста военного министра хатан-батара Максаржава, он отправил его в далекий край Улясутай в качестве командующего монгольскими пограничными военными силами, которые он сам должен был мобилизовать. По инициативе Унгерна «правительство» богдо-гэгэна послало Советскому правительству лицемерную ноту, в которой предлагало установить добрососедские отношения и заключить торговый договор, всячески подчеркивая при этом «заслуги» Унгерна. Этот вероломный маневр призван был замаскировать подготовку унгерновцев к вторжению в Советскую Россию.

В то же время «правительство» богдо-гэгэна послало ноту на имя китайского президента, в которой указывало, что монголы воевали с китайскими войсками не для того, чтобы прервать всякие сношения с Китаем, а чтобы восстановить свой суверенитет.

Пытаясь прикрыть этими нотами «правительства» богдо-гэгэна свои истинные намерения, Унгерн продолжал накапливать силы. Под его командование стекались белогвардейские банды Казагранди, Казанцева и Кайгородова, в марте 1921 г. захватившего г. Кобдо, а также многие другие группы из остатков разбитых Красной Армией войск Колчака, Анненкова, Дутова, Бакича и др. Японо-белогвардейская оккупация пришла на смену власти китайских милитаристов. Отступив из Урги, Кобдо и других пунктов страны, одни из них бежали в Китай, другие сконцентрировались в районе Маймачена (ныне Алтан-Булак), готовясь к возобновлению борьбы за господство над Монголией. Как русские белогвардейцы, так и китайские милитаристы, за спиной которых стояли империалистические государства, были одинаково заинтересованы в подавлении освободительной борьбы монгольского народа. Если Унгерн и унгерновцы

служили японским милитаристам, то войска китайских милитаристов в Монголии, руководимые правительством чжилийской клики, действовали в интересах китайских помещиков и буржуазии, поддерживаемых англо-американским империализмом, не желавшим, чтобы Монголия стала сферой влияния одной Японии.

Положение народных масс становилось критическим. Бесконечные поборы и реквизиции по приказам Сюй Шучжэна, Го Цайтяня, Чэн И, Унгерна, а также монгольских феодалов вконец разорили аратов. Террор и репрессии интервентов наряду с предательством верхушки класса феодалов создавали в стране глубокий кризис.

Народные массы начали свое самостоятельное историческое выступление в обстановке, когда не только араты не хотели жить, но и феодалы уже не могли управлять по-старому.

Таким образом, в Монголии в конце 1920 — начале 1921 г. оказались налицо все признаки революционной ситуации.

Марксизм-ленинизм учит, что не всякая революционная ситуация приводит к революции. Революционная ситуация лишь тогда вызывает революцию, «когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет“, если его не „уронят“»¹³. Чтобы обеспечить победу революционного класса аратов, необходимо было на съезде создать революционную партию.

І съезд Монгольской народной партии. Создание Временного народного правительства. Победа всенародного вооруженного восстания в кяхтинском Маймачене

Прибывшие в пограничную полосу Сухэ-Батор и Чойбалсан, став непосредственными руководителями революционного движения в стране, начали подготовку к созыву І съезда Монгольской народной партии. Стала выходить революционная газета «Монголын унэн» («Монгольская правда»), печатавшаяся в Иркутске. Эта газета пропагандировала идеи марксизма-ленинизма, идеи Великой Октябрьской социалистической революции. В первом ее номере, вышедшем 10 ноября 1920 г. с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», разоблачалась захватническая политика империалистических государств и антинародная деятельность монгольских феодалов. В этом номере перед монгольскими аратами выдвигалась задача завоевания власти

¹³ В. И. Ленин. Крах II Интернационала. — Т. 26, с. 219.

с помощью рабочего класса Советской России. Кроме этой газеты монгольские революционеры издавали воззвания и листовки, распространяемые затем в Монголии.

Сухэ-Батор, Чойбалсан и другие революционеры, действуя нелегально в северных хошунах страны, вербовали добровольцев в партизанские отряды и вовлекали новых людей в революционные организации. В освободительном движении аратства принимали участие и недовольные режимом оккупантов представители мелких и средних слоев класса феодалов и ламства. Большую организационную и пропагандистскую работу проделал Сухэ-Батор. Он организовал первый партизанский отряд из аратов и цириков пограничных караулов Чикдай, Худэр, Хиран и др. Значительную революционную работу проводил также член организации Б. Пунцаг. Благодаря его усилиям около 50 монгольских пограничников перешли на сторону Сухэ-Батора и составили ядро будущих партизанских отрядов. Вскоре из партизан был сформирован первый революционный полк, командиром которого назначили Б. Пунцага. Партизанской базой избрали местность Алтан, у слияния Орхона и Селенги. Партизаны провели несколько успешных боев и героических схваток с войсками китайских милитаристов в окрестностях г. Маймачена.

Чойбалсан, прибыв в Ургу, вложил много сил в организацию широкой разъяснительной работы, направленной на разоблачение японского наймита Унгерна, злейшего врага монгольского народа. Он проводил беседы, в которых рассказывал о результатах поездки делегатов в Советскую Россию, о предстоящем съезде партии, о грядущей народной революции.

Главной заботой революционеров во главе с Сухэ-Батором и Чойбалсаном в этот период была подготовка I съезда Монгольской народной партии.

I съезд партии состоялся 1 марта 1921 г. в Кяхте.

Съезд проходил в обстановке углубления политического кризиса в стране и обострения борьбы монгольского аратства против иностранных оккупантов и местных угнетателей — феодалов.

На работу съезда и его решения оказали большое влияние идеи Октябрьской революции и советы В. И. Ленина.

На съезде присутствовало 26 делегатов, большинство которых были аратами.

На первом заседании рассматривался вопрос о положении в стране и задачах партии. Съезд дал обстоятельную характеристику международного положения Монголии, осветил роль Советской России в борьбе народов за мир и свободу. Подробно обсудив вопросы внутреннего положения страны, съезд разоблачил роль Унгерна как японского наймита и смертельного врага монгольского народа.

«Мы должны, — говорил Сухэ-Батор, — самостоятельно бороться за дело освобождения монгольского народа, так как ур-

гинское правительство не в состоянии сделать это. Оно покорно выполняет все приказания барона Унгерна. Наш единственный путь — установить тесную связь с Советской Россией и с ее помощью бороться против злейшего врага — Унгерна и его сторонников, князей и лам».

Съезд определил антиимпериалистическое и антифеодальное содержание предстоящей революции, подчеркнув, что руководящая роль в революции должна принадлежать партии, выражающей интересы угнетенного класса аратов, опирающейся на помощь Советской России и способной повести массы на борьбу за полное национальное и социальное освобождение.

Большинство делегатов стояло за ориентацию на Советскую Россию и занимало непримиримую позицию по отношению к феодалам. Лишь некоторые из них, главным образом выходцы из ламства и чиновников, пытались доказать, что, поскольку Унгерн помогал восстановить автономную власть, незачем бороться против него. Они же выступали против антифеодальных задач партии. В результате двухдневных прений съезд пришел к выводу о том, что борющемуся монгольскому народу необходимо опираться на международное рабочее движение в лице Коминтерна и Советской России, для того чтобы победоносно завершить антиимпериалистическую и антифеодальную революцию.

Тогда же было решено объединить все партизанские отряды в единую армию и создать руководящий оперативный орган — штаб Монгольской народно-революционной армии. Сухэ-Батор был назначен главнокомандующим, а Чойбалсан — комиссаром.

Исключительно важное значение имело утверждение на съезде политической платформы партии. Вводная часть ее с марксистских позиций характеризовала мировой империализм и его захватническую колониальную политику, мировое пролетарское движение и роль коммунистических партий. Платформа разъясняла аратам, что лишь в союзе с рабочим классом других стран угнетенные народы могут добиться победы в борьбе против империализма. Особо подчеркивалось значение Октябрьской революции и роль Коминтерна в борьбе угнетенных масс за свою свободу. Этот документ разоблачал колониальную политику империализма и предательскую деятельность «правительства» богдо-гэгэна. Разъясняя задачи угнетенных народов, платформа отмечала, что в таких странах, как Монголия, где господствуют докапиталистические отношения, власть должна перейти в руки аратов, которые и создадут народные хуралы. В платформе был дан анализ внешнего и внутреннего положения Монголии.

«В настоящее время, когда все народы мира стремятся завоевать свободу и право на развитие своей культуры и обычаев, трудящиеся араты и интеллигенция Монголии, не жалея ни

Д. Сухэ-Батор

своих сил, ни имущества, поднялись на борьбу за возвращение монгольскому народу власти над его исконными землями. Для достижения указанной цели они организовали Монгольскую народную партию»¹⁴.

В первом пункте платформы говорилось, что партия стремится установить народную власть в стране и уничтожить страдания широких масс монгольского народа, повести их к достижению счастья, к «возрождению и развитию национального могущества и культуры наравне с другими народами»¹⁵.

Тем самым была определена основная задача революции — завоевание власти аратством. После утверждения народной власти и восстановления независимости страны Монгольская народная партия должна руководствоваться в своей политике твердыми революционными принципами.

Во втором пункте говорилось о ближайших и конечных целях партии. «Ввиду того что мирное существование монгольского народа, приобщение его к культуре и просвещению невозможно до тех пор, пока Монголия не добьется самостоятельности, Народная партия ставит своей конечной целью создание независимого государства монгольского народа; ближайшей же целью партии является освобождение монголов от власти китайских милитаристов и русских белогвардейцев и восстановление недавно уничтоженной автономии Внешней Монголии»¹⁶.

Третий пункт подчеркивал непримиримость монгольского народа к китайским милитаристам и дружеское расположение к китайскому народу. Борьба против общего врага — империализма и его агентов способствует еще большему сближению народов обеих стран. Согласие и дружба между монгольским и китайским народами, говорилось в документе, будут содействовать защите их от агрессии империалистов, ибо «ясно видно, что на нас жадно смотрят Япония и Америка»¹⁷.

Платформа указывала, что партия «стремится к установлению дружественной связи и контакта с революционными организациями России, Китая и других стран, одинаково с нашей партией стремящихся к уничтожению деспотизма, к прогрессу и утверждению народной власти на началах равенства»¹⁸. В заключение говорилось, что в партию могут вступать «все лица монгольских народностей, независимо от их социального положения, вероисповедания и пола, желающие посвятить себя великому делу освобождения монгольского народа, признающие программу нашей партии и подчиняющиеся ее уставу»¹⁹.

¹⁴ Цит. по: Х. Чойбалсан. Краткий очерк истории Монгольской народной революции, с. 42.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 43.

¹⁹ Там же.

Х. Чойбалсан

Платформа, принятая на I съезде Монгольской народной партии, нацеливала монгольский народ на свершение революции.

Огромное историческое значение I съезда заключается в том, что он создал действительно революционную партию и нацелил ее на организацию вооруженного восстания и освободительной войны против империализма и его вооруженных агентов — китайских милитаристов и унгерновских банд, за национальную независимость.

Съезд признал необходимым широко разъяснять состоящую из десяти пунктов платформу партии трудящимся массам.

Избранный съездом Центральный комитет, в состав которого вошли Данзан, Д. Лосол и Ц. Дамбадорж, приступил к реализации директив съезда. В первую очередь необходимо было создать такую власть, которая была бы способна вести борьбу против наемников японского и англо-американского империализма — китайских милитаристов, унгерновцев и их монгольских приспешников, свергнуть власть феодалов и установить в стране демократический строй.

Газета «Монголын унэн» на своих страницах широко разъясняла эти вопросы. 20 декабря 1920 г. в статье «Основные принципы создания новой, народной монгольской власти» газета подробно останавливалась на демократическом преобразовании страны, критикуя буржуазную демократию как демократию эксплуататорского меньшинства. В статье говорилось: «Хотя власти Франции или Америки являются выборными, рабочие и крестьяне, составляющие большинство населения, не имеют там никаких прав, живут бедно. Причина заключается в том, что в этих и других странах при создании государственной власти и законов аристократы и капиталисты, пользуясь своим преимуществом, получили возможность превратить выборную государственную власть не в народную, а во власть аристократов и капиталистов». Далее говорилось о главных условиях, необходимых для создания подлинно демократического государства, а именно: «Правительство должно быть создано только на основе выборности снизу доверху, так как только выборная власть не является властью одного лица, которое пожизненно или наследственно управляет страной».

Статья подчеркивала, что «при подлинно народной власти аристократы и капиталисты будут лишены всякой возможности принимать участие в государственных делах или эксплуатировать народные массы.... Если на этих началах будет создана народная власть, государственность в Монголии будет укреплена, монгольский народ действительно сможет жить свободно и равноправно и будет развиваться его материальная и духовная культура».

Так партия разъясняла вопрос о будущей форме государственного управления.

13 марта 1921 г. в Троицкосавске состоялся съезд представителей трудящихся пограничных хошунов, партизанских отрядов и партийных организаций, на котором было избрано первое в истории страны Временное народное правительство Монголии, в состав которого вошли Сухэ-Батор, Чагдаржав (председатель правительства), Чойбалсан, Бодо, Сумья, Билэгсайхан и др. В решении съезда говорилось:

«Целью вооруженного восстания народа является, во-первых, освобождение родины от ига китайских милитаристов и очищение ее от других захватчиков, вторгнувшихся на ее территорию, во-вторых, создание правительства, способного защищать интересы монгольского народа и развивать его культуру.

Для достижения намеченных целей мы считаем необходимым избрать полномочное Временное народное правительство Монголии, а также созвать съезд представителей монгольских аратов, образовать постоянное правительство и утвердить конституцию государства»²⁰.

Сухэ-Батор занял в избранном правительстве пост военного министра и главнокомандующего вооруженными силами, Чойбалсан стал заместителем главнокомандующего по политической части.

Молодому революционному правительству необходимо было опереться на хорошо организованную вооруженную силу, которая обеспечивала бы проведение в жизнь революционных мероприятий. Было принято решение о реорганизации партизанских отрядов в регулярную армию. Эта реорганизация стала возможной, так как возросла численность партизан, повысилась их боевая выучка, появились первые кадры командиров, улучшилось вооружение и снаряжение.

Были сформированы четыре конных полка, командирами которых назначены выдвинувшиеся из партизан талантливые военачальники Б. Пунцаг, Б. Цэрэндорж, Хас-Батор и Базарсад.

16 марта 1921 г. ЦК Монгольской народной партии и Временное народное правительство приняли историческое решение об освобождении от китайских милитаристов г. Маймачена, где было сосредоточено около 10 тыс. китайских солдат. Овладение этим городом дало бы Временному народному правительству важный опорный пункт на территории Монголии.

Когда подготовка к наступлению была закончена, Сухэ-Батор направил китайскому командованию ультиматум: сложить оружие и сдать город. Поскольку ответа не последовало, утром 18 марта 1921 г. начались упорные бои монгольской армии с китайскими милитаристами, которые продолжались весь день с переменным успехом.

Эти бои закончились ночью 18 марта полной победой малочисленной, но сильной духом монгольской армии над превос-

²⁰ Там же.

ходящими, хорошо вооруженными силами противника. 18 марта 1921 г., дата освобождения Маймачена, впоследствии переименованного в Алтан-Булак, считается днем рождения Монгольской народно-революционной армии. Эта историческая победа восставшего под руководством Монгольской народной партии аратства привела к полному изгнанию из страны китайских милитаристов и создала условия для успешной борьбы совместно с частями Красной Армии против общего врага — белогвардейцев.

Остатки разгромленных частей китайских милитаристов вынуждены были покинуть страну. Основные силы китайских войск были ликвидированы во время освобождения Алтан-Булака и частично в ходе боев в местности Улан-хад (Лун-сомон Центрального аймака).

19 марта в Маймачен прибыли члены ЦК партии и Временного народного правительства. В этот же день был обнародован манифест Временного народного правительства Монголии, который оповещал население об образовании временного правительства, ставящего своей целью освободить страну от господства китайских милитаристов и белогвардейцев и созвать Всенародный Великий Хурал. Манифест провозглашал, что отныне в стране нет другой власти, кроме народной, и что все должны выполнять приказы и законы, издаваемые этой властью. Манифест призывал всех монголов подняться на борьбу против русских белогвардейцев. В заключение манифест торжественно объявлял: «Настало великое время возрождения монгольского народа, время объединения мыслей, стремлений и действий для установления нового, народного правления взамен отжившего деспотического»²¹.

Через несколько дней объединенное заседание ЦК и Временного народного правительства постановило организовать три министерства — военное, финансовое и внутренних дел.

В связи с тем что китайские милитаристы подготавливали новый поход на Монголию, 25 марта ЦК Монгольской народной партии опубликовал воззвание «Всему китайскому народу, Китайской коммунистической партии, профессиональным союзам, студенчеству и всем революционно-демократическим группам и истинным патриотам Китая». Разъясняя смысл развернувшейся в Монголии революционной борьбы, воззвание провозглашало: «Во имя общих интересов и солидарности трудящихся всего мира, всех угнетенных и поработанных мировыми империалистами народов мира, и в частности подневольно-колониальной Азии, и во имя глубокой общности интересов и идеалов народов китайского и монгольского, одинаково эксплуатируемых и угнетаемых своими и чужеземными хищниками и насильниками,

²¹ Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921—1924 гг. М., 1960, с. 12.

Центральный комитет Монгольской народной партии от имени всех трудящихся и интеллигенции Монголии категорически требует от пекинского правительства немедленной приостановки посылки войск в Монголию, одновременно обращаясь с дружеским и искренним приветствием к китайскому народу и к поименованным выше его лучшим и благороднейшим элементам и призывая их поддержать его требования».

Это воззвание служит свидетельством правильного понимания Монгольской народной партией интернациональной солидарности трудящихся Монголии и Китая в их борьбе против общих угнетателей.

Бои за Маймачен явились началом всенародного вооруженного восстания, народно-освободительной войны. Подготовка революции закончилась, революция стала фактом.

Развертывание и победа народной революции

Весть о революционных событиях на севере распространилась по всей стране. Лозунги, призывавшие к изгнанию оккупантов и установлению народовластия, нашли живой отклик в массах. Победа революционных войск Сухэ-Батора над численно превосходившими силами китайских милитаристов воодушевляла народ, вселяла надежду на скорое освобождение.

Реакционная верхушка светских князей, высших лам Монголии и унгерновцы объединились в борьбе против восставшего народа, его партии и Временного народного правительства.

Эти круги монгольских феодалов превозносили Унгерна, пытаясь доказать, что цель восстановления автономии достигнута. Они призывали революционеров прекратить борьбу. Видя полную бесполезность своего призыва, они старались всячески дискредитировать революционеров вплоть до объявления их изменниками и предателями.

Министерство внутренних дел унгерновского «правительства» от имени богдо-гэгэна обратилось со специальным воззванием к аратам Тушэту-ханского аймака, где особенно сильно было влияние партии. Воззвание превозносило мнимые заслуги Унгерна и осуждало деятелей революции Сухэ-Батора, Чойбалсана и всех, кто, как говорилось в воззвании, самовольно установил связь с Россией, создал свои войска, выпускает воззвания о правах аратских масс, распространяет идеи своей партии и т. п.

Народная партия с самого начала допускала возможность использования в интересах революции противоречий между монгольскими феодалами и иностранными оккупантами.

ЦК партии и Временное народное правительство пытались вовлечь патриотически настроенных феодалов в борьбу за освобождение страны от чужеземного господства. С этой целью

князьям и ламам рассылались соответствующие письма. 23 марта такое письмо было отправлено в Ургу лично премьер-министру Джалханза-хутухте. Письмо призывало главу унгерновского «правительства» присоединиться к освободительной борьбе народа и предлагало ему командировать представителей в Алтан-Булак для переговоров о единстве действий.

Но реакционные круги монгольских феодалов не откликнулись на призывы Монгольской народной партии; они предпочитали союз с Унгерном, империалистами и китайскими милитаристами.

ЦК Народной партии и Временное народное правительство расширяли партизанскую армию, укрепляли свои позиции и мобилизовали народные массы на борьбу против унгерновцев и реакционных монгольских феодалов, привлекая на свою сторону патриотически настроенную часть чиновничества, феодалов и лам.

Для разъяснения своей политики и организации населения на борьбу с белогвардейцами партия и правительство в марте 1921 г. направили представителей в важнейшие районы страны: Хас-Батора и Дамбадоржа — в западные аймаки Монголии, Чагдаржава — в северные. В хошуны выезжали также Сухэ-Батор, Чойбалсан и Пунцаг.

В апреле 1921 г. Временное народное правительство объявило о призыве в армию мужчин старше 19 лет в освобожденных районах.

28 мая на объединенном заседании ЦК Монгольской народной партии и Временного народного правительства было принято решение об учреждении института хошунных комиссаров — представителей Временного народного правительства с широкими правами и полномочиями, определяемыми особой инструкцией. Одновременно было принято постановление о военной обязанности шабианов на общих основаниях.

Отдельные мероприятия ЦК и Временного народного правительства носили ярко выраженный антифеодальный характер. Так, 21 мая 1921 г. было отменено право частной собственности на землю в Монголии. Были установлены также правила взимания налогов и податей. Полномочные представители партии и правительства контролировали деятельность хошунов и отстраняли контрреволюционных князей от занимаемой должности. ЦК партии и Народное правительство обратились к населению с воззваниями, в которых раскрывались захватнические и контрреволюционные замыслы унгерновцев и предателей — монгольских феодалов.

Однако при всем этом силы были неравны. Армия Унгерна имела огромное численное превосходство. Армией, оснащенной первоклассным вооружением и снаряжением, руководили опытные офицерские кадры. Кроме того, под контролем белогвардейцев находилась огромная территория, что давало им большие

возможности для маневра. В результате борьба Народной армии против унгерновцев осложнялась. В связи с этим Временное народное правительство по предложению Сухэ-Батора 10 апреля 1921 г. обратилось к правительству Советской России с просьбой о военной помощи для совместной борьбы против общего врага — русских белогвардейцев. Советское правительство удовлетворило эту просьбу.

Между тем белогвардейские банды на Дальнем Востоке лихорадочно готовились к новым авантюрам. На тайных совещаниях японской военщины и белогвардейцев, состоявшихся в Порт-Артуре и Пекине в марте и апреле 1921 г., был выработан план нового широкого наступления на Советскую Россию со стороны Монголии, Маньчжурии и Приморья. Эти планы отводили важное место Унгерну, который должен был подавить революционное движение в Монголии, укрепить власть послушных ему монгольских феодалов и вступить в пограничные с Монголией советские районы.

План Унгерна предусматривал одновременное наступление всех войск из разных пунктов Монголии. 20 мая 1921 г. Унгерн, оставив полицейскую охрану в Урге, со своими силами поспешно двинулся в сторону Алтан-Булака и Троицкосавска. Началось общее наступление унгерновских банд. 22 мая 1921 г. отряд Немчинова занял Мензу в районе советско-монгольской границы, а 25 мая кавалерийский полк из бригады Казагранди — Модон-Куль. В то же время бригада генерала Резухина развертывала военные действия на советско-монгольской границе в районе Желтуры. Банды генерала Бакича, а также отряды Казанцева и Кайгородова готовились напасть на советскую границу из западных районов Монголии; 5 июня отряд армии Унгерна под командой Баяр-гуна занял село Ибирик и 6 июня начал наступление на резиденцию Временного народного правительства — г. Алтан-Булак.

Части Монгольской народно-революционной армии под командованием Сухэ-Батора завязали упорные бои с унгерновцами в районе Алтан-Булака, разгромили отряд унгерновского сообщника Баяр-гуна и захватили его в плен. В результате мощных ударов пришедших на помощь монгольскому народу частей Красной Армии основные силы унгерновцев были серьезно ослаблены и отброшены от границы. В этой совместной борьбе против общего врага героически проявили себя и воины молодой Монгольской народно-революционной армии, руководимой Сухэ-Батором и Чойбалсаном.

Эта победа предопределила успех революции. Она дала толчок массовому притоку добровольцев в ряды армии, вызвала рост партизанских формирований аратов, включившихся в борьбу против унгерновцев.

Вступление частей братской Красной Армии в пределы Монголии коренным образом изменило соотношение сил в стране

Д. Сухэ-Батор среди командиров Красной Армии (1921 г.)

в пользу революции. Оно активизировало революционную борьбу аратских масс, парализовав одновременно силы реакции. В совместной борьбе Красной Армии и молодой Народно-революционной армии против белогвардейских банд укрепились нерушимый союз и братская дружба монгольского и советского народов.

ЦК Монгольской народной партии и Временное народное правительство готовились с помощью отрядов Красной Армии к освобождению столицы страны — Урги.

Командование частей Красной Армии обратилось к монгольскому населению с воззванием: «Красные войска рабоче-крестьянской России вступают в хошуны монгольского народа как его друзья. Рабочие и крестьяне России протягивают руку братской помощи угнетавшемуся до сих пор монгольскому народу. Им безусловно и окончательно чужды какие бы то ни было завоевательные помыслы, они не хотят навязывать свое господство никакому народу и хотят жить в мире и дружбе со всеми другими народами мира».

Временное народное правительство и ЦК МНРП тоже выпустили обращение к народу, в котором говорилось: «На стороне нашей Народной армии выступают красноармейцы Советской России... Красная Армия превыше всего ставит интересы народных масс, она борется за то, чтобы полностью ликвидировать

разбойничьи банды белогвардейцев, и никогда не позволит причинять страдания аратским массам Монголии»²².

27 июня 1921 г. Монгольская народно-революционная армия под руководством Сухэ-Батора во взаимодействии с частями советских войск начала исторический освободительный поход на Ургу.

Согласно плану монголо-советские войска двигались в двух направлениях: по главному направлению, на столицу, — основные силы Народно-революционной армии и части Красной Армии в составе 5-й Кубанской кавалерийской дивизии, 2-й Средне-кавалерийской бригады, 35-й Сибирской дивизии; в юго-западном направлении, по берегам р. Селенги, — специальный отряд под руководством Х. Чойбалсана, конный партизанский отряд во главе с известным сибирским партизаном П. Е. Щетинкиным, 105-я пехотная бригада, 35-й конный полк под командованием К. К. Рокоссовского. В резерве оставалась 104-я бригада. Во главе советских войск стоял командир 35-й Сибирской дивизии К. А. Нейман.

Для обеспечения боевых операций экспедиционного корпуса главнокомандующий войск ДВР В. К. Блюхер приказал 1-й Троицко-савской кавалерийской бригаде совершить марш в мензенском направлении, следуя через Хурэ-Бэрвийн-Хид, занять район Дзун-хурэ и в районе ставки Цэцэн-хана преградить путь унгерновским частям к востоку от Урги.

Монгольское население радостно встречало освободительные армии. Трудящиеся араты, узнав о приближении советских и монгольских войск, создавали партизанские группы и вступали в бой с шайками белобандитов.

Органы революционной власти пользовались полной поддержкой населения. Правительство с его помощью конфисковало имущество тех феодалов и чиновников, которые бежали с белогвардейцами.

Богдо-гэгэн понимал, что карта Унгерна бита, что народная революция побеждает. Страшась революции, но не имея возможности воспрепятствовать ее успеху, богдо-гэгэн и его приближенные все же пытались приостановить, задержать революцию, ослабить ее силы. От имени богдо-гэгэна они выпускали одно обращение за другим, убеждая аратов не оказывать содействия Красной Армии и Монгольской народно-революционной армии и не присоединяться к ним. Они направили также обращение Сухэ-Батору и Временному народному правительству, содержащее лживые уверения в том, что из Урги бежали последние остатки унгерновских банд, что в стране уже установлен мир и порядок и поэтому нет причин вводить войска в столицу и организовывать новое правительство.

После ряда боев с белогвардейцами, засевшими в Урге, ут-

²² Там же, с. 19.

ром 6 июля 1921 г. передовые отряды революционных войск вошли в столицу, а через два дня, 8 июля, вместе с основными силами армии в Ургу прибыли Временное народное правительство и ЦК Монгольской народно-революционной партии. Население горячо приветствовало монгольских и советских воинов.

В здании военного министерства Сухэ-Батор выступил с речью. «Для освобождения нашей страны от иностранных захватчиков и для завоевания свободы и прав монгольскому народу мы избрали Народное правительство и решили создать государственную власть на совершенно иных началах.

Прибывшее в Ургу народное правительство могло бы действовать по-революционному. Но, принимая во внимание, что вы, ламы и князья, не сопротивлялись, а также учитывая положение в стране, правительство решило установить народную власть, провозгласив богдо ограниченным монархом. Прежние министры смещаются со своих постов и должны в полном порядке сдать свои дела»²³.

10 июля 1921 г. ЦК партии вынес решение о передаче центральной власти постоянному Народному правительству. При этом на правительство были возложены следующие задачи: во-первых, обеспечить, чтобы араты стали хозяевами своих земель и вод, во-вторых, предоставить аратам права и свободу, определить путь, направленный на развитие и процветание страны. 11 июля 1921 г. в Урге состоялся всенародный митинг, на котором было объявлено об установлении в Монголии народной власти. С тех пор этот день стал народным праздником — датой победы революции.

12 июля 1921 г. Народное правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой не выводить советские войска из Монголии до окончательной ликвидации белогвардейских банд (10 августа 1921 г. Советское правительство дало свое согласие).

В состав постоянного Народного правительства вошли: Богдо — премьер-министр и министр иностранных дел, Сухэ-Батор — главнокомандующий и военный министр, заместителем его был назначен Чойбалсан, Данзан — министр финансов, Максаржав-бэйс (Хурц) — министр юстиции, да-лама Пунцагдорж — министр внутренних дел.

²³ Цит. по: Х. Чойбалсан. Краткий очерк истории Монгольской народной революции, с. 73.

Раздел второй

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ И АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ. (1921—1940)

Глава I

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ МНР (1921—1924)

Полная ликвидация унгерновцев. Соглашение о дружбе между Народной Монголией и Советской Россией. Начало решения социальных проблем

Ввиду продолжавшихся военных действий против банд Унгерна, а также вследствие религиозного влияния богдо-гэгэна на духовенство и всех верующих за ним временно был сохранен титул ограниченного монарха.

С переходом власти в стране в руки постоянного Народного правительства начался важный период Монгольской народной революции — период борьбы за окончательную ликвидацию унгерновцев, укрепления народной власти и последовательного проведения демократических преобразований в интересах аратства — движущей силы антифеодальной и антиимпериалистической революции.

Унгерн потерпел жестокое поражение и временно уклонился от боев с советскими войсками, но силы его были еще далеко не разбиты. Под властью белогвардейских оккупантов оставались важнейшие в стратегическом отношении центры страны — Кобдо, Улясутай, Ван-хурэ, Сан-бэйсэ (ныне г. Чойбалсан) и др.

Бои продолжались: части Сухэ-Батора занимались ликвидацией унгерновцев в районах вокруг Урги; отряды Х. Чойбалсана и Б. Пунцага вместе с советскими войсками под командованием П. Е. Щетинкина сражались с крупными силами унгерновцев в северных районах. На берегу р. Селенги 18 и 21 июля произошли бои с объединенными силами Унгерна и Резухина, дополнившими свои ряды в районе Ахай-гун хурэ. На во-

стоке страны монгольские воинские части под командованием Г. Бумацэндэ преследовали остатки унгерновской банды, бежавшей в Маньчжурию, а на западе партизанские войска под руководством Дамбадоржа и Хас-Батора совместно с отрядом Красной Армии под командованием К. К. Байкалова добивали остальные унгерновские банды, действовавшие в этом районе.

24 июля 1921 г. банды Унгерна и Резухина снова вторглись в пределы РСФСР, рассчитывая на помощь японских войск. 5 августа части Красной Армии разбили белогвардейцев в районе Гусиного озера. Унгерн с остатками войск бежал в Монголию, спасаясь от окружения и окончательного разгрома.

Японо-белогвардейская авантюра барона Унгерна потерпела политический и военный провал.

Монгольские цирки, входившие в состав войск Унгерна, отказались следовать за ним на запад Монголии, куда он намеревался идти, схватили его и обезоружили. Пленный Унгерн, захваченный преследовавшим его 35-м кавалерийским полком, был доставлен в Новосибирск, где по приговору революционного трибунала был расстрелян. Так закончился бесславный путь этого наемника японских милитаристов, пытавшегося подавить Монгольскую народную революцию и превратить Монголию в плацдарм для военного нападения против Советской России.

Остатки войск Унгерна и Резухина частично были уничтожены Народно-революционной армией, частично бежали в Северо-Восточный Китай. Таким образом, восточная часть Монголии была в основном очищена от белых. Но ее западный район еще оставался в руках белогвардейцев. Там орудовали отряды Бакича, Сокольниковского, Казанцева и Кайгородова.

17 октября 1921 г. Народное правительство вновь обратилось к правительству РСФСР с предложением о совместных действиях по ликвидации белогвардейских банд в Западной Монголии.

Еще в мае 1921 г. представители Временного народного правительства во главе с Дамбадоржем и Хас-Батором образовали в Западной Монголии краевой комитет партии. Они проводили революционную агитацию среди населения и формировали партизанские отряды. В июне там было создано краевое правительство, в состав которого вошли кроме представителей аратства некоторые князья дюрбетских аймаков. В то же время народный герой Хатанбатор Максаржав, установив связь с Народным правительством, поднял в Улясутае воинские части на вооруженное восстание, во время которого были убиты ставленники Унгерна Штейн и Ванданов.

2 августа 1921 г. краевое правительство и краевое бюро партии выпустили воззвание к аратам Западной Монголии с призывом бороться против белобандитов.

Объединенный отряд монгольских партизан и бойцов Красной Армии под командованием Хас-Батора и Байкалова начал борьбу против белых в Западной Монголии. В отряде состояло немногим более 300 человек. В сентябре 1921 г. в районе оз. Толбо-нур этот отряд был окружен белобандитами и находился в кольце более 40 дней. Погода стояла холодная, у бойцов не хватало теплой одежды, продовольствие иссякло, медикаменты отсутствовали. Но люди не падали духом, они мужественно отражали атаки белых и отвергали предложения о сдаче в плен. Многие из них погибли смертью храбрых. Смертью героя пал и командир отряда, мужественный патриот Хас-Батор. На сорок второй день, когда оставшиеся в живых бойцы решили вырваться из окружения или умереть за революцию, к ним на помощь прибыл полк Красной Армии, который разгромил белых и помог выйти из окружения отважным русским и монгольским воинам.

В результате длительных и упорных боев белогвардейские банды в Монголии к середине 1922 г. были разбиты. А к концу 1922 г. вся страна была в основном освобождена от оккупантов и воссоединена под властью Народного правительства. Молодая Монгольская народно-революционная армия, руководимая талантливыми полководцами Сухэ-Батором, Чойбалсаном, Максаржавом, Пунцагом, Бумацэндэ и др., действуя в тесном боевом содружестве с Красной Армией, добыла своему народу победу в жестокой борьбе против сил империализма — китайских милитаристов и русских белогвардейцев.

Умелое командование войсками и личное мужество, проявленные Сухэ-Батором и его соратниками в борьбе против общих врагов, были высоко оценены правительством Советской России. Сухэ-Батор, Чойбалсан и Хатанбатор Максаржав в марте 1922 г. были награждены советским орденом Боевого Красного Знамени.

Монгольское народное правительство также отметило заслуги Сухэ-Батора перед родиной высокой наградой, присвоив ему звание Зорикто-батара (Храброго богатыря).

Международное положение страны все еще оставалось напряженным. Японские империалисты и китайские милитаристы не желали мириться с крушением своих планов покорения Монголии. После поражения Унгерна китайский генерал Чжан Цзолинь с помощью японских империалистов пытался задушить народную революцию в Монголии и подчинить ее контролю милитаристов. 1 июля 1921 г. в Мукдене состоялось организованное Чжан Цзолинем совещание, в котором участвовали представители феодалов Внешней и Внутренней Монголии. На совещании обсуждались планы захвата Внешней Монголии. Чжан Цзолинь активно готовился к походу на Ургу. Однако этот поход не состоялся. Причинами тому послужили непрекращавшиеся междоусобицы милитаристских клик и усиление антиимпериалисти-

ческого движения народных масс в Китае. В то же время обострились противоречия между империалистическими державами, интриговавшими друг против друга, и, наконец, на территории молодого монгольского народного государства находились части героической Красной Армии, уже продемонстрировавшей свою силу.

Что касается империалистов США, Англии и других стран, то они не менее японских империалистов были заинтересованы в подавлении революции и использовании Монголии в качестве плацдарма для контрреволюционной войны против Советской России, а также против освободительной борьбы народов Китая и других стран Востока. Вместе с тем они стремились в интересах своих монополий вытеснить из Монголии японских «союзников».

Американские империалисты, используя китайских милитаристов в качестве орудия своей агрессивной политики, добивались распространения своего влияния в Монголии. Началось усиленное проникновение американских дельцов в страну. Так, например, в конце мая 1921 г. в Ургу прибыли представители американской компании «Андерсен, Майер и К^о» якобы для закупки лошадей. В сентябре 1921 г. американский консул в Калгане предложил Народному правительству свое посредничество в переговорах с Китаем. Но народная власть Монголии отказалась от услуг США.

Рожденное революцией 1921 г. Народное правительство Монголии с самого начала проводило миролюбивую политику. Оно еще в марте 1921 г. обратилось к народу и всем демократическим силам Китая с предложением об установлении равноправных дружественных отношений. Народное правительство принимало также меры для восстановления добрососедских отношений с Китаем и в июле 1921 г. Однако пекинское правительство и милитаристская клика не только не захотели что-либо предпринять в этом направлении, но всячески старались осложнить взаимоотношения между странами, незаконно претендуя на Монголию.

Тем не менее правительство Народной Монголии, придерживаясь политики дружественных отношений с Китаем, дало распоряжение своим торговым органам осуществлять торговлю с китайскими и другими иностранными фирмами на взаимовыгодных условиях.

Народное правительство Монголии неизменно соблюдало международные нормы в отношении иностранных граждан и торговых фирм, вело борьбу против империалистов и их агентов, строго отличая от них мирных китайских, русских, немецких, венгерских, английских, американских и других частных иностранных граждан, проживавших тогда в Монголии.

14 сентября 1921 г. Народное правительство обратилось ко всем странам с декларацией, в которой извещало о завоевании

монгольским народом свободы и независимости и заявляло о своем миролюбивом желании установить со всеми странами дружественные, в частности торговые, взаимоотношения. В заключении декларации говорилось, что правительство Советской России отказалось от всех прежних привилегий, предусмотренных дореволюционными договорами, и выражалась надежда, что правительства других стран последуют этому справедливому и гуманному примеру²⁵.

Правительства капиталистических стран не откликнулись на миролюбивые предложения монгольского правительства.

Но самым главным аспектом во внешней политике Народного правительства было укрепление братской дружбы и сотрудничества с Советской Россией, рожденных и закаленных в совместной борьбе против мирового империализма и его агентов — белогвардейцев.

В октябре 1921 г. в Москву прибыла делегация монгольского Народного правительства в составе Д. Сухэ-Батора, Б. Цэрэндоржа, Данзана и др. для ведения переговоров об установлении дружественных отношений с РСФСР.

3 ноября 1921 г. В. И. Ленин дал указание ускорить подписание советско-монгольского соглашения.

5 ноября 1921 г. между монгольским Народным правительством и Правительством РСФСР было подписано соглашение об установлении дружественных отношений. Оно явилось для Монголии первым равноправным международным соглашением. В нем указывалось, что все прежние договоры и соглашения, заключенные между бывшим царским правительством России и бывшим правительством Автономной Монголии, считаются утратившими силу.

Правительство РСФСР признало Народное правительство единственно законным правительством Монголии. Обе стороны взаимно обязались проводить принцип наибольшего благоприятствования в области политических и экономических отношений, а также не допускать на своей территории деятельности организаций, враждебных другой стороне.

Советское правительство, верное принципам социалистической внешней политики, специальной статьей в соглашении подтвердило свой отказ от исключительных прав и привилегий в Монголии, которыми пользовалась царская Россия, безвозмездно передало Монголии некоторое имущество, принадлежавшее России, аннулировало дореволюционный долг Монголии на сумму около 5 млн. руб.

Это соглашение имело огромное значение для укрепления международного и внутреннего положения монгольского народного государства, упрочения позиций народной власти, создания

²⁵ Русский текст декларации опубликован в газете «Известия» 6 октября 1921 г., а краткое изложение — в газете «Власть труда» 8 октября 1921 г.

благоприятных условий для дальнейшего развертывания революции, для строительства основ народной демократии.

Во время пребывания монгольской делегации в Москве она была принята В. И. Лениным. В беседе В. И. Ленин выразил свое удовлетворение успешным развитием революции в Монголии.

В. И. Ленин развил перед делегатами идею некапиталистического развития Монголии, обосновал возможность и необходимость такого развития. Главным условием успешного движения Монголии к социализму, минуя капитализм, В. И. Ленин считал улучшение работы партии и народной власти, распространение кооперации, внедрение новых форм хозяйствования и культуры, сплочение аратства вокруг партии и народной власти.

Несколько месяцев спустя В. И. Ленин снова беседовал с монгольскими делегатами, участниками I съезда народов Дальнего Востока. В беседе он вновь вернулся к вопросу о некапиталистическом пути развития Монголии, отметив, что кооперация — одно из основных звеньев этого развития. Он предупреждал также монгольских революционеров о бдительности по отношению к китайским милитаристам.

Руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, партия и народная власть неуклонно держали курс на дальнейшее развитие революционной борьбы против экономических и политических позиций феодализма в стране. Только таким путем, только ломая феодальные устои в экономике и политике, можно было подготовить условия для некапиталистического, т. е. социалистического, развития, создать гарантии против реставрации феодализма и колониального гнета.

По этому пути и повели трудящихся аратов Монгольская народная партия и Народное правительство.

В условиях борьбы с унгерновцами Народное правительство под руководством Монгольской народной партии решало такие важные революционные задачи, как установление народной власти по всей стране, ограничение политических и экономических привилегий класса феодалов и другие наиболее важные социально-экономические вопросы, выдвинутые революцией.

4 сентября 1921 г. в газете «Уриа» Монгольская народная партия опубликовала статью об углублении антифеодальной революции и укреплении народной власти.

В соответствии с решениями ЦК Монгольской народной партии и Народного правительства, принятыми осенью 1921 г., в аймачные сеймы были назначены уполномоченные правительства для разъяснения среди трудящихся политики партии и правительства, осуществления контроля над местными органами власти, их демократизации, создания партийных организаций на местах.

Особые уполномоченные правительства были посланы

также в города Кобдо, Улясутай и Алтан-Булак. К концу 1921 г. на местах было организовано пять партийных ячеек, в которых насчитывалось 150 членов.

Отсутствие более или менее грамотных кадров из числа аратства, саботаж чиновников старого аппарата, влияние церкви на население, сопротивление реакционной части феодалов, остатки унгерновцев и засилье иностранного капитала — все это серьезно затрудняло осуществление революционных мероприятий. Но Народное правительство, под руководством Монгольской народной партии настойчиво преодолевая трудности, шаг за шагом решало назревшие задачи революции.

Используя старых чиновников, правительство в то же время последовательно устраняло их реакционную часть из государственного аппарата, усиливало свой контроль за деятельностью местных органов власти, внедряя в практику выборность лиц на должность хошунных правителей. Ломка старого феодального аппарата проводилась исподволь. Иногда чиновники сменились под видом традиционной передачи власти по наследству, или их смещали в случае враждебных действий против народной власти.

Народное правительство отменило некоторые титулы и звания, присвоенные влиятельным монгольским феодалам во времена царствования маньчжурской династии, а также в период автономии и господства милитаристов и унгерновцев. Причем это касалось и самого богдо-гэгэна и его жены.

Переход власти в стране к революционному Народному правительству должен был быть официально оформлен на съезде представителей народа.

До созыва съезда партия признала необходимым создать совещательный орган народных представителей. С этой целью Народное правительство 5 сентября 1921 г. постановило создать в Урге совещательный орган — Временный Государственный Хурал, или предпарламент, как его иногда называют в литературе, в состав которого вошли пять аратов и один представитель дворянского сословия от каждого аймака и Шабинского ведомства, а также представители армии, Центрального Комитета Монгольской народной партии и ЦК Ревсомола. Таким образом, 92% членов Временного Хурала составляли представители аратства.

Временный Хурал выражал волю и интересы широких народных масс; он сыграл большую роль в привлечении аратов к управлению государством, способствовал выдвижению на руководящую работу новых кадров и явился важной подготовительной ступенью к созыву Великого Народного Хурала.

С переходом власти в стране к Народному правительству проводилось постепенное ограничение привилегий феодалов, в частности, в сфере права и суда.

В конце 1921 г. правительство образовало специальную комиссию, которая должна была подготовить демократическую реформу судебной системы; были отменены пытки и запрещено применение маньчжурских законов.

Законодательные акты Народного правительства носили народно-демократический характер. Они ликвидировали привилегированное положение класса феодалов перед судом и законом, устанавливали более строгие меры наказания для врагов народа и гуманное отношение к трудящимся, отменяли средневековые формы допроса и внедряли принцип трудового перевоспитания.

Народная власть ограничивала права и привилегии не только светских, но и церковных феодалов. Отменялись владетельные права хубилганов, а в дальнейшем был уничтожен и сам институт хубилганства; стада монастырских хозяйств стали облагаться налогами наравне с аратскими; аннулировались особые права и льготы, которыми до революции пользовались торговцы, тесно связанные с двором богдо-гэгэна и крупными феодалами; князья и монастыри лишались возможности обогащаться, взимать проценты с ссуд скотом или товарами и т. д.

В 1921 г. после освобождения Урги Народное правительство обращало особое внимание на уменьшение самых тяжелых и в то же время основных видов феодальных повинностей, прежде всего уртонной (на всех главных трактах) и военной.

В связи с этим Народное правительство издало целый ряд постановлений: 31 августа 1921 г. — об ограничении количества лошадей, содержащихся для удовлетворения ежедневных служебных нужд двора богдо-гэгэна; 13 сентября 1921 г. — об использовании для уртонной службы лошадей, принадлежащих шабинцам; 1 ноября 1921 г. — об отмене права князей и высших должностных титулованных лам на пользование уртонными лошадьми при совершении традиционного взаимного визита по случаю Нового года и др.

Народное правительство осуществило также некоторые мероприятия, связанные с разрешением земельных вопросов; был установлен контроль за арендой земли, сдаваемой иностранцам и частным лицам.

По указанию ЦК Монгольской народной партии Народное правительство приняло решение о прекращении выплаты долгов иностранным купцам и фирмам как отдельными аратами, так и хошунами, а впоследствии совсем аннулировало их. Этот шаг, выражая коренные интересы аратских масс, решал одну из важнейших задач антиимпериалистической и антифеодальной революции. Государство установило новые налоги и пошлины для иностранных фирм.

Национализация промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий, принадлежавших раньше частным иностранным предпринимателям и бывшему царскому правительству,

а также бывшему феодальному правительству дореволюционной Монголии, и создание потребительской кооперации имели одну общую цель — ослабить экономические позиции иностранного капитала, наладить хозяйство страны и улучшить положение аратства.

В декабре 1921 г. была учреждена Монгольская центральная кооперация, которая должна была служить интересам народа, вытесняя иностранный торговый капитал и обеспечивая возможность некапиталистического пути развития страны.

Большая работа начала проводиться и в области культурного строительства. В сентябре 1921 г. в Урге открылась первая начальная школа. Через некоторое время несколько таких школ открылось в аймачных и хошунных центрах. Были сделаны первые шаги по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, особенно среди цириков Народно-революционной армии.

В конце 1921 г. в Урге была восстановлена типография, разрушенная китайскими милитаристами и унгерновцами. В типографии стали печататься книги и учебники на монгольском языке, бюллетень МОНТА (монгольское телеграфное агентство), газета «Уриа». В ноябре 1921 г. была создана первая монгольская научно-исследовательская организация — Ученый комитет, переименованный впоследствии в Комитет наук (с 1961 г. — Академия наук МНР).

Партия и правительство укрепляли народное государство. Для успешного решения задач антифеодальной и антиимпериалистической революции необходимо было сблизить революционную партию с трудящимися массами путем создания массовых организаций — ее приводных ремней.

В августе 1921 г. в Урге состоялось первое совещание представителей монгольской молодежи, на котором был создан Монгольский революционный союз молодежи и избран ЦК Ревсомола из пяти человек. Секретарем ЦК был единогласно избран Чойбалсан.

* * *

Мероприятия, направленные на ограничение прав феодалов, вызвали обострение классовой борьбы. Эта борьба велась в самых различных формах. Создавшееся положение требовало немедленного строгого разграничения функций ограниченного монарха и Народного правительства.

1 ноября 1921 г. Народное правительство на заседании с участием всех министров, их заместителей, членов ЦК Народной партии и членов ЦК Ревсомола утвердило документ об ограничении прав богдо-гэгэна, который вошел в историческую литературу под названием «Клятвенного договора».

Все основные пункты этого важнейшего конституционного документа были направлены на повышение роли Народного правительства и ограничение прав монарха во всех государственных делах. «Клятвенный договор» лишил богдо-гэгэна права вето; законы и правительственные постановления вступали в силу только после утверждения их Народным правительством. В чрезвычайных случаях Народное правительство могло издавать законы и распоряжения без уведомления богдо-гэгэна. Десятый пункт договора заключал в себе взаимное обязательство богдо-гэгэна и Народного правительства Монголии выполнять все законодательные положения, предусмотренные этим актом.

Народное правительство, реализуя условия этого договора, обеспечивало безопасность и защиту завоеваний революции.

Установленный в стране государственный строй дал возможность урезать верховную власть богдо-гэгэна как главы государства и ограничить его функции управлением церковными делами.

Экономические мероприятия Народного правительства преследовали цель в определенной мере ограничить права феодалов и иностранного капитала для облегчения положения освобожденных аратов.

По мере того как партия и правительство расширяли фронт антифеодальных мероприятий, активизировались контрреволюционные силы феодальной реакции. Свергнутый класс оказывал яростное сопротивление. Об этом свидетельствовали тайные действия богдо-гэгэна, открытый заговор Бодо, премьера Народного правительства, да-ламы Пунцагдоржа, министра внутренних дел, Чагдаржава — представителя нарождавшихся буржуазных элементов и др.

Светские и духовные феодалы организовывали один за другим антинародные заговоры, пытались восстановить старую феодально-теократическую монархию. Они предприняли попытку поднять контрреволюционный мятеж с помощью тибетских лам и ростовщиков, возглавлявшихся Саджи-ламой (Жамьян-Данзаном), приближенным богдо-гэгэна и бывшим командиром тибетского отряда армии Унгерна. Мятежники предполагали утром 21 декабря 1921 г. напасть на Дом правительства. Однако бойцы Монгольской народно-революционной армии в ночь на 21 декабря арестовали 48 участников этой контрреволюционной группы.

В это же время был раскрыт заговор Очирова и Туванова. Они получили от японской разведки задание уничтожить Народное правительство. Был также ликвидирован заговор Цэрэмпила, через которого богдо-гэгэн пытался установить связи с японскими империалистами.

Таким образом, вторая половина 1921 г. явилась важнейшим периодом — периодом завершения ликвидации унгерновцев

на всей территории страны совместными силами Монгольской народно-революционной армии и Красной Армии, упрочения народной власти.

С этого же времени началось постепенное проведение некоторых социально-экономических преобразований, осуществлявшихся исключительно в интересах аратства и укрепления демократического государственного строя.

Демократические преобразования

Народному правительству Монголии приходилось уделять особое внимание вопросам защиты завоеванной государственной самостоятельности и революционной свободы трудящихся, однако изгнание из страны унгерновских оккупантов дало возможность монгольскому народу сразу же после революции решать многие антифеодальные задачи.

Вследствие сложных и трудных исторических условий демократические преобразования, предшествовавшие провозглашению республики, потребовали более трех лет. Но монгольский народ под руководством Монгольской народной партии, при всесторонней поддержке первого в мире Советского социалистического государства успешно преодолел трудности, постепенно и последовательно осуществляя важнейшие антифеодальные задачи с целью укрепления народно-демократического строя в стране.

В 1921—1924 гг. шаг за шагом были проведены важнейшие революционные преобразования: ликвидирована крепостная зависимость аратов, отменены феодальные повинности, аннулированы долги иностранным фирмам, начато ограничение иностранного капитала путем пошленно-налогового обложения и укрепления национальной потребительской кооперации, была налажена работа государственных предприятий и упрочен государственный бюджет.

Ликвидация крепостной зависимости аратов со всеми ее политико-экономическими и правовыми последствиями — одна из коренных задач антифеодальной революции. Само утверждение народной власти и проведение ряда политических и экономических мероприятий в 1921 г. уже серьезно подорвали основу крепостнических отношений, которые впоследствии были полностью ликвидированы.

Одна из самых тяжелых для аратов повинностей — военная служба феодальному государству со всеми ее расходами — была отменена. Этот вопрос частично был решен уже в ходе самой революции, окончательно же — после ее победы, когда были аннулированы все привилегии феодалов в отношении военной службы.

В интересах аратства и государства еще в 1921 г. Народное

правительство сократило уртонную повинность, в 1922—1924 гг. она была реорганизована на выгодных для аратства основах.

При определении и осуществлении налоговой политики ЦК партии и Народное правительство исходили прежде всего из требований революции, из интересов аратов, из целей борьбы против класса феодалов.

Налогом стали облагаться все владетельные и невладетельные князья, духовные феодалы, дворяне, ламы, араты, а также монастыри (последние с предоставлением льготы — по 20 баранов на каждые 100 бодо¹).

Привлечение феодальных хозяйств, лам, монастырей и населения шаби к уплате налогов само по себе являлось большим облегчением для аратов. Классовая сущность налоговой политики правительства заключалась еще и в том, что собранные налоги предназначались для удовлетворения нужд народного государства.

Наряду с решением этих чрезвычайно важных социальных проблем происходило постепенное ограничение экономических и правовых привилегий крупных духовных и светских феодалов, начиная с богдо-гэгэна и кончая невладетельными князьями и дворянами.

Реорганизуя аймаки и некоторые хошуны, создавая новые хошуны и сомоны, государство также регулировало в известной мере пастбищные, т. е. земельные, вопросы. Эти мероприятия лишали хошунных владетелей права распоряжаться перекочевой аратов из одних хошунов в другие.

Положение о местных органах власти и правах владетельных и невладетельных князей законодательно оформило лишение правителей хошунов права на передачу земли в собственность по наследству.

Особые права шабинаров на свободное кочевание по выгодным им пастбищам аннулировались. И в этом отношении их приравнивали к сомонным аратам. Обо всем этом было сказано в Положении о Шаби, утвержденном правительством в 1923 г.²

Государственный бюджет предусматривал финансирование народного хозяйства, расходы на оборонные нужды страны, а также на культурное строительство и другие революционные мероприятия.

31 мая 1922 г. между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Монголией был подписан Протокол по имущественным вопросам³.

¹ Бодо — условная единица, равнявшаяся в то время 1/2 верблюда, или одному быку, или 7 баранам.

² Ардын засгаас 1921—1924 онуудад авсан хувьсгалт арга хэмжээнүүд, с. 66.

³ Советско-монгольские отношения. 1921—1974 гг. Т. 1, с. 75.

В 1924 г. правительство СССР, идя навстречу экономическим интересам Монгольской Народной Республики предоставило Центральному народному кооперативу Монголии право импорта транзитом через СССР товаров согласно номенклатуре, присланной Монгольским кооперативом полпреду СССР в Монголии⁴.

3 октября 1924 г. было принято новое соглашение о телеграфных сношениях между СССР и Монголией.

Монценкооп в те годы завязал также торговые отношения с американскими, датскими, немецкими, английскими и другими фирмами.

В 1923 г. между правительствами СССР и Монголии было подписано взаимовыгодное и равноправное торговое соглашение. С этого времени удельный вес торгового оборота с СССР в общем внешнеторговом обороте Монголии постоянно возрастал.

В 1924 г. по просьбе монгольского правительства СССР оказал помощь в создании торгово-промышленного банка на акционерных началах.

Политические и экономические мероприятия Народного правительства способствовали улучшению положения аратских масс и увеличению поголовья скота.

В 1923—1924 гг. животноводство страны не только достигло дореволюционного уровня, но и значительно превзошло его. Большую роль в этом сыграли мероприятия, осуществленные партией и правительством: раскрепощение хамджилга, шабианов и облегчение положения аратов-албату; ликвидация экономических и политических привилегий светских и духовных феодалов и обложение их налогами; аннулирование долгов иностранцам; забота Монгольской народной партии и Народного правительства о бедной и беднейшей части населения; оказание аратским хозяйствам ветеринарной и другой помощи.

В 1923 г. ЦК партии рассмотрел вопросы перспективного развития экономики страны, которые нашли свое отражение в решениях II и III съездов партии.

В эти годы продолжалось налаживание народного образования. Монголия приступила к развитию культуры и науки.

8 марта 1922 г. Народным правительством Монголии было принято постановление о приглашении советских педагогов-консультантов, владеющих монгольским языком, для оказания помощи в постановке народного образования⁵.

К этому периоду относится начало подготовки монгольских национальных кадров в учебных заведениях Советской России.

⁴ Там же, с. 101.

⁵ БНМАУ-ын ТТА, ф. 1, кн. 76, х. 52, копия, пер. с монг.

6 декабря 1923 г. первые десять молодых людей были направлены на учебу в РСФСР в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ)⁶.

В 1923 г. в Урге начали действовать краткосрочные курсы учителей, культработников, инструкторов и народный университет (открыт летом этого года)⁷. В 1924 г. в центрах аймаков и ряде хошунов открылись школы. В стране стало выходить несколько газет и журналов.

Наряду с этими важнейшими социально-экономическими мероприятиями в 1922—1924 гг. осуществлялся слом старой государственной машины, проводилась постепенная замена местных органов власти хуралами аратов (народными собраниями).

В 1922 г. Народное правительство для усиления связи с массами установило контроль за деятельностью местных органов управления. Эти функции были возложены на уполномоченных правительства на местах.

В целях демократизации государственного строя Народное правительство 5 января 1923 г. утвердило два важнейших законодательных акта — Положение о местном самоуправлении и Положение о правах владетельных (хошунных) и невладетельных князей (ванов и гунов)⁸.

Эти акты имели огромное значение для окончательной ликвидации политических и правовых устоев класса феодалов и укрепления органов государственной власти в форме хуралов.

Положение о правах владетельных и невладетельных князей, закрепляя ограничительные мероприятия в отношении класса феодалов, предусматривало ликвидацию института владетельных князей и привлечение аратства в местные органы власти.

Оба Положения взаимно дополняли друг друга и представляли собой важные конституционные акты, направленные прежде всего против класса феодалов, что полностью соответствовало жизненным интересам аратских масс и встретило с их стороны активную поддержку.

Так, в 1922 г. араты одного из хошунов Дзасакту-ханского аймака выступили против князя Баян-Жаргала и его сына Лут-Очира, которые пытались взимать с аратов поборы и подати, аннулированные Народным правительством. Араты обратились к представителю правительства в Дзасакту-ханском аймаке с просьбой отстранить от управления хошуном Баян-Жаргала и Лут-Очира. Правительство удовлетворило их просьбу.

В том же году араты одного из хошунов Цэцэн-ханского аймака выступили против гуна Лувсан-Жамбы, который, несмотря

⁶ Советско-монгольские отношения. 1921—1974 гг., с. 88.

⁷ «Власть труда», 2.VIII.1923.

⁸ См.: Ардын засгаас 1921—1924 онуудад авсан хувьсгалт арга хэмжээнүүд.

ря на отмену крепостного права, заставлял работать на себя бывших хамджилга.

Араты выступали не только против светских феодалов, но и против духовенства. Они отказывались платить налоги в пользу церкви и монастырей. Так, например, араты хошуна Батор-вана из Тушэту-ханского аймака не только не стали заготавливать сено для лошадей богдо-гэгэна, но и потребовали передачи им участка земли, отведенного для покоса.

Воодушевленные политикой партии и Народного правительства, араты повсеместно вели борьбу против феодалов, высших лам и агентов иностранного капитала.

Ликвидация политического господства феодалов и крепостнических отношений, ограничительная политика Народного правительства в отношении иностранного торгового капитала, появление первых государственных и кооперативных предприятий в стране и поддержка Народным правительством аратских хозяйств с целью увеличения их товарности — все это к 1924 г. значительно изменило характер экономики и вызвало перегруппировку классовых сил в стране.

Трудовой монгольский народ под руководством МНРП вел борьбу против феодальной реакции и развивавшихся капиталистических элементов, поддерживаемых иностранным капиталом.

Обострение классовой борьбы и генеральная линия МНРП на некапиталистический путь развития страны

Наряду с прямой контрреволюционной деятельностью феодальная реакция, опираясь на многочисленный слой враждебно настроенного чиновничества, оставшегося в наследство от старого режима, делала все, чтобы сорвать мероприятия партии и правительства, подорвать доверие масс к ним, дискредитировать их в глазах народа, организовать саботаж решений правительства, ущемлявших интересы феодалов и церкви.

Обострение классовой борьбы вызвало необходимость создания специального органа для подавления поднимавшей голову реакции. В июле 1922 г. была учреждена Государственная внутренняя охрана (ГВО), впоследствии реорганизованная в министерство внутренних дел. Создание ГВО, верного оружия в руках трудящихся против сил контрреволюции и империализма, сыграло большую роль в деле укрепления народно-революционного строя.

Острая борьба разворачивалась в рядах Революционного союза молодежи, куда также просачивались агенты феодально-теократической реакции, пытавшиеся противопоставить Ревсомол МНРП и отрицавшие ее руководящую роль.

22 февраля 1923 г. смерть вырвала из рядов партии испытанного руководителя, народного героя Сухэ-Батора. Столица страны Урга 26 февраля проводила его в последний путь. Похоронная процессия вылилась в грандиозную демонстрацию, невиданную ранее в Монголии. Перед смертью Сухэ-Батор давал наказ своим товарищам: «Наказываю вам, друзья, чтобы вы свято сохранили завоеванную свободу, чтобы всегда подчиняли политику партии и мероприятия правительства интересам массы трудящихся аратов, чтобы закрепляли освобождение аратов от ига внутренних и внешних врагов... Следите, чтобы свобода, которой мы с вами добились, не попала обратно в руки внешних захватчиков и местных феодалов. Для того чтобы не потерять эту свободу, надо беспощадно бороться против врагов, углубляя революцию».

Руководящей силой в борьбе монгольского народа за углубление антифеодальной и антиимпериалистической революции была Монгольская народно-революционная партия. Во всех мероприятиях, проведенных за рассматриваемый период (демократизация государственного строя, ликвидация крепостнических отношений, политических, экономических и правовых привилегий класса феодалов, обеспечение защиты завоеваний революции, хозяйственная и культурная работа), ярко сказалась организующая и мобилизующая роль Монгольской народно-революционной партии.

Партия за это время выросла идейно и окрепла организационно. Однако чуждые элементы и враги народа, пробравшись в ее ряды, стремились изменить линию партии в своих контрреволюционных целях.

В области внешней политики они пытались ориентироваться на империалистические державы, а во внутренней — стремились приостановить развитие антифеодальной революции. При этом одни из них добивались реставрации феодальных порядков, другие, выражая интересы нарождавшейся буржуазии, пытались направить развитие страны по капиталистическому пути.

Партия, решительно пресекая многочисленные вылазки врагов народа и революции, повела страну вперед по пути революционного переустройства благодаря укреплению братских связей с Коммунистической партией Советского Союза и Коминтерном.

18 июля 1923 г. открылся II съезд МНРП, который пересмотрел программу, принятую I съездом, внес в нее ряд изменений, уточнявших и конкретизировавших задачи партии.

В то время эти задачи заключались в укреплении народной власти на основе демократизации местных органов власти и созыва Великого Народного Хурала, в привлечении к государственной работе как в центре, так и на местах представителей аратства, в демократизации суда, развитии народного образования и здравоохранения, в повышении благосостояния аратских

масс, в укреплении кооперации, в ослаблении позиций класса феодалов и иностранного капитала в экономике страны.

II съезд партии сыграл большую роль в деле углубления антиимпериалистической и антифеодальной революции.

МНРП черпала в учении марксизма-ленинизма ответы на вопросы о перспективах развития страны по некапиталистическому пути.

4 августа 1924 г. состоялся III съезд МНРП. Съезд разоблачил представителей нарождавшихся буржуазных элементов во главе с Данзаном. III съезд впервые обосновал историческую необходимость некапиталистического пути развития Монголии, исходя из учения Маркса, Энгельса, Ленина о возможности такого развития ранее отсталых стран с помощью пролетариата передовых, при поддержке первого в мире Советского социалистического государства. Курс на некапиталистическое развитие стал генеральной линией партии.

Великий Народный Хурал и провозглашение МНР

Социально-экономические мероприятия, проведенные в 1922—1924 гг. под руководством МНРП, содействовали укреплению народного государства и создали необходимые условия для провозглашения республики.

Провозглашение республики проходило в обстановке дальнейшего обострения классовой борьбы, выразившегося в серьезном сопротивлении феодалов и национальных буржуазных элементов, поддерживаемых иностранным капиталом.

Благоприятным поводом для установления республиканского строя явилась смерть богдо-гэгэна. 3 июня 1924 г. Президиум ЦК МНРП постановил учредить в стране республиканский образ правления. Созыв широкого представительного хурала стал практической необходимостью.

Подготовка к созыву Великого Народного Хурала проводилась в соответствии с историческими решениями III съезда МНРП. I Великий Народный Хурал должен был обсудить отчет о трехлетней деятельности Народного правительства, законодательно оформить провозглашение республики, принять ее конституцию и наметить конкретные политические и экономические задачи на новый исторический период в свете решений III съезда партии о некапиталистическом пути развития страны.

В Великий Народный Хурал было избрано 77 делегатов, в основном это были представители аратства, главным образом бедняки и середняки (92,2% общего числа избранных делегатов), и 6 бывших дворян. В число делегатов вошли 46 членов МНРП и 6 членов РСМ.

I Великий Народный Хурал открылся 8 ноября 1924 г.

Он принял исторические решения, в которых были сформу-

лированы политические и экономические задачи страны. Единодушно одолив внешнюю политику Народного правительства, хурал признал необходимым всемерно укреплять дружбу и экономическое сотрудничество с Советским Союзом.

I Великий Народный Хурал от имени трудящихся Монголии вновь подтвердил, что единственным другом и союзником МНР является СССР. Хурал единодушно признал, что МНР может, пользуясь поддержкой СССР, миновать капиталистическую стадию развития и перейти в будущем к социализму.

26 ноября 1924 г. Великий Народный Хурал утвердил первую в многолетней истории страны Конституцию, которая провозгласила Монголию Народной Республикой. Эта дата вошла в историю как знаменательная веха в жизни монгольского народа, в истории монгольского государства.

В основу многих глав Конституции легли главные принципы важнейших конституционных актов, изданных ранее: «Клятвенного договора» 1921 г. или Положения Народного правительства об ограничении прав богдо-гэгэна; Положений о Временном Хурале (1921 г.), о местном самоуправлении, о владетельных и невладетельных князьях, о Государственном Хурале ограниченной монархии Монголии (1923 г.); решения Народного правительства от 13 июня 1924 г. о введении в стране республиканского строя и Положения о Государственном Хурале (Великом Народном Хурале) МНР (1924 г.).

Решения МНРП и Народного правительства о ликвидации феодально-крепостнических отношений и кабалы иностранного капитала, проведенные в жизнь в 1921—1924 гг., нашли свое законодательное выражение в первой Конституции МНР. Она закрепила основы народно-демократической власти и государственной независимости монгольского народа.

Конституция МНР 1924 г.⁹ состоит из введения и шести глав. Введение подтверждает решение Народного правительства от 13 июня 1924 г. об установлении в стране республиканского строя без президента.

Глава 1 — «Декларация прав народа Монголии» — содержит общие положения Конституции; глава 2 — «О верховной власти» — говорит о компетенции и структуре Великого Народного Хурала, Малого Хурала, Президиума Малого Хурала и правительства; глава 3 — «О местном самоуправлении», глава 4 — «Об избирательных правах», глава 5 — «О бюджетном праве», глава 6 — «О государственной печати, гербе и флаге МНР».

Глава 1 — «Декларация прав народа Монголии» — провозглашала:

«1. Монголия объявляется независимой Народной Республикой, в которой вся власть принадлежит народу. Народ осу-

⁹ См. Основной закон (Конституция) МНР и приложения: Монгольское законодательство. Вып. 1. У. Б., 1928.

шестволяет свою верховную власть через Великий Народный Хурал и избираемое им правительство.

2. Основная задача Монгольской Народной Республики заключается в уничтожении с корнем остатков старого порядка и феодальной идеологии, существовавшей при поработителях и угнетателях, и в укреплении основ нового республиканского порядка путем полной демократизации государственного управления»¹⁰.

Конституция, закрепляя мероприятия Народного правительства, объявляла, что все международные договоры и обязательства о займах, заключенные монгольскими властями до революции, аннулируются как насильственно навязанные.

В Конституции нашли свое отражение задачи некапиталистического пути развития страны к социализму с помощью первого в мире Советского социалистического государства.

«Ввиду того что народ всего мира стремится к полному уничтожению современного капитализма... и достижению социализма и коммунизма, внешняя политика нашей Народной Республики должна соответствовать интересам революционных масс и основным задачам угнетенных малых народов и подлинно революционных народов всего мира»¹¹.

Конституция провозглашала, что вся земля и ее недра, леса, воды и богатства на территории МНР являются общенародным достоянием и находятся всецело в распоряжении народа, что частная собственность на них не допускается.

Согласно Конституции все граждане страны независимо от их национальности, вероисповедания и пола имеют право на свободу слова, печати, союзов, собраний и демонстраций. Право избирать и быть избранным в хуралы (Великий, Малый и местные) по Конституции получили все граждане республики обоего пола, достигшие 18-летнего возраста, добывающие средства к существованию своим трудом, а также солдаты Монгольской народно-революционной армии.

Конституция лишала избирательных прав бывших светских и духовных феодалов и лиц, посвященных в ламы, постоянно проживавших в монастырях. Религия была отделена от государства и объявлена частным делом каждого гражданина.

«Сущность Конституции,— писал В. И. Ленин,— в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе»¹².

Государство принимало на себя руководство экономической

¹⁰ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын үндсэн хууль, Орос монгол хэвлэлийн хороо, У. Б., 1924, с. 5.

¹¹ Там же, с. 12.

¹² В. И. Ленин. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции.— Т. 17, с. 345.

политикой, постепенно вводя монополию внешней торговли.

Для охраны республики от внешних и внутренних врагов Конституция декретировала всемерное укрепление Монгольской народно-революционной армии и всеобщее воинское обучение трудящихся.

Вся полнота высшей государственной власти по Конституции принадлежит народу в лице Великого Народного Хурала, в период между его сессиями — Малому Хуралу, а в период между сессиями последнего — Президиуму Малого Хурала и правительству совместно.

Таким образом, система государственной власти в стране стала единой, власть осуществлялась хуралами как в центре, так и на местах. Это блестяще подтвердило положение В. И. Ленина, высказанное им на II конгрессе Коминтерна, о том, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»¹³.

Хуралы были разновидностью крестьянских Советов, которые создавались в республиках советской Средней Азии, где до Октябрьской революции господствовали докапиталистические отношения.

Народные хуралы, утвердившись как органы власти во всей системе государственного строя, стали постоянной и единственной политической основой монгольского государства.

В стране законодательно закреплялась своеобразная форма диктатуры трудящихся. В. И. Ленин говорил накануне русской буржуазно-демократической революции: «Решительная победа демократической революции возможна лишь в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»¹⁴.

Великий Народный Хурал избрал Малый Хурал в составе 30 человек, в том числе Х. Чойбалсана, Хатанбатора Максаржава и др. Социальный состав Малого Хурала — 23 арата и 6 бывших князей, причем 23 депутата являлись членами МНРП и Революционного союза молодежи.

28 ноября 1924 г. сессия Малого Хурала избрала Президиум из 5 человек — представителей аратства и правительство в составе 12 человек. Премьер-министром стал Б. Цэрэндорж, главнокомандующим армией — Х. Чойбалсан. Среди членов правительства был только один бывший князь. Состав Малого Хурала и правительства свидетельствовал об укреплении народной власти, особенно ее верховных органов.

¹³ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала.— Т. 41, с. 244—245.

¹⁴ В. И. Ленин. Социализм и крестьянство.— Т. 11, с. 283.

В результате победы Монгольской народной революции при поддержке первой страны диктатуры пролетариата оказалось возможным обновление Монголии, произошли коренные преобразования в ее государственном устройстве, в области экономики и классовых взаимоотношений. Производительным силам страны был открыт простор для свободного и быстрого развития. Сложились благоприятные условия для непрерывного подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся масс.

Глава 2

РАЗВИТИЕ И УГЛУБЛЕНИЕ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ И АНТИФЕОДАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1924—1932)

Укрепление внешнего и внутреннего положения МНР

После I Великого Народного Хурала и провозглашения МНР антиимпериалистическая и антифеодальная народная революция в стране развивалась в более благоприятной международной обстановке, чем в 1921—1924 гг. Это определялось в первую очередь дальнейшим развитием и укреплением дружбы и сотрудничества между МНР и СССР.

В рассматриваемый период монголо-советское сотрудничество становилось все более разносторонним. Между МНР и СССР были заключены важные соглашения по экономическим и культурным вопросам. Из года в год увеличивалась оказываемая Советским Союзом Монголии финансово-техническая помощь и помощь в подготовке квалифицированных кадров для развития народного хозяйства и культуры страны. С 1925 г. Советский Союз стал осуществлять своими силами и на свои средства научно-исследовательские работы, направленные на развитие основных отраслей народного хозяйства и культуры МНР, на подъем ее производительных сил.

С середины 20-х годов получает развитие новая форма экономического сотрудничества двух стран — создание промышленных предприятий и хозяйственных организаций на акционерных началах. Эта форма сотрудничества в условиях острой нехватки финансовых ресурсов и кадров, способных самостоятельно управлять производством, оснащенным современной техникой, представляла собой наиболее эффективный способ ис-

пользования советской помощи в целях развития национальной экономики. Советские специалисты, командированные в МНР для работы на предприятиях смешанных обществ, трудились плечом к плечу с монгольскими рабочими, обучая их своей профессии, способствуя формированию у них нового отношения к общественной собственности и общественному труду.

Значительное развитие получили монголо-советские торговые связи; торговый оборот между МНР и СССР увеличился в 1929 г. в 17 раз по сравнению с 1924 г.¹⁵

Возрастала помощь Советского Союза в строительстве новой культуры, в особенности народного образования и здравоохранения. Помощь СССР и влияние советской социалистической культуры сыграли огромную роль в преодолении культурной отсталости страны, в создании и развитии соответствующих новых отраслей.

Развитие и укрепление монголо-советской дружбы и сотрудничества происходило в условиях усиления клеветнических нападок международной реакции, а также враждебных действий свергнутого класса феодалов и активизации правого и левого оппортунизма и мелкобуржуазного национализма внутри страны.

Наряду со всемерным укреплением дружбы и сотрудничества с Советским Союзом народное государство проявляло большую заботу об установлении дружественных отношений с другими странами. Оно уделяло особое внимание нормализации отношений с соседним Китаем и неоднократно обращалось к его правительству с предложением об установлении межгосударственных контактов на основе взаимного признания суверенитета и равноправия. Реакционные китайские правители не приняли эти предложения, стремясь подорвать монголо-советскую дружбу, подчинить себе Монголию.

Советское правительство — испытанный друг монгольского народа — постоянно заботилось об урегулировании монголо-китайских отношений. Однако китайские милитаристы не только не принимали советское посредничество, но и всемерно противодействовали установлению дипломатических отношений Китая с Советской страной. Лишь под давлением развернувшегося в Китае революционно-освободительного движения, а также того факта, что ряд крупных капиталистических государств установил дипломатические отношения с СССР, китайское правительство вынуждено было 31 мая 1924 г. подписать договор с СССР «Об общих принципах для урегулирования вопросов между Советским Союзом и Китайской Республикой».

Благодаря этому договору было достигнуто ослабление непосредственной угрозы военной интервенции китайских милитаристов в МНР.

¹⁵ Е. П. Баврин, М. В. Мещеряков, Монгольская Народная Республика. Экономика и внешняя торговля. М., 1971, с. 118.

Укрепление революционно-демократического строя и стабилизация международного положения МНР сделали возможным вывод частей советских войск с территории страны, находившихся там с 1921 г. по просьбе Народного правительства. В ноте Советского правительства от 24 января 1925 г. по этому поводу говорилось: «...Под защитой монгольских и советских военных частей, в результате революционной деятельности Народного правительства в стране установился действительный порядок и были обеспечены условия для дальнейшей демократизации страны, провозглашения ее Республикой и созыва Великого Всенародного Хурала... Исходя из этого, а также окончательной ликвидации остатков белогвардейских банд, Правительство СССР... считает, что пребывание советских войск в пределах МНР уже не вызывается необходимостью»¹⁶. В ноте Народного правительства Монголии, в которой выражалось согласие на вывод советских войск, говорилось: «...Отныне народы Союза и нашей Республики связаны неразрывной общностью судьбы, интересов и великих идей подлинного народовластия, и в дальнейшем жизнь обеих Республик будет протекать в искренней дружбе и взаимной поддержке в трудных моментах вообще, в частности же народ и Правительство нашей Республики твердо верят в помощь Союза и Красной Армии, если, паче чаяния, наступят условия, аналогичные с теми, которые наблюдались в 1921 г.»¹⁷. В ноте была выражена сердечная благодарность монгольского народа Советскому правительству и Красной Армии. В 1925 г. советские войска были выведены с территории МНР.

Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, МНРП и народное государство выражали солидарность монгольского народа с национально-освободительной борьбой народов колониальных стран. МНР присоединилась к протесту прогрессивных сил мира против зверского расстрела шанхайских рабочих английскими империалистами в середине 20-х годов. МНР оказала моральную поддержку и материальную помощь освободительной борьбе китайского народа против японской агрессии.

После подавления китайской революции 1924—1927 гг. гоминьдановская клика во главе с Чан Кайши активизировала враждебные действия против МНР. Чанкайшистское правительство с ненавистью воспринимало существование по соседству с Китаем новой революционной Монголии, ее успехи в строительстве новой жизни и угрожало уничтожить независимость МНР военной силой.

Одновременно с Чан Кайши, примерно с 1927 г., японские империалисты возобновили агрессивные акции, направленные на

осуществление давно задуманных планов порабощения Монголии. Цель японских агрессоров заключалась в том, чтобы, захватив МНР, превратить ее территорию в военный плацдарм для широкой экспансии на Азиатском материке. Для реализации этих замыслов они добивались подрыва монголо-советских дружественных отношений, усиленно распространяли клеветнические измышления о том, будто бы СССР проводит политику колонизации народов Азии, и прежде всего Монголии, и т. п. Японские империалисты, используя влияние среди верующих Панчен-ламы, находившегося в то время во Внутренней Монголии, вблизи монгольской границы, создали враждебную МНР группировку эмигрантов-контрреволюционеров, пытались установить связь с феодальной контрреволюцией внутри страны.

Таким образом, обострение внешнеполитического положения МНР было вызвано активизацией реакционных сил в борьбе против международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, враждебными действиями мирового империализма против СССР и МНР, находившихся в то время в кольце капиталистического окружения, агрессивными акциями японских и китайских правителей.

В связи с обострением международного положения и нарастанием угрозы нападения извне народное государство приняло необходимые меры по укреплению обороноспособности страны. 16 октября 1925 г. был утвержден закон о всеобщей военной обязанности. С 1926 г. на местах стали создаваться временные отряды народных ополченцев, в которых военнообязанные проходили военное обучение. Были приняты меры по повышению боеспособности частей народно-революционной армии, укреплению военной дисциплины, улучшению подготовки командного состава, по созданию и укреплению пограничных войск. В 1929 г. был создан Совет государственной обороны.

Введение в стране республиканского строя создало прочную основу для дальнейшего развития и укрепления народного государства и революционной демократии.

В рассматриваемый период развитие народного государства определялось прежде всего укреплением системы народных хуралов, сформировавшихся в первые годы революции и ставших политической основой МНР. Как уже говорилось, до провозглашения республики хуралы народных представителей были созданы в основных районах страны — четырех халхаских аймаках и Шабинском ведомстве. Однако они еще отсутствовали в аймаках и хошунах, где проживали дурбеты, дариганги, торгуты, казахи и урянхайцы, в силу отсталости их социально-политического развития, своеобразия бытового уклада и других причин. Создание народных хуралов в этих районах стало одной из важнейших неотложных задач государственного строительства в тот период.

В апреле 1925 г. местные демократические органы народной

¹⁶ Советско-монгольские отношения. 1921—1974. Т. 1. М., 1975, с. 104.

¹⁷ Там же, с. 106.

власти были созданы в районе расселения дариганги, где вместо так называемого таван гар (пять крыльев) образовался один хошун с 18 сомонами. В том же году народные хуралы сформировались в хошунах двух дурбетских аймаков и хошуне Тариачин Кобдоского аймака, при этом мелкие хошуны (например, 10 баятских) объединились в один. В декабре 1925 г. вместо двух дурбетских аймаков был создан один аймак, в состав которого вошли 8 хошунов и 41 сомон. Первый народный хурал этого нового аймака избрал аймачное управление и переименовал аймак в Чандаманьульский по названию самой известной местности на своей территории согласно традиции, принятой в халхаских аймаках.

В результате в 1925—1929 гг. во всех хошунах национальных меньшинств, кроме казахских, были сформированы местные демократические органы власти.

Укреплялась и совершенствовалась система органов государственного управления. Процесс этот разрывался в тесной связи с деятельностью народного государства по осуществлению задач некапиталистического пути развития, направленных на развитие экономики, культуры и усиление обороноспособности страны.

В структуре народного правительства, центрального органа управления, в его организационной деятельности укреплялись принципы демократического централизма и коллективности руководства, возрастала его роль в политическом, экономическом и культурном строительстве.

По мере усложнения задач экономического и культурного строительства совершенствовалась также структура центральных органов государственного управления. Так, в 1924 г. были созданы министерство хозяйства и министерство просвещения, в 1925 г. — министерство государственного контроля, в 1930 г. — министерство здравоохранения, министерство скотоводства и земледелия, министерство торговли и промышленности и т. д. В 1925 г. был создан межотраслевой орган управления — Экономический совет, который осуществлял координацию деятельности хозяйственных органов, разрабатывал экономическую и финансовую политику народного государства. Следовательно, развитие и усиление хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функций народного государства привели к созданию новых специальных органов управления, изменению структуры и функций ранее существовавших. При этом в структуре государственного механизма все большее значение приобретали органы, осуществлявшие руководство экономикой и культурой.

Наряду с центральными органами государственного управления укреплялись и местные исполнительные органы. В исполнительных управлениях аймаков и хошунов создавались новые отделы, увеличивались штаты, расширялся круг их компетенции

и т. д. Этому способствовали «Новое положение о местном самоуправлении МНР», утвержденное в 1925 г., а также положения о хуралах аймаков, сомонов и об их исполнительных управлениях, утвержденные в 1930 г. Таким образом, в 1924—1930 гг. в МНР создавались новые органы управления, а ранее функционировавшие реорганизовывались в целях более успешного выполнения конкретных задач, связанных с углублением народной революции.

Важное значение для укрепления народного государства имела судебная реформа, проведенная в конце 1925 г. Несмотря на то что в первые годы народной революции были сделаны важные шаги по демократизации суда и созданию новых судебных органов, отменено реакционное феодальное сословное законодательство, задача полной демократизации суда еще не была решена. Поэтому в соответствии с народным характером и демократическими принципами первой Конституции МНР необходимо было осуществить коренную судебную реформу и создать народный демократический суд в центре и на местах. В 1925 г. правительством МНР была назначена специальная комиссия для разработки нового законодательства и порядка формирования новых демократических судов. В том же году II Великий Народный Хурал специально обсудил вопрос о проведении судебной реформы. Он определил организационные принципы народных судов и демократические основы их деятельности и постановил создать суд со следующей структурой: общий (Верховный суд, суды аймаков и хошунов) и особые (военный, временный суд по рассмотрению особо опасных государственных преступлений). Согласно решениям II Великого Народного Хурала предполагалось разработать новые законы и кодексы, создать демократические органы суда. В декабре 1925 г. был создан Временный суд, а в 1926 г. утверждены «Положение о народных судах», уголовный и гражданский кодексы, процессуальный кодекс и другие законы. 1 января 1927 г. в соответствии с «Положением о народных судах» были созданы Верховный суд МНР, а затем местные суды. В результате в стране сложилась единая демократическая судебная система, ставшая на страже интересов революции и революционного народа. Судебная реформа дала в руки народного государства мощное орудие для укрепления народно-демократического строя, для подавления сопротивления враждебных ему сил; она положила конец выполнению органами управления судебных функций.

В 1930 г. впервые в истории Монголии был учрежден институт прокуратуры. 15 августа 1930 г. было принято «Положение о прокуратуре». В том же году при министерстве юстиции был утвержден штат заместителя министра по делам прокурорского надзора, а при аймачных и военных судах — штат заместителя председателя суда по прокурорскому надзору.

В соответствии с первой Конституцией МНР 3 сентября 1926 г. был принят закон об отделении религии от государства. Этот закон, лишив ламаистскую церковь возможности вмешиваться в государственные и гражданские дела, разрешил вопрос о вероисповедании в интересах народной революции. Народная власть, осуществляя дифференцированный подход к ламству, приняла важные меры, направленные на освобождение рядового ламства из-под влияния высших лам и привлечение его к общественно-полезному труду. Реакционные высшие ламы, стремясь вернуть утраченную власть и влияние, пытались найти девятого «перерожденца» Джебзундамба-хутухты. Однако эти попытки получили отпор со стороны народной власти.

Проведенные Народным правительством мероприятия по ликвидации института хубилганства в МНР нанесли серьезный удар церковным феодалам, привели к ослаблению их влияния на народные массы, способствовали постепенной изоляции высшего ламства от рядовой массы ламства.

После установления республиканского строя вносились некоторые изменения в административно-территориальное деление страны. 20 марта 1925 г. Шабинское ведомство было преобразовано в аймак, получивший название Дэлгэрихульский, который в следующем году был упразднен, а шабинские отоки преобразованы в хошуны. Территория, на которой проживали шабиняры 13 владетельных и невладетельных хутухт, подверглась такому же преобразованию. Этим было покончено с институтом Шаби — обособленной единицей в административном устройстве, представлявшей собой один из пережитков феодализма в общественной жизни МНР. В стране утвердилась единая система административного устройства.

В 1927 г. были упразднены баги, а хошуны, в которых насчитывалось не более четырех сомонов, укрупнены за счет других сомонов.

Однако эти изменения не затрагивали сущности системы административного деления, которая оставалась по-прежнему многоступенчатой. Обширные по размерам своих территорий аймаки и хошуны в условиях слабого развития транспорта и связи и преобладания мелких частных хозяйств не отвечали возросшим требованиям государственного, хозяйственного и культурного строительства, создавали немалые трудности в организационной работе. Поэтому в 1931 г. было проведено коренное изменение административно-территориального устройства страны. Хошуны были упразднены, вместо 5 аймаков и 515 сомонов создано 13 аймаков и 306 сомонов, которые располагали примерно равными территориями и количеством населения.

Реорганизация административно-территориального устройства, уничтожив пережитки феодализма и многоступенчатость, приблизила высшие органы власти к народным массам. Новое административное устройство способствовало также укреплению

местных органов власти, расширению их прав и функций. Вместо административно-территориального деления, созданного при феодализме, в стране сложилась новая демократическая система административного устройства, соответствовавшая классово-му характеру революционно-демократического государства и отвечавшая его задачам и функциям.

В 1925 и 1929 гг. были приняты решения о проведении чистки в государственных, общественных и хозяйственных учреждениях с целью избавления их от чиновничье-бюрократических элементов. В марте 1929 г. проводилась чистка аппарата государственных учреждений, в результате которой подверглись проверке 3000 работников центральных и местных органов власти. Из этих учреждений были изгнаны бывшие феодалы и реакционно настроенные чиновники. При проведении чистки в государственном аппарате, особенно местном, была использована избирательная кампания, развернувшаяся в 1931 г. во вновь создаваемых аймаках и сомонах. Кампания активно способствовала очищению местных органов власти от старого чиновничества и бюрократических элементов, выдвижению в местные органы власти представителей бедняцкой и середняцкой части аратства, что способствовало укреплению государственных органов и упорядочению народного государства.

Социально-экономические революционные преобразования

Исторические решения III съезда МНРП и I Великого Народного Хурала, направленные на окончательную ликвидацию феодальных отношений и обеспечение некапиталистического развития, служили руководством к действию. Однако в реализации этих решений, в проведении глубоких социально-экономических революционных преобразований народная власть сталкивалась с немалыми трудностями, обусловленными экономической и культурной отсталостью страны.

Во-первых, экономика страны была многоукладной, ее составляли следующие основные уклады.

1. Натуральный уклад, представленный мелким единоличным аратским хозяйством. Несмотря на заметное усиление товарно-денежных отношений, натуральный характер аратских хозяйств далеко еще не был преодолен. В этих хозяйствах, охватывавших более 90% населения, находилось около 70% всего поголовья скота.

2. Мелкотоварный уклад. Под влиянием экономической политики народной власти натуральный уклад постепенно вытеснялся, уступая место мелкотоварному, представленному аратскими хозяйствами, основанными на личном труде и не эксплуатировавшими, как правило, наемного труда. Эти хозяйства были связаны с рынком, поскольку значительная часть их продукции шла на продажу, а не для собственного потребления.

3. Феодальный уклад, включавший монастырские хозяйства и хозяйства бывших феодалов. Позиция этих хозяйств в экономике страны была довольно прочной, в 1925 г. в них было сосредоточено около 30% поголовья скота. Опираясь на свою экономическую мощь, эти хозяйства все более отчетливо обнаруживали тенденцию эксплуатировать аратские хозяйства методами экономического принуждения.

4. Иностраный торговый капитал, который не являлся продуктом собственного развития монгольского общества, а представлял собой инородное тело в национальной экономике. Иностраный капитал продолжал занимать сильные позиции в экономической жизни республики. Вся внешняя и подавляющая часть внутренней торговли находилась в его руках. В стране действовали более 500 крупных китайских, несколько десятков фирм английских, американских и иных стран, филиалы которых густой сетью охватили всю страну.

5. Социалистический уклад был представлен государственным и кооперативным сектором, получившим свое развитие в результате мер, принятых партией и правительством с первых же дней победы народной революции. Хотя этот уклад занимал еще незначительное место в экономике страны, но он был ведущим и ему принадлежало будущее.

Наряду с этим в экономике страны появились национальные капиталистические элементы (в сельском хозяйстве, торговле), получившие стимул для своего развития в результате отмены крепостнических отношений.

Наличие различных укладов, естественно, осложняло руководство экономическим строительством. В этих условиях экономическая политика МНРП и народного государства была направлена на поощрение частнохозяйственной инициативы единоличных аратских хозяйств, на всестороннее развитие и укрепление государственного и кооперативного секторов, ограничение национальных капиталистических элементов, на ликвидацию феодального уклада и вытеснение иностранного капитала.

Во-вторых, основной отраслью народного хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство. Очень слабо были развиты промышленность, транспорт, связь, земледелие и другие отрасли материального производства. Государственный доход был незначителен, отсутствовала национальная денежно-финансовая система.

В-третьих, культурный уровень трудящихся был невысок, подавляющее большинство населения оставалось неграмотным. Влияние церкви на верующих было исключительно велико. Народное образование и здравоохранение находились в зачаточном состоянии. В 1925 г. в школах обучалось детей в 10 раз меньше, чем в монастырских дацанах.

Кроме того, остро ощущалась нехватка руководящих кадров

в отраслях народного хозяйства и культуры, в партийных, государственных и общественных организациях.

Несмотря на эти трудности, МНРП, опираясь на братскую помощь советского народа и используя в своей деятельности опыт КПСС, успешно осуществляла коренные социально-экономические преобразования, направленные на обеспечение задач некапиталистического развития МНР. В эти годы прежде всего была решена трудная задача ликвидации феодалов как класса и вытеснения иностранного капитала из экономики, достигнуты значительные успехи в развитии новой экономики и культуры.

Борьба за окончательную ликвидацию феодалов как класса развернулась на политическом, экономическом и идеологическом фронтах. Наибольшую трудность представляла экономическая борьба против свергнутых феодалов, которая велась в двух основных направлениях: налогообложение и конфискация их собственности.

Закон 1926 г. о едином налоге, установивший принцип прогрессивного обложения по количеству скота, сыграл важную роль в ослаблении экономической мощи феодальных и других эксплуататорских хозяйств. Этот закон предусматривал дифференцированное прогрессивное обложение хозяйств феодалов и монастырей, а также аратских хозяйств, имевших свыше 51 бодо скота, полное освобождение от налога бедняцких хозяйств, имевших до 5 бодо скота, и предоставление льгот государственным и кооперативным хозяйствам.

Таким образом, закон о едином налоге впервые в истории Монголии переносил центр тяжести налогового обложения на зажиточные слои населения, освобождал от налогов бедноту. Принцип прогрессивного налогообложения получил дальнейшее совершенствование в законах о едином налоге, утвержденных в 1928, 1929, 1930 гг. Антифеодальный характер налоговой политики заключался в том, что феодальным хозяйствам не предоставлялось никакой скидки даже в том случае, когда они по количеству скота относились к категории маломощных хозяйств.

В 1930 г. был введен новый налог, называемый «воинским налогом», который взимался с лам призывного возраста. Была значительно увеличена ставка налогов для хозяйств светских и духовных феодалов и монастырей.

В дальнейшем классовый характер налоговой политики МНР нашел еще большее выражение. В 1931 г. с аратских хозяйств, имевших доход 150—900 тугриков, взимался налог в среднем в сумме 21 тугрика, тогда как с феодальных хозяйств, располагавших таким же доходом, взималось в среднем 177 тугриков.

Конфискация скота и имущества у феодалов началась с 1925 г. В этом году было конфисковано имущество богдо-гэгэна. Находившиеся в его казне книги и рукописи, памятные ве-

щи и т. п. были переданы в библиотеку и музеи, а оставшееся имущество тремя равными частями распределено для нужд народного образования, здравоохранения и религиозных дел.

В 1925—1926 гг. было конфисковано имущество крупных феодалов — Сайн-нойон-хана Намнансурэна и Дзасакту-хана Церенгомбожаба. У них было изъято несколько тысяч голов скота, более 100 меховых шуб, другие ценные вещи и драгоценности. В 1926 г. были конфискованы остатки принадлежавшего маньчжурскому императору поголовья скота, находившегося в Дариганге. Кроме того, подвергались экспроприации или обложению штрафом на основе судебных решений те феодалы, которые открыто выступали против народной власти или совершали уголовные преступления.

Особое значение для решительного наступления на экономические позиции феодализма имели решения VII съезда МНРП и V Великого Народного Хурала о конфискации собственности всех феодалов и реакционных чиновников. Народные собрания, проводившиеся по всей стране, одобряя это постановление партии и народного государства, выносили решение о передаче конфискованного имущества аратам для повышения их материального благосостояния.

В сентябре 1929 г. народное правительство приняло постановление о конфискации имущества феодалов. В постановлении указывалось, что князья, ваны, гуны, хутухты и хубилганы веками, из поколения в поколение угнетали аратов, богатели за счет их эксплуатации и накопили огромные богатства. Они освобождали себя от налогов, пользуясь своим привилегированным положением, нещадно эксплуатировали аратов в своих хозяйствах и причиняли им непомерные страдания, довели их до крайней нищеты. Необходимо срочно приступить к конфискации имущества феодалов, а также реакционных чиновников, эксплуатировавших аратов не менее, чем феодалы, и передать часть конфискованного имущества в порядке оказания помощи беднякам, пострадавшим от голода и стихийных бедствий.

В постановлении указывалось, что конфискации должно быть подвергнуто все имущество феодалов, в том числе золото, золотые и серебряные украшения, с тем чтобы в их хозяйствах оставалось имущества на сумму, не более 100 хуби (включая юрту, предметы домашнего обихода, одежду, предметы культуры, а также необходимое для поддержания жизни количество скота; хуби — условная единица, равная 30 тугрикам).

Конфискация имущества феодалов была мероприятием огромной политической и экономической важности, которое должно было нанести сильнейший удар по экономическим основам феодализма, его идеологии и феодальным традициям. Поэтому ЦК МНРП и народное правительство придавали особое значение кампании конфискации феодальной собственности. В сентябре 1929 г. правительством была создана центральная комис-

сия во главе с Председателем Президиума Малого Хурала Х. Чойбалсаном по конфискации скота и имущества феодалов, а в аймаках и хошунах — местные комиссии, к работе которых широко привлекались члены партии и Ревсомола, аратские активисты. Была проведена большая разъяснительная работа среди трудящихся о политическом и экономическом значении конфискации феодальной собственности, разработана конкретная инструкция о проведении этой кампании. В аймаки были направлены уполномоченные правительства. Комиссиями в центре и на местах прежде всего были составлены списки лиц, подлежащих экспроприации, и проведена регистрация их имущества. Затем списки эти обсуждались на собраниях аратов — бедняков и середняков, которые помогали разоблачать подлинное лицо феодалов и чиновников, способствовали повышению политической активности народных масс.

Массовая конфискация собственности феодалов происходила в течение осени и зимы 1929—1930 гг. За это время было конфисковано имущество более 600 хозяйств из 729, подлежащих экспроприации. Весь конфискованный скот и имущество, оценивавшиеся приблизительно в 5 млн. тугриков, были в основном распределены между не имевшими скота и маломощными аратскими хозяйствами, а также переданы в распоряжение вновь создававшихся коллективных хозяйств. Конфискация имущества и скота у светских и частично церковных феодалов продолжалась в 1931—1932 гг. К апрелю 1932 г. всего было экспроприровано 1100 хозяйств, стоимость имущества которых составляла 10 млн. тугриков. В результате, если в 1928 г. в руках светских и церковных феодалов (без монастырских хозяйств-джас) находилось около 13% всего поголовья скота, то в 1930 г. оно сократилось до 10%, в 1931 г. — до 4,5%.

Конфискация имущества феодалов привела к значительному ослаблению экономической мощи феодалов, к резкому снижению удельного веса феодального уклада в общественном производстве. Она освободила из экономической зависимости от феодалов десятки тысяч аратских хозяйств, подняла их хозяйственную инициативу и политическую активность. Передача части конфискованного имущества бедняцким и середняцким хозяйствам способствовала повышению их материального благосостояния. Подорвав экономическую мощь феодалов, эта кампания вместе с тем предотвратила тенденцию развития феодальных хозяйств в хозяйствах капиталистического типа. В этом смысле конфискация феодальной собственности имела важное значение в обеспечении задач некапиталистического пути развития МНР к социализму.

Несмотря на то что в 1929—1932 гг. была проведена конфискация собственности у крупных светских и церковных феодалов и реакционных чиновников, в стране все еще сохранялись монастырские хозяйства-джасы, являвшиеся мощным, укоренив-

шимся феодальным институтом. К началу 1930 г. в стране действовало около 800 монастырей, в которых насчитывалось 80 тыс. лам, и свыше 7700 джас, во владении которых находилось около 13% всего поголовья скота. Ликвидация церковного феодализма, располагавшего большими материальными богатствами, была необычайно сложной и трудной задачей, связанной с коренными преобразованиями в социально-политической, экономической, культурной и идеологической жизни страны.

В начале 30-х годов в силу огромного влияния церкви на население нельзя было прибегнуть к конфискации имущества монастырских хозяйств, как это произошло с собственностью светских и отдельных крупных церковных феодалов. Такой шаг расценивался бы верующими как принудительное закрытие монастырей и мог вызвать их недовольство. Поэтому, прежде чем приступить к экспроприации монастырского скота и имущества, необходимо было осуществить меры, направленные на ослабление экономической мощи монастырей, на освобождение от эксплуатации аратских хозяйств, выпасавших их скот на каменных условиях. Весь комплекс мероприятий, осуществленных в 1930—1932 гг. в МНР, вошел в историю под названием джасовской кампании.

В июне 1930 г. ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли постановление и разработали инструкцию о проведении джасовской кампании. В ходе кампании 2,1 млн. голов монастырского скота было передано на договорных началах на выпас кооперативам и аратам — беднякам и середнякам. Кроме того, были приняты меры с тем, чтобы помочь низшим ламам перейти на положение мирян, установлен порядок предоставления перешедшим в светское состояние беднейшим ламам определенной доли из монастырского имущества. Были также увеличены ставки налогов, взимавшихся с монастырских хозяйств, и приняты меры к своевременному их взысканию.

Джасовская кампания привела к ослаблению экономической мощи монастырей и снижению их доходов. Если в 1929 г. в стране насчитывалось свыше 7700 монастырских хозяйств, в руках которых находилось свыше 3 млн. голов скота, то в 1932 г. число джас сократилось до 2700, а поголовье их скота — до 0,3 млн. В период джасовской кампании тысячи лам покинули монастыри, количество постоянно проживающих в монастырях лам сократилось на 20 тыс.

Джасовская кампания избавила от эксплуатации монастырей тысячи аратских хозяйств, бесплатно выпасавших их скот.

Таким образом, джасовская кампания являлась важным революционным мероприятием, направленным на подрыв экономической мощи ламаистской церкви и ее влияния на верующих.

Другой важной задачей, решения которой настоятельно требовали интересы политического и экономического развития стра-

ны, явилось освобождение экономики страны от засилья иностранного капитала. В условиях господства иностранного капитала немыслимо было развитие страны по некапиталистическому пути и создание новой экономики.

С целью вытеснения иностранного торгового капитала из экономики страны партия и государство с самого начала оказывали всемерную поддержку Монгольской кооперации взаимопомощи (традиционное название — Монценкооп), использовали ее как важное экономическое орудие в борьбе против иностранного капитала. Монценкоопу выделялись необходимые средства из госбюджета, предоставлялись беспроцентные займы, принимались меры по обеспечению его национальными кадрами. С целью повышения боеспособности Монценкоопа в противоборстве с иностранными фирмами государство снабжало его товарами широкого потребления, снижало цены на его товары. В 1926 г. Монценкоопу было предоставлено право устанавливать розничные цены на товары, частным лицам и иностранным фирмам запрещено продавать свои товары по ценам, превышавшим установленные Монценкоопом. Благодаря этим мероприятиям удельный вес Монценкоопа во внутреннем товарообороте страны постоянно возрастал. Так, если в 1923 г. доля Монценкоопа составляла всего 4% внутреннего товарооборота, то в 1925 г. — 25%.

В целях вытеснения иностранного капитала из экономики страны всемерно расширялись экономические и торговые связи с Советским Союзом.

Народное правительство предоставило советским торговым организациям «Сибгосторг», «Шерсть», «Стормонг» и др. право свободной торговли и заготовки сырья на территории страны. Советские торговые организации получили возможность координировать свою деятельность с работой Монценкоопа, оказывать ему всестороннюю помощь и поддержку. Советский Союз ввозил свои товары в МНР по ценам, ниже установленных на мировом рынке, и предоставлял кредит под незначительные проценты. В результате из года в год возрастала доля Советского Союза во внешней торговле Монголии. Если в 1923—1924 гг. всего 14% экспорта Монголии приходилось на Советский Союз, то в 1928—1929 гг. — 85,5%.

Государство умело использовало также налоговую и таможенную политику в борьбе с иностранным капиталом.

В 1925 г. были значительно повышены таможенные пошлины на товары иностранных торговцев и ростовщиков. Иностранным фирмам было запрещено использовать непроверенные весы, открывать без соответствующего на то разрешения новые торговые точки, вывозить лошадей и маточное поголовье скота в больших количествах. С 1928 г. в соответствии с решениями VII съезда МНРП и V Великого Народного Хурала принимались важные меры по организации решительного наступления

на позиции иностранного капитала. В 1929 г. была установлена государственная монополия на заготовку и вывоз тарбаганьих шкур.

Благодаря всем этим мерам, направленным на ограничение и вытеснение иностранного капитала, торговые операции иностранных фирм стали свертываться, многие из них закрывались. В 1930 г. удельный вес иностранного капитала во внешней торговле МНР составлял всего лишь 4,7%.

Учитывая это обстоятельство, народное правительство 12 декабря 1930 г. приняло историческое решение о введении государственной монополии внешней торговли. В постановлении говорилось: «1) установить государственную монополию внешней торговли; 2) вывоз и ввоз товаров осуществлять только по специальному разрешению министерства торговли и промышленности согласно плану и нормам, утвержденным правительством МНР». Таким образом, государство переходило от государственной монополии на отдельные виды товаров к установлению государственной монополии в целом.

Государственная монополия внешней торговли преградила в будущем путь к вторжению иностранного капитала в экономику страны. То обстоятельство, что иностранный капитал в Монголии был торговым, а не производительным, облегчало решение задачи вытеснения иностранного капитала путем введения государственной монополии внешней торговли.

Вытеснение иностранного капитала явилось одним из крупных завоеваний народной революции и имело исключительно важное политическое и экономическое значение. Эта революционная мера, освободив производительные силы страны от пагубного влияния иностранного капитала, создала важнейшие предпосылки для ускорения развития страны по некапиталистическому пути. Вытеснение иностранного капитала не только способствовало уничтожению непосредственного политического, экономического и идеологического влияния мирового капиталистического хозяйства на страну, но и нанесло серьезный удар по национальным капиталистическим элементам, которые, опираясь на иностранный капитал, пытались повернуть страну на капиталистический путь.

Определяющей чертой революционных преобразований, осуществленных в МНР в рассматриваемый период, было развитие новой экономики.

МНРП и народное государство уделяли особое внимание развитию животноводства — основной отрасли экономики страны, рассматривая его как главное условие развития всех других отраслей народного хозяйства и повышения материального благосостояния трудящихся масс. Поскольку основная масса скота находилась в руках единоличных аратских хозяйств, обеспечение задачи развития скотоводства базировалось на поощрении частнохозяйственной инициативы аратских хозяйств.

Государство предоставило мелким аратским хозяйствам право безарендного пользования пастбищами, оказывало им всяческую поддержку в увеличении поголовья скота и заготавливаемого сырья.

Усилению хозяйственной инициативы аратских хозяйств в известной степени способствовали мероприятия, направленные на повышение их материального благосостояния, такие, как материальная помощь, оказанная государством в 1925—1926 гг. бедняцким хозяйствам, пострадавшим от дзуда и бескормицы, снижение размера государственных налогов, предоставление кредитов беднякам и середнякам, облегчение урточной службы, осуществлявшейся силами и средствами аратских хозяйств, сокращение числа уртонов в аймаках и т. д.

Значительное внимание уделялось развитию ветеринарии. Если в 1924 г. в стране было 4 ветеринарных пункта, то в 1931 г. их стало уже 33. С середины 20-х годов началась селекционная работа путем скрещивания местных лучших пород с племенным скотом.

С 1927 г. государство стало предоставлять аратским хозяйствам кредиты, предназначенные на улучшение пород скота, развитие сенокосения, земледелия, на постройку утепленных помещений, рытье колодцев и т. д. Сумма такого рода кредитов, предоставленных аратским хозяйствам, возросла с 72 тыс. тутриков в 1927 г. до 300 тыс. в 1928 г., т. е. почти в 4 раза.

В результате всемерной поддержки государством трудовых аратских хозяйств поголовье скота возросло с 19 млн. в 1926 г. до 22 млн. в 1929 г. Увеличилось и число хозяйств, занимавшихся наряду со скотоводством земледелием и сенокосением.

МНРП и народное государство уделяли большое внимание развитию национальной промышленности.

В 1925—1930 гг. были расширены и реконструированы ранее существовавшие мелкие предприятия, такие, как кожевенный завод в Алтан-Булаке, угольные копи в Налайхе, гостипография, электростанция в Улан-Баторе и др. Были построены новые предприятия, ориентированные на использование природных богатств и переработку скотоводческого сырья: кирпичный, лесопильный, вино-водочный заводы, суконная фабрика, золотые прииски в Толгойте и т. д. В развитии национальной промышленности наряду с государственным сектором важную роль играла также кооперативная форма собственности. Еще в 1926 г. в Улан-Баторе была открыта первая артель кустарно-промысловой кооперации, а в 1931 г. их стало 14. В артелях изготавливались предметы широкого потребления и хозяйственного назначения.

В эти годы получили значительное развитие транспорт, связь и другие отрасли промышленности. В 1925 г. было создано транспортное управление МНР, а в сентябре 1929 г. — монголо-советское акционерное общество «Монголтранс». «Монгол-

транс» сыграл исключительно важную роль в развитии современного транспорта в МНР, в укреплении его материально-технической базы, в подготовке национальных кадров-транспортников. С 1925 г. началось строительство и ремонт дорог и мостов на тракте Улан-Батор — Алтан-Булак.

В 1925 г. была проложена линия связи между Цэцэрлэгом и Улясутаем, а в 1926 г. — между Улан-Батором и Ундурханом, между Улясутаем, Улангом и Кобдо.

В 1925 г. открылось воздушное сообщение между Улан-Батором и Улан-Удэ (Верхнеудинск).

Развитие промышленности, транспорта, связи и других отраслей народного хозяйства способствовало росту строительной индустрии. В 1925 г. была создана первая в Монголии строительная организация — Монгольская строительная кооперация (Монголстрой).

Таким образом, в 1925—1928 гг. наряду с развитием государственной и кооперативной промышленности зародились и получили развитие такие важные отрасли народного хозяйства, как транспорт, строительство, связь и др.

Исключительно большое значение в развитии новой экономики имела денежная реформа, проведенная в 1925—1928 гг. До 1925 г. страна не имела национальной валюты, в денежном обращении находились китайские янчаны, серебряные слитки русского, немецкого, английского происхождения и др. Наличие иностранной валюты создавало дополнительные трудности в упорядочении денежно-финансового хозяйства страны, в вытеснении иностранного капитала из ее экономики.

22 февраля 1925 г. народное правительство приняло решение о выпуске национальной валюты — тугрика, а 9 декабря он поступил в обращение. Первую национальную валюту народ принял с большим воодушевлением. И хотя на первых порах в обращении продолжал еще сохраняться китайский янчан, однако позиция тугрика постоянно укреплялась. Учитывая это, народное правительство приняло решение оставить с 1 апреля 1928 г. в денежном обращении только тугрик как единственно законную валюту и изъять из обращения янчаны, слитки серебра. В том же году тугрик был переведен на золотое обеспечение.

Благодаря денежной реформе страна навсегда освободилась от пагубного влияния капиталистической валютной системы, прежде всего китайской. В результате денежной реформы государство получило в свои руки действенное орудие развития экономики страны, обеспечения задач ее некапиталистического развития.

Опираясь на национальную валюту, народное государство осуществило бюджетную реформу. В 1926 г. была введена новая единая система налогов и отменено обложение налогами аратских хозяйств местными органами власти. Местные бюджеты

были подчинены государственному, определены назначение, порядок использования местных бюджетов и т. п. Создание государственного бюджета привело к значительному усилению регулирующей роли народного государства в развитии экономики и культуры страны, способствовало более правильному распределению и использованию бюджетных средств. Если в 1924 г. ассигнования госбюджета на народное хозяйство составляли 10,7%, на образование и культуру — 3,2%, то в 1926 г. они соответственно возросли до 26 и 6%.

Таким образом, в течение первых нескольких лет после провозглашения республики в результате глубоких социально-экономических и политических революционных преобразований были не только уничтожены остатки старой социально-экономической структуры и вытеснен иностранный капитал из экономики, но и созданы новые отрасли народного хозяйства — государственная денежно-финансовая система, транспорт, строительство и др., имевшие огромное значение для последующего развития страны. Значительно укрепилось мелкое единоличное аратское хозяйство.

Обострение классовой борьбы. Преодоление правого и левого уклонов

Революционные политические, социально-экономические и культурные преобразования наталкивались на упорное сопротивление свергнутого класса феодалов, иностранных купцов и нарождавшихся национальных капиталистических элементов. Об этом свидетельствовали контрреволюционные выступления реакционных лам в Хан-Хэнтэйском и Цэцэрлэг-Мандальском аймаках в 1926 г. против обложения монастырских хозяйств налогами и других антицерковных мероприятий. Конфискация собственности бывших феодалов и реакционных чиновников увеличила сопротивление контрреволюционных сил. Враждебные революции силы пытались извратить сущность этого важного революционного мероприятия и сорвать его; они распространяли клеветнические измышления о том, что конфискации будут подвергнуты все зажиточные хозяйства, в том числе и аратские.

Вооруженный конфликт на Китайской восточной железной дороге в 1929 г. и обострение в связи с этим обстановки на Дальнем Востоке были восприняты контрреволюцией как удобный момент для открытого выступления против народной власти. Однако контрреволюционные вылазки и заговоры, организованные высшими ламами в 1929 г. в монастырях Буданч, Тугсбуянт, Егозыр, были своевременно разоблачены и ликвидированы.

Основной силой контрреволюции выступали церковные и светские феодалы. В своей борьбе против народной власти они

опирались на иностранный капитал и международную реакцию, в первую очередь на правящие круги Китая и Японии. К этим открыто враждебным силам присоединились и национальные капиталистические элементы, росту которых способствовали наличие мелкотоварных хозяйств, развитие товарно-денежных отношений, а также сильные позиции иностранного капитала в послереволюционный период.

Нарождавшиеся национальные капиталистические элементы, не имея крупных средств и опыта, формировались прежде всего в сфере обращения, в торговле и играли главным образом роль агентуры иностранного капитала.

Контрреволюционная борьба свергнутого класса феодалов, иностранных купцов и примыкавших к ним национальных капиталистических элементов проявлялась в таких формах, как распространение клеветы, противодействие осуществлению революционных мероприятий, организация контрреволюционных заговоров и т. д. Все эти враждебные акции были направлены против коренных интересов монгольского народа и преследовали реакционную цель — уничтожить завоевания народной революции и народно-демократический строй в МНР.

Проникая в партийные, государственные, общественные и хозяйственные органы, представители этих враждебных революции сил пытались проводить линию на отказ от политики партии и народного государства, направленной на неуклонное углубление и развитие народной революции, на осуществление генерального курса на некапиталистический путь развития МНР.

Разоблачение и разгром данзановской группировки на III съезде МНРП нанесли сильный удар по правооппортунистическим элементам внутри партии. Однако через некоторое время правые уклонисты во главе с Дамба-Доржи и Джа-Дамба, выражавшие интересы национальных капиталистических элементов, активизировали свою деятельность против генеральной линии партии во внешней и внутренней политике.

Они стремились ослабить борьбу против экономической мощи феодализма, препятствовали осуществлению политики партии на ограничение и ликвидацию феодальных хозяйств. Вследствие этого стали усиливаться экономические позиции бывших феодальных хозяйств, которые в годы хозяйничанья правых уклонистов продолжали эксплуатировать аратские хозяйства, особенно бедняцкие, и наращивать свою экономическую мощь. Поголовье монастырского скота за два года выросло почти на 30%. Увеличение поголовья скота в феодальных, в том числе монастырских, хозяйствах происходило не столько за счет естественного прироста скота, сколько за счет разорения маломощных аратских хозяйств. Так, если в 1924 г. бедняцкие аратские хозяйства, имевшие 1—10 бодо, составляли 25% всех аратских хозяйств МНР, то в 1927 г. — уже свыше 30%.

Правые отступили от политики ограничения зажиточных хозяйств, взяв курс на их всемерное поощрение. Искажая политику поощрения частнохозяйственной инициативы аратских хозяйств, они выдвинули лозунг «обогащайтесь». В результате этого стало возрастать количество эксплуататорских хозяйств, увеличилось число хозяйств, занимавшихся спекуляцией, ростовщическими операциями, выполнением урточной службы за высокую плату и т. д.

Правые всячески задерживали развитие национальной потребительской кооперации и содействовали сохранению в стране позиций иностранных фирм. В экспорте страны за 1926 г., доля иностранных капиталистических фирм все еще составляла 60,7%, а в импорте — 77,6%.

Вместо решительной борьбы против ламаистской церкви правые пытались сохранить и приспособить ламаизм к новым условиям. Они выдвинули тезис о необходимости всемерного развития религии и всяческого уважения ученых лам.

Правые проповедовали буржуазный национализм, пытались добиться разрыва дружбы и союза монгольского народа с его верным другом — Советским Союзом. Они проявляли подозрительность по отношению к Советскому Союзу, пытались вызвать у народных масс недоверие к Стране Советов.

Таким образом, правые проводили линию на отказ от некапиталистического пути развития страны и пытались направить ее в сторону капиталистической эволюции.

Свою капитулянтскую, оппортунистическую политику правые пытались оправдать тем, что она будто бы отвечает интересам народных масс и соответствует специфическим социально-экономическим условиям Монголии. В действительности же это была чрезвычайно опасная и в корне чуждая коренным интересам монгольского народа политика.

Курс правых уклонистов вызвал резкий отпор большинства членов партии и трудящихся. По всей стране началось массовое движение против правооппортунистической политики. Это нашло свое отражение в ходе работы VI съезда МНРП, проходившего с 22 сентября по 4 октября 1927 г. Многие делегаты съезда решительно осудили деятельность правых, разоблачая в своих выступлениях ее антипартийный характер. Однако съезд не сумел в целом вскрыть глубокие корни оппортунистической политики правых. Вследствие этого после съезда антипартийная деятельность правых еще более активизировалась, но вместе с тем усилилась и борьба против них. В этих условиях особо важное значение для МНРП имела товарищеская помощь Коминтерна. В начале 1928 г. Восточный секретариат Коминтерна направил ЦК МНРП письмо, в котором отмечалось, что наибольшей опасностью для партии является правый уклон. В письме высказывался совет очистить партийный и государственный аппарат от феодалов и других враждебных элементов, тесно свя-

зять деятельность партии с трудовыми массами. Однако правое руководство отвергло эти советы, продолжало придерживаться оппортунистического курса.

На II пленуме ЦК МНРП, состоявшемся в апреле 1928 г., правые пытались оклеветать честных членов партии, выступавших против них.

Специальная комиссия, созданная пленумом для выяснения разногласий внутри партии, не сумела до конца разоблачить оппортунистическую политику правых.

После пленума правые, используя занимаемые ими посты в руководящих органах партии, перешли к открытому зажиму критики со стороны низовых партийных организаций, к прямому шантажу и преследованию честных членов партии.

Возникла реальная опасность утраты революционных завоеваний, отхода от генеральной линии партии. В этот сложный момент здоровые силы партии активизировали свою деятельность и, опираясь на широкую поддержку низовых организаций, перешли в наступление. Деятельность правых подверглась осуждению на II съезде профсоюзов МНР и на пленуме ЦК Ревсомола, состоявшихся в сентябре и октябре 1928 г. К этому времени левое крыло партии выработало важный документ под названием «Платформа левого крыла партии» и представило его в ЦК МНРП. В документе резко осуждалась оппортунистическая деятельность правых, говорилось о необходимости решительной защиты интересов бедняцких и середняцких слоев аратов, о неуклонном осуществлении задач некапиталистического развития, о всемерном укреплении дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, расширении и упрочении связей с мировым революционным движением и Коминтерном.

III пленум ЦК МНРП, состоявшийся в октябре 1928 г. разоблачил антипартийный характер оппортунистического курса правых, в корне противоречившего политике партии.

С 23 октября по 11 декабря 1928 г. происходил VII съезд МНРП. На съезде присутствовала делегация ИККИ во главе с видным деятелем международного коммунистического движения Б. Шмералем. Съезд разгромил правых уклонистов, отступивших от генеральной линии партии на некапиталистическое развитие страны.

VII съезд призвал членов партии и всех трудящихся к усилению борьбы за некапиталистический путь развития страны на основе еще большего укрепления дружбы с Советским Союзом. Съезд исключил из состава ЦК правых уклонистов. Таким образом, VII съезд МНРП, разгромив правых как идейно, так и организационно, еще раз подтвердил незыблемость генеральной линии МНРП на обеспечение некапиталистического пути развития МНР, на дальнейшее упрочение советско-монгольской дружбы как основной гарантии свободы и независимости монгольского народа.

V Великий Народный Хурал, состоявшийся 14 декабря 1928 — 14 января 1929 г., реализуя решения VII съезда партии, принял, как говорилось выше, исключительно важное постановление о конфискации скота и имущества феодалов и передаче этого имущества бедняцким хозяйствам, о мерах по укреплению государственной и кооперативной торговли, об установлении монополии внешней торговли. V Великий Народный Хурал подтвердил незыблемость политики укрепления дружбы и братского сотрудничества с Советским Союзом.

Реализация исторических решений VII съезда МНРП и V Великого Народного Хурала МНР подняла политическую активность и развязала хозяйственную инициативу бедняцких и середняцких слоев аратства; у аратов постепенно стала возрастать тяга к совместному ведению хозяйства, с тем чтобы сообщать пасти скот, заготавливать сено и т. п.

МНРП и народное государство поддерживали и поощряли создание простейших форм кооперации бедняцких и середняцких хозяйств на добровольных началах, учитывая, что это имеет большое значение в повышении их материального благосостояния и освобождения от эксплуатации феодалами и другими нетрудовыми хозяйствами.

В мае 1929 г. народное правительство, принимая во внимание, что в некоторых местах были созданы простейшие формы кооперации, такие, как артели охотников, извозчиков и др., специальным постановлением разрешило аратам вступать в кооперативы на основе принципа добровольности. Первые кооперативы, хотя и были в организационном отношении слабы, сыграли большую роль в реорганизации мелких раздробленных аратских хозяйств на путях коллективизации. Но необходимо было правильно руководить этим процессом и создавать кооперативы постепенно, начиная с их простейших форм.

Между тем большинство тогдашнего руководства МНР встало на путь механического копирования советского опыта коллективизации сельского хозяйства без тщательного анализа и учета условий страны, ее материальной базы, социально-экономических и национально-бытовых особенностей. Политика «левых» противоречила известному марксистско-ленинскому положению о необходимости строгого учета конкретно-исторических условий каждой данной страны. «Левое» руководство партии заявляло, что в МНР якобы созрели условия для непосредственного перехода к социалистическому строительству, и начало проводить в стране массовую коллективизацию, подменяя принцип добровольности методом администрирования.

На состоявшихся в 1930 г. VIII съезде МНРП и VI Великом Народном Хурале «левым» удалось протащить свой авантюристический курс на проведение сплошной коллективизации. Съезд МНРП и Великий Народный Хурал одобрили деятельность ЦК партии и Народного правительства по осуществлению ре-

шений VII съезда и V Великого народного хурала и определили важнейшие социально-экономические и политические задачи, стоявшие перед страной. VIII съезд указал на необходимость строго соблюдать закон об отделении религии от государства, усилить борьбу против религии и монастырей, придерживаясь при этом принципа дифференцированного подхода к ламству. Съезд партии и Великий Народный Хурал определили основные задачи в области укрепления независимости страны и ее обороноспособности, расширения и углубления дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

Вместе с тем VIII съезд МНРП и VI Великий Народный Хурал под давлением «левых» допустили серьезные ошибки, в частности, при определении этапов политического и экономического развития страны и дальнейших задач партии и народного государства. VIII съезд партии указал, что революция вступает в третий этап своего развития. В связи с этим непосредственное осуществление основных задач строительства социализма было признано важнейшей практической задачей.

Однако в рассматриваемое время в МНР еще не были решены демократические задачи революции: в основной отрасли народного хозяйства — скотоводстве преобладали мелкие единоличные аратские хозяйства, которые еще не осознали преимуществ коллективного ведения хозяйства; невелики были роль и влияние социалистического уклада в экономике; остро ощущался недостаток финансовых и экономических ресурсов, а также кадров, способных руководить крупным социалистическим хозяйством; в стране еще не сформировался национальный рабочий класс, который возглавил бы борьбу народа за социалистические преобразования, и т. д. Одним словом, в начале 30-х годов в МНР еще не были созданы необходимые предпосылки для непосредственного осуществления задач социалистического этапа революции. В этих условиях выдвижение задачи непосредственного социалистического строительства было теоретически ошибочной и практически вредной, авантюристической установкой.

После VIII съезда МНРП и VI Великого Народного Хурала левацкие перегибы получили еще более широкое распространение.

Насаждавшиеся «левыми» в большом количестве «коммуны» и «колхозы» в действительности не представляли собой хозяйства социалистического типа и быстро разваливались, дискредитируя в глазах аратов идею коллективизации. В этих коммунах и колхозах не было четкой организации труда, трудовая дисциплина была крайне слабой, их члены получали одинаковый паек независимо от степени участия в производительном труде.

«Левые» продолжали извращать политику партии в отношении религии. Они закрывали монастыри, в принудительном порядке переводили лам в светское состояние, оскорбляли рели-

гиозные чувства верующих и т. д. «Левые» рассматривали ламство как единую реакционную силу, игнорируя то обстоятельство, что значительная его часть эксплуатировалась высшим ламством, т. е. церковными феодалами.

«Левые» нарушали революционную законность, ограничивали закрепленные Конституцией права граждан, подменяли государственные органы партийными организациями и т. д.

Левацкие элементы провоцировали конфискацию имущества у зажиточных аратов, ущемляли частную торговлю и транспорт, допускали массовые перегибы в налоговой политике.

Авантюристическая политика «левых» уклонистов лишила аратов стимула к увеличению поголовья скота. Левацкие перегибы и прямое вредительство врагов народа за короткий срок нанесли огромный урон скотоводству. Поголовье скота, насчитывавшее в 1930 г. 23,5 млн., в течение 1931—1932 гг. сократилось на 32%.

Контрреволюционеры, используя перегибы «левых», концентрировали свои силы и привлекали на свою сторону широкие слои ламства и некоторую часть аратов. Однако, видя, что основная часть трудящихся масс составляет, несмотря на левацкие перегибы, прочную основу народной власти, контрреволюционные элементы возлагали свои надежды на вмешательство империалистов, с помощью которых и рассчитывали свергнуть народную власть. С 1929 по 1932 г. в МНР было выявлено и ликвидировано несколько контрреволюционных групп и организаций, главным образом в монастырях. Однако феодально-ламской реакции удалось в 1932 г. поднять контрреволюционный мятеж в некоторых западных аймаках страны. При активной поддержке широких масс трудящихся органам народной власти удалось ликвидировать этот мятеж.

Перед партией стояла задача быстро и решительно пресечь левацкую авантюристическую политику, идущую вразрез с интересами масс и с генеральной линией МНРП. Успеху борьбы против левацкой опасности и ее преодолению в значительной мере способствовали советы и помощь Коминтерна и КПСС.

3-й чрезвычайный пленум ЦК МНРП, состоявшийся в июне 1932 г., решительно осудил проводившуюся «левыми» политику и вывел из состава ЦК «левых» уклонистов: З. Шижия, О. Бадархо и др. Пленум отметил в своем постановлении, что в результате левацких действий, «не отвечающих хозяйственному и культурному состоянию страны, в результате игнорирования национально-бытовых особенностей страны и проведения неверной политики партия оторвалась от своей опоры — трудового аратства, оттолкнула от себя значительную его часть, а также зажиточные слои в сторону контрреволюционных феодалов и реакционной верхушки ламства»⁴.

⁴ МАХН-ын Төв Хорооны ба Төв хянан байцаах комиссын хамтарсан онц бүгд хурлын илтгэл ба тогтоолууд. У. Б., 1932, с. 66—67.

Пленум определил основные задачи партии на данном этапе: «Внимание всей партии и ее работа должны быть направлены на укрепление республики как самостоятельного, независимого государства нового типа, на максимальное развитие производительных сил республики, выкорчевывание остатков феодализма, на постепенное ограничение капиталистических элементов в соответствии с задачами хозяйственного развития страны, на укрепление обороноспособности страны, на закладывание основы для постепенного перехода на путь некапиталистического развития»¹⁸.

Для осуществления этих задач пленум наметил программу мероприятий, известную под названием «нового курса». Пленум указал, что «партия должна мобилизовать трудящихся на развитие и поощрение частнохозяйственной инициативы, постепенное, осторожное внедрение простейших форм кооперирования и коллективизации трудящихся аратов, на решительную борьбу против контрреволюционных феодалов и реакционной верхушки ламства, на отрыв трудового аратства, а также зажиточных слоев его и низших слоев ламства от контрреволюционных элементов и на создание крепкой национальной армии»¹⁹. Осуждение левацкой авантюристической политики и провозглашение нового курса сплотили вокруг МНРП широкие аратские массы. Партия, преодолев «левый» уклон и очистив свои ряды от чуждых, оппортунистических и случайных элементов, стала более сплоченной и авторитетной.

Политика нового курса не была какой-то новой политической линией партии, она восстанавливала извращенную «левыми» уклонистами генеральную линию, определенную еще III съездом МНРП.

Глава 3

ЗАВЕРШЕНИЕ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО И АНТИФЕОДАЛЬНОГО ЭТАПА НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1932—1940)

Ликвидация последствий левацких перегибов и первые итоги проведения нового курса

В выполнении решений 3-го чрезвычайного пленума ЦК МНРП и ЦКК важную роль сыграла XVII чрезвычайная сессия Малого Хурала, открывшаяся 10 июля 1932 г.

Решения сессии были призваны укрепить государственные органы, рассмотреть и в случае необходимости изменить зако-

¹⁸ Там же, с. 68.

¹⁹ Там же, с. 68—69.

ны и постановления, утвержденные в период левацких перегибов, улучшить работу органов государственной власти. Было распущено около десяти учреждений, существование которых не вызывалось практическими потребностями страны, таких, как государственный совет инженеров, арбитражная комиссия, штаб культурного похода и др., что позволило отчасти сократить административные расходы. Одновременно сессия обнародовала специальное обращение ко всем аратам республики, в котором содержался призыв к тем, кто выступал на стороне контрреволюции, добровольно сложить оружие и приступить к мирному труду.

В июле 1932 г. состоялась представительная аратская конференция, в которой приняло участие около 400 аратов из 312 сомонов. На конференции обсуждались вопросы, связанные с ликвидацией последствий левацких перегибов и мероприятиями по претворению в жизнь нового курса. Возвратившись домой, делегаты на местах разъясняли содержание нового курса широким массам трудового аратства, что способствовало его более успешному осуществлению.

В результате решительных мер, принятых партией и правительством, контрреволюционный мятеж, вспыхнувший в западных аймаках, был в июле — августе 1932 г. ликвидирован, а его главарь схвачен и обезврежен. В 1933 г. их преступления были рассмотрены в открытом судебном заседании, подтвердившем единство партии и народа.

В целях быстрее преодоления последствий левацких перегибов партией и правительством были осуществлены важные мероприятия. МНРП считала необходимым прежде всего очистить свои ряды от случайных элементов. В июле — августе 1932 г. была проведена третья чистка партии, в ходе которой из нее добровольно вышли вступившие в партию по принуждению в период левацких перегибов, когда проводилась массовая кампания по приему в члены МНРП. Местные партийные организации в тех аймаках, где вспыхнули контрреволюционные мятежи, были распущены и созданы новые. Если во времена левацких перегибов в партии насчитывалось свыше 40 тыс. членов, то после чистки их осталось немногим более 11 тыс.

Были приняты меры по укреплению революционной демократии и демократического централизма, в частности запрещено прямое вмешательство партийных организаций во внутренние дела государственных учреждений и повышена их самостоятельность. В июле 1932 г. было утверждено новое положение о выборах, предоставившее зажиточным аратам избирательные права, которых их незаконно лишили во время левацких перегибов. В соответствии с новым положением в конце 1932 г. состоялись выборы в местные органы власти.

Более эффективная помощь стала оказываться секретарям и председателям партийных ячеек и местных органов власти,

знания и опыт которых были недостаточными. В 1933—1934 гг. открылись временные курсы для руководящих работников местных органов власти.

В конце 1932 г. были внесены некоторые изменения в административное устройство страны, в частности ликвидированы хоринны, в результате чего первичной единицей административного деления стал баг. Баги объединяли в среднем от 30 до 100 дворов в зависимости от конкретных местных условий. В августе 1932 г. при Совете Министров МНР было создано управление по статистике, планированию и регулированию, имевшее важное значение в организации руководства развитием народного хозяйства и культуры страны. Пересмотру подверглось положение о функциях всех министерств, государственных комитетов и местных организаций; расширены обязанности и повышена ответственность органов суда и прокуратуры, внесены изменения в уголовный и гражданский кодексы. При государственных и общественных организациях были созданы партийные группы, приняты меры для активизации их деятельности.

Ликвидация и исправление «левых» перегибов на местах осуществлялись под руководством специально назначенных из центра комиссий.

Во второй половине 1932 г. проводилась работа по реорганизации и роспуску созданных в принудительном порядке колхозов и коммун. 5 августа 1932 г. Советом Министров было принято Постановление о реорганизации колхозов и коммун и созданы комиссии по роспуску колхозов на местах. При роспуске колхозов имущество распределялось между их членами в соответствии с размером внесенного при вступлении в колхоз пая. Одновременно предусматривалась реорганизация некоторых колхозов, где было возможно, в простейшие производственные аратские объединения. Благодаря этому при роспуске колхозов в ряде аймаков — Селенгинском, Хэнтэйском, Восточно-Гобийском, Убур-Хангайском — образовалось несколько трудовых кооперативов для совместного выпаса скота, постройки хашанов, сенокосения и т. д.

Следует отметить, что находившийся в то время на посту премьер-министра П. Гендун допускал роспуск не только созданных в принудительном порядке колхозов и коммун, но и тех добровольных аратских производственных объединений, которые при соответствующей организационной и технической помощи и правильном руководстве могли бы получить дальнейшее развитие. Это нанесло большой ущерб делу кооперирования аратских хозяйств.

21 октября 1932 г. Совет Министров утвердил Устав аратских производственных объединений. В нем указывалось на возможность и желательность создания в условиях МНР простейших товариществ, в которых араты объединяли бы свой труд для сенокосения, земледелия, выпаса частного и мона-

стырского скота, перевозки различных грузов, совместной охоты, строительства загонных и т. д. Согласно уставу в этих товариществах не подлежали обобществлению скот и другая собственность, а в период выполнения тех или иных работ объединялись орудия труда, которые по окончании работ возвращались их владельцам. Доходы распределялись в зависимости от затраченного труда и доли вложенных средств и орудий труда. Особо подчеркивался принцип добровольности и недопустимости административного принуждения при создании простейших товариществ. Все это означало, что партия и правительство вовсе не отказались от идеи коллективизации, а проводили эту политику последовательно и поэтапно, начиная с простейших форм производственной кооперации. В результате с 1933 г. снова усилилась тяга аратских хозяйств к созданию простейших производственных кооперативов.

В 1933 г. несколько бедняцких и середняцких хозяйств Алдархан-сомона Дзабханского аймака организовали первое товарищество, которое занималось земледелием. В 1934—1935 гг. такие мелкие объединения были созданы в сомонах Ургамал и Номрог этого же аймака.

Несмотря на малочисленность своего состава, почти полное отсутствие обобществленного имущества и организационную слабость, эти объединения знаменовали собой начало социалистической перестройки аратских хозяйств, в полную силу развернувшейся на социалистическом этапе революции.

В августе 1932 г. был утвержден новый Закон о скотоводческом и земледельческом налоге. Этот закон подтвердил антифеодальный характер налоговой политики; он был направлен на поддержку аратских хозяйств и повышение их личной заинтересованности в увеличении поголовья скота. Согласно закону для хозяйств, построивших утепленные загонные для скота, размер налога снижался на 10—20%, отремонтировавших старые колодцы — на 5%, построивших новые колодцы и успешно вырастивших скот — на 20%; бедняцкие хозяйства полностью освобождались от налога. Были освобождены от налогов и национальные меньшинства: казахи, урянхайцы, торгоуты. В 1933 г. хозяйства, освобожденные от уплаты налогов, составляли более половины всех хозяйств страны, одна треть получила различные льготы.

В целях увеличения поголовья скота и улучшения ухода за ним были расширены кредиты, предоставлявшиеся аратским хозяйствам. Только в 1934 г. сумма кредитов составила 1,2 млн. тугриков.

В октябре 1932 г. было принято Положение о найме рабочей силы частными аратскими хозяйствами, по которому частным хозяйствам разрешалось использовать наемную рабочую силу в пределах, установленных государством.

Ряд мер способствовал дальнейшему облегчению конно-ур-

тонной службы и устанавливал порядок пользования ею только для служебных целей.

В сентябре 1932 г. был утвержден Закон о развитии ветеринарии, направленный на преодоление левацких перегибов в этой области, когда ветеринарные учреждения не обслуживали частные аратские хозяйства, а также на всемерное улучшение работы ветеринарной службы.

Все эти мероприятия привели к повышению частнохозяйственной инициативы трудовых аратских хозяйств. В 1933—1934 гг. поголовье скота возросло на 1 млн. голов. Улучшился уход за скотом, расширилось строительство колодцев и загонов, возросла заготовка кормов и т. д. Так, если в 1932 г. в республике насчитывалось 27 тыс. загонов для скота и немногим более 8 тыс. колодцев, то в 1933 г. — соответственно свыше 30 тыс. и 9 тыс. В 1933 г. было заготовлено 12 млн. пудов сена. Таким образом, в течение первых лет осуществления политики нового курса прекратилось уменьшение поголовья скота, которое наблюдалось в период «левых» перегибов, и обозначились первые сдвиги в увеличении поголовья скота и выхода животноводческой продукции.

В соответствии с политикой нового курса был отменен запрет на частную торговлю: наряду с укреплением государственной и кооперативной торговли получила свободное развитие и частная торговля. Если в 1932 г. в стране насчитывалось 28 торговцев, имевших разрешение заниматься частной торговлей, то в 1934 г. их число достигло 1100. Вследствие того что командные высоты экономики находились в руках государства, допущение частной торговли не могло представлять большую опасность для некапиталистического развития МНР. В 1934 г. более 80% товарооборота страны приходилось на долю государственной и кооперативной торговли.

Руководствуясь решениями III пленума ЦК, партия тщательно разработала и конкретизировала свою политику в отношении ламаистской церкви.

В борьбе против влияния религии стали широко применяться методы убеждения и разъяснения вместо голого администрирования, как это было в годы левацких перегибов. Было покончено с таким подходом к ламству, когда оно рассматривалось как единая реакционная сила, и восстановлен принцип дифференцированного отношения к различным слоям ламства. Наряду с решительной борьбой против высшего ламства и ослаблением их экономических позиций был прекращен насильственный перевод рядовых лам на положение мирян. Борьба за привлечение бедняцких слоев ламства к общественно полезному труду проводилась теперь путем широкой разъяснительной работы и повышения их культурного уровня.

В августе 1932 г. был утвержден новый закон о монастырском налоге, по которому отменялся порядок начисления нало-

гов без тщательного учета монастырского скота; налоги взимались только с поголовья скота; имущество монастырей и предметы культа налогообложению не подлежали. В том же месяце 1932 г. новый закон разрешал выпас монастырского скота аратами на добровольной основе по договору.

В 1932—1934 гг. налоги на монастырские хозяйства составили свыше 1,5 млн. тугриков, а военные налоги с лам призывного возраста — более 1 млн. тугриков. Налоги с личного скота, принадлежавшего высшим ламам, возросли на 50%. Решительно разоблачалась и пресекалась подрывная деятельность реакционных лам и монастырей, направленная против политики нового курса.

Были выправлены левацкие извращения и в области финансово-бюджетной политики. В 1932—1934 гг. пересмотру подверглась структура государственного бюджета, было проведено сокращение административно-управленческих расходов, а также оздоровление денежного обращения.

В первые годы нового курса страна добилась значительных успехов в развитии промышленности, транспорта и связи. В 1933 г. была сдана в эксплуатацию Хатгальская шерстомойная фабрика, в феврале 1934 г. — Уланбаторская ТЭЦ, а в марте — Промышленный комбинат, построенные с помощью Советского Союза. Ввод этих первых крупных промышленных предприятий МНР ознаменовал начало коренных качественных преобразований в хозяйственном строительстве МНР.

Наряду с развитием государственной промышленности осуществлялись меры по стимулированию работы кустарно-промышленной кооперации, добровольному кооперированию ремесленников и кустарей. В целях поощрения инициативы ремесленников и кустарей были снижены размеры налогов, начислявшихся на промысловые артели. В 1934 г. кустарно-промысловые артели производили 25 наименований товаров широкого потребления на сумму 5 млн. тугриков.

Значительное развитие получили транспорт и связь. Улучшение работы транспорта предусматривало расширение гужевых перевозок, создание условий для повышения заинтересованности аратов в этих перевозках. С этой целью в 1933 г. была ликвидирована монополия Монголтранса и введен порядок заключения соглашений на перевозку грузов непосредственно между торговыми организациями и аратами на добровольных началах. Если в 1932 г. в Монголтрансе насчитывалось около 200 автомашин, то в 1934 г. — свыше 400. С 1934 г. в МНР стало развиваться радиовещание, была сдана в эксплуатацию радиостанция, построенная с помощью Советского Союза.

IV пленум ЦК МНРП, состоявшийся в 1933 г., и XVIII сессия Малого Хурала, созванная в 1934 г., обсудили ход реализации политики нового курса и подвели первые его итоги.

В обстановке, когда страна добилась знаменательных успе-

хов в осуществлении нового курса, в сентябре 1934 г. открылся IX съезд МНРП, а вскоре после него — в декабре, VII Великий Народный Хурал.

VII Великий Народный Хурал констатировал, что «политика нового курса, установленная в 1932 г. и восторженно встреченная аратством, является единственно правильной, создавшей условия для успешного развития нашего государства. Эта политика полностью отвечает национальным политическим, экономическим и культурным условиям нашей страны, и, следовательно, ее надо неукоснительно проводить и впредь».

Эти важные форумы партии и государства высоко оценили успехи, достигнутые в укреплении монголо-советской дружбы и сотрудничества. В принятом IX съездом партии приветствии ЦК ВКП(б) говорилось: «Монгольская народно-революционная партия со времени возникновения аратской национальной революции до сего времени, благодаря советам Коммунистической партии, имеющей многолетний опыт революционной борьбы, и при братской постоянной помощи Советского Союза вела монгольское аратство по пути антиимпериалистической и антифеодальной революции, укрепляя национальную независимость страны, всемерно развивая ее производительные силы. В результате всего этого за истекшие 13 лет революционной борьбы аратство под руководством партии и правительства достигло величайших революционных успехов».

Интересы дальнейшего развития народного хозяйства требовали резкого подъема культурного и образовательного уровня народа. IX съезд МНРП, учитывая важность проблем культурного строительства, специально обсудил этот вопрос и принял конкретные решения, направленные на расширение сети школ, на подготовку кадров учителей и т. д.

Съезд подчеркнул, что «пережитков феодальной идеологии в сознании людей... несравненно больше, чем остатков феодализма в экономике страны», и что развивающаяся в МНР национальная культура должна быть революционной по своему содержанию.

Съезд вновь указал, что МНРП является руководящей и направляющей силой монгольского общества, и осудил попытки принизить роль партии. Высоко оценивая происшедшие за первые годы политики нового курса сдвиги в работе государственных органов, съезд подчеркивал, что авторитет народного правительства значительно повысился, что органы государственной власти проявляют постоянное внимание к запросам трудового аратства, а народные массы все крепче сплочаются вокруг народно-революционного правительства.

В связи с зарождением и ростом в МНР рабочего класса приобрел актуальность вопрос о профессиональном движении. Учитывая это, IX съезд МНРП обсудил вопрос о профессиональных союзах и определил их задачи в организации и воспи-

тании рабочих и служащих, в развертывании революционного соревнования за повышение производительности труда, в вовлечении бедняцких слоев аратства в профессиональные союзы и усилении проводимой среди них работы.

VII Великий Народный Хурал принял новый закон об отделении церкви от государства, что имело важное значение в разрешении религиозного вопроса в МНР.

Историческое значение IX съезда МНРП и VII Великого Народного Хурала заключается в том, что они мобилизовали усилия народа на завершение антиимпериалистических и антифеодальных демократических преобразований, приняли важнейшие решения по совершенствованию организационной работы руководящих партийных и государственных органов. Таким образом, к 1934 г. были успешно преодолены последствия левых перегибов, и партия повела борьбу за завершение демократического этапа революции.

Развитие народного хозяйства

В борьбе за претворение в жизнь исторических решений IX съезда МНРП и VII Великого Народного Хурала особое внимание уделялось прежде всего развитию скотоводства — основной отрасли экономики страны. В связи с тем что подавляющая часть поголовья скота все еще находилась в руках мелких собственников, развитие животноводства опиралось на мелкие аратские хозяйства и осуществлялось методами поддержки и поощрения их частнохозяйственной инициативы. Аратским хозяйствам предоставлялись налоговые льготы при условии увеличения ими поголовья скота и строительства загонов. Этим хозяйствам были увеличены государственные кредиты, которые в 1939 г. достигли 3 млн. тугриков. С 1936 г. аратам стали отпускать в кредит также сельскохозяйственную технику, зерно, инвентарь для земледелия. Другими словами, по мере развития и укрепления страны помощь, оказываемая аратским хозяйствам со стороны государства, не только неуклонно возрастала, но и приобретала разнообразные формы. Народное государство пресекало попытки ущемления интересов аратских хозяйств в увеличении принадлежавшего им скота.

С целью распространения передового опыта по уходу за скотом с 1934 г. во многих аймаках и сомонах стали созываться совещания лучших скотоводов, а с 1936 г. начало развертываться революционное соревнование за увеличение поголовья скота между аймаками и сомонами.

Проводились мероприятия по совершенствованию традиционных методов ведения животноводства на основе имеющихся научных достижений. Получила развитие ветеринарная служба. Если в 1931 г. в стране было всего 33 ветеринарных пункта,

то в 1940 г. их стало 237. В 1935—1939 гг. резко сократился падеж скота.

Усилилась подготовка кадров для животноводства. К концу 30-х годов число монгольских ветеринарных врачей и фельдшеров достигло 244. Расширялся фронт исследовательской работы по улучшению породы скота путем отбора из местного поголовья или скрещивания его с племенным скотом.

Укрепление кормовой базы животноводства велось путем более широкого применения сенокосных машин, конных граблей и другой техники, которая предоставлялась аратским хозяйствам по дешевой цене. В 1939 г. в распоряжении аратских хозяйств имелось до 1300 сенокосилок и конных граблей, около 39 тыс. ручных кос.

Народное государство уделяло большое внимание обеспечению поголовья скота водой, загонами и кормами, а также уничтожению волков. Если в 1932 г. на государственном учете было 9 тыс. колодцев, то к 1940 г. их стало около 20 тыс. В 1932—1940 гг. число загон для скота увеличилось в 4,5 раза. Расширялась заготовка кормов: в 1934 г. сено заготавливали около 22 тыс. аратских хозяйств, в 1937 г. — около 38 тыс. Сенокосные угодья страны в 1940 г. достигли 200 тыс. га. Быстрое развитие в стране сенокосения стало возможным потому, что в 1937 г. с помощью Советского Союза было создано несколько конно-сенокосных станций.

Неуклонно возрастали заготовки продукции животноводства. В 1934 г. государству было сдано свыше 5000 т шерсти и 1,8 млн. кож, в 1940 г. — соответственно свыше 10 тыс. т и 2 млн. Проведение важных мер по развитию скотоводства привело к увеличению поголовья с 20,9 млн. голов в 1934 г. до 26,5 млн. в 1939 г.

В рассматриваемое время в стране начало развиваться земледелие. Наряду с укреплением государственных хозяйств всемерно поддерживались частные аратские хозяйства, занимавшиеся земледелием; они безвозмездно получали плодородные участки земли, обеспечивались семенами, орудиями труда, пользовались налоговыми льготами и денежным кредитом. В результате постепенно возрастало число аратских хозяйств, занимавшихся в той или иной степени земледелием: в 1934 г. таких хозяйств было около 14 тыс., в 1937 г. — 17 тыс. В масштабе страны посевные площади зерновых и огородных культур возросли в 1940 г. по сравнению с 1934 г. в 2 раза.

Аратские хозяйства получали поддержку государства и в тех случаях, если они занимались розничной торговлей, перевозкой грузов или кустарным промыслом. Мелкая частная торговля и гужевые перевозки имели вспомогательное значение и не выделялись в самостоятельные отрасли хозяйства. Однако частное земледелие, ремесла и частная торговля в городах носили в определенной степени самостоятельный характер. Вследствие

их эксплуататорских тенденций дальнейшее развитие этих хозяйств ограничивалось. Мелкие частные хозяйства использовались государством в целях удовлетворения в какой-то мере потребностей развития народного хозяйства в целом, обеспечения промышленности сырьем, а населения — товарами широкого потребления.

Поддерживая частнохозяйственную инициативу аратских хозяйств, государство вместе с тем продолжало политику дифференцированного подхода к ним. В результате этого неуклонно сокращалось число бедняцких хозяйств и возрастало число середняцких. В 1927 г. середняцкие хозяйства составляли 29,2% всех хозяйств, в 1939 г. их доля увеличилась до 43%. В программе МНРП отмечалось: «Подавляющая их часть (аратских хозяйств) постепенно стала середняками благодаря проведению партий классовой политики в отношении к различным слоям аратства, оказанию всяческой помощи и поддержки, прежде всего его батрачко-бедняцкой части, благодаря поощрению частнохозяйственной инициативы аратских хозяйств с целью преодоления натурального характера и обеспечения товарности этих хозяйств».

Политика ограничения хозяйств эксплуататорского типа препятствовала формированию капиталистических элементов как класса, складыванию самостоятельного капиталистического уклада экономики. Это облегчало развитие страны по некапиталистическому пути. Опыт МНР показал, что ограничение капиталистических элементов является необходимым условием некапиталистического пути развития в любой стране.

Таким образом, к концу 30-х годов класс аратов полностью избавился от всех форм феодального и колониального угнетения. Вместе с тем не произошло его классового расслоения на бедноту и богачей, что неизбежно наблюдается в условиях стихийного развития товарного производства. Трудовое аратство как класс укрепилось политически и экономически, повысился его жизненный уровень. Это был новый общественный класс, совершенно отличный от аратства дореволюционного времени.

Важнейшим достижением МНР, определившим весь ее новый облик, явилось развитие и укрепление социалистического уклада, представленного национальной промышленностью, транспортом, связью, торговлей, финансовой системой и т. д.

В промышленном развитии МНР произошли важные изменения. Сданные в эксплуатацию в 1933—1934 гг. Хатгальская шерстомойная фабрика и Промкомбинат были расширены, увеличилась их производственная мощность. Если в 1934 г. Промкомбинат выпускал продукции на сумму 2,3 млн. тугриков, то в 1939 г. — примерно на 11 млн. тугриков. В 1934—1940 гг. в состав Промкомбината вошли такие новые фабрики, как сукодная, кожевенная, валяльно-войлочная и некоторые другие.

Мощность центральной электростанции (2500 кВт в 1934 г.)

возросла к 1939 г. до 5500 кВт. В 1936 г. Советский Союз безвозмездно передал свою долю в этих акционерных предприятиях в собственность МНР.

В эти годы были построены угольные шахты в Баян-Тумэне и Баян-Булаке, золотые копи в Баян-Хонгоре, лесопильные заводы в Улан-Баторе и Хэнтэе. Были расширены и реконструированы металлообрабатывающий, кирпичный и известковый заводы в Улан-Баторе.

Создание в 30-х годах первых предприятий электроэнергетической, горнодобывающей, строительной промышленности означало формирование основ первого подразделения общественного производства, т. е. группы «А», в своеобразных условиях индустриализации страны.

Наряду с государственными промышленными предприятиями все более важное значение приобретала промысловая кооперация. Одновременно с укреплением ранее созданных предприятий промысловой кооперации с середины 30-х годов начали создаваться в большом количестве ламские артели, представлявшие собой одну из форм кустарной кооперации. В 1934 г. в стране имелось 23 кустарно-промысловых артели, в 1940 г. — 152, выпуск продукции увеличился в 4,5 раза. Массовое вовлечение кустарей и ремесленников в кооперативное строительство явилось одним из важных условий обеспечения некапиталистического пути развития МНР.

Таким образом, к концу 30-х годов МНР уже располагала промышленными предприятиями по использованию природных богатств и переработке скотоводческого сырья. В 1940 г. валовая продукция государственной и кооперативной промышленности возросла по сравнению с 1932 г. в 22 раза, а по сравнению с 1934 г. — в 6 раз. Промышленность превратилась в самостоятельную отрасль народного хозяйства, которая в 1940 г. выпускала свыше 20% всей валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. В 20-х годах большинство промышленных предприятий страны финансировалось за счет государственного бюджета, а с середины 30-х годов они постепенно переходили на хозрасчет. Это стало важным качественным показателем развития промышленности в МНР.

В рассматриваемый период большое развитие получили транспорт и связь.

В 1934—1939 гг. парк автомашин Монголтранса увеличился на 25%. Важное значение в становлении транспорта имела передача в 1936 г. Советским Союзом в полную собственность Монголии оборудования Монголтранса. В связи с развитием автотранспорта расширился объем дорожно-строительных работ. С помощью Советского Союза был создан новый вид транспорта — железнодорожный. В 1937 г. вступила в строй железнодорожная ветка Улан-Батор — Налайха, а в 1939 г. — Баян-Тумэн — Соловьевск. Однако преобладающими в системе транс-

порта оставались гужевые перевозки. Только в 1938 г. в стране насчитывалось около 300 тыс. гужевых повозок.

В области связи, как отмечалось выше, в 1934 г. была сдана в эксплуатацию центральная радиостанция, построенная с помощью СССР, к 1940 г. почти во всех аймаках стали функционировать радиостанции.

По мере наращивания темпов развития промышленности, транспорта и связи укреплялись такие отрасли народного хозяйства, как строительство и производство строительных материалов. Монголстрой был расширен и в 1937 г. преобразован в Стройтрест.

В 30-х годах в аймаках были открыты небольшие виноводочные и пищевые цехи, на основе которых в дальнейшем создавались аймачные пищевые комбинаты. Создание дизельных электростанций в аймаках, а также дорожно-строительных бригад заложило основу для развития государственных промышленно-хозяйственных учреждений в сельской местности.

В стране неуклонно возрастал товарооборот государственной и кооперативной торговли. В 1935 г. по решению правительства была ликвидирована задолженность потребительской кооперации государству на сумму 6,5 млн. тугриков, что в немалой степени содействовало ее росту и укреплению.

Созданное в 1933 г. монголо-советское акционерное общество «Монголсовбунер» перешло в 1934 г. в полную собственность МНР и стало главной базой создания государственных торговых учреждений. В 1934 г. возникло первое государственное торговое учреждение, и в дальнейшем в стране действовали только национальные организации государственной и кооперативной торговли, оборот которых постоянно возрастал.

В 1934—1940 гг. число торговых точек в государственной и кооперативной торговле увеличилось в 4 раза, товарооборот — более чем в 3 раза, а в 1940 г. на их долю приходилось около 90% всего розничного товарооборота страны.

Кооперативная торговля не только способствовала обеспечению трудящихся масс товарами широкого потребления, но и сдерживала рост капиталистических элементов.

Из года в год расширялись монголо-советская торговля, объем ее товарооборота. Резко возрос экспорт и импорт страны — в 1934—1940 гг. соответственно в 2,3 и 2 раза. В 1935—1940 гг. объем товаров, поставлявшихся из Советского Союза, возрос в 5 раз.

Конкретным показателем подъема экономики МНР по мере претворения в жизнь нового курса и решений IX съезда МНРП явился систематический рост государственного бюджета. Если в 1934 г. доходы государственного бюджета составляли 38,9 млн. тугриков, то в 1940 г. — 118 млн. Соответственно возрастала и расходная часть бюджета.

Бюджетные расходы направлялись на укрепление экономиче-

ского потенциала страны и оборонной мощи, на повышение культурного уровня и материального благосостояния трудящихся.

Партия и правительство, руководствуясь указаниями В. И. Ленина о важном значении кооперации в осуществлении перехода на путь некапиталистического развития, развивали и укрепляли простейшие формы кооперации в сельскохозяйственном производстве. Аратских производственных объединений к концу 30-х годов насчитывалось уже около 100, объединявших примерно 2000 аратских хозяйств.

Аратские производственные объединения являлись одной из простейших форм кооперации. При вступлении в АПО строго соблюдался принцип добровольности. Средства производства не подвергались обобществлению, вступающие в него на добровольных началах делали паевой взнос, размер которого определялся ими самими. Государственные кредиты использовались для покупки орудий труда, которые составляли коллективную собственность объединения. В этих первых объединениях доля общественной собственности была невелика, производственные мощности — малы, организация труда — крайне слаба.

В сельском хозяйстве МНР все более широкое развитие получал государственный сектор, представленный госхозами и конно-сенокосными станциями. В 1933 г. в республике имелось 5 госхозов, в 1940 г. — 8, из них 3 животноводческих и 5 земледельческих. Госхозам принадлежала важная роль в качестве базы развития экономики в будущем.

В 1932—1933 гг. возникли первые конно-сенокосные станции. Большое значение в их развитии, как отмечалось выше, имела передача в 1937 г. Советским Союзом в дар Монголии десяти конно-сенокосных станций.

В 1937 г. конно-сенокосными станциями было скошено сено на площади свыше 70 тыс. га, в 1938 г. — на 150 тыс. га. В 1938 г. было 24 конно-сенокосных станций.

Как указывалось в принятом в октябре 1937 г. постановлении Президиума ЦК МНРП, машинно-сенокосные станции стали важнейшим источником развития новых производительных сил в сельском хозяйстве, с их помощью осуществлялась качественная революция в животноводстве.

Госхозы и МСС благодаря применению различных сельскохозяйственных машин, а также работе по разведению племенного скота заложили основу для внедрения в животноводство и земледелие новой техники и достижений науки. В 1940 г. в госхозах и МСС имелось свыше 160 тракторов, около 1000 конных косилок, несколько сотен конных граблей.

Таким образом, на демократическом этапе революции социалистический сектор, включавший промышленность, транспорт, связь, финансово-кредитную систему и государственные предприятия в сельском хозяйстве, получил интенсивное разви-

тие и благодаря энергичной поддержке со стороны государства занял командные высоты в экономике страны. Это было важнейшим достижением демократического этапа революции.

Возникновение и укрепление социалистического уклада на демократическом этапе революции было результатом не стихийного развития, а активной, целеустремленной деятельности партии и народного государства, направленной на обеспечение некапиталистического прогресса страны. И хотя после победы народной революции в Монголии имелась определенная возможность для развития как капиталистического, так и социалистического укладов, тем не менее в результате активной политики народного государства социалистический уклад превратился в самостоятельный и ведущий уклад экономики, а капиталистический уклад не вышел за рамки отдельных частнопредпринимательских хозяйств.

Большую роль в возникновении и дальнейшем росте и укреплении социалистического уклада сыграли помощь СССР и влияние его социалистической экономики. В стране не сложился капиталистический уклад, способный заглушить ростки социалистического уклада, соперничать с ним или создать заметные трудности в его развитии и укреплении.

Формирование и развитие социалистического уклада укрепило экономическую базу народно-демократического строя и подготовило материальную основу для перехода страны к решению задач социалистического этапа революции.

С развитием современных средств транспорта и связи, государственной торговли, госхозов и особенно промышленности сложились реальные условия для динамичного роста рядов рабочего класса.

Если в 1928 г. на государственных предприятиях было занято всего около 300 рабочих, то в 1934 г. — свыше 3 тыс., а в 1940 г. — уже около 14,5 тыс. Рабочие занимали определенное место в системе общественного производства и в распределении материальных благ, играли ведущую роль в общественной жизни, иными словами, представляли собой по всем социально-экономическим признакам самостоятельный общественный класс.

Формирование и рост нового молодого рабочего класса означали собой качественные изменения в классовой структуре монгольского общества. Таким образом, создание самостоятельного социалистического уклада в народном хозяйстве и формирование нового рабочего класса в обществе подготовили главные условия, необходимые для непосредственного перехода к социалистическому строительству.

Следовательно, основными определяющими чертами развития МНР после IX съезда МНРП и VII Великого Народного Хурала являлись: дальнейшее неуклонное развитие народного хозяйства, укрепление и рост социалистического уклада в экономике, формирование новой социальной силы — национального

рабочего класса. Все эти достижения были результатом успешной реализации в жизнь политики нового курса, принятой III чрезвычайным пленумом ЦК МНРП.

Правильная политика партии и народного правительства, самоотверженная борьба монгольского народа, бескорыстная помощь Советского Союза обеспечили успешное завершение общедемократического этапа народной революции и постепенный переход страны к строительству основ социализма.

Решение вопроса о монастырях и ламстве

Одной из важнейших задач народной революции в МНР было решение вопроса о монастырях и ламстве. Несмотря на то что за годы революции в отношении монастырей было осуществлено немало революционных мероприятий, их влияние в середине 30-х годов по-прежнему оставалось сильным. В стране насчитывалось 800 монастырей и около 90 тыс. лам.

Монастыри отрывали десятки тысяч мужчин от производительного труда, препятствовали развитию производительных сил страны, мешали укреплению оборонной мощи, тормозили культурное строительство. Решение религиозного вопроса приобрело особую остроту в связи с усилением угрозы империалистической агрессии извне.

Окончательное решение этого вопроса предполагало ликвидацию экономической мощи монастырей и уничтожение эксплуатации ими трудового аратства, ломку складывавшейся в течение многих веков организации ламаистской церкви, отрыв от монастырей бедных и средних слоев ламства и привлечение их к общественно полезному труду.

Проводимые мероприятия последовательно направлялись на ослабление хозяйственной мощи джас — главной экономической опоры монастырей. Им было запрещено заниматься спекулятивной торговлей, а также извозным промыслом за высокую плату. В феврале 1935 г. был принят новый закон, в соответствии с которым значительно увеличивались налоги на монастырские хозяйства. В 1938 г. налоги с джас возросли по сравнению с 1932 г. почти в 4 раза. В результате этих экономических мер из года в год сокращалось количество джас, поголовье их скота и имущество. Если в 1933 г. в монастырях находилось 0,3 млн. голов скота, то в 1938 г. — всего 70 тыс. В 1939 г. была проведена экспроприация оставшегося джасовского скота с передачей его бедняцким и середняцким хозяйствам. Так было покончено с одной из основных форм феодальной собственности — джасовской.

В 1936 г. был введен специальный налог на высших лам, имевший цель ограничить их крупные доходы. В 1937—1938 гг. ставки этого налога значительно повысились. В общей слож-

ности в 1936—1939 гг. с высших лам были взысканы налоги на сумму около 20 млн. тугриков.

Большое экономическое и политическое значение имел утвержденный в 1930 г. военный налог с лам призывного возраста. Введение налога ставило целью оказать экономическое давление на ламство, стимулировать уход низших лам из монастырей, а также изыскать дополнительные средства для усиления обороноспособности страны. В 1935—1936 гг. в положение о военном налоге были внесены изменения, которые предусматривали наряду с общим увеличением налога взыскание основной его части именно с высших лам. Если военный налог с низших лам составлял 25—75 тугриков в год, то с высших лам — 250—1000 тугриков. В 1930—1940 гг. общая сумма выплаченного ламами военного налога составила 20 млн. тугриков.

Помимо подоходного и военного налогов с лам, имевших собственный скот, взимался общий скотоводческий налог, размер которого по сравнению с мирским был в 1,5 раза выше. В результате этих мероприятий к концу 30-х годов были резко ослаблены экономические позиции высших лам.

Одновременно с ослаблением экономической мощи высшего ламства значительно усилился государственный контроль за внутренней жизнью и организацией монастырей. Начиная с 1934 г. при крупных монастырях учреждался штат специального представителя правительства. Первоначально такие представители были направлены в монастыри Улан-Батора, Улангома, Цэцэрлэга, Баян-Тумэна, в 1937 г. они находились уже в 12 крупных монастырях. В 1935 г. при ЦК МНРП были созданы специальная комиссия, занимавшаяся работой внутри ламства, а также Управление по делам религии при министерстве внутренних дел.

В соответствии с конкретными задачами каждого данного этапа в законы и положения о монастырях и ламстве вносились необходимые изменения. По принятому в 1934 г. новому закону об отделении религии от государства запрещались выявление новых хубилганов, передача по наследству имущества высших лам, строительство новых монастырей. В 1935 г. был разработан внутренний распорядок жизни монастырей, учитывавший интересы низших лам.

Создание религиозной администрации при монастырях, состоявшей в основном из низших лам, имело важное значение в ослаблении влияния высшего ламства. Религиозная администрация следила за деятельностью высших лам, боролась против их контрреволюционных происков, имела право в случае необходимости вмешиваться в процесс назначения и смещения должностных лиц в монастырях.

В 1933—1934 гг. при монастырях открывались курсы по ликвидации неграмотности среди низших лам, вводилась квалифицированная медицинская помощь. Научно-просветительная ра-

бота среди лам принимала самые разнообразные формы, такие, как «Работа по пятницам», вечера и общественные гулянья, приуроченные ко всевозможным религиозным торжествам. С 1936 г. стал издаваться специальный «Журнал для ламства».

В целях обеспечения обороны границ страны, предотвращения контрреволюционных выпадов реакционного ламства и усиления контроля народного государства в 1936—1937 гг. с восточной и южной границ было перебазировано внутрь страны около 50 монастырей.

В монастыри было запрещено принимать детей и подростков, не достигших 18 лет. Сокращение числа послушников-лам ликвидировало главный источник пополнения ламства. Кроме того, были введены ограничения при поступлении в монастырь лиц, достигших 18-летнего возраста.

Народная власть всемерно поощряла выход низших и средних лам из монастырей и включение их в общественно полезную трудовую деятельность. Ламам, переходившим в светское состояние, предоставлялись льготы политического и экономического характера: обеспечение кредитами, налоговые льготы, включая полное освобождение от налогов, предоставление избирательного права и т. д. В 1936 г. для лам, приступивших к хозяйственной деятельности, был открыт государством кредитный фонд в размере 0,5 млн. тугриков. В 1936 г. свыше 200 ламам, занятым в сельском хозяйстве, был предоставлен кредит в сумме 114 тыс. тугриков.

Важной формой привлечения низших лам к общественно полезному труду стало создание ламских производственных артелей. В 1936 г. была открыта первая такая артель. Количество артелей быстро возрастало, в 1938 г. их насчитывалось уже около 100 с числом занятых около 5000 лам. По неполным данным 1936 г., на работу в области животноводства, промышленности, транспорта и торговли перешло свыше 10 тыс. лам. В дальнейшем переход низших лам на положение мирян принял массовый характер. В 1936—1938 гг. монастыри оставило около 30 тыс. лам.

Большинство низших лам, восприняв поистине гуманную политику МНРП, покинули монастыри и занялись хозяйственной деятельностью. Сотни монастырей, оставшись без священнослужителей, прекратили свою деятельность. Из действовавших в 1937 г. 771 монастыря уже в следующем году закрылось около 760.

Революционные мероприятия партии и правительства, выражавшие объективные требования общественного развития и коренные интересы монгольского народа, встречали яростное сопротивление со стороны реакционного высшего ламства. Опираясь на монастыри и используя религию для реакционной агитации, высшие ламы стремились опорочить в глазах народа генеральную линию партии. Они пытались нарушить монголо-

советскую дружбу, используя для этой цели глубокое суеверие и религиозность населения.

Высшее ламство, установив связи с японскими империалистами, пыталось создать внутри МНР обстановку, благоприятную для вторжения японских войск. Не случайно, когда в 1935 г. на восточной границе Монголии усилились агрессивные происки японских империалистов, значительно активизировалась контрреволюционная деятельность высшего ламства. Неоднократные враждебные вылазки реакционного высшего ламства против народа раскрыли трудящимся массам его подлинное лицо и привели к его полной изоляции.

В целях подавления контрреволюционной деятельности реакционной верхушки ламства народное государство должно было прибегнуть к мерам революционного насилия. Так, к концу 30-х годов в результате подрыва экономической мощи монастырей, изоляции высшего ламства, привлечения низших слоев ламства к общественно полезному труду был окончательно решен вопрос о ламаистской церкви, которая в течение многих веков сковывала социально-экономическое и духовное развитие Монголии, затуманивала сознание народных масс и нещадно их эксплуатировала. Это было итогом долгой и активной революционной деятельности МНРП и народного государства, сознательной поддержки всего трудового народа.

Укрепление внутреннего и внешнего положения МНР. Разгром японских агрессоров на Халхин-голе

С начала 30-х годов резко осложнилась международная обстановка в мире. Главной причиной этого явилось обострение всех противоречий капитализма в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. В некоторых странах капитализма установился самый реакционный режим — фашизм, возникли очаги новой мировой войны.

Тройственный союз, объединявший империалистические государства — Германию, Италию и Японию — в единый блок, разжигал войну, стремясь к захвату все новых и новых территорий. Вторжением Италии в Эфиопию в 1935 г. и нападением Германии и Италии на республиканскую Испанию в 1936 г. приблизилось начало мировой войны.

Советский Союз противопоставил агрессивному курсу капиталистических держав твердую политику мира и дружбы между народами.

Однако правящие реакционные круги капиталистических стран всячески противились этой политике. Наиболее непримиримыми врагами Советского Союза были германские империалисты на Западе и японские — на Востоке. Фашистская Германия и империалистическая Япония, стремясь к получению

наибольших барышей, лихорадочно готовились к захватнической войне за господство в мире.

Японские агрессоры, развязывая войну против Советского Союза, в первую очередь стремились захватить Китай и МНР, с тем чтобы превратить их в свои колонии и создать там военный плацдарм для агрессии против СССР.

Захватив Маньчжурию и значительную часть территории Внутренней Монголии, японские империалисты начали совершать всевозможные провокации против МНР.

В связи с этим по просьбе правительства МНР 27 ноября 1934 г. между СССР и МНР было заключено джентльменское соглашение, предусматривавшее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказание друг другу помощи в случае нападения какой-либо третьей стороны на МНР или СССР.

Это соглашение имело огромное значение для обеспечения независимости МНР и укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке. Заключение этого соглашения явилось серьезным предупреждением милитаристским кругам Японии, однако они продолжали провоцировать пограничные инциденты на границе Монголии и Маньчжоу-Го²⁰.

В начале 1935 г. японские агрессоры захватили пограничный пост в районе Халхин-сумэ (храм) с прилегающими к нему территориями.

С мая 1935 по март 1936 г. японские войска неоднократно вторгались на территорию МНР в местностях Булан-дэрс, Адаг-Дулан и др. В начале 1935 г. в японской газете «Тоа» отмечалось: «В политическом, особенно военно-стратегическом отношении Внешняя Монголия имеет особое значение. Все военные специалисты единодушно считают, что вторжение в СССР через Внешнюю Монголию имеет наибольшие преимущества, нежели вторжение через Маньчжурию».

Правительство Монгольской Народной Республики и монгольский народ в ответ на провокации японо-маньчжурской военщины зорко оберегали свои границы и твердо придерживались политики разрешения всех спорных пограничных вопросов путем переговоров. Например, после захвата японо-маньчжурскими войсками Халхин-сумэ по предложению правительства МНР на станции Маньчжурия была созвана монголо-японо-маньчжурская конференция. Монгольская делегация на этой конференции предложила создать постоянную совместную комиссию для разрешения пограничных конфликтов. Однако японские милитаристы предъявили совершенно неприемлемые ответные требования, угрожая в случае отказа пустить в ход военную силу.

²⁰ Марионеточное государство в Маньчжурии, созданное японскими империалистами в 1932 г. Было ликвидировано в 1945 г.

В 1935—1936 гг. японская военщина усилила провокационные действия на границе МНР (в районе Халхин-сумэ, Булан-дэрс, Адаг-Дулан).

Солдаты и офицеры монгольской армии мужественно защищали свободу и независимость своего народа. Ш. Гонгор, Д. Дэмбэрэл, Ч. Шагдарсурэн и многие другие воины проявили в боях чудеса смелости и героизма.

В связи с напряженностью внешнеполитического положения страны Народное правительство приняло ряд важных мер для укрепления обороноспособности МНР; были увеличены военные расходы: в 1934 г. они составляли 34,7% общего бюджета страны, в 1938 г.— 52,5%. Улучшилось обеспечение народной армии вооружением и техникой, был продлен с двух до трех лет срок военной службы, почти на 30% увеличился личный состав армии. В армии появились новые, технически оснащенные авиационные и бронетанковые части, при кавалерийских соединениях были созданы технические подразделения.

Участившиеся вооруженные налеты японских войск на пограничные заставы МНР создали в 1936 г. напряженную обстановку на восточной границе страны. Возникла непосредственная угроза мирному существованию и государственной независимости МНР.

В этот опасный для МНР момент на весь мир прозвучало заявление Советского правительства о том, что в случае, «если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику... мы поможем МНР так же, как помогли ей в 1921 г.»²¹.

Это заявление вновь продемонстрировало миролюбивую внешнюю политику СССР, братские, дружественные отношения между СССР и МНР, готовность советского народа оказать помощь в защите независимости монгольского государства. Заявление воодушевило монгольский народ и укрепило его веру в прочность государственного суверенитета МНР и монголо-советской дружбы.

Вскоре после этого, 12 марта 1936 г., между СССР и МНР был заключен Протокол о взаимопомощи, который еще крепче связал судьбы двух братских народов и явился залогом обеспечения независимости МНР.

В соответствии со ст. 1 и 2 соглашения обе договаривающиеся стороны в случае угрозы нападения на территорию СССР и МНР со стороны третьего государства обязывались немедленно обсудить создавшееся положение, принять все меры, необходимые для ограждения безопасности, и оказать друг другу разностороннюю, в том числе и военную, помощь.

Протокол о взаимопомощи, развивший и оформивший джентльменское соглашение 1934 г., показал непоколебимую

²¹ «Правда», 1.III.1936.

решимость советского и монгольского народов совместными усилиями отстаивать мир на Дальнем Востоке от агрессии японского империализма.

Протокол о взаимопомощи был ярким выражением миролюбивой внешней политики обоих государств, основанной на принципе равноправия и дружбы народов больших и малых стран.

В 1937—1938 гг. японские агрессоры усилили приготовления к вторжению в МНР. Они засылали на территорию МНР свою агентуру, стремились установить связь с реакционными силами внутри страны, организовывали диверсии и контрреволюционные заговоры. Кроме того, были увеличены численность войск и вооружение Квантунской армии, расположенной в Маньчжурии; к границам Монголии подводили железнодорожные линии и шоссейные дороги, строили авиационные базы и военные укрепления. Опасность прямого вторжения японских войск на территорию МНР становилась все более реальной. Тогда по просьбе правительства МНР в страну были введены контингенты войск Красной Армии, с тем чтобы помочь защитить монгольский народ от агрессии японских милитаристов. С помощью Советского Союза строились железнодорожные линии и шоссейные дороги стратегического назначения, войска оснащались современным оружием, строились важные военные объекты, аэродромы, линии связи. Благодаря такой непосредственной помощи Советского Союза монгольский народ сумел укрепить оборонную мощь страны и подготовиться к защите своей Родины от иноземных захватчиков.

Одновременно с подготовкой нападения на МНР японские империалисты совершали военные провокации и непосредственно на советской границе. В 1938 г. Япония напала на СССР в районе оз. Хасан, намереваясь окружить Владивосток.

Советские войска успешно отразили эту атаку, разгромили вторгнувшиеся части японской армии и вынудили японских агрессоров отступить с большими потерями.

Убедившись в прочности дальневосточных границ СССР, японские агрессоры усилили концентрацию своих войск у границ МНР, рассчитывая напасть на СССР через территорию МНР.

Подготовившись к захватнической войне, японские агрессоры 11 мая 1939 г. крупными военными силами нарушили государственную границу МНР в районе р. Халхин-гол.

Агрессивные действия японской военщины вызвали глубокое возмущение трудящихся МНР.

Началась справедливая война против японских империалистов за государственную независимость и территориальную целостность МНР. 28 мая 64-й японский полк, два моторизованных отряда и другие военные соединения вторглись в глубь территории МНР и захватили районы, прилегающие к р. Халхин-гол. В этот тяжелый момент советско-монгольские войска

начали наступление и сокрушительным ударом 29 мая отбросили японцев до государственной границы.

С большими потерями японцы отступили в Маньчжурию и затем начали готовиться к новому наступлению в начале июля.

Советско-монгольское командование укрепило свои вооруженные силы на правом берегу р. Халхин-гол, подтянув в район боевых действий 7-ю и 9-ю бронемоторизованные бригады, 11-ю танковую бригаду и 24-й моторизованный артиллерийский полк. В ночь на 3 июля японцы форсировали р. Халхин-гол и днем вышли в район горы Баян-Цаган, намереваясь отрезать отход советско-монгольским войскам с правобережья. Разгадав эти намерения, советско-монгольские войска нанесли ответный удар противнику с трех сторон. Пытаясь удержаться, японцы бросили к Баян-Цагану все свои резервы. В войне на Халхин-голе битва у горы Баян-Цаган занимает особое место. В этой битве особенно отличились доблестно сражавшиеся кавалерийский полк под командованием Л. Дандара, артиллерийский полк под командованием майора Советской армии И. М. Ремизова, танковая бригада М. П. Яковлева и другие соединения.

С большими потерями от налетов авиации и сильного артиллерийского обстрела со стороны советско-монгольских войск японцы оставили поле боя, а вечером 4 июля советско-монгольские части перешли в наступление и 5 июля освободили Баян-Цаган.

Несмотря на большой урон в баянцаганской битве, японцы снова стали готовиться к крупному наступлению, сконцентрировав в августе в районе р. Халхин-гол крупные военные силы численностью 76 тыс. солдат и офицеров, которым было придано свыше 500 артиллерийских орудий, 182 танка, 304 пулемета, 300—350 самолетов.

Советско-монгольское командование для решающего наступления и разгрома японских агрессоров также подтянуло из тыла новые силы. Подход 52-й и 92-й артиллерийских дивизий, некоторых полков 152-й дивизии и 6-й танковой бригады создавал значительный перевес монголо-советских вооруженных сил над японскими. Советско-монгольское командование, готовясь к окружению и уничтожению противника, стремилось ввести его в заблуждение, создавая видимость предстоящей зимовки, имитируя крупные оборонительные инженерные работы. Утром 20 августа 1939 г. началось неожиданное для японцев генеральное наступление советско-монгольских войск на восточной границе МНР. На полосе фронта шириной 60—80 км и глубиной 20—30 км были сосредоточены крупные советско-монгольские вооруженные силы: свыше 510 самолетов, около 600 артиллерийских орудий и т. д. Только 21 августа советско-монгольские бомбардировщики совершили 256 боевых вылетов и нанесли сокрушающие удары по противнику. Истребителями на 5—6-й день наступления было сбито 74 вражеских самолета.

Герой МНР Д. Нянтайсурэн

та. 23 августа противник был окружен советско-монгольскими войсками. 28 августа отдельные части противника безуспешно пытались вырваться из окружения и были разгромлены. Ожесточенная борьба за свободу и независимость МНР продолжалась с 20 по 30 августа и закончилась полной победой над японскими захватчиками. 15 сентября 1939 г. в Москве было подписано соглашение между МНР, СССР и Японией о ликвидации конфликта в районе Халхин-гола. 16 сентября в 14 часов были прекращены все боевые действия.

В боях у Халхин-гола особенно отличились 6-я и 8-я кавалерийские дивизии МНРА и советские 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая бригада, 100-я авиационная бригада, 24-й мотострелковый полк, 57-я стрелковая дивизия, бронемоторизованные бригады. Геройски сражались за свободу и неза-

висимость МНР сотни бойцов МНРА и советских войск. Из монгольских воинов и командиров беззаветную отвагу в боях проявили Л. Дандар, Д. Нянтайсурэн, Ц. Олзвой, П. Гэлэгбатор, Х. Хаянхярва, П. Чогдон, Ч. Жугдэрнамжил, Турху и другие. Их заслуги были отмечены присвоением звания Героя МНР, сотни бойцов были награждены орденами и медалями МНР.

Многие советские воины пали смертью храбрых на полях сражений, защищая МНР как свою родину.

Звание Героя Советского Союза было присвоено 31 воину и командиру Красной Армии: комкору Г. К. Жукову, командиру танковой бригады М. П. Яковлеву, майору И. М. Ремизову, отважным летчикам Г. П. Кравченко, С. И. Грицевец, генерал-полковнику М. И. Потапову, генералу армии И. И. Федюнинскому и др. Многие тысячи советских воинов были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Слава этих героев, самоотверженно сражавшихся за свободу и независимость братской Монголии, никогда не померкнет в сердцах монгольских людей.

Следует отметить, что японское командование сосредоточило в районе р. Халхин-гол десятки тысяч солдат и офицеров из отборных частей императорской армии, многие сотни танков, самолетов, артиллерийских орудий. Японские войска имели тактическое преимущество, располагая железнодорожными и шоссейными подъездными путями и опираясь на заранее подготовленные базы снабжения.

Советско-монгольские части, напротив, были удалены от баз снабжения и не располагали удобными путями сообщения. Однако высокий моральный дух советско-монгольских войск, их вера в победу в борьбе за правое дело в сочетании с высоким боевым мастерством, с превосходством стратегии и тактики командования советско-монгольских войск и высоким качеством боевой техники обеспечили им победу над агрессорами.

Японские войска потеряли в боях у Халхин-гола 57 тыс. убитыми и ранеными, было сбито 660 самолетов, захвачено 175 орудий, 340 пулеметов, большое количество другого оружия, боеприпасов и имущества.

Халхингольское сражение явилось проверкой прочности народно-демократического строя в МНР. Монгольский трудовой народ проявил в этот период испытаний замечательный патриотизм и, тесно сплотившись вокруг МНРП и правительства, единодушно встал на защиту независимости своей страны, на защиту завоеваний народной революции.

Разгром японских агрессоров в районе Халхин-гола имел огромное значение для укрепления независимости МНР, он сбил спесь с японских самураев, показал крепость границ МНР, способность монгольского народа к героической защите своей Родины.

Поражение японской армии в районе Халхин-гола нанесло

Герой МНР Л. Дандар

серьезный удар не только японскому империализму, но и силам международной империалистической реакции, поддерживавшей Японию в этой агрессии.

Совместная великая победа над японскими агрессорами еще более сцементировала братскую дружбу советского и монгольского народов.

В память боев у Халхин-гола, закончившихся разгромом японских агрессоров, по постановлению правительства МНР на берегу реки был сооружен памятник. Открытие памятника состоялось 20 августа 1954 г., в дни празднования 15-й годовщины победы на Халхин-голе.

На мраморе монумента высечены слова: «Вечная слава воинам-героям Советской Армии и мужественным воинам Мон-

гольской народно-революционной армии, павшим в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-гол за свободу и независимость миролюбивого монгольского народа, за мир и безопасность народов, против империалистических агрессоров».

В то время, когда японским агрессорам был нанесен сокрушительный удар на берегу р. Халхин-гол, в Европе фашистская Германия раздувала пожар второй мировой войны. 2 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. Нависшая над Англией и Францией непосредственная угроза вторжения вынудила их объявить войну Германии. Так внутри самого лагеря империализма вспыхнула вторая мировая война, охватившая многие страны и народы.

Вторая мировая война явилась следствием обострения противоречий между крупнейшими империалистическими державами, общего кризиса капитализма. Эта война носила на начальных этапах захватнический характер. Внешняя политика МНР того времени была направлена на укрепление дружбы с Советским Союзом и всемерную поддержку борьбы против фашизма, за мир во всем мире.

Завершение общедемократического этапа революции. X съезд МНРП. Новая Конституция МНР

Правильная политика МНРП и народного государства, самоотверженная борьба монгольского народа, а также братская помощь и содействие Советского Союза обеспечили успешное завершение общедемократического этапа революции и постепенный переход МНР к строительству основ социализма. Борьба за осуществление задач демократического этапа революции проходила в условиях сложного внешнеполитического положения МНР и острой классовой борьбы внутри страны. Как отмечалось выше, в связи с активизацией агрессивных происков японских империалистов с середины 30-х годов резко усилилась контрреволюционная деятельность реакционной верхушки церкви. В течение 1935—1936 гг. органы Государственной внутренней охраны МНР разоблачили крупную контрреволюционную организацию, которая охватывала ряд монастырей, расположенных вблизи юго-восточной границы МНР. В 1937 г. были также раскрыты и обезврежены контрреволюционные организации, руководимые реакционной верхушкой церкви — Ёнзон-Хамбой, Дэд-Хамбой и их агентами, которые готовили вооруженное восстание, намеревались уничтожить народную власть и восстановить старые феодальные порядки. Они всячески пытались подорвать дружеские связи МНР с СССР, используя религиозные предрассудки населения.

Наряду с этим в ходе осуществления политики нового курса внутри руководства партии и правительства возникли ост-

рые разногласия по коренным, принципиальным вопросам партийной политики.

Правая оппортунистическая группа во главе с Гендуном стремилась принизить руководящую роль партии, сбить ее с единственно правильной линии некапиталистического развития страны. Эта группа пыталась подорвать дружбу монгольского и советского народов, посеять неверие в победу социализма в стране, стимулировала развитие капиталистических элементов. Антипартийная группа Гендуна, пользуясь обострением внешнего положения страны в связи с агрессией японского империализма, в своих корыстных целях стала грубо нарушать революционную законность и демократию, проводила необоснованные репрессии против невинных людей.

В 1936 г. пленум ЦК МНРП раскрыл и разгромил правооппортунистическую антипартийную группу.

В разоблачении гендуновской правооппортунистической группировки и всех контрреволюционных сил в стране немалую роль сыграл выдающийся партийный и государственный деятель Х. Чойбалсан. Он внес большой вклад в укрепление народной власти, обороноспособности страны, в создание новой экономики и культуры. Будучи пламенным патриотом и последовательным интернационалистом, Х. Чойбалсан вместе с другими руководителями партии активно боролся за неуклонное укрепление братской дружбы между МНР и СССР, за интересы народа. В этой борьбе Х. Чойбалсан завоевал большой авторитет в партии и народе. С 1939 г. до конца жизни маршал Х. Чойбалсан являлся премьер-министром МНР. Но при этом победы, одержанные в мирном строительстве и защите независимости страны, стали связываться исключительно с именем Х. Чойбалсана. Глубокое доверие и высокая оценка партией и народом деятельности Х. Чойбалсана постепенно стали перерастать в культ его личности, что отрицательно влияло на внедрение ленинских норм внутрипартийной жизни, на развитие социалистической демократии. Партия своевременно подвергла критике это отрицательное явление и приняла меры по его устранению.

Таким образом, в результате глубоких политических и социально-экономических преобразований, несмотря на сложные условия 20—30-х годов, МНР добилась исторических побед, ознаменовавших успешное завершение демократического этапа революции. В суровой и беспощадной борьбе страна сумела защитить и укрепить завоевания народной революции и государственную независимость страны. В эти годы была полностью разгромлена феодальная контрреволюция и ее пособники, окончательно ликвидирован феодальный уклад, в течение многих веков сковывавший развитие производительных сил Монголии; страна добилась экономической независимости от мировой капиталистической системы хозяйства; значительное развитие полу-

чили государственные и кооперативные хозяйства, носители социалистических производственных отношений. Развитие государственной промышленности, транспорта, связи и других отраслей укрепило экономическую основу народно-демократического строя, создало материальную базу для перехода МНР к социалистическому этапу революции. К этому времени произошли коренные изменения в классовой структуре и классовых отношениях в монгольском обществе. С ликвидацией феодального уклада перестал существовать класс феодалов, а на базе создания и развития национальной промышленности, транспорта и других отраслей материального производства формировался и укреплялся новый класс, которого не было прежде, — рабочий класс; аратство, избавленное от национального и классового гнета, возродилось и в политическом и в экономическом отношениях; национальная интеллигенция выросла численно, изменился ее состав и общественное положение. Она превратилась в подлинно народную трудовую интеллигенцию. Изменился и характер взаимоотношений между классами. В связи с ликвидацией класса феодалов исчезли непримиримые антагонистические противоречия, сложился дружественный союз двух трудовых классов, рабочих и аратства, связанных общими интересами. С зарождением национального рабочего класса и складыванием его союза с аратством «революционно-демократическое государство трудового народа Монголии, представляющее собою разновидность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, постепенно переросло в диктатуру рабочего класса»²².

Исторические достижения монгольского народа были подытожены X съездом МНРП и нашли свое отражение во второй Конституции МНР, утвержденной в 1940 г. VIII Великим Народным Хуралом.

X съезд МНРП (март 1940 г.), подводя общий итог деятельности партии по руководству монгольским народом в строительстве нового общества и оценивая значение достигнутых успехов в революционном развитии страны, указал: «Теперь уже можно с уверенностью сказать, что мы прочно встали на путь некапиталистического развития»²³.

Изменение всего облика Монголии, замечательные успехи в развитии по пути прогресса были обусловлены тем, что МНРП, руководствуясь марксистско-ленинским учением, неуклонно проводила линию на некапиталистический путь развития страны, опираясь на дружбу и помощь СССР, тем, что политика МНРП полностью соответствовала коренным интересам трудящихся МНР.

²² Программа Монгольской народно-революционной партии. XV съезд МНРП. М., 1966, с. 172.

²³ Доклады и речи Х. Чойбалсана. Т. 2, с. 406.

Справедливо подчеркивая решающую роль творческой энергии народных масс в созидании новой жизни, в успешном развитии МНР по некапиталистическому пути, отчетный доклад X съезду МНРП констатировал: «Все достижения завоеваны руками трудящихся... нашей страны, руками ее новой интеллигенции, руками людей, любящих свою родину, людей, не щающих свои силы в борьбе за интересы своего народа»²⁴.

X съезд МНРП полностью одобрил внешнюю политику Центрального Комитета и Народного правительства и отметил, что ЦК партии и правительство за отчетный период сумели добиться еще большего укрепления нерушимой братской дружбы нашей страны с Советским Союзом.

Советский Союз с первых дней нашей революции оказывал и оказывает нам политическую, экономическую и культурную помощь в деле развития и укрепления МНР»²⁵.

На обсуждение съезда был поставлен вопрос о задачах развития животноводства в МНР, с докладом по которому выступил Ю. Цеденбал.

Согласно постановлению X съезда МНРП подъем животноводства — главная задача в развитии экономики страны. Рост экономики и успешное движение МНР по некапиталистическому пути обуславливаются максимальным развитием животноводства, увеличением поголовья скота и повышением товарности животноводческого хозяйства. Съезд принял решение наряду с всемерным поощрением частнохозяйственной инициативы аратов в области животноводства оказывать всяческое содействие организации простейших аратских производственных объединений. Съезд обязал также ЦК принять меры к расширению сети машинно-сенокосных станций. X съезд партии отмечал: «Эти станции явились прочной базой для перестройки отсталого кочевого, раздробленного, с остатками феодальных отношений, скотоводческого хозяйства в передовое, современное, развитое хозяйство, способное обеспечить экономический рост страны. Это имеет очень большое политическое, экономическое и культурное значение для развития страны по некапиталистическому пути»²⁶. В заключительной части резолюции X съезд призвал все партийные организации, всех членов партии активно включиться в борьбу за выполнение основной экономической задачи МНР — подъем животноводства.

Съезд подчеркнул, что одним из основных условий успешного движения монгольского народа по некапиталистическому пути к социализму является верность МНРП и всех трудящихся МНР всепобеждающему знамени марксистско-ленинского учения.

²⁴ Там же.

²⁵ «Современная Монголия». 1940, № 12, с. 77.

²⁶ Там же, с. 9.

X съезд МНРП принял новую Программу партии, в которой четко определены задачи строительства основ социализма в МНР. В Программе говорится: «Политика Монгольской Народной Республики направлена на окончательное выкорчевывание остатков феодализма в экономике страны, на борьбу с пережитками феодализма в сознании людей, на обеспечение некапиталистического развития страны и подготовку перехода в дальнейшем к социализму»²⁷.

X съезд партии избрал Ю. Цеденбала Генеральным секретарем ЦК МНРП.

В июне 1940 г. был созван VIII Великий Народный Хурал. Основным вопросом его повестки дня было обсуждение и утверждение новой Конституции МНР.

В докладе о проекте Конституции подчеркивалось: «Мы руководствуемся в своей деятельности опытом великой страны социализма, опытом Советского Союза. Следовательно, образцом для нас при составлении нашей Конституции может быть только Конституция Советского Союза»²⁸.

Великий Народный Хурал учел важнейшие поправки и дополнения, внесенные трудящимися во время всенародного обсуждения проекта Конституции, выработал ее окончательный текст и единогласно утвердил новую Конституцию МНР.

Новая Конституция МНР законодательно закрепила завоевания и успехи, достигнутые монгольскими трудящимися за период с 1924 по 1940 г., ознаменовала собой дальнейшую демократизацию государственного управления, отразила успехи в развитии МНР по пути к социализму.

В статье 1 новой Конституции давалась характеристика Монгольской Народной Республики: «Монгольская Народная Республика есть независимое государство трудящихся (аратов-скотоводов, рабочих и интеллигенции), уничтоживших империалистический и феодальный гнет, обеспечивающее некапиталистический путь развития страны для перехода в дальнейшем к социализму».

Основной целью общественного производства, развития всего народного хозяйства республики Конституция объявляла неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся (ст. 4).

Конституция МНР зафиксировала наличие трех форм собственности: государственной, кооперативной и частной собственности граждан, основанной на личном труде. Конституция указывала, что «вся земля и ее недра — леса, воды и их богатства, фабрики, заводы, шахты, рудники и т. д. — являются собственностью государства, т. е. всенародным достоянием. Частная собственность на них не допускается».

²⁷ Там же, с. 80.

²⁸ «Современная Монголия». 1940, № 3, с. 4.

Ю. Цеденбал

В Конституции излагались основы государственного устройства МНР, ее избирательной системы.

Конституция провозглашала полное равенство граждан МНР независимо от их имущественного положения, образования, пола, национальности, вероисповедания, кочевого или оседлого образа жизни.

Новая Конституция подчеркивала руководящую роль МНРП. Статья 95 гласила: «Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочих, трудящихся-аратов и интеллигенции объединяются в Монгольскую народно-революционную партию, являющуюся передовым отрядом трудящихся в борьбе за укрепление и развитие страны по некапиталистическому пути, в партию, представляющую ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Конституция предоставила гражданам МНР незыблемые права на труд, отдых и образование, право избирать и быть избранными во все органы народной власти страны.

Успешное завершение общедемократического этапа монгольской революции явилось яркой демонстрацией силы марксистско-ленинских идей, наглядным историческим доказательством правильности марксистско-ленинского учения о возможности перехода отсталых стран от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию.

Глава 4

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ НА РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ (1921—1940)

Неотъемлемой частью революционного преобразования социальной жизни в Монголии является социалистическая культурная революция, развернувшаяся как закономерное продолжение победы Монгольской народной революции и ее прямое следствие. Культурная революция в Монголии прошла в своем развитии три этапа, а именно: революционно-демократический (1921—1940), социалистический (1941—1960) и этап дальнейшего углубления культурной революции (после 60-х годов). Вся история культурного строительства в МНР проходит под знаком непримиримой борьбы передового научного мировоззрения с различными проявлениями феодально-ламаистской идеологии и буржуазным национализмом, под знаком утверждения марксистско-ленинской идеологии, служащей теоретической основой современной культуры в Монголии.

Осуществляя культурную революцию, МНРП руководствовалась в своей деятельности учением В. И. Ленина. Согласно ле-

нинскому учению, содержание и главная задача культурной революции заключаются в создании новой культуры социалистического типа, открывающей доступ широким народным массам ко всем достижениям в области культуры, в формировании социалистического сознания трудящихся путем коренного переворота в духовной жизни общества на основе марксистско-ленинской идеологии. Весь опыт культурного строительства в МНР подтвердил правильность политики МНРП, применившей великое учение Ленина к специфическим условиям Монголии.

С первых же дней народной революции в Монголии развитие национальной культуры представляло собой важнейшую задачу строительства новой жизни. Однако при проведении культурной революции монгольскому народу пришлось преодолеть огромные трудности, обусловленные прежде всего крайней экономической отсталостью дореволюционной Монголии, пережитками феодальных отношений в монгольском обществе. Развитию новой культуры препятствовал ламаизм, господствовавший на протяжении многих веков в духовной жизни народа. Своеобразные исторические и экономические условия страны определили особенности культурной революции в Монголии.

Ввиду крайней отсталости Монголия сразу же не могла приступить к непосредственному осуществлению социалистической культурной революции. Она должна была начать с азов, с самых элементарных требований. На первом этапе прежде всего развернулась упорная борьба с массовой неграмотностью населения, создавались основы системы народного образования и здравоохранения, формировалась национальная интеллигенция, зарождались новая революционная литература и искусство, современная наука и т. д. На этом этапе в Монголии в целом сложились основы революционно-демократической культуры, подготовившие развитие подлинно социалистической культуры.

Народное просвещение и наука

Одним из крупных достижений в развитии послереволюционной культуры в МНР было успешное создание системы народного образования.

До революции в стране не существовало системы светского образования. Имелись лишь церковные школы при ламаистских монастырях (дацаны), в которых обучалась основная масса детей школьного возраста. В монастырских школах господствовали формализм, схоластика, они были совершенно оторваны от жизни. Ученики-ламы изучали только буддийские догмы и тибетский язык — церковный язык в Монголии. Родной монгольский язык, история, культура страны для них оставались чуждыми.

После победы народной революции ламаистская церковь выступила главным идеологическим противником передовой культуры и науки. Помимо всего прочего, не хватало финансовых средств на содержание школ, а также учителей и просто грамотных людей, которые могли бы включиться в дело народного образования.

Борьба за ликвидацию неграмотности трудящихся. Важнейшим условием преодоления отсталости страны в социально-экономической и культурной областях явилась борьба за ликвидацию неграмотности трудящихся. Как учил В. И. Ленин, «безграмотный человек стоит вне политики»²⁹. После победы народной революции всего лишь 2,3% населения Монголии могли читать и писать.

Борьба за ликвидацию неграмотности с особой силой развернулась в 1921—1940 гг. Ликвидация неграмотности велась в основном по двум направлениям: во-первых, обучение грамоте детей в государственных школах, во-вторых, обучение грамоте взрослого населения с помощью различных курсов и кружков.

Большое значение имело решение идеологического отдела ЦК МНРП о ликвидации массовой неграмотности населения и создании специальной комиссии по плановому обучению грамоте трудящихся. Вследствие отсутствия в дореволюционной Монголии системы светского образования в аймаки и сомоны были направлены инструкторы, занимающиеся вопросами обучения грамоте. В обязательства революционного соревнования включался специальный пункт об овладении грамотой, проводилось распределение людей по различным звеньям для обучения грамоте в партийных, общественных организациях, на предприятиях и в административных учреждениях.

По мере углубления народной революции методы работы по обучению грамоте трудящихся становились все более разнообразными. В 1925—1940 гг. сложились такие новые формы и методы обучения, как постоянные и временные кружки, товарищеские союзы, регулярное и временное преподавание на дому, вплоть до принудительных мер обучения. Обучение в кружках и школах проводилось преимущественно в городских населенных пунктах. Временные кружки, обучение на дому отдельных лиц, товарищеские союзы были распространены в основном среди аратов.

То обстоятельство, что более 40% мужского населения страны составляли ламы, сильно осложняло борьбу с массовой неграмотностью. Вначале лам-бедняков обучали, руководствуясь принципом добровольности, а в дальнейшем их обязали про-

²⁹ В. И. Ленин. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября.—Т. 44. с. 174.

ходить курс обучения в кружках, организованных при администрации сомонов, а также при крупных монастырях. В 1935—1937 гг. более 20 тыс. лам-бедняков были охвачены системой обучения грамоте.

В результате проведения огромной работы по ликвидации неграмотности значительно повысился общий культурный уровень населения. По данным 1940 г., 20,8% населения в возрасте старше восьми лет овладело грамотой, что явилось одним из важнейших успехов культурной революции на первом ее этапе.

Начальная и средняя школа. После победы народной революции перед страной сразу же встала задача создания и развития системы народного образования, и прежде всего общеобразовательных школ.

14 августа 1921 г., спустя месяц после победы народной революции, Народное правительство приняло решение о создании народных школ и утвердило ее устав. При министерстве внутренних дел 31 августа 1921 г. был создан департамент народного просвещения. 2 ноября 1921 г. в Урге первая начальная школа приняла детей трудящихся для обучения и воспитания. Начиная с 1922 г. в городах, центрах аймаков, крупных населенных пунктах и хошунах стали открываться начальные школы. В 1923 г. в Урге появилась первая средняя школа. В 1924 г. в республике уже действовало 13 школ.

Принятая I Великим Народным Хуралом новая Конституция обеспечила всем трудящимся право на бесплатное образование, свободу вероисповедания, предоставила равные права гражданам страны независимо от их национальной принадлежности и пола, зафиксировала отделение церкви от государства. Это сыграло решающую роль в развитии народного образования в Монголии.

Создание в феврале 1924 г. министерства народного просвещения на базе бывшего департамента народного просвещения при министерстве внутренних дел способствовало значительно улучшению руководства народным образованием. Создание в городе и на селе народных школ и расширение их сети, улучшение учебно-воспитательной работы стало важнейшей задачей министерства просвещения.

В первые годы после революции находившиеся под влиянием ламаистской религии широкие народные массы не сразу сумели понять значение народных школ. Влияние церкви на духовную жизнь народа было столь велико, что нередко родители не хотели отпускать своих детей в школу и дело доходило до принудительной вербовки. Развитие народных школ осложнялось и тем, что в условиях кочевого образа жизни аратов-скотоводов и обширности территории страны требовались специальные школы-интернаты, для строительства которых государство не располагало необходимыми средствами.

Большую помощь в создании новой школы оказали организация в 1925 г. семинаров по повышению квалификации учителей, разработка учебных планов и программ общеобразовательной школы.

Благодаря неустанным заботам партии и правительства за сравнительно короткий срок значительно увеличилось количество общеобразовательных школ. В 1934 г. в стране насчитывалось 59 начальных и 5 неполных средних школ, в которых обучалось 3725 детей.

В 1933—1934 гг. был принят первый школьный устав, рассмотрены учебные планы и программы, изданы буквари для начальных школ, книги для чтения, учебники по арифметике, географии и другие учебные пособия.

Таким образом были заложены основы системы народного просвещения в республике. Однако пагубное влияние ламаизма на духовную жизнь страны еще сохранялось. По данным 1935 г., в школах обучалось примерно 2,7% всех детей в возрасте 8—17 лет.

В связи с этим вопрос о развитии национальной культуры и народного образования специально обсуждался на IX съезде МНРП и на VII Великом Народном Хурале, которые приняли развернутую программу по всем проблемам развития культуры и просвещения. Одно из первых мест в этой программе принадлежало развитию школьного дела и ликвидации неграмотности. Период 1934—1940 гг. прошел под знаком борьбы за осуществление задач, указанных съездом МНРП и Великим Народным Хуралом. Постепенно араты начали все более глубоко осознавать реакционную сущность ламаистской религии, отходить от нее, стали понимать важность обучения и воспитания своих детей в государственных школах. Дальнейшему развитию школьного строительства в стране во многом содействовало активное участие широких масс трудящихся аратов в создании так называемых добровольных народных школ. В 1934 г. существовали только две такие школы, в которых обучалось 90 детей, в 1939 г. — уже более 100 школ на 4300 учащихся.

В результате создания новых государственных школ и преобразования добровольных народных школ в государственные к 1940 г. в стране насчитывалось 319 начальных школ, значительно возросло количество учащихся и в средних школах. В 1940 г. в начальных и средних школах обучалось в общей сложности 23 838 учащихся, что составляло 20% детей школьного возраста. Таким образом, вследствие энергичных мер, принятых МНРП и Народным правительством, и активного содействия широких масс на демократическом этапе культурной революции были достигнуты значительные успехи в развитии народного образования, в создании и развитии системы народной школы.

Специальные средние учебные заведения. Народное государство уделяло особое внимание созданию спе-

циальных средних учебных заведений, подготовке кадров, необходимых народному хозяйству МНР.

Обеспечение школ преподавательскими кадрами являлось одной из важнейших и неотложных задач народного образования. В 1922/23 учебном году были организованы курсы по подготовке и переподготовке учителей, преобразованные в 1924 г. в Высшее народное училище; в 1928 г. на его базе возникло педагогическое училище, сыгравшее большую роль в развитии народного образования и культуры страны.

В 1925 г. открылось финансовое училище, преобразованное в 1929 г. в финансовый техникум. В том же, 1925 г. были созданы курсы для подготовки партийных, таможенных и кооперативных кадров, на которых обучалось 469 человек. В 1926 г. открылись школы и курсы, готовившие ветеринарных фельдшеров, связистов и медицинских сестер. На этих краткосрочных курсах молодые люди получали различные специальности, необходимые для развития народного хозяйства МНР. В 30-е годы были созданы торговый, сельскохозяйственный, медицинский техникумы, техникум связи, а также художественно-артистическое училище.

С первых же лет народной власти большую помощь в подготовке образованных кадров для МНР оказывал Советский Союз. Группы монгольской молодежи были направлены в Московский коммунистический университет трудящихся Востока. Из года в год увеличивалось количество слушателей, обучавшихся в этом университете; в 1924—1944 гг. его закончили 229 человек. Для монгольских студентов были открыты подготовительные факультеты в 1924 г. при вузах Ленинграда, а в 1925 г. — при вузах Иркутска. В начале 30-х годов наряду с Иркутским университетом квалифицированные кадры для МНР стали выпускать средние учебные заведения Кяхты и других городов Советского Союза.

Создание в феврале 1930 г. рабфака в г. Улан-Удэ, дававшего монголам среднее образование для дальнейшей учебы в высших и средних специальных заведениях Советского Союза, послужило важным стимулом в развертывании культурного строительства в МНР. В десятилетний период более 400 человек закончили монгольский рабфак.

С каждым годом все больше молодежи выезжало на учебу в специальные заведения Советского Союза. Если в 1921 г. в них обучалось не более 10 человек³⁰, то в 1926 г. — уже свыше 150, в 1937 г. — 314, в 1940 г. — 739 человек³¹. Выпускники этих учебных заведений стали первыми врачами, ветеринарами, преподавателями и др.

В 1940 г. в стране функционировало 7 специальных средних

³⁰ «Призыв», 28.VIII.1921.

³¹ Ц. Готов. Формирование монгольской народной интеллигенции. М., 1959, с. 77.

школ, в которых обучалось 1332 человека. В то время на каждые 10 тыс. человек приходилось 18 учащихся специальных средних учебных заведений.

Таким образом, наряду с перевоспитанием старой интеллигенции происходило формирование новой трудовой революционной интеллигенции, вооруженной революционной идеологией, научно-техническими знаниями, воспитанной в духе пролетарского интернационализма.

Наука. 19 ноября 1921 г. в Монголии была создана первая научная организация — Ученый комитет. Первым председателем Ученого комитета стал старейший деятель монгольской культуры Онхудын Жамьян (1864—1930).

В 1921 г. при Ученом комитете действовали кабинет языка и библиотека, в 1924 г. — кабинет истории и географии, а также краеведческий музей. Принятый народным правительством документ под названием «Производственное бюро Ученого комитета», разъясняя роль современной науки, определил цели и задачи Ученого комитета, обозначил перспективные направления развития различных отраслей науки.

Ученый комитет с первых же дней своего существования, несмотря на весьма скромные средства, слабую материальную базу и недостаток специалистов, начал большую работу по сбору архивных документов, обнаружению памятников истории и культуры, редких ценных книг, по пропаганде среди населения естественнонаучных знаний, приступил к изданию переведенных на монгольский язык произведений общественно-политической литературы. Важную роль в развитии современной науки в МНР сыграло сотрудничество с Советским Союзом, который оказывал бескорыстную помощь в подготовке национальных кадров, в укреплении материальной базы научных учреждений, в организации экспедиций по изучению природных ресурсов МНР. В развитии основных отраслей науки в Монголии особое значение имело первое соглашение о научном сотрудничестве, подписанное в октябре 1929 г. АН СССР и Ученым комитетом МНР.

На территории МНР в 20-х годах начала свою работу совместная научно-исследовательская группа монгольских и советских ученых. В дальнейшем комплексное изучение советскими учеными Монгольской Народной Республики сосредоточилось в Монгольской комиссии АН СССР. Особенно заметный вклад внесла Монгольская комиссия в изучение экономики, географии, природных богатств МНР, монгольского языка, истории, культурного наследия. Известные советские ученые П. К. Козлов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, В. А. Обручев, В. Л. Комаров были избраны почетными иностранными членами Комитета наук МНР. Это свидетельствовало о прочных контактах, установившихся между монгольскими и советскими учеными.

В 1930 г. Ученый комитет был расширен и преобразован в Комитет наук. В 1937 г. при нем был создан кабинет земледелия, занимавшийся вопросами сельского хозяйства, а в 1938 г. — геологический кабинет. Укрепление научной организации Монголии позволило развернуть исследования фундаментального характера. Особенно заметные успехи были достигнуты в области изучения монгольского языка и истории.

Наряду с выпуском в свет работ отдельных монгольских филологов — О. Жамьяна, С. Шагжа, Ч. Бат-Очира, Ш. Лувсандана — были опубликованы труды под общим названием «Хэл бичиг сайжруулах бодлогын угуулэл» («За улучшение монгольского языка»), а также русско-монгольский словарь, учебные пособия по монгольскому языку для начальных и средних школ. Одновременно литературоведы занимались собиранием и обработкой произведений фольклора. Монгольские историки собрали значительное количество исторических документов, издали летопись «Алтан тобчи» Лувсанданзана. Были осуществлены переводы с маньчжурского и китайского языков произведений, имеющих непосредственное отношение к истории Монголии, изданы путевые заметки Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, Марко Поло. В то же время появились первые исторические труды монгольских авторов: Ч. Бат-Очира (1873—1935), Л. Магсаржава, А. Амара, Л. Дэндэва, Б. Буянчулгана и др. К наиболее крупным историческим произведениям того времени относится «Краткая история Монгольской народной революции», написанная Х. Чойбалсаном, Д. Лосолом, Д. Дэмидом. В этих трудах предпринималась попытка объяснить развитие исторического процесса в Монголии с позиций исторического материализма. Эти произведения нацеливали на воспитание трудящихся в духе идей революции, закладывали основу для создания новой марксистской историографии.

Географы МНР своей работой оказали неоценимую помощь при проведении нового районирования в 30-х годах. Кабинет географии выпустил большое количество карт (географический атлас МНР, физическая и территориально-административная карты и т. д.).

Монгольскими геологами была начата работа по составлению геологической карты, благодаря чему промышленные предприятия страны получили в свое распоряжение сведения об источниках сырья и топлива.

Специалисты по животноводству изучали опыт разведения скота аратскими хозяйствами и породность скота, в дальнейшем они приступили к экспериментам по улучшению породы и повышению продуктивности монгольского скота. Кабинет земледелия провел исследования почв и пастбищных растений, составил карту растительного покрова страны.

Культурно-просветительная работа. Одной из первостепенных задач культурного строительства в МНР яв-

лялась культурно-просветительная работа, направленная на подъем общего культурного уровня народных масс, на коренное изменение сознания людей на основе революционной идеологии.

Придавая особое значение политической и культурно-просветительной работе среди аратов, с первых же дней победы народной революции МНРП приступила к созданию культурно-просветительных учреждений: клубов, красных уголков, красных юрт и др.

В 1924 г. открылся клуб имени Д. Сухэ-Батора в г. Улан-Баторе, а в следующем, 1925 г. — клубы в аймаках Хан-Хэнтэй, Богд-хан, Цэцэрлэг-Мандал, Хан-тайшир, Чандамань-ул. С 1926 г. в некоторых хошунах, населенных пунктах, при первичных партийных ячейках и партийных комитетах стали создаваться красные уголки. В 1927 г. в стране функционировало почти 20 клубов и 100 красных уголков, в работе которых принимали участие более 1000 человек. Клубы, красные уголки и другие культурно-просветительные учреждения проводили важную работу, связанную с разъяснением трудящимся массам политики партии и правительства, пропагандой законов, постановлений и решений народной власти, обучением грамотности взрослого населения, активизацией художественной самодеятельности. Ввиду того что подавляющая часть аратства, занятая в животноводстве, вела кочевой образ жизни, необходимо было найти наиболее приемлемые формы культурно-просветительной работы. Организация в худоне передвижных красных уголков наилучшим образом отвечала условиям кочевого образа жизни населения страны.

В 1936 г. был создан первый Дворец культуры, получивший название Дворца культуры учителей. Постоянно увеличивалось число клубов; к 1940 г. их насчитывалось 14³². Все эти культурно-просветительные учреждения играли большую роль в освобождении аратов от религиозного дурмана, в повышении их политической сознательности и активности.

Особое место в повышении культурного уровня народа принадлежало созданию библиотек и читален для трудящихся. В 1921 г. при Ученом комитете открылась небольшая библиотека, на базе которой в дальнейшем была создана Государственная публичная библиотека МНР. Партия и правительство проявляли неустанную заботу об увеличении числа библиотек и читален, об улучшении их работы, о возможно более широком продвижении книг в сельскую местность, о снабжении скотоводов свежими журналами, газетами, агитационной литературой. Содержание и формы работы библиотек постоянно обогащались, из года в год увеличивался их книжный фонд и количество читателей. Если в 1921 г. услугами Государственной публичной библиотеки пользовались 129 человек, то в 1931 г. — 517, а в 1941 г. — свыше 1930 человек.

³² X съезд МНРП. У. Б., 1970.

Одновременно с учреждением Ученого комитета началась подготовительная работа по созданию музеев. Экспонаты для Государственного музея МНР, открытого в 1924 г., были собраны с помощью трудящихся, различных учреждений и организаций страны; в нем были выставлены для обозрения различные памятники многовековой истории и культуры Монголии, национальная одежда некоторых народностей, а также образцы полезных ископаемых страны. В 1932 г. был открыт музей революции, где посетители могли ознакомиться с экспонатами, рассказывающими об истории народной революции, с произведениями искусства, природными богатствами страны, достижениями народа в строительстве новой жизни. В 1937 г. музей посетили 34 тыс. человек, в 1940 г. — 70 тыс.

Важную роль в воспитании трудящихся в революционном духе сыграло киноискусство. С середины 20-х годов в городах Улан-Батор, Алтан-Булак стали демонстрироваться советские кинофильмы, которые знакомили трудящихся Монголии с достижениями молодого Советского государства, что способствовало их самообразованию, оказывало большое влияние на формирование духовного облика тружеников МНР.

С 1928 г. с помощью Советского Союза началась подготовка национальных кадров по киноискусству. В 1929 г. были созданы временные специальные курсы по подготовке киномехаников. Постепенно киноискусство становилось достоянием широких народных масс; в 1934 г. действовало 13 передвижных киноустановок, в 1939 г. — 19 передвижных и стационарных звуковых киноустановок и 18 передвижных немых киноустановок. В 1934 г. в Улан-Баторе открылся кинотеатр «Ард» («Народ»).

В марте 1931 г. правительство МНР приняло решение о сотрудничестве с СССР в области радиовещания и развернуло подготовительную работу для создания и развития радиовещания в стране. В 1931 г. в Улан-Баторе при техническом содействии Советского Союза был построен первый радиоузел.

В развитии монгольского радиовещания особое значение имел заключенный между правительствами МНР и СССР 9 ноября 1933 г. Договор о развитии радиосети в Монголии. В соответствии с ним Советский Союз приступил к подготовке национальных кадров для МНР в области радиовещания, строительству радиостанции в столице, а также в 13 аймачных центрах и других населенных пунктах. В результате количество радиоузлов на промышленных предприятиях, в учреждениях, а также радиоточек в жилых домах превысило 1100.

1 сентября 1934 г. в торжественной обстановке состоялось открытие постоянного радиовещания. С первых дней своего существования монгольское радио стало важным средством пропаганды достижений народа, революционного преобразования общества. Монгольское радио сыграло важную роль в выполнении задач демократического этапа культурной революции, в

развертывании и проведении среди трудящихся массовой политико-воспитательной работы.

Радио активно помогало в реализации задач строительства нового общества, в освобождении народа от религиозного дурмана, в приобщении его к передовой культуре, активно способствовало росту политической сознательности и активности трудящихся.

После победы революции в стране быстрыми темпами начало развиваться полиграфическое дело, стали издаваться газеты и журналы. Вместо газеты «Монголын унэн», выпускавшейся еще до революции, в 1921 г. стал выходить орган ЦК МНРП и Народного правительства газета «Уриа» («Призыв») (1921—1923), а несколько позже — «Ардын эрх» («Народное право») (1924—1925), переименованная в 1925 г. в «Унэн» («Правда»). С 1930 г. издается орган Народного правительства «Ардын ундэсний эрх» («Национальное право народа»). Специально для военнослужащих с 1924 г. Политуправление армии выпускает газету «Ардын цэрэг» («Народный воин»), с сентября 1930 г. до настоящего времени издается армейская газета «Улаан од» («Красная звезда»).

С 1930 г. начала выходить газета «Залуучуудын унэн» («Молодежная правда») — орган ЦК Ревсомола, с 1940 г. — «Пионерын унэн» («Пионерская правда»).

Монгольская потребительская кооперация с 1924 г. выпускает газету «Кооперация взаимопомощи», профсоюзы с 1930 г. — свой периодический орган — газету «Рабочий путь», впоследствии переименованную в «Хүдүлмүр» («Труд») (1947).

В первые же годы после победы революции стали издаваться и журналы. Первенцами революционной журналистики были «Монгол ардын нам» («Монгольская народная партия») — орган ЦК МНРП, переименованный затем в «Социалистический путь», а с 1932 г. — в «Партийное строительство»; журнал «Манай зам» («Наш путь») — орган ЦК Ревсомола, издаваемый с 1922 г., в немалой степени способствовавший повышению уровня знаний и культуры молодежи, впоследствии переименованный в «Хувьсгалт залуучуудын эвлэл» («Союз революционной молодежи»). С начала 1929 г. стал выходить журнал «Залуугварди» («Молодая гвардия»), а несколько ранее — с 1926 г. — журнал «Залгамжлагч» («Смена») для подрастающего поколения, который с 1940 г. называется «Пионер». Организация монгольских женщин с 1925 г. имеет журнал «Голос женщин», который с 1936 г. переименован в «Журнал для женщин». С 1930 г. выходит журнал «Монголын улаан уйлдвэрчин» («Монгольские красные профсоюзы»).

С целью ознакомления трудящихся масс с постановлениями партии и правительства с 1926 г. начал издаваться официальный правительственный журнал; с 20-х годов в целях внешнеполитической пропаганды и освещения достижений МНР в об-

ласти экономического и культурного строительства советско-монгольский деловой клуб стал выпускать журнал «Хозяйство Монголии» на русском языке, переименованный в 1930 г. в «Современную Монголию». С 1936 г. начали издаваться журнал «Шинэ толь» («Новый словарь») и «Ардын цэргийн бодлого» («Политика Народной армии»), дававший основы научных знаний воинам Народной армии.

В 1929 г. вышел первый общественно-политический и литературно-художественный журнал «Улаан туяа» («Красная заря»), в 1932 г. — «Хувьсгалын уран зохиол» («Революционная литература»), в 1934 г. — «Путь национальной культуры монгольского народа», а также «Соёлын тэмцэл» («Борьба за культуру»), впоследствии переименованный в «Журнал для учителей».

Газеты и журналы на революционно-демократическом этапе революции вели борьбу с ламаистской религией, феодальными пережитками, за укрепление достижений в области общественно-политической жизни и культуры, за вооружение трудящихся масс научными знаниями, против феодализма и империализма, последовательно выступали за некапиталистический путь развития, разоблачали заговоры и подрывную деятельность, направленную против народа.

Революционная печать МНР, следуя марксистско-ленинской идеологии, принципам партийности и народности, последовательно защищала генеральную линию МНРП от правых и «левых» уклонистов, от всяких других враждебных сил.

С 1925 г. на монгольском языке стали публиковаться труды основоположников марксизма-ленинизма и произведения мировой художественной литературы. В 1925 г. были изданы на монгольском языке «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Задачи союзов молодежи» В. И. Ленина, в 1928 г. — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, в 1931 г. — «Социализм и религия», «Социализм и анархизм», в 1932 г. — «Государство и революция» В. И. Ленина и ряд других произведений.

Издание трудов основоположников марксизма-ленинизма, решений и постановлений МНРП и ее съездов, а также других работ сыграли решающую роль в идеологическом воспитании масс и активном усвоении трудящимися всепобеждающих идей марксизма-ленинизма, в преодолении пережитков прошлого в сознании людей.

Литература и искусство

Одним из важнейших достижений народной революции является создание и развитие новой литературы и искусства. Революционная литература и искусство впитали лучшие образцы

Д. Нацагдорж

устного народного творчества и прогрессивного литературного наследия монгольского народа. На них оказали плодотворное влияние прогрессивная мировая литература, и прежде всего советская литература и искусство социалистического реализма.

В процессе художественного освоения революционной действительности литература и искусство выработали творческий метод — революционный реализм. В МНР революционный реализм возник и развивался в специфических исторических условиях — перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм. Революционный реализм, важнейшими принципами которого являются партийность, народность и идейность, в перспективе перерастает в социалистический реализм.

Революционная литература возникла и развивалась еще в период революционных боев, в партизанских отрядах, сражавшихся за свободу и независимость монгольского народа. В 1921 г. в огне народной революции родились первые революционные песни — «Шивээ Хиагт», «Магнаг усэгтэй туг» («Знамя с шелковыми буквами») и др., которые звали народ на революционные подвиги.

Из гущи народа, добившегося свободы благодаря победе народной революции, вышли первые монгольские писатели — Д. Нацагдорж, С. Буяннэмэх, Ц. Дамдинсүрэн и др., заложившие основу современной монгольской литературы.

Произведения Д. Нацагдоржа положили начало новой революционной монгольской поэзии. Широкою известностью получили такие его стихотворения, как «Голубеет» (1923), «Пионерская песня» (1925), «От Улан-Батора до Берлина» (1926), «Едущий учиться в дальние края» (1927), «Октябрь» (1931), «Звезда» (1931), «Моя Родина» (1934) и др. В начале 20-х годов были широко распространены в народе песни «Гимн Третьего интернационала», «Песня революционной молодежи», «Красное солнце», написанные С. Буяннэмэхом. Большой популярностью пользовались также сказки и рассказы Ц. Дамдинсүрэна, написанные под влиянием устного народного творчества.

9 января 1929 г. по решению VII съезда МНРП была создана первая монгольская писательская организация — кружок революционных писателей, призванная объединить усилия молодых писателей в развитии новой революционной монгольской литературы.

Среди членов организации выделялась группа писателей во главе с Д. Нацагдоржем. Произведения основоположника современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа занимают особое место в истории современной монгольской литературы. Они отличаются высокой идейностью, глубокой народностью и художественным мастерством.

В 1929 г. был выпущен первый сборник рассказов и стихотворений под названием «Уран угсийн чуулган» («Собрание изящных слов»). Произведения, помещенные в сборнике, прославляли победу народной революции, рассказывали о борьбе за утверждение современного революционного мировоззрения, призывали к борьбе против иноземных захватчиков, разоблачали жестокость и коварство феодалов, критиковали недостатки в работе различных ведомств, проявление бюрократизма и т. п.

К концу 1920 г. появилось много повестей, рассказов, очерков, свидетельствовавших о дальнейших успехах в развитии подлинно народной реалистической литературы. К ним относятся повесть-воспоминание «Озеро Толбо» (1924) Ц. Дамбадоржа, «Отвергнутая девушка» (1929) Ц. Дамдинсүрэна, стихи в прозе «Шувуун Саарал» (1930), «Сын старого мира», «Слезы достопочтенного ламы», «Красавица степи» (1930), «Белый месяц и черные слезы» Д. Нацагдоржа, «Скотовод Товуудай», «Писзабываемая встреча» С. Буяннэмэха, «Три девушки» (1935) М. Ядамсүрэна, маленькие повести «Чабан Найдан» (1935), «Болд и Самбуу» (1935), «Ученик Ганбат» (1940) Д. Цэвэгмида.

Поэмы Д. Нацагдоржа «Моя Родина» и Ц. Дамдинсүрэна «Седая мать», «Прогулка» — настоящие жемчужины современ-

ной монгольской поэзии, достигшей небывалых вершин в своем развитии.

С 20-х годов начинает развиваться драматургия, получившая в 30-х годах самое широкое признание. На сценах театров, клубов в основном ставились произведения Д. Нацагдоржа, С. Буяннэмэха, Ш. Аюши, Д. Намдага. Среди них следует особо отметить пьесы Д. Нацагдоржа «Среди трех печальных холмов», С. Буяннэмэха «Правда», «Обладатель священного знака соёмбы — бесстрашный Сухэ-Батор», «Власть тьмы», Ш. Аюши «Ровно 18», «Батрак Дамдин и госпожа Долгор» и др.

В становлении монгольской литературы важную роль сыграла переводная литература. В 1925 г. в письме, адресованном монгольской интеллигенции, великий пролетарский писатель М. Горький советовал «переводить именно те европейские книги, в которых наиболее ярко выражен принцип активности, напряжения мысли, стремящейся к деятельной свободе, а не к свободе бездействия»³³.

В 30-х годах на монгольский язык были переведены произведения русских классиков: «Капитанская дочка», «Выстрел», «Метель», «Сказка о золотой рыбке», «Песнь о вешем Олеге» А. С. Пушкина, «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, «Как один мужик двух генералов прокормил» М. Салтыкова-Щедрина, «Размышления у парадного подъезда» Н. А. Некрасова, «Завещание» Т. Г. Шевченко, «Кот и повар» И. А. Крылова. Из произведений советских писателей были изданы на монгольском языке «Мои университеты», «Мать» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Рассказы» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова. Кроме того, были опубликованы такие произведения мировой литературы, как «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна, стихи Анри Барбюса, рассказы Мопассана, «Любовь к жизни» Джека Лондона, «Золотой жук» Эдгара По, «Путешествие Гулливера» Д. Свифта, «Жан Кристоф» Ромена Роллана, «Декамерон» Дж. Боккаччо, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Сказки о золотом петухе» Альфонса Доде, «Проделки Скапена» Ж. Мольера и др. Так монгольские читатели получили возможность познакомиться с наиболее известными произведениями зарубежной литературы.

Перевод литературных произведений на монгольский язык оказал большое влияние на повышение профессионального мастерства писателей, способствовал обогащению монгольской литературы новыми изобразительными средствами.

После победы народной революции МНРП приняла важные меры по развитию театрального искусства. В феврале 1922 г. при ЦК МРСМ был создан драматический кружок в составе 26 человек, заложивший основу революционного монгольского

³³ Книга братства. М., 1971, с. 167.

театра. Члены драматического кружка проводили репетиции и ставили спектакли в клубе «Народный дом», созданном в июле 1921 г.

Первой пьесой, которую поставили кружковцы, была «Сандо амбан» («Сановник Сандо») С. Буяннэмэха. Премьера спектакля состоялась на сцене Народного дома 28 марта 1922 г. В нем рассказывалось о борьбе монгольского народа против маньчжурского наместника Сандо, олицетворявшего гнет и жестокую эксплуатацию монгольского народа маньчжурскими феодалами, о победе народной революции, о том, как монгольский народ смог избавить свою страну от иностранных захватчиков. Пьеса отличалась политической злободневностью и доходчивостью.

В октябре 1924 г. был создан клуб имени Сухэ-Батора, ставший в первые годы народной власти центром художественной самодеятельности. На сцене этого клуба начинали свой творческий путь такие драматурги, как О. Дашдэлэг, Л. Дамдинбазар, Ч. Лувсансодном, Д. Ишдулам. В клубе успешно шли спектакли нового революционного содержания: «Князь Сумьяа», «Уша-андар» и др., в которых высмеивались ламы, разоблачались феодалы.

В истории монгольского национального театра большую роль сыграл открытый в 1926 г. Народный дворец культуры (Ардын цэнгэлдэх хурээлэн), при котором были организованы драматический и музыкальный классы с постоянным составом самодеятельных артистов. 17 сентября 1930 г. впервые начала работу студия в составе около 30 человек, готовившая под руководством советского специалиста, режиссера А. А. Ефремова, профессиональных артистов.

12 ноября 1931 г. был открыт монгольский Государственный народный театр, первыми артистами которого стали выпускники театральной студии. Государственный народный театр начал свой творческий путь постановкой спектакля «Правда» С. Буяннэмэха. Тема спектакля — история революционной борьбы монгольского народа, добившегося свободы под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

Молодой монгольский театр успешно выступил в 1933 г. в Москве на Международной олимпиаде революционных театров. В советском журнале «Театр, драматургия» по этому поводу говорилось: «В первых рядах творцов самодеятельного искусства стоит монгольский народный театр, в чьей постановке „Темная власть“ проходит перед нами бывшая Монголия — вотчина феодалов, китайских чиновников и буддийских монастырей. Были причудливы ткани в обители феодалов, была мрачна нищета своей юрта бедняка; была грозна степь, в которой находит смерть от руки палача бедняк, полюбивший рабыню Цэцэг, бедняк, который восстал и должен умереть. В четкой и скупой манере игры, едином и законченном стиле оформления — боль-

шая победа рожденного народной революцией монгольского театра»³⁴.

В номере от 2 июня 1933 г. французская газета «Юманите» писала: «Мы видели на олимпиаде первый монгольский театр, в живописных и потрясающих образах выразивший протест народных масс против консервативных традиций»³⁵.

Воодушевленные поездкой в Москву, артисты театра с удвоенной энергией взялись за совершенствование своего мастерства. Свидетельством творческого роста монгольских артистов и писателей явилась постановка на сцене таких интересных произведений, как «Среди трех печальных холмов» Д. Нацагдоржа, «Батрак Дамдин и госпожа Долгор» Ш. Аюши, «Партизан Батхуу» А. Санжида, «Комиссар Цэнд» Лувсандагвы, «Приемная Сувда» Л. Намсрая. Эти пьесы призывали народ к активной борьбе против старого общества, отсталого, жестокого, в котором не было равноправия, к глубокому пониманию революционных событий, укреплению и защите революционных завоеваний и новой, свободной жизни.

Наряду с национальными пьесами на сцене театра ставились произведения советских драматургов и мировой классики. Одной из первых пьес советских драматургов, появившихся на сцене Государственного театра (1938), был «Бронепоезд 14-69» В. С. Иванова. Кроме того, в репертуар театра были включены такие произведения западноевропейских драматургов, как «Ове-чий источник» Лопе де Вега, «Слуга двух господ» Карло Гольдони, «Проделки Скапена» Ж. Мольера.

Появлением песни «Шивээ Хиагт», основанной на богатых народных традициях, и первых революционных песен партизан было положено начало возникновению современной монгольской музыкальной культуры. В этих песнях воспевался героический подвиг монгольского народа, который благодаря народной революции обрел счастье и свободу. Для них был характерен радостно приподнятый тон. Один из основателей современной монгольской музыкальной культуры, прославленный народный певец, партизан М. Дугаржав (1893—1946), сочинил множество песен: «Красное знамя», «Молодой караванщик», «Богатая Монголия», «Мальчик-пастух», «Красавица» и др., которые до сих пор поет и любит монгольский народ. В истории монгольской революционной песни наибольшую известность получила «Песня о первом съезде партии», написанная группой музыкантов под руководством М. Дугаржава.

Музыкант и певец О. Лувсан-хуурч был не только хранителем народного песенного наследства, но и автором многих песен и мелодий. В годы революции он написал песни «Аэроплан», «Ангир шар». Выдающуюся роль в создании профессионального

³⁴ А. Ефремов. Творческий путь театра МНР. — «Современная Монголия». 1933, № 1, с. 58—59.

³⁵ Там же.

музыкального искусства сыграли Государственный театр, музыкальная студия и симфонический оркестр при нем, Клуб Народной армии.

Важнейшим событием в культурной жизни страны явилось развитие в 30-х годах нового вида искусства — кино. «Дебютом» монгольских кинематографистов стал художественный фильм «Сын Монголии». Он был создан в 1936 г. на монгольском и русском языках при участии советских кинематографистов, режиссеров и операторов. Главную роль в фильме сыграл заслуженный артист МНР Чимидийн Цэвээн. Он создал правдивый образ монгола, смелого, мужественного, выносливого и ловкого. В конце 30-х годов был создан ряд документальных и художественных короткометражных фильмов, среди них «Научная медицина», «Новый и старый Улан-Батор», «Кустарная промышленность», «Путь Норжмы», «Волчья стая» по произведениям Д. Нацагдоржа и Д. Намдага.

Революционные плакаты, появившиеся в первые годы революции, возвестили о рождении совершенно нового вида изобразительного искусства в Монголии. После победы народной революции монгольское изобразительное искусство, освободившись от жестких канонических предписаний и приемов буддизма, религиозной идеологии, обратилось к изображению революционных событий и реальной действительности, сделало решительный поворот к жизни.

Основоположителем революционного реалистического изобразительного искусства Монголии является Б. (Марзан) Шарав (1869—1939). Он начал свой творческий путь еще во времена правления богдо-гэгэна. В годы народной революции он создал прекрасные произведения на революционные сюжеты, ознаменовавшие новые явления в истории монгольской национальной живописи.

Его произведения революционного периода характеризуют высокая революционная идейность, реалистический показ жизни в сочетании с выразительностью и доступностью исполнения. Картины художника отличаются самобытностью и оригинальностью. Из его лучших работ следует особо отметить необычайно выразительный портрет В. И. Ленина, который он назвал «Непобедимое ленинское учение», портрет Сухэ-Батора, революционные плакаты, изображавшие боевое содружество монгольских и советских воинов.

Наряду с Б. Шаравом многое сделали для развития современного монгольского изобразительного искусства Д. Манибадар (1889—1963) и другие народные художники, работавшие в стиле «Монгол зураг». Д. Манибадар был талантливым художником, большим знатоком богатых традиций народного искусства. Он с детства проявлял интерес к национальным орнаментам и собрал богатую коллекцию их образцов. В годы народной революции Д. Манибадар создал целую серию образ-

цов национального орнамента, которые ныне широко известны не только в Монголии, но и за ее пределами.

Заметную роль в развитии монгольского изобразительного искусства в начале 30-х годов стали играть самостоятельные кружки изобразительного искусства, организованные при педагогическом училище, Государственном народном театре, городской средней школе. В этих кружках прошли школу реалистического изобразительного искусства будущие мастера кисти новой Монголии, такие, как О. Цэвэгжав, Д. Чойдог (1917—1956), Л. Гаваа.

Новым видом изобразительного искусства, получившим развитие под руководством советских художников, стало создание театральных декораций. Так, художником Л. Гаваа были написаны декорации к спектаклям «Овечий источник», «Волчья стая», «Слуга двух господ».

Достойное место среди жанров изобразительного искусства заняло декоративно-прикладное искусство, которое становилось богаче по содержанию и по форме, вносило заметный вклад в формирование художественного, эстетического вкуса трудящихся.

Продолжая лучшие традиции народного искусства, творчески осваивая опыт мирового прогрессивного изобразительного искусства, монгольские художники добились к 1940 г. первых успехов на пути создания произведений в духе социалистического реализма.

Эти произведения свидетельствовали о кровной связи молодых художников с жизнью народа, об их умении правдиво показывать новые явления и преобразования в жизни страны.

Здравоохранение и спорт

В создании научной медицины и развитии народного здравоохранения народной власти пришлось столкнуться с особыми трудностями. После победы революции в стране не было ни одного медицинского учреждения, ни одного квалифицированного врача. МНР не имела никакого опыта в области здравоохранения, не располагала достаточными денежными средствами для создания лечебных учреждений. Большим влиянием среди населения пользовались знахари и ламы-лекари, оказывавшие сопротивление развитию научной медицины.

В таких условиях 25 марта 1921 г. ЦК МНРП принял решение «О создании при военном ведомстве комитета по лечению больных»³⁶, который стал оказывать населению бесплатную медицинскую помощь. Так было положено начало созданию учреждений научной медицины.

³⁶ Письма и документы (записи) Д. Сухэ-Батора. У. Б., 1952, с. 91—92.

В 1925 г. в Улан-Баторе стало функционировать современное медицинское учреждение, где проводились медицинский осмотр и лечение больных. Здесь работали квалифицированные советские врачи. Это учреждение впоследствии было преобразовано в Центральную объединенную больницу.

За годы народной власти вырос престиж научной медицины, окрепло народное здравоохранение, сложились благоприятные предпосылки для его дальнейшего развития, для подготовки национальных медицинских кадров. Трудящиеся все чаще стали прибегать к услугам научной медицины. В 1930 г. ведомство здравоохранения при министерстве внутренних дел было расширено и переименовано в министерство народного здравоохранения. В стране расширялась сеть современных медицинских учреждений, увеличивались государственные ассигнования на нужды здравоохранения. К 1940 г. в системе народного здравоохранения функционировали 20 больниц, 117 медицинских и фельдшерских пунктов, тогда как в 1925 г. в республике имела только одна больница.

Наряду с оказанием медицинской помощи трудящимся в стране проводилась работа по внедрению в жизнь санитарии и гигиены, по развертыванию бактериологических исследований. В январе 1929 г. в Улан-Баторе было создано бактериологическое отделение, а в 1931 г. — противочумная станция, заложившие базу развития бактериологической службы в стране. В 1933 г. были утверждены правила санитарной гигиены и создано Главное управление санитарно-гигиенической службы. Санитарные и бактериологические учреждения были включены в систему здравоохранения. Кроме того, стала налаживаться работа по охране материнства и младенчества. При этом большое внимание уделялось оздоровительным и профилактическим мероприятиям, обучению матери необходимым навыкам по уходу за ребенком, широкому внедрению культуры в быт.

Одним из важных достижений здравоохранения в республике явилось создание сети аптек, обеспечение трудящихся медикаментами и медицинскими инструментами.

В МНР с самого начала уделялось большое внимание развитию как национальных, так и современных видов спорта.

В 20-х годах физкультура и спорт получили развитие в основном среди молодежи, в армии и школах. В 1934 г. IX съезд МНРП указал на необходимость массового вовлечения трудящихся в спортивное движение путем создания повсеместно в республике добровольных спортивных обществ.

В 1925 г. при министерстве народного здравоохранения был создан Совет по развитию физкультуры и спорта, что явилось важной вехой в истории физкультурного движения в МНР. Благодаря большой работе, проделанной Советом, на промышленных предприятиях, в школах, в военных учреждениях возникли

спортивные кружки и секции, ставшие основой первичных добровольных спортивных организаций.

С 30-х годов молодежь более регулярно и систематически занималась физкультурой и спортом, что позволило провести первые спортивные соревнования. Одним из ярких проявлений возросшего интереса к спорту было строительство в Улан-Баторе стадиона по инициативе и при активном участии монгольской молодежи.

В стране получили развитие новые виды легкой атлетики, спортивные игры, зимние виды спорта, гимнастика, велоспорт, а с 1935 г. — парашютный спорт. 12 июля 1936 г. состоялся первый спортивный парад и выступления гимнастов, в которых приняли участие более 1000 спортсменов из пяти организаций. 23 июля 1936 г. были проведены первые общереспубликанские спортивные соревнования.

В заключение необходимо отметить, что вследствие специфических особенностей развития Монголии на первом этапе культурной революции в МНР задача преобразования духовной жизни общества решалась на революционно-демократической основе.

На этом этапе в ходе борьбы за уничтожение господства религиозного мировоззрения и религиозной культуры важное значение имело использование прогрессивных элементов дореволюционного культурного наследия монгольского народа. На этой основе формировались новая культура Монголии, ее литература и совершенно новое искусство. Ю. Цеденбал, касаясь этого вопроса, писал: «К концу первого этапа революции в МНР укрепилось новое искусство, национальное по форме, революционное по содержанию... Главным результатом проведения революционно-демократических преобразований под руководством МНРП... является создание предпосылок перехода к социалистическому этапу революции в области культуры, идеологии»³⁷.

На первом этапе культурной революции сформировалась революционно-демократическая культура: революционная потому, что это была культура всего трудового народа, который с помощью победившего пролетариата СССР по-революционному преобразовал общественный строй страны; демократическая потому, что в области культуры ставилась в первую очередь задача борьбы против феодальной, религиозной культуры.

На первом этапе культурной революции в МНР наряду с первоочередными задачами преобразования духовной жизни народа на революционно-демократической основе в некоторой степени решались и социалистические задачи культурного строительства. Развернув решительную борьбу против влияния буржуазной идеологии и ее проявлений, МНРП последовательно претворяла в жизнь задачу утверждения в сознании трудящих-

³⁷ Ю. Цеденбал. Доклады, статьи и речи. Т. 5. У. Б., 1976, с. 749.

ся марксистско-ленинского мировоззрения. Формирование рабочего класса имело решающее значение в дальнейшем развитии культурной революции. Следовательно, главный результат первого этапа культурной революции в МНР заключается в уничтожении господства феодально-религиозной идеологии, освобождении трудящихся от ее реакционного влияния, формировании революционного мировоззрения и развитии новой революционно-демократической культуры. Таким образом, опыт МНР показывает, что решение задачи строительства социалистической культуры в таких отсталых странах, какой была до-революционная Монголия, непосредственно зависит от успешного осуществления прежде всего демократических преобразований в духовной жизни общества.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ (1940—1960)

Глава I

МНР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1940—1945)

Борьба за претворение в жизнь решений X съезда МНРП и VIII Великого Народного Хурала

С 40-х годов развернулся новый, социалистический этап развития МНР. Монгольский народ начал борьбу за претворение в жизнь исторических решений X съезда МНРП и VIII Великого Народного Хурала по строительству основ социализма.

Это было время, когда в результате поддержки и поощрения Гитлера реакционными кругами Запада начавшаяся в сентябре 1939 г. вторая мировая война приняла еще больший размах. К 1940 г. фашистской Германией были захвачены Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция и подчинены Финляндия, Румыния и Болгария. В апреле 1941 г. Германия захватила Югославию и Грецию. Правящие круги Англии, Франции и других западных стран продолжали проводить политику поощрения гитлеровской Германии, с тем чтобы она напала на Советский Союз. На Дальнем Востоке активизировались японские милитаристы, одной из целей которых было нападение на Советский Союз и МНР.

Вместе с расширением фашистской агрессии росла и борьба прогрессивного человечества против войны. Развертывание национально-освободительного движения народов Европы и Азии под руководством коммунистов и демократических прогрессивных сил внесло изменение в характер начавшейся новой мировой войны: она стала приобретать освободительный, антифашистский характер.

Советский Союз, прилагая огромные усилия по объединению народов для борьбы против войны и фашизма, осуществил действенные меры по укреплению обороны своей страны. В 1939 г.

были освобождены Западная Украина и Западная Белоруссия, а Литва, Латвия и Эстония, где в 1940 г. победила социалистическая революция, по воле их народов были приняты в состав СССР.

На Дальнем Востоке Советский Союз также предпринял необходимые шаги по защите мира и пресечению опасности агрессии со стороны Японии. В 1940 г. состоялись советско-монгольско-японские переговоры, на которых было решено восстановить восточную границу Монголии 1936 г. 13 апреля 1941 г. между Советским Союзом и Японией был заключен пакт о нейтралитете и подписана Декларация. В Декларации Япония брала на себя обязательство уважать территориальную целостность МНР и неприкосновенность ее границ.

Эту Декларацию МНР восприняла как важный документ, имеющий большое значение для отведения опасности войны и обеспечения монгольскому народу условий для мирного труда.

МНР, наряду с укреплением братской дружбы с СССР и всесторонней поддержкой справедливой борьбы Советского Союза против войны и фашизма уделяла большое внимание пресечению попыток втянуть страну в войну и укреплению ее обороноспособности. Главное внимание народного государства концентрировалось на выполнении исторических решений X съезда МНРП и VIII Великого Народного Хурала по строительству основ социализма.

Для успешного решения исторических задач нового, социалистического этапа развития страны, заключавшихся во всестороннем развитии производительных сил и проведении социалистических преобразований, направленных на полное обеспечение некапиталистического пути развития, МНРП было необходимо всемерное укрепление своих рядов, активизация партийной работы и повышение руководящей роли ее. В 1941—1942 гг. по указанию ЦК МНРП был проведен обмен партийных билетов, который способствовал улучшению состава партийных рядов. Была реорганизована система партийного просвещения, усилилась работа по агитации и пропаганде. ЦК МНРП и Народное правительство приняли меры, направленные на улучшение организаторской деятельности партийных и государственных органов, повышение государственной и трудовой дисциплины. В июне 1940 г. Президиум Малого Хурала ввел восьмичасовой рабочий день вместо шестичасового.

С целью защиты интересов национальных меньшинств и обеспечения национального равноправия был организован аймак, состоящий из казахских и урянхайских сомонов.

В феврале 1941 г. на 24-й сессии Малого Хурала был утвержден новый Закон о труде, отражавший идеи и положения Конституции МНР 1940 г. В этом законе получили дальнейшее развитие также положения Закона о труде 1934 г., как порядок

приема на работу и увольнения рабочих, продолжительность рабочего времени, заработная плата, охрана труда, права и обязанности рабочих и т. д. В него были включены новые положения, касающиеся вопросов трудовой дисциплины и повышения производительности труда. Новый Закон о труде явился важным юридическим актом, отражавшим основные интересы вновь сформировавшегося молодого монгольского рабочего класса, сыгравшим важную роль в воплощении в жизнь основного принципа социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду» и формировании у рабочего класса социалистического отношения к труду.

Согласно новому Закону о труде в 1941—1942 гг. были введены единые трудовые книжки для всех рабочих и служащих, что способствовало наведению порядка на предприятиях и в учреждениях в области учета рабочих и служащих, их найма и увольнения. Были проведены некоторые мероприятия, направленные на повышение жизненного уровня народа, в частности повышена заработная плата рабочих и служащих, улучшены их жилищные условия и т. д.

Развитие социалистического уклада в экономике и коренные социально-экономические перемены, происшедшие в жизни страны, создали необходимые условия для планирования народного хозяйства и культуры. Исходя из этого, Пленум ЦК МНРП, состоявшийся в декабре 1940 г., принял решение: начиная с 1941 г. осуществлять руководство народным хозяйством на основе годовых планов и утвердил план развития народного хозяйства и культуры на 1941 г. Этот план был встречен с огромным энтузиазмом. Народнохозяйственный план обсуждался в аймачных и городских комитетах МНРП, на собраниях аратов, рабочих и служащих. Являясь, по существу, первым планом в истории страны, он подготовил условия для дальнейшего перехода к управлению народным хозяйством на основе перспективного планирования.

В связи с переходом к планированию развития народного хозяйства и культуры в мае 1941 г. при Совете Министров МНР было создано Государственное управление по планированию, учету и контролю.

Партия и правительство МНР уделяли особое внимание развитию животноводства. При этом, как и прежде, поддерживалась частнохозяйственная инициатива аратских хозяйств по увеличению поголовья скота. Здесь неукоснительно соблюдался принцип дифференцированного подхода к различным слоям аратства: поддержка бедняцких и середняцких хозяйств, ограничение зажиточных. Эти принципы нашли свое яркое отражение в Законах о налоге 1940 и 1941 гг.

По этим законам освобождались от обложения налогами или получали значительные льготы госхозы и АПО, а также маломощные аратские хозяйства, а для хозяйств эксплуататор-

ского типа и хозяйств бывших феодалов и высших лам устанавливались повышенные ставки. Не подлежали обложению налогом доходы аратских хозяйств от земледелия, сенокосения и охотничьего промысла.

Усилия аратов все более направлялись на развитие сенокосения, строительство колодцев, борьбу с эпидемиями скота. Для оказания помощи аратским хозяйствам и объединениям в развитии сенокосения и земледелия в 1941 г. были созданы машинопрокатные пункты. Увеличивались государственные ассигнования на развитие сельского хозяйства.

Из-за недостаточного использования животноводческого сырья каждый год страна теряла миллионы тугриков возможного дохода. Неудовлетворительным было положение с заготовкой мяса, шерсти, кожи, мехов и другого сырья, составляющего основные статьи экспорта. Учитывая это, с 1940 г. в заготовительную систему начали вноситься существенные изменения.

В 1940 г. был выдвинут лозунг «Шерсть — золото». Во все аймаки и сомоны был разослан план заготовок шерсти, контроль за выполнением которого стал обязанностью всех партийных, государственных и общественных организаций. В январе 1941 г. был принят закон «Об обязательной поставке шерсти государству аратскими хозяйствами». С целью повышения материальной заинтересованности аратских хозяйств были увеличены заготовительные цены на различные виды шерсти в среднем на 40,6% и введен порядок отоваривания сданного государству скотоводческого сырья предметами широкого потребления. В результате этих мероприятий улучшились заготовка и сдача шерсти государству. В 1941 г. заготовка шерсти всех видов возросла по сравнению с 1940 г. более чем в 3 раза и достигла 26 тыс. т.

В целях лучшего использования молочных ресурсов с 1940 г. в стране началось строительство маслозаводов, что дало возможность сократить импорт масла.

Задачи развития народного хозяйства и культуры, а также укрепления обороноспособности страны требовали улучшения организации транспортного дела. В условиях преобладания гужевого транспорта важное значение приобретало широкое привлечение аратского гужевого транспорта к исполнению государственных нужд. Поэтому 14 февраля 1941 г. 24-я сессия Малого Хурала утвердила закон «Об обязательных перевозках государственных грузов гужевым транспортом».

Законы о налогах, заготовке шерсти, о перевозках, а также мероприятия по улучшению использования скотоводческого сырья способствовали мобилизации внутренних резервов аратских хозяйств, повышению товарности и продуктивности скотоводческого хозяйства, увеличению доходов государства и т. д.

Были проведены мероприятия по дальнейшему развитию государственной и кооперативной промышленности. Наряду с реконструкцией и расширением некоторых ранее действовавших предприятий в 1941 г. началось строительство Уланбаторского мясокомбината. В 1940 г. был создан трест пищевой промышленности, в ведении которого находились винно-водочные, хлебобулочные, мыловаренные заводы, свиноводческие хозяйства и птицефермы. В некоторых аймаках были построены пищевые комбинаты. Объем продукции предприятий пищевой промышленности увеличился в 1941 г. по сравнению с 1940 г. на 228%.

В июле 1940 г. было осуществлено расширение кустарно-промысловой кооперации, а ее Главное управление отделено от министерства промышленности.

Таким образом, в 1940—1941 гг. МНР в своем развитии добилась немалых успехов. К 1941 г. поголовье скота возросло до 27,5 млн. голов, доходы государственного бюджета достигли 176,8 млн. тугриков, т. е. увеличились почти в 2 раза против 1939 г. Но мирный труд монгольского народа по строительству основ социализма был нарушен нападением фашистской Германии на Советский Союз.

Позиция МНР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза и ее вклад в разгром фашистской Германии

С внезапным нападением 22 июня 1941 г. фашистской Германии на Советский Союз мировая война вышла за рамки капиталистической системы. Фашистский агрессор, опираясь на свою военно-экономическую мощь и силы покоренных им стран, ставил цель в кратчайшие сроки разгромить Советский Союз, закабалить его народ и ликвидировать социалистический строй на земле.

С вероломным нападением Гитлера на СССР началась Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии, длившаяся около четырех лет.

Советский народ вынужден был взяться за оружие, чтобы защитить свою независимость, сохранить великие завоевания социалистической революции.

Советские люди в этой войне ставили перед собой задачу оказать помощь всем народам Европы в избавлении их от фашистского рабства. Усилилась антифашистская и национально-освободительная борьба в оккупированных странах.

Весть о коварном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз вызвала гневное возмущение всего монгольского народа. 22 июня 1941 г. состоялось объединенное заседание

Президиума ЦК МНРП, Президиума Малого Хурала и Совета Министров МНР, на котором было четко определено отношение МНР к этой войне. В принятой на заседании декларации говорилось о том, что нападение на Советский Союз рассматривается монгольским народом равноценным нападению на МНР и что на этот вероломный акт фашистской Германии он ответит всемерным укреплением дружбы с советским народом, будет верен обязательствам, принятым по Протоколу о взаимной помощи, заключенному между МНР и СССР 12 марта 1936 г. В телеграмме 25 июня 1941 г. правительство МНР заверило Советское правительство в готовности монгольского народа вместе с советским народом встать на защиту великой социалистической державы — Советского Союза. Партия и правительство призвали весь народ крепить дружбу с великим советским народом, еще теснее сплотиться вокруг Монгольской народно-революционной партии и Народного правительства, неуклонно укреплять экономическую и оборонную мощь страны.

Монгольский народ с энтузиазмом воспринял этот призыв. По всей стране прокатилась волна митингов и собраний, на которых выражалось искреннее желание оказать помощь советскому народу и его Красной Армии. Во главе этого движения стоял молодой рабочий класс МНР. Рабочие Уланбаторского промкомбината и теплоэлектростанции взяли обязательства по перевыполнению плановых норм и мобилизации всех сил для помощи советскому народу.

ЦК МНРП и правительство МНР непосредственно руководили развернувшимся движением по сбору средств в фонд помощи и подарков советским бойцам. В сентябре 1941 г. при Совете Министров была создана Центральная комиссия по оказанию помощи Красной Армии. В каждом аймаке, городе и сомоне были созданы местные комиссии.

Движение по оказанию помощи Красной Армии приняло массовый характер. Весь народ принял участие в сборе средств в фонд помощи, в который вносились деньги, ценные и теплые вещи, пищевые продукты и т. п. На фабриках и заводах, в мастерских кустпромкооперации, в госхозах, в юртах аратов и в школах изготовлялись подарки. Было создано несколько сот мастерских по пошиву теплой одежды для бойцов Красной Армии и несколько десятков бригад по заготовке меха и мяса.

Помощь монгольского народа фронту носила различные формы, включая такие, как успешное выполнение плановых заданий, всемерное укрепление обороноспособности страны и посылка подарков фронту.

По всей стране развернулась работа под боевым интернационалистским лозунгом «Все для фронта, все для победы».

Первый эшелон подарков был отправлен в 1941 г., к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В этом эшелоне были отправлены полушубки, валенки, меховые

телогрейки и другие вещи для 15 тыс. солдат на общую сумму около 7 млн. тугриков.

Пленум ЦК МНРП, состоявшийся в ноябре 1941 г., указал, что самой главной и основной задачей МНР в данный момент является оказание всевозможной помощи борьбе советского народа против гитлеризма. В январе 1942 г. 25-я сессия Малого Хурала приняла решение о сборе средств на постройку танковой колонны «Революционная Монголия». И это решение нашло горячую поддержку у народа.

В феврале 1942 г., к 24-й годовщине Красной Армии, был отправлен на фронт второй эшелон подарков. В 37 вагонах были пищевые продукты и теплые вещи.

В марте 1942 г. объединенное заседание Президиума ЦК МНРП, Президиума Малого Хурала и Совета Министров МНР, заслушав отчет делегаций, сопровождавших на фронт подарки, призвало весь народ усилить помощь Красной Армии. Работа по сбору средств для помощи проводилась под лозунгом «В стране не должно быть ни одного человека, который не внес бы личный вклад в фонд помощи Красной Армии». Повсюду проводились митинги, рос фонд подарков Красной Армии. Только с 1 августа по 8 ноября 1942 г., за три с небольшим месяца, было собрано свыше 6 млн. тугриков, не считая вещей и личных подарков. 60-летний скотовод из сомона Манлай Южно-Гобийского аймака, передавая в качестве подарка Красной Армии 1000 тугриков сказал: «До глубины души я возмущен зверством гитлеровских головорезов на временно оккупированных территориях СССР. Это вызывает наш справедливый гнев, и мне трудно сдерживать себя. Даже сейчас я готов драться с фашистами насмерть».

Третий эшелон подарков Красной Армии, собранный на средства монгольского народа и состоявший из 236 вагонов, был отправлен к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Подарки были доставлены во время исторической победы Красной Армии в районе Сталинграда над окруженной мощной группировкой германских войск. Сопровождавшие подарки делегаты во главе с маршалом Х. Чойбалсаном побывали на Западном, Волховском, Калининском, Северо-Западном и Центральном фронтах, встречались с бойцами и командирами частей и соединений Красной Армии, вручали подарки и письма монгольского народа, награды МНР. Монгольской делегацией в январе 1943 г. была также передана Красной Армии танковая колонна «Революционная Монголия», построенная на средства трудящихся. Вернувшись из СССР, делегаты рассказывали монгольскому народу о героической борьбе советских воинов на фронте и самоотверженной работе советского народа в тылу для победы над фашистскими захватчиками, о незабываемых встречах с бойцами и командирами Красной Армии, с трудящимися и руководящими деятелями.

В феврале 1943 г. в Улан-Баторе состоялись проводы на фронт четвертого эшелона с подарками, приуроченного к 25-й годовщине Красной Армии. Эшелон сопровождался делегацией во главе с Генеральным секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом.

Состоявшаяся в феврале 1943 г. 26-я сессия Малого Хурала, обсудив вопрос о состоянии помощи фронту, приняла решение обеспечить до конца войны продовольствием и одеждой личный состав танковой бригады, а также собрать средства на постройку эскадрильи «Монгольский арат».

В ответ на решения Малого Хурала монгольский народ еще шире развернул движение помощи фронту. В центральную комиссию по сбору подарков Красной Армии ежедневно поступали тысячи тугриков. Из этих средств в июле 1943 г. Советскому правительству было передано 2 млн. тугриков на постройку эскадрильи «Монгольский арат». Кроме того, на содержание личного состава танковой бригады «Революционная Монголия» и эскадрильи «Монгольский арат» было передано 8 с лишним миллионов тугриков.

Каждая победа Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны вызывала большую радость у монгольского народа.

Танковая бригада «Революционная Монголия» и эскадрилья «Монгольский арат» внесли достойный вклад в великую победу советского народа.

44-я танковая бригада «Революционная Монголия» от Москвы до Берлина прошла с боями свыше 4300 км. В письме танкистов монгольскому народу от 26 мая 1945 г. говорилось, что бригада постоянно находилась на передней линии фронта и всегда с честью выполняла задания командования. Танковая бригада уничтожила большое количество вражеских танков, артиллерии, другой техники и живой силы противника. Созданный на ее основе танковый полк в октябре 1964 г. был награжден монгольским правительством орденом Сухэ-Батора, и ему присвоили имя вождя монгольского народа.

Героически сражалась и эскадрилья боевых истребителей «Монгольский арат», которая находилась в составе Краснознаменного 2-го авиационного полка им. города Орла. Она участвовала в боях за освобождение г. Орла, Белоруссии, Литвы, Восточной Пруссии и Польши. Только в 1944 г. эскадрилья совершила 547 боевых вылетов, провела в воздухе 432 часа 37 минут. В 79 воздушных сражениях было сбито 38 вражеских самолетов. Кроме того, было уничтожено много автомашин, эшелонов и живой силы противника.

В 1944—1945 гг. в МНР продолжались сбор и отправка подарков Красной Армии. Всего за годы войны было отправлено 11 эшелонов с подарками.

Одной из важных форм помощи монгольского народа Крас-

ной Армии были продажа и передача в дар лошадей. Объединенное заседание Президиума ЦК МНРП, Малого Хурала МНР и Совета Министров МНР, состоявшееся в марте 1942 г., призвало аратов-скотоводов продавать лошадей для нужд Красной Армии. Горячо откликнулись на этот призыв араты-скотоводы. Так, арат из Сайхан-сомона Булганского аймака Дамба, продав 42 лучшие лошади и подарив 7 скакунов, сказал: «Пусть мои кони будут надежными друзьями героических бойцов Красной Армии и послужат делу разрома гитлеровских палачей». Только за 1942 г. монгольские араты продали 104 тыс. лошадей и подарили 6417. Всего за годы войны монгольские араты-скотоводы продали Красной Армии около полумиллиона и подарили более 30 тыс. лошадей. Монгольские кони использовались в кавалерии Красной Армии, в подвозе боевых средств и в работе в тылу.

Монгольский народ оказал свою помощь и в восстановлении хозяйства в освобожденных от немецкой оккупации советских районах. В сентябре 1943 г. ЦК партии и Совет Министров обратились к аратству с призывом помочь рабочими лошадьми колхозам и колхозникам освобожденных от гитлеровцев районов. По неполным данным, только араты Бурэнцогт-сомона Центрального аймака за 1943 г. подарили 476 лошадей. В 1944 г. было отправлено в качестве дара свыше 100 племенных коров, десятки тысяч овец и коз. В 1944 г. колхозники освобожденных районов Белоруссии приняли от монгольского народа свыше 5 тыс. лошадей. В стране проводилась работа по сбору средств для помощи вдовам, детям и семьям погибших на фронте солдат и инвалидов войны. Постоянными пенсиями обеспечивались семьи проживавших на территории МНР советских граждан, ушедших на фронт, а также инвалидов войны.

За годы войны монгольский народ собрал и отправил Красной Армии подарков на сумму 60 млн. тугриков. Политическая, моральная и материальная поддержка в трудные для Советского Союза годы войны явилась посильным вкладом монгольского народа в великую борьбу всего прогрессивного человечества против фашистского агрессора.

Советский народ высоко оценил помощь монгольского народа. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев сказал в 1974 г.: «Советские люди помогают своим монгольским братьям строить новую жизнь. В свою очередь, и монгольские товарищи помогают нам. И ведь эта помощь не от избытка. Мы бескорыстно делимся друг с другом тем, в чем нуждаемся и сами. Именно так поступали советские люди, поддерживая монгольский народ еще в первые, трудные годы Советской власти. Так поступали и монгольские друзья. Особенно почувствовал это наш народ в пору тяжелых испытаний, в годы Великой Отечественной войны. Вот красноречивый факт. В 1943 г., в разгар оже-

источенных боев с фашистскими захватчиками, на фронт прибыла монгольская делегация во главе с маршалом Чойбалсаном. Она передала Советской Армии колонну танков, созданную на средства, собранные монгольскими трудящимися. Такое, товарищи, не забывается»¹.

Отмечая большие заслуги в успешной организации движения монгольского народа за оказание помощи советскому народу и его Красной Армии, Советское правительство наградило товарищей Х. Чойбалсана, Ю. Цеденбала и многих других руководителей МНРП и правительства МНР орденами и медалями.

ЦК МНРП, Малый Хурал МНР и Совет Министров наградили орденами и медалями тысячи представителей рабочего класса, аратства и интеллигенции, всех, кто, не жалея сил, помогал братскому советскому народу.

Перестройка народного хозяйства на военный лад и его развитие

Хотя МНР непосредственно не участвовала в войне, обстановка потребовала перестроить все народное хозяйство в соответствии с задачами по оказанию всемерной помощи советскому народу и укреплению обороноспособности страны.

Состоявшийся в ноябре 1941 г. Пленум ЦК МНРП принял решение перестроить народное хозяйство применительно к условиям военного времени и увеличить производство многих видов товаров широкого потребления на основе использования местных ресурсов. Пленум указал, что широкое использование внутренних ресурсов явится важным видом помощи советскому фронту, и принял решение об увеличении производства таких продуктов и товаров широкого потребления, как мука, масло, соль, обувь и одежда, о начале производства в стране ранее ввозимых из Советского Союза стройматериалов (известняк, алебастр), запчастей для сельскохозяйственных машин и др.

Пленум поставил задачу резкого увеличения выпуска сельскохозяйственной и промышленной продукции, расширения поставок в СССР при одновременном сокращении ввоза из СССР, защиты общественной собственности.

Война вынудила прибегнуть к таким чрезвычайным мерам, как удлинение рабочего дня, отсрочка очередных отпусков рабочих и служащих, введение особого порядка распределения предметов и товаров широкого потребления, привлечение административным путем к общественному труду лиц без определенных занятий в возрасте 18—45 лет и т. д.

Революционное законодательство и деятельность судебных

органов были направлены на защиту общественной собственности и завоеванные в революционной борьбе свободы монгольского народа, обеспечение выполнения законов и постановлений.

В августе 1943 г. Президиум Малого Хурала принял важное постановление об охране общественной собственности, в котором говорилось, что защита общественной собственности является основой укрепления обороноспособности страны, что необходимо усилить борьбу со всеми проявлениями расточительства, хищений, стяжательства. Это постановление призвало массы к бережливости на промышленных предприятиях и в хозяйственных организациях, к улучшению учета и охраны материальных ценностей.

В годы второй мировой войны усилилась идеологическая работа, направленная на решение политических и экономических задач, на развертывание всенародного патриотического движения. Пропагандировались исторические подвиги славных борцов за дело народной революции, за свободу и независимость страны, героическая борьба советского народа и Красной Армии.

Расширилась пропаганда идей марксизма-ленинизма среди членов партии и трудящихся, умножился арсенал партийной агитации и пропаганды.

В годы войны уделялось особое внимание развитию животноводства, широкому использованию его продукции, представлявшим важнейшую основу укрепления обороноспособности страны, обеспечения народа необходимыми товарами, усилению помощи Красной Армии.

Вопросы развития животноводства специально обсуждались на Пленумах ЦК МНРП, состоявшихся в 1943—1945 гг., и на 27-й сессии Малого Хурала. Были приняты необходимые меры по осуществлению их решений. При ЦК МНРП и аймачных комитетах партии был создан штат секретарей по животноводству, а министерство животноводства и земледелия преобразовано в министерство животноводства.

Увеличение поголовья скота на основе годовых планов осуществлялось путем снижения падежа скота и повышения количества выращиваемого молодняка от каждой 100 маток. Новые резервы для производства давало более полное использование и заготовка шерсти и других видов животноводческого сырья.

Для развития животноводства, как и раньше, использовался метод поддержки личной заинтересованности аратских хозяйств. В годы войны был отменен принцип прогрессивного налогообложения аратских хозяйств. Аратские хозяйства и аратские производственные объединения, увеличившие поголовье скота до 1000, 5000 и 10 000 голов, награждались почетными премиями и званиями. В 1945 г. 97 аратским хозяйствам, которые довели поголовье стада до 1000 голов и более, было присвоено

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М., 1976. с. 204.

звание тысячников и они были награждены памятными подарками. В 1941 г. состоялись первое, а в 1943 г. второе республиканское совещание передовиков-скотоводов.

Несмотря на войну, интенсивно велась подготовка ветеринарных кадров. Советский Союз прислал в Монголию большой отряд ветеринарных врачей и зоотехников. Государственная ветеринарная служба действовала во многих районах. В 1942 г. в Ара-Хангайском аймаке была построена новая биофабрика. Сократился падеж скота от сибирской язвы, чумы и других болезней. Сохранению поголовья скота способствовали расширявшиеся работы по уничтожению волков, рытью колодцев, строительству загонов для скота, заготовке сена и т. д.

Во многих аймаках, сомонах и багах успешно выполнялись государственные планы по приросту скота. В 1943 г. в Сухэ-Баторском и Гоби-Алтайском аймаках, а в 1945 г. в Южно-Гобийском, Восточно-Гобийском, Восточном, Кобдоском, Гоби-Алтайском, Убсунурском и Баян-Хонгорском аймаках государственный план по приросту скота был выполнен более чем на 100%. В 1940—1944 гг. выход и сохранность молодняка от каждого 100 маток возросли с 54 до 62 голов.

В годы войны партия и правительство МНР неустанно заботились об укреплении в сельском хозяйстве социалистического сектора — госхозов и аратских производственных объединений. Госхозы в основном земледельческого направления увеличили посевные площади в 1941—1945 гг. в 2,5 раза. При госхозах имелись свиноводческие хозяйства и птицефермы. В 1943 г. было организовано госуправление госхозами, девять машинно-сенокосных станций превращены в госхозы. Всего в 1945 г. в стране функционировало 11 госхозов.

В феврале 1942 г. был принят Примерный устав сельскохозяйственных производственных объединений. Если в 1941 г. в стране было 96 объединений, то в 1944 г. — уже 108, а количество членов увеличилось с 2,3 тыс. до 5,3 тыс.

Согласно Закону о землепользовании, утвержденному в 1942 г., государственный и кооперативный секторы в сельском хозяйстве получили в бесплатное и бессрочное пользование пастбища и пашни, что сыграло важную роль в росте и укреплении социалистического сектора в сельском хозяйстве.

За годы войны большое развитие получило земледелие. В 1941—1945 гг. значительно расширилась площадь под огородными культурами, в 4 раза вырос сбор овощей.

Несмотря на достигнутые успехи, в этот период поголовье скота уменьшилось на 6,2 млн. голов, что было следствием войны. Из-за войны сократились капиталовложения в сельское хозяйство и другие формы непосредственной помощи со стороны государства, возникла нехватка рабочей силы, а также трудности с обеспечением техникой. Недостаток товаров широкого потребления и пищевых продуктов значительно увеличил внут-

реннее потребление скота, животноводческого сырья. В целом, однако, араты-скотоводы успешно справлялись с задачами оказания помощи фронту, всемерного использования скотоводческого сырья, снабжения армии и народа продовольствием, а промышленности — сырьем.

В годы войны народное государство обращало особое внимание на развитие национальной промышленности. Согласно решениям Ноябрьского пленума развитие промышленности предполагало прежде всего увеличение производства товаров широкого потребления.

С помощью Советского Союза в годы войны были построены такие новые предприятия, как кожевенный завод, шерстомойная фабрика, цех по производству алебаstra, угольная шахта в Дзун-Булаке, мясокомбинат, чоногольские рудники цветных металлов и т. д. Одновременно со строительством новых предприятий реконструировались и расширялись старые.

Важное значение придавалось развитию топливно-энергетической отрасли. В 1945 г. по сравнению с 1940 г. добыча угля возросла на 45,9%, а производство электроэнергии — на 26,6%.

Особенно быстрые темпы развития характеризовали пищевую промышленность. С 1941 г. резко увеличилось количество молочных цехов и маслозаводов. В 1943 г. была построена электрическая мукомольная мельница в Улан-Баторе и свыше 10 мукомольных мельниц, работающих на водяной и конной тяге в аймаках. Если в 1940 г. имелось всего 24 предприятия пищевой промышленности, то в 1945 г. их количество достигло почти 400. Во многих аймаках были созданы пищевые комбинаты. Пищевая промышленность превратилась в самостоятельную отрасль промышленности. Это привело к созданию в 1942 г. министерства пищевой промышленности. С целью усиления руководства местными предприятиями при аймачных управлениях был создан штат заместителей председателя по делам промышленности.

В ходе выполнения производственных планов развернулись революционное соревнование и движение ударников за перевыполнение плановых норм, улучшение качества продукции, за экономию сырья и материалов. Соревнование охватило не только отдельных рабочих, но и целые цеха и предприятия, возросло число передовых предприятий и цехов, количество ударников. Если в 1943 г. на предприятиях страны насчитывалось 1209 рабочих, носящих звание ударника, то в 1944 г. их было уже 2555. В мае 1943 г. состоялось первое совещание передовиков и ударников промышленности, транспорта и кулспромкооперации.

С целью повышения ответственности предприятий, цехов и рабочих с 1943 г. практиковалось маркирование выпускаемой продукции. Была установлена система премирования новаторов производства и рационализаторов.

С 1941 г. повысилась заработная плата рабочих и служащих промышленных предприятий, а с 1943 г. была введена надбавка за многолетний труд. Рабочие и их семьи обеспечивались жилищами, детскими садами, столовыми и другими видами культурно-бытового обслуживания.

Помимо своих основных задач предприятия брали на себя повышенные обязательства по выпуску широкого ассортимента продукции для фронта. Предприятия освоили выпуск около 60 новых наименований товаров широкого потребления. За успешное выполнение задач использования внутренних ресурсов, увеличение производства товаров широкого потребления и подарков фронту многие предприятия и рабочие удостоились правительственных наград. Промышленный комбинат был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а ряд заводов и артелей — орденом Полярной Звезды и т. д.

Кустарная промкооперация также увеличила выпуск продукции, расширился ее ассортимент, повысилось качество. По данным 1942 г., 32,2% выпущенной ею продукции было произведено из местного сырья и материалов.

В результате мероприятий партии и правительства по развитию отечественной промышленности в 1945 г. по сравнению с 1940 г. объем продукции государственной промышленности и кустпромкооперации увеличился в 2 раза. В этот период значительно возросла добыча угля, выработка электроэнергии, производство обуви, мыла и ряда других основных видов продукции.

В годы войны в ряды рабочих и служащих пришло новое пополнение. Если в 1940 г. в промышленности насчитывалось 14,8 тыс. рабочих, то в 1944 г. — 22 тыс.

В Монголии развивались и укреплялись транспорт, связь, торговля, финансы и другие отрасли народного хозяйства.

Значительное развитие получил автотранспорт, на долю которого приходилось 30% всех перевозок грузов. Обязанности почтовой и пассажирской связи между Улан-Батором и центрами аймаков легли на автотранспорт, а конно-уртонная служба использовалась в основном между аймаками и сомонами.

С помощью Советского Союза была построена железнодорожная линия Соловьевск — Тамцаг-Булак и шоссейные дороги Улан-Батор — Сайн-Шанда и Улан-Батор — Алтан-Булак.

Народное государство перестроило работу торгово-заготовительных органов в соответствии с требованиями военного времени. В целях увеличения заготовок скотоводческого сырья в 1942 г. был принят Закон об обязательных поставках мяса государству. В целях выполнения планов заготовки мяса, шерсти, молока, масла и других видов продукции проводилась широкая агитационная и организаторская работа. В результате, если в 1940 г. всего лишь один аймак (Селенгинский) выполнил план по заготовке шерсти, то в 1941 г. — уже 6, а в 1942 —

9. За успехи в выполнении плановых заданий по заготовке мяса и шерсти в 1942 г. Восточный, Восточно-Гобийский и Булганский аймаки были награждены орденами Трудовой славы, Сухэ-Баторский, Южно-Гобийский и Хэнтэйский — орденами Полярной Звезды, а Селенгинский, Убсунурский и Хубсугульский — почетными грамотами правительства.

В годы войны получила развитие внутренняя торговля, увеличивалось число точек розничной торговли, рос товарооборот. Если в 1941 г. розничный товарооборот составил 135,0 млн. тугриков, то в 1945 г. — 300,8 млн.

В 1941—1945 гг. оборот внешней торговли страны возрос с 140,2 млн. до 156,2 млн. тугриков. Во внешней торговле соблюдался принцип сокращения поставок из Советского Союза и увеличения экспорта. Последний вырос в 2,5 раза, а импорт сократился в 4,5 раза.

В стране значительно окрепла финансовая система, улучшились планирование бюджета и контроль за расходами. Вопросы бюджета и финансов специально обсуждались на 26, 27 и 28-й сессиях Малого Хурала. В годы войны в значительной мере возросли доходы государственного бюджета: если в 1941 г. они составляли 176,8 млн. тугриков, то в 1945 г. — 315 млн. Это было достигнуто за счет увеличения поступлений от государственных и кооперативных предприятий, а не налоговых поступлений от населения и кредитов. В государственном бюджете значительное место занимали расходы на социально-культурные мероприятия. Если в 1936—1940 гг. из государственного бюджета на нужды развития народного хозяйства было израсходовано 84,1 млн. тугриков, то в 1941—1945 гг. — уже 188,5 млн., т. е. почти в 2 раза больше.

Активное участие МНР в разгроме вооруженных сил империалистической Японии

С первых же дней нападения фашистской Германии на Советский Союз Япония стала нарушать пакт о нейтралитете, заключенный в апреле 1941 г. между СССР и Японией. Япония ждала удобного момента для нападения на СССР, когда война между Советским Союзом и Германией примет благоприятный для нее оборот. Японские империалисты концентрировали крупные военные соединения Квантунской армии численностью до 1,1 млн. человек на границах с Советским Союзом. Это составляло 35% всех вооруженных сил Японии. Такая крупная военная сила вынудила держать Советский Союз на Дальнем Востоке около 40 дивизий, что наносило урон фронту на Западе. Япония, готовясь к войне против Советского Союза, создавала на Северо-Востоке Китая военные укрепления. Кроме того, она вела подготовку к бактериологической войне против СССР и

МНР, в большом количестве производила бактериологическое оружие, осуществляла опыты по его использованию, размножению бактерий и вирусов.

Японские империалисты нарушали также свои обязательства по пакту о нейтралитете в отношении МНР. Япония, концентрируя значительные военные силы в непосредственной близости от границ Монголии, строила в военных целях железные и шоссейные дороги, аэродромы, создавала крупные военные укрепления в районе Калгана. Разрабатывая план нападения на МНР, японские военные силы неоднократно нарушали государственную границу, организовывали диверсии.

Японские империалисты, как и раньше, стремились всячески опорочить интернациональную советско-монгольскую дружбу и натравить народы Японии, Китая и Внутренней Монголии на МНР. В таких условиях укрепление обороноспособности страны было особенно важным и необходимым.

ЦК МНРП и правительство МНР в годы войны уделяли огромное внимание техническому оснащению армии, улучшению ее организации и повышению уровня партийно-политической работы в армии. В этот период в 3—4 раза была увеличена численность армии и продлены сроки военной службы.

В 1944 г. был принят новый Закон о всеобщей военной обязанности, согласно которому все мужчины — граждане МНР без различия национальности, вероисповедания, образования, социального происхождения и положения обязаны нести военную службу в составе вооруженных сил. Увеличился военный бюджет, который достиг 50% госбюджета. В 1941—1945 гг. для нужд обороны страны были выпущены государственные займы и денежно-вещевая лотерея на общую сумму 80 млн. тугриков. В марте 1943 г. было вынесено решение, согласно которому призывники должны являться на действительную военную службу со своими конями. Были приняты меры по улучшению снабжения армии продовольствием и снаряжением, по созданию специального государственного резерва военных автомашин, горючих и смазочных материалов.

При Генеральном штабе Монгольской народно-революционной армии были созданы специализированные управления по родам войск — танковых, мотомеханизированных, артиллерийских, авиационных, медицинской и ветеринарной службы. В целях подготовки военных кадров был увеличен набор слушателей в военные академии и другие военные учебные заведения Советского Союза, а в октябре 1943 г. в МНР открылась офицерская школа имени Сухэ-Батора.

В МНРА широко развернулась работа по распространению боевого опыта Красной Армии.

В связи с укреплением воинской дисциплины и улучшением военно-политической подготовки в 1943 г. были упразднены должности военных комиссаров, которые имели равные права

с командирами, и введены должности заместителей по партийно-политической работе. Тем самым в армии было установлено единоначалие. Повысилась руководящая роль партии в армии. В 1944 г. 68,3% солдат и офицеров были членами и кандидатами в члены партии. Лучшие партийные и государственные кадры были посланы в качестве политработников. О росте политической сознательности и чувства интернационального долга свидетельствовало то, что от бойцов и офицеров МНРА поступало большое количество заявлений о посылке их на советский фронт для борьбы с фашизмом.

В 1944 г. были введены звания генералов и офицеров и новые знаки различия для военнослужащих. В 1940—1945 гг. были обновлены дисциплинарный устав внутренней службы и служебный устав караульных гарнизонов МНРА.

В укреплении обороноспособности МНР огромную помощь оказывал Советский Союз, который специально выделил по просьбе правительства МНР одну армию для охраны безопасности страны от японских агрессоров. Советский Союз безвозмездно поставлял для МНРА оружие и военную технику. Кроме того, для военной подготовки личного состава армии в стране находилось большое количество опытных специалистов-инструкторов из Советского Союза. Армия вооружилась новейшей техникой — автоматами, минометами, артиллерией, танками, самолетами, были созданы новые рода войск, удельный вес которых заметно вырос.

В годы войны усилились пограничные войска министерства внутренних дел, появились новые пограничные заставы. Пограничники с честью защищали рубежи своей Родины, давали достойный отпор неоднократным провокациям противника, вылавливали вражеских лазутчиков. В задержке шпионов активно участвовали араты — жители пограничных районов.

По решению партии и правительства в феврале 1942 г. были созданы конные отряды народного ополчения, организованные по традиционной монгольской системе: по десяткам, полусотням, сотням, тысячам и десяти тысячам. Эти конные отряды нашли горячую поддержку у народа и стали массовой организацией. В 1945 г. конные отряды народного ополчения охватили около 40 тыс. человек.

В 1944—1945 гг. Красная Армия освободила не только территорию своей Родины, но и другие страны — Польшу, Румынию, Болгарию, Чехословакию, Югославию, Венгрию и Австрию. Победа советских вооруженных сил способствовала росту и укреплению антифашистского народного движения и антифашистской коалиции. Освобожденные Румыния, Болгария и Венгрия, порвав с Германией, выступили против нее. Победа советских войск заставила союзников — США и Англию — открыть в июне 1944 г. в Западной Европе второй фронт. 25 апреля 1945 г. советские и американские войска встретились на Эль-

бе. Фашистская Германия оказалась в окружении Западного и Восточного фронтов.

Советская Армия, окружив Берлин и сломив последнее сопротивление фашистов, водрузила на рассвете 5 мая над германским рейхстагом Знамя Победы.

8 мая 1945 г. фашистская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. 9 мая 1945 г., День Победы над фашистской Германией, монгольский народ с огромной радостью праздновал вместе с советским народом.

На митинге трудящихся в Улан-Баторе по случаю победы над фашистской Германией Генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал сказал: «Весь прогрессивный мир, и в том числе наш монгольский народ, безгранично рад окончательной победе советского народа над немецкими фашистами. Кому, как не нам, кому, как не монгольскому народу, радоваться в этот великий и торжественный день».

Благодаря великой победе Советского Союза, принявшего на себя основную тяжесть войны, был установлен мир в Европе. Разгром фашистской Германии создал благоприятные условия для победы народно-демократической революции в Центральной и Юго-Восточной Европе: в Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии, Албании, Румынии и Венгрии.

В то время как в Европе война закончилась полным разгромом фашистской Германии, на востоке Япония продолжала грабительскую войну и отвергала требование союзных держав о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война не могла закончиться без разгрома милитаристских сил Японии. 8 августа 1945 г. Советский Союз, исходя из своих обязательств, принятых на Ялтинской и Потсдамской конференциях руководителей трех союзных держав — СССР, США и Англии, объявил Японии войну. Советский Союз преследовал цель ускорить поражение империалистической Японии и приблизить окончание мировой войны, оказать содействие национально-освободительной борьбе народов стран Азии и выполнить долг перед союзниками.

10 августа 1945 г. Президиум Малого Хурала и Совет Министров МНР заявил о том, что Монгольская Народная Республика объявляет Японии войну.

В Декларации об объявлении войны говорилось: «Малый Хурал и правительство МНР, верные своим обязательствам по Договору о взаимопомощи между МНР и СССР, заключенному 12 марта 1936 г., вдохновленные единственным стремлением демократических государств и свободлюбивых народов мира — быстрее добиться всеобщего мира, а также чтобы внести свой вклад в дело Объединенных Наций», объявляют войну Японии, полностью присоединяясь к заявлению Советского правительства 8 августа 1945 г. в Москве.

В тот же день премьер-министр МНР Х. Чойбалсан обратил-

ся ко всему населению МНР по радио. В обращении говорилось о решении правительства объявить войну Японии и о причинах, побудивших правительство к этому. Обращаясь к солдатам, сержантам, офицерам и генералам Монгольской народно-революционной армии, Х. Чойбалсан призвал их проявить мужество в войне за правое дело, за свой народ, за свою Родину.

Трудящиеся Монголии одобрили обращение правительства об объявлении войны с империалистической Японией и мобилизации на помощь Монгольской народно-революционной армии и борьбу за укрепление тыла.

Боевые операции Советской Армии против японских войск под командованием маршала Советского Союза А. М. Василевского развернулись одновременно на огромном фронте — свыше 4 тыс. км. В боях приняли участие войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, а также речные, морские и воздушные военные силы СССР на Дальнем Востоке. Войска Монгольской народно-революционной армии под командованием маршала Х. Чойбалсана проводили операции в тесном взаимодействии с войсками Забайкальского фронта, которым командовал маршал Р. Я. Малиновский.

Против Японии выступили 5, 6, 7, 8-я кавалерийские дивизии, 7-я бронетанковая бригада, 3-й кавалерийский полк, воздушная дивизия и полк связи Монгольской народно-революционной армии под командованием маршала Х. Чойбалсана на двух основных направлениях: Долооннор — Жэхэ и Калган. В первую неделю войны войска Монгольской народно-революционной армии прошли 450 км, освободив г. Долооннор и другие города и села. Части, освободившие г. Жанбэй, в ожесточенных боях 19—21 августа взяли укрепление на перевале Калган. Преодолев огромные трудности, армия с боями приблизилась к морю. Советская Армия (с 9 по 23 августа), наголову разбив войска японских захватчиков, освободила Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, Южный Сахалин и острова Сюмусю и Парамушир из группы Курильских островов. Японские агрессоры в этих боях потеряли убитыми и ранеными свыше 80 тыс. Советской и монгольской армиями были взяты в плен свыше 594 тыс. японских солдат и офицеров, а также захвачены огромные военные трофеи.

С благодарностью встречали жители освобожденных районов Внутренней Монголии, Барги и Китая советские и монгольские войска.

В этих боях плечом к плечу с героями Советской Армии сражались кавалеристы под командованием генерала Доржпалама, полковника Цэдэндаша, подполковников Доржа и Одсуреэна, летчики генерала Зайсанова, танкисты бронетанковой бригады полковника Нянтайсуреэна. В боях на перевале Калган особо отличились рядовой Л. Аюши, минометчик Д. Данзанванчик,

пулеметчик С. Дампил, полковник Д. Нянтайсурэн, которым было присвоено звание Героя МНР.

В боях против Японии МНР выставила 80-тысячную армию, которая прошла 900 км боевого пути, потеряла свыше 2000 солдат и офицеров и понесла материальный ущерб в 205 млн. тугриков.

2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. По решению Президиума Малого Хурала МНР 3 сентября 1945 г. в стране широко отмечался праздник победы над Японией.

Малый Хурал МНР и монгольское правительство наградили высшими наградами Родины тысячи людей, активно участвовавших в борьбе с Японией. Только в конце 1945 г. Малый Хурал МНР награждал медалями за победу над Японией несколько тысяч офицеров, солдат и тружеников тыла. Это была заслуженная оценка вклада монгольского народа в общую борьбу против фашизма и милитаризма.

Генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал в своем выступлении на митинге в г. Улан-Баторе 3 сентября 1945 г. отмечал, что монгольский народ сумел отстоять свою независимость. Он участвовал в ликвидации последнего агрессора, внося тем самым свой вклад в великое дело борьбы народов против врагов мира и свободы.

Советский Союз сыграл главную роль в разгроме японского милитаризма, одержал решающую победу в разгроме Квантунской армии — основной вооруженной силы Японии, что и привело к краху Японии в этой войне. Тем не менее американские империалисты без всякой необходимости 6 и 9 августа сбросили на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы, уничтожив сотни тысяч простых людей. Тем самым было совершено неслыханное преступление.

С поражением милитаристской Японии закончилась вторая мировая война и установился мир. В результате разгрома милитаристской Японии на Востоке создались благоприятные предпосылки для победы национально-освободительных движений. В Корее и Вьетнаме победил народно-демократический строй, в Индонезии была установлена республика. Народы Китая и Внутренней Монголии, освободившись от японского ига и завоевав независимость, получили благоприятные условия для развития по народно-демократическому, революционному пути.

Для монгольского народа победа над японским империализмом, который в течение многих лет посягал на свободу и независимость МНР, препятствовал ее развитию, означала укрепление независимости и государственного суверенитета, обеспечение мирного социалистического созидания.

В годы второй мировой войны укрепилась братская нерушимая дружба народов СССР и МНР. Еще более она закалилась в совместной борьбе братских армий против японского империализма.

В годы войны, когда монгольский народ, тесно сплотившись вокруг своей партии и правительства, выступил как единая, монолитная сила в обороне страны, в оказании помощи Красной Армии, в ускорении победы над Японией, отчетливо проявились преимущества народно-революционного строя и народного государства.

Правительство Советского Союза и советский народ высоко оценили боевые заслуги МНРА. В приказе от 23 августа 1945 г. по случаю окончательной победы над Японией Верховный главнокомандующий Советскими Вооруженными Силами отметил наряду с героическими войсками Советской Армии и отличившиеся в боях части монгольской армии. За умелое руководство боевыми операциями МНРА в борьбе против общего врага — империалистической Японии — и проявленные при этом доблесть и мужество Президиум Верховного Совета СССР в сентябре 1945 г. награждал орденом Суворова 1-й степени маршала Х. Чойбалсана, орденом Кутузова 1-й степени генерал-лейтенанта Ю. Цеденбала, орденом Суворова 2-й степени генерал-лейтенанта Ж. Лхагвасурэна, другими орденами СССР 20 отличившихся генералов и офицеров МНРА.

Монгольский народ своим вкладом в великую борьбу свободолюбивых народов против общего врага — германского фашизма и японского милитаризма — снискал глубокое уважение прогрессивного человечества.

Глава 2

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ МИРНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МНР (1946—1953)

Коренное изменение международной обстановки в послевоенные годы и укрепление внешнеполитического положения МНР

После окончания второй мировой войны расстановка сил на международной арене коренным образом изменилась. Наиболее агрессивные империалистические государства — Германия, Италия и Япония — потерпели военно-политическое поражение, а крупные капиталистические государства — Англия и Франция — вышли из войны ослабленными. И хотя США — самое мощное империалистическое государство — за время войны усилились как в экономическом, так и в военном отношении, в целом мировая капиталистическая система была потрясена до основания. Она понесла огромные потери и стала намного слабее, чем до войны. Силы демократии и социализма одержали

ряд побед. Начался второй этап общего кризиса капитализма.

В Европе народы Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Албании, освободившись с помощью Советской Армии от фашистского рабства, под руководством своих коммунистических и рабочих партий свергли власть помещиков и капиталистов. Установив народно-демократический строй, народы этих стран приступили к осуществлению демократических преобразований. Трудящиеся обрели демократические права и свободы. В деревне была проведена аграрная реформа, крестьяне получили землю и была ликвидирована собственность помещиков на землю.

Рабочий класс осуществлял социалистические преобразования в городе. Была конфискована собственность крупной буржуазии, сотрудничавшей с фашистами, проведена национализация промышленности, банков, транспорта. В напряженной классовой борьбе потерпели поражение реакционные силы, власть перешла в руки трудового народа. В этих странах установилась диктатура рабочего класса. Успехи в строительстве новой жизни в них были достигнуты благодаря правильной политике коммунистических и рабочих партий и руководящей роли рабочего класса. В октябре 1949 г. было провозглашено образование Германской Демократической Республики (ГДР). Возникновение в центре Европы ГДР, первого в истории Германии государства рабочих и крестьян, явилось крупным событием в международной жизни и новым ударом по империализму.

Советский Союз вышел из войны политически более сильным, укрепилось морально-политическое единство народа, повысился престиж и авторитет Советского государства, возросло его международное влияние.

СССР возглавил борьбу демократических сил за прочный и длительный мир между народами. Увеличилась тяга трудящихся всего мира к социализму. Сложились благоприятные условия для развития демократии и социализма.

Советский Союз оказывал странам народной демократии политическую, экономическую и культурную помощь в строительстве новой жизни, ограждал народно-демократические страны от интервенции и вмешательства империалистических государств в их внутренние дела, парализовал контрреволюционные и реакционные силы в развязывании гражданской войны.

До второй мировой войны свыше половины населения мира находилось в колониальной и полуколониальной зависимости от капиталистических стран. В результате разгрома фашизма и общего ослабления системы капитализма развернулось мощное национально-освободительное движение народов колоний и зависимых стран.

На месте бывших колоний возник ряд социалистических и независимых государств в Азии. В 1945 г. упорная и длительная освободительная борьба вьетнамского народа против фран-

цузских колонизаторов в Индокитае привела к образованию Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). В Северной Корее после ее освобождения Советской Армией была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР). После освобождения Маньчжурии Советской Армией многолетняя героическая борьба китайского народа против иностранных колонизаторов-империалистов и внутренней реакции увенчалась его полной победой и провозглашением КНР. Добились независимости Индонезия, Бирма, Индия, Пакистан, а также народы Цейлона и Камбоджи. Весь Африканский континент был охвачен национально-освободительным движением.

Выросло и еще более укрепилось мировое коммунистическое движение, значительно увеличилась численность, авторитет и влияние коммунистических и рабочих партий, расширились их взаимные связи.

Образование мировой системы социализма, распад колониальной системы империализма и рост национально-освободительного движения ослабили силы мирового капитализма. Рост авторитета и влияния Советского Союза и утверждение системы социализма укрепляли фронт борьбы народов, позиции сторонников мира, демократии и социализма. Империалистическую систему во главе с США поддерживали силы реакции, а демократическую систему во главе с СССР — международное рабочее движение, мировое коммунистическое движение и демократические прогрессивные силы мира.

Второй этап общего кризиса капитализма, начавшийся после второй мировой войны, характеризовался обострением противоречий между монополистической буржуазией и рабочим классом, всеми трудящимися.

Усилилась борьба трудящихся капиталистических стран против реакции, за свободу и демократию. Весь этот революционный натиск народных масс заставил буржуазию и правительства ряда стран искать выход из этого положения. Они считали, что единственный выход и спасение системы империализма от неизбежной гибели — это объединение вокруг главного партнера — США, центра международной реакции, и создание международного союза буржуазии для наступления на рабочий класс и трудящихся, для борьбы против революции, демократии и социализма.

Важным событием второго этапа общего кризиса капитализма был мощный размах национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. С победой Великой Октябрьской социалистической революции в России начался кризис колониальной системы империализма. После второй мировой войны она окончательно распалась.

Так после второй мировой войны в результате коренных перемен на мировой арене сложились две противостоящие системы. С одной стороны, капиталистическая во главе с США, ста-

вщая своей основной целью разгром демократии и социализма, достижение мирового господства под эгидой американского империализма, с другой — социалистическая, возглавляемая Советским Союзом, стремящаяся к укреплению демократии и обеспечению безопасности и сотрудничества между народами, борющаяся за мир, демократию и социализм.

Миролюбивая внешняя политика Советского Союза, победа народно-демократического строя в ряде стран Европы и Азии, рост демократических сил, подъем национально-освободительного движения колониально зависимых народов, а также успехи монгольского народа в строительстве основ социализма явились основными факторами укрепления международного положения МНР в послевоенные годы.

Советский Союз, верный и испытанный друг монгольского народа, неизменно защищал интересы МНР.

В результате переговоров в августе 1945 г. в Москве между Советским Союзом и гоминьдановским правительством Китая последнее согласилось признать Монгольскую Народную Республику суверенным и независимым государством в существовавших тогда границах при условии, если всенародный плебисцит подтвердит желание монгольского народа сохранить свою независимость.

Это заявление гоминьдановского правительства Китая было вынужденной, запоздалой констатацией свершившегося факта, тем более что МНР фактически с 1921 г. существовала как независимое от Китая государство, а ее статус-кво был подтвержден на Крымской конференции глав трех великих держав — СССР, США и Великобритании. Требование же гоминьдановского правительства провести плебисцит в МНР явно говорило о стремлении гоминьдановских правителей затянуть формальное признание независимости МНР. Кроме того, гоминьдановское правительство Китая хотело изобразить дело таким образом, будто бы оно подарило МНР независимость, которая была завоевана монгольским народом в борьбе против иностранных захватчиков в 1921 г. Тем не менее заявление гоминьдановского правительства имело определенное значение для МНР. Поэтому в соответствии с заявлением тогдашнего правительства Китая Монгольская Народная Республика готовилась к проведению плебисцита.

В день 24-й годовщины МНР Х. Чойбалсан сказал: «Развитие нашего государства на протяжении 24 лет наглядно продемонстрировало, что наш народ вправе занять свое достойное место среди народов всего мира и наша страна должна быть признана как самостоятельное и независимое государство». Это законное требование монгольского народа отныне становилось реальностью.

21 сентября 1945 г. Президиум Малого Хурала МНР в соответствии с соглашением, достигнутым 14 августа 1945 г. ме-

жду представителями правительств СССР и Китая о независимости МНР, постановил, что всенародное голосование — плебисцит — должно быть проведено на всей территории страны одновременно 20 октября 1945 г. Президиум Малого Хурала постановил, что в плебисците должны принять участие все граждане МНР, имеющие избирательные права, путем голосования по спискам, составленным местными органами власти.

Плебисцит ярко продемонстрировал единство, высокий патриотизм и политическую сознательность широких народных масс МНР. В своих выступлениях и резолюциях участники митингов и собраний с огромным патриотическим подъемом отмечали достижения МНР, заявляли о своей верности МНРП и правительству МНР и выражали готовность единодушно голосовать за независимость своей страны.

На имя Центральной комиссии по проведению плебисцита поступило 1525 писем и заявлений, а также 83 789 приветствий, посланий и пожеланий с выражением радости за успехи родины, с заверениями о готовности отдать свои голоса, а если понадобится, и жизнь за независимость МНР.

20 октября 1945 г. — день проведения плебисцита — вылился во всенародный праздник, в торжество демократии и независимости Монгольской Народной Республики. Во многих местах возникали стихийные демонстрации. На пункты голосования трудящиеся шли с лозунгами, знаменами и портретами руководителей монгольского народа.

За государственную независимость Монгольской Народной Республики было подано 487 409 голосов, т. е. 100% всех граждан, принимавших участие в плебисците.

Центральная комиссия по проведению плебисцита в своем протоколе «Об итогах проведения плебисцита по вопросу о независимости МНР» сделала вывод, что «плебисцит полностью подтвердил стремление народа Монгольской Народной Республики к независимому государственному существованию, которое должно быть признано Китайской Республикой в соответствии с заявлением китайского правительства от 14 августа 1945 г.».

По решению Президиума Малого Хурала МНР протокол Центральной комиссии был опубликован и 10 ноября 1945 г. направлен правительствам Советского Союза и Китайской Республики.

Во время проведения плебисцита в Монгольской Народной Республике в качестве наблюдателей присутствовали представители Китайской Республики. 5 января 1946 г. гоминьдановское правительство Китая, ознакомившись с результатами всенародного голосования граждан Монголии, вынуждено было признать независимость Монгольской Народной Республики.

13 февраля 1946 г. между Монгольской Народной Республикой и Китайской Республикой были установлены дипломатические отношения. Хотя китайское правительство признало неза-

висимость Монгольской Народной Республики и установило с ней дипломатические отношения, все же с ведома реакционных правящих кругов гоминьдановского Китая крупные вооруженные отряды неоднократно нарушали государственную границу МНР в районе Байтаг-богдо, в юго-западной части страны.

6 октября 1949 г. правительство Монгольской Народной Республики признало Китайскую Народную Республику. МНР была в числе первых стран, признавших правительство КНР в качестве законного правительства китайского народа. В опубликованном 15 февраля 1950 г. советско-китайском коммюнике о подписании договора и соглашений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой говорилось, что «оба правительства констатируют полную гарантию независимого положения Монгольской Народной Республики в результате референдума 1945 г. и установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республикой».

В 1952 г. было заключено соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между Монгольской Народной Республикой и Китайской Народной Республикой, которое способствовало развитию добрососедских отношений между обеими странами. Таким образом, и правительство гоминьдановского Китая, и правительство Китайской Народной Республики перед всем миром дважды торжественно признали независимость Монгольской Народной Республики как суверенного и независимого государства.

Окончательное завоевание монгольским народом своей государственной независимости было результатом не только его многовековой борьбы за свое освобождение, но и напряженного труда монгольского народа в годы строительства нового общества, а также результатом братской и бескорыстной помощи монгольскому народу со стороны первой страны победившего социализма — Советского Союза.

В связи с истечением срока действия Советско-монгольского протокола 1936 г. о дружбе и взаимопомощи 27 февраля 1946 г. между МНР и СССР был заключен новый Договор о дружбе и взаимопомощи сроком на десять лет. В 1-й статье этого документа говорилось, что в случае угрозы нападения на территорию МНР или СССР со стороны третьего государства правительства обоих государств обязуются немедленно обсудить совместно создавшееся положение и принять все те меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности их территории. Одновременно было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между МНР и СССР. В Соглашении говорилось, что «обе Договаривающиеся стороны соглашаются развивать и укреплять существующие между СССР и МНР сотрудничество в области народного хозяйства, культуры и просвещения»². Эти документы имели огромное

² Советско-монгольские отношения. 1921—1974. Т. 2: Ч. 1, с. 136.

значение для дальнейшего укрепления дружбы народов Советского Союза и Монгольской Народной Республики и гарантии мира на Дальнем Востоке.

В своей телеграмме правительству МНР по поводу годовщины подписания Договора о дружбе и взаимопомощи и Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между МНР и СССР Советское правительство отмечало: «Эти исторические акты являются ценным вкладом в дело мира и безопасности на Дальнем Востоке и служат прочной основой дальнейшего развития дружественных взаимоотношений между нашими странами». Оценивая эти документы, Ю. Цеденбал писал, что «в развитии политического, экономического, культурного и военного сотрудничества МНР и СССР выдающуюся роль сыграли Протокол о взаимопомощи от 1936 г. и Договор о дружбе и взаимопомощи от 1946 г.»^{2а}.

Эти два документа сыграли важную роль в ускорении темпов экономического и культурного сотрудничества, успешном строительстве социализма в МНР.

В соответствии с вышеупомянутым Соглашением Советский Союз оказал МНР новую финансовую и техническую помощь в развитии промышленности, транспорта и других отраслей экономики.

В этот период МНР расширяла связи и сотрудничество также и с другими странами социализма. Монгольский народ, оказав моральную и материальную поддержку корейскому народу в борьбе против американских интервентов и трудящимся Вьетнама против французских колонизаторов, все больше укреплял и расширял с ними дружбу и сотрудничество. В 1948—1950 гг. Монгольская Народная Республика установила дипломатические отношения с Корейской Народно-Демократической Республикой, Албанией, Германской Демократической Республикой, Польшей, Болгарией, Чехословакией, Венгрией и Румынией.

В противовес капиталистическим странам, строящим свои отношения на основе империалистического закабаления народов, отношения между социалистическими странами представляют собой новый тип отношений, они опираются на принципы полного и подлинного равноправия всех народов, суверенитета и независимости государств, невмешательства во внутренние дела друг друга, на принципы социалистического интернационализма.

Народы мира, все миролюбивые силы во всех странах земного шара, поддерживая внешнюю политику Советского государства — политику мира и дружбы между народами, сплачиваются в борьбе за упрочение мира во всем мире.

^{2а} Ю. Цеденбал. Исторический путь развития социалистической Монголии. У. Б., 1976, с. 646.

Делегации монгольского народа присутствовали на всех международных конгрессах сторонников мира, в том числе и на Конгрессе сторонников мира стран Азии и Тихого океана. Они активно участвуют в работе Всемирного Совета Мира, Международной демократической федерации женщин, Всемирной федерации профсоюзов, Международного союза студентов и других международных организаций. Молодежь и студенты МНР принимали и принимают деятельное участие в международных фестивалях и форумах. Представители МНР, выражая волю своего народа, на международных конгрессах и конференциях выступают за дружбу и сотрудничество между народами, за мир против поджигателей войны.

Монгольский народ решительно поддерживает движение народов за ослабление международной напряженности и укрепление мира.

В апреле 1950 г. Президиум Малого Хурала МНР принял декларацию, в которой была выражена солидарность с Обращением Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира: «Президиум Малого Хурала МНР настоящей декларацией присоединяется к мирным предложениям Постоянного Комитета о прекращении гонки вооружений путем сокращения военных бюджетов и численности воинских контингентов, о безусловном запрещении атомного оружия, прекращении интервенционистских войн в Индонезии, Малайе, Вьетнаме, о прекращении преследований сторонников мира и о заключении договора о дружбе между великими державами».

Монгольский народ поддержал предложение международных демократических организаций о развертывании борьбы против милитаризации Японии и Западной Германии. В октябре 1950 г. на I Всемонгольском национальном конгрессе сторонников мира был создан Монгольский комитет защиты мира.

Все взрослое население Монгольской Народной Республики единодушно поставило свои подписи под Стокгольмским воззванием и Воззванием о заключении Пакта мира между пятью великими державами.

27 февраля 1951 г. Президиум Малого Хурала МНР принял Закон о защите мира, который за пропаганду войны устанавливал наказание — тюремное заключение сроком от 10 до 25 лет, с поражением гражданских прав и конфискацией имущества.

МНР развивалась и укреплялась как независимое и суверенное государство. В годы второй мировой войны она твердо стояла на стороне демократических сил, внесла свой вклад в разгром германского фашизма и японского милитаризма. После войны она активно борется за мир, против войны. Все это отвечало требованиям Устава Организации Объединенных Наций. Поэтому с июня 1946 г. правительство МНР неоднократно обращалось с заявлениями о приеме в Организацию Объединен-

ных Наций. Законная просьба МНР встретила сочувствие и одобрение со стороны большинства ее членов и всех миролюбивых народов мира. Однако агрессивные силы во главе с американскими и английскими империалистами, реакционная клика Чан Кайши, незаконно занимавшая место в ООН, игнорируя Устав ООН и международное право, в течение многих лет злостно препятствовали приему МНР в ООН.

Подобные действия правящих кругов США, Англии и некоторых других государств служат свидетельством глубокой реакционности и авантюризма их внешней политики. Монгольский народ всегда был твердо уверен, что наступит время, когда происки реакционеров потерпят крах, а МНР займет свое законное место в Организации Объединенных Наций. МНР вместе со своим другом СССР, со всеми странами социализма и миролюбивыми силами вела активную борьбу за мир, стремилась к установлению прочного мира и дружбы между народами.

Укрепление международного положения МНР, особенно установление братских отношений со странами социалистического лагеря способствовали подъему народного хозяйства и культуры страны, дальнейшему упрочению социалистического строя.

Переход к мирному строительству. Первый пятилетний план развития народного хозяйства и культуры (1948—1952)

С завершением второй мировой войны МНР вернулась к мирному строительству, приступила к дальнейшему развитию народного хозяйства и культуры, ликвидации последствий войны. В стране в основном уже были созданы предпосылки будущего социалистического общества. Но постоянная угроза со стороны империалистической Японии и вторая мировая война надолго отвлекли монгольский народ от мирного социалистического строительства. Теперь необходимо было перевести экономику страны на рельсы мирного строительства, перестроив всю партийную, государственную и хозяйственную работу.

На этом пути страна встретила серьезные трудности. Во-первых, вторая мировая война причинила большой ущерб народному хозяйству МНР. Только в ходе войны против Японии в 1945 г. народное хозяйство МНР понесло убытков более чем на 200 млн. тугриков. Многие хозяйственные, культурные и организационные вопросы, выдвинутые еще X съездом МНРП и VIII Великим Народным Хуралом, которые должны были быть реализованы в начале 40-х годов, были отложены на неопределенное время. Война задержала строительство Уланбааторской железной дороги, а также ряда промышленных объектов.

Во-вторых, в 1940—1945 гг. общая численность поголовья скота сократилась более чем на 6 млн. Социалистический сектор (госхозы, машинно-сенокосные станции, аратские производственные объединения и др.) в сельском хозяйстве еще не успел укрепиться в хозяйственном и организационном отношении, невелики были масштабы промышленного производства. Для реконструкции, расширения и переоборудования действующих промышленных и транспортных предприятий и создания новых, а также для укрепления топливно-энергетической базы стране требовались большие материальные и финансовые ресурсы. В-третьих, еще сильны были пережитки феодализма в экономике и сознании людей, которые оказывали пагубное влияние на работу государственного и хозяйственного аппарата. Преодолевая огромные трудности, трудящиеся МНР после войны вплотную приступили к реализации решений X съезда МНРП и VIII Великого Народного Хурала по всемерному развитию народного хозяйства на социалистических началах.

Монгольская народно-революционная партия и Народное правительство разработали целый комплекс мероприятий экономического, политического и культурного характера по обеспечению развития производительных сил страны, по повышению материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Особое внимание уделялось усилению хозяйственной, воспитательной и организационной функций государственной власти, укреплению государственного и хозяйственного аппарата, воспитанию и подготовке национальных кадров.

Пленум ЦК МНРП в апреле 1946 г. обсудил вопрос «О состоянии государственного и хозяйственного аппарата и мерах по улучшению его работы» и указал, что для коренной перестройки работы государственного и хозяйственного аппарата необходимо усилить проверку исполнения, улучшить деятельность всех звеньев партийного, государственного и хозяйственного аппарата, поднять государственную и трудовую дисциплину, производить тщательный подбор, расстановку и подготовку кадров, широко развешивать критику и самокритику, внедрять в производство культуру, плановость, оперативность, вести борьбу за режим экономии, за укрепление хозяйственно-финансовой дисциплины, удешевление административного аппарата. 4 февраля 1947 г. Президиум Малого Хурала МНР утвердил специальное постановление об охране государственной, общественной и кооперативной собственности и обязал все органы государственной власти вести решительную борьбу с расхитителями и расточниками общественного добра. 27 декабря 1947 г. Совет Министров МНР принял постановление «О мерах по улучшению организационной работы президиумов аймачных малых хуралов и сомонных управлений», которое требовало решительного укрепления и улучшения организационной работы местных органов власти, превращения их в боевые органы, способные на

деле обеспечить мобилизацию трудящихся на выполнение народнохозяйственных планов.

Постановление имело большое значение для улучшения организационной работы местных органов государственной власти.

В соответствии с решением Совета Министров и ЦК МНРП от 16 января 1948 г. «О порядке информации о ходе выполнения задач пятилетнего плана» осуществлялся повседневный контроль за выполнением планов различных организаций и предприятий.

В результате принятых мер возросла роль местных партийных и государственных органов, улучшилась их работа, что, в свою очередь, положительно отразилось на усилении активности народных масс.

В эти годы наряду с организационными и хозяйственными вопросами идеологическая работа стояла в центре внимания МНРП. Она развернула решительную борьбу против пережитков феодализма в сознании людей, против национализма и других проявлений враждебной идеологии, мешавших росту творческой инициативы масс, поступательному движению общества к социализму.

Постановление ЦК МНРП, принятое в декабре 1949 г., было посвящено преподаванию истории и литературы в учебных заведениях. В нем отмечалось, что преподавание истории и литературы ведется не на должной высоте, бытуют еще буржуазно-националистические взгляды, преувеличивается роль личности и принижается роль народных масс в истории МНР, мало уделяется внимания социально-экономическим вопросам. В связи с этим необходимо было покончить с идеологическими ошибками и извращениями, систематически повышать и совершенствовать идейно-теоретическую подготовку преподавательских кадров, обеспечить преподавание истории и литературы на основе марксистско-ленинской методологии.

В январе 1950 г. Пленум ЦК МНРП вскрыл ряд недостатков в постановке массово-политической работы, потребовал поднять ее идейный уровень. Пленум отметил, что от политической сознательности трудящихся, их активности во многом зависят успехи и темпы развития МНР.

Важнейшим мероприятием МНРП и народно-демократического государства была разработка пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР на 1948—1952 гг.

Опираясь на социалистический сектор в экономике, особенно на развивающуюся промышленность и растущий рабочий класс, на рост сознательности и патриотизма всех трудящихся, МНРП выдвинула задачу развития народного хозяйства и культуры страны на основе перспективных планов.

Переход к планированию на длительный срок требовал серьезного улучшения работы партийных и государственных ор-

ганов и общественных организаций, трудовой активности кадров в выполнении народнохозяйственных задач.

В декабре 1947 г. состоялся XI съезд МНРП. Монгольский народ встретил съезд большими успехами в области хозяйственного и культурного строительства и укрепления международного положения своей страны.

Глубокие социально-экономические и политические сдвиги, происшедшие в послевоенные годы в мире, облегчили монгольскому народу строительство основ социализма. В единой семье социалистических стран Монгольская Народная Республика получила новые возможности для ускорения темпов своего продвижения к социализму. Всесторонняя помощь Советского Союза и других братских стран послужила мощным фактором развития экономики и культуры МНР и повышения жизненного уровня трудящихся.

МНРП пришла к своему XI съезду еще более сплоченной и окрепшей в организационном и идеологическом отношении.

XI съезд МНРП подвел итоги экономическим и политическим успехам, достигнутым за прошедший период, и принял первый пятилетний план развития народного хозяйства и культуры МНР на 1948—1952 гг.

Основными экономическими и политическими задачами пятилетнего плана 1948—1952 гг. являлись: «Всемерное развитие производительных сил МНР на основе максимального использования внутренних ресурсов страны и особенно неуклонное развитие основной отрасли ее экономики — животноводства; дальнейшее развитие культуры, просвещения и здравоохранения, с тем чтобы обеспечить в будущем быстрый рост экономики и культуры; всемерное повышение благосостояния монгольского народа, а также политической сознательности и трудовой активности трудящихся масс в осуществлении пятилетнего плана; дальнейшая борьба с остатками феодализма в экономике и его пережитками в сознании людей».

IX Великий Народный Хурал, состоявшийся в феврале 1949 г., обсудив ряд важнейших вопросов дальнейшей демократизации государственного строя, будущего хозяйственного и культурного развития страны, утвердил пятилетний план развития народного хозяйства и культуры МНР на 1948—1952 гг.

Кроме того, Великий Народный Хурал утвердил Закон о государственном планировании прироста скота. С 1949 г. начал устанавливаться ежегодный план прироста поголовья скота для каждого индивидуального аратского хозяйства.

Первый пятилетний план явился началом перехода к централизованному руководству всем хозяйственным и культурным строительством страны, к перспективному планированию развития всех отраслей экономики и культуры МНР. Пятилетка способствовала мобилизации монгольских трудящихся на борьбу за строительство социалистического общества. На всех пред-

приятиях, во всех аймаках и сомонах ширилось движение за выполнение заданий пятилетки. На партийных, ревсомольских и профсоюзных собраниях и митингах члены МНРП, Монгольского революционного союза молодежи, рабочие, инженерно-технические работники заверяли, что будут бороться за выполнение пятилетки и отдадут все силы и энергию во имя достижения намеченной цели. Вскоре развернулось соревнование между предприятиями, цехами, участками и отдельными рабочими. Соревнованием руководили партийные, ревсомольские и профсоюзные организации. В ходе борьбы за выполнение и перевыполнение первого пятилетнего плана рабочий класс закрепил за собой роль гегемона в социалистическом преобразовании общества.

V съезд профсоюзов МНР и XI съезд Монгольского революционного союза молодежи, соответственно состоявшиеся в феврале и мае 1948 г., определили задачи профсоюзных и ревсомольских организаций в борьбе за выполнение плана первой пятилетки. Перед ними были выдвинуты следующие задачи: мобилизовать рабочих и молодежь на выполнение заданий пятилетки, на развертывание соревнования и ударничества, на борьбу за повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции. В ходе соревнования внедрялись прогрессивные методы труда, неуклонно повышалась производительность труда рабочих, снижалась себестоимость выпускаемой продукции и улучшалось ее качество. В последние годы первой пятилетки для соревнования было характерно стремление перейти от рекордов одиночек к коллективной ударной работе, к созданию ударных бригад, ударных участков и цехов³.

Переход к ударной коллективной работе способствовал внедрению новых методов труда, воспитанию нового, социалистического отношения к труду. Соревнование открыло перед монгольским рабочим классом широкие возможности для проявления творческой инициативы и талантов. Оно пробудило энергию, таившуюся в народе. Соревнование рабочих из года в год расширялось. В 1948 г. соревнованием по стране было охвачено немногим более 70% рабочих, а к концу пятилетки (1952 г.) — уже около 90%.

Революционное соревнование способствовало формированию нового духовного облика монгольских рабочих, их идейному росту. В борьбе за высокие производственные показатели огромную роль играли богатый опыт рабочего класса Советского Союза и стран народной демократии, а также непосредственная помощь советских передовиков производства монгольским рабочим. В годы первой пятилетки передовики производства — строители, шоферы, шахтеры и другие специалисты — глубоко-

³ Б. Тудэв. БНМАУ-ын ажилчин ангийн түүхээс. У. Б., 1963, с. 107—121.

изучали и применяли методы труда известных советских новаторов. Благодаря этому появились многостаночники, обслуживающие одновременно два-три станка, шоферы-стотысячники, впоследствии ставшие двухсоттысячниками и трехсоттысячниками, и т. д. Многие рабочие за первые четыре года пятилетки выполнили по 6—14 годовых норм. В числе таких передовиков были рабочие Промкомбината Ц. Цэмбэл, Д. Самбу, Г. Пунцаг-Ендон, крепильщики шахты «Налайха» Эрьян, Кудэрберген, Д. Даважав, рабочие уланбаторского кустпромсоюза Б. Чойгомбо, Л. Долгоржав, шоферы Т. Гэлэгжамц, Д. Жамьян, Цэдэв, строители Намсрай, Сансрайдорж, тракторист С. Цаганшухэрт, бурильщики Чоногольского рудника Ш. Дэмбэрэлдорж, М. Сундуй и многие другие.

1952 год был завершающим годом первой пятилетки. Сознавая ответственные задачи, стоявшие перед страной, рабочий класс и все трудящиеся МНР усилили борьбу за выполнение пятилетнего плана. Коллектив горняков Чоногольского рудника в день 1 мая 1952 г. обратился с призывом ко всем рабочим и инженерно-техническим работникам МНР включиться в социалистическое соревнование за выполнение пятилетки.

Обращение чоногольцев нашло широкий отклик у всех трудящихся страны. ЦК МНРП, поддерживая инициативу чоногольцев, в июне 1952 г. принял специальное решение о развертывании социалистического соревнования на всех промышленных, строительных и транспортных предприятиях страны на основе обязательств чоногольцев. Призыв чоногольских рабочих вызвал новую волну социалистического соревнования, подъем творческой инициативы рабочих, умножил ряды передовиков-рационализаторов. Социалистическое соревнование на предприятиях МНР привело к замечательным результатам в выполнении и перевыполнении производственного плана. За высокие трудовые показатели свыше 10 тыс. рабочих получили почетные звания «ударник производства» и «ударник МНР».

Соревнование организовывалось также между аймаками, сомонами и багами, а также между отдельными аратскими хозяйствами за увеличение поголовья скота, повышение его продуктивности, за выполнение плана госпоставок. Несмотря на то что передовые рабочие и скотоводы показывали образцы трудового героизма, пятилетний план по ряду показателей не был выполнен. Это объяснялось, во-первых, трудностями послевоенного времени, а также неблагоприятными климатическими условиями, вызвавшими падеж скота. Во-вторых, сказалась переоценка возможностей частного аратского хозяйства со стороны руководящих и планирующих органов. В-третьих, поставки государству мяса, молока, шерсти и другой продукции животноводства в соответствии с налогово-заготовительной системой, действовавшей в эти годы, не способствовали повышению хозяйственной инициативы аратских хозяйств, не пробуждали у них экономи-

ческой заинтересованности в развитии животноводства. Попытка планового руководства частным индивидуальным аратским хозяйством со стороны государства оказалась недостаточно эффективной.

Тем не менее за годы первой пятилетки МНР добились больших успехов в развитии экономики и культуры и страна продвинулась вперед к социализму. Особенно больших успехов страна достигла в области развития промышленности, современных видов транспорта, связи и роста численности национального рабочего класса. Возросла роль рабочего класса в политической и хозяйственной жизни страны, поднялась трудовая активность трудящихся МНР. Пятилетний план явился первым опытом перспективного социалистического планирования народного хозяйства и культуры и осуществления на практике плановых заданий.

Итоги первой пятилетки и дальнейшая демократизация избирательной системы

Опираясь на всестороннюю бескорыстную братскую помощь Советского Союза, монгольский народ под руководством МНРП в годы первой пятилетки добился больших успехов в развитии экономики страны, в повышении материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Подъем животноводства и повышение его продуктивности были основной, центральной задачей пятилетнего плана. В соответствии с этим в течение 1948—1952 гг. была отменена конно-уртотная повинность, предоставлены значительные льготы аратским хозяйствам по налогу на крупный рогатый скот; организованы новые конно-сенокосные станции; значительно расширена ветеринарная сеть; подготовлено большое количество квалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства.

За годы пятилетки количество конно-сенокосных станций увеличилось в 5 раз, строительство всех видов хашанов — в 3,5 раза. План строительства механизированных колодцев силами государства был перевыполнен более чем в 2 раза.

Все это создавало благоприятные условия для увеличения поголовья скота, повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся страны.

Однако в 1952 г. по сравнению с 1947 г. общее поголовье скота в стране возросло лишь на 8,7%, в том числе в индивидуальных аратских хозяйствах — на 7,1%, в госхозах — на 112,5% и в аратских производственных объединениях — в 6,5 раза⁴.

⁴ МАХН-ын Төв Хорооны 1953 оны 3-р сарын хурлын илтгэл, тогтоол. У. Б., 1953, с. 11.

Цех по обработке кожи Промкомбината
в г. Улан-Баторе

Укрепился социалистический сектор в сельском хозяйстве, представленный госхозами, конно-сенокосными станциями и аратскими производственными объединениями. Общее поголовье скота по этим трем категориям хозяйств выросло только за один 1952 год на 43%. Увеличилась также заготовка кормов по всем категориям хозяйств.

Пятилетний план расширения посевных площадей в госхозах, сбора зерновых культур, расширения сенокосных площадей был успешно выполнен.

За годы первой пятилетки промышленность МНР благодаря помощи Советского Союза сделала крупный шаг вперед. На основе Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и МНР 1946 г. за этот период в МНР был построен ряд новых предприятий. В результате среднегодовой прирост валовой продукции промышленности за этот период составил около 10%. Объем промышленной продукции МНР с учетом выпуска вновь созданных предприятий достиг в 1952 г. (в неизменных ценах 1940 г.) 151% против 1947 г.

Производительность труда в промышленности за пятилетку повысилась на 28,8%, а себестоимость продукции снизилась на 17,5%.

Монгольский государственный университет

В годы пятилетки возросла добыча угля и увеличилась мощность электростанций. В 1953 г. центральная электростанция в Улан-Баторе выработала энергии в 13 раз больше, чем в 1934 г.

Крупнейшие предприятия государственной промышленности — промышленный комбинат и механический завод в Улан-Баторе — были расширены и оснащены новой техникой. В это время промышленный комбинат производил до 140 наименований сукожных, шерстяных, кожевенных и других изделий. За годы пятилетки в районе Налайхи было построено семь новых шахт и восстановлено несколько старых. Повысился уровень механизации трудоемких процессов по добыче угля, в шахтах стали применяться скреперные транспортеры, мощные конвейерные приводы и т. п. В годы первой пятилетки осуществлялось строительство шахты «Налайха-капитальная» и реконструкция Уланбаторской ТЭЦ.

Наибольшего развития в 1947—1952 гг. добилась пищевая промышленность: если в 1945 г. число предприятий в этой отрасли составляло 423 единицы, то к 1952 г. — уже свыше 2 тыс.

В 1952 г., в конце первой пятилетки, выпуск пищевых продуктов по системе министерства пищевой промышленности увеличился на 17,4% против 1947 г. С помощью Советского Союза был построен новый крупный мясокомбинат, оснащенный современной техникой.

Во всех аймаках на базе местных ресурсов создавались пищекомбинаты по производству продовольственных товаров,

спиртоводочные заводы, предприятия по изготовлению хлебобулочных изделий, столовые и т. п.

Значительно выросла полиграфическая промышленность. Государственная типография, работавшая в 1945 г. на 87 усовершенствованных полиграфических машинах с тиражом 30 млн. печатных листов-оттисков, в 1952 г. имела уже более 100 печатных машин и выпускала свыше 70 млн. листов-оттисков. Во всех аймаках появились небольшие местные типографии.

Продолжало развиваться гражданское строительство и производство местных строительных материалов.

С 1940 по 1951 г. были сданы в эксплуатацию в Улан-Баторе, аймачных и сомонных центрах многие десятки промышленных объектов, школ, больниц, культурно-просветительных учреждений и жилых домов. К наиболее крупным из них относятся здания Монгольского государственного университета, Государственного драматического театра, кинотеатра «Элдэв-Очир», Государственной публичной библиотеки и др.

В этот период происходило строительство общественных зданий на промышленных предприятиях, в госхозах и аратских производственных объединениях. Всего за это время были построены здания общей площадью свыше 1 млн. кв. м.

Наряду с государственной промышленностью продолжала свой рост и кустарно-промысловая кооперация. В различных районах страны создавались новые отрасли промышленного производства, необходимые для удовлетворения потребностей местного населения. К концу первой пятилетки свыше 200 артелей, принадлежавших к системе промысловой кооперации МНР, производили широкий ассортимент товаров народного потребления, в частности строительные материалы, одежду, пищевые продукты.

Ряд промышленных предприятий кооперативной промышленности был оборудован современной машинной техникой.

Пятилетний план по выпуску валовой продукции, с учетом внесенных Советом Министров МНР изменений, системой Кустпромсоюза был выполнен на 101,7%.

Развитие государственной промышленности МНР происходило значительно быстрее, чем кооперативной, поскольку ее предприятия в основном были оснащены современной машинной техникой; по объему выпускаемой продукции она далеко опередила кооперативную. Так, удельный вес государственной промышленности по объему продукции достигал 75,9%, а кооперативной — 24,1%.

С 1940 г. промышленность Монгольской Народной Республики стала превращаться в одну из ведущих отраслей экономики и базу для дальнейшего социалистического преобразования индивидуальных аратских хозяйств.

В послевоенный период значительное развитие получили также транспорт и связь. Крупным событием, имевшим важнейшее

значение для развития не только транспорта, но и всего народного хозяйства и культуры МНР, явилась сдача в постоянную эксплуатацию Уланбаторской железной дороги (УБЖД), построенной с помощью СССР. План перевозок грузов в 1951—1952 гг. был выполнен ею на 110%.

Замена конного уртона автотранспортом значительно улучшила перевозку грузов и пассажирское сообщение на всей территории страны, в частности между аймаками, сомонами и другими административными и экономическими центрами МНР.

Автопарк в системе министерства транспорта за пятилетие вырос на 67%. Производительность труда за пятилетку повысилась на 13,9%, себестоимость перевозок снизилась на 18,4%. За это время во всех аймачных центрах появились автотранспортные базы, располагавшие довольно большим парком для перевозки грузов и пассажиров как между аймачными центрами и Улан-Батором, так и внутри аймаков.

Была проведена прямая телефонная линия Улан-Батор — Кобдо протяженностью 1500 км, наладилась постоянная телефонная и телеграфная связь в аймаках; одна треть сомонов республики получила прямую телефонную связь с центрами аймаков. Во всех сомонах были установлены радиопередаточные станции. Построено несколько радиостанций в аймаках, свыше десяти радиоузлов в сомонах.

В связи с ростом промышленности и сельского хозяйства в МНР в послевоенные годы непрерывно развивалась и торговля страны, как внутренняя, так и внешняя.

94% товарооборота приходилось на долю государственной и кооперативной торговли, причем товароборот государственной составлял около 40%, а кооперативной — около 60%.

Удельный вес частной торговли, допущенной только на внутреннем рынке и контролируемой государством, к концу пятилетки снизился в общем товарообороте страны до 6%. После второй мировой войны, по мере укрепления всех отраслей народного хозяйства, повышения производительности труда, снижения себестоимости и увеличения товарных ресурсов, партия и правительство проводили систематическое снижение розничных цен. Так, цены снижались в 1946, 1947, 1948 и 1951 гг.

В апреле 1950 г. Совет Министров МНР и ЦК МНРП приняли постановление «О полной отмене системы нормирования продажи товаров населению, системы отоваривания заготовок шерсти и сырья и перехода к свободной продаже продовольственных и промышленных товаров населению». Это важнейшее постановление открыло новые возможности в развертывании товарооборота внутри страны. С мая 1950 г. на всей территории страны возобновилась свободная торговля по единым государственным ценам.

За пятилетку вырос внешнеторговый оборот между МНР и СССР: по импорту — на 26,4%, по экспорту — на 15,6%. Стал

более разнообразным ассортиментом товаров, ввозимых Советским Союзом в Монгольскую Народную Республику. Так, в 1950 г. поставки Советским Союзом товаров широкого народного потребления увеличились по сравнению с 1940 г. на 90%, а промышленного оборудования и строительных материалов — на 79,5%. Развивались также торговые отношения с КНР.

Заметно оживился внутренний товарооборот, особенно по товарам народного потребления. В 1952 г. было реализовано муки, пшена, тканей и табака (дунзы) больше, чем в 1947 г. За это время особенно повысился спрос населения на культтовары. Так, в 1950 г. продажа населению культтоваров выросла по сравнению с 1945 г. в 4 раза.

Государственный бюджет в 1952 г. по сравнению с 1947 г. увеличился за пятилетку на 26,2%. Пятилетний план капиталовложений в промышленности был выполнен на 104,6%. В сельское хозяйство в 1952 г. по сравнению с 1947 г. было вложено средств в 10 раз больше.

Из года в год наблюдался устойчивый рост капитальных вложений во все отрасли народного хозяйства, что свидетельствовало о значительном накоплении национального богатства страны. Если в 1948 г. в народное хозяйство страны было вложено 40,6 млн. тугриков, то в 1952 г. — 49,5 млн. тугриков. Всего за первую пятилетку эта сумма составила 203,7 млн. тугриков.

Пятилетний план успешно осуществлялся в области народного образования, здравоохранения и культуры. К концу пятилетки план расширения сети больниц и врачебных пунктов был выполнен на 110,2%, число врачей увеличилось более чем в 3 раза, фельдшеров — на 47,7% по сравнению с 1947 г. План расширения сети общеобразовательных школ был выполнен на 101,9%, техникумов — на 100, вузов — на 100%. За пятилетие увеличилось число учащихся начальных школ на 84,4%, семилетних школ — на 33,3%, десятилетних — в 4 раза, число студентов в техникумах — на 27%; в вузах — в 2 раза. Страна получила большое количество специалистов с высшим и средним образованием.

В годы первой пятилетки была в основном решена задача ликвидации неграмотности населения, 99% взрослого населения страны к 1952 г. научилось читать и писать. Это — одно из крупнейших социально-культурных завоеваний монгольского народа за годы народной власти, достигнутое под руководством МНРП. Впервые за свою многовековую историю монгольский народ оставил позади такой тяжелый пережиток феодального прошлого, как неграмотность. В годы первой пятилетки при помощи Академии наук СССР проводились научные исследования в области животноводства, изучения пастбищ, сенокосов и полезных ископаемых, развернулась исследовательская работа в области истории, языка, литературы и экономики МНР.

Таким образом, в годы первой пятилетки значительно расширилась промышленная база республики, укрепился социалистический сектор в народном хозяйстве, поднялась активность трудящихся, упрочился народно-демократический строй. Страна сделала новый крупный шаг на пути к социализму, минув капитализм.

Молодой рабочий класс МНР сыграл важную роль в социалистическом преобразовании общественной жизни страны и углубления строительства социализма в МНР. С развитием социалистического сектора в экономике, созданием новых отраслей промышленности, транспорта и связи появились и окрепли новые отряды монгольского рабочего класса. Численность рабочих на предприятиях министерства пищевой промышленности за годы первой пятилетки увеличилась более чем в 2 раза, в министерстве транспорта — на 23, в полиграфической промышленности — на 15% и т. д.

За это время сформировались новые отряды рабочих горно-рудной и нефтяной промышленности, строительства и железнодорожного транспорта. Общая численность рабочих и служащих, занятых в промышленности и на транспорте, в 1952 г. достигла свыше 70 тыс., что составило около 14% всего самодеятельного населения МНР.

Количественный рост рабочего класса сопровождался качественными изменениями. Повысился уровень его идейно-политической подготовки, общего образования и производственно-технической квалификации. МНРП и правительство МНР проявляли постоянную заботу о непрерывном повышении квалификации национальных кадров промышленности, транспорта и связи.

Подготовка кадров, повышение квалификации рабочих государственной и кооперативной промышленности осуществлялись непосредственно на предприятиях и в артелях путем индивидуального и бригадного ученичества и организации технических кружков. В Улан-Баторе и других промышленных центрах страны за годы пятилетки были созданы специальные школы типа ФЗУ и техникумы.

Появились кадры квалифицированных рабочих — шахтеры, бурильщики, паровозные машинисты, слесари, токари, электромонтеры, каменщики, штукатуры и т. д. Непрерывно увеличивалась численность инженерно-технических работников, занятых в промышленности.

Значительно возросли активность и инициатива рабочих. Широилось движение рационализаторов и новаторов. Сотни передовиков производства показывали образцы высокой производительности труда.

Рабочий класс и техническая интеллигенция МНР, осваивая опыт новаторов промышленности Советского Союза, учились у советского рабочего класса.

Наряду с ростом общеобразовательных и профессионально-технических знаний рабочего класса повышался уровень его идейно-политического воспитания. Это, в частности, нашло свое отражение в росте рабочей прослойки в рядах Монгольской народно-революционной партии, Монгольского революционного союза молодежи (МРСМ), профсоюза и других общественных организаций.

Рабочий класс принимал все более активное участие в общественно-политической жизни страны как строитель социализма и ведущая сила всех трудящихся Монголии. Если в 1947 г. к XI съезду партии рабочая прослойка внутри партии составляла 4,7%, скотоводы — 54,1 и интеллигенция — 41,2%, то к XII съезду, в 1954 г., рабочие уже составили 14,9%, скотоводы — 38,6, председатели интеллигенции — 46,5%. За эти годы доля рабочей прослойки в партии выросла почти в 2 раза, интеллигенции — на 5%, а число скотоводов сократилось на 15,5%. Количество рабочих — членов МРСМ за пятилетку возросло на 83%, а членов профсоюза — на 10,8% против 1947 г. Удельный вес представителей рабочего класса в высших органах государственной власти в составе Великого Народного Хурала поднялся с 5,4% в 1949 г. до 10,3% в 1951 г. Аналогичные изменения произошли в социальном составе местных хуралов.

Все эти изменения в социальном составе МНРП и органов народной власти за счет рабочего класса и трудовой интеллигенции отражали глубокие перемены в классовой структуре МНР и ускорение темпов социалистического развития страны в годы первой пятилетки. Об укреплении общественного и государственного строя в МНР свидетельствовало решение IX Великого Народного Хурала (февраль 1949 г.) о дальнейшей демократизации избирательной системы путем закрепления принципа всеобщих выборов и замены не вполне равных избирательных прав равными, многостепенных выборов — прямыми, открытого голосования — тайным.

Установление всеобщих, равных и прямых выборов в хуралы, при тайном голосовании, неизмеримо расширило демократические права трудящихся МНР и открыло возможности для широкого участия трудящихся в управлении государством.

Таким образом, был сделан крупный шаг по пути дальнейшей демократизации народного государства. Такая демократизация избирательной системы стала возможной в результате огромных успехов, достигнутых в общественно-политической, экономической и культурной жизни страны, в результате роста политической сознательности и активности рабочего класса и всех трудящихся МНР, в результате единства и сплоченности партии и народа.

В июне 1951 г. впервые были проведены выборы в Великий Народный Хурал на основе новой избирательной системы. В го-

лосовании участвовало 99,92% избирателей, из которых 99,67% отдали свои голоса за кандидатов блока членов партии и беспартийных. В состав Великого Народного Хурала были избраны лучшие представители рабочих, скотоводов и интеллигенции страны. Выборы продемонстрировали морально-политическое единство монгольского народа, его сплоченность вокруг МНРП и народной власти.

В октябре 1952 г. по всей стране проходили выборы в местные органы власти. Всего в местные хуралы был избран 49 641 депутат. В управление государством были вовлечены тысячи рабочих, скотоводов и интеллигенции — лучшие люди страны.

Дальнейшая демократизация избирательной системы означала укрепление союза рабочего класса и аратства при руководящей роли рабочего класса в этом союзе, являющемся решающим фактором строительства социализма.

Глава 3

ПОБЕДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В МНР (1954—1960)

Экономические и политические предпосылки развития массового кооперативного движения аратов

1954—1960 годы явились для монгольского народа важным отрезком истории, охватывающим такие выдающиеся события, как окончательная победа социалистических производственных отношений в народном хозяйстве страны, дальнейшие успехи в развитии экономики, культуры, принятие новой Конституции, дальнейшее укрепление международного положения МНР, расширение всестороннего сотрудничества и дружбы со странами социализма, прежде всего с СССР. В этот период складывались новые предпосылки для более активного участия МНР в международном социалистическом разделении труда, для вступления в Совет Экономической Взаимопомощи.

Неуклонное укрепление международного положения МНР означало расширение экономических и культурных связей с зарубежными странами, что содействовало успешному строительству социализма в стране.

13 июня 1954 г. состоялись новые выборы в Великий Народный Хурал. Все избиратели отдали свои голоса за кандидатов блока членов МНРП и беспартийных. Итоги выборов еще раз

продемонстрировали сплоченность монгольского народа и глубокое доверие к МНРП и Народному правительству.

1-я сессия Великого Народного Хурала второго созыва, проходившая в июле 1954 г., избрала Председателем Президиума Великого Народного Хурала Ж. Самбу и образовала правительство во главе с Ю. Цеденбалом. В ноябре того же года состоялся XII съезд МНРП, который подвел итоги выполнения заданий первой пятилетки и утвердил директивы второго пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры страны на 1953—1957 гг. Основной задачей новой пятилетки стало обеспечение значительного подъема всех отраслей народного хозяйства при неуклонном росте и укреплении социалистического сектора, дальнейшее развитие животноводства путем всесторонней поддержки аратских хозяйств, а также всемерное повышение материального и культурного уровня трудящихся.

Во второй пятилетке были выдвинуты конкретные задачи по увеличению поголовья скота и продукции животноводства, по укреплению социалистического сектора (АПО, КСС, госхозов) в сельском хозяйстве, а также по развитию промышленности, строительства и других отраслей народного хозяйства.

Для успешного выполнения заданий второй пятилетки МНРП и Народное правительство осуществили ряд политических, экономических и организационных мероприятий.

В 1955 г. ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли постановление об организационно-хозяйственном укреплении госхозов, согласно которому в госхозах была введена хозяйственная специализация, производственная бригада становилась основной формой организации труда.

МНРП принимала меры для ускорения кооперирования аратского хозяйства. Первый съезд передовиков АПО в марте 1955 г. обобщил итоги социалистического преобразования сельского хозяйства и утвердил Примерный устав сельскохозяйственных объединений (СХО). В организационно-хозяйственном укреплении социалистического сектора в сельском хозяйстве большую роль сыграли решения декабрьского Пленума (1955 г.) ЦК МНРП «Задачи партийных, государственных и сельскохозяйственных органов в организационно-хозяйственном укреплении СХО, КСС и госхозов и повышении уровня партийно-государственной работы в них». В 1954—1957 гг. были направлены на работу в СХО более 300 активистов-добровольцев из партийных, государственных и хозяйственных учреждений, с тем чтобы обеспечить социалистический сектор сельского хозяйства опытными, высококвалифицированными кадрами, способными руководить крупным социалистическим хозяйством. В целях укрепления кормовой базы и подъема земледелия в социалистическом секторе сельского хозяйства в годы второй пятилетки было проведено межхозяйственное землеустройство. С 1957 г. почетное звание Героя труда МНР стали присваивать членам СХО,

рабочим и работникам госхозов и МЖС, добившимся высоких показателей.

Наряду с укреплением социалистического сектора сельского хозяйства осуществлялось стимулирование аратских хозяйств в увеличении поголовья скота, находящегося в личной собственности. Созванное в 1955 г. четвертое совещание передовиков-скотоводов МНР мобилизовало аратство на дальнейший подъем животноводства. Для поощрения аратов-скотоводов, увеличивших поголовье собственного скота в течение двух лет не менее чем на 15% за счет молодняка, с 1957 г. стали присваивать звание «передовой скотовод республики». В 1955, 1956 гг. аратским хозяйствам была предоставлена 10-процентная скидка по обязательным поставкам мяса государству, а задолженность членов СХО и аратских хозяйств по госпоставкам мяса, шерсти и молока за 1954, 1955, 1956 гг. была аннулирована. Аратские хозяйства получили новые льготы по закону о животноводческом налоге. В еще больших размерах государство проводило краткосрочное и долгосрочное кредитование аратских хозяйств.

В результате этих мер в годы второй пятилетки несколько ускорился темп прироста поголовья скота, а социалистический сектор в сельском хозяйстве превратился в большую силу. Были созданы восемь новых госхозов и десятки КСС, которые затем были реорганизованы в машинно-животноводческие станции (МЖС).

Рабочий класс, араты-скотоводы и трудовая интеллигенция своим самоотверженным трудом добились успешного выполнения основных заданий второй пятилетки.

XIII съезд МНРП, состоявшийся в марте 1958 г., с удовлетворением отметил крупные шаги, сделанные страной за годы второй пятилетки в строительстве социализма, и утвердил директивы трехлетнего плана развития народного хозяйства и культуры на 1958—1960 гг. Основная задача трехлетнего плана заключалась в обеспечении нового подъема производительных сил страны, во всемерном развитии и укреплении социалистического уклада в сельском хозяйстве, в дальнейшем росте всех отраслей народного хозяйства и неуклонном повышении материального и культурного уровня жизни трудящихся.

В трехлетке ставились конкретные задачи: увеличить поголовье скота на 7,2%, выпуск валовой продукции промышленности — на 53,2%, а объем капиталовложений довести до 1,3 млрд. тугриков. XIII съезд МНРП, учитывая массовое вступление единоличных аратов в коллективные хозяйства, призвал завершить кооперирование основной массы аратских хозяйств в течение ближайших трех лет.

Трехлетний план развития народного хозяйства и культуры МНР был успешно выполнен. Крупнейшим достижением народного хозяйства МНР за годы трехлетнего плана явилось разви-

тие земледелия, и в частности освоение целинных земель. III пленум ЦК МНРП в марте 1958 г. выдвинул задачу подъема земледелия путем освоения в 1959—1961 гг. 300 тыс. га целинных земель, с тем чтобы удовлетворить потребности страны в хлебе за счет собственного производства. В осуществлении этой программы большую помощь оказал СССР. Советский Союз в 1959 г. прислал в МНР сотни специалистов, поставил 3000 автомашин, 2500 тракторов, 500 комбайнов и других машин для сельского хозяйства.

В 1959 г. в районах освоения целинных земель выросло несколько новых зерновых госхозов. В 1959—1960 гг. было освоено 260 тыс. га целинных земель и собран богатый урожай: в 1959 г. — 7 млн. пудов, в 1960 г. — 16 млн. пудов зерна. Таким образом, задача, выдвинутая III пленумом ЦК МНРП, была выполнена всего за два года. С освоением большого массива целинных земель земледелие превратилось в самостоятельную отрасль сельского хозяйства.

В годы второй пятилетки и трехлетнего плана монгольский народ добился значительных успехов в развитии промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства.

Опираясь на достигнутый в первой пятилетке уровень развития промышленности, МНРП и Народное правительство в годы второй пятилетки и трехлетнего плана сосредоточили внимание на развитии отраслей национальной промышленности, и прежде всего тех, которые могли работать на экономически наиболее выгодном местном сырье.

В 1953—1957 гг. в МНР были проведены важные мероприятия по более эффективному использованию машин и оборудования, экономии сырья и материалов, повышению квалификации рабочих и инженерно-технических работников, вовлечению рабочих и служащих в социалистическое соревнование, распространению опыта передовиков производства, улучшению режима экономии и укреплению хозяйственного расчета, по устранению текучести кадров рабочих и повышению их жизненного уровня.

Благодаря самоотверженному труду рабочего класса промышленности МНР выполнила задания второй пятилетки на 107%. Выпуск валовой продукции промышленности за пятилетие увеличился на 69%, в том числе по государственной промышленности — на 73%, по кооперативной — на 55%. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции за этот период составили 13,1% вместо намеченных по плану 7,8%. В результате механизации и электрификации производственных процессов, внедрения новой техники, рационализации значительно повысилась производительность труда: в государственной промышленности — на 57,6%, в кооперативной — на 38%. Предприятия государственной и кооперативной промышленности освоили производство ряда новых сельскохозяйственных машин

и оборудования и запасных частей к ним, а также предметов массового потребления.

Во второй пятилетке были расширены или реконструированы такие предприятия, как Уланбаторская ТЭЦ, мясокомбинат, мебельная фабрика и др. За этот же период были построены мыловаренный завод, несколько угольных шахт местного значения, создана артель по изготовлению фарфора и др.

За годы второй пятилетки значительно расширились нефтяная и горнорудная промышленность. При этом решающую роль сыграли созданные в 1949 г. советско-монгольское акционерное общество «Совмонголметалл» и трест «Монголнефть».

Быстро развивалось строительство. Общий объем производства строительных материалов к концу 1957 г. увеличился по сравнению с 1952 г. почти в 8 раз. С развитием производства стройматериалов и капитального строительства строительная индустрия превратилась в самостоятельную отрасль тяжелой промышленности.

Основными источниками сравнительно высоких темпов роста промышленности служили увеличение капиталовложений и постоянное повышение производительности труда. За годы второй пятилетки капиталовложения (не включая помощи СССР и других социалистических стран) составили 141,8 млн. тугриков, или в 4,4 раза больше, чем в первой пятилетке. Важную роль в развитии промышленности сыграла братская помощь Советского Союза.

Успешно выполнялись задачи трехлетнего плана по выпуску промышленной продукции. Общий рост валовой продукции промышленности за 1958—1960 гг. составил 63,8% вместо намеченных по плану 52%, среднегодовые темпы прироста промышленной продукции за трехлетку составили 17,9%. Таким образом, темпы роста промышленного производства в МНР в годы перспективных планов постепенно нарастали. Если в первой пятилетке (1948—1952) ежегодный прирост промышленной продукции составлял 2,4%, то во второй (1953—1957) — 13,1, в трехлетке (1958—1960) — 17,9%.

В период трехлетнего плана при экономической помощи СССР и некоторых других стран социализма (ЧССР, ГДР, ПНР) были построены и сданы в эксплуатацию новые промышленные предприятия, в том числе угольная шахта «Налайха-Капитальная», типография глубокой печати, ряд предприятий пищевой промышленности, производства стройматериалов и др.

В результате строительства новых предприятий и реконструкции старых осуществлялось техническое перевооружение промышленности. В связи с этим значительно возросли и капиталовложения в промышленность, объем которых в трехлетке вырос по сравнению со второй пятилеткой на 49%.

Оснащение промышленных предприятий современным оборудованием и внедрение прогрессивной технологии позволили на-

много повысить производительность труда, которая в 1960 г. выросла на 21% по сравнению с 1957 г.

В этот период в связи с быстрым и успешным развитием земледелия появилась новая отрасль пищевой промышленности — мукомольная. В 1959 г. с помощью Советского Союза были построены мелькомбинат в Улан-Баторе мощностью 31,2 тыс. т муки в год и кондитерская фабрика производственной мощностью 5 тыс. т изделий в год, а также механизированные мельницы в Улангоме, Булгане и Чойбалсане.

Успешно развивалась и легкая промышленность. В годы трехлетки были реконструированы валяльно-войлочная, обувная и кожевенно-галантерейная фабрики, построена камвольная фабрика.

Предприятия промысловой кооперации значительно расширили выпуск товаров широкого потребления, различного сельскохозяйственного инвентаря, стройматериалов и т. п. на основе лучшего использования промышленных отходов, нестандартного сырья и местных сырьевых ресурсов.

В результате существенных сдвигов в экономике в предшествующий период, успешного выполнения второго пятилетнего и трехлетнего планов развития народного хозяйства МНР превратилась из аграрной страны в аграрно-индустриальную. В 1957 г. доля промышленной продукции в совокупной продукции промышленного и сельскохозяйственного производства составила 41%. В 1960 г. объем промышленной продукции вырос по сравнению с 1940 г. в 7,4 раза, в том числе объем продукции тяжелой промышленности — в 6,6 раза. По уровню развития промышленности МНР обогнала такие страны, как Пакистан, Турция, Иран и др.

Данный период ознаменовался дальнейшим развитием современных видов транспорта и связи. В конце 1955 г. вступила в строй железнодорожная магистраль Улан-Батор — Дзамын-Удэ протяженностью свыше 700 км. К этому времени общая протяженность ширококолейных железнодорожных линий МНР увеличилась в 2 раза по сравнению с 1952 г., а перевозки грузов на железнодорожном транспорте возросли по сравнению с 1952 г. в 17,4 раза.

Железная дорога стала одним из главных видов транспорта по объему перевозимых грузов. В конце 1960 г. на железные дороги приходилось 42% всех внутренних и внешних перевозок страны, а во внешнем грузообороте удельный вес железнодорожных перевозок занял 93% общего грузооборота.

Значительное распространение получил и автомобильный транспорт. Грузовые перевозки на автотранспорте увеличились в 1960 г. по сравнению с 1957 г. в 3 раза, а перевозки пассажиров — почти в 1,5 раза.

Повысился удельный вес воздушного транспорта. Безвозмездная передача Советским Союзом МНР сооружений аэро-

дромов и средств гражданской авиации стоимостью более 20 млн. руб. заложила крепкую базу гражданской авиации в Монголии.

Были досрочно выполнены второй пятилетний и трехлетний планы по развитию средств связи. Количество телефонных станций увеличилось на 16%, число радиоузлов — на 31%. Заработала прямая телефонная связь между Улан-Батором и многими совхозами и сельскохозяйственными объединениями, все сомоны были обеспечены связью с аймачными центрами.

В освоении всех видов современной связи огромную помощь оказал Советский Союз. В 1957 г. МНР получила в безвозмездное пользование многоканальную телефонную линию, связавшую Улан-Батор с Москвой и Пекином, созданную на средства СССР, а в апреле 1960 г. с помощью СССР в Хонхоре была построена мощная центральная радиостанция им. В. И. Ленина.

Неуклонный рост промышленности и сельского хозяйства страны, а также дальнейшее расширение экономического сотрудничества МНР с социалистическими странами обусловили развитие внешней и внутренней торговли МНР.

В годы второй пятилетки и трехлетнего плана укреплялась государственная и кооперативная торговля, улучшилось обслуживание трудящихся. В 1954 и 1958 гг. были снижены цены на некоторые товары широкого потребления и в то же время неоднократно повышались государственные закупочные цены на скот и продукты скотоводства.

Ноябрьский пленум ЦК МНРП (1958 г.), рассмотрев вопрос о развитии государственной и кооперативной торговли, принял важные решения по дальнейшему улучшению торгового обслуживания населения и увеличению розничного товарооборота в стране. С целью лучшего удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей населения и централизации руководства торговлей и заготовками Пленум постановил изменить организационную структуру торговли. В начале 1959 г. было создано министерство торговли и заготовок, а Монкоопсоюз был преобразован в добровольное потребительское общество содействия торговле и заготовкам. Государственная торговля заняла ведущее место в розничном товарообороте страны, доля ее поднялась с 47 в 1957 г. до 92% в 1960 г. Удельный вес кооперативной торговли снизился соответственно с 39% в 1957 г. до 7,6% в 1960 г.

В результате успешного развития социалистического сектора торговли, т. е. государственной и кооперативной торговли в целом, удельный вес частной торговли значительно сократился. К 1958 г. частный сектор в торговле и вовсе прекратил свое существование.

В результате успешного выполнения народнохозяйственных планов 1953—1960 гг., постоянного роста доходов трудящихся

и повышения покупательной способности населения неуклонно активизировался розничный товарооборот, который увеличился в 1957 г. на 95% по сравнению с 1952 г., а в 1960 г. — на 12,7% по сравнению с 1958 г. Расширился ассортимент товаров, потребляемых населением. Появился спрос на такие товары, как стиральные машины, пылесосы, автомашины, мотоциклы и др.

Значительно вырос объем годового потребления товаров на душу населения. Так, с 1955 по 1959 г. продажа хлеба на душу населения почти удвоилась, мясных изделий и сливочного масла — увеличилась почти в 3 раза, швейных машин — в 17 раз, хлопчатобумажных тканей, готовой одежды, кожаной обуви, культтоваров — в 2 раза и т. д.

Наряду с ростом розничного товарооборота внутри страны из года в год увеличивался и внешнеторговый оборот МНР. Во второй пятилетке он вырос на 57% по импорту и на 30% по экспорту, а за годы трехлетки — соответственно на 40 и 26,5%. Существенно изменилась его структура. В импорте страны доля промышленного оборудования, машин, механизмов и технических товаров поднялась до 40% в 1958 г. против 24% в 1952 г., а удельный вес таких товаров, как готовая одежда, шерстяные ткани, кожаные изделия, фарфор, нефтепродукты и др., значительно сократился. В 1953—1959 гг. МНР установила торговые отношения со всеми странами социалистической системы. Получила некоторое развитие торговля МНР с капиталистическими странами.

В связи с успешным развитием социалистической промышленности, транспорта и связи вырос национальный рабочий класс, улучшился его качественный состав. Число рабочих в 1958 г. по сравнению с 1940 г. увеличилось в 3 раза и в 1960 г. — в 5,8 раза. В начале 1958 г. рабочие, занятые непосредственно на производстве, составляли 14% всего населения страны, а рабочие и служащие вместе с семьями — 28,6% в 1958 г. и 36,1% в 1960 г. Значительно возросла руководящая роль рабочего класса во всей общественно-политической жизни страны. Выросло число рабочих — членов МНРП. Если в 1954 г. они составляли 14,9%, то в 1958 г. — 19,4%, в 1961 г. — 26,2%. Все большее число рабочих избирается в депутаты Великого Народного Хурала и местных органов государственной власти. В Великом Народном Хурале первого созыва (1951 г.) рабочие составляли 12% всех депутатов, а третьего созыва (1957 г.) — 25%.

Укрепился союз рабочего класса с кооперированным аратством. Рабочий класс стал оказывать действенную помощь кооперированному аратству во внедрении в сельское хозяйство современной машинной техники. Рабочие коллективы промышленных предприятий стали осуществлять шефство над СХО, производить отчисления от прибылей промышленных предприятий на организационно-хозяйственные цели объединений и т. д.

Значительно повысился уровень технических знаний и культуры рабочих. Со вступлением в строй промышленных предприятий, оснащенных новейшей техникой, и успешным завершением реконструкции старых потребовалось большое число высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. В связи с этим происходит усиленная подготовка кадров в технических средних и высших учебных заведениях МНР, СССР и других братских социалистических стран, а также повышается квалификация рабочих без отрыва от производства. Только за годы второй пятилетки численность специалистов с высшим образованием в промышленности возросла в 18 раз, со средним — в 8 раз. Многие монгольские рабочие прошли производственную практику в СССР, ЧССР и других странах социалистического содружества.

В ходе борьбы за успешное выполнение второго пятилетнего и трехлетнего планов развернулось движение рационализаторов и изобретателей. В расширении движения рационализаторов производства большую роль сыграли республиканские совещания передовиков промышленности, строительства, транспорта и связи. Многие рабочие перевыполняли плановые задания, среди них такие передовики производства, как первые Герои труда МНР шахтер Д. Даважав, рабочий промкомбината Д. Шарав и др.

В ходе социалистического соревнования в годы трехлетнего плана зародилось и получило широкое распространение движение за звание бригады социалистического труда, основной лозунг которого — «учиться, работать и жить по-социалистически». Это движение, возникшее в 1959 г. в бригаде ремонтников паровозного депо станции Улан-Батор, за короткий срок охватило все отрасли народного хозяйства и широкие слои трудящихся. К концу 1960 г. в стране было уже 20 бригад социалистического труда и 600 бригад боролись за это высокое звание.

Победа социалистических производственных отношений в монгольском худоне и ее социально-политическое значение для дальнейшего развития МНР

В середине 50-х годов в результате социально-экономических и культурных преобразований страны сложились реальные условия для ускорения процесса кооперирования сельского хозяйства. На основе ленинского кооперативного плана, творчески используя опыт коллективизации сельского хозяйства в СССР и в других странах социализма, монгольский народ под руководством МНРП осуществил переход от мелких, распыленных аратских хозяйств к крупным производственным объединениям

аратов. Потребовалось много времени и напряженного труда партии и народа для проведения социалистического преобразования сельского хозяйства.

Как известно, в первые годы революции в стране была национализирована земля, которая принадлежала классу феодалов. Переход земли в общественную собственность, т. е. в собственность всего народа, послужил одной из важнейших предпосылок возникновения социалистического уклада в сельском хозяйстве. Однако этим еще далеко не решались вопросы социалистического преобразования сельского хозяйства в конкретных условиях Монголии, где экстенсивное кочевое скотоводство было основой экономики страны, а главное богатство страны — скот — оставалось в руках мелких производителей. Государство всемерно поощряло и содействовало подъему этих хозяйств, с тем чтобы подготовить необходимые материальные условия для перевода их на общественные рельсы.

В результате все возрастающей материально-технической и организационной помощи народного государства аратские хозяйства экономически окрепли и постепенно достигали уровня середняцких хозяйств. В 1956 г. середняцкие хозяйства составили 63% всех аратских хозяйств в стране.

Важнейшей особенностью развития аратского хозяйства, и прежде всего середняцкого, был постепенный переход от натурального хозяйства к товарному производству. Размер товарной продукции аратского хозяйства рос абсолютно и относительно. Так, в 1957 г. в стране было заготовлено скота на 33%, шерсти — на 35% больше, чем в 1952 г. Но все это не полностью обеспечивало потребности страны в продуктах животноводства.

Одна из ведущих отраслей экономики республики — животноводство все еще находилось в руках мелких производителей. Согласно данным переписи населения МНР в 1956 г., араты-единоличники составляли 61,4% всего населения и им принадлежало 80,9% всего скота в стране.

Преобладание единоличных хозяйств не давало возможности государству охватить плановым руководством все сельское хозяйство. Поэтому кооперирование аратских хозяйств стало насущной потребностью экономического развития страны.

В кооперировании сельского хозяйства большую роль сыграли отечественная промышленность, транспорт и связь, государственная финансовая система, государственная торговля, социалистические сельскохозяйственные предприятия (госхозы, МЖС).

Особое значение принадлежало госхозам и МЖС, которые на практике убеждали аратов в преимуществах крупного социалистического сельскохозяйственного производства. Для мелких аратских хозяйств они явились школой и примером ведения крупного социалистического хозяйства. В таких условиях осу-

ществлялся переход мелких аратских хозяйств на кооперативный путь развития.

В результате большой организационно-политической работы партии и государства в годы первой пятилетки АПО добились значительных успехов в развитии общественного хозяйства и вовлечении аратских масс в объединения.

В 1948—1952 гг. число АПО в стране увеличилось на 52,7%, число их членов — на 100%, а поголовье общественного скота — в 6 раз. К концу первой пятилетки (1952 г.) было кооперировано 5% аратских хозяйств, удельный вес общественного скота объединений составлял 1,2% всего поголовья скота в стране.

На Пленуме ЦК МНРП (март 1953 г.) впервые обсуждался вопрос «Об организационно-хозяйственном укреплении аратских производственных объединений в Республике».

Пленум ЦК отметил, что в результате организационной и финансовой помощи со стороны народного государства аратские производственные объединения в МНР за последние годы добились серьезных успехов в развитии и укреплении общественного хозяйства. Однако процесс кооперирования аратских хозяйств и укрепления общественного хозяйства шел весьма медленно.

Наличие большого количества скота в личном хозяйстве отрицательно сказывалось на росте и укреплении общественной собственности и хозяйства объединений. У большинства членов АПО оставалось мало времени для работы в общественном хозяйстве. Это мешало им принимать активное участие в общественном производстве и лишало их заинтересованности во всемерном развитии и укреплении общественного хозяйства.

Медленный рост состава АПО и удельного веса общественного скота объяснялся также отсутствием в уставе четкого определения значения общественного хозяйства и общественного труда членов АПО для дальнейшего развития и укрепления только что зародившихся объединений.

В 1954 г. Совет Министров МНР принял постановление «О мерах по улучшению организации и оплаты труда в аратских производственных объединениях». Оно рекомендовало всем АПО организовать труд по бригадному методу, установить примерные нормы выработки и оценивать выполненные работы в трудоднях. Постановление также указывало, что в связи с успешным развитием общественного хозяйства появилась необходимость планового руководства хозяйственной деятельностью объединений. Была организована подготовка счетных и руководящих работников в объединениях, на средства государства были созданы курсы по обучению счетоводов, бригадиров и председателей объединений. Начиная с 1954 г. на работу в АПО перешли многие посланцы партийных, государственных и общественных организаций, а также специалисты сельского хозяйства. В результате улучшилась хозяйственная деятельность

АПО. По решению ЦК партии и правительства в течение 1953—1954 гг. дважды созывались совещания председателей АПО Монголии с участием руководящих работников местных и центральных партийных и государственных органов.

Многие АПО превратились в крупные общественные хозяйства. Отдельные объединения добились серьезных успехов в организации труда. Постоянная бригада стала основной формой организации общественного труда в передовых хозяйствах. Начал налаживаться учет затрат труда и общественного продукта. Общественные хозяйства теперь работали по плану, своевременно составляли доходно-расходные сметы.

В АПО расширялись посевные площади. Если в 1953 г. по всей стране они занимали 1397 га, то в 1954 г. — 2193 га. В отдельных объединениях доходы от земледелия выросли на 10—15% по сравнению с 1953 г. Укрепление и развитие отраслей общественного хозяйства и участие многих членов объединений в общественном производстве привели к росту натуральных и денежных доходов АПО. В 1954 г. денежные доходы объединений республики увеличились на 56% против 1952 г.

Эти факты убедительно показали, что существующие АПО накопили известный опыт в ведении общественного хозяйства. Среди них появились передовые хозяйства.

В конце первой пятилетки аратские производственные объединения завоевали доверие значительной части аратского населения и как форма коллективного хозяйства, выдвинутая практикой социалистического строительства в худоне, доказали свою жизненность.

В 1954 г. в стране насчитывалось 198 объединений, в которых состояло 15 400 человек. Обобществленный скот объединений составлял 979,5 тыс. голов.

В этот период наряду с укреплением существующих АПО создавались также новые, росло число их членов, быстро увеличивалось поголовье общественного скота.

В годы второй пятилетки партия и правительство проводили крупные мероприятия по развитию и укреплению экономики АПО. Среди них следует особо отметить финансовую политику в области сельского хозяйства, заготовительную и налоговую политику.

Одной из форм экономической помощи государства аратским производственным объединениям были краткосрочные и долгосрочные кредиты. Финансовая помощь государства в виде банковских ссуд способствовала организационно-хозяйственному укреплению объединений, росту их общественной собственности, в том числе поголовья общественного скота, улучшению породности и повышению продуктивности животных, расширению сенокосения и развития земледелия, внедрению культуры и техники в сельскохозяйственное производство, увеличению денежных доходов объединений и, следовательно, по-

вышению материального благосостояния и культурного уровня их членов.

С каждым годом росли суммы кредитного финансирования, отпущенного Госбанком на нужды АПО. Общая сумма этих ссуд в 1957 г. возросла по сравнению с 1952 г. в 5 раз, в том числе по долгосрочному кредитованию более чем в 4 раза, а по краткосрочному кредитованию в 11 раз. В 1957 г. членам СХО были выданы ссуды на 700 тыс. тугриков для индивидуального жилищного строительства. Начиная с 1955 г. Совет Министров МНР определил для каждого объединения размер кредита до 100 тыс. тугриков по долгосрочным кредитам и до 10 тыс. тугриков по краткосрочным. Это создало для объединений возможность в более широких размерах получать банковские ссуды и использовать их для подъема общественного хозяйства.

Налоговая политика и политика заготовок были направлены на подъем экономики трудового аратского хозяйства, ограничение кулацких элементов и перевод аратских хозяйств на кооперативный путь развития. В этом отношении характерна, например, система животноводческого налога в аратских хозяйствах, введенная в 1954 г. Животноводческий налог взимался с поголовья скота в хозяйстве в соответствии с переписью предыдущего года. При этом общая сумма налога на скот была снижена примерно на 25%. Новые ставки налога по закону 1954 г. устанавливались более дифференцированно в соответствии с экономической мощностью хозяйства. Бедняцким хозяйствам предоставлялись большие льготы. Так, хозяйства, имевшие до 20 голов скота, полностью освобождались от уплаты налога. Самые низкие налоги взимались с хозяйств, имевших от 21 до 50 голов. Бедняцкие хозяйства, пользуясь значительными льготами по животноводческому налогу, получили возможность развивать свое хозяйство, противостоять давлению крупных зажиточных хозяйств.

Новый закон о животноводческом налоге устанавливал прогрессивные ставки налога на скот в хозяйствах, которые имели большое поголовье. Хозяйства, имевшие от 51 до 100 голов скота, платили животноводческий налог в следующем размере на каждую голову различного вида скота в тугриках: 4 тугрика за верблюда, 3 — за лошадь, 2 — за голову крупного рогатого скота, 0,7 — за овцу, 0,25 тугрика — за козу. Более крупные хозяйства в зависимости от их размеров платили: за верблюда — 8—10 тугриков, за лошадь — 7—9, за голову крупного рогатого скота — 6—8, за овцу — 1,75—2,30, за козу — 1,25—2 тугрика.

Стимулируя добровольное вступление аратов в объединения, государство одновременно продолжало ограничивать зарождение и рост кулацких элементов.

Согласно тому же закону ставки налогов на общественный

скот АПО и на личный скот их членов были значительно ниже, чем на скот единоличных аратских хозяйств.

Опираясь на крепнущую экономику народного хозяйства, на союз рабочего класса и трудового аратства, государство поставило задачу быстро завершить добровольное кооперирование сельского хозяйства, с тем чтобы социалистические производственные отношения победили во всем народном хозяйстве.

Ускорению процесса добровольного кооперирования сельского хозяйства способствовала новая система заготовок (март 1954 г.). По этой системе норма поставок животноводческой продукции для членов АПО была установлена на 10% ниже, чем для аратских хозяйств, а для аратов, вступивших в объединения, количество сдаваемой продукции снижалось в соответствии с размерами обобществляемого скота. Для аратских хозяйств были введены прогрессивные и дифференцированные нормы поставок животноводческих продуктов в зависимости от мощности хозяйств. Хозяйства, имевшие 11—30 бодо скота, сдавали с одной головы крупного рогатого скота 20 кг мяса и 60 л молока, с одной овцы — 0,8 кг шерсти, а наиболее крупные хозяйства, в которых насчитывалось свыше 260 бодо, — 45 кг мяса и 100 л молока, 1,5 кг шерсти.

Для общественного скота АПО устанавливались единые пропорциональные нормы сдачи животноводческой продукции независимо от мощности общественного хозяйства. Так, например, норма сдачи мяса кооперативами государству с одной головы крупного рогатого скота равнялась 24 кг, с овцы — 4, с козы — 3 кг. АПО должны были сдавать с одной головы овцы 1,2 кг шерсти, с верблюда — 4,2, с козы — 0,2 шерсти и 0,22 кг пуха. Норма сдачи молока от одной коровы равнялась 65 л независимо от количества крупного рогатого скота в общественном хозяйстве объединения.

Такая система поставок продуктов государству способствовала развитию и укреплению экономики АПО и повышению материального и культурного уровня их членов.

Система поставок и налогов этого периода побуждала аратские хозяйства добровольно вступать в кооперативы и преграждала путь развитию капиталистических элементов.

За 12 лет (1942—1954) после принятия Примерного устава АПО в их жизни произошли серьезные сдвиги, которые нашли отражение в новом Примерном уставе.

Новый Примерный устав был выработан при участии широких слоев сельского населения и активов центральных и местных партийных, государственных органов и передовиков производства и руководящих работников АПО.

На I республиканском съезде передовиков сельского хозяйства (март 1955 г.) был принят новый Примерный устав сельскохозяйственных объединений. Согласно этому уставу АПО стали называться сельскохозяйственными объединениями (СХО).

Новый Примерный устав внес много изменений в организацию СХО. Теперь в объединения могли вступать наряду с главой семьи все остальные члены, достигшие 16-летнего возраста. Каждый член объединения обязан был трудиться в общественном хозяйстве и выработать не менее 75 трудодней в год.

Таким образом, новый устав подчеркивал роль труда каждого трудоспособного члена объединения как одного из главных факторов существования и укрепления общественного хозяйства СХО.

Устав намечал размер обобществления поголовья скота арата при его вступлении в члены СХО в зависимости от мощности хозяйства. По новому уставу ежегодно создавались неделимые фонды из общественных доходов, а также из обобществляемых средств производства. В неделимый фонд зачислялись от 25 до 30% обобществленного скота и имущества, а также весь вступительный взнос. Создавались и другие фонды для общественного пользования. Устав конкретно определял количество скота, которое член СХО имел право содержать в личном хозяйстве. Это число колебалось в зависимости от зон страны. Например, в Хангайской зоне члены СХО могли содержать в личном хозяйстве до 100 голов скота, а в Гобийской — до 150.

Постоянная производственная бригада становилась основной формой организации труда в СХО. Доходы общественного хозяйства распределялись по выработанному трудодням. Таким образом, новый устав характеризовал более высокую ступень развития кооперативного производства. СХО отличалось от АПО по своему организационному характеру и по хозяйственной деятельности, а также по трудовому участию каждого члена в общественном производстве. Принятие нового устава ознаменовало собой новые качественные изменения в экономике АПО. От группы трудовой взаимопомощи (АПО) араты переходили к кооперативам высшего типа — СХО. Именно с этого времени (март 1955 г.) начался второй этап кооперативного движения в сельском хозяйстве МНР.

Успешное завершение кооперирования во многом зависело от размеров помощи государства вновь создаваемым хозяйствам, что способствовало формированию в них основ социалистической кооперативной собственности. Опираясь на социалистический уклад народного хозяйства, широко используя экономическое содействие со стороны СССР, монгольское государство осуществило целый комплекс мероприятий, связанных с оказанием финансовой и прочей поддержки кооперативному движению. Так, государственное кредитование объединений в 1955 г. достигло суммы, равной 3,9 млн. тугриков, в 1956 г. — 8,1 млн., в 1957 г. — 7,2 млн., в 1958 г. — 13,2 млн. тугриков⁵.

⁵ Г. С. Матвеева. Создание материально-технической базы социализма в МНР. М., 1978, с. 204.

Одним из каналов, по которым оказывалась материальная помощь кооперативам, была система заготовительных и закупочных цен на животноводческую продукцию. Укрепление общественной собственности в СХО способствовало повышению заготовительных и закупочных цен на основные виды животноводческой продукции в 1957—1958 гг.

Новый Закон о животноводческом налоге, принятый в декабре 1959 г., также был нацелен на усиление концентрации материальных средств в СХО. По этому закону от уплаты налога полностью освобождались все члены СХО, добросовестно работающие в общественном хозяйстве объединения. Государство списало с членов СХО все недоимки по поставкам животноводческой продукции и животноводческому налогу за прошлые годы. Кроме того, были резко повышены заготовительные цены на продукцию животноводства, сдаваемую объединениями государству. Государство выделило большие средства на укрепление машинно-животноводческих станций, включив натуральную оплату за работу МЖС для СХО в счет госпоставок. Оно финансировало подготовку кадров для объединений, а также медицинское и ветеринарное обслуживание СХО. Государство взяло на себя и выплату части заработной платы председателям СХО.

Экономическая помощь государства, таким образом, существенно облегчила СХО успешное формирование социалистической собственности на основные средства производства.

На новом этапе (после 1955 г.) кооперативного движения, непосредственно предшествовавшем победе социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве МНР, СХО под руководством МНРП при помощи народного государства достигли нового, более высокого уровня обобществления скота, укрепления общественного хозяйства и повышения материального и культурного уровня своих членов.

Намного выросло поголовье общественного скота за счет дополнительного обобществления скота старых членов объединений до уровня, установленного Примерным уставом.

Поголовье общественного скота увеличивалось также при добровольном обобществлении скота вновь вступивших в члены СХО. Значительный прирост общественного поголовья скота наблюдался за счет воспроизводства собственного стада, а частично за счет покупки животных племенных и улучшенных пород. В конце второй пятилетки, в 1957 г., в СХО насчитывалось 5223,6 тыс. бодо, т. е. в 28 раз больше, чем в 1952 г.

В конце 1957 г. 33% аратских хозяйств в стране входило в СХО, а общественный скот достигал 22,5% всего поголовья скота МНР. В ряде аймаков этот уровень был еще выше. Так, в Булганском аймаке в 1957 г. СХО охватывали 40% всех аратских хозяйств и 63% скота аймака. В Баян-Хонгорском аймаке в том же году было кооперировано 38% аратских хозяйств, по-

Отара овец

головье обобществленного скота составило 44%. В Богд-сомоне того же аймака было кооперировано 74,3% всех аратских хозяйств, 77% всего населения, обобществлено 90,9% всего поголовья скота. В Зэрэг-сомоне Кобдоского аймака СХО охватывали 80% всех хозяйств аратов, 70% всего населения, 79% всего поголовья скота в аратских хозяйствах.

В некоторых сомонах Ара-Хангайского аймака в конце 1957 г. от 50 до 65% всех аратских хозяйств вступило в СХО. Новые объединения появлялись во всех аймаках страны.

После принятия нового устава и новых законов по животноводческому налогу и по госпоставкам (1955 г.) в СХО стали вступать зажиточные и средняцкие аратские хозяйства.

Кооперативное движение охватило все слои аратского населения во всех районах страны и обрело массовый характер.

МНРП и народному государству наряду с всемерным укреплением существующих объединений в стране удалось ускорить процесс добровольного кооперирования аратского населения, опираясь на накопленный опыт АПО по ведению общественного хозяйства и доверие членов объединений и аратского населения к коллективным формам хозяйства, а также используя необходимые предпосылки для успешного развития и укреп-

ления общественного хозяйства СХО, созданные в предшествующие годы трудом и борьбой народа.

XIII съезд МНРП (март 1958 г.) констатировал, что задания XII съезда МНРП по добровольному кооперированию аратских хозяйств намного перевыполнены, более $\frac{1}{3}$ аратских хозяйств вступило в сельскохозяйственные объединения, общественное богатство в которых неуклонно растет. Съезд подытожил ход кооперирования аратских хозяйств. Считая, что коренной подъем всех отраслей сельского хозяйства возможен только на основе его социалистического преобразования, съезд поставил задачу завершить в течение трех лет кооперирование основной массы аратских хозяйств на основе принципа добровольности и одновременно укрепить и развить существующие СХО. Руководствуясь этим решением съезда, при поддержке основных масс аратского населения МНРП и народное государство обеспечили переход массы аратских хозяйств на путь производственного кооперирования.

В течение 1958—1959 гг., т. е. за два года трехлетки, кооперирование сельского хозяйства республики было завершено.

В 1959 г. было кооперировано 99,3% всех аратских хозяйств республики. Вместо 200 тыс. мелких аратских индивидуальных хозяйств было создано 389 крупных коллективных объединений. В среднем на каждое из них приходилось 13 тыс. голов общественного скота (в переводе на бодо), 475 аратских хозяйств, 1685 человек населения, в том числе 744 трудоспособных.

Правильная экономическая политика МНРП и народного государства, упорная борьба и самоотверженный труд монгольского народа привели к полной и окончательной победе социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве.

Как говорится в Программе, принятой XV съездом МНРП, партия «успешно решила одну из самых трудных и сложных задач социалистического строительства — социалистическое кооперирование индивидуальных аратских хозяйств»⁶.

Условия для победы были подготовлены огромной работой по развитию производительных сил, последовательной политике развития сельскохозяйственной кооперации и поддержки трудовых усилий аратских хозяйств в увеличении поголовья скота при ограничении и вытеснении эксплуататорских элементов, оказанием всесторонней государственной помощи сельхозобъединениям. В Программе МНРП подчеркивалось, что кооперирование аратства проходило без раскулачивания эксплуататорских элементов села, которые добровольно вступили в СХО.

Частнособственнические производственные отношения были заменены социалистическими, частная собственность — основа эксплуатации человека человеком — была ликвидирована. Многочисленный трудящийся класс — аратство — бесповоротно

⁶ XV съезд МНРП, М., 1966, с. 173.

встал на путь социализма. Победа кооперативного строя еще сильнее укрепила союз рабочего класса и кооперированного аратства.

В связи с успешным завершением кооперирования аратских хозяйств была окончательно преодолена разноукладность экономики и утвердилась единая социалистическая система народного хозяйства. Действие объективных экономических законов социализма, в частности закона планомерного и пропорционального развития народного хозяйства, закона расширенного воспроизводства и др., распространилось и на сельское хозяйство. Это, в свою очередь, открыло большие возможности и перспективы для быстрого подъема сельскохозяйственного производства в стране.

Завершение кооперирования сельского хозяйства совпало с укрупнением отдельных мелких СХО. В связи с этим количество СХО в стране резко сократилось: в 1959 г. их насчитывалось 389 против 675 в 1958 г. В этот же период происходил процесс повторного обобществления скота в СХО. В конце 1959 г. на одно хозяйство члена СХО в среднем приходилось 38 голов скота против 62 в 1958 г. В отдельных аймаках при проведении повторного обобществления скота допускались нарушения указаний партии, но они были своевременно устранены.

В связи с развитием и укреплением общественного хозяйства СХО были осуществлены мероприятия по упорядочению и удешевлению местного государственного аппарата управления. Были упразднены баги, а сомон стал основной административной единицей. Большое количество работников и специалистов были подготовлены и посланы на места для руководства СХО.

Победа народной революции, создание и укрепление социалистического уклада в народном хозяйстве страны, дальнейшее упрочение союза рабочего класса и трудового аратства, а также опыт победы колхозного строя в СССР и кооперирования сельского хозяйства в ряде социалистических стран явились важнейшими социально-экономическими и политическими предпосылками успешного завершения кооперирования сельского хозяйства в Монгольской Народной Республике.

Благодаря победе кооперативного строя в сельском хозяйстве МНР вступила в новую полосу своего развития — в период завершения строительства социализма.

Победа кооперативного строя открыла новый этап в развитии СХО — этап дальнейшего укрепления и развития общественного хозяйства.

IV пленум ЦК МНРП (декабрь 1959 г.) обсудил «Итоги кооперирования аратских хозяйств и некоторые важнейшие мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению СХО». Подытожив успехи кооперирования аратских хозяйств, пленум наметил новые организационные и экономические мероприятия

по дальнейшему укреплению общественного хозяйства СХО и быстрому подъему материального и культурного уровня членов СХО. Особое внимание пленум уделил вопросам подготовки кадров руководящих работников объединений⁷. В конце 1959 г. состоялся II съезд передовиков СХО. Съезд внес некоторые существенные изменения и дополнения в Примерный устав СХО.

В связи с укреплением общественного хозяйства на основе опыта передовых хозяйств было значительно сокращено количество скота, находящегося в личном хозяйстве членов СХО. По новому Примерному уставу один двор (семья) мог иметь в личной собственности: в Хангайской зоне — 10 голов скота на каждого члена семьи, но не более 50 голов на одно хозяйство, в Гобийской зоне — 15 голов скота на каждого члена семьи, но не более 75 голов на семью.

На новом этапе развития СХО государство принимало важные меры по укреплению их экономики. В 1958 г. было издано Постановление ЦК МНРП и Совета Министров МНР о дальнейшем развитии и укреплении общественного хозяйства и улучшении производственной деятельности МЖС по обслуживанию объединений.

За три года (1957—1959) производство шерсти, молока и мяса в СХО увеличилось в 2,5—3,4 раза, валовой сбор зерна — в 5 раз, валовой сбор сена — в 2,5 раза.

В 1959 г. СХО имели 5049 тыс. голов общественного скота против 1642 тыс. (в переводе на бодо) в 1957 г.

Однако производство основных продуктов животноводства в СХО росло главным образом за счет дальнейшего обобществления скота. В аратских хозяйствах почти не занимались земледелием. Внедрение и развитие земледелия произошло в основном в СХО. Расширение посевных площадей и повышение урожайности объединений несомненно свидетельствовало о превосходстве обобществленного производства. С завершением организационного периода после 1959 г. производство продуктов в СХО растет за счет расширенного воспроизводства общественного хозяйства.

В это время в развитии общественного животноводства также наблюдались заметные сдвиги. В СХО продолжалась механизация кормопроизводства и заготовок кормов, рытья и эксплуатации колодцев, переработки молока и др. Активизировалось строительство помещений для скота, внедрялись достижения современной зооветеринарии и зоотехники. В СХО увеличилось число специалистов сельского хозяйства. Проводились мероприятия по улучшению качества и продуктивности животных. СХО превратились в крупные животноводческие хозяй-

ства. Передовые СХО не только увеличивали поголовье скота, но и добивались улучшения пород местных животных и повышения их продуктивности.

СХО внедряли земледелие и вспомогательные отрасли, преодолевая односторонность развития сельского хозяйства. За пять лет (1955—1959) посевная площадь СХО возросла более чем в 6 раз и достигла 22,5% общей посевной площади МНР. Валовой сбор зерна неуклонно увеличивался.

Во многих СХО успешно создавались предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов и всякого рода подсобные предприятия (кирпичное производство, обжиг извести, добыча соли, охота, механические и столярные мастерские, изготовление лесопильных рам и т. д.), различные мастерские по пошиву и ремонту одежды.

Подсобные предприятия в СХО не только помогали полнее использовать производственные ресурсы хозяйства в течение всего года, но и серьезно содействовали повышению товарности и доходности хозяйства. В 1960 г. удельный вес денежных поступлений от подсобных предприятий составил 21,6% общих денежных доходов СХО. За этот период (1958—1960) укрепилось сотрудничество между СХО, нередко они выполняли совместные работы.

Многие объединения общими силами и средствами заготавливали строительный лес, сооружали оросительные каналы, развивали земледелие. Государство оказывало всемерную поддержку этим коллективным мероприятиям.

МНРП и правительство МНР всеми мерами укрепляли СХО и стимулировали рост их продукции. В 1960 г. изменилась система заготовок сельскохозяйственных продуктов, значительно улучшилась работа МЖС по обслуживанию объединений, усилилась государственная финансово-техническая помощь и кредитование их, были ликвидированы задолженность СХО и их членов по госпоставкам животноводческой продукции и недоимки по скотоводческому налогу. Скотоводческий налог был заменен подоходным, намного сократился общий размер налогов, взимаемых с объединений (1960 г.). В 1958—1960 гг. неоднократно повышались государственные заготовительные и закупочные цены на основные виды продукции СХО, благодаря чему объединения и их члены получили 200 млн. тугриков дополнительного дохода.

В 1957—1959 гг. государство своими силами провело межхозяйственное землеустройство. СХО страны получили 120 млн. га земельных угодий.

В результате всех этих мероприятий СХО экономически окрепли и стали основными поставщиками животноводческой продукции в стране. В последние годы объединения производят и поставляют до 75% товарной продукции животноводства в стране.

⁷ См.: Ю. Цэдэнбал. Намын байгуулалтын чухал асуудлын тухай. У. Б., 1977. с. 269

Неуклонный рост производства, значительное повышение материального и культурного уровня членов СХО свидетельствуют о несомненных преимуществах их перед мелкими аратскими хозяйствами, а также о таящихся в них огромных, еще не использованных резервах производства.

Вместе с тем нельзя не отметить серьезные трудности, связанные с возникновением и развитием новой формы ведения сельского хозяйства. В то время происходило становление общественного хозяйства СХО, новых производственных отношений, ломка старых.

Организационный период, сам по себе таящий известные трудности, к тому же протекал в условиях слаборазвитой материальной базы. Неделимые фонды СХО были невелики по размеру и состояли главным образом из обобществленных довольно примитивных средств производства — малопродуктивного скота, сложных орудий труда и простых крестьянских построек для скота. У объединений не хватало материально-финансовых ресурсов для радикального изменения и улучшения методов ведения хозяйства. СХО располагали значительными резервами труда, однако они не полностью использовались для развития общественного хозяйства.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства в МНР имело и свои особенности. В Монголии осуществлялся переход от феодализма к социализму, минуя капитализм. В этом состояла главная особенность социально-экономического развития республики. В других странах социализма кооперирование сельского хозяйства обычно начиналось с обобществления крестьянской земли. В своеобразных условиях МНР этого не произошло. Одностороннее развитие кочевого экстенсивного животноводства дореволюционной Монголии, являвшееся следствием отсталости и натуральной формы ведения хозяйства аратов, характеризовало сельское хозяйство страны. Основным направлением аратского хозяйства Монголии было кочевое животноводство, а не земледелие, в стране оставалось много хозяйственно не освоенной земли.

Кооперирование аратов-животноводов означало обобществление скота и создание общественного хозяйства животноводческого направления. В силу сохранения пережитков натурального хозяйства араты обычно разводили разные виды животных различных половозрастных групп. Мелкие аратские хозяйства не могли вести хозяйство рационально, на основе правильного размещения и специализации производства вследствие слабого развития общественного разделения труда и низкого уровня производительных сил.

Развитие общественного хозяйства в СХО создало благоприятные экономические условия для рационального размещения и специализации сельского хозяйства.

До организации госхозов и кооперирования аратских хозяйств

земледелие в стране было развито слабо. Земледелие не представляло собой самостоятельной отрасли сельского хозяйства, и его развитие не сочеталось с нуждами животноводства. В каждом аратском хозяйстве разводили различные виды скота в зависимости от своих личных потребностей. Животноводство не только оставалось отсталым, но и сохраняло натуральный и потребительский характер.

При организации СХО государство передало им в пользование определенные сельскохозяйственные угодья. Сообразуясь с характером отведенных им земель, СХО наряду с животноводством внедряли и земледелие. Это способствовало ликвидации остатков натурального характера животноводческого хозяйства.

В связи с успешным развитием земледелия как самостоятельной отрасли сельского хозяйства и дальнейшей интенсификацией животноводства заметно усилился процесс оседания кочевого сельского населения.

Учитывая особенности сельского хозяйства на разных этапах экономического развития страны, МНРП и правительство МНР выдвигали конкретные задачи по уровню обобществления скота в целях создания общественного хозяйства и обеспечения правильного сочетания личных и общественных интересов в СХО.

Обобществление скота в СХО проводилось дважды. В этом также отразилась специфика кооперирования индивидуальных аратских хозяйств.

Перестройка сельского хозяйства в МНР и во многих странах социализма завершилась почти одновременно. При этом был использован исторический опыт Советского Союза по созданию колхозного строя. Это значительно облегчало решение сложных задач кооперирования. Победа социалистического строя и быстрый рост сельскохозяйственного производства в ряде стран Европы и Азии оказали благотворное влияние на кооперирование аратских хозяйств Монголии.

В силу конкретных исторических условий и особенностей экономического развития Монголии кооперирование сельского хозяйства в МНР осуществлялось при отсутствии в стране собственного сельскохозяйственного машиностроения.

Однако наличие мировой социалистической системы и ее всесторонняя помощь монгольскому народу намного облегчили победу социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве Монголии.

Победа социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве МНР, быстрые темпы экономического развития, укрепление государственного строя, достигнутые монгольским народом к началу 60-х годов успехи означали, что в МНР со времени принятия Конституции 1940 г. произошли коренные социально-экономические и политические преобразования.

Эти преобразования привели к завершению перехода МНР от феодализма к социализму.

В 1940—1960 гг. монгольский народ добился замечательных успехов во всех областях общественно-политической, экономической и культурной жизни.

Успешно развивались промышленность и инфраструктура. Улучшилась структура промышленного производства за счет создания его новых отраслей — строительной и горнодобывающей.

МНР из преимущественно животноводческой страны превратилась в аграрно-индустриальную. Выдающимся событием в истории монгольского народа явилось завершение социалистического преобразования сельского хозяйства на основе ленинского учения о добровольном кооперировании индивидуальных крестьянских хозяйств.

На этом этапе получила большое развитие культура монгольского народа, достигнуты значительные успехи в повышении материального и культурного уровня трудящихся.

Глубочайшие изменения произошли в области идеологии. К 1960 г. окончательно утвердилась идеология рабочего класса и социалистического общества — марксизм-ленинизм.

В МНР произошли коренные качественные изменения в классовой структуре общества.

Вырос рабочий класс, повысилась его роль в производственно-экономической и общественно-политической жизни страны. Он стал выступать как решающая сила в преобразовании общества в МНР. В ходе социалистического кооперирования сельского хозяйства аратство из класса мелких частных собственников превратилось в новый, социалистический класс кооперированного аратства. Выдающиеся победы монгольского народа достигнуты благодаря практическому осуществлению ленинского учения о возможности некапиталистического пути развития ранее отсталых народов от феодализма к социализму. На международной арене неизмеримо вырос авторитет МНР. Образование мировой социалистической системы, тесные дружественные отношения между социалистическими странами, рост национально-освободительного и революционного движения народов Азии и Африки — все это создало благоприятные условия для строительства социализма в МНР. Завоевания и успехи монгольского народа потребовали своего законодательного оформления.

Принятие новой Конституции МНР

6 июля 1960 г. 1-я сессия Великого Народного Хурала четвертого созыва единодушно утвердила новую Конституцию МНР.

Новая Конституция — основной закон Монгольской Народной

Республики, вступившей в период завершения строительства социалистического общества. Во введении к Конституции говорилось: «Монгольская Народная Республика ставит перед собой цель завершить социалистическое строительство и построить в дальнейшем коммунистическое общество».

Новая Конституция закрепила социалистические принципы общественно-экономического устройства МНР, расширила конституционные права граждан МНР, подтвердила прочные гарантии этих прав.

Отныне Монгольская Народная Республика по своей классовой природе есть «социалистическое государство рабочих, кооперированного аратства (аратов-скотоводов) и трудовой интеллигенции, основанное на союзе рабочего класса и кооперированного аратства».

С завершением кооперирования индивидуальных аратских хозяйств были полностью уничтожены экономические условия, порождавшие эксплуатацию человека человеком. Монгольское общество состоит из двух дружественных классов — рабочих и кооперированного аратства, — а также трудовой интеллигенции. Союз рабочего класса и кооперированного аратства все больше укреплялся и развивался на новой основе. Этот союз представляет собой высший принцип диктатуры пролетариата — главного орудия революционного преобразования монгольского общества. Социальный состав депутатов Великого Народного Хурала последних четырех созывов — 1951, 1954, 1957 и 1960 гг., предшествовавших принятию новой Конституции, — характеризовался следующим образом: скотоводы (члены СХО) составляли соответственно 38,1%; 34,6; 33,3 и 35,2% общего числа депутатов каждого созыва, рабочие — 13,6; 19,3; 24,9 и 28,3%, остальные — представители интеллигенции и служащих. Отсюда явствует, что удельный вес рабочего класса в составе Великого Народного Хурала непрерывно возрастал. Экономическую основу Монголии образуют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства, созданные в результате отмены частной собственности на средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком.

Социалистическая собственность в МНР существует в двух формах: государственной — всенародное достояние, кооперативной — собственность сельскохозяйственных объединений и других кооперативов. Социалистический сектор занял ведущее положение во всем народном хозяйстве МНР. Роль государства в хозяйственном отношении постоянно возрастает.

В новой Конституции МНР определены роль и функции монгольского социалистического государства. Основными функциями социалистического государства являются: внутри страны — хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность, в области внешних отношений — укрепление друж-

бы и сотрудничества со странами социалистической системы, обеспечение мира и дружбы со всеми народами на основе принципов мирного сосуществования и защита страны от империалистических посягательств. Согласно новой Конституции «социалистическое государство охраняет и укрепляет общественную социалистическую собственность, обеспечивает активное участие членов общества в хозяйственном и культурном строительстве, всемерно укрепляет социалистическую дисциплину труда, организует оборону страны от империалистической агрессии». Уже к 1960 г. государство располагало для этого мощными рычагами и эффективными средствами. К наиболее важным из них относилось планирование хозяйственного и культурного строительства. Руководя народным хозяйством, государство осуществляло учет и контроль за производством и распределением продуктов производства, за мерой труда и потребления. Национальный доход в МНР распределялся между членами общества в соответствии с качеством и количеством затраченного труда на основе принципа социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду». В 1960 г. примерно 75% национального дохода расходовалось на удовлетворение личных потребностей членов социалистического общества, а 25% — на общественные нужды. Государство предоставляло трудящимся денежные фонды для оказания медицинской помощи, выплаты пенсий, стипендий студентам, пособий многодетным матерям, оплаты отпусков и т. д.

Общественный и государственный строй МНР, основанный на социалистических производственных отношениях, не знающий эксплуатации, создал благоприятные условия для всестороннего развития личности, широкие возможности для участия трудящихся в общественно-политической жизни страны. Все граждане МНР, достигшие 18-летнего возраста, независимо от национальности, получили равные возможности участвовать во всех областях государственной, экономической, культурной и общественно-политической жизни страны, женщины пользуются равными правами с мужчинами.

Государство строго охраняет права граждан. Крупным завоеванием монгольского народа за годы народной власти является отделение церкви от государства и школы от церкви. Гражданам по Конституции предоставлена свобода верований и антирелигиозной пропаганды.

Так Конституция 1960 г. законодательно закрепила победу социализма в МНР и открыла широкие перспективы для поступательного движения вперед. Результаты социалистического развития МНР в 1940—1960 гг. стали базой для выдвижения новых задач по завершению создания материально-технической базы социализма.

Глава 4

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МНР (1940—1960)

С завершением демократического этапа революции наступил второй, социалистический этап культурной революции. Культурное строительство неразрывно связано с социалистическим преобразованием всего общества. Это этап формирования и развития социалистической по содержанию, национальной по форме культуры монгольского народа. Культурная революция зиждилась на успешном построении основ социализма, развитии национальной промышленности, социалистическом преобразовании сельского хозяйства, утверждении социалистической экономики в МНР. В Монголии культура развивается на прочной материальной базе, создание которой В. И. Ленин считал необходимым условием для углубления социалистической культурной революции.

В Отчетном докладе ЦК X съезду МНРП особо указывалось: «Если мы хотим идти вперед, надо совершить подлинную революцию в деле развития нашей культуры и образования»⁸.

На этом этапе культурной революции МНР решала задачи полной ликвидации неграмотности трудящихся, становления системы народного образования, формирования социалистической интеллигенции, интенсивного развития различных отраслей науки, становления метода социалистического реализма в искусстве и литературе и на этой основе формирования социалистической культуры, коренного изменения духовной жизни общества на основе социалистической идеологии.

Формирование системы народного образования

Ликвидация неграмотности. В связи с задачами строительства основ социализма встал вопрос повышения культурного уровня трудящихся, в особенности грамотности. Для этого необходимо было заменить трудную для изучения старую монгольскую письменность. Замена старого монгольского письма новой монгольской письменностью, основанной на кириллице, имела важное значение в сближении письменного языка с живым разговорным. Новая монгольская письменность способствовала овладению грамотой широкими слоями населения в сравнительно короткие сроки.

Развернулась интенсивная работа по обучению трудящихся

⁸ X съезд МНРП. У. Б., 1970, с. 55.

масс новой письменностью. С 1941 г. стали издаваться учебники и учебные пособия на базе новой письменности.

В масштабе страны обучением трудящихся новой письменности ведали непосредственно министерство народного просвещения и аймачные отделы просвещения. Отделам просвещения был придан штат инспекторов, а в сомонах — учителей. В сомонах постоянно действовали избы-читальни, а в багах — кружки ликбеза. В учреждениях и организациях, на предприятиях и в хозяйствах помимо обучения рабочих и служащих грамоте каждому грамотному давалось поручение — обучить грамоте не менее трех человек. По всей стране развернулось широкое массовое движение за овладение грамотностью.

В результате всех мероприятий в 1947 г. удельный вес грамотных в стране составил 42,3%⁹.

В течение первой пятилетки создавались материальные условия для подготовки учительских кадров, ликвидации неграмотности в основном среди взрослого населения. В годы второй пятилетки и трехлетнего плана непрерывно проводилась работа по повышению грамотности среди взрослых, а также по ликвидации малограмотности и т. д. Большую роль сыграл культурный поход, развернувшийся в стране с конца 50-х годов. Если в 1956 г. грамотой овладели 72,2% населения страны в возрасте старше 7 лет¹⁰, то в 1963 г. — уже 90%¹¹. Таким образом, был ликвидирован один из наиболее существенных пережитков старого общества — почти поголовная неграмотность населения.

Ликвидация массовой неграмотности давала новые возможности для дальнейшего повышения культурного и общеобразовательного уровня трудящихся страны.

В целях повышения общеобразовательного уровня населения по постановлению Совета Министров МНР и ЦК МНРП с 1955 г. в Улан-Баторе и аймачных центрах были открыты вечерние школы для взрослых, где велось обучение без отрыва от производства¹².

Введение всеобщего начального образования детей школьного возраста. На VIII Великом Народном Хурале специально обсуждался вопрос о привлечении всех детей к школьному воспитанию¹³. Несмотря на тяжелые годы второй мировой войны, в каждом сомоне создавались начальные школы, соответственно увеличивалось число полных и неполных средних школ. В то же время улучшалось обеспечение школ преподавательскими кадрами, а также учебниками, наглядными пособиями и другими школьными принадлежностями.

⁹ Народное хозяйство МНР за 40 лет. У. Б., 1961, с. 32.

¹⁰ Там же.

¹¹ Известия Академии наук МНР. У. Б., 1963, № 3, с. 66.

¹² Систематический сборник указов, постановлений и положений о работе культурно-просветительных организаций. У. Б., 1962, с. 55.

¹³ VIII Великий Народный Хурал. Отчет правительства. У. Б., 1940, с. 74.

Партия и правительство уделяли постоянное внимание дальнейшему повышению культурного и образовательного уровня народа. Расходы госбюджета на культурные нужды в 1941—1945 гг. возросли почти в 3 раза по сравнению с 1936—1940 гг. В результате этого в 1947 г. в МНР насчитывалось уже 359 общеобразовательных школ и около 50 тыс. учащихся (331 школа и примерно 24 тыс. учащихся в 1940 г.). Но задача привлечения всех детей школьного возраста к школьному образованию пока еще не была выполнена. На XI съезде МНРП отмечалось, что в 1947 г. почти 9 тыс. детей в возрасте 8—12 лет не посещали школу.

В первом пятилетнем плане в качестве главной задачи в области народного просвещения выдвигалось требование привлечь всех детей школьного возраста к образованию. В этот период расширялась сеть общеобразовательных школ и создавались материальные предпосылки для вступления в них детей школьного возраста. Это создало возможность и для дальнейшего перехода к всеобщему обязательному начальному образованию детей школьного возраста. В результате с 1955 г.¹⁴ в стране было введено всеобщее начальное образование детей школьного возраста. С 1958 г.¹⁵ в общеобразовательных школах стали практиковаться уроки труда, закладывались основы политехнического образования. В годы трехлетнего плана продолжалось внедрение всеобщего начального образования среди детей школьного возраста на селе и началась работа по переходу к всеобщему семилетнему образованию в городах и аймачных центрах. В 1947—1960 гг. число общеобразовательных школ возросло на 60 тыс., а учащихся — почти на 65 тыс. Таким образом, к 1960 г. была успешно решена задача всеобщего начального образования детей школьного возраста.

Высшие и средние специальные учебные заведения

В связи с переходом МНР к новому этапу — строительству социализма — возникла необходимость в многочисленных кадрах высококвалифицированных специалистов, способных трудиться во всех отраслях народного хозяйства. Для этого постоянно требовалось интенсивное развитие сети средних специальных и высших учебных заведений.

Наряду с расширением сети средних специальных учебных заведений улучшилось качество учебно-воспитательной работы в них. Если в 1940 г. в средних специальных учебных заведениях обучалось 1,3 тыс., то в 1960 г. — уже 8,8 тыс. человек. Средние специальные учебные заведения готовили фельдшеров и ве-

¹⁴ Постановления Совета Министров МНР и ЦК МНРП. 1955, № 289, с. 167.

¹⁵ Сборник законов и постановлений МНР. 1958, № 3, с. 42.

теринаров, агрономов, зоотехников, связистов, строителей, работников культуры. Они играли важную роль в обеспечении народного хозяйства и культуры необходимыми специалистами.

Создание в 1942 г. Монгольского государственного университета послужило прочной базой для интенсивного развертывания в стране высшего образования. В 1941 г. открылась Высшая партийная школа, в 1945 г. — вечернее отделение Педагогического института. В конце 50-х годов были созданы сельскохозяйственный и экономический институты. С открытием университета и вузов в МНР сформировалась единая система народного образования. Если в 1947 г. в трех высших учебных заведениях обучалось 878 студентов, то в 1960 г. в семи вузах — уже 6909 студентов. В 1941—1960 гг. 7111 окончивших высшие учебные заведения начали работать в различных отраслях народного хозяйства и культуры.

Вместе с тем значительно расширилась подготовка кадров с высшим и средним специальным образованием в СССР и других социалистических странах. По данным 1959 г., в вузах СССР и других социалистических стран обучалось около 2000 студентов по 80 различным специальностям. Учебные заведения социалистических стран оказали помощь в подготовке специалистов тех профилей, для обучения которых в национальных вузах не было возможностей.

Подготовка специалистов в Советском Союзе и других социалистических странах, интенсивное развитие в стране высших и средних специальных учебных заведений сыграли важную роль в формировании монгольской социалистической интеллигенции.

Народная интеллигенция изменилась как в количественном, так и в качественном отношении. Победа социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве создала новые социальные условия для развития народной интеллигенции. Социалистическая интеллигенция, беззаветно преданная партии и народу, неутомимо боролась за построение социализма в стране.

Развитие науки

В рассматриваемый период интенсивное развитие получили многие новые отрасли науки, возросла их роль в общественной жизни.

МНРП постоянно уделяла большое внимание расширению научного центра в стране — Комитета наук. Кроме старых кабинетов, в которых исследовались проблемы языка, истории, литературы и географии, были открыты новые, связанные с изучением вопросов народного хозяйства.

Монгольские ученые прежде всего начали разработку науч-

ных основ развития сельского хозяйства. Были проведены важные исследования в области повышения продуктивности животноводства и улучшения породности скота.

Многолетняя работа под руководством Т. Аюрзаны завершилась выведением новой породы овец — «Орхон». Значительное увеличение живого веса овцы этой породы давало возможность получить настриг шерсти вдвое больший, чем с местных пород. Опыты, проведенные под руководством Ч. Шагдара на фруктово-ягодной станции, доказали реальность выращивания в Хангайской зоне различных фруктов и ягод. Ученые создали новые сорта пшеницы «Орхон», а также злаков и местных видов капусты. Применительно к природно-климатическим особенностям страны осуществлялась разработка некоторых важных вопросов агротехники, положившая начало рациональному развитию земледелия.

Значительное развитие в МНР получила ветеринарная наука. Особое внимание ученые этой отрасли уделяли проблемам эффективного лечения болезней крупного рогатого скота и борьбе с эпизоотиями.

Специалисты сельского хозяйства, проводившие многолетние исследования, направленные на укрепление кормовой базы животноводства, изучение почвенного покрова и классификации почв, составили геологическую карту страны.

Проведение систематических географических исследований вызвало создание рукописного фонда Комитета наук. Различные монографические исследования касались важных проблем общей географии МНР, а также отдельных природных районов. Были изданы «Очерки физической географии и древнего оледенения Хэнтэйской горной страны» Ш. Цэгмида, составлена экономико-географическая характеристика центральной части Северной Монголии (Г. Сандагжав), восточной части Монголии (Д. Бадамжав), Хангайского района (Б. Гунгадаш).

Исследования монгольских ученых охватывали такие сложные отрасли естественных наук, как математика, физика, химия, астрономия, сейсмография.

В соответствии с соглашением АН СССР и Комитета наук МНР на территории Монголии в конце 40-х — начале 50-х годов действовало несколько экспедиций АН СССР, из них самой крупной была комплексная сельскохозяйственная экспедиция. Вместе с советскими учеными в исследовательской работе этой экспедиции принимали активное участие монгольские ученые Н. Жагварал, М. Наванчимид, Д. Даважамц и многие другие.

Расширение геологических исследований Монголии при содействии Советского Союза сыграло важную роль в развитии производительных сил страны. В результате этих исследований были открыты многочисленные месторождения полезных ископаемых. В 1957 г. в соответствии с соглашением между правительствами СССР и МНР было передано МНР снаряжение и

оборудование Восточной геологоразведочной экспедиции, на основе которых сложилась национальная геологическая служба МНР.

С 1956 г. советские и монгольские ученые активно сотрудничали по Программе международного геофизического года. В 1958 г. АН СССР безвозмездно передала МНР 20 астрономических трубок АТ-1 для организации станции наблюдений искусственных спутников Земли. В 1956 г. монгольские ученые активно включились в работу Объединенного института ядерных исследований в г. Дубне (СССР).

Советский Союз оказал содействие в подготовке монгольских кадров научных работников — кандидатов и докторов наук. В Советском Союзе прошли стажировку свыше 90% всех научных работников с научными степенями, что вызвало качественные изменения в составе научных кадров — передового отряда монгольской народной интеллигенции. Среди защитивших ученые степени в этот период большинство составляли специалисты в области сельского хозяйства, медицины и ветеринарии.

Наряду с этим были достигнуты значительные успехи и в области общественных наук. В монгольской историографии утвердилась марксистско-ленинская методология.

К важнейшим достижениям монгольской марксистской историографии относится издание в 1954 г. однотомной «Истории МНР», написанной совместно монгольскими и советскими учеными. В этом труде впервые обобщены и разработаны вопросы истории Монголии, начиная с глубокой древности и кончая серединой XX в.

Особое внимание монгольские историки уделяли изучению истории национально-освободительного движения монгольского народа и Монгольской народной революции.

В стране появились такие отрасли исторической науки, как археология, этнография и историография.

С 50-х годов получила значительное развитие философская наука. Монгольские филологи добились немалых успехов в изучении богатого фольклорного и литературного наследия, а также устного народного творчества.

В области монгольской лингвистики были созданы работы по фонетике, морфологии и синтаксису монгольского языка, по диалектологии монгольского языка. Лексикологи выпустили серию книг по терминологии различных отраслей знаний.

Состоявшийся в Улан-Баторе в 1959 г. I Конгресс монголоведов явился свидетельством того, что монгольская наука достигла довольно высокого уровня, что столица МНР превратилась в один из центров международной научной жизни.

Культурно-просветительная работа

В годы второй мировой войны усилилось патриотическое и интернациональное воспитание народа, что имело важное зна-

чение в дальнейшем воспитании у трудящихся социалистического сознания. С переходом к очередным задачам строительства основ социализма в условиях мирного времени перед культурно-просветительными организациями встали новые задачи. В связи с этим ЦК МНРП провел ряд мероприятий идеологического характера. В 1947—1949 гг. были приняты постановления об улучшении работы Государственного музыкально-драматического театра, о задачах писателей в свете решений XI съезда МНРП, о преподавании истории МНР и литературы в школах. Эти постановления способствовали не только выявлению и искоренению националистических и других враждебных марксизму-ленинизму явлений, имевших место в искусстве и литературе, но и дальнейшему развитию общественных наук на основе марксистско-ленинской методологии.

В целях повышения уровня политического образования в духе марксистско-ленинской идеологии в 1950 г. ЦК МНРП принял решение о расширении издания произведений классиков марксизма-ленинизма на монгольском языке. В 1955 г. был открыт Институт истории партии при ЦК МНРП.

Перевод отдельных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также всех томов четвертого издания сочинений В. И. Ленина явился важным событием в жизни монгольского общества. С каждым годом увеличивающийся выпуск произведений основоположников марксизма-ленинизма и другой политической литературы сыграл огромную роль в глубоком освоении трудящимися всепобеждающего учения марксизма-ленинизма, ликвидации в сознании людей пережитков старого общества и повышению социалистической сознательности.

Одна из важных задач социалистического строительства в МНР — развертывание культурно-просветительной работы, направленной на дальнейшее повышение культурного уровня масс. Неуклонно растет число культурно-просветительных учреждений, укрепляется их материальная база. Дворцы культуры, клубы и красные уголки призваны сыграть значительную роль в повышении сознательности трудящихся, их трудовой активности, рациональном использовании свободного времени, воспитании и др. Если в 1941 г. было всего 17 Дворцов культуры и клубов, 140 красных уголков, то в 1960 г. их соответственно стало 87 и 545.

В деле повышения политических знаний, общего образования, культуры и технических навыков активная роль принадлежит библиотекам и читальням. Если в 1941 г. было всего 18 библиотек, то в 1960 г. их уже стало 33, а книжный фонд увеличился на 546,7 тыс. томов. Значительно возрос книжный фонд главной библиотеки страны — Государственной публичной библиотеки, в ее хранилищах собраны богатейшие и редкие коллекции книг и старинных рукописей на монгольском и других восточных языках.

Значительно расширилась сеть кинопроката. Если в 1941 г. было 16 постоянных кинотеатров и 21 кинопередвижка, то в 1960 г. — соответственно 37 и 329. В каждом сомоне появились 1—2 кинопередвижки.

В результате исследовательских изысканий пополнялся фонд экспонатов музеев и местных краеведческих кабинетов.

Периодические издания МНР постоянно мобилизовали трудящихся на активную политическую деятельность, призывали к борьбе за успешное выполнение задач социалистического строительства. Значительно возрос тираж и улучшилось качество периодической печати. Кроме десяти центральных газет с 1940 г. стали выходить аймачные газеты. По данным 1960 г., в стране издавалось 45 наименований газет и журналов, общий тираж которых составил 56 263 тыс. экз. Помимо государственной типографии им. Сухэ-Батора в стране вступило в строй свыше 20 крупных и мелких типографий.

Создание в столице в 1960 г. с помощью Советского Союза радиостанции им. В. И. Ленина, оснащенной современной техникой, послужило толчком для радиофикации страны. С вводом этой радиостанции общая мощность возросла в 3,6 раза по сравнению с 1956 г. Число радиоточек в 1960 г. по сравнению с 1940 г. увеличилось более чем в 7,6 раза.

Радио МНР укрепило свои связи с радиоинформационными организациями многих стран мира. Начал осуществляться постоянный обмен радиопередачами с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Для иностранных радиослушателей ведутся передачи на русском, китайском, английском, французском и казахском языках.

Большую политико-просветительную и научно-пропагандистскую деятельность в указанный период вело Общество по распространению научных знаний, созданное в 1959 г., которое пропагандирует политические, сельскохозяйственные, медицинские и другие знания.

Литература и искусство

МНРП провела ряд мер, направленных на повышение идейного уровня и художественного мастерства писателей, на развитие литературного дела в стране. Были приняты постановления «О создании Союза монгольских писателей» (1943), «О современном состоянии монгольской литературы и ее задачах» (1947), «О работе Союза монгольских писателей» (1953).

Первый и второй съезды монгольских писателей (1948, 1957) подвели итоги творческой деятельности писателей и выдвинули новые задачи в области развития литературы и углубленного овладения методом социалистического реализма.

В период второй мировой войны главными темами монголь-

ской литературы стали революционно-патриотические темы и укрепления братской дружбы монгольского и советского народов.

В 50-е годы в монгольской литературе наибольшее отражение получили мирное социалистическое строительство и созидательный труд народа. Неразрывны стали связи литературы с жизнью, укрепились принципы народности и партийности, повысилось мастерство писателей, расширились тематика и жанры.

В монгольской художественной литературе появился современный роман. Вышли из печати роман Ч. Лодойдамбы «На Алтае», трилогия Б. Ринчена «Заря над степью», а также повести Д. Сэнгэ «Аюши», Ч. Лодойдамбы «Наша школа» и сборник рассказов С. Эрдэнэ.

Успешно развивалась современная монгольская поэзия. Были созданы такие крупные поэтические произведения, как «Бурый конь» Ч. Лхамсурэна, «Дамдины Сухэ-Батор» Ц. Гайтава, «Три айла» С. Дашдэндэва. Ц. Гайтав в своей поэме ярко отразил жизнь и деятельность Сухэ-Батора, возникновение и укрепление МНРП, национально-освободительную борьбу монгольского народа.

Многие произведения монгольских писателей в этот период были переведены на русский, чешский, польский и другие языки. Монгольские читатели познакомились с классическими и крупными произведениями русских и советских авторов: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, А. М. Горького, В. В. Маяковского, А. А. Фадеева, Н. С. Тихонова, М. А. Шолохова, А. Н. Толстого, Б. Н. Полевого, И. Г. Эренбурга, К. М. Симонова. С 50-х годов еще более расширились рамки переводов, на родной язык переводились лучшие произведения мировой литературы. Достоянием монгольского читателя стали произведения таких классиков мировой литературы, как В. Гюго, Луи Арагон, Д. Байрон, О. Бальзак, Г. Гейне, Т. Драйзер, Г. Мопассан, Марк Твен, В. Шекспир, Р. Тагор, Стендаль, Жюль Верн.

В годы второй мировой войны монгольским музыкально-драматическим театром были поставлены спектакли на исторические темы — «Мудрая ханша Мандхай», «Амурсана», «Три шарайгольских хана», в которых нашли отражение идеи национально-освободительной борьбы. Следует отметить также пьесы «День рождения» Ч. Ойдова и «Братья» Э. Оюн, прославлявшие советских и монгольских воинов, одержавших победу в войне против японских империалистов.

После войны главной темой театрального искусства стал созидательный труд мирного времени и образы строителей нового общества. В пьесах «Путь-дорога» Ч. Ойдова и «Стойбище» Э. Оюн были показаны жизнь и труд аратов-скотоводов. Многие пьесы посвящены рабочему классу («Гудок» Ч. Чи-

мида, «Шофер Тожо» Л. Вангана), работникам сельского хозяйства и народной интеллигенции («Эгоисты», «Врани», «В степях Арвайхэра» Л. Вангана, «Молодое поколение» Д. Намдага и Ш. Нацагдоржа). На монгольской театральной сцене действовали новые герои — строители социалистического общества, новые люди, воспитанные на революционных традициях.

В то же время в монгольском театре широко осуществлялись постановки классических произведений мировой и советской драматургии. С большим успехом прошли спектакли «Отелло» В. Шекспира, «Гроза» Н. Островского, «На дне» М. Горького, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Семья Ульяновых» З. Попова, «Голос Америки» Б. Лавренева, «Кремлевские куранты» Н. Погодина.

По мере становления и развития профессионального театрального искусства появлялись национальная опера, симфонический оркестр, хор, балет. Помимо центральных театров были открыты музыкально-драматические театры в городах Чойбалсане, Кобдо и Баян-Улгие. На базе государственного музыкально-драматического театра возникло несколько самостоятельных театральных коллективов, в том числе кукольный (1948) и детский театры (1950).

Получило дальнейшее развитие киноискусство. Создание в 40-х годах совместно с советскими кинематографистами двух художественных лент — «Его зовут Сухэ-Батор» и «Степные витязи» — явилось важнейшим событием в истории монгольского киноискусства. В фильме «Его зовут Сухэ-Батор» художественно отображены образ вождя монгольского народа, братская дружба монгольского и советского народов. В фильме «Степные витязи» показан образ выдающегося монгольского поэта XVII в., борца за независимость родины.

В 40-е годы были созданы такие короткометражные ленты, как «Кавалеристы и танкисты», «Бесстрашный патриот», «Случай на границе», «Пограничники» и «Первый урок».

Главной темой этих фильмов была защита страны от иноземных захватчиков. Это было связано с историческими условиями того времени, когда над миром нависла фашистская угроза. Был создан также документальный фильм «Независимая Монголия», посвященный 20-й годовщине Монгольской Народной революции.

В 50-е годы вышло несколько полнометражных художественных фильмов, в которых отражены победа народной революции и новая жизнь трудящихся. Это фильмы «Пробуждение», «Посланец народа», «Эх, коня бы мне», «Что нам мешает?», «Моему папе, живущему в Улан-Баторе» и др. Тогда же был создан цветной документальный фильм «Современная Монголия».

Об успехах монгольского кино свидетельствует тот факт, что некоторые из монгольских фильмов удостоены премий на международных кинофестивалях. В 1958 г. на фестивале в Кар-

ловых Варах были отмечены премиями фильмы «Что нам мешает?» и «Эх, коня бы мне!». В 1954 г. на кинофестивале стран Азии и Африки в Индонезии премии им. Патриса Лумумбы был удостоен цветной документальный фильм «Современная Монголия».

Одним из важных достижений культурного строительства в период построения в МНР основ социализма было становление профессионального музыкального искусства. Крупными вехами на пути развития монгольского музыкального искусства послужили преобразование в 1947 г. Центрального театра в Государственный музыкально-драматический театр и создание в 1957 г. Союза монгольских композиторов.

Многие деятели монгольского музыкального искусства получили высшее специальное образование в консерваториях СССР.

Работа предшествующих лет по развитию музыкального искусства в Монголии завершилась организацией самостоятельно-го национального музыкального театра, а также оркестрового, танцевального и хорового коллективов.

Постоянно росло музыкальное творчество монгольских композиторов, которые из года в год пополнялись новыми молодыми талантами. В музыкальном искусстве МНР сформировалась национальная, симфоническая, оперная, балетная, хоровая, камерная и песенная музыка. Из симфонических произведений наиболее известны «Моя Родина» Л. Мурдоржа — первое крупное произведение монгольской инструментальной музыки; «В горах Хэнтэя» — симфоническая картина; «Симфоническая поэма о партии» С. Гончигсумлы и др. Первая национальная опера «Среди печальных гор» была написана монгольским композитором, народным артистом МНР, лауреатом Государственной премии Б. Дамдинсурэном совместно с советским композитором Б. Смирновым в 1943 г. Вслед за первой оперой появились и другие, в том числе «Путь к счастью» Б. Дамдинсурэна, «Правда» С. Гончигсумлы, «Хухо Намжил» Л. Мурдоржа и др.

Для монгольского хореографического искусства характерно создание национальных балетов. В 1954 г. заслуженным деятелем искусства МНР, Лауреатом государственной премии МНР Г. Жамьяном был поставлен одноактный балет «Наше объединение» на сюжет, взятый из жизни одного сельскохозяйственно-го объединения. Композитор С. Гончигсумла написал музыку балета «Ган хуяг», за которую он удостоен Государственной премии.

Особенно заметны успехи в хоровой и массовой музыке. Многие песни монгольских композиторов завоевали признание и популярность в народе.

Монгольское профессиональное музыкальное искусство неотделимо от исполнительского — талантливых музыкантов, певцов, многим из которых присвоены звания «народный артист МНР», «заслуженный деятель искусства МНР». Среди них мож-

но назвать имена известных певцов-солистов Г. Хайдава, П. Пурэвдоржа, Г. Жаргалсайхана, солисток А. Загдсүрэн, С. Норовбанзад, Д. Тумэндэмбэрэл, музыканта-моринхуриста Г. Жамьяна, музыканта-шанзистки Р. Дашдулам и др.

Наряду с профессиональным музыкальным искусством в МНР происходил бурный рост художественной самодеятельности. В стране появилось большое количество самодеятельных творческих коллективов и кружков самодеятельности, в которых активное участие принимали тысячи любителей музыки.

На социалистическом этапе революции в МНР впервые появилось профессиональное цирковое искусство. Важное значение в развитии циркового искусства имели подготовка национальных кадров в Советском Союзе и открытие в 1940 г. в Улан-Баторе циркового училища.

Впервые цирк был открыт в июле 1941 г., в дни празднования 20-й годовщины Монгольской народной революции. Монгольский цирк за короткий срок достиг высокого уровня, он с большим успехом гастролировал во многих странах мира. Монгольские цирковые артисты участвовали также в международных фестивалях и встречах молодежи и студентов.

С 40-х годов современное монгольское изобразительное искусство вступило в новый этап. В конце 1942 г. было создано Управление изобразительного искусства, объединившее художников и скульпторов, которое в 1955 г. было преобразовано в Союз монгольских художников.

Создание специальной организации изобразительного искусства оказало помощь в развешивании творческой активности художников и скульпторов, в овладении ими методом социалистического реализма, повышении профессионального мастерства. Главной темой монгольского изобразительного искусства стало социалистическое строительство. Расширилась тематика изобразительного искусства, обогатились жанры, значительно возросло профессиональное мастерство художников.

Художники МНР посвящали свои лучшие произведения прославлению созидательного труда народа, изображению типичных образов монгольской интеллигенции, рабочего класса, аратов-объединенцев. Следует особо отметить такие картины, как «После работы» Б. Одона, «Коллективный труд» и «Ударница» Н. Чултэма, «Дойка кобылиц», «Отстающие в работе» О. Цэвэгжава и «Социалистический Улан-Батор» Д. Амгаланя.

Обращаясь к исторической и революционной тематике, монгольские художники создали образы героических борцов за свободу и независимость Родины. Из этих работ следует отметить «Д. Сухэ-Батор» У. Ядамсүрэнэ, «На военной службе» и «Слава героев» О. Цэвэгжава, «Хасбатор» Г. Одона, «Хозяева нового государства» Б. Гомбосүрэнэ.

Художники на своих картинах передают величественную красоту родной природы. К числу таких произведений принадлежат

«Стойбище в степи» Н. Чултэма, «Горы Алтая» Л. Гавы, «Смерч в Гоби» Г. Одона, «Утро» Ц. Доржнасана. Графика и плакат как боевые формы изобразительного искусства заняли важное место. Монгольские художники создали немало острых политических плакатов и карикатур.

Еще одним крупным достижением монгольского изобразительного искусства было успешное развитие национального монументального искусства, в том числе скульптуры. Воздвигнутый на центральной площади Улан-Батора в 1946 г. памятник Д. Сухэ-Батору, созданный скульптором Чоймболом, явился первым замечательным произведением современной монгольской скульптуры. Затем были созданы такие скульптурные произведения, как «Наказ отца» Давацэрэна, «Партизан» Л. Махбала, «Д. Сухэ-Батор» и «Герой МНР Олзвой» Н. Жамбы.

Важную роль в монгольском изобразительном искусстве играло национальное традиционное декоративное искусство: художественная обработка металла — золота и серебра, резьба по дереву, кости и камню. Высокую оценку у широких народных масс получили произведения таких мастеров, как Х. Дагвадорж, заслуженный деятель искусств МНР Гэлэгдандар и др. Произведения монгольского изобразительного искусства получили известность не только у себя в стране, но и за рубежом. Произведения монгольских художников, скульпторов и народных умельцев демонстрировались в братских социалистических странах, на фестивалях молодежи и студентов мира, на международных выставках в Дели и Москве, где привлекли внимание многих тысяч посетителей.

С помощью Советского Союза и других социалистических стран интенсивное развитие в МНР получила современная архитектура. Возводились новые промышленные города, менялся облик центров сомонов — объединений и госхозов. Они постепенно начали застраиваться новыми красивыми зданиями.

Примером успешного развития новой архитектуры и градостроительства в Монголии может служить столица страны — г. Улан-Батор. С 40-х годов в столице возводились архитектурные объекты в основном классического типа с некоторыми элементами национальной архитектуры и орнаменталистики. К таким зданиям можно отнести Дом правительства, Государственный театр оперы и балета, Дворец пионеров, Государственный драматический театр им. Д. Нацагдоржа, министерство иностранных дел, кинотеатр им. Элдэв-Очира, Дворец в Их-Тэнгэре. Не только столица, но и другие города, промышленные районы и аймачные центры постепенно превращались в современные благоустроенные города, в облик которых все большее место занимали современные здания. Таким образом, в Монголии на основе сочетания современной архитектуры с традиционным искусством получила развитие современная национальная архитектура.

Здравоохранение и спорт

Развитие народного здравоохранения. X съезд МНРП отметил, что в Монголии победила научная медицина. После 1940 г. организации здравоохранения охватывали широкие слои трудящихся, улучшилось качество обслуживания. Если в конце 40-х — начале 50-х годов создавались и укреплялись межрайонные больницы, то в 1950—1960 гг. появились больницы, укомплектованные квалифицированными врачами и оснащенные современным медицинским оборудованием, уже в каждом аймаке. В 1940 г. в стране имелось 20 больниц и 157 фельдшерских пунктов, в 1960 г. — уже 70 больниц на 9346 коек, 86 врачебных участков и 476 фельдшерских пунктов на 1423 койки¹⁶.

Широкое распространение получили гигиенические и бактериологические пункты, которые вели успешную борьбу с инфекционными заболеваниями и их профилактику.

Охрана здоровья матери и ребенка всегда занимала важное место в социалистическом здравоохранении МНР. Увеличилось число роддомов, женских консультаций, детских садов, яслей и других организаций по охране здоровья матери и ребенка. Улучшилось обеспечение населения основными лекарственными средствами, медицинскими инструментами и оборудованием. В результате неустанной заботы о подготовке национальных медицинских кадров в стране значительно выросла численность медицинских работников. Если в 1940 г. на каждые 10 тыс. человек приходилось 1,5 врача, то в 1960 г. — уже 9,7. В результате были достигнуты успехи в ликвидации социальных инфекционных болезней, резком снижении детской смертности, увеличении средней продолжительности жизни, охране здоровья трудящихся.

Физкультура и спорт. В 40-х годах была создана единая государственная система физкультуры и спорта. Среди молодежи получили популярность современные виды спорта, в центре и на местах устраивались различные спортивные соревнования. 25 апреля 1947 г. при Совете Министров МНР был организован Комитет по делам физкультуры и спорта, а затем и местные спортивные комитеты и ячейки. В 1960 г. Комитет по делам физкультуры и спорта был преобразован в Монгольский союз физкультуры и спорта. Физкультура и спорт стали достоянием всего общества.

С 50-х годов укрепилась материальная база всех спортивных организаций, вводилась классификация видов спорта. В 1958 г. был открыт Дворец спорта, в 1959 г. — Центральный спортивный стадион. Кроме того, при высших и средних специальных учебных заведениях были созданы кафедры по физ-

культуре и спорту. Добровольные спортивные общества получили дополнительные игровые площадки.

В Монголии успешно развивались такие виды спорта, как борьба, легкая и тяжелая атлетика, велосипедные и мотоциклетные гонки, стрелковый спорт, стрельба из лука, лыжи, конькобежный спорт, гимнастика, бокс, волейбол, футбол, баскетбол, шахматы и шашки, альпинизм, теннис и др.

Интенсивное развитие физкультуры и спорта привело к тому, что в стране получили развитие около 20 современных видов спорта, выросло число спортсменов, улучшились спортивные результаты. Под руководством Монгольского союза физкультуры и спорта осуществлялись соревнования внутри страны. Развивались спортивные связи с зарубежными странами, прежде всего с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Таким образом, на втором этапе культурной революции в МНР был сделан решающий шаг на пути превращения революционно-демократической культуры в социалистическую. В результате победы социалистических производственных отношений в народном хозяйстве, установления социалистической собственности на средства производства сложилась единая экономическая база социалистической культуры. На этом этапе культурной революции сформировались и утвердились единые социалистические системы народного образования, здравоохранения и социального обеспечения, был воплощен в жизнь принцип всеобщего обучения, ликвидирована неграмотность трудящихся, получила успешное развитие современная наука, ведущее место в монгольском искусстве и литературе занял метод социалистического реализма. В результате развития здравоохранения и неуклонного повышения материального благосостояния народа постепенно улучшалось здоровье населения, росла рождаемость и средняя продолжительность жизни.

Закономерным результатом культурной революции в МНР явилось повышение культурного уровня монгольских трудящихся. Сформировалось морально-политическое единство монгольского народа. Одним из важнейших результатов культурной революции было превращение социалистической идеологии в основу духовной жизни монгольского народа. Постоянный рост социалистической сознательности трудящихся порождал их общественно-политическую и трудовую активность.

В целом развернувшаяся в период перехода МНР от феодализма к социализму культурная революция способствовала окончательной ликвидации многовековой культурной отсталости Монголии, ее превращению в страну с современной социалистической культурой и наукой.

¹⁶ Народное хозяйство МНР за 40 лет. У. Б., 1961, с. 159.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

БОРЬБА ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В МНР (1961—1980)

Глава I

НОВЫЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МНР

С успешным завершением в 1959 г. кооперирования аратских хозяйств во всей экономике Монголии победили социалистические производственные отношения. Навсегда были ликвидированы причины, порождающие эксплуатацию человека человеком.

Одержала верх генеральная линия партии на развитие страны к социализму, минуя капитализм, начертанная третьей Программой, принятой в 1940 г. на X съезде Монгольской народно-революционной партии.

На основе достигнутых в развитии социалистической промышленности и других отраслей значительных успехов и завершения социалистического кооперирования аратских хозяйств формировалось социалистическое общество, основанное на общности двух форм социалистической собственности, состоящее из рабочего класса, кооперированного аратства и народной интеллигенции.

Основой духовной жизни членов общества стала марксистско-ленинская идеология.

Опыт Монгольской Народной Республики полностью подтвердил марксистско-ленинское учение о возможности перехода ранее отставших в своем развитии стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Вместе с тем этот опыт показал, что страны, ориентирующиеся на некапиталистический путь, могут в интернациональном союзе, при всестороннем политическом, экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с мировой социалистической системой перейти к социализму.

Социалистические завоевания, одержанные монгольским на-

родом под руководством МНРП, при многосторонней братской помощи Советского Союза и стран социалистического содружества были зафиксированы в новой Конституции МНР, принятой в 1960 г.

XV съезд МНРП, состоявшийся в июне 1966 г., утвердил четвертую Программу партии, в которой с марксистско-ленинских позиций дан глубокий анализ внешней и внутренней политики партии, социалистических завоеваний монгольского народа, достигнутых под руководством МНРП в 1940—1960 гг., и сформулированы задачи нового этапа развития страны — этапа завершения строительства социализма.

Главными задачами нового этапа развития страны, выдвинутыми четвертой Программой партии, являлись:

- всемерное развитие производительных сил социалистического общества на базе достижений современного научно-технического прогресса в народном хозяйстве;

- обеспечение высоких темпов роста экономической мощи страны и подъема социалистической культуры;

- совершенствование социалистических общественных отношений;

- усиление коммунистического воспитания трудящихся;

- достижение на этой основе дальнейшего повышения материального благосостояния и культурного уровня народа.

Для претворения этих программных указаний в жизнь были намечены следующие конкретные социально-экономические задачи.

В области промышленности:

- широкое развитие материально-технической базы промышленности, повышение уровня механизации труда, постепенное внедрение автоматизации в производственные процессы, совершенствование технологии и организации производства;

- обеспечение опережающих темпов развития топливно-энергетической промышленности;

- укрепление сырьевой базы промышленности;

- выявление и увеличение промышленных запасов минерального сырья и топлива;

- развитие металлообрабатывающей промышленности с применением малой металлургии;

- осуществление мероприятий по созданию некоторых предприятий машиностроения, организация производства различных механизмов, запчастей к машинам;

- расширение ремонтной базы народного хозяйства;

- широкое развитие промышленности строительных материалов на основе выявления и использования местных ресурсов;

- развитие деревообрабатывающей промышленности;

- дальнейшее развитие различных отраслей легкой и пищевой промышленности на базе современной передовой техники; решение задачи полной промышленной переработки основ-

ных видов сельскохозяйственного, особенно животноводческого, сырья;

- неуклонное развитие местной и кооперативной промышленности на основе широкого использования местных ресурсов сырья и механизации производственных процессов.

В области сельского хозяйства:

- всемерное развитие и укрепление высшей формы сельскохозяйственной производственной кооперации — сельскохозяйственных объединений и государственных социалистических предприятий в сельском хозяйстве;

- проведение системы мероприятий по интенсификации сельскохозяйственного производства;

- всемерное развитие решающей отрасли сельского хозяйства — животноводства, неуклонное увеличение поголовья и повышение продуктивности скота;

- осуществление системы мероприятий по укреплению кормовой базы животноводства за счет эффективного использования естественных сенокосов;

- проведение широких водохозяйственных мероприятий по удовлетворению растущих потребностей страны;

- правильное использование земли как средства производства и основного условия сельскохозяйственного производства;

- неуклонное повышение культуры земледелия, обеспечение постоянного повышения урожайности сельскохозяйственных культур.

В области капитального строительства:

- непрерывное укрепление материально-технической базы строительства в районах и городах путем дальнейшего развития и укрепления предприятий по производству строительных материалов;

- широкое внедрение промышленных методов строительства в практику;

- повышение эффективности капитальных вложений как фактора, ускоряющего темпы экономического развития страны.

В области народного образования:

- обеспечение дальнейшего совершенствования системы народного образования;

- осуществление в ближайшем будущем для всех детей школьного возраста всеобщего неполного среднего образования и подготовка условий для перехода в дальнейшем ко всеобщему полному среднему образованию;

- дальнейшее развитие системы высшего и среднего специального образования, подготовка квалифицированных специалистов для важнейших отраслей народного хозяйства, обладающих широким теоретическим и политическим кругозором;

- широкая подготовка квалифицированных рабочих для промышленности, сельского хозяйства, строительства и других отраслей народного хозяйства.

В области народного здравоохранения:

- усиление заботы об охране и улучшении здоровья населения, дальнейшее осуществление мероприятий по оздоровлению условий труда и быта трудящихся;

- широкое развитие системы охраны младенчества и материнства, расширение сети детских и женских консультаций, детских яслей.

В области науки:

- всемерное развитие важнейших отраслей науки, естественных, технических и общественных наук.

Ю. Цеденбал в Отчетном докладе ЦК МНРП XV съезду партии подчеркнул: «Программа партии, таким образом, ясно определяет генеральную линию МНРП на период завершения строительства социализма. Она состоит в том, чтобы завершить процесс создания материально-технической базы социализма, превратить МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну. Программа МНРП показывает конкретные пути и средства осуществления ее генеральной линии, пути дальнейшего развития производительных сил страны, совершенствования социалистических общественных отношений и подъема благосостояния народа»¹. XV съезд МНРП принял директивы по четвертому пятилетнему плану развития народного хозяйства и культуры МНР на 1966—1970 гг. В этих директивах предусматривались конкретные пути обеспечения пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры страны в соответствии с задачами, начертанными в новой программе партии.

За минувший этап исторического развития значительно повысился престиж МНР на международной арене, она стала членом ООН, вступила в СЭВ и к началу 1981 г. имела дипломатические отношения более, чем с 90 государствами мира.

Дальнейшее укрепление братской дружбы и всестороннего сотрудничества МНР с СССР и со странами социалистического содружества, солидарность МНР с международным коммунистическим, рабочим и национально-освободительным движением являются главной линией внешней политики МНР.

Пребывание партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Л. И. Брежневым в МНР в начале 1966 г., подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР знаменовали собой новый этап братских отношений народов этих стран.

Взаимные визиты партийно-правительственных делегаций МНР и других братских социалистических стран имели также важное значение для дальнейшего укрепления братской дружбы этих народов.

МНР решительно борется за всемерную поддержку национально-освободительного движения, развивает дружественные отношения со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

¹ XV съезд МНРП. М., 1966, с. 6.

Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал подписывают договор
о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи
в г. Улан-Баторе (1966 г.)

МНР проводит политику мирного сосуществования с капиталистическими странами на основе принципов равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела.

Монгольский народ в борьбе за выполнение задач нового этапа развития страны, предусмотренных в четвертой Программе партии, под руководством МНРП, при всевозрастающей помощи Советского Союза и других братских стран социалистического содружества достиг больших успехов.

XVI съезд МНРП, состоявшийся в начале июня 1971 г., рассмотрел итоги выполнения четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры страны и наметил задачи новой пятилетки.

Съезд констатировал заметные сдвиги в области механизации и электрификации сельского хозяйства. За пятилетие в сельском хозяйстве общее количество тракторов увеличилось в 1,4 раза, автомашин — в 1,3, электростанций — в 1,3 раза².

В течение пятилетки около 50% госхозов подключено к центральной энергосистеме, что дало им надежный источник электроэнергии как для производственных, так и для бытовых нужд.

Тружениками госхозов и сельхозобъединений в 1970 г. было собрано более 20 млн. пудов зерна, что позволило в основном удовлетворить внутренние потребности страны³.

По сравнению с предыдущим пятилетием среднегодовой объем товарной продукции сельского хозяйства вырос за годы четвертой пятилетки на 6,1%. В 1970 г. по сравнению с 1965 г.

основные фонды СХО в среднем на одно хозяйство увеличились на 63%, достигнув 5 млн. тугриков⁴.

Валовая продукция промышленности МНР в 1970 г. возросла по сравнению с 1965 г. в 1,6 раза при среднегодовом темпе прироста в 9,9%. Объем продукции топливно-энергетической промышленности увеличился в 1,8 раза, металлообрабатывающей — в 3 раза, промышленности строительных материалов — в 2,4 раза⁵. В 1966—1970 гг. объем капиталовложений в промышленность возрос в 1,2 раза по сравнению с предыдущим пятилетием, было построено и реконструировано около 90 крупных промышленных предприятий и цехов.

Важным изменением в отраслевой структуре промышленности явилось увеличение удельного веса топливно-энергетической промышленности. За пятилетие мощность электростанций возросла в 1,2 раза, были построены высоковольтные линии электропередачи и распределительные электрические сети протяженностью в сотни километров. Успехи в развитии электро-энергетической промышленности дали возможность создать центральную энергосистему страны.

Крупным достижением в развитии средств связи, в культурной жизни страны в целом был ввод в эксплуатацию телецентра и наземной приемной станции космической связи «Орбита», построенных с технической и финансовой помощью СССР.

На основе роста общественного производства за годы четвертой пятилетки произошло дальнейшее повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Фонд потребления за 1966—1970 гг. вырос на 24,6%, а фонд заработной платы рабочих и служащих — на 27%. Размер государственных пенсий по старости был увеличен в среднем на 20%, минимальный уровень доведен до 150 тугриков в месяц⁶. Система пенсионного обеспечения значительно расширилась за счет введения пенсий для членов сельхозобъединений.

За годы пятилетки в стране вновь были созданы 183 общеобразовательные школы, в том числе 123 неполные средние школы. Началось осуществление перехода ко всеобщему неполному среднему образованию детей школьного возраста. В 1970 г. количество учащихся общеобразовательных школ увеличилось по сравнению с 1965 г. на 48%⁷.

Основное внимание научных учреждений направлялось на решение проблем, связанных с изучением природно-экономических условий и материально-сырьевых ресурсов страны, на разработку научных рекомендаций для подъема отдельных отраслей народного хозяйства.

² Материалы XVI съезда МНРП. У. Б., 1971, с. 41.

³ Там же, с. 43—44.

⁴ Там же, с. 43.

⁵ Там же, с. 53.

⁶ Там же, с. 74.

⁷ Там же, с. 77.

За пятилетие дальнейшее развитие и углубление получили дружба и сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Укреплялся внешнеполитический авторитет МНР на международной арене, расширились ее взаимоотношения с несоциалистическими странами, развивалась и укреплялась интернациональная связь МНР с международным коммунистическим, рабочим и национально-освободительным движением.

XVI съезд МНРП принял директивы пятого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры на 1971—1975 гг. Были выдвинуты следующие задачи новой пятилетки:

- повышение продуктивности животноводства и урожайности сельскохозяйственных культур;

- укрепление топливно-энергетической базы народного хозяйства, широкое использование минерально-сырьевых ресурсов страны;

- своевременный ввод в эксплуатацию объектов производственного и непроизводственного назначения, сокращение сроков строительства путем широкого внедрения индустриальных методов, механизации трудоемких процессов;

- значительное увеличение доходов населения;

- осуществление полного охвата детей школьного возраста неполным средним образованием, развитие профессионально-технического образования, расширение сети учреждений здравоохранения.

XVII съезд МНРП, состоявшийся в июне 1976 г., рассмотрев и обсудив итоги пятой пятилетки, принял основные направления развития народного хозяйства и культуры МНР на 1976—1980 гг. Съезд единодушно отметил, что экономика страны в пятой пятилетке развивалась в соответствии с решениями XVI съезда МНРП.

За годы пятой пятилетки значительно укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства. Значительно увеличилось производство кормов, обводнение пастбищ и обеспечение скота теплыми помещениями. Среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства возрос более чем на 26% по сравнению с предыдущей пятилеткой. Большинство аймаков перевыполнило план увеличения поголовья скота. Посевная площадь расширилась на 12%, повысилась урожайность основных культур, производство кормов возросло в 2 раза.

Значительно увеличилась валовая продукция промышленности. Дальнейшее развитие получили все виды транспорта и связи.

По сравнению с предыдущей пятилеткой объем капитальных вложений вырос в 1,3 раза, достигнув 7 млрд. тугриков, из них 70% поступило в сферу материального производства⁸.

Много внимания уделялось реконструкции и расширению действующих предприятий легкой, пищевой и топливно-энерге-

В одной из больниц г. Улан-Батора

тической промышленности. Вошли в строй многочисленные объекты социально-культурного назначения.

Нарастали среднегодовые темпы прироста строительно-монтажных работ. За пятилетие были выполнены строительно-монтажные работы на сумму 4,5 млрд. тугриков, повысились экономические показатели строительных организаций.

Реальные доходы в расчете на душу населения выросли примерно на 17%. Улучшились жилищные условия и коммунально-бытовое обслуживание населения, сдано в эксплуатацию 420 тыс. кв. м жилой площади. На новую ступень поднялось медицинское обслуживание населения, количество больничных коек увеличилось на 20%, число врачей — на 29%. Внедрялась новая система обучения в общеобразовательных школах. Количество учащихся в высших, средних специальных учебных заведениях, профессионально-технических училищах и общеобразовательных школах за пятилетие увеличилось на 32%⁹.

Съезд выдвинул следующие задачи на шестую пятилетку: — обеспечение дальнейшего подъема общественного производства, повышение его эффективности, улучшение качества работы во всех отраслях народного хозяйства и культуры, до-

⁸ Материалы XVII съезда МНРП, с. 119, 121.

⁹ Там же.

стижение на этой основе неуклонного подъема благосостояния и культурного уровня жизни народа;

— упрочение материально-технической базы животноводства и земледелия;

— дальнейшее увеличение производства промышленной продукции, развитие транспорта, связи и других отраслей экономики;

— широкое культурное строительство.

В шестой пятилетке капитальные вложения направляются главным образом на развитие материального производства, и в первую очередь на дальнейшее укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, на развитие топливно-энергетической, горнорудной промышленности, строительной индустрии и промышленности строительных материалов, а также на решение важнейших социальных проблем.

Перед работниками общественных, естественных и технических наук, отраслевых институтов министерств и ведомств, а также вузов была поставлена задача сосредоточить внимание и средства на исследовании насущных проблем охраны и эффективного использования природных ресурсов, развития производительных сил страны и совершенствования социалистических производственных отношений, развития различных отраслей народного хозяйства и культуры.

Рабочий класс, кооперированное аратство и народная интеллигенция, повсеместно развертывая социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение заданий шестой пятилетки в области социально-экономического развития страны, достигают новых трудовых успехов.

Претворяются в жизнь положения Комплексной программы социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. Советский Союз и другие страны — члены СЭВ материальными средствами, участием специалистов и квалифицированных рабочих оказывают МНР большую разностороннюю интернациональную помощь в развитии производительных сил, повышении народного благосостояния.

Широким фронтом развертывается строительство ряда важнейших народнохозяйственных объектов, в том числе совместная монголо-советская стройка крупного комплекса горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт».

Ю. Цеденбал в Отчетном докладе ЦК МНРП XVII съезду отметил: «Курс на дальнейшее развитие и углубление нерушимой дружбы всестороннего тесного сотрудничества с великим Советским Союзом и другими братскими государствами, на всемерное укрепление единства стран социалистического содружества был и остается краеугольным камнем, незыблемым направлением нашей внешней политики»¹⁰.

¹⁰ Там же, с. 8.

XVIII съезд МНРП, состоявшийся в мае 1981 г., рассмотрев итоги шестой пятилетки, принял основные направления развития народного хозяйства и культуры МНР на 1981—1985 гг.

Съезд единодушно отметил, что за годы шестой пятилетки достигнуты ощутимые результаты в развитии народного хозяйства МНР. Значительно возрос экономический потенциал страны, высокими темпами развивалось общественное производство, заметно повысился материальный и культурный уровень жизни монгольского народа. На развитие народного хозяйства и культуры страны в шестой пятилетке было направлено капитальных вложений в 2 раза больше, чем в пятую. Совокупный общественный продукт возрос на 35%¹¹.

Осуществлены конкретные мероприятия по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. Аграрный сектор республики располагает в 1981 г. основными фондами (без учета скота), превышающими уровень 1960 г. в 13 раз. За годы шестой пятилетки освоено 279 тыс. га целинных земель, вновь созданы десятки госхозов, кормовых хозяйств и механизированных молочно-товарных ферм.

Сельскому хозяйству поставлено свыше 4 тыс. тракторов, 1,2 тыс. комбайнов, 2 тыс. автомашин и много другой техники. В сельском хозяйстве МНР трудятся более 6 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием¹².

Благодаря техническому перевооружению действующих предприятий и вводу новых производственных мощностей объем промышленной продукции за минувшее пятилетие увеличился в 1,5 раза. На долю промышленности приходится 63% прироста национального дохода. Производство электроэнергии удвоилось. Объем строительного-монтажных работ возрос в 2 раза по сравнению с предыдущей пятилеткой.

Средства на социальные и культурные мероприятия возросли в 1,5 раза. Денежные доходы населения возросли более чем на 32%. Значительно улучшились жилищные условия трудящихся. В шестой пятилетке введено в эксплуатацию столько жилья, сколько было введено за предыдущие два пятилетия. Объем бытовых услуг населению возрос в 3 раза.

Успешно реализована программа развития образования и культуры в МНР. Количество учащихся в учебных заведениях увеличилось на 26%. В результате широкого развертывания школьного строительства 60% учащихся сельских школ обеспечены благоустроенными интернатами. Для дошкольных детских учреждений построено зданий в 2,8 раза больше, чем в предыдущей пятилетке¹³.

Из года в год улучшается обеспеченность всех отраслей на-

¹¹ «Новости Монголии», 27.V.1981.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Председатель Совета Министров МНР
Ж. Батмунх

родного хозяйства квалифицированными кадрами. За минувшее пятилетие подготовлено 33 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием и 47 тыс. квалифицированных рабочих¹⁴. Итоги шестой пятилетки подтверждают правильность экономической и социальной политики МНРП. Они говорят о повышении социалистической сознательности и трудовой активности монгольских трудящихся, об огромном значении всестороннего сотрудничества МНР со странами социализма.

XVIII съезд МНРП определил основные задачи на седьмую пятилетку следующим образом: обеспечить дальнейший рост общественного производства и повысить его эффективность путем внедрения научно-технических достижений и передового опыта, улучшения качества работы во всех отраслях народного хозяйства и культуры; осуществить мероприятия по дальнейшему повышению материального благосостояния и культурного

¹⁴ Там же.

уровня жизни народа; обеспечить дальнейшее развитие науки и повысить эффективность научных исследований; укреплять братскую дружбу и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества¹⁵. Успешное выполнение плана седьмой пятилетки, несомненно, обеспечит дальнейшее наращивание экономического потенциала страны и укрепление ее обороноспособности, приведет к еще большему упрочению международных позиций МНР.

Главная задача, поставленная перед трудящимися МНР XVIII съездом МНРП, состоит в дальнейшем углублении процесса социалистической индустриализации, для чего необходимо обеспечить развитие тяжелой промышленности в оптимальном комплексе, включая топливно-энергетическую, горнорудную и металлообрабатывающую отрасли. Актуальна также проблема превращения легкой и пищевой промышленности в комплексно развитые отрасли, обеспечивающие полную переработку сельскохозяйственного сырья, что требует, в свою очередь, дальнейшего укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, стабильного роста сельскохозяйственного производства и повышения его эффективности.

Большое значение придается вопросу об использовании огромных минерально-сырьевых ресурсов страны, разработке новых высокоэффективных месторождений полезных ископаемых.

Серьезное внимание уделяется совершенствованию отраслевой и территориальной структуры народного хозяйства на основе дальнейшего формирования новых территориально-производственных комплексов, промышленных центров, агропромышленных комплексов в перспективных районах страны.

«Реализация этих задач,— говорит Ю. Цеденбал,— в конечном счете приведет к завершению создания материально-технической базы социализма в МНР, что обеспечит необходимые условия для постепенного перехода страны в историческую полосу построения развитого социалистического общества»¹⁶.

Участие партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым на торжествах по случаю 50-летия III съезда МНРП и провозглашения МНР имело историческое значение в дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества СССР и МНР.

Успешно развиваются и крепнут отношения дружбы и сотрудничества МНР с НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, Республикой Кубой, ЛНДР, ПНР, СРР, ЧССР и другими социалистическими странами.

Главной заботой и основным содержанием сотрудничества МНР с братскими социалистическими странами, как и прежде, явилась совместная борьба за упрочение их единства, сплочен-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

ности мирового коммунистического, рабочего движения и интернациональной солидарности со всеми революционными и антиимпериалистическими силами современности. Важное значение имеют договоры о дружбе и сотрудничестве между МНР и СРВ, между МНР и ЛНДР, а также совместная монголо-кампучийская декларация, подписанные в декабре 1979 г.

МНР последовательно борется за укрепление единства стран социалистического содружества на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, против агрессивного курса империалистических кругов.

Монгольская Народная Республика под руководством МНРП ведет решительную борьбу вместе с братскими государствами и со всеми прогрессивными силами в защиту мира и безопасности на нашей планете, за разрядку международной напряженности, полностью поддерживая новые мирные инициативы СССР.

Глава 2

УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЗИЦИЙ МНР И РОСТ ЕЕ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ

1961—1980 годы характеризуются качественно новыми этапами дальнейшего развития мировой социалистической системы, борьбы за мир и международную безопасность.

Динамическое всестороннее развитие реального социализма, определяющее основное направление современного мирового процесса, означало укрепление позиции социалистического содружества в целом и каждого его участника в отдельности. В благородное дело мира, социализма и прогресса вносят свой вклад все социалистические страны, в том числе МНР.

За рассматриваемый период продолжались ставшие доброй традицией взаимные визиты партийных и государственных руководителей братских стран, содействуя укреплению единства мировой социалистической системы. В 60-х годах Монголии с дружественным визитом посетили партийно-правительственные делегации ДРВ во главе с Фам Ван Донгом, Венгрии — Я. Кадаром, Советского Союза — Л. И. Брежневым, Болгарии Т. Живковым, Кубы — Раулем Кастро Рус, а в 70-х годах Румынии — во главе с Н. Чаушеску, Чехословакии — Г. Гусаком, ДРВ — Фам Ван Донгом, ГДР — Э. Хонеккером, Болгарии — Т. Живковым, Советского Союза — Л. И. Брежневым, ЛНДР — Кейсоном Фомвиханом. В апреле 1968 г. в МНР побывал с государственно-партийной делегацией СФРЮ Иосип-Броз Тито. В торжествах по случаю 50-летия Монгольской народной революции в июле 1971 г. принял участие А. Н. Косыгин.

Партийно-правительственная делегация, возглавляемая

Ю. Цеденбалом, посетила СССР в апреле 1965 г., КНДР — в июне 1965 г., ДРВ — в декабре 1967 г., Болгарию — в июле 1970 г., СССР — в октябре 1970 г., Кубу — в ноябре 1972 г., Венгрию — в июне — июле 1974 г., СССР — в октябре 1976 г., НРБ — в июне 1979 г. Ю. Цеденбал с официальным дружественным визитом посетил Югославию в октябре 1974 г. В декабре 1979 г. с официальным дружеским визитом партийно-правительственная делегация МНР во главе с членом Политбюро ЦК МНРП Председателем Совета Министров МНР Ж. Батмунхом посетила СРВ, ЛНДР и НРК.

В результате взаимных визитов руководителей братских стран еще более укрепились их дружба и сотрудничество.

Братские отношения МНР с социалистическими странами получили окончательное оформление в виде равноправных договоров, заключенных МНР почти со всеми странами социализма: Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР от 15 января 1966 г., Договоров о дружбе и сотрудничестве с ВНР — от 2 октября 1965 г., с Болгарией — от 21 июля 1967 г., с ГДР — от 12 сентября 1968 г. и 6 мая 1977 г., с ЧССР — от 18 июня 1973 г., с ПНР — от 4 июля 1975 г., с СРВ, ЛНДР — в декабре 1979 г., а также в совместной монголо-кампучийской Декларации от 4 декабря 1979 г.

Заключение договоров в целом подняло братскую дружбу и сотрудничество этих стран на качественно новую ступень, они стали основой дальнейшего расширения взаимоотношений их партийных, государственных и общественных организаций, взаимного обмена опытом строительства новой жизни, а также торгово-экономических, научно-технических и культурных связей.

Особое значение имеет официальный визит в МНР в январе 1966 г. советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. В результате визита в Улан-Баторе 15 января 1966 г. был заключен, как отмечено выше, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой.

Новый монголо-советский договор, пронизанный неизменным интернационалистским духом, говорит о полном единстве взглядов МНРП и КПСС, МНР и СССР по актуальным и перспективным вопросам строительства социализма и коммунизма, международных отношений.

В ст. 1 сказано, что «Высокие Договаривающиеся стороны будут и дальше укреплять нерушимую традиционную дружбу народов СССР и МНР, развивать всестороннее сотрудничество и братскую взаимопомощь между обеими странами на основе принципов социалистического интернационализма»¹⁷.

¹⁷ Советско-монгольские отношения (1921—1966). М., 1966, с. 320.

Этот договор послужил упрочению традиционного боевого союза МНР и СССР, который, как известно, выдержал суровые испытания временем и который особенно важен для МНР в современных условиях.

Характерно, что ст. 5 Договора не только подтверждает обязательство о взаимопомощи в случае возникновения военной опасности, но и увязывает его с укреплением военного могущества всего социалистического содружества. В ней говорится, что «Высокие Договаривающиеся стороны будут оказывать взаимную помощь в обеспечении обороноспособности обеих стран в соответствии с задачами неуклонного укрепления оборонной мощи социалистического содружества».

Высокие Договаривающиеся стороны будут консультироваться по всем важнейшим международным проблемам, затрагивающим интересы обеих стран или интересы мира и международного сотрудничества, и, действуя в духе доброй традиции, а также Устава Организации Объединенных Наций, будут совместно предусматривать все необходимые меры, включая военные, в целях обеспечения безопасности, независимости обеих стран»¹⁸.

Договор предусматривает усиление совместных действий МНР и СССР в деле конструктивного разрешения актуальных международных проблем как в региональном, так и в глобальном масштабе.

Новый советско-монгольский договор полностью отвечает жизненным интересам народов обеих стран, способствует упрочению единства социалистического содружества и служит интересам укрепления мира и безопасности народов в Азии и во всем мире.

Высоко оценивая значение этого договора, Первый секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал, выступая на митинге монголо-советской дружбы в январе 1966 г., сказал: «И мы с радостью отмечаем, что одним из главных итогов нынешнего пребывания партийно-правительственной делегации Советского Союза в МНР и плодотворных монголо-советских переговоров является заключение нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Монгольской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик»¹⁹. «Свою вечную дружбу с советским народом, братское единство и прочные интернациональные связи МНРП с Коммунистической партией Советского Союза,— подчеркнул далее Ю. Цеденбал,— трудящиеся нашей страны считают величайшим завоеванием Монгольской народной революции. Братская дружба и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом играли и играют исклю-

чительно большую роль в судьбе монгольского народа, в его борьбе за строительство новой жизни»²⁰.

Большим политическим событием в жизни монгольского народа явился визит в МНР партийно-правительственной делегации СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, принявшей участие в торжествах по случаю 50-летия III съезда МНРП и провозглашения МНР. В своем выступлении во время пребывания в Улан-Баторе Л. И. Брежнев дал высокую оценку активной роли МНР в совместной борьбе братских социалистических стран за строительство новой жизни на земле, за всеобщий мир и безопасность. Он сказал: «Мы с признательностью отмечаем, что Монгольская Народная Республика вносит достойный вклад в разработку и проведение в жизнь согласованного внешнеполитического курса братских стран»²¹.

Огромную роль в дальнейшем углублении дружбы и сотрудничества между МНР и СССР сыграл официальный визит в СССР партийно-правительственной делегации МНР во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбалом 18—24 октября 1976 г. Встречи и переговоры с советскими руководителями, а также подписанные в Москве новые документы монголо-советского сотрудничества показали полное совпадение взглядов обеих сторон как по внутренним, так и по международным вопросам. Особое внимание было уделено дальнейшему совершенствованию форм и методов традиционного советско-монгольского сотрудничества. «Это сотрудничество, основанное на принципах социалистического интернационализма, будет носить всесторонний комплексный характер, охватывать связи и контакты между партийными, государственными и общественными организациями, более тесную координацию деятельности партий и государств в области политики, экономики, идеологии и в сфере культурной жизни советского и монгольского народов при уважении государственного суверенитета и независимости, полном равноправии»²²,— говорится в коммюнике о пребывании партийно-правительственной делегации МНР в СССР.

Волнующим проявлением дружбы и сотрудничества МНР и СССР явился совместный космический полет советских космонавтов В. Коваленка, В. Савиных, В. Джанибекова и гражданина МНР Ж. Гуррагчи. Ю. Цеденбал в своем докладе на XVIII съезде МНРП подчеркнул, что «славный подвиг мужественных сынов советского и монгольского народов войдет зо-

¹⁸ Там же, с. 321.

¹⁹ Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. 1962—1973. М., 1974, с. 115.

²⁰ Там же.

²¹ Под знаменем братской дружбы. М., 1974, с. 41.

²² Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации МНР. М., 1976, с. 62.

Космонавты В. Джанибеков и Ж. Гуррагча

лотой страницей в летопись истории монголо-советских отношений как подлинное свидетельство торжества социалистического интернационализма»²³.

Успешно развиваются братская дружба и сотрудничество МНР с другими социалистическими странами.

Взаимная поддержка социалистических стран укрепляет не только позиции реального социализма, но и дело мира и безопасности народов во всем мире.

26 декабря 1962 г. в Пекине был подписан договор о монголо-китайской границе.

Вступление в 1962 г. в СЭВ, являющийся образцом социалистического интернационализма в действии, подняло на качественно новую ступень экономическое сотрудничество МНР с СССР и другими братскими странами.

²³ «Новости Монголии», 27.V.1981.

Этому событию МНРП придавала огромное значение. В постановлении V пленума ЦК МНРП от 22 декабря 1963 г. отмечалось, что «вступление МНР в члены СЭВ... означает новый этап в развитии братского сотрудничества с великим Советским Союзом и другими социалистическими странами»²⁴.

Закономерности развития нового общественного строя, созданного в социалистических странах, проявляются в международном социалистическом разделении труда, в социалистической экономической интеграции, что отвечает интересам подъема жизненного уровня трудящихся и ускорения темпов продвижения вперед каждой братской страны и всего социалистического содружества, неуклонного упрочения их международных позиций.

Постоянное укрепление и совершенствование Совета Экономической Взаимопомощи — интернациональный долг всех братских стран.

МНРП и правительство МНР неизменно следуют марксистско-ленинской линии во внешней политике и линии всестороннего укрепления дружбы и солидарности всего мирового социалистического содружества.

По вопросу о взаимоотношениях МНР и КНР Ю. Цеденбал на XVIII съезде МНРП заявил, что они ухудшились отнюдь не по вине МНР, что «МНР продолжает придерживаться своего принципиального курса на восстановление и развитие нормальных добрососедских отношений с КНР, что отвечало бы интересам монгольского и китайского народов»²⁵.

Социалистические страны, взаимодействуя между собой в решении актуальных задач социалистического и коммунистического строительства, создали новый, социалистический тип международных отношений, который является ярким примером подлинного равноправия и взаимопомощи.

В то же время социалистические страны совместно выступают на мировой арене за конструктивное разрешение международных проблем, что соответствует кровным интересам не только этих стран, но и народов всего мира.

Координированная внешнеполитическая деятельность братских стран укрепляет международные позиции всего социалистического содружества, приносит ощутимые плоды в благородной борьбе за мир и международную безопасность.

С вступлением в 1961 г. в ООН МНР включилась в число социалистических и миролюбивых государств в этой организации, последовательно выступающих за конструктивное решение актуальных международных проблем. Если в 1961 г. Монгольская Народная Республика имела дипломатические отношения всего с 18 странами мира, то, по данным 1980 г., число таких стран

²⁴ «Новости Монголии», 26.XII.1963.

²⁵ «Новости Монголии», 27.V.1981.

превысило 90. МНР поддерживает торговые и культурные отношения со многими странами мира.

1961—1970 годы примечательны для Монголии также тем, что ее начали признавать одно за другим капиталистические государства, которые до того времени отгораживались от нее стеной непризнания. Первой из них признала Монгольскую Народную Республику в 1963 г. Великобритания, а затем Франция, Япония, Канада, ФРГ и др. Отношения МНР с капиталистическими государствами строятся на основе принципов мирного сосуществования.

Поддержка национально-освободительного движения и новых независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки занимает одно из важных мест во внешней политике Монголии, как и других социалистических стран.

Монголия с 1961 по 1980 г. установила дипломатические отношения с подавляющим большинством развивающихся стран, в частности с Королевством Непал, Республикой Мали, Алжирской Народной Демократической Республикой, Республикой Шри Ланкой, Демократической Республикой Афганистан, Иракской Республикой, Республикой Ганой, Исламской Республикой Мавританией, САР, Королевством Марокко, Народно-Демократической Республикой Йемен, Исламской Республикой Иран, Аргентиной, Малайзией, Республикой Бангладеш, Заиром, Мексикой, Народной Республикой Мозамбик, Республикой Гвинея-Бисау, Народной Республикой Анголой, Фиджи и др.

Разоблачая раскольнические действия империалистов, Монголия поддерживает антиимпериалистический курс развивающихся стран, который отвечает интересам их независимого национального развития, а также углубляющийся революционный процесс. Своей последовательной антиимпериалистической, миролюбивой политикой социалистическая Монголия снискала большой авторитет среди развивающихся стран. Страны социалистической ориентации живо интересуются монгольским опытом некапиталистического развития, который становится все более актуальным на современном этапе.

Монгольские руководители и парламентарии с дружественным визитом побывали в Индии, Непале, Иране, Египте и т. д.

Социалистическая Монголия придает важное значение всестороннему укреплению дружественных отношений с крупнейшим миролюбивым государством Азии — Индией.

В обстановке, когда империалистические круги всеми силами пытаются отравить политический климат в Азии, укрепление монголо-индийской дружбы и сотрудничества имеет важное значение не только для Индии и МНР, но и для дела мира и безопасности на континенте.

Антиимпериалистический, прогрессивный курс политики любой развивающейся страны пользуется неизменной симпатией социалистической Монголии.

Монголия поддерживает движение неприсоединения, Организацию солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА) как эффективные звенья широкого антиимпериалистического движения.

Последовательная ленинская внешняя политика СССР и других социалистических стран, предпринятый ими целый комплекс мирных инициатив, поддержанных коммунистическими и рабочими партиями, всеми миролюбивыми силами, повернули развитие мировых событий от опасной конфронтации, которая неминуемо ввергла бы человечество в ядерную катастрофу, к разрядке международной напряженности.

Ярким успехом политики разрядки явилось Хельсинкское совещание на высшем уровне европейских стран, а также США и Канады в мае 1975 г., принявшее Заключительный акт — своего рода хартию мирного сосуществования.

Монгольское правительство высоко оценило итоги Хельсинкского совещания, воспринятые с большим удовлетворением во всем мире.

В своем послании участникам этого совещания Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал выразил надежду, что «плодотворные результаты данного совещания не только послужат важным этапом на пути расширения отношений добрососедства и дружественного сотрудничества между европейскими государствами, но и окажут благотворное влияние на дальнейшее углубление и распространение процесса разрядки на другие районы мира, в том числе и на обширный Азиатский континент»²⁹.

Совместные действия братских социалистических стран, включая МНР, особенно ясно видны в их огромных усилиях по конструктивному решению кардинальной проблемы современности — разоружения.

О вкладе МНР в борьбу за конструктивное решение этой проблемы свидетельствует тот факт, что Монголия выступает в ООН совместно с другими социалистическими странами, с рядом развивающихся государств соавтором важнейших проектов резолюций и других документов по актуальным международным проблемам, в частности Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического и бактериологического (биологического) оружия и его уничтожения (1972), резолюции «О запрещении воздействия на природную среду и климат в военных или иных целях, несовместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей» (1974), рабочего документа о переговорах относительно прекращения производства ядерного оружия во всех его видах и постепенного сокращения его запасов вплоть до полной их ликвидации (1979) и др.

²⁹ «Внешняя политика МНР в документах», У. Б., 1976, № 3, с. 93.

Монголия выступает за прекращение гонки вооружений, за всеобщее и полное разоружение, за углубление разрядки международной напряженности.

Широкую международную поддержку получило предложение Монгольской Народной Республики, внесенное на XVIII съезде партии, выработать и подписать конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана.

Монгольский народ вместе со всеми миролюбивыми силами осуждает попытки милитаристских кругов США и НАТО вернуть мир к худшим временам «холодной войны». Раздувая шумиху вокруг мнимой «советской угрозы», США развернули на рубеже 1979—1980 гг. антисоветскую кампанию, заморозили ратификацию договора об ОСВ-2, начали новый тур гонки вооружений.

Ярким примером совместных выступлений МНР, СССР и других социалистических стран является интернациональная поддержка справедливого дела вьетнамского, лаосского народов в период американской агрессии.

Официальные визиты в СРВ, НРК, ЛНДР партийно-правительственной делегации МНР во главе с членом Политбюро ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР Ж. Батмунхом в декабре 1979 г., подписание договоров о дружбе и взаимопомощи между МНР и СРВ, между МНР и ЛНДР, а также совместная монголо-кампучийская декларация продемонстрировали решимость народов этих стран бороться рука об руку за свободу и национальную независимость своих стран, за дело социализма, за упрочение мира и безопасности в Азии, против агрессивной политики империалистов.

Монгольское правительство решительно выступило против намерений США продолжать оккупацию Южной Кореи, против американского военного присутствия здесь и в других районах Азии.

Милитаристские круги Запада, полностью игнорируя протесты мировой общественности, наращивают гонку вооружений, стремятся ликвидировать разрядку, нагнетают международную напряженность.

Монгольский народ в условиях обострения международной обстановки по вине империалистических сил, прежде всего Соединенных Штатов, усиливает борьбу вместе со странами социалистического содружества за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования между государствами с различным общественным строем, за всеобщую безопасность и разоружение, чтобы отстоять разрядку и не дать свести на нет результаты многолетних усилий миролюбивых народов в деле укрепления безопасности и расширения международного сотрудничества.

Глава 3

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ МНР

Основные направления и задачи экономического развития МНР на современном этапе определены в Программе МНРП, принятой XV съездом партии, в решениях XIV—XVIII съездов МНРП. В Программе указывается, что «центральной экономической проблемой этого периода является завершение создания в оптимальном комплексе материально-технической базы социализма путем дальнейшей индустриализации страны, механизации сельскохозяйственного производства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства»³⁰.

Начало строительству материально-технической базы социализма было положено в переходный период. После победы социалистических производственных отношений завершение ее создания приобрело особенно важное значение и стало ключевой задачей экономического развития.

Одним из основных путей создания материально-технической базы социализма является индустриализация страны. В решении этой проблемы важную роль играет сотрудничество МНР со странами социалистического содружества. В условиях существования мировой социалистической системы нет необходимости в развитии всех отраслей промышленности в каждой отдельно взятой социалистической стране. Экономическая взаимопомощь братских стран облегчает для МНР проблему создания оптимального промышленного комплекса. Индустриализация в МНР осуществляется на основе развития тех отраслей промышленности, для которых имеются наиболее благоприятные экономические факторы. При этом учитываются насущные потребности страны, а также интересы социалистического содружества в целом.

Первостепенное внимание уделяется всемерному развитию научно-технического прогресса, внедрению в производство современной передовой технологии, обеспечению непрерывного роста производительности труда, повышению эффективности общественного производства.

Создание материально-технической базы социализма в сельском хозяйстве предполагает внедрение новейших достижений науки и техники, механизацию и электрификацию основных производственных процессов в земледелии и наиболее трудоемких работ в животноводстве, обеспечение скота кормами, водой, помещениями. Строительство материально-технической базы социализма требует подготовки достаточного количества квалифици-

³⁰ XV съезд МНРП, с. 177.

рованных кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры, повышения культурно-технического уровня монгольских трудящихся.

Сложные задачи создания материально-технической базы социализма в МНР успешно претворяются в жизнь. Экономическое развитие страны осуществляется на основе государственных народнохозяйственных планов. Каждый пятилетний план — важная ступень на пути создания материально-технической базы, решения всех задач завершения строительства социализма. Так, в годы третьей пятилетки (1961—1965) национальный доход возрос на 30%, валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 20%, промышленности — на 60, производственные фонды — на 80%. В четвертой пятилетке (1966—1970) национальный доход повысился на 21%, валовая продукция промышленности — на 60, основные фонды народного хозяйства — на 50%.

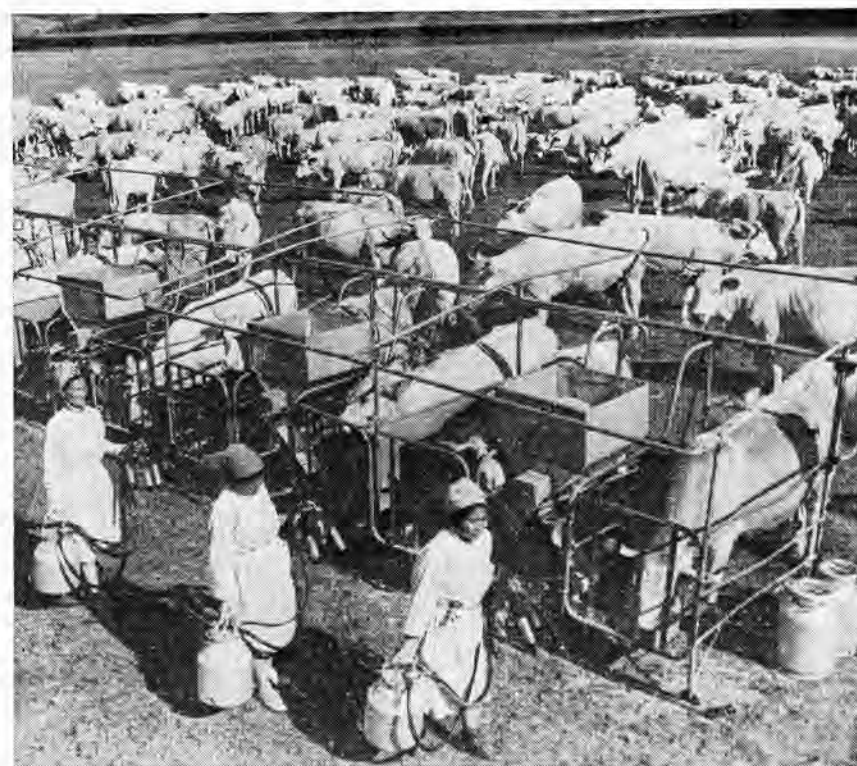
В 1971—1975 гг. национальный доход возрос на 38%, среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства — на 26, объем валовой продукции промышленности — на 55,2, основные производственные фонды — на 40% против предыдущей пятилетки. За шестую пятилетку (1976—1980) увеличились национальный доход на 30,9%, промышленная продукция — на 50, среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства — на 6,3, основные производственные фонды — на 70%³¹. Новым крупным шагом в социалистическом строительстве является седьмая пятилетка (1981—1985). Производство национального дохода планируется увеличить на 38—41%, промышленной продукции — на 52—58, среднегодовой объем сельскохозяйственной продукции — на 22—26%³².

Сельское хозяйство

Партия и правительство МНР уделяют неослабное внимание развитию традиционной, жизненно важной отрасли — сельского хозяйства, и прежде всего животноводства. Проводится большая работа по организационно-хозяйственному укреплению сельхозобъединений и госхозов, улучшению руководства сельским хозяйством. Важную роль в этом отношении сыграло постановление ЦК МНРП и Совета Министров МНР «О мерах по улучшению системы организации и оплаты труда в СХО» (июль 1963 г.). В постановлении четко определялись функции основных производственных единиц — бригад, участков, звеньев, регламентировались их размеры в зависимости от природной зоны и видов скота, подчеркивались важность и своевременность пере-

³¹ «Үнэн» 2.VI.1981.

³² Там же.

Механизированная молочная ферма

хода от трудодня непосредственно к денежной оплате труда, содержались рекомендации о внедрении тарифной системы. Дальнейшему укреплению экономики СХО способствовали решения III, IV, V съездов сельхозобъединений (июнь 1967 г., июнь 1973 г., декабрь 1979 г.). В Примерном уставе СХО 1967 г. закреплён передовой опыт кооперативов в области организации и оплаты труда, управления производством, распределения продукции, усилено значение общественной собственности, планирования, указаны пути интенсификации хозяйства, повышения его рентабельности. Крупным социальным мероприятием явилось введение пенсионного обеспечения членов СХО. Партийные и государственные органы, советы СХО придают первостепенное значение укреплению и приумножению общественной собственности, воспитанию у каждого члена СХО сознательного отношения к коллективному труду, улучшению учета и отчетности, строгому соблюдению всех положений устава. Эти вопросы рассмотрены, в частности, в постановлениях ЦК МНРП

«О некоторых мероприятиях по укреплению сельскохозяйственных объединений» (1972), «О мероприятиях по дальнейшему укреплению общественного хозяйства СХО» (1978) и в других документах.

Неуклонно усиливается техническая оснащенность сельскохозяйственных предприятий. До конца 60-х годов государство оказывало техническую помощь СХО через машинно-животноводческие станции. Организационно-хозяйственное укрепление СХО, увеличение их доходов, рост кадров привели к тому, что кооперативы получили возможность выполнять основные виды работ, включая полеводство, без помощи МЖС. В СХО вырос большой отряд специалистов и механизаторов: в 1968 г. в объединениях работали 53 инженера, 80 механиков, 105 агрономов, 60 аэротехников, 891 тракторист-комбайнер, 400 слесарей³³. В марте 1969 г. Пленум ЦК МНРП констатировал, что задачи, стоявшие перед МСС — МЖС, в основном выполнены. Пленум принял постановление о передаче МЖС системе сельскохозяйственной кооперации и об укреплении ремонтной базы СХО. Техника МЖС перешла в распоряжение СХО и межобъединенческих предприятий. Государство всемерно способствует укреплению и расширению технической базы сельхозкооперативов путем предоставления кредитов, усиления ремонтной базы, установления льготных цен на поставляемые машины и оборудование.

В сельском хозяйстве разворачиваются процессы концентрации общественной собственности, специализации производства. Это находит отражение в укрупнении СХО, число которых уменьшилось с 354 в 1960 г. до 255 в 1980 г. В 60—70-е годы заметно сократилось число относительно небольших кооперативов и соответственно возросло количество крупных. В 1960 г. кооперативы, имевшие свыше 50 тыс. голов скота, составляли 37,5% всех СХО, а в 1980 г. — 82%³⁴. На одно СХО в 1980 г. в среднем приходилось 70,6 тыс. голов, тогда как в 1960 г. — менее 48 тыс.³⁵.

Все шире разворачивается межхозяйственная кооперация. В мае 1963 г. ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли постановление «О мероприятиях по развитию межобъединенческого производства»³⁶, в котором поддерживался почин ряда СХО по созданию совместного производства и подчеркивалась важность развития производственных связей между СХО. Межобъединенческое производство стало развиваться по многим направлениям: заготовка кормов, проведение сельскохозяйственных ра-

³³ «Үнэн», 14.III.1969.

³⁴ Народное хозяйство МНР за 40 лет, с. 91; БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд: Статистикийн эмхэтгэл (Народное хозяйство МНР за 60 лет. Статистический сборник). У. Б., 1981, с. 115.

³⁵ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 114.

³⁶ «Үнэн», 29.V.1963.

бот, переработка некоторых видов животноводческой продукции, производство строительных материалов, строительство и т. д. Межобъединенческие предприятия организованы практически во всех аймаках. В стране проводится большая работа по развитию специализации и кооперации, совершенствованию и укреплению форм и видов межхозяйственного производства. Конкретные задачи дальнейшего роста межхозяйственной кооперации определены, в частности, в постановлении ЦК МНРП «О развитии межхозяйственного производства в заалтайских сельхозобъединениях Кобдоского аймака» (июль 1977 г.)³⁷. Постановлением предусмотрено строительство совместных специализированных предприятий на основе концентрации финансовых средств СХО и расширения государственной помощи. На важность дальнейшего расширения межхозяйственной специализации и кооперации указал XVIII съезд МНРП.

Развитие межхозяйственной кооперации способствует подъему экономики СХО, развитию производительных сил, повышает уровень обобществления, степень зрелости кооперативной собственности, содействует ее сближению с государственной собственностью.

Росту общественного производства, повышению материальной заинтересованности членов СХО и работников госхозов способствуют меры по совершенствованию системы государственных заготовок сельскохозяйственной продукции. Система заготовок строится с учетом интересов сельскохозяйственных предприятий и всего общества, задач, стоящих перед сельским хозяйством и всей экономикой страны. В 1959—1965 гг. государство устанавливало каждому аймаку ежегодные плановые задания по общему объему поставок. На этой основе аймачное исполнительное управление определяло по существующим нормам с учетом конкретных условий размеры поставок для каждого СХО.

В 1965 г. в систему заготовок были внесены новые важные изменения³⁸. Полностью сохранялись такие оправдавшие себя положения, как сочетание плановых, централизованных заданий и широких прав местных органов власти и самих СХО, усиление материальной заинтересованности и др. Одновременно было признано целесообразным заменить годовые задания по поставкам неизменными, стабильными плановыми заданиями на пять лет. Кроме того, увеличивались заготовительные цены, улучшались пропорции между ценами на различные виды продукции, вводились весомые надбавки за сверхплановую продажу продукции государству.

Все это укрепляло экономические принципы и методы в организации заготовок, повышало материальную заинтересован-

³⁷ «Үнэн», 27.VII.1977.

³⁸ См.: «Үнэн», 16, 17.XII.1965.

ность СХО в росте товарной продукции. Достаточно сказать, что от повышения заготовительных цен и надбавок за сверхплановую продажу СХО в 1966—1970 гг. получили дополнительно около 400 млн. тугриков.

В последующие годы были приняты новые меры, направленные на экономическое стимулирование работников сельского хозяйства. В 1971, 1973 и 1974 гг. были значительно повышены заготовительные цены на мясо, молоко, кожсырье, овечью и верблюжью шерсть, козий пух и другие виды животноводческой продукции. Введен порядок передачи СХО и госхозам части прибыли, получаемой заготовительными организациями от нагула скота. С января 1977 г. повышены заготовительные цены на лошадей (на 50%), коз (на 40%), кожсырье (на 25%), установлены гобийские зональные надбавки к основным заготовительным ценам. В целом же за 1960—1977 гг. заготовительные цены на мясо повышены в 4,4—5,7 раза, на шерсть и пух — в 3,1—6,3 раза, на молоко — в 1,5 раза. На основе производственных достижений и государственных мер материального стимулирования денежные доходы СХО за указанный период возросли в 4,6 раза³⁹. Таким образом, заготовительная система развивается на основе совершенствования стабильных плановых закупок, применения экономически обоснованных цен.

В МНР последовательно осуществляется курс на обеспечение устойчивого развития животноводства. Эта отрасль пока еще испытывает известные трудности, связанные с зависимостью от капризов природы. Стихийные бедствия нанесли серьезный урон животноводству, в частности в 1966—1968 и 1976—1977 гг. Главный путь дальнейшего подъема животноводства — его интенсификация, укрепление материально-технической базы. В феврале 1971 г. IX пленум МНРП подробно проанализировал состояние животноводства, вскрыл причины его некоторого отставания и наметил конкретные меры по его развитию. Задачи обеспечения устойчивого роста животноводства и пути их решения рассматривались на XVI, XVII, XVIII съездах МНРП.

Комплекс мероприятий по устойчивому развитию животноводства находит концентрированное выражение в росте капитальных вложений в сельское хозяйство. В четвертой пятилетке (1966—1970) они составили 1,3 млрд., в пятой — 1,8 млрд., в шестой — 2,3 млрд. тугриков⁴⁰. Значительная часть этих средств идет на укрепление кормовой базы животноводства. Пастбищное содержание скота сочетается с созданием страховых запасов кормов. В стране расширяется заготовка сена, увеличиваются посевы кормовых культур. В 1980 г. было заготовлено свыше 1,1 млн. т сена против 592 тыс. т в 1965 г.⁴¹. Во многих аймаках

³⁹ «Үнэн», 19.IV.1978.

⁴⁰ См.: Материалы и документы XVI съезда МНРП, с. 69; XVII съезд МНРП, с. 117, 130.

⁴¹ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 117.

построены комбикормовые предприятия, на которых производство кормов ведется промышленным способом. Улучшается использование самих пастбищ путем внедрения пастбищеоборотов. Все это дает возможность эффективнее бороться с бескормицей, с потерями скота во время стихийных бедствий.

Другое важное направление интенсификации — обводнение пастбищ. Строятся буровые и шахтные колодцы, оросительные системы, благоустраиваются естественные водоисточники, что позволяет улучшить водоснабжение угодий, ввести в хозяйственный оборот миллионы гектаров ранее не использовавшихся земель. Количество колодцев с 1965 по 1980 г. возросло с 14,7 тыс. до 34,6 тыс., т. е. более чем вдвое⁴². Широкий размах приобрело сооружение животноводческих помещений — еще одно условие обеспечения сохранности и роста поголовья. В 1980 г. имелось 60,2 тыс. помещений против 37,7 тыс. в 1965 г. Мелкий скот обеспечен одноэтажными помещениями полностью, а крупный — на 78%⁴³. В стране создана широкая сеть ветеринарных и лечебно-кормовых пунктов, успешно развивается племенное дело, улучшается структура стада.

Животноводство развивается в тесной связи с земледелием, которое дает свыше 20% всей стоимости сельскохозяйственной продукции. Помимо обеспечения страны хлебом, картофелем, овощами земледелие выполняет важную функцию производства кормов для животноводства. Посевные площади в стране увеличились с 265,5 тыс. га в 1960 г. до 704 тыс. га в 1980 г., в том числе зерновых культур — с 246,7 тыс. до 557,5 тыс. га, овощей и картофеля — с 3 тыс. до 9,8 тыс., кормовых — с 15,8 тыс. до 136,7 тыс. га⁴⁴.

Растениеводство развивают и госхозы и сельхозкооперативы, но основная часть посевных площадей (около 80%) сосредоточена в государственном секторе. В 1980 г. в стране имелось 49 госхозов. Это крупные специализированные предприятия по производству разнообразной продукции земледелия и животноводства. На один госхоз в среднем приходится 10,2 тыс. га посевных площадей, 27,3 тыс. голов скота⁴⁵. Функционируют 13 государственных кормовых хозяйств — предприятий по производству различных видов кормов, создана сеть опытно-производственных станций, призванных внедрять в практику достижения науки и передового опыта.

В МНР уделяется большое внимание повышению культуры земледелия, совершенствованию агротехники, улучшению семеноводства.

Современная техника все шире внедряется в сельскохозяйственное производство. Энергетические мощности отрасли с

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 116.

⁴⁴ Там же, с. 107.

⁴⁵ Там же, с. 113.

Первая борозда на целине

1960 по 1979 г. увеличились более чем втрое. Сельскохозяйственные предприятия в 1979 г. имели 23 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), 2,4 тыс. зерновых комбайнов и много другой техники. На одно СХО в среднем приходилось 32 трактора, на один госхоз — 240⁴⁶. Полностью механизированы обработка почв, сев, уборка, сортировка зерновых и картофеля. Высок уровень механизации на работах по заготовке кормов. В животноводстве применяются механическая стрижка овец, электродойка коров и т. д.

Меры по интенсификации сельского хозяйства, укреплению его материально-технической базы оказывают самое положительное влияние на развитие этой жизненно важной отрасли экономики. Валовая продукция сельского хозяйства возросла в 1979 г. по сравнению с 1960 г. на 41,3%, в том числе по животноводству — на 33,2%, земледелию — на 84,2%. Производство мяса поднялось с 184,5 тыс. т (в убойном весе) до 237,1 тыс. т, овечьей шерсти — с 15,2 тыс. до 20,5 тыс. т. Валовой сбор зерна увеличился с 227,4 тыс. до 330,7 тыс. т, картофеля — с 18,5 тыс. до 72,4 тыс., овощей — с 6,8 тыс. до 23,5 тыс., кормовых культур — с 37,4 тыс. до 200,3 тыс. т⁴⁷.

⁴⁶ Там же, с. 113, 114, 118, 119.

⁴⁷ Там же, с. 83, 106, 110.

Поголовье скота выросло в 1979 г. против 1960 г. на 1,3 млн. голов, причем за счет наиболее продуктивных видов — овец и крупного рогатого скота⁴⁸. Рост поголовья сопровождается постепенным повышением его продуктивности. Так, в 1960 г. было получено с одной головы овцы 1186 г шерсти, верблюда — 4104 г, козы — 200 г пуха, а в 1979 г. — соответственно 1449, 5001 и 269 г⁴⁹.

Вместе с тем рост стада происходит пока неравномерно, количественные и качественные показатели животноводства улучшаются медленно, что прежде всего связано с еще недостаточным уровнем развития материально-технической базы.

В соответствии с решениями XVIII съезда МНРП в седьмой пятилетке продолжается курс на обеспечение устойчивого роста продукции сельского хозяйства путем дальнейшего укрепления его материально-технической базы и улучшения организации производства. Поголовье скота планируется увеличить на 4—5% (в переводе на условные единицы). Намечается освоить 250—300 тыс. га целинных земель. Производство кормов за пятилетие возрастет на 70%. Продолжается активная работа по обводнению новых миллионов гектаров пастбищных угодий, оборудованию животноводческих помещений. Повышается техническая оснащенность госхозов и СХО.

Задачи дальнейшего подъема животноводства и земледелия, повышения их эффективности будут решаться на основе долгосрочной комплексной программы развития сельского хозяйства, которую намечено разработать в текущей пятилетке.

Промышленность и строительство

На современном этапе социалистического строительства в МНР все более важное значение приобретает развитие промышленности. Интенсивное развитие данной отрасли служит существенной стороной, важнейшим проявлением процесса подведения индустриальной основы под все отрасли народного хозяйства. Неуклонный рост промышленного производства, совершенствование отраслевой структуры, территориального размещения промышленности, усиление ее влияния в народном хозяйстве — характерные черты развития современной экономики МНР.

Капитальные вложения в промышленность значительно увеличиваются с каждым пятилетием: в 1971—1975 гг. они составили около 1,8 млрд. тугриков, в 1976—1980 гг. — 6 млрд., в 1981—1985 гг. возрастут до 7,8—8,2 млрд. тугриков⁵⁰.

Промышленность развивается высокими устойчивыми темпа-

⁴⁸ Там же, с. 85.

⁴⁹ Там же, с. 105.

⁵⁰ XVII съезд МНРП, с. 34; «Үнэн», 27.V.1981.

ми. За период с 1960 по 1980 г. производство промышленной продукции возросло почти в 6 раз⁵¹.

В промышленности абсолютно преобладает государственная, общенародная собственность. Артели промысловой кооперации функционировали до 1972 г. 8-й съезд промкооперации, состоявшийся в декабре 1971 г., признал целесообразным в целях повышения эффективности производства и улучшения обслуживания передать в ведение государства промышленные и хозяйственные предприятия промкооперации. Удельный вес государственного сектора в валовой промышленной продукции, до 1972 г. превышавший 80%, в последующие годы поднялся до 97—98%⁵².

В отраслевой структуре промышленности происходят важные сдвиги, определяемые задачами создания оптимального народнохозяйственного комплекса.

Первостепенное значение неизменно придается укреплению и развитию топливно-энергетической базы народного хозяйства. Угольная и электроэнергетические отрасли растут опережающими темпами. Добыча угля увеличилась в 1979 г. против 1960 г. в 7,1 раза, производство электроэнергии — 15,4 раза⁵³. В строй действующих вступили такие крупные предприятия, как угольные разрезы в Шарын-голе и Адуун-чулууне, теплоэлектроцентрали в Дархане и Чойбалсане и др. Построены высоковольтные линии электропередач протяженностью в сотни километров. Центральная энергосистема охватывает территорию, где проживает треть всего населения страны. Важнейшее народнохозяйственное значение имеет ее соединение с энергосистемой Советского Союза, осуществленное в конце 1976 г. В седьмом пятилетии объем продукции угольной и энергетической промышленности увеличивается на 66—72%. Рост добычи угля обеспечивается расширением и реконструкцией основных угольных карьеров и шахт, вводом в действие первой очереди крупного угольного разреза на Баганурском месторождении. Значительно возрастут энергетические мощности.

Много внимания неизменно уделяется развитию промышленности строительных материалов. Нарастают мощности предприятий, производящих цемент, кирпич, железобетонные изделия, известь, пиломатериалы и т. д. В 1981—1985 гг. объем продукции этой отрасли увеличится на 70—80%.

Большие перспективы открываются перед горнорудной промышленностью. Монголия богата полезными ископаемыми (вольфрам, флюорит, золото, олово, медь, молибден, уголь, фосфориты и многие другие). До последнего времени лишь некоторые из них находились в промышленной разработке. Теперь на основе длительных геологоразведочных работ осуществляется более широкое и планомерное освоение природных богатств.

⁵¹ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 126.

⁵² Там же, с. 125.

⁵³ Там же, с. 137.

Герой труда МНР,
лауреат государственной премии
ткачиха Б. Гунжилам

В феврале и ноябре 1973 г. были подписаны советско-монгольские соглашения о создании совместного горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт» на базе крупного медно-молибденового месторождения Эрдэнэтийн-ово. По своим масштабам комбинат — одно из самых крупных подобных предприятий мира. Сооружение первой очереди комбината завершилось в 1978 г., четвертой, последней очереди — в 1981 г. Учреждено также совместное советско-монгольское хозяйственное объединение «Монголсовцветмет» по разведке, добыче и обогащению некоторых полезных ископаемых⁵⁴. Рост продукции горнорудной промышленности имеет немалое народнохозяйственное значение для МНР и всего социалистического содружества. Благодаря развитию этой отрасли заметно повышается экономический потенциал Монголии, увеличиваются ее экспортные ресурсы. Объем продукции горнорудных предприятий в 1985 г. увеличится по сравнению с 1980 г. в 2,1—2,3 раза. На 25—30% возрастет объем геологоразведочных работ.

⁵⁴ «Үнэн», 21.II, 23.XI.1973.

Успешно развивается легкая и пищевая промышленность, базирующаяся главным образом на переработке животноводческого сырья. Продукция этих отраслей, поступающая как на внутренний, так и на внешний рынок, служит важным источником накоплений. В программе МНРП поставлена задача «полной промышленной переработки основных видов сельскохозяйственного, особенно животноводческого, сырья»⁵⁵. Эта задача неуклонно претворяется в жизнь. Вступили в строй такие известные в стране предприятия, как реконструированный мясокомбинат в Улан-Баторе, мясокомбинаты и пищекомбинаты в Дархане и Чойбалсане, шерстомойные фабрики в Чойбалсане и Ульгие, шевровый завод, ковровая и швейная фабрики в Улан-Баторе, овчинно-шубная фабрика в Дархане и др. За 1960—1980 гг. объем продукции пищевой промышленности возрос в 4,1 раза, текстильной — в 4,4, швейной — в 11,2, кожевенной и обувной — в 4,7 раза⁵⁶. В 1981—1985 гг. выпуск продукции легкой промышленности увеличится на 50—55%, пищевой — на 32—36%. Модернизируется и расширяется ряд действующих предприятий, строятся новые фабрики и заводы по переработке шерсти, кожи, мяса, молока и другой продукции.

Уверенно растет производство продукции и других отраслей промышленности — металлообрабатывающей, лесной и деревообрабатывающей, полиграфической, расширяется ремонтная база и т. д.

Большие изменения происходят в территориальном размещении промышленности. Помимо Улан-Батора крупные промышленные центры образовались в Дархане, Чойбалсане, Эрдэнэте, формируются важные промышленные районы в Бага-нуре, на западе страны и т. д.

В промышленности усиливаются процессы концентрации и специализации производства. Число мелких предприятий (валовая продукция до 1 млн. тугриков) снизилось с 70 в 1960 г. до 28 в 1980 г., средних (1—25 млн. тугриков) — увеличилось с 89 до 161, крупных (свыше 25 млн. тугриков) — с 3 до 45⁵⁷. Наряду с преимущественным строительством крупных и средних предприятий, укрупнением мелких важным направлением концентрации производства стало создание производственных объединений. Начало им было положено в 1972 г., когда решением Совета Министров МНР были образованы кожевенное и шерстообрабатывающее объединения на базе уланбаторского промкомбината. Каждое из них включило родственные предприятия и превратилось в единый специализированный хозяйственный комплекс. Позднее были организованы объединения в швейной, мукомольной, электроэнергетической, угольной промышленности и других отраслях.

⁵⁵ XV съезд МНРП, с. 180.

⁵⁶ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 129.

⁵⁷ Там же, с. 155.

Характерной чертой развития МНР является широкое развертывание капитального строительства во всех отраслях экономики и культуры. Объем капиталовложений значительно увеличивается с каждым пятилетием: в третью пятилетку (1961—1965) они составили 3,9 млрд. тугриков, в четвертую — 5,3 млрд., в пятую — 7 млрд., в шестую — 15 млрд. тугриков⁵⁸. В текущем пятилетии капиталовложения возрастут на 23—26%⁵⁹. Преобладающая часть этих средств направляется в сферу материального производства.

Объем строительно-монтажных работ за 1960—1980 гг. увеличился в 5,5 раза⁶⁰. Проведена большая работа по укреплению производственной базы строительных организаций, повышению обеспеченности их техникой, улучшению качества строительства. При этом важнейшее значение придается повышению эффективности капиталовложений путем наиболее рационального использования материальных, финансовых и трудовых ресурсов, выделяемых на капитальное строительство, концентрации сил и средств на особо важных и пусковых объектах, улучшения организации строительного производства и снижения стоимости строительства, роста уровня его индустриализации.

Транспорт и связь

Строительство материально-технической базы социализма неразрывно связано с развитием всех видов транспорта и связи. В Программе МНРП в качестве основных задач этих отраслей отмечаются: «Всемерное укрепление и расширение материально-технической базы автомобильного, железнодорожного, воздушного и других видов транспорта при одновременном улучшении качества работы транспортных организаций, удовлетворение в максимально возможной мере потребностей народного хозяйства и населения во всех видах перевозок, развитие современной дорожно-мостовой сети для нужд народного хозяйства; неуклонное развитие современных средств связи, укрепление в организационно-хозяйственном отношении учреждений связи, улучшение их технической оснащенности, подъем культуры обслуживания населения»⁶¹. Эти задачи успешно осуществляются. Грузооборот по всем видам транспорта в 1980 г. превысил уровень 1965 г. в 3,8 раза, пассажирооборот — в 3,4 раза. Значительное развитие получили все виды механизированного транспорта. Увеличилась протяженность железных дорог (введены в строй линии Дархан-Шарынгол, Салхит-Эрдэнэт, Багахангай-Баганур), воздушное сообщение установлено не только с аймачными центрами, но и

⁵⁸ Там же, с. 163.

⁵⁹ «Үнэн», 27.V.1981.

⁶⁰ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 171.

⁶¹ XV съезд МНРП, с. 183—184.

со многими сомонами. При этом удельный вес железнодорожного транспорта в грузоперевозках составил в 1980 г. 69,2%, автомобильного — 30,6, воздушного — 0,1, водного — 0,1%⁶². В местных перевозках определенное место сохраняет вьючно-гужевой транспорт.

Неуклонно укрепляется материально-техническая база транспорта и связи. Капиталовложения в эти отрасли составили в 1960 г. 9,4%, в 1980 г. — 7,6%⁶³. Существенно увеличилась мощность железнодорожного транспорта, вырос парк автомашин. Улучшилось обслуживание населения пассажирским транспортом, повысился удельный вес гражданской авиации в междугородных пассажирских перевозках.

В седьмой пятилетке предусмотрен рост грузооборота всех видов транспорта на 30—32%, пассажирооборота — на 24—25%, что достигается в основном за счет повышения производительности подвижного состава. Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием возрастет на 22—26%, расширится строительство технического и дорожно-транспортного обслуживания.

Большое значение придается развитию средств связи. В 1960—1980 гг. число почтовых отделений увеличилось с 230 до 403, телефонных станций — с 36 до 252, радиоузлов — с 71 до 367⁶⁴. Все города и аймачные центры имеют автоматические телефонные станции. В 1967 г. при содействии Советского Союза в Улан-Баторе был построен телевизионный центр. В январе 1970 г. вступила в строй станция космической связи «Орбита», позволяющая принимать телевизионные программы Советского Союза и включаться в европейскую систему «Интервидения». Построены крупные радиорелейные линии, расширяется сфера приема телевизионных передач. К концу текущей пятилетки около 60% населения страны получают возможность смотреть телевизионные передачи.

Борьба за повышение эффективности производства

Одним из главных направлений экономической политики партии и народного правительства является наиболее рациональное использование материальных и трудовых ресурсов, всемерное повышение эффективности общественного производства. В Программе МНРП подчеркивается необходимость «неуклонно руководствоваться важнейшим законом социалистического хозяйствования — достижения в интересах общества наибольших результатов при наименьших затратах»⁶⁵. Конкретные пути по-

⁶² БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 181, 182.

⁶³ Там же, с. 167.

⁶⁴ Там же, с. 190.

⁶⁵ XV съезд МНРП, с. 190.

вышения эффективности указаны в решениях съездов МНРП, пленумов ЦК МНРП, сессий Великого Народного Хурала. Так, XVI съезд МНРП большое внимание уделил проблеме более полного использования мощностей действующих предприятий, обеспечения роста промышленного производства. На съезде отмечалась важность увеличения фондоотдачи путем рационального использования основных фондов, повышения коэффициента сменности работы оборудования, совершенствования организации производства.

XVII съезд МНРП в числе главных задач шестой пятилетки (1976—1980) назвал повышение эффективности производства, улучшение качества работы во всех отраслях народного хозяйства и культуры. Повышение эффективности должно быть обеспечено на основе максимальной мобилизации внутренних ресурсов, рационального использования экономической помощи Советского Союза и других братских социалистических стран. Съезд указал на важность улучшения основных экономических показателей, в первую очередь подъема производительности труда, что служит главным средством роста эффективности производства.

Линия на повышение эффективности и качества работы получила дальнейшее развитие и углубление в решениях XVIII съезда МНРП. На съезде подчеркивалась необходимость систематического внедрения научно-технических достижений, передового опыта, значительного улучшения использования производственных мощностей, материальных, финансовых, трудовых ресурсов.

Задачи, выдвинутые партией и правительством МНР по повышению эффективности производства, претворяются в жизнь. В стране достигнуты значительные успехи в области рационального использования производительных сил, увеличения производительности труда. В 1965—1980 гг. более $\frac{2}{3}$ прироста национального дохода обеспечено за счет повышения производительности труда. Постепенно улучшаются и другие технико-экономические показатели. Вместе с тем значение проблемы повышения эффективности все более возрастает, что вытекает из требований объективных экономических законов, сложных задач, решаемых в ходе строительства материально-технической базы социализма, необходимости сближения уровней экономического развития братских стран. Важную роль в этом отношении сыграли решения IV пленума ЦК МНРП (декабрь 1978 г.), рассмотревшего вопрос «О состоянии и задачах улучшения использования современной техники в народном хозяйстве». На пленуме были отмечены имеющиеся недостатки в эксплуатации машин и оборудования, отставание прироста продукции от темпов роста основных производственных фондов. Пленум указал, что в целях повышения эффективности и качества работы необходимо обеспечить полное освоение производственных мощно-

стей, своевременную подготовку технических кадров и квалифицированных рабочих, строжайшее соблюдение режима экологии и т. д.⁶⁶.

В МНР проводится систематическая работа по совершенствованию организации и управления общественным производством. В Отчетном докладе ЦК МНРП XVIII съезду партии отмечалось, что в современных условиях, когда значительно возросли масштабы общественного производства, усложнились структура и взаимосвязь отраслей народного хозяйства, вопросы дальнейшего совершенствования управления народным хозяйством приобретают особую актуальность. В связи с этим указывалось на необходимость дальнейшего улучшения планирования, усиление экономических стимулов, широкого привлечения трудящихся к управлению производством.

С созданием единой социалистической системы хозяйства в МНР резко повысилась роль государственного планирования, которому принадлежит ведущее место среди методов социалистического хозяйствования. Неуклонно повышаются качественный уровень планирования, научная обоснованность планов, последовательно утверждаются принципы и методы, характерные для современного социалистического планирования. Все большее значение приобретает комплексный подход в планировании, т. е. решение всех экономических и социальных задач в тесной взаимосвязи, обеспечение пропорционального, сбалансированного развития отраслей, экономических районов, всего народного хозяйства как единого целого. Успешно применяется балансовый метод — одно из главных условий обеспечения экономической обоснованности плана. Большое значение придается долгосрочному планированию, важную роль в подготовке которого сыграла, в частности, научная конференция по проблемам развития и размещения производительных сил МНР, проведенная в январе 1973 г. Академией наук и Госпланом при участии Госкомитета по науке и технике. Крупным достижением в этой области явилось завершение в 1980 г. разработки Генеральной схемы развития и размещения производительных сил МНР на период до 1990 г. XVIII съезд МНРП отметил важность дальнейшего совершенствования планирования, улучшения взаимной увязки долгосрочного, пятилетнего и годовых планов.

Укрепление социалистических принципов хозяйствования, улучшение организации труда неразрывно связаны с дальнейшим развитием хозрасчетных отношений. Задачи повышения эффективности общественного производства потребовали внесения существенных изменений в систему хозрасчета, суть которых заключается в усилении экономических методов управления. С конца 60-х годов предприятия в промышленности и других отраслях начали постепенный переход к новой системе планиро-

вания и экономического стимулирования. Ее основными чертами являются: усиление роли материального стимулирования коллективов предприятий в росте производства; внедрение полного хозрасчета, обеспечение самоокупаемости всех звеньев производства; поднятие стимулирующей роли прибыли как важнейшего экономического показателя деятельности предприятий; введение платы за производственные фонды и увеличение доли собственных средств предприятий в финансировании капитальных вложений; сочетание централизованного управления и планирования с развитием хозяйственной инициативы и самостоятельности предприятий⁶⁷. Перевод предприятий и организаций на новую систему хозяйствования к 1981 г. в основном завершен. Результаты хозяйственной деятельности предприятий улучшились, экономические показатели в целом стали выше, чем раньше.

Важнейшее свидетельство укрепления социалистических принципов хозяйствования в МНР — активное участие трудящихся в управлении производством. Широко используются самые различные формы: общие собрания, постоянные производственные совещания, коллективные договоры и др. Повысилась роль профсоюзных и других общественных организаций. Рост трудовой активности рабочих и служащих, членов СХО, повышение чувства ответственности за работу предприятия ярко проявляются в широком развёртывании социалистического соревнования. Для современного этапа, во-первых, характерен всенародный размах соревнования, массовый охват им трудящихся во всех отраслях, ставший возможным в результате утверждения единой социалистической системы хозяйства. Во-вторых, эффективно используются прогрессивные формы, позволяющие максимально поднять производительность труда и комплексно решающие производственные и общественные вопросы. Так, с 1959 г. широкое распространение получило движение за социалистический труд, девиз которого — «работать, учиться и жить по-социалистически». Тысячи коллективов стали бригадами социалистического труда или борются за это звание. В последние годы практикуются такие формы, как составление личных планов повышения производительности труда на рабочем месте, встречные планы предприятий, соревнования комплексных хозрасчетных бригад в строительстве и др. Огромное политическое и хозяйственное значение имело всенародное соревнование в честь знаменательных дат — 50-летия и 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летия и 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, 50-летия и 60-летия монгольской народной революции, 50-летия образования Монгольской Народной Республики. Трудники худона соревнуются за обеспечение полной сохранности поголовья, за высокие показате-

⁶⁶ «Новости Монголии», 28.XII.1978.

⁶⁷ См.: Материалы и документы XVI съезда МНРП, с. 84.

ли в выращивании молодняка, за достижение высокой продуктивности скота и урожайности сельскохозяйственных культур и т. д. В 1978—1979 гг. по всей стране развернулось соревнование в честь 20-летия победы кооперативного движения. Участники соревнования приняли социалистические обязательства, направленные на дальнейшее повышение количественных и качественных показателей, обеспечение устойчивого развития сельского хозяйства.

В стране множатся ряды передовиков, добивающихся прекрасных результатов в работе, людей с высокой социалистической сознательностью. Так, к 1980 г. 78 членам СХО присвоено звание Героя труда, свыше 600 человек удостоены других почетных званий, более 15 тыс. членов СХО награждены орденами и медалями⁶⁸. Высоких правительственных наград и других видов всенародного признания удостоены тысячи передовиков и в других отраслях народного хозяйства.

Работа на крупных общественных предприятиях и в организациях, весь строй жизни в МНР воспитывают у трудящихся черты нового человека, активного строителя социалистического общества. Разумеется, воспитание нового человека — процесс длительный и сложный. МНРП ведет решительную борьбу с пережитками в сознании и поведении отдельных граждан, которые проявляются прежде всего в неправильном отношении к социалистической собственности, к труду в общественном хозяйстве.

Огромную воспитательную и мобилизующую роль сыграл лозунг партии, выдвинутый в 1978 г.: «Каждый сымальства должен стать скрупулезно экономным, рачительным и бережливым, зорким оком на каждом шагу оберегать каждую клетку и крупицу социалистической собственности, преклоненно почитать труд»⁶⁹. Призыв партии нашел живейший отклик среди всех слоев населения. Он способствовал дальнейшему повышению производственной и политической активности рабочих, членов СХО, служащих, рождению новых ценных начинаний и форм работы, проникнутых идеями патриотизма и социалистического интернационализма.

Большое значение для широкого распространения опыта передовиков имели решения V пленума ЦК МНРП (апрель 1979 г.), обсудившего вопрос об улучшении работы по внедрению передового опыта и организации социалистического соревнования. Пленум подчеркнул, что важнейшей задачей всех партийных, государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций являются широкое изучение и внедрение в практику передового опыта и научно-технических достижений, совершенствование работы по развертыванию социалистического соревнования, преодоление элементов формализма и других

⁶⁸ «Үнэн», 5.XII.1979.

⁶⁹ «Новости Монголии», 28.XII.1978.

недостатков в его организации. При этом отмечалась необходимость углубленного изучения и применения передового опыта Советского Союза и других стран социалистического содружества. Как указал Ю. Цеденбал на пленуме, борьба за всемерное внедрение передового, прогрессивного организуется под девизом: «Поддержим и приумножим все лучшее, выкорчем и устраним все негодное»⁷⁰.

Экономическое сотрудничество МНР со странами социалистического содружества

Одним из важнейших факторов ускоренного развития экономики МНР, повышения эффективности народного хозяйства служит всестороннее сотрудничество с Советским Союзом и другими братскими социалистическими странами. Расширение и углубление этого сотрудничества связаны с вступлением МНР в 1962 г. в члены Совета Экономической Взаимопомощи. Тесная связь со странами — членами СЭВ, их интернациональная поддержка и помощь позволяют МНР концентрировать материальные и трудовые ресурсы для решения наиболее актуальных народнохозяйственных задач, активно использовать преимущества социалистического международного разделения труда, экономической интеграции.

Комплексная программа социалистической экономической интеграции, принятая в 1971 г., предусматривает, как известно, ряд специальных мероприятий, направленных на обеспечение постепенного сближения и выравнивания уровней экономического развития МНР и других братских стран. К этим мероприятиям относятся совместное строительство и эксплуатация промышленных и иных объектов, оказание помощи в освоении проектных мощностей, предоставление кредитов на льготных условиях, применение в необходимых случаях поощрительных внешнеторговых цен на продукты сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, оказание эффективной помощи в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса, всемерное содействие подготовке национальных кадров, командирование специалистов и др. Намеченные меры воплощаются в жизнь на основе двустороннего и многостороннего сотрудничества. Их реализация приобретает все большее значение в решении задач завершения создания материально-технической базы социализма в МНР.

Перспективы социально-экономического прогресса МНР тесно связаны с развитием мировой системы социализма. «Монгольская Народная Республика, — отмечал Ю. Цеденбал, — должна развиваться ускоренными темпами и, несмотря на свое

⁷⁰ «Новости Монголии», 27.IV.1979.

относительное отставание, более или менее одновременно с братскими странами социализма вступить на путь коммунистического строительства, опираясь на всестороннюю помощь Советского Союза и других социалистических государств. Очередные задачи и перспективы дальнейшего развития нашей страны со всей остротой выдвигают необходимость усиления процесса всемерного сближения и консолидации МНР в экономической, политической, культурной и идеологической областях с братскими социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом»⁷¹.

Характерной чертой советско-монгольских отношений на современном этапе является широкое применение новых, прогрессивных форм сотрудничества, подсказанных самой жизнью и полностью отвечающих требованиям Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Одна из таких форм — создание и эксплуатация совместных предприятий («Эрдэнэт», «Монголсовцветмет»). Их деятельность способствует более эффективному и планомерному освоению природных богатств, увеличению экспортных ресурсов, развитию производительных сил МНР и служит примером органического слияния национальных и интернациональных интересов, сближения братских стран. Совершенствуется координация годовых и перспективных народнохозяйственных планов. Это содействует более полному учету действия закона планомерного, пропорционального развития, организации планирования на строго научной основе, обеспечивает тесные взаимосвязи развития народного хозяйства обеих стран. Широкое распространение получили непосредственные деловые контакты между министерствами, ведомствами, хозяйственными организациями СССР и МНР, что позволяет оперативно решать вопросы, связанные с разработкой и проведением мер по совершенствованию деятельности отдельных отраслей и предприятий, осуществлять взаимный обмен опытом. Укрепляются прямые связи между аймаками МНР и отдельными автономными республиками и областями Советского Союза.

Масштабы советско-монгольского экономического сотрудничества неуклонно возрастают. Так, в 1981—1985 гг. объем технико-экономического содействия Советского Союза Монголии почти вдвое превысит уровень предыдущей пятилетки⁷². Советский Союз оказывает МНР содействие в проектировании, строительстве, реконструкции предприятий различных отраслей материального производства, жилищном строительстве, проведении геологоразведочных работ, подготовке национальных кадров и т. д. В 1976—1980 гг. при содействии СССР осуществлялось строительство 250 крупных народнохозяйственных объек-

⁷¹ XVII съезд МНРП, с. 83.

⁷² «Үнэн», 27.V.1981.

Медно-молибденовый горно-обогатительный комбинат
в г. Эрдэнэте

тов⁷³. Среди них — Баганурский угольный разрез, линии электропередачи, два домостроительных комбината, более 20 крупных хозяйств животноводческого и зернового направлений, прядильная и ковровая фабрики, жилые дома и многое другое. Главная стройка пятилетки — горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт». В некогда безлюдных местах растет новый социалистический город с современными инженерными коммуникациями и культурно-бытовыми объектами, с населением в десятки тысяч человек. Подобно Дархану, Эрдэнэт стал символом интернациональной дружбы и братского единства трудящихся МНР с советским народом и народами других стран социалистического содружества.

Активно сотрудничает МНР и с другими странами — членами СЭВ. Так, в шестой пятилетке Болгария оказала техническое содействие в реконструкции мясокомбината в Чойбалсане, строительстве в госхозе Шарын-гол, Венгрия — в сооружении оросительной системы, в осуществлении мер по освоению производственных мощностей построенных ранее с ее помощью предприятий, ГДР — в расширении и модернизации ковровой и фарфоровой фабрик, мясокомбината в Улан-Баторе, в интенсификации производства в госхозе Борнур, Куба — в развитии

⁷³ «Коммунист». 1981, № 4, с. 97.

птицеводства, в проектировании сельских больниц, Подъща — в строительстве мясохладобойни в Хархорине, завода нетканых материалов в Улан-Баторе, модернизации построенных ранее предприятий, Румыния — в строительстве мебельного комбината, Чехословакия — в строительстве кожевенного завода, обувной фабрики⁷⁴.

Расширяется сотрудничество МНР с государствами — членами СЭВ и на многосторонней основе. Успешно работает на территории Монголии международная геологическая экспедиция, при коллективном содействии построен Центр научно-технической информации в Улан-Баторе и т. д.

МНР активно участвует в деятельности СЭВ и его органов, щедро делится с братскими странами опытом социалистического строительства, достижениями в развитии отдельных отраслей и производств.

Одной из важнейших форм экономического сотрудничества является внешняя торговля. Монголия ныне осуществляет внешнеторговые операции с торговыми организациями почти 30 стран. Подавляющая часть внешнеторгового оборота МНР неизменно приходится на социалистические страны, преимущественно на страны — члены СЭВ. В 1980 г. на долю последних приходилось 96,5% экспорта и 96,8% импорта МНР⁷⁵. Торговля с братскими странами ведется на плановой основе, по долгосрочным торговым соглашениям, с соблюдением принципа эквивалентности и взаимной выгоды. Она способствует экономическому сближению социалистических государств, выравниванию уровней их развития, укреплению мирового социалистического хозяйства.

Внешнеторговый оборот в 1980 г. превысил уровень 1960 г. в 4,2 раза⁷⁶. Темпы роста значительно ускорились в последние годы, что отражает достижения в развитии общественного производства, увеличение экспортных ресурсов, расширение внешнеэкономических связей. Первое место среди экспортируемых товаров, как и прежде, занимает продукция животноводства. Но при этом доля сельскохозяйственного сырья в экспорте заметно уменьшилась и значительно возрос удельный вес готовой продукции — промышленных товаров широкого потребления и продовольственных товаров. Важной статьей монгольского экспорта стала также продукция добывающей промышленности. Среди товаров, поступающих по импорту, ведущее положение занимают машины, оборудование и транспортные средства. Уменьшилась доля продовольственных товаров, а также некоторых промышленных товаров народного потребления, производство которых освоено в стране.

В седьмой пятилетке по сравнению с предыдущей внешнеторговый оборот увеличится на 50—55%. В товарной структуре

⁷⁴ «Новости Монголии», 27.VII.1976; 11.I.1977.

⁷⁵ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 206.

⁷⁶ Там же, с. 204.

экспорта происходят дальнейшие изменения, связанные в основном с развитием обрабатывающей и особенно горнорудной промышленности. В импорте продолжает действовать тенденция увеличения удельного веса машин и оборудования.

Развитие и совершенствование всех форм экономического сотрудничества МНР со странами социалистического содружества на базе Комплексной программы социалистической экономической интеграции и межправительственных соглашений — надежная гарантия новых достижений МНР в социалистическом строительстве.

Рост жизненного уровня монгольского народа

Глубокие изменения в экономике МНР находят концентрированное выражение в структуре национального дохода. Значительно повысился удельный вес индустриальных отраслей. Удельный вес промышленности в производстве национального дохода увеличился с 14,6% в 1960 г. до 29,3% в 1980 г. На долю строительства в 1980 г. приходилось 6%, транспорта и связи — 10,8%⁷⁷. Эти цифры отражают процесс постепенного превращения Монголии в индустриально-аграрное государство. Вместе с тем, естественно, сельское хозяйство, прежде всего животноводство, продолжает играть важную роль в образовании национального дохода.

Как и в других странах социалистического содружества, весь национальный доход в МНР используется в интересах трудящихся, всего общества. В Конституции страны отмечается: «Весь народный доход в МНР за вычетом общественного фонда, идущего на расширение социалистического производства, создание резервов, развитие образования и здравоохранения, на содержание престарелых и нетрудоспособных, а также на удовлетворение других коллективных потребностей членов общества, распределяется между ними в соответствии с качеством и количеством затраченного труда на основе принципа социализма „от каждого по его способностям, каждому по его труду“»⁷⁸. В среднем свыше 1/3 национального дохода в МНР используется в целях накопления, около 2/3 — на потребление. Решающее значение в использовании фонда накопления принадлежит государственному бюджету. Основу всех бюджетных затрат (около 80%) составляют расходы на развитие народного хозяйства и социально-культурные мероприятия.

Рост национального дохода при социализме является основой непрерывного повышения жизненного уровня народа. Динамика фонда потребления в МНР характеризуется его последователь-

⁷⁷ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 59.

⁷⁸ Конституция Монгольской Народной Республики, с. 10—11.

ным увеличением, что определяется требованиями основного экономического закона социализма. Фонд потребления на душу населения повысился в 1970 г. против 1965 г. на 7,5%, в том числе личные средства — на 4,4%, общественные фонды — на 16,4%. В 1975 г. по сравнению с 1970 г. рост в целом составил 19,6%, в том числе личные фонды — 11,7%, общественные — 65,3%⁷⁹. В годы третьей пятилетки была повышена заработная плата низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих, сокращены на $\frac{2}{3}$ размеры подоходного налога с заработной платы. Объем пенсий и пособий повысился в 2,9 раза, пособия многодетным матерям — в 5 раз. За пятилетие реальные доходы трудящихся в расчете на душу населения возросли на 30%, в том числе реальные доходы членов СХО от общественного хозяйства — на 70%⁸⁰. За четвертую пятилетку фонд заработной платы рабочих и служащих вырос на 27%. Размер государственных пенсий по старости был увеличен в среднем на 20%, повышен ее минимальный уровень. Система пенсионного обеспечения значительно расширилась за счет введения пенсий для членов СХО⁸¹. В 1971—1975 гг. повышена зарплата части низкооплачиваемых работников; большая группа рабочих и служащих освобождена от уплаты подоходного налога; снижены ставки этого налога; повышены пенсии и пособия для рабочих и служащих. Доходы членов СХО от общественного и личного подсобного хозяйства увеличились на 27%, минимальный размер их пенсий — на 33%. В шестой пятилетке реальные доходы в расчете на душу населения увеличились на 14%. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возросла на 3,8%, среднегодовые доходы членов СХО — на 12%. Важным социальным мероприятием явился охват членов СХО с 1979 г. системой государственного пенсионного обеспечения по старости и увеличение размера этого вида пенсий для них на 50%. Для работающих женщин введен дополнительный частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им шестимесячного возраста⁸².

В МНР проводится систематическая работа по более полному учету требований экономического закона распределения по труду. Это находит отражение в совершенствовании тарифной системы, улучшении нормирования труда, последовательном внедрении прогрессивных форм оплаты. В сельхозобъединениях осуществлен переход от трудодня к прямой денежной оплате, что значительно повысило материальную заинтересованность членов кооперативов в развитии общественного производства.

Оплата по труду — главный источник удовлетворения мате-

⁷⁹ БНМАУ эдийн засаг, соёлын хөгжил. 1971—1975, с. 103.

⁸⁰ XV съезд МНРП, с. 50.

⁸¹ Материалы и документы XVI съезда МНРП, с. 74.

⁸² «Үнэн», 17.III.1981.

риальных и культурных потребностей трудящихся на современном этапе. Вместе с тем неуклонно повышается роль общественных фондов потребления, что связано с объективной необходимостью совместного удовлетворения ряда потребностей рабочих, служащих, членов СХО, с прогрессом в развитии социалистических общественных отношений. В 1980 г. по сравнению с 1965 г. денежные доходы населения увеличились вдвое, а общественные фонды потребления — в 3 раза⁸³. Общественные фонды — важный источник повышения материального и культурного уровня народа. Они используются в МНР по многим направлениям: на детские дошкольные учреждения, систему народного образования, здравоохранение, социальное обеспечение и др.

Большое внимание уделяется в МНР общественному воспитанию и содержанию детей, расширению сети детских учреждений. Основные расходы по содержанию детей в яслях, садах, лагерях несет государство.

Всем гражданам МНР предоставлено право бесплатного обучения, они пользуются бесплатным медицинским обслуживанием.

Государство выделяет крупные средства на обеспечение населения благоустроенным жильем, на строительство и содержание учреждений культуры, несет часть расходов на организацию общественного питания, на отдых трудящихся и т. д.

Социальное обеспечение населения осуществляется в виде пенсий по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца, пособий по временной нетрудоспособности и многодетности, стипендий студентам высших учебных заведений и техникумов. Средства, выделяемые на социальное обеспечение, возросли в 1970 г. против 1965 г. на 32,2%, в 1975 г. по сравнению с 1970 г. — на 69,8%⁸⁴.

В результате роста личных и общественных фондов потребления реальные доходы трудящихся МНР в 1980 г. превысили уровень 1965 г. в 2,1 раза⁸⁵.

Развитие общественного производства и рост покупательной способности населения обуславливают неуклонное увеличение розничного товарооборота. За 1960—1980 гг. он возрос в 3,3 раза⁸⁶.

Система торговли на современном этапе претерпела определенные изменения. В целях совершенствования организации товарооборота, улучшения торгово-заготовительной работы функции потребительской кооперации с 1959 г. перешли к государственным торговым организациям. Кооперативная торговля продолжала функционировать лишь по линии промысловой коопе-

⁸³ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 75—76.

⁸⁴ БНМАУ эдийн засаг, соёлын хөгжил. 1971—1975 гг., с. 105.

⁸⁵ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 75.

⁸⁶ Там же, с. 196.

рации. В 1972 г. в связи с переходом промартелей в ведение государства исчерпала себя и эта форма кооперативной торговли. Абсолютно преобладающей формой как в городе, так и в сельской местности стала государственная торговля. Но она не является единственной формой: с 1960 г. функционирует также торговля сельхозобъединений, посредством которой объединения и их члены реализуют излишки своей продукции по складывающимся на рынке ценам. В 1960 г. на долю государственной торговли приходилось 89,4% розничного товарооборота, кооперативной — 9,6, СХО — 1,0%, в 1980 г. удельный вес государственной торговли составил 94,9%, СХО — 5,1%⁸⁷.

Торговое обслуживание населения улучшается в результате как расширения и укрепления торговой сети, так и повышения качества работы торговых предприятий. Внедряются новые, прогрессивные формы организации труда, повышается общая культура торговли. Много внимания уделяется совершенствованию торгового обслуживания сельского населения, применению эффективных форм работы, позволяющих своевременно доставлять аратам необходимые товары. К концу 1975 г., например, торговыми автолавками было обеспечено большинство сомонных отделений торговли и заготовок.

В стране успешно развивается также система общественного питания, служба быта, что позволяет полнее, глубже удовлетворять растущие потребности трудящихся.

В седьмом пятилетии осуществляется широкая программа дальнейшего повышения благосостояния народа. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих поднимется на 4—6%, средний размер денежных доходов членов СХО от общественного хозяйства и реализации продуктов личных подсобных хозяйств возрастет на 20—23%. Реальные доходы на душу населения возрастут на 10—12%. Средства, направленные из государственного бюджета на финансирование социально-культурных мероприятий, повышаются по сравнению с предыдущей пятилеткой в 1,4—1,5 раза. Дальнейшее развитие получают все виды и направления общественных фондов потребления. Объем жилищного строительства за пятилетие возрастет на 12—16%. Розничный товарооборот увеличится на 27—31%, оборот предприятий общественного питания — на 25—28%.

Подъем экономики и культуры МНР, повышение жизненного уровня народа неразрывно связаны с быстрыми темпами роста населения, изменениями его социальной структуры. По данным переписи 1979 г., население МНР составило 1594,8 тыс. человек⁸⁸. Это в 1,3 раза больше, чем в 1969 г., и в 2,2 раза больше, чем в 1940 г. Среднегодовой прирост населения в период между двумя переписями (1969—1979) равнялся 2,9%. Струк-

турные изменения в экономике, повышение роли индустриальных отраслей обусловили более быстрые темпы роста городского населения по сравнению с сельским. Удельный вес городского населения поднялся с 44% в 1969 г. до 51% в 1979 г., а сельского — снизился соответственно с 56 до 49%. Самым многочисленным классом общества стал рабочий класс. Рабочие и члены их семей в 1979 г. составили 41,3% всего населения против 36,1% в 1969 г. Удельный вес служащих за этот период повысился с 20,3 до 21,8%, кооперированного аратства — уменьшился с 43,5 до 36,6%.

Произошли существенные перемены в самом образе жизни населения. Уходит в прошлое традиционное кочевничество. Об этом свидетельствуют и повышение доли городского населения, и повсеместное развертывание жилищного строительства, и последовательное внедрение оседлых и полуседлых форм хозяйства и быта в сельскохозяйственных объединениях и госхозах.

Среди всех слоев населения неуклонно укрепляется социалистический образ жизни, основы которого были заложены вместе с победой социалистических производственных отношений. Социалистический образ жизни охватывает все сферы деятельности людей — трудовую, духовную, семейно-бытовую и др. К его главным чертам относятся: самоотверженный труд на благо общества как внутренняя потребность каждого человека; активное участие тружеников в общественно-политической жизни страны, управлении производством и государством; высокосоциальная общественная и трудовая дисциплина каждого труженика; высокая ответственность каждого человека перед трудовым коллективом и обществом за свой вклад в развитие социалистической Родины, за точное выполнение установленных норм поведения на трудовом фронте, в общественных местах и семье, беспредельная преданность марксистско-ленинским идеям, принципам пролетарского интернационализма, дружбе и братству с народами Советского Союза и других социалистических стран, неколебимая готовность защищать свои социалистические завоевания; воспитание в духе коммунистической морали и гуманизма; коллективизм и товарищеская взаимопомощь членов общества⁸⁹.

«Задача партийных, государственных, профсоюзных, ревкомольских и других общественных организаций, — отмечал Ю. Цеденбал, — сосредоточить свое внимание во всей организаторской и воспитательной работе на утверждение социалистического образа жизни как нормы деятельности для всех членов нашего общества, как воплощения принципа „работать, учиться и жить по-социалистически“»⁹⁰.

⁸⁷ Там же, с. 198.

⁸⁸ «Үнэн», 1.VI.1979

⁸⁹ См.: XVII съезд МНРП, с. 79—80.

⁹⁰ Там же, с. 80.

Задачи, поставленные партией, успешно осуществляются. Социалистический образ жизни все шире и действеннее утверждается в МНР, повышается степень его зрелости, происходит его углубление по линии постепенного преодоления существующих различий в образе жизни классов, социальных групп и слоев, городского и сельского населения.

Все это — убедительные свидетельства последовательного претворения в жизнь программы завершения строительства социалистического общества в Монгольской Народной Республике.

Глава 4

ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В Программе МНРП, принятой на XV съезде, были выдвинуты задачи развития культуры на данном этапе социалистического строительства в МНР. «Придавая важное значение углублению культурной революции, — говорится в Программе, — партия будет добиваться дальнейшего всемерного развития народного образования и здравоохранения, науки, искусства и литературы, укрепления их материальной базы, подготовки и воспитания высокосоциальных и образованных кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры, повышения общеобразовательного и культурно-технического уровня трудящихся»⁹¹.

С развитием и углублением социалистического строительства в МНР все более возрастает роль социалистической культуры. В условиях завершения строительства социализма культурная революция призвана активно содействовать решению комплексных задач развития производительных сил, совершенствования производственных отношений и формирования всесторонне развитой и гармоничной личности.

Если на первом и отчасти на втором этапах культурной революции борьба за ликвидацию неграмотности трудящихся занимала основное место, то на третьем этапе выявляются новые ее задачи. В современных условиях, когда страна охвачена широкой сетью учреждений дошкольного воспитания, общеобразовательных школ, профессионально-технических училищ, курсов различного профиля, высших учебных заведений и культурно-просветительных учреждений, первостепенное значение приобретает идеологическая направленность культуры.

Незыблемость принципов партийности, народности, идейности, гуманизма, патриотизма и интернационализма составля-

ет характерную черту социалистической культуры данного периода.

На этапе завершения строительства социализма самым действенным средством в развертывании культурной революции является идеологическая работа. МНРП, коммунистические и рабочие партии братских социалистических стран ведут постоянную борьбу за усиление влияния социалистической культуры против буржуазной идеологии. В условиях мирного сосуществования государств с различным общественным строем культура становится важнейшей ареной идеологической борьбы двух общественных систем. Буржуазные идеологи, желая вбить клин в дружбу между народами, преувеличивают национальные особенности одних народов, противопоставляют их друг другу.

МНРП считает, что самым надежным средством в борьбе против буржуазной идеологии является творческое обобщение исторического опыта строительства нового общества и революционной борьбы на основе марксистско-ленинской теории. Важное значение имеет творческое освоение прогрессивного наследия мировой и национальной культуры, использование культурных достижений Советского Союза и других социалистических стран. Особую роль приобретает воспитание высокой политической сознательности и трудовой активности, укрепление дружбы с народами Советского Союза и других социалистических стран.

Завершение кооперирования в стране создало условия для преодоления бывшей культурной отсталости на селе и возрастания культурного влияния города на деревню.

XVII съезд партии указал на необходимость развертывания борьбы с пережитками прошлого в сознании людей, утверждения социалистического образа жизни во всех сферах общества.

XVIII съезд МНРП ставит задачу развивать социалистическую культуру и искусство для удовлетворения духовной потребности людей и повышения их идейно-политического, нравственного и эстетического воспитания; расширять сеть учреждений искусства и культуры, укреплять их материальную базу, поднимать идейный уровень произведений литературы и искусства. Дальнейшее развитие культуры является составной частью завершения строительства социалистического общества в МНР.

Народное образование

Интенсивное внедрение современной техники в сельское хозяйство и промышленность, повышение производительности и эффективности производства и совершенствование системы социалистического распределения по труду все настоятельнее требуют высокого уровня образования и научно-технических зна-

⁹¹ XV съезд МНРП, с. 186.

ний. В связи с этим ЦК МНРП и Совет Министров МНР 19 августа 1966 г. приняли постановление «О мерах по повышению общего образования трудящихся» с целью повышения образования работающих в различных отраслях народного хозяйства. В этом постановлении предусмотрена новая система обучения взрослого населения через широкую сеть школ — суурь, сезонных, вечерних, сменных общеобразовательных школ, в связи с тем что повышение общеобразовательного и культурно-технического уровня имеет решающее значение в создании материально-технической базы социализма и углублении культурной революции в стране. Эти мероприятия способствовали созданию единой общеобразовательной системы для взрослого населения.

Начальным этапом в овладении элементарной грамотностью и получении образования в объеме 1—2 классов скотоводами является школа — суурь. Временные школы, при начальной и средней школах в селах за короткий срок дают начальное образование работающим в сомонном центре. В сезонной школе при восьмилетней школе получают неполное среднее образование те, кто трудится на производстве и в сельском хозяйстве и имеет начальное образование или образование в объеме 5—6 классов, а также выпускники временных школ. Вечерние школы, созданные на базе общеобразовательных школ города, аймаков и сомонных, обеспечивают полное среднее образование трудящимся на предприятиях и в учреждениях без отрыва от производства.

Для других созданы заочные отделения, в которых самостоятельно получают образование в объеме 4, 7 и 10 классов. С 1968 г. были открыты школы для систематического повышения общего образования шоферов, сменных рабочих и служащих на производстве. Так сложилась единая общеобразовательная система трудящихся в МНР, что создало реальные возможности для овладения общим образованием и повышения знаний. Если в 1971 г. 67% всего населения в возрасте 13—49 лет имели начальное и среднее образование, то в 1975 г. — 74%.

Повышение образовательного уровня трудящихся связано с развитием системы народного образования во всех ее звеньях.

Составной частью единой системы народного образования является детский сад. В постановлении Совета Министров МНР от 1962 г. «О дальнейшем улучшении воспитания детей дошкольного возраста» определены задачи, выдвинутые перед работниками детских садов, формы и методы их работы. Детский сад проводит физическое, трудовое, духовное и эстетическое воспитание детей, а также готовит их к школе. В 1964 г. была разработана новая учебная программа для детских садов, а в 1966 г. — программа обучения и воспитания детей.

Важным шагом в развитии учебно-воспитательной работы и подготовки детей к поступлению в школу явилось издание ряда

пособий по методике преподавания изобразительного искусства. Открытие специального отделения при Педагогическом институте для работников детских садов, проведение семинаров и курсов по повышению их квалификации, обмен опытом — все это способствовало улучшению организации работы в детских садах.

Государство проявляет постоянную заботу об укреплении материальной базы детских садов. По инициативе общественности выделен детский фонд, на средства которого построены комплексные здания детских садов с яслями на 25—140 детей, оснащенные современным оборудованием. Кроме обычных расширяются и другие виды детских садов: круглосуточные сады для детей-сирот, для детей сменных работников на производственных предприятиях и сезонные, действующие во время посевных кампаний, и др. Тем самым женщинам предоставляется больше свободного времени для отдыха, учебы и работы, создаются условия для активного участия трудящихся в производстве.

В 1980 г. по сравнению с 1960 г. число детских садов увеличилось в 3,9 раза, а посещаемость детей — в 5,1 раза. Если в 1960 г. только 17,7% всех воспитателей детских садов имели специальное образование, то в 1975 г. — 90%; из года в год растет число воспитателей с высшим образованием.

XIV съезд МНРП в 1961 г. констатировал, что основной задачей в области народного образования на ближайшие годы является перестройка общеобразовательных школ путем укрепления их связей с производством и усиления трудового воспитания учащихся. Этим вопросам были посвящены тезисы ЦК МНРП. В феврале 1963 г. Великий Народный Хурал МНР утвердил Закон об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования. Согласно закону предполагалось охватить всех детей всеобщим обязательным средним образованием, связать обучение с производством и осуществить всестороннее коммунистическое воспитание подрастающего поколения. Этот закон открыл новый этап в развитии народного образования.

В целях осуществления тезиса Программы МНРП о том, что «необходимо ввести в ближайшем будущем для всех детей школьного возраста всеобщее неполное среднее образование и подготовить условия для перехода в дальнейшем к всеобщему полному среднему образованию»⁹², в 1971 г. ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию системы общеобразовательной школы и улучшению качества обучения». В нем говорится, что «цель общеобразовательной школы состоит в овладении учащимися основами наук о закономерностях развития общества и природы, утверждении коммунистической сознательности, правильной ориента-

⁹² Программа МНРП. У. Б., 1971, с. 80—81.

ции при выборе специальности, подготовке к жизни и производству»⁹³.

Постановление нацеливало на решение задач дальнейшего укрепления и развития новой системы народного образования, всестороннего и гармоничного воспитания подрастающего поколения, глубоко уважающего труд, в духе любви к социалистической Родине, интернационализма, верности делу МНРП и боевым революционным традициям строителей нового общества. В ходе выполнения третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства, благодаря успешному выполнению задач по введению всеобщего начального обучения детей в худоне и неполного среднего образования в аймаках и городах были созданы материальные условия для перехода к всеобщему неполному среднему образованию.

XV съезд МНРП в 1966 г. отметил, что сделан важный шаг в перестройке системы народного образования на основе укрепления связи обучения с жизнью и производительным трудом.

В течение четвертой и пятой пятилеток уже был накоплен значительный опыт в области перехода к всеобщему обязательному восьмилетнему обучению, интенсивного внедрения политехнического образования в программу общеобразовательных школ. Широкое развертывание научно-технической революции вызвало усиление подготовки профессиональных кадров с высоким уровнем научно-технических знаний. Были выдвинуты задачи соответствующей перестройки системы народного образования по примеру Советского Союза и других социалистических стран.

В 1966 г. Политбюро ЦК МНРП образовало специальную комиссию по определению конкретного содержания среднего образования с целью создания в дальнейшем благоприятных условий для развития науки и техники, отвечающих запросам интенсивного развития социалистического производства. Опираясь на исследования по выявлению способностей учащихся, учитывая опыт Советского Союза и других братских социалистических стран, комиссия определила форму и структуру общеобразовательных школ. Основное содержание новой системы заключается в подготовке всесторонне и гармонично развитой личности путем фундаментального и качественного овладения знаниями, введении уроков кабинетной системы с применением различных наглядных пособий. С учетом этого была разработана новая программа обучения, изданы новые учебники, организованы курсы усовершенствования учителей.

Успешно претворяются в жизнь решения МНРП о введении всеобщего восьмилетнего обучения. В соответствии с новой системой образования в 90% всех сомонов созданы восьмилетние школы. Изменился состав общеобразовательных школ: умень-

шилось число начальных и увеличилось количество неполных средних и средних школ. Если в 1962/63 учебном году насчитывалось 419 общеобразовательных школ, в том числе 313 начальных, 71 неполная средняя, 45 средних школ, то в 1978/79 учебном году стало 570 школ, в том числе 133 начальных, 354 неполных средних, 83 средних. Кроме того, были открыты специальные общеобразовательные школы для детей с психическими и физическими недостатками и для детей-сирот.

Государство постоянно оказывает материальную поддержку школьному образованию, что является важным условием повышения уровня учебно-воспитательной работы школ. Доказательством этому служит ввод в эксплуатацию в 1961—1975 гг. 35 средних, 184 восьмилетних, 290 начальных школ и 254 школ-интернатов. Кроме того, увеличены ассигнования для оснащения школьных лабораторий оборудованием и наглядными пособиями. В канун 50-летия МНР Советский Союз передал в дар МНР в 7 аймаках полностью оснащенные оборудованием средние школы на 964 учащихся с общежитиями на 320 учащихся, а также с 32—56 квартирами для педагогов. Это важный шаг по устранению разрыва между материальной базой школы и ростом числа школ и учащихся.

Широкое развертывание внешкольной воспитательной работы — участие в общественно полезном труде, посещение предприятий, обучение трудовым навыкам, воспитание уважения к труду в духе боевых и трудовых традиций старшего поколения, активное участие в различных спортивных мероприятиях — сыграло значительную роль в развитии творческой активности учащихся. Создание постоянных трудовых бригад для старшеклассников, участие их в период весенних и осенних каникул в сельскохозяйственных работах, помощь взрослым в ликвидации неграмотности оказывают благоприятное влияние на физическое и духовное воспитание, на коммунистическое отношение к труду, на профориентацию учащихся.

В целях интернационального и патриотического воспитания учащихся широко практикуется проведение экскурсий по историческим местам, таким, как Алтан-Булак, Халхин-гол и др. Более 40% всех учащихся участвуют в различных художественных, спортивных и технических кружках. Различные самодеятельные кружки помогают рационально использовать свободное время, применять усвоенные знания в практической жизни. Выполнение нормативов ГТО, школьные спартакиады, а также различные спортивные соревнования содействуют выявлению наиболее способных спортсменов.

Партия и правительство проявляют постоянную заботу о повышении квалификации учителей. В мае 1964 г. Совет Министров МНР утвердил Постановление о повышении квалификации учителей на краткосрочных курсах, курсах для руководящих

⁹³ Ардын боловсрол, соёл урлаг, шинжлэх ухааны талаар гарсан хууль тогтоомжийн системчилсэн эмхтгэл. (1968—1973). У. Б., 1975, с. 5.

работников, путем заочного самостоятельного обучения. Кроме того, было принято решение через каждые пять лет проводить месячные курсы, открыть при Педагогическом институте факультет по повышению квалификации, преобразовать кабинеты педагогики в аймаках и городах в кабинеты обучения и методики.

Состоявшийся в 1975 г. IV съезд учителей обсудил вопросы современного состояния и дальнейшего развития народного образования страны. Особое внимание обращалось на повышение качества преподавания и внедрение передового опыта в педагогическую практику. В приветствии ЦК МНРП, Президиума Великого Народного Хурала, Совета Министров МНР IV съезду говорилось, что в период построения социализма «настоятельно требуется повысить роль всех школ, всемерно мобилизовать знания и силы работников народного образования, учителей и педагогов в деле воспитания нового человека социалистического типа»⁹⁴.

В МНР в 1961/62 учебном году насчитывалось 4,3 тыс. учителей, а в 1980/81 году — уже 13,9 тыс.

С расширением масштабов хозяйственного строительства возросли потребности в квалифицированных рабочих. В связи с этим были созданы условия для приема на работу на промышленные предприятия части выпускников общеобразовательных школ. В законе «Об укреплении связи обучения с практикой», утвержденном в 1963 г. Великим Народным Хуралом, определены основные задачи и принципы организации и деятельности профессионально-технических училищ. В 1965 г. ЦК МНРП и Совет Министров МНР в постановлении «Об улучшении обучения в профессионально-технических училищах» указали на необходимость укрепления материальной базы ПТУ, повышение качества обучения и работы в соответствии с перспективным планом развития народного хозяйства.

За истекшие годы значительно расширилась сеть ПТУ, укрепилась их производственная база. XV съезд МНРП подчеркнул, что «в связи с быстрым развитием народного хозяйства у нас возникла система профессионально-технического обучения, призванного готовить квалифицированных рабочих»⁹⁵. Если в 1965 г. насчитывалось 10 ПТУ с 2000 учащимися, то в 1980 г. — 37 ПТУ и 22 100 учащихся. ПТУ выпускают квалифицированных рабочих по 90 специальностям.

Таким образом, успешно претворяется в жизнь задача, выдвинутая Программой партии: «Широкая подготовка квалифицированных рабочих для промышленности, сельского хозяйства, строительства и других отраслей народного хозяйства путем развития системы профессионально-технического образования —

⁹⁴ «Сурган хүмүүжүүлэгч». 1975, № 5, с. 4.

⁹⁵ XV съезд МНРП, с. 53.

важнейшей формы организованного пополнения рядов рабочего класса и сельских тружеников»⁹⁶.

Важное место в системе народного образования занимают средние специальные учебные заведения. В указанный период были открыты новые техникумы: в Гоби-Алтайском аймаке — медицинский, в Средне-Гобийском аймаке — сельскохозяйственный, в Ара-Хангайском аймаке — гидрогеологический, в Улан-Баторе — техникум связи, в Улясутае — торговый.

В связи с изменением учебной программы общеобразовательных школ были переработаны учебные планы и программы специальных учебных заведений. Вследствие успешного развития и совершенствования системы народного образования в последние годы в специальные учебные заведения поступают лишь выпускники средних школ. В 1960—1980 гг. число специальных учебных заведений увеличилось в 1,7 раза, а контингент учащихся — в 2,1 раза. Если число выпускников специальных учебных заведений в 1960 г. составляло 1245, то в 1980 г. — уже 4700⁹⁷.

Для осуществления задач социалистического строительства, внедрения достижений науки и техники в народное хозяйство, обеспечения неуклонного роста эффективности производства требуется все больше высококвалифицированных специалистов. В целях расширения и улучшения подготовки специалистов с высшим образованием в вузах были созданы новые постоянно действующие факультеты по повышению квалификации. Открытие подготовительного факультета при Государственном университете и Сельскохозяйственном институте предоставило реальную возможность работающим на производстве получить высшее образование. В результате с открытием постоянных факультетов по повышению квалификации и высших курсов при вузах со сроком обучения 1—3 месяца повысили свою производственную квалификацию 16 тыс. человек.

В последнее время в вузах страны начали действовать курсы для руководящих работников и специалистов с высшим образованием, занятых в области материального производства. На курсах ведутся занятия по вопросам марксистско-ленинской теории, внешней и внутренней политики МНРП, достижений научно-технической революции и передового опыта в данной отрасли, совершенствования управления производством, изучения трудового и экономического законодательства. Это одна из эффективных форм повышения квалификации и знаний руководящих работников. Число студентов в вузах страны в 1960 г. составило 6,9 тыс., в 1980 г. — 23,2 тыс.; число выпускников возросло с 1,1 тыс. до 3,0 тыс.⁹⁸.

⁹⁶ XV съезд МНРП, с. 186—187.

⁹⁷ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 217, 219, 224.

⁹⁸ Там же, с. 219, 224.

Идеологическая и культурно-массовая работа

В условиях создания материально-технической базы социализма в МНР, в связи с повышением руководящей роли партии МНРП и правительство МНР уделяют много внимания подготовке партийных и государственных кадров, усилению идейно-воспитательной работы, организации и мобилизации кадров на борьбу за осуществление задач экономического и культурного строительства. Вновь стала функционировать Высшая партийная школа при ЦК МНРП, открылись двухгодичные курсы по подготовке руководящих партийных и государственных кадров при ЦК, а также специальный факультет при Политехническом институте и курсы кадровых работников министерств. Это вызвало качественный скачок в подготовке руководящих партийных, государственных и хозяйственных работников.

На пленумах МНРП, состоявшихся в 1962—1964 гг., неоднократно указывалось на необходимость активизации работы по воспитанию трудящихся в духе патриотизма, интернационализма, решительной борьбы против всякого проявления национализма. Республиканские совещания идеологических работников, состоявшиеся в Улан-Баторе в январе 1963 г. и в 1964 г. по методике преподавания общественных наук в вузах и средних школах, разработали конкретные меры по углублению политических знаний преподавателей и учащихся. Республиканское совещание пропагандистов и агитаторов, совещание руководящих работников центральных и местных идеологических органов, а также республиканское совещание передовых работников культуры подвергли обсуждению уровень идеологической и культурно-массовой работы, достигнутый в последнее время.

С целью усиления идейно-политического воспитания трудящихся в стране были торжественно отмечены такие годовщины, как 150-летие со дня рождения К. Маркса, 50-летие и 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летие и 110-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина, 50-летие и 60-летие Монгольской народной революции, 50-летие III съезда МНРП и провозглашения МНР, 30-летие исторической победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом, 40-летие победы монгольских и советских войск в районе р. Халхин-гол.

Важным событием в культурной жизни страны явилось издание «Краткой истории МНРП», «Истории МНР» в трех томах, «Биографии Д. Сухэ-Батора», книги «Опыт некапиталистического развития МНР», трудов по различным проблемам строительства социализма на современном этапе.

На монгольский язык переведены и изданы большим тиражом произведения основоположников марксизма-ленинизма, в частности четвертое издание Сочинений В. И. Ленина, избранные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса в трех томах, тема-

Музей В. И. Ленина в г. Улан-Баторе

тические сборники Сочинений В. И. Ленина. Эти переводы играют важную роль в совершенствовании марксистско-ленинского политического образования трудящихся, углубленном изучении теоретического наследия основоположников научного коммунизма.

Идеологическая и культурно-массовая работа направлена на то, чтобы воспитывать трудящихся в духе патриотизма и интернационализма, беспредельной преданности делу социализма, политически сознательными, обладающими высокими моральными качествами.

В МНР ныне издается 40 газет и 31 журнал. Издательства и редакции газет и журналов обеспечены квалифицированными кадрами, улучшено художественное оформление. В стране на 100 человек приходится 88 экземпляров периодических изданий, на каждую семью — 4,3 экз. Если включить издания Советского Союза и других социалистических стран, то на каждые 100 человек приходится 103 экз., а на одну семью — 5,4 экз. Кроме периодических изданий ежегодно в среднем выходит в свет примерно 500—600 наименований книг. Среди них — произведения основоположников марксизма-ленинизма, труды по философии, экономике, естественным наукам, произведения художественной литературы.

Обеспечение типографий квалифицированными рабочими, современной техникой, оборудованием повышает производительность труда, увеличивает количество выпускаемой продукции, улучшает ее качество.

Радио и телевидение оказывают эффективное влияние на социалистическую сознательность трудящихся, на борьбу за осуществление задач, выдвинутых партией, расширяют тесное сотрудничество с международными организациями — ОИРТ и Интервидением.

Большим событием в культурной жизни страны явился ввод в эксплуатацию телецентра и станции «Орбита». Благодаря этому монгольские трудящиеся ежедневно знакомятся с достижениями и передовым опытом Советского Союза и других социалистических стран.

К 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в МНР был открыт Музей В. И. Ленина (в 1980 г. построено новое здание и значительно расширены экспозиции), а к 50-й годовщине народной революции в Монголии — Музей революции (в Алтан-Булаке находится его филиал). В Монгольской Народной Республике действуют более 30 музеев и краеведческих филиалов, обслуживающих около 0,5 млн. посетителей в год.

В стране имеется 772 массовые библиотеки, их книжные фонды составляют 11,1 млн. экз. Библиотеки имеют постоянные обменные фонды книгами с Советским Союзом и социалистическими странами, а также с Англией, Францией, США, Финляндией, Японией, Индией и др.

Большое внимание уделяется улучшению кинообслуживания, укреплению его материальной базы и широкому охвату кинообслуживанием трудящихся. В 1979 г. по сравнению с 1960 г. число кинотеатров увеличилось в 5 раз, кинопередвижек — на 40%, число зрителей — в 3 раза.

Широкие массы привлекаются к участию в кинофестивалях, кинопросмотрах, различных тематических кино вечерах, обсуждениях фильмов, встречах зрителей с кинематографистами.

В 60—70-е годы было создано много новых Домов культуры, клубов, красных уголков в городах и селах, на предприятиях, в госхозах и СХО. В 1980 г. общее число Домов культуры и клубов достигло 411, красных уголков — 1362⁹⁹. По сравнению с 1960 г. число клубов и Домов культуры возросло в 4,4 раза, красных уголков — в 2,5 раза.

Работа, проводимая Домами культуры, клубами и красными уголками, направлена на подъем политической и трудовой активности трудящихся, внедрение научно-технических достижений и передового опыта.

⁹⁹ Там же, с. 230.

Наука

Полная победа социалистических производственных отношений в МНР открыла широкие возможности для внедрения научно-технических достижений в экономику, промышленность, сельское хозяйство и культуру страны.

Интенсивный рост промышленности и сельского хозяйства, всей экономики страны настоятельно требовал создания единого научно-исследовательского центра, который сосредоточил бы на первых порах основное внимание на трех научных направлениях: общественные, естественные и сельскохозяйственные науки.

С этой целью в мае 1961 г. была создана Академия наук МНР, что явилось крупным событием в жизни монгольского народного государства.

В 1965 г. Академия наук МНР насчитывала девять научно-исследовательских институтов, к 1975 г. появилось несколько научно-экспериментальных станций, таких, как фруктово-ягодная, биопрепаратная, по изучению кормовых культур, сейсмическая, по изучению ионосферы, ботанический сад и др.

Народное государство ассигнует крупные средства на укрепление материальной базы развития науки, проведение научно-исследовательских работ, оснащение лабораторий новейшим оборудованием.

Если в четвертой пятилетке в развитие отечественной науки было вложено 51,3 млн. тугриков, то в пятой пятилетке выделяемые средства возросли в 1,6 раза. В последние годы Академия наук МНР пополнилась национальными кадрами опытных научных сотрудников: кандидатами и докторами наук, членами-корреспондентами и действительными членами Академии наук. С 1961 по 1976 г. число научных сотрудников увеличилось почти в 20 раз. Большое значение в повышении уровня научной работы в МНР имеют проводимые в стране совместные научные исследования, развитие многостороннего и двустороннего сотрудничества между Академиями наук стран социалистического сотрудничества, организация совместных научно-исследовательских экспедиций, создание коллективных трудов, научные совещания, симпозиумы и обмен учеными. Успешно ведутся научные исследования в лабораториях высших учебных заведений и научно-экспериментальных станциях, а также в институтах при министерствах и ведомствах. Академия наук МНР активно участвует в научных совещаниях, организуемых Академиями наук СССР и братских социалистических стран, в рабочих комиссиях по делам совершенствования планирования и управления народным хозяйством стран — членов СЭВ. Были организованы II (1970) и III (1976) конгрессы монголоведов и научно-теоретические конференции на темы: «Роль кочевников в цивилизации Центральной Азии», «Некапиталистический путь развития и со-

На станции изучения космоса АН МНР

временность», «Некапиталистический путь развития и рабочий класс» и др.

В последние годы все больше внимания уделяется укреплению связей науки с производством. Монгольские ученые концентрируют усилия на разработке таких важных проблем, как создание материально-технической базы социализма, повышение производственного потенциала страны, дальнейшее совершенствование методов управления народным хозяйством. Успешное развитие получили физика, химия, биология, медицина, геология и другие отрасли естествознания. Монгольские ученые помимо фундаментальных исследований в важнейших отраслях ядерной физики, биофизики, геофизики, астрофизики и физики твердого тела принимают активное участие в совместных исследованиях по программе Координационного центра биофизики стран — членов СЭВ и в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. Успешное проведение физико-технических, технологических, геологических, медико-биологических экспериментов в ходе совместного советско-монгольского космического полета явилось новым вкладом в плодотворное сотрудничество братских стран в рамках программы «Интеркосмос». Результаты космических исследований используются в народном хозяйстве. Проведены обширные исследования по химизации земледе-

лия, химическому составу минералов и сырья различных органических соединений, осуществлена химическая классификация озер и их целебных свойств, а также горячих и холодных целебных источников. Агрохимия впервые определила обеспеченность почв микроэлементами на территории МНР. Геологами открыто более 20 месторождений полезных ископаемых, которые дали возможность расширить площади, используемые в производственных целях, и увеличить запасы минерального сырья. Исследования палеонтологов позволили сделать новые выводы и обобщения о составе и эволюции животных, обитавших в древние времена на территории Монголии. Биологические исследования направлены на разработку методов хозяйственного использования микроорганизмов для борьбы с грызунами и болезнями растений, причиняющими опромный ущерб народному хозяйству страны, на совершенствование селекционных работ, изучение генетического и биологического строения животных и растений, на определение вида, классов и состава животного мира страны и сохранение исчезающих видов животных, увеличение природных ресурсов и их оптимальное использование.

Разработка основ районирования сельского хозяйства, вопросов экономической географии и общего географического районирования, связанных с перспективой оптимального размещения производительных сил МНР, — важный итог исследований географов и мерзлотоведов.

Научные исследования широкого круга проблем марксистско-ленинской философии, политической экономии, истории МНР и МНРП, монгольского языка и литературы внесли важный вклад в развитие общественных наук.

Руководствуясь задачами, выдвинутыми МНРП, ученые-обществоведы осуществляют исследования различных аспектов общественного развития страны. Значительны достижения в разработке и обобщении закономерностей некапиталистического пути развития, перехода от докапиталистических общественно-экономических формаций к социализму, в исследовании актуальных проблем, выдвинутых современным этапом социалистического строительства. Разработаны такие важные философские проблемы, как распространение идей марксизма-ленинизма в Монголии, философская, общественно-политическая мысль в Монголии на рубеже XIX—XX вв. и др.

В области экономической науки ведутся интенсивные исследования по теоретическим проблемам экономики социалистического строительства и механизма осуществления социалистической экономической интеграции, повышения эффективности общественного производства. Большое место занимают исследования актуальных социально-экономических проблем, таких, как использование действия экономических законов социализма, определение состояния и перспектив размещения производитель-

ных сил, внедрение научно-технических достижений в народное хозяйство, совершенствование методов управления и планирования отраслей народного хозяйства, выявление и эффективное использование трудовых ресурсов.

Современная монгольская историческая наука много внимания уделяет исследованию и обобщению важнейших проблем до-революционного и послереволюционного периода, таких, как история МНР и МНРП, народного государства и рабочего класса МНР, социалистического сельского хозяйства, культуры, международных отношений, руководящая роль партии в социалистическом обществе, монголо-советские отношения, история первобытного общества и древних государств на территории Монголии, основные черты монгольского феодализма, монгольская историография, формирование социалистического быта и обычаев в МНР и др. В своих трудах монгольские ученые дают решительный отпор всяким попыткам фальсифицировать историю монгольского народа, оправдать реакционный, агрессивный внешнеполитический курс, направленный против национальной независимости и государственного суверенитета Монгольской Народной Республики.

Под руководством МНРП обществоведы МНР ведут последовательную борьбу против буржуазной реакционной идеологии, ревизионизма, догматизма и всякого рода чуждых марксизму-ленинизму течений.

Успешные исследования ведутся в области грамматики монгольского языка, лексикологии, фольклора, диалектологии, а также истории монгольской литературы XVII—XIX вв. и современного периода, взаимосвязей монгольской литературы с литературами соседних стран.

Тесная связь научной деятельности с производством обусловила активное участие в работе научных организаций передовиков и новаторов производства. Рекомендации по новой технологии, научной стандартизации и другим проблемам, связанным с производством, являющиеся результатом исследования более 240 проблем, внедряются в производство и приносят государству большие прибыли.

В конце 1980 г. ЦК МНРП принял развернутое постановление «О состоянии и мерах по улучшению научно-исследовательских работ в стране», в котором проанализировано развитие науки в МНР, определены важнейшие задачи и главные направления развития науки, пути улучшения руководства научно-исследовательской работой и повышения ее эффективности.

Перед научными учреждениями страны в седьмой пятилетке ставится задача сосредоточить усилия на комплексном изучении и разработке узловых проблем развития народного хозяйства и своевременном внедрении в практику результатов научных исследований.

Литература

Современная монгольская литература социалистического реализма добилась заметных успехов. Она верно служит интересам монгольского народа, помогая МНРП в завершении строительства социализма в Монголии.

Партия и правительство МНР проявляют неустанную заботу о дальнейшем развитии литературы. В Программе МНРП выдвинуты задачи развития литературы, повышения ее идейно-художественного уровня, усиления ее роли в коммунистическом воспитании трудящихся, последовательного соблюдения принципов социалистического реализма, партийности и народности, обогащения прогрессивного наследия национальной культуры, овладения выдающимися образцами литературы и искусства братских социалистических стран.

Лучшие произведения литературы, искусства и науки отмечаются Государственной премией. Ежегодная премия Союза монгольских писателей и премия им. Д. Нацагдоржа установлена для лучших произведений литературы и литературной критики.

Постановления ЦК МНРП «О дальнейшем улучшении работы студий „Монголкино“» (1963) и «О работе Союза монгольских художников» (1969), выражая важные принципы политики партии в области литературы и искусства, развивали основные положения социалистического реализма, ставили перед литературой и искусством задачу правдиво и высокохудожественно отражать жизнь и деятельность монгольского народа, строительство социалистического общества. В 1979 г. Указом Президиума Великого Народного Хурала МНР учреждено звание «народный писатель МНР».

Очередные съезды монгольских писателей, подводя итоги работы писателей на основе глубокого анализа произведений художественной литературы, поставили новые задачи углубленного овладения методом социалистического реализма, строгого соблюдения принципов партийности, народности и решительной борьбы против влияния буржуазной литературы.

XVIII съезд МНРП, отметив, что за истекшие годы трудящиеся МНР «получили немало добротных в идейно-художественном отношении произведений, в которых затронуты темы, рожденные самой жизнью»¹⁰⁰, указал, что писателям, художникам следует постоянно считаться с возросшим интеллектуальным, культурным уровнем монгольских читателей, отражать в своих произведениях проблемы, которые их волнуют.

В настоящее время произведения писателей многих стран мира переведены на монгольский язык. Это открывает широкие возможности для сближения с литературой и искусством брат-

¹⁰⁰ «Новости Монголии», 27.V.1981.

ских социалистических стран на основе общих задач строительства социализма и коммунизма, правильного сочетания национального и интернационального в создании яркого образа строителей социализма и разработке совместными усилиями узловых теоретических проблем литературы и искусства.

В последний период получили развитие проза, поэзия и драматургия. Вышли в свет романы «Прозрачный Тамир» Ч. Лодойдамбы, «Тревожные годы» Д. Намдага, «Горный поток», «Кочевье — оседлость», «Полярная звезда показывает путь» Л. Тудэва, «Великая судьба» С. Удвал, «Весенняя прохлада», «Стук копыт» Л. Чойжилсурэна, «Три узла», «Инженер Ундрах» Ж. Пурэва и многие другие. Изданы повести С. Эрдэнэ, поэтические сборники Ц. Гайтава, Б. Явухулана, Д. Пурэвдоржа, Д. Цэдэва и др.

Успешно развиваются литературоведение и литературная критика. Созданы краткая история современной монгольской литературы, монографии о современной монгольской поэзии, о традиции и новаторстве, о национальном и интернациональном в современной монгольской литературе.

Современная монгольская литература социалистического реализма всецело принадлежит народу, служит великому делу завершения строительства социалистического общества на монгольской земле.

Искусство

Повышение роли социалистического искусства, углубление его влияния на политическое, идеологическое, моральное и эстетическое воспитание трудящихся занимает важное место в политике МНРП и монгольского правительства.

В 1963 г. на базе Государственного музыкально-драматического театра были основаны два самостоятельных театра: Государственный театр оперы и балета и Государственный драматический театр. В 1966 г. последнему было присвоено имя Д. Нацагдоржа — основоположника современной монгольской литературы. Музыкально-драматические театры появились в Убсунурском и Хубсугульском аймаках и в г. Дархане.

В целях обеспечения художественных организаций национальными кадрами расширено музыкально-хореографическое училище, при Педагогическом институте создан актерский факультет. Кроме того, специалисты по искусству готовятся в Советском Союзе и в других социалистических странах.

Центральные и местные художественные организации получили более интенсивное развитие, обогащается их репертуар, совершенствуется исполнительское мастерство артистов.

За последнее двадцатилетие репертуар театров значительно пополнился спектаклями на историко-революционные и совре-

Народная артистка МНР Норовбанзад

менные темы, отразившими героические будни тружеников промышленности и сельского хозяйства. В репертуар театров вошли также спектакли мировой классики и произведения советских авторов.

В выборе темы и создании образа господствует социалистический реализм, произведения мировой и русской классики умело связываются с современностью.

С 60-х годов в МНР открылись детский и кукольный театры, которые начали ставить пьесы с историческим и дидактико-эпическим сюжетом, пользующимся популярностью у детей.

Необычайно широкого размаха достигло самодеятельное искусство. На предприятиях и в учреждениях, в госхозах и СХО, в учебных заведениях и в воинских частях функционирует, включая народные театры, свыше двух тысяч художественных коллективов. Общее количество участников самодеятельности превышает 200 тыс. человек.

Предметом постоянной заботы МНРП и Народного правительства является развитие киноискусства — могучего средства воспитания трудящихся. В 1962 г. Совет Министров МНР утвердил постановление о развитии кинопромышленности в стране, в 1965 г. Политбюро ЦК МНРП приняло постановление об улучшении качества выпускаемых художественных и документальных фильмов. В постановлении подчеркивалось: задача мон-

гольского киноискусства состоит в том, чтобы выпускать высоко-идейные кинофильмы, показывающие героическую борьбу народа под руководством МНРП за некапиталистический путь развития, отражать в них методом социалистического реализма участие широких народных масс в революции, мужественную борьбу трудящихся за создание социалистического общества в стране, верность партии и народу, трудовой энтузиазм, лучшие моральные качества человека современной Монголии.

За последние 20 лет было выпущено более 70 художественных фильмов на историко-революционную и военно-патристическую тему. Во многих фильмах красной нитью проходит идея строительства социализма, воспитания высоких нравственных качеств у членов нового общества. Возрос выпуск документальных фильмов, показывающих трудовые свершения рабочих, скотоводов и интеллигенции, воспевающих красоту родной природы и мирную созидательную жизнь народа.

Современным монгольским фильмам неоднократно присуждали премии и специальные награды жюри на Международных кинофестивалях.

Очень популярно в Монголии цирковое искусство. Важнейшим шагом в этой области явилась организация в 1969/70 учебном году при Государственном педагогическом институте факультета циркового искусства им. Ж. Раднабазара — одного из основоположников монгольского циркового искусства. В 1972 г. постановлением Совета Министров МНР факультет циркового искусства был преобразован в училище при Государственном цирке с четырехлетним сроком обучения. В канун 50-летия народной революции было открыто новое здание цирка на 2100 мест. Монгольский государственный цирк, постоянно обогащая свой репертуар, достиг высокого уровня мастерства.

С 1963 г. стали традицией ежегодные совместные цирковые выступления в МНР артистов цирка социалистических стран «Дружба». В свою очередь, артисты Государственного цирка постоянно гастрوليруют в братских социалистических странах, обмениваются опытом. Выступления артистов Государственного цирка МНР в Советском Союзе и в социалистических странах получили высокое признание. Монгольские артисты гастрوليруют также во многих странах Европы, Азии и Африки, знакомя с достижениями искусства МНР — национального по форме, социалистического по содержанию.

На I (1964), II (1972) и III (1977) съездах монгольских композиторов подведены итоги работы и намечены дальнейшие перспективы развития музыкального искусства.

В приветственном послании ЦК МНРП III съезду была дана высокая оценка деятельности композиторов как борцов идеологического фронта, пропагандистов национальной музыки. Съезд наметил дальнейшие пути развития музыкального искусства в стране, в частности в области тематики и идейности му-

зыкальных произведений, повышения уровня художественного мастерства композиторов.

В целях актуализации музыкальных произведений Союз монгольских композиторов принял решение на очередных пленумах и совещаниях проводить обсуждение тематики массовых песен, качества музыкальных произведений, состояния и перспектив развития симфонии, оперы, балета, музыки к кинофильмам и спектаклям, развертывания музыкальной критики, совершенствования мастерства, вопроса обмена опытом, повышения теоретических знаний, организации специальных курсов и семинаров, а также встреч с членами союзов композиторов СССР и других братских стран, приглашения видных композиторов и музыкальных деятелей для чтения лекций и проведения консультаций.

Музыкальное искусство МНР зиждется на принципах социалистического реализма, партийности и народности. В результате подготовки музыкальных кадров и создания прочной материальной базы в стране существуют разнообразные жанры музыкального искусства: опера, балет, симфония, оратория, поэма, камерная, хоровая, эстрадная музыка и массовая песня.

Монгольские трудящиеся имеют возможность ознакомиться с мировой классической музыкой и выдающимися произведениями современных зарубежных композиторов. На сцене Театра оперы и балета МНР поставлены произведения советской и мировой классики: «Евгений Онегин», «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Князь Игорь» А. Бородина, «Русалка» А. Даргомыжского, «Октябрь» В. Мурадели, «Фауст» Ш. Гуно, «Чио-Чио-сан» Дж. Пуччини, «Севильский цирюльник», «Травиата» Д. Верди, «Проданная невеста» В. Сметаны; балеты: «Дон-Кихот» Л. Минкуса, «Эсмеральда» Ц. Пуни, «Золушка» С. Прокофьева, «Шехерезада» Н. Римского-Корсакова, «Доктор Айболит» А. Морозова, «Копеллия» Л. Делиба.

Музыкальные произведения можно услышать как в центральных театрах, так и в периферийных.

В последние годы большую популярность приобрела музыка к кинофильмам, цирковым выступлениям, радио- и телевизионным постановкам.

Действенное влияние на идейное и нравственное воспитание трудящихся оказывает изобразительное искусство.

II (1962), III (1968) и IV (1975) съезды Союза художников, отметив достижения в изобразительном искусстве, определили дальнейшие перспективы его развития. Перед деятелями изобразительного искусства поставлены задачи: удовлетворять духовные запросы трудящихся, отображать нового человека в процессе созидательного труда, неуклонно повышать идейный уровень и профессиональное мастерство, развивать все виды и жанры изобразительного искусства.

Важными мероприятиями в области изобразительного искусства явились создание Музея изобразительного искусства в

1965 г., выставочного павильона в 1967 г., преобразование класса рисунка при музыкально-хореографическом училище в отдельное училище в 1971 г. Обучение соответствующим специальностям проводится также в вузах МНР и за рубежом. С 1970 г. началось издание журнала «Изобразительное искусство».

В последние годы улучшилась подготовка профессиональных кадров в области изобразительного искусства, повысилась профессиональное мастерство творческих работников.

Монгольские художники обогащают свое творчество, изучая как наследие мировой классики, так и национального искусства. Основные темы в живописи — это показ революционных событий, монголо-советской дружбы, любви трудящихся к Родине. Во многих произведениях живописи создан образ нового человека — человека социалистического общества. За последние годы в изобразительном искусстве право на существование получила станковая живопись, отражающая масштабно народную революцию, монголо-советскую дружбу и социалистическое строительство. В этой живописи особенно отчетливо видно влияние традиционного национального искусства.

Успешно развиваются графика, скульптура и керамика. Сооружены монументальные памятники в Улан-Баторе и Дархане, Селенгинском, Дзабханском, Кобдоском и Южногобийском аймаках, посвященные монгольским и советским воинам, славным сыновьям и дочерям, отличившимся в труде и защите социалистической отчизны. Значительна их роль в воспитании подрастающего поколения в духе героико-патриотических традиций старшего поколения.

Здравоохранение, физическая культура и спорт

Забота о здоровье населения всегда находится в центре внимания МНРП и правительства МНР. В результате осуществления партией и правительством широких социально-экономических и оздоровительных мер продолжается интенсивный рост населения страны. К началу 1982 г. население МНР насчитывало 1 млн. 732 тыс.¹⁰¹, что свидетельствует об увеличении его численности почти в 3 раза со времени победы народной революции.

В Программе МНРП выдвинуты следующие задачи по развитию здравоохранения в стране: улучшение условий труда и быта народа, профилактика и устранение инфекционных заболеваний, развитие санитарно-просветительной работы, внедрение в практику достижений современной медицины, резкое улучшение работы по охране материнства и младенчества и увеличение сети медицинских учреждений.

¹⁰¹ «Үнэн», 13.1.1982.

Осуществление соответствующих мер ЦК МНРП, Советом Министров МНР и Великим Народным Хуралом привело к дальнейшему росту сети медицинских и профилактических учреждений, медицинских кадров, укреплению и развитию социалистической системы здравоохранения.

В 1960 г. в МНР имелось 68 больниц на 5,8 тыс. коек, 86 врачебных пунктов на 1088 коек, 476 фельдшерских пунктов на 1423 койки; в 1980 г. — 108 больниц на 13,3 тыс. коек, 289 врачебных пунктов на 3203 койки, 1144 фельдшерских пункта; в 1980 г. на 10 тыс. населения в среднем приходилось 21,9 врача и 107,6 больничной койки¹⁰².

На основе достижений современной медицины объединенные аймачные больницы были расширены для оказания квалифицированной помощи, дополнительно построены специализированные клиники, диспансеры и межсомонные больницы. Сельскому населению стали оказывать необходимую помощь передвижные амбулатории.

Сельские медицинские учреждения были обеспечены вертолетами, автомашинами, средствами связи, что позволило своевременно оказывать медицинскую помощь трудящимся. Ныне развитие здравоохранения МНР достигло по своим основным показателям уровня передовых стран мира.

Вследствие достижений в области здравоохранения снизилась смертность, повысилась рождаемость населения и увеличилась продолжительность жизни.

Усовершенствованы методы и формы санитарно-гигиенической службы. Выросли новые кадры. В 1963 г. был открыт санитарно-гигиенический факультет в Медицинском институте. В результате в 1978 г. число работников санитарно-гигиенической службы возросло в 2,1 раза по сравнению с 1966 г., а фельдшеров и врачей — в 2 раза. Если в 1960 г. было всего 19 санитарно-гигиенических станций, то в 1980 г. их стало 27. Увеличились виды профилактических прививок и вакцин, усилились санитарный контроль, пропаганда популярных медицинских знаний. Это привело к улучшению санитарно-гигиенического обслуживания населения, сокращению числа различных инфекционных заболеваний.

Важнейшей заботой социалистического здравоохранения является охрана здоровья материнства и младенчества. За последние годы окрепла материальная база акушерско-гинекологической помощи, увеличилось число больничных коек и женских консультаций. Повышены пособия многодетным матерям, улучшены условия труда и отдыха для женщин; государство предоставляло дополнительные оплачиваемые отпуска женщинам для ухода за новорожденными; в госхозах и сельхозобъединениях построены новые бесплатные дома отдыха для беременных жен-

¹⁰² БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 237, 239.

щин и матерей с малолетними детьми. Все это способствует улучшению охраны здоровья матери и ребенка, снижению смертности и заболеваемости.

Обеспечение населения медикаментами и другими лекарственными препаратами — одно из важнейших условий, благоприятствующих охране здоровья населения. Аптеки оснащаются современным оборудованием, совершенствуется технология приготовления лекарств, увеличивается их ассортимент. В сельскохозяйственных бригадах, на фермах стали постоянно работать медсестры, фельдшеры и фармацевты. Передвижные бригады врачей-специалистов обслуживают сельское население.

С интенсивным развитием медицинского обслуживания остро встал вопрос о подготовке медицинских кадров. В 60-е годы медицинский факультет был реорганизован в институт, располагающий 21 кафедрой, расширены медтехникумы в Восточно-гобийском, Гобисалтайском аймаках и Улан-Баторе. В Дархане было открыто училище медсестер. Если в 1960 г. в стране имелось 873 врача, то в 1980 г. — 3686.

В 1960 г. в стране насчитывалось 4584 человека среднего медицинского персонала (фельдшеры, фармацевты, медсестры, техники-рентгенологи), в 1980 г. — 12 552 человека. В системе здравоохранения страны работает большое число академиков, членов-корреспондентов Академии наук МНР, докторов наук, профессоров, доцентов и кандидатов медицинских наук, наряду с научной работой занимающихся лечением и преподающих в Медицинском институте и техникумах.

В МНР более 3 тыс. врачей удостоены высоких правительственных наград, а 17 врачам присвоено звание «заслуженный врач МНР».

Расширение сети органов здравоохранения и заметный рост численности медицинских работников, безусловно, способствовали значительному улучшению медицинского обслуживания населения.

В докладе на XVIII съезде МНРП Ю. Цеденбал подчеркнул, что главная задача в области здравоохранения состоит в усилении профилактической работы среди населения, в дальнейшем расширении специализированной медицинской помощи, широком охвате ею сельской местности, что в этих целях необходимо существенно повысить качество и эффективность лечебно-профилактических работ, уровень знаний и квалификацию медицинских работников, следует уделять особое внимание усилению государственного и общественного санитарного надзора, решительному повышению качества санитарно-просветительной работы в стране¹⁰³.

Развитие физкультуры и спорта — важного средства обеспечения здоровья и долголетия трудящихся — происходило по сле-

Монгольские спортсмены
на Московской олимпиаде 1980 г.

дующим направлениям: строительство спортивных сооружений, укрепление материальной базы, подготовка кадров спортсменов, повышение их спортивного мастерства, участие в республиканских и международных соревнованиях.

Ныне к услугам спортсменов Дворец спорта, спортивные залы, стадионы. Партия и правительство уделяют постоянное внимание укреплению материальной базы спортивных организаций. Только в шестой пятилетке на спортивные цели было отпущено 20 млн. тугриков. Сборные команды таких видов спорта, как тяжелая атлетика, вольная борьба, бокс и стрельба из лука, получили техническое оснащение научно-экспериментальными и измерительными приборами. В МНР успешно развиваются более 30 видов современного спорта и разворачивается массовое спортивное движение. Каждые четыре года в стране организуются республиканские спартакиады: сельской молодежи, писнеров, женщин, профсоюзов, а также по выполнению норм ГТО.

Ежегодно проводятся чемпионаты республики по более чем 20 видам спорта среди юниоров и взрослых. В 1980 г. по сравнению с 1965 г. число мастеров спорта возросло в 4,2 раза, заслуженных мастеров спорта — в 12 раз, заслуженных тренеров — в 1,5 раза.

¹⁰³ «Новости Монголии», 27.V.1981.

Комитет по делам физкультуры и спорта МНР является членом Международного спортивного союза, различных комитетов, комиссий, организует в стране чемпионаты мира, а также успешно участвует в международных и Олимпийских играх. Спортсмены Монголии завоевали на чемпионатах мира (1971—1980) 13 золотых медалей, 27 серебряных, 16 бронзовых¹⁰⁴.

С 1963 г. монгольские спортсмены участвуют в Олимпийском движении. На прошлых Олимпиадах они завоевали три серебряные медали. На XXII Олимпийских играх, проводившихся в 1980 г. в Москве, спортсмены МНР участвовали в соревнованиях по девяти видам спорта. Призерами Олимпийских игр стали четыре монгольских спортсмена: серебряными — мастер спорта международного класса Д. Даважав (вольная борьба), заслуженный мастер спорта МНР Ц. Дамдин (дзюдо); бронзовыми — мастер спорта международного класса Д. Оюнболд (вольная борьба) и мастер спорта МНР Р. Давадалай (дзюдо). Монгольские спортсмены, достигнув мирового спортивного уровня, обмениваются опытом и повышают спортивное мастерство.

Физкультура и спорт в МНР стали одним из важных социально-культурных факторов, способствующих укреплению здоровья и воспитанию высоких моральных качеств.

¹⁰⁴ БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд, с. 246.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История монгольского народа уходит далеко в глубь веков. В результате исследований последних лет обнаружены следы человека, жившего на территории Монголии свыше 300 тыс. лет назад.

Прошло почти 800 лет с того времени, как сложилась монгольская народность, создавшая в начале XIII в. свое государство. Захватнические войны, которые вели монгольские феодалы в XIII—XIV вв., задержали развитие производительных сил и культуры не только народов завоеванных ими стран, но и самого монгольского народа.

Феодалная Монголия, несмотря на экономическую и политическую раздробленность XV—XVI вв., сохраняла свой суверенитет, территориальную неприкосновенность и государственность.

Маньчжурская агрессия и усиление феодальной междоусобицы привели к утрате государственной независимости Монголии, которая в конце XVII в. подпала под иго маньчжурских завоевателей. Маньчжурское господство, длившееся свыше двух веков, в сильнейшей степени задержало развитие экономики и культуры Монголии.

В конце XIX — начале XX столетия Монголия стала объектом империалистической экспансии и превратилась в колониальный рынок сырья и сбыта товаров. Это еще более усугубило кризис экономики, поставило страну на грань национальной катастрофы.

Но ни усилия внешней и внутренней реакции сохранить колониально-крепостнический режим угнетения, ни реакционное влияние ламаистской церкви не могли уничтожить в монгольском народе стремления к прогрессу, к сохранению своей самобытной культуры. На протяжении всей истории страны монгольские араты вели борьбу с иностранными поработителями и местными эксплуататорами за свободу и независимость своей Родины.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, открывшая новую эру в истории человечества — эпоху перехода

от капитализма к социализму во всемирном масштабе, явилась переломным моментом и в судьбах монгольского народа. Она создала благоприятные внешние условия для торжества антиимпериалистической, антифеодальной, народно-демократической революции 1921 г. в Монголии, подготовленной всем ходом внутреннего развития страны. Вдохновленный великими освободительными идеями Октябрьской революции, монгольский трудовой народ под руководством своей Народно-революционной партии поднялся на борьбу с угнетателями, при международной помощи советского народа одержал победу и впервые в многовековой истории стал хозяином страны.

За годы народной власти монгольский народ под руководством МНРП, при братской всесторонней помощи Советского Союза и других социалистических стран «словно сказочный богатырь перешагнул через века», совершил гигантский скачок от отсталости к прогрессу, из средневековья в XX век.

На общедемократическом этапе революции (1921—1940) был вытеснен из экономики иностранный капитал, ликвидирован класс светских и духовных феодалов, заложен фундамент для современной промышленности, транспорта, связи. Значительно выросло поголовье скота в ведущей отрасли народного хозяйства страны — животноводстве. В боевом содружестве с Советским Союзом МНР отстаивала свой суверенитет и независимость, свои революционные завоевания от неоднократных вооруженных посягательств со стороны китайских милитаристов, гоминьдановской реакции, японских империалистов, а также внутренней контрреволюции.

Решения X съезда МНРП (1940 г.) положили начало новому, социалистическому этапу народной революции (1940—1960).

В годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии МНР оказала героическому советскому народу международную помощь в разгроме злейшего врага всего прогрессивного человечества — германского фашизма — и внесла свой вклад в достижение победы над японским империализмом.

Образование мировой социалистической системы после второй мировой войны создало благоприятные условия для развернутого социалистического строительства в стране. В эти годы заметно ускорились темпы развития производительных сил. Народное хозяйство и культура страны стали развиваться на основе пятилетних планов.

Выполнение исторических задач преобразования индивидуальных аратских хозяйств на социалистических началах привело к созданию крупных сельскохозяйственных объединений, способных широко использовать достижения современной науки и техники. Укрепилась материально-техническая база государственных хозяйств. С завершением процесса кооперирования аратских хозяйств в экономике МНР полностью победили

социалистические производственные отношения, возникла единая социалистическая система хозяйства. Подъем целинных земель сделал земледелие самостоятельной отраслью сельского хозяйства.

В результате быстрого развития промышленности, строительства, транспорта и связи Монголия к 1960 г. превратилась из страны сельскохозяйственной в страну аграрно-индустриальную. В Монголии развернулась подлинная культурная революция, марксистско-ленинская идеология утвердилась во всех сферах духовной жизни, возникло и окрепло морально-политическое единство монгольского народа, была принята новая социалистическая Конституция страны.

С 1960 г. МНР вступила в современный этап своего развития — этап завершения строительства социализма. Исторические решения XV, XVI, XVII и XVIII съездов МНРП, Пленумов ЦК МНРП и сессий Великого Народного Хурала, IV Программа МНРП, принятая на XV съезде партии в 1966 г., определили главные задачи современного этапа и перспективы дальнейшего развития социалистической Монголии. В числе главных задач — завершение строительства материально-технической базы социализма, совершенствование социалистических общественных отношений, коммунистическое воспитание трудящихся.

За последние 20 лет монгольский народ добился крупных успехов в осуществлении этих задач, в претворении в жизнь генеральной линии МНРП на завершение социалистического строительства и подготовку условий для перехода к строительству коммунизма.

Успешно осуществлены задания третьего (1961—1965), четвертого (1966—1970), пятого (1971—1975) и шестого (1976—1980) пятилетних планов развития народного хозяйства и культуры МНР. Ускоренными темпами идут процессы индустриализации страны и интенсификации сельского хозяйства, неуклонно повышается материальный и культурный уровень жизни народа. На подъеме находятся наука, литература, искусство.

По мере дальнейшего развития и структурных сдвигов в промышленности укрепляется и растет количественно и качественно национальный рабочий класс. Союз рабочего класса и кооперированного аратства обеспечивает завершение строительства социализма в стране и утверждение социалистического образа жизни. По мере развития научно-технического прогресса возрастает роль народной интеллигенции.

Ведущей и направляющей силой монгольского общества является Монгольская народно-революционная партия — марксистско-ленинский авангард рабочего класса и всего монгольского народа. Сложность решаемых монгольским народом задач обуславливает возрастание руководящей роли МНРП во всех сферах производственной и общественной жизни. Верность

МНРП марксизму-ленинизму и принципам пролетарского интернационализма, научный подход к руководству обществом и государством, ленинский стиль работы гарантируют преодоление всех объективных трудностей завершающего этапа социалистического строительства в МНР и дальнейшее сплочение трудящихся вокруг партии и правительства.

Важнейшим направлением внешнеполитической деятельности МНРП и монгольского народа было и остается всемерное укрепление и развитие братской дружбы с народами Советского Союза и других стран социалистического содружества, курс на неуклонное расширение и повышение эффективности всестороннего братского сотрудничества.

Вступление МНР в члены Совета Экономической Взаимопомощи и развитие сотрудничества в рамках СЭВ на двусторонней и многосторонней основах способствуют ускорению хода социалистического строительства в МНР, постепенному выравниванию уровня ее развития с другими странами мировой системы социализма.

В этом же направлении действуют Комплексная программа социалистической экономической интеграции и долгосрочные целевые программы сотрудничества, в выполнение которых МНР вносит овой вклад.

Неуклонно повышаются авторитет и престиж МНР на международной арене.

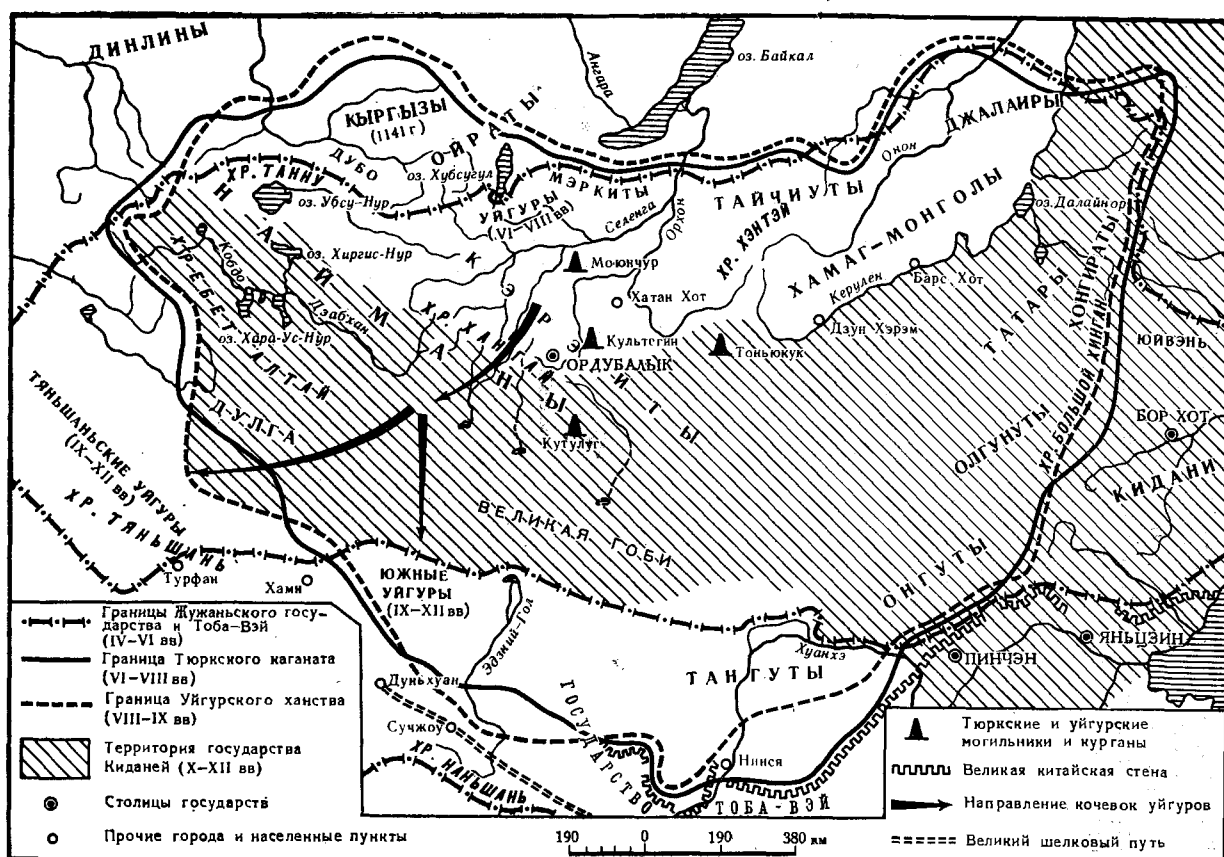
МНР на протяжении 60 лет своего существования была полностью независимым и суверенным государством. Своей конструктивной миролюбивой внешней политикой Монгольская Народная Республика завоевала симпатии всех народов. Ныне она является полноправным и активным членом ООН и других крупных международных организаций, имеет дипломатические отношения с подавляющим большинством стран на всех пяти континентах, развивает торговлю и культурные связи с десятками государств. Плечом к плечу с народами Советского Союза и братских социалистических стран монгольский народ активно борется за разрядку международной напряженности и решение всех спорных вопросов, за мирное сосуществование и развитие делового сотрудничества со всеми странами на равноправной основе, за мир, демократию и социализм.

МНР неизменно поддерживает национально-освободительное движение, решительно выступает против всех форм расизма, неокOLONиализма. Она ведет последовательную, принципиальную борьбу против международной империалистической реакции. Особенно ценный вклад вносит МНР в борьбу за мир и коллективную безопасность на самом обширном континенте — в Азии.

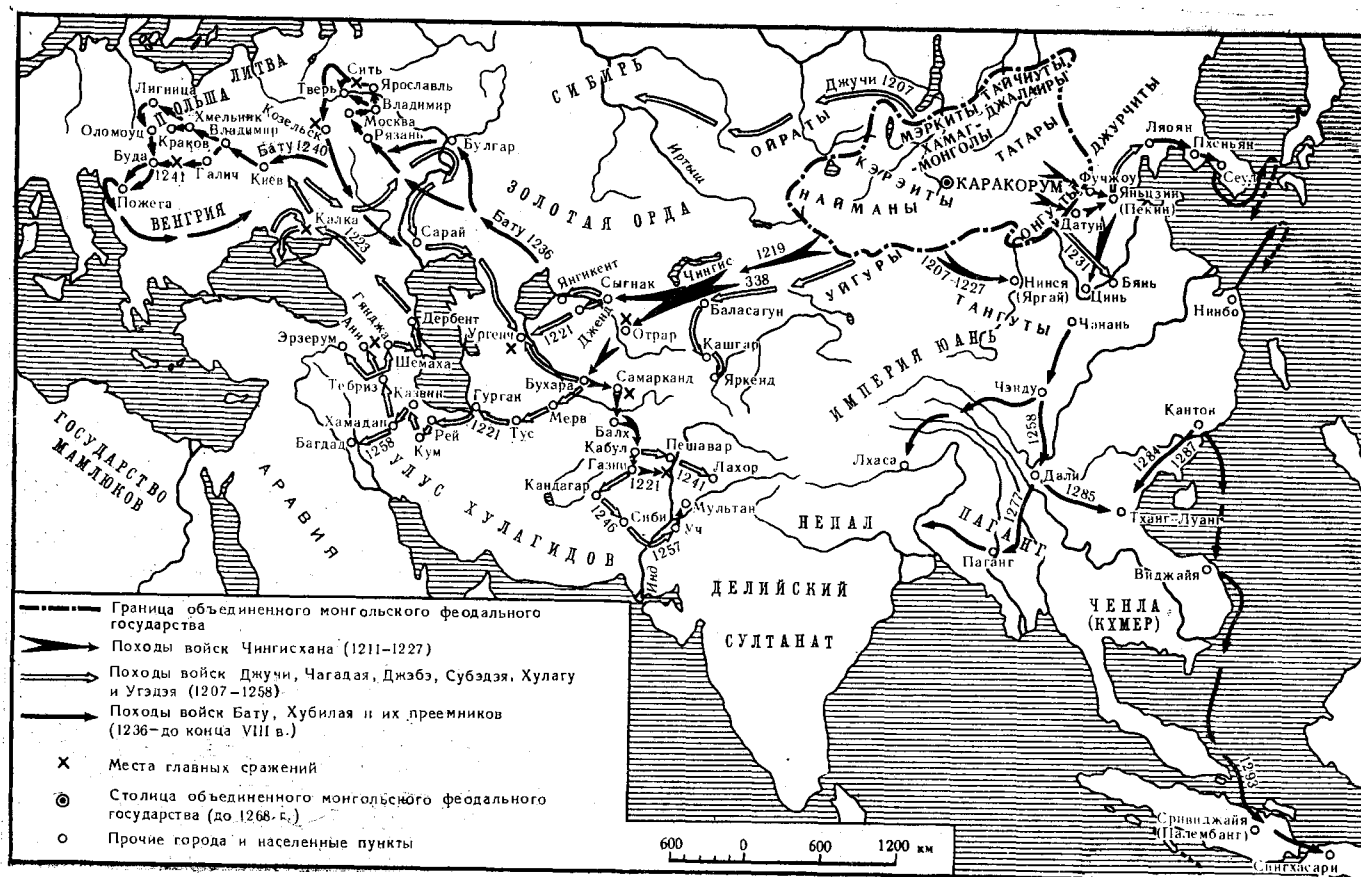
В целом опыт исторического развития МНР, осуществившей на практике гениальное учение марксизма-ленинизма о возможности перехода отсталых стран к социализму, минуя капи-

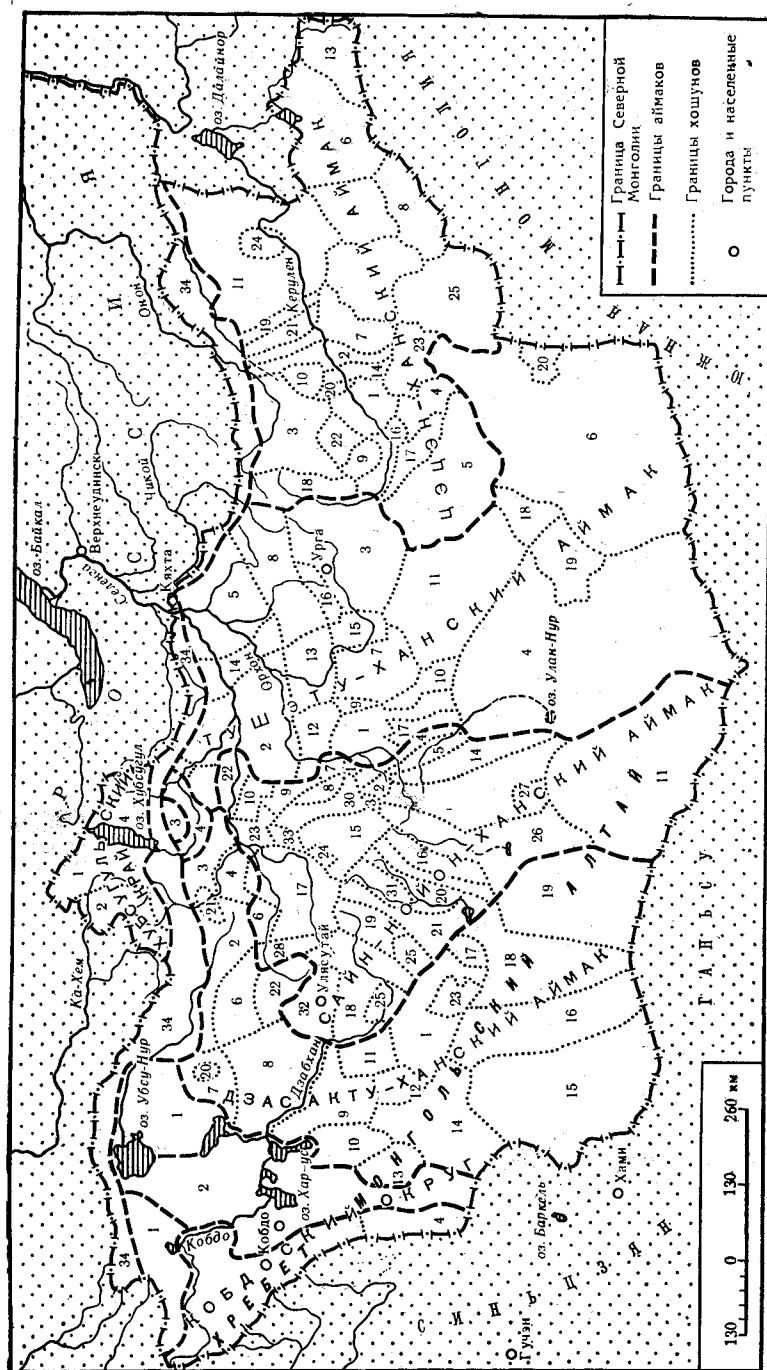
тализм, при помощи стран победившего пролетариата, является верным подтверждением правоты и жизненности этого учения и имеет непреходящее международное значение.

Опыт борьбы монгольского народа за строительство новой жизни является вдохновляющим примером для многих народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, особенно для народов стран социалистической ориентации, в их борьбе за мир, свободу, независимость и социальный прогресс.

Раннефеодальные государства на территории Монголии (IV—XII вв.)

Административное деление Внешней (Северной) Монголии в период маньчжурского господства (см. стр. 589).

Кобдоский округ. 1. Аймак Тугс-хулэг-далай-хана; 2. Аймак Унэн Зоригту-хана; 3. Хошуны алтайских урянхайцев; 4. Хошуны торгутов.

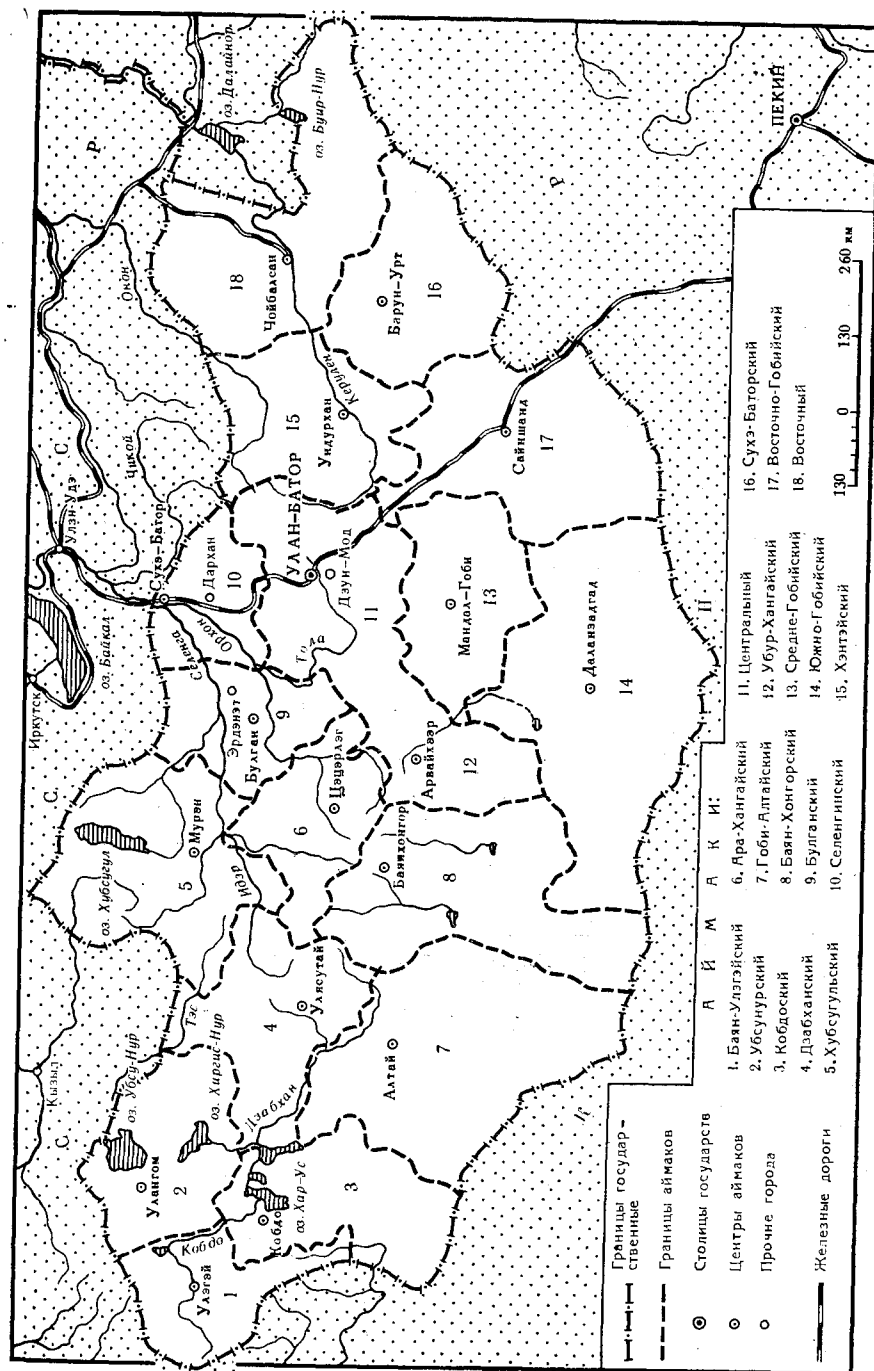
Аймак Дзатакту-хана. 1. Хошун Эрдэнэ-бишрэлт-дзасакту-хана; 2. Хошун Эрдэнэ-дурэгч-вана; 3. Хошун Ахай-бэйсэ; 4. Хошун Далай-гуна; 5. Хошун Мэргэн-гуна; 6. Хошун Цогто-гуна (Хошун Цогто-бэйсэ); 7. Хошун Ачит-вана; 8. Хошун Цэцэн-вана; 9. Хошун Батор-вана; 10. Хошун Эрдэнэ-бэйсэ; 11. Хошун Тушэ-гуна; 12. Хошун хойтов; 13. Хошун Дархан-бэйсэ; 14. Хошун Дайчин-вана; 15. Хошун Бишрэлт-гуна; 16. Хошун Итгэмжит-бэйсэ; 17. Хошун Илдэн-гуна; 18. Хошун Ест-бэйсэ; 19. Хошун Жонон-вана; 20. Хошун Зоригту-вана; 21. Шабинары Жалханз-хутухты; 22. Шабинары Ялгугсан-хутухты; 23. Шабинары Бэгэр-номон-хан-хутухты.

Аймак Сайн-нойон-хана. 1. Хошун южных олётов; 2. Хошун Зоригту-гуна; 3. Хошун Ачит-гуна; 4. Хошун Илдэн-бэйсэ; 5. Хошун Ахай-бэйсэ; 6. Хошун Батор-бэйсэ; 7. Хошун северных олётов; 8. Хошун Тушэ-гуна; 9. Хошун Сарул-гуна; 10. Хошун Эрх-гуна; 11. Хошун Ест-бэйсэ; 12. Хошун Сайн-нойон-хана; 13. Хошун Дайчин-вана; 14. Хошун Уйзэн-вана; 15. Хошун Цэцэн-чин-вана; 16. Хошун Дархан-гуна; 17. Хошун Далай-чойнхор-вана; 18. Хошун Хушуч-бэйсэ; 19. Хошун Жонон-бэйсэ; 20. Хошун Цогто-гуна; 21. Хошун Эрдэнэ-вана; 22. Хошун Итгэмжит-бэйсэ; 23. Хошун Мэргэн-гуна; 24. Шабинары Шива-ширэт-хутухты; 25. Шабинары Наран-хутухты; 26. Шабинары Эрдэнэ-бандид-хутухты; 27. Шабинары Мэргэн-нойон-хутухты; 28. Шабинары Хамба-хутухты; 29. Шабинары Нарванчин-хутухты; 30. Шабинары Зая Бандид-хутухты; 31. Шабинары Чин-сужигтномон-хан-хутухты; 32. Улясутайский округ; 33. Пограничные караулы.

Хубсугульский край. 1. Отоки шабинаров-дархатов Джебзундамба-хутухты; 2. Урянхайцы Ар-Ширхтэн; 3. Урянхайцы Увэр-Ширхтэн; 4. Хубсугульские урянхайцы.

Аймак Тушэту-хана. 1. Хошун Очирбат Тушэту-хана; 2. Хошун Дайчин-вана; 3. Хошун Дархан-чин-вана; 4. Хошун Тушэту-вана; 5. Хошун Эрдэнэ-вана; 6. Хошун Мэргэн-вана; 7. Хошун Зоригту-вана; 8. Хошун Батор-вана; 9. Хошун Уйзэн-гуна; 10. Хошун Цэцэн-гуна; 11. Хошун Дайчин-бэйсэ; 12. Хошун Бишрэлт-гуна; 13. Хошун Жонон-гуна; 14. Хошун Ахай-гуна; 15. Хошун Сужигт-гуна; 16. Хошун Илдэн-гуна; 17. Хошун Далай-гуна; 18. Хошун Ачит-гуна; 19. Хошун Ест-гуна; 20. Хошун Цогто-гуна.

Аймак Цэцэн-хана. 1. Хошун Махасамади-далай-цэцэн-хана; 2. Хошун Дархан-чин-вана; 3. Хошун Жонон-вана; 4. Хошун Бишрэлт-вана; 5. Хошун Цэцэн-вана; 6. Хошун Илдэн-вана; 7. Хошун Далай-вана; 8. Хошун Хурц-вана; 9. Хошун Батор-бэйсэ; 10. Хошун Дайчин-бэйсэ; 11. Хошун Ачит-бэйсэ; 12. Хошун Уйзэн-бэйсэ; 13. Хошун Эрхэмсэг-бэйсэ; 14. Хошун Сужигт-бэйсэ; 15. Хошун Ест-бэйсэ; 16. Хошун Зоригту-бэйсэ; 17. Хошун Ахай-бэйсэ; 18. Хошун Дархан-бэйсэ; 19. Хошун Сарул-гуна; 20. Хошун Сэргэлэн-гуна; 21. Хошун Эрдэнэ-гуна; 22. Хошун Мэргэн-гуна; 23. Хошун Эрх-гуна; 24. Сурэгчины Дариганга.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ МНР

- IV—III вв. до н. э. Образование на территории Монголии племенных союзов.
IV в. до н. э. Постройка Великой китайской стены. Установление границы между Китаем и гуннами.
- III в. до н. э. Государство Хунну.
I в. н. э. Образование государства Сяньби на территории Центральной Азии.
- III в. н. э. Распад государства Сяньби.
IV в. н. э. Усиление могущества племени Тоба в Центральной Азии.
- V в. н. э. Образование государства Жужаней в Центральной Азии.
- VI в. н. э. Усиление племен орхонских тюрок, разгром ими Жужаньского каганата и образование Тюркского каганата.
- 693—716 Правление кагана Мочжо.
745 Разгром Восточнотюркского каганата уйгурами и создание на территории Монголии Уйгурского ханства.
- 840 Разгром Уйгурского ханства енисейскими кыргызами.
X в. Усиление киданей. Захват ими Северного и Северо-Восточного Китая и образование Киданьского государства.
- 1125 Разгром киданьской империи Ляо чжурчжэнями и образование на территории Монголии, Северного и Северо-Восточного Китая чжурчжэньского государства Цзинь.
- 1162 Родился Тэмучин (Чингис-хан) в Дэлюн-Болдоке, в бассейне р. Онона.
- XII в. Усиление борьбы между племенными объединениями монголов.
- 1204—1205 Завершение Тэмучином борьбы с соперничавшими племенными вождями и объединение монгольских племен.
- 1206 Провозглашение Тэмучина Чингис-ханом и образование на территории Монголии феодального государства.
- 1207 Начало завоевательных походов Чингис-хана.
1211 Завоевание монголами Северного Китая.
1218 Захват монголами Восточного Туркестана и Семиречья.
1219—1221 Завоевание монголами Хорезма, вторжение в Азербайджан.
- 1223 Поход монголов на Русь, сражение у р. Калки.
1226 Поход против тангутов.
1227 Кончина Чингис-хана.
1228 Провозглашение ханом Монголии Угэдэя.
1235 Завершение строительства г. Каракорума и перенесение в него столицы Монгольской империи. Прибытие в Каракорум Марко Поло.
- 1236—1240 Походы Бату на Русь.

1240	Создание «Сокровенного сказания» — эпической истории монголов.
1241	Кончина Угэдэй-хана.
1241—1242	Вторжение монголов в Польшу, Венгрию и Моравию.
1246	Провозглашение Гуюка ханом Монголии. Прибытие в Монголию Платона Карпини.
1248	Смерть Гуюк-хана.
1251	Вступление Мункэ на ханский престол.
1252	Завоевание Ирана монголами.
1254	Прибытие в Монголию В. Рубрика.
1258	Захват Багдада монголами.
1259	Кончина Мункэ-хана.
1260	Провозглашение ханом Монголии Хубилая.
1271	Установление Хубилай-ханом для монгольской династии наименования «Юань».
1274	Первый поход войск Хубилай-хана против Японии.
1279	Завершение завоевания монгольскими войсками всей территории Китая.
1281	Второй поход войск Хубилай-хана против Японии.
1289	Восстание монгольских князей против Хубилай-хана. Перенесение столицы Монгольской империи в г. Пекин (Дайду).
1294	Кончина Хубилай-хана.
1368	Восстание китайского народа против ига монгольских завоевателей и падение Юаньской династии.
1380	Поход китайских войск в Монголию, разрушение г. Каракорума. Восстание русского народа против монголо-татарского ига. Куликовская битва.
1409	Поход ойратских князей на Китай.
1414	Разгром ойратских войск китайскими войсками.
1434	Подчинение власти ойратского князя Тогона всей Монголии.
1466	Возведение на ханский престол в Монголии Даян-хана.
1551	Заключение мира между Алтан-ханом и Китаем.
1574	Открытие китайским правительством рынка в Ганьсу для меновой торговли с монголами.
1577	Принятие Алтан-ханом и халхаским Абатай-ханом буддизма-ламаизма.
1584	Постройка первого буддийского монастыря — Эрденэ-дзу.
1616	Первое русское посольство в Монголии.
1618	Прибытие в Россию первого посольства из Монголии.
1635	Образование Джунгарского ханства (1635—1758).
1640	Провозглашение Батор-хунтайджи всеойратским ханом.
1640	Съезд монгольских князей в Джунгарии и принятие этим съездом монголо-ойратского уложения «Их цааз».
1671	Провозглашение сына Тушэту-хана (Ундур-гэгэна) главой ламаистской церкви Монголии.
1688—1697	Вступление на ойратский престол Галдан-Бошокту.
1691	Война ойратских князей с халхаскими князьями.
1691	Долоннорский съезд и включение Халхи в состав Цинской империи.
1754—1758	Антиманьчжурское народное восстание монголов под руководством Амурсаны. Восстание в Халхе против цинских войск под руководством Чингунжава Хотогойтского.
1878	Отмена цинским правительством ограничений в отношении деятельности китайских торговых фирм в Монголии.

1893, 2 февраля	Родился Д. Сухэ-Батор — основатель МНРП и монгольского народного государства.
1895, 8 февраля	Родился Х. Чойбалсан.
1900	Антиманьчжурское восстание монгольских цириков в Улясуатае.
1903—1911	Освободительное движение аратов во главе с Аюши.
1906, ноябрь	Родился Д. Нацагдорж — один из основателей новой монгольской литературы.
1910	Вооруженное столкновение аратов с маньчжурско-китайским гарнизоном и китайским чиновничеством в Урге.
1911, декабрь	Начало национально-освободительного движения в Монголии. Свержение маньчжурского владычества в Монголии и объявление независимого монгольского феодально-теократического государства. Провозглашение богдо-гэгэна всемонгольским ханом.
1912, август	Изгнание из Улясуата маньчжурского цзянцзюня.
ноябрь	Освобождение восставшими аратами г. Кобдо и изгнание маньчжурского амбана.
март	Подписание в Урге русско-монгольского договора, по которому царская Россия фактически признала монгольское феодально-теократическое государство.
1913, ноябрь	Открытие в Урге первой светской школы.
1915, май	Подписание в Пекине русско-китайской декларации об автономии Внешней Монголии.
1916, 17 сентября	Подписание в Кяхте тройственного русско-китайско-монгольского соглашения.
1917, 7 ноября	Родился Юмжагийн Цеденбал.
1918, сентябрь	Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России.
1919, май	Начало оккупации Монголии войсками китайских милитаристов.
август	Образование в Даурии прояпонского марионеточного правительства так называемой Великой Монголии.
август — декабрь	Обращение правительства РСФСР к монгольскому народу и правительству автономной Монголии.
ноябрь	Освобождение Сибири Красной Армией, начало освобождения Дальнего Востока, разгром Колчака.
ноябрь — декабрь	Прибытие в Ургу аньфуистского генерала Сюй Шучжэна и оккупация города войсками Монголии.
1920, июнь	Организация первых революционных кружков в Урге.
июнь — июль	Объединение двух революционных кружков в организацию «Народная партия» и принятие «Присяги партийцев».
октябрь	Поездка Сухэ-Батора и Чойбалсана в Советскую Россию.
1921, март	Вторжение белогвардейских банд Унгерна в Монголию.
апрель	I съезд Монгольской народной партии. Образование Временного народного правительства. Создание штаба Монгольской народной армии. Освобождение Маймачена (Алтан-Булак) революционными монгольскими войсками.
июнь	Обращение Временного народного правительства к правительству РСФСР с просьбой о помощи для совместной борьбы против белогвардейских банд, оккупировавших Монголию.
6 июля	Разгром в районе Троицкосавска — Кяхты монгольскими и советскими войсками унгерновских банд.
	Освобождение Урги монгольскими революционными войсками и частями Красной Армии.

11 июля Провозглашение народной власти.
 25 июля Образование постоянного Народного правительства Монголии.
 25 августа Создание Революционного союза молодежи Монголии.
 октябрь Открытие Временного Государственного Хурала. Прибытие в Москву монгольской правительственной делегации, в состав которой входил Д. Сухэ-Батор.
 ноябрь Подписание в Москве советско-монгольского соглашения об установлении дружественных отношений.
 декабрь Беседа В. И. Ленина с монгольской делегацией. Организация Ученого комитета и Отдела просвещения при правительстве.
 Издание Народным правительством законов: об отмене крепостного права, о ликвидации феодальных повинностей.
 Создание Центрального народного кооператива (Монценкооп).
 1922, июль I съезд Революционного союза молодежи Монголии.
 Образование Государственной внутренней охраны (ГВО).
 декабрь Ликвидация института наследственных феодальных правителей.
 1923, 22 февраля Кончина вождя монгольской революции Д. Сухэ-Батора.
 июль — август II съезд Монгольской народной партии.
 1924, февраль Создание министерства народного просвещения.
 Открытие краеведческого музея.
 март Организация министерства народного хозяйства.
 май Смерть богдо-гэгэна — последнего хана Монголии.
 июнь Постановление ЦК Народной партии и Народного правительства о ликвидации монархии и о введении в стране республиканского строя.
 Образование Государственного банка.
 август III съезд Монгольской народной партии.
 Разоблачение и ликвидация контрреволюционного заговора Данзана.
 26 ноября I Великий Народный Хурал. Провозглашение Монгольской Народной Республики и утверждение Конституции МНР.
 1925, март Переименование столицы МНР г. Урги в Улан-Батор.
 Переименование Монгольской народной партии в Монгольскую народно-революционную партию (МНРП).
 сентябрь IV съезд МНРП. Утверждение временной программы партии.
 1925, октябрь Открытие в Улан-Баторе первой больницы.
 ноябрь II Великий Народный Хурал.
 декабрь Ликвидация Шабинского ведомства.
 Начало денежной реформы, выпуск национальной валюты — тугрика.
 1926, сентябрь V съезд МНРП.
 Издание закона об отделении церкви от государства.
 октябрь III Великий Народный Хурал.
 1927, январь Выборы хошуновых и аймачных судов.
 август I съезд профсоюзов.
 сентябрь VI съезд МНРП.
 октябрь — ноябрь IV Великий Народный Хурал.
 1928, октябрь VII съезд МНРП. Разгром правого уклона.
 ноябрь Постановление о конфискации собственности крупных феодалов.
 декабрь V Великий Народный Хурал.
 1929, январь Образование писательской организации МНР.

ноябрь Образование смешанного советско-монгольского дорожно-транспортного общества «Монголтранс».
 1930, февраль VIII съезд МНРП.
 август VI Великий Народный Хурал.
 декабрь Принятие Закона о государственной монополии внешней торговли.
 1931, февраль Принятие Закона об экономическом районировании (ликвидация хошунов, разукрупнение аймаков).
 август Открытие в Улан-Баторе Государственного театра.
 1932, июнь 3-й Чрезвычайный пленум ЦК МНРП. Разгром «левого» уклона в партии.
 июль 17-я Чрезвычайная сессия Малого Народного Хурала.
 1933, февраль Начало радиофикации страны.
 декабрь Пуск в эксплуатацию шерстомойки в Хатхыле.
 1934, январь—апрель Пуск в эксплуатацию промышленного комбината в Улан-Баторе.
 сентябрь—октябрь IX съезд МНРП.
 октябрь Организация Управления по делам искусства при правительстве МНР.
 ноябрь Джентльменское соглашение между правительствами СССР и МНР о взаимной помощи.
 декабрь VII Великий Народный Хурал.
 1935, январь, декабрь Принятие новых законов об аратском налоге, о военном налоге, о вовлечении лам в общественный труд, о торговле.
 1936, март Заявление Советского правительства о позиции СССР в случае нападения Японии на МНР.
 август Подписание Протокола о взаимопомощи между правительствами МНР и СССР.
 Открытие сельскохозяйственного и медицинского училищ и техникума связи.
 1937, сентябрь Прибытие в МНР оборудования для 10 тракторных машинно-сенокосных станций, преподнесенного Правительством СССР в дар Монголии.
 1938 Образование министерства промышленности и строительства МНР.
 1939, май — август Вторжение войск японских агрессоров в МНР. Бои в районе Халхин-гола. Разгром японских агрессоров советско-монгольскими войсками.
 1940, март X съезд МНРП. Утверждение Программы и Устава партии.
 апрель Избрание Ю. Цеденбала Генеральным секретарем ЦК МНРП.
 июнь VIII Великий Народный Хурал. Утверждение новой Конституции МНР.
 октябрь Образование министерства транспорта.
 1941, февраль Принятие новых законов о труде, едином налоге с животноводческих хозяйств, о машинопрокатных пунктах.
 март Постановление ЦК МНРП и Совета Министров МНР о введении нового монгольского алфавита.
 22 июня Постановление ЦК МНРП, Президиума Малого Хурала и Совета Министров в связи с разбойничьим, вероломным нападением Германии на СССР.
 сентябрь Организация Высшей партийной школы при ЦК МНРП.
 ноябрь Пленум ЦК МНРП. Постановление об использовании местных ресурсов и развитии производства предметов широкого потребления.
 ноябрь — декабрь I-е республиканское совещание передовиков животноводства.
 1942, октябрь Открытие Монгольского государственного университета.

ноябрь 1943, январь
апрель
май
22 июля
28 сентября
ноябрь
1944, май.
ноябрь
1945, 10 августа
сентябрь
1945, октябрь
1946, январь
февраль
1947, сентябрь
декабрь
1948, октябрь
декабрь
1949, февраль
май
октябрь
ноябрь
1950, апрель
1951, февраль
июль
1952, 26 января
май
сентябрь
1954, 19—24 ноября

Образование министерства пищевой промышленности.
Передача Красной Армии танковой колонны «Революционная Монголия».
Организация треста государственных хозяйств.
1-е республиканское совещание ударников промышленности и транспорта.
Телеграмма премьер-министра МНР Х. Чойбалсана Председателю Совнаркома СССР И. В. Сталину о передаче средств на постройку эскадрильи «Монгольский арат».
Постановление Совета Министров МНР и ЦК МНРП «Об оказании помощи населению районов Советского Союза, пострадавшим от немецко-фашистских оккупантов».
2-е республиканское совещание передовиков животноводства.
Образование министерства связи.
Принятие нового избирательного закона.
Малый Хурал и правительство МНР приняли декларацию об объявлении войны Японии.
Подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии.
Плебисцит по вопросу о государственной независимости МНР.
Признание независимости МНР гоминьдановским Китаем.
Договор о дружбе и взаимопомощи между правительствами СССР и МНР.
Пуск в эксплуатацию мясокомбината в Улан-Баторе.
Обращение правительства МНР с просьбой о принятии МНР в ООН.
Создание Общества монголо-советской дружбы.
XI съезд МНРП. Утверждение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР.
Установление дипломатических отношений с КНДР.
3-е республиканское совещание передовиков животноводства и земледелия.
IX Великий Народный Хурал.
Установление дипломатических отношений МНР с Народной Республикой Албанией.
Установление дипломатических отношений МНР с КНР.
Национальная конференция сторонников мира МНР.
Создание Постоянного комитета сторонников мира МНР.
Пуск в эксплуатацию железной дороги Наушки — Улан-Батор.
Установление дипломатических отношений МНР с ГДР.
ПНР, НРБ, ЧССР, ВНР, СРР.
Принятие закона о защите мира, против пропаганды войны.
Открытие в Улан-Баторе Педагогического института.
Кончина премьер-министра МНР маршала Х. Чойбалсана.
Назначение Ю. Цедибала премьер-министром МНР.
Соглашение об организации прямого железнодорожного сообщения между СССР, МНР и КНР.
XII съезд МНРП. Утверждение второго пятилетнего плана МНР на 1953—1957 гг.

1955, 11—16 марта
31 декабря
1956, 7 августа
1958, 15 января
17—22 марта
1959, 10 февраля
март
сентябрь
декабрь
1960, апрель
6 июля
1961, май
3—6 июля
27 октября
1962, май
июнь
1963, 8—10 января
1964, 24—27 июня
ноябрь
1966, январь
1966, 15 января
7—11 июня
11—13 октября
18—22 октября
22 ноября
24 декабря
1967, май
июнь
июнь
июнь
27 сентября

1-й съезд передовиков аратских производственных объединений. Переименование АПО в сельскохозяйственное объединение (СХО). Принятие Примерного устава СХО.
Пуск в эксплуатацию железной дороги Улан-Батор — Дзамын-Удэ.
Постановление Политбюро ЦК МНРП в связи с Обращением Верховного Совета СССР к парламентам всех стран мира по вопросу о разоружении.
Пуск в эксплуатацию угольной шахты «Налайха Капитальная», построенной при помощи Советского Союза.
XIII съезд МНРП. Утверждение директив по трехлетнему плану развития народного хозяйства и культуры МНР на 1958—1960 гг.
Соглашение об оказании СССР помощи МНР в освоении целинных земель и проведении геологопоисковых работ.
2-е республиканское совещание передовиков промышленности, транспорта и связи.
I Международный конгресс монголоведов-филологов.
II съезд СХО и принятие им Примерного устава СХО.
Открытие центральной радиостанции им. В. И. Ленина в Улан-Баторе.
Принятие новой Конституции.
Создание Академии наук МНР.
XIV съезд МНРП.
Прием МНР в члены Организации Объединенных Наций (ООН).
Третий съезд монгольских писателей.
Вступление МНР в Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).
Совещание идеологических работников МНР в Улан-Баторе.
I съезд монгольских женщин в Улан-Баторе.
Съезд монгольских композиторов.
Дружественный визит партийно-правительственной делегации СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в МНР.
Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР.
XV съезд МНРП. Принятие новой Программы МНРП и Директив по развитию народного хозяйства и культуры МНР на 1966—1970 гг.
1-е республиканское совещание передовых работников культуры.
IX съезд профсоюзов МНР.
Открытие XV съезда Монгольского революционного союза молодежи.
Пуск в эксплуатацию авторемонтного завода в Улан-Баторе.
IV съезд Общества монголо-советской дружбы.
IV съезд монгольских писателей.
III съезд сельскохозяйственных объединений Монголии.
В Улан-Баторе подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Монгольской Народной Республикой и Народной Республикой Болгарией.
В Улан-Баторе состоялись торжества по случаю открытия телецентра, построенного с помощью Советского Союза.

октябрь
 1968, сентябрь VII съезд промысловой кооперации МНР.
 Подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между МНР и ГДР.
 декабрь III съезд монгольских художников.
 1969, апрель VIII конференция монгольских сторонников мира.
 1970, ноябрь II съезд журналистов МНР.
 сентябрь II Международный конгресс монголоведов в Улан-Баторе.
 1971, 31 января Ввод в строй станции «Орбита», построенной силами и средствами Советского Союза.
 5 февраля Сдача в эксплуатацию комплекса промышленных предприятий в г. Чойбалсане, построенных с помощью Советского Союза.
 7—11 июня XVI съезд МНРП.
 1972, 21 мая Кончина члена Политбюро ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР Ж. Самбу.
 май V съезд Общества монголо-советской дружбы.
 7—9 июня XVI съезд МРСМ.
 1973, 20 февраля Подписание Соглашения между правительствами МНР и СССР об экономическом и техническом сотрудничестве в освоении медно-молибденового месторождения Эрдэнэтийн-обо в МНР.
 11—13 июня IV съезд сельскохозяйственных объединений Монголии.
 18 июня Подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между МНР и ЧССР.
 26—28 июня V съезд монгольских писателей.
 9 июля Сдача в эксплуатацию биокombината в Сонгино, близ Улан-Батора, построенного при технико-экономической помощи ВНР.
 22 ноября Подписание Соглашения между правительствами МНР и СССР об учреждении монголо-советского медно-молибденового горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт».
 1974, ноябрь 50-летие III съезда МНРП и провозглашения МНР. Визит в МНР советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.
 1975, март IV съезд монгольских художников.
 июнь В Улан-Баторе открылся Дворец юных техников, построенный при помощи Советского Союза.
 июль Подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между МНР и ПНР.
 август IV съезд монгольских учителей.
 1976, 14 января Торжественное открытие Дома советской науки и культуры в Улан-Баторе.
 14—18 июня XVII съезд МНРП.
 август — сентябрь III Международный конгресс монголоведов в Улан-Баторе.
 октябрь В Москве подписаны документы по вопросам дальнейшего расширения и углубления всестороннего советско-монгольского сотрудничества.
 1977, 6 мая Подписание нового Договора о дружбе и сотрудничестве между МНР и ГДР.
 12—14 мая XI съезд монгольских профсоюзов.
 июнь VI съезд Общества монголо-советской дружбы.
 декабрь III съезд монгольских композиторов.
 1978, апрель Постановление ЦК МНРП «О мерах по дальнейшему укреплению общественного хозяйства сельскохозяйственных объединений».

24—26 мая XVII съезд МРСМ.
 декабрь Пуск в эксплуатацию первой очереди медно-молибденового горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт».
 1979, январь VI съезд монгольских писателей.
 октябрь Сдан в строй Центр научно-технической информации в Улан-Баторе.
 декабрь Подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между МНР и СРВ и Договора о дружбе и сотрудничестве между МНР и ЛНДР.
 декабрь Пуск в эксплуатацию телевизионной станции в г. Цэцэрлэге.
 декабрь V съезд СХО.
 1980, март Постановление ЦК МНРП о 60-й годовщине Монгольской народной революции.
 июнь Сдача в эксплуатацию второй очереди горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт».
 июль Открытие нового музея В. И. Ленина в Улан-Баторе.
 1981, март Совместный космический полет советских космонавтов В. Коваленка, В. Савиных, В. Джанибекова и первого монгольского космонавта Ж. Гуррагчи.
 26—30 мая XVIII съезд МНРП.
 июнь Завершение строительства горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт».

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ МНР

Основоположники марксизма-ленинизма *

- Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов).— Т. 12.
 Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 13.
 Маркс К. Капитал.— Т. 23—25.
 Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
 Маркс К. Монголы в конце XIV века.— Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 6. М., 1939.
 Маркс К. Предисловие к «Критике политической экономии».— Т. 13.
 Маркс К. Революция в Китае и в Европе.— Т. 9.
 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому способу производства.— Т. 46, ч. 1.
 Маркс К. Хронологические выписки.— Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 5. М., 1938.
 Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947.
 Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Т. 7.
 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
 Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.— Т. 20.
 Ленин В. И. Воззвание о войне.— Т. 27.
 Ленин В. И. Государство и революция.— Т. 33.
 Ленин В. И. Есть ли путь к справедливому миру? — Т. 32.
 Ленин В. И. К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов.— Т. 22.
 Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения.— Т. 23.
 Ленин В. И. К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации.— Т. 22.
 Ленин В. И. К деревенской бедноте.— Т. 7.
 Ленин В. И. Конференция заграничных секций РСДРП. Резолюция конференции. О лозунге «Защиты отечества». — Т. 26.
 Ленин В. И. Марксизм о государстве.— Т. 33.
 Ленин В. И. Обновленный Китай.— Т. 22.
 Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Т. 30.
 Ленин В. И. О нашей революции.— Т. 45.
 Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Т. 25.
 Ленин В. И. О сепаратном мире.— Т. 30.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса цитируются по 2-му изд. Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- Ленин В. И. Пробуждение Азии.— Т. 23.
 Ленин В. И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне).— Т. 26.
 Ленин В. И. Статистика и социология.— Т. 30.
 Ленин В. И. Тетради по империализму.— Т. 28.
 Ленин В. И. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП 5—17 (18—30) января 1912 г. Проект резолюции о современном моменте и задачах партии.— Т. 21.
 Ленин В. И. Монголы тухай. У. Б., 1961.

Руководящие деятели СССР и КПСС, международного коммунистического и рабочего движения

- Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г., М., 1976.
 Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза 30 марта 1971 г.— Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1. М., 1970.
 Брежнев Л. И. Речь на митинге советско-монгольской дружбы в Улан-Баторе 15 января 1966 г.— Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1. М., 1970.
 Брежнев Л. И. Речь на совместном торжественном заседании Центрального Комитета МНРП и Великого Народного Хурала МНР, посвященном 50-летию III съезда МНРП и провозглашения Монгольской Народной Республики в г. Улан-Баторе.— Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5. М., 1976.
 Брежнев Л. И. Речь на обеде в Кремле в честь партийно-правительственной делегации МНР 18 октября 1978 г.— Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., 1978.
 Косыгин А. Н. Речь на торжественном заседании, посвященном 50-летию Монгольской народной революции в г. Улан-Баторе 10 июля 1974 г.— Избранные речи и статьи. М., 1974.
 Сулов М. Н. Речь главы делегации Коммунистической партии Советского Союза на XIV съезде МНРП.— XIV съезд Монгольской народно-революционной партии (Улан-Батор, 3—7 июля 1961 г.). М., 1962.
 Димитров Г. Наступление фашизма и задачи борьбы Коммунистического Интернационала за единый рабочий фронт против фашизма.— Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.
 Коларов В. Приветственная речь уполномоченного Коминтерна на IX съезде МНРП.— Девятый съезд Монгольской народно-революционной партии. У. Б., 1934.
 Шмераль Б. Речь представителя Коминтерна на XI съезде МНРП.— IX съезд МНРП. М., 1935.

Руководящие деятели МНР и МНРП

- Сүхбаатар Д. Захидал бичгүүд. У. Б., 1952.
 Сүхбаатар Д. Түүхийн баримтуудын цоморлиг. У. Б., 1954.
 Чойбалсан Х., Дэмид Г., Лосол Д. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсч байгуулагдсан товч түүх. Тэргүүн, дэд дэвтэр. У. Б., 1934.
 Чойбалсан Х. Монгол ардын үндэсний хувьсгалт цэргийн агуу хөгжлийн товч зам. У. Б., 1935.
 Чойбалсан Х. Ардын хатан баатар Магсаржавын хураангуй түүх. У. Б., 1942.
 Чойбалсан Х. Улс орныг батлан хамгаалах талаар хэлсэн зүйлийн түүвэрлэсэн эмхэтгэл. У. Б., 1945.

- Чойбалсан Х. Залуучуудын зорилтын тухай. У. Б., 1948.
 Чойбалсан Х. Илтгэл ба үгүүлэлүүд. 1—4 боть (1921—1951). У. Б., 1951, 1953.
 Чойбалсан Х. Монголын ард түмний их баяр. У. Б., 1951.
 Чойбалсан Х. Монголын ард түмэн социализмын замд. У. Б., 1953.
 Чойбалсан Х. Монголын хувьсгалын түүх. У. Б., 1950.
 Чойбалсан Х. Очерк истории Монгольской народной революции, М., 1952.
 Чойбалсан Х. Сүхбаатар бол МАХН-ын жолоодогч бөгөөд түүний зохион байгуулагч мөн. У. Б., 1955.
 Чойбалсан Х. Избранные статьи и речи. М., 1961.
 Цэдэнбал Ю. Нөхөр Чойбалсангийн амьдрал, үйл явдлын тухай. У. Б., 1945.
 Цэдэнбал Ю. БНМАУ-ыг Нэгдсэн үндэстний байгууллагын гишүүнд авагуйн шалтгаан. У. Б., 1946.
 Цэдэнбал Ю. МАХН-ын 30 жилийн ойд зориулан 1951 оны III-р сарын 1-нд хийсэн баярын хуралд тавьсан илтгэл. У. Б., 1951.
 Цэдэнбал Ю. О жизни и деятельности маршала Чойбалсана. Пер. с монг. М., 1952.
 Цэдэнбал Ю. БНМАУ-ын хөдөө аж ахуйн нэгдлийн тэргүүний сайчуудын анх дугаар их хурал дээр хэлсэн үг. У. Б., 1955.
 Цэдэнбал Ю. Залуу үеийг эрдэм мэдлэгтэй ажилч хичээнгүй хүмүүс болгон хүмүүжүүлэе. У. Б., 1960.
 Цеденбал Ю. Социалистические преобразования в МНР. М., 1960.
 Цеденбал Ю. От феодализма к социализму. М., 1962.
 Цеденбал Ю. Избранные статьи и речи. Т. 1—3. М., 1962, 1974.
 Цэдэнбал Ю. Хувьсгалт нам ба нийгмийг өөрчлөн байгуулалт. — «Намын амьдрал». 1966, № 3.
 Цэдэнбал Ю. Илтгэл, үгүүлэл, хэлсэн үг. (1944—1976). 1—5 боть. У. Б., 1966—1976.
 Цеденбал Ю. Избранные статьи и речи. 1962—1973 гг. М., 1974.
 Цэдэнбал Ю. Социалист монголын хөгжил дэвшлийн түүхэн замнал. У. Б., 1976.
 Цеденбал Ю. Исторический путь развития социалистической Монголии. У. Б., 1976.
 Цэдэнбал Ю. Эх орноо батлан хамгаалахын төлөө. У. Б., 1978.
 Самбу Ж. Мал аж ахуй дээр яаж ажиллах тухай ардад өгөх сануулга сургаал. У. Б., 1945.
 Самбу Ж. Шашин ба лам нарын асуудалд. У. Б., 1961.
 Самбу Ж. Амьдралын замналаас (дурдатгал). 1, 2 дэвтэр. У. Б., 1965, 1970.

Источники на монгольском языке

Источники дореволюционного периода

- Алтан эрх хэмээх шастир. 1 дэвтэр. Рук., Библиотека монастыря Гандан-тэгчинлин.
 Алтан хааны төрөл үеийг ухуулагч Эрдэнэ тунамал шастир, Рук., фонд Института истории АН МНР.
 Ардын заргын бичиг (XVIII—XX зууны эх). Сост. Ш. Нацагдорж, Ц. Насанбалжир. У. Б., 1966.
 Богд Чингис-хааны их өчиг. — Монгол уран зохиолын дээж зуун билэг оршив. У. Б., 1959, 73—87-р тал; см. также: Богд нарын уг эхийн товч. 1 дэвтэр. Рук., ГБ МНР.
 Галдан. Эрдэнийн эрх. Изд. Ц. Насанбалжир. У. Б., 1960.
 Гунчигжав. Сувд эрхи, Бичмэл хоёр хувилбар. Рук., ГБ МНР.
 Далай манзушир нэйж тойны намтар оршивай. Ксил., ГБ МНР.

- Дөрвөн ойрадын намтар түүх; Увш хун тайжийн тууж. — ТВОРАО. 1858, т. 6; см. также: Монгол уран зохиолын дээж зуун билэг оршив. У. Б., 1959, 184—188-р тал.
 Дөрвөн төрийн арван буянт номын цагаан түүх. Рук., ГБ МНР.
 Дөрвөн аймгийн алба «тэгшитгэсэн данс». Изд. Ц. Насанбалжир. У. Б., 1961.
 Дээд шашин эрдэнэ — бээр Монгол орныг түгээгүүлсэн угийг үзүүлсэн яруу хэлний хүрхрэл нэрт оршив. Рук. и ксил., ГБ МНР.
 Есөн зүйл бүлэгт алтан урагтны тод түүх, Алтан ястаны сэтгэлийн цэнгэл буюу Алтан хүрдэн мянган хэгээст хэмээх бичиг. Рукопись хранится в ЛО ИВ АН СССР.
 Жамба. Асрагч нэртний түүх. Нийтлүүлсэн Х. Пэрлээ. У. Б., 1960.
 Жамбалдорж. Болор толь, 12 дэвтэр. Рук., ГБ МНР.
 Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг, 58 дэвтэр, ГБ МНР.
 Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын шастир, 11 дэвтэр. Рук., ГБ МНР.
 Их шар тууж. Залуусын хурим. Рук. ГБ МНР.
 Ишбаадан-бандида. Эрдэнийн эрх. Рук., ГБ МНР.
 Котвичийн хувийн архиваас олдсон монголын түүхэнд холбогдох зарим бичиг. У. Б., 1972.
 Лувсан-Данзан. Монгол хаадын төр ёсны үндэслэсэн, Алтан тобчи хэмээх судар. У. Б., 1957, боть 1—2.
 Манжийн түрэмгийлэгчдийн үе дэх Монголын эмэгтэйчүүдийн дарлагдал (1764—1883). Изд. О. Чимид. У. Б., 1958.
 1755—1758 оны үеийн Монголын тусгаар тогтнолын төлөө тэмцлийн түүхийн үндсэн материал. Сост. О. Чимид. У. Б., 1956.
 Монгол нь Манж, Автономитын үед (Архивын баримт бичгийн эмхтгэл). Эмхэтгэсэн Ш. Нацагдорж, Н. Петухов. У. Б., 1936.
 Монголын нууц товчоон. Пер. Ц. Дамдинсүрэн. У. Б., 1947.
 Монголын эртний цагийн цааз хуулийн түүхэнд холбогдох хэрэглэгдэхүүн 1 тетрадь. Рук., ГБ МНР.
 Мэргэн — гэгэн, Алтан товч. Калган, 1941.
 Өөлдийн ноёдын уг эх түүх. Рук., ГБ МНР.
 Намжав. Монгол улсын автономи гэдэг өөртөө зэрхэн захирах эрхт засгийн үеийн үнэнхүү явдал, чухам байдал, чухал учрыг тэмдэглэсэн товч өгүүлэл гэдэг түүх бичиг. Изд. Ш. Нацагдорж. У. Б., 1960.
 Раднабадра. Рабжамба Зая бандидын тууж сарны гэрэл хэмээгдэхүй. Рук. ГБ МНР. Изд. Б. Ринчен. У. Б., 1959.
 Рашипунцаг. Дай Юан улсын болор эрх, 13 тетрадь. Рук., ГБ МНР.
 Саган Сэцэн. Эрдэнийн товч. Изд. Ц. Насанбалжир. У. Б., 1961; Түүхийн товч. Ксил., ГБ МНР.
 Улаан хацарт. Изд. Ш. Нацагдорж. У. Б., 1960.
 Унэн сүсэгт хуучин торгууд ба бас чин сэтгэлт шинэ торгууд аймгийн хаад ноёдын уг үндсэн илтгэл түүхийн бичиг. Рук., ГБ МНР.
 Феодал-лугаа тэмцэж явсан ард Аюушийн түүх. Рук., ГБ МНР.
 Халх журам. Рук., ГБ МНР. Изд. Ц. Насанбалжир. У. Б., 1961.
 Халхын шинэ олдсон цааз-эрхэмжийн дурсгалт бичиг. — Монгол ба Төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд хобогдох хоёр ховор сурвалж бичиг. Предисл., исслед. и коммент. Х. Пэрлээ. У. Б., 1974.
 Харьат хошууны дотор тогтоон тушаасан ухуулах бичгийн эх. Введ. и коммент. Ш. Нацагдорж. У. Б., 1960.
 Хорчин хошууны үүсгэлийн товчоо. Цахар ба хорчин, түмэд салалцсаны учир. Рук., ГБ МНР.
 Хувьсгалын өмнөх Монгол дахь газрын харилцаа (Архивын материалын эмхэтгэл). Эмхэтгэсэн Ц. Шархүү. У. Б., 1975.
 Хугархай нүүрт хэмээх хуучин журамлах данс. Рук., ГБ МНР.
 Хутагтай сэцэн хун тайжийн нэмж засварласан эх. Рук., ГБ МНР.
 Чингисийн цагид. Пекин, 1927.
 Чингис эзний алтан ургийн түүх — Гангын урсгал нэрт бичиг оршибай. Рук., ГБ МНР.
 Чоросын язгуур гарсан намтар. Рук., ГБ МНР.

Источники послереволюционного периода

- Ард түмнээс юуны урьд чухалчлан танилцаж биелүүлбэл зохих хууль дүрэм-үүдийг эмхэтгэсэн дэвтэр. У. Б., 1939.
- Ардын засгаас 1921—1924 онуудад авсан хувьсгалт арга хэмжээнүүд (Сборник документов). Изд. Ц. Насанбалжир. У. Б., 1954.
- Ардын Хатанбаатар Магсаржавын амьдрал үйл ажиллагаантай холбогдох баримт бичгүүд. У. Б., 1960.
- БНМАУ-ын засаг захиргааны эрхтэй холбогдох хуульчилсан актуудын системчилсэн эмхэтгэл. У. Б., 1961, № 1.
- БНМАУ-ын хөдөлмөрийн эрхийн талаар гарсан хуульчилсан актуудын системчилсэн эмхэтгэл. У. Б., 1962.
- БНМАУ-ын гадаад бодлого ба олон улсын харилцаа (1949—1963). Т. 1. У. Б., 1973.
- БНМАУ-ын гадаад харилцааны баримт бичгүүдийн эмхэтгэл. 1 боть (1921—1961). У. Б., 1964; 2 боть (1962—1965). У. Б., 1966; 3 боть (1966—1972). У. Б., 1972.
- БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд. Статистикийн эмхэтгэл (Народное хозяйство МНР за 60 лет. Статистический сборник). У. Б., 1981.
- Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс, Зөвлөлт Улсын эх орны их дайны үед (Сборник документов). Изд. Н. Сэр-Оджав. У. Б., 1954.
- Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс хөрөнгөтний биш хөгжлийн төлөө тэмцэлд. Баримт бичгүүд (1925—1940). Изд. Ц. Насанбалжир. У. Б., 1956.
- Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын их, бага хурлуудын тогтоол, үндсэн хууль, тунхагууд. У. Б., 1956.
- Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын улс ардын аж ахуйн хөгжилт. Статистикийн эмхэтгэл. У. Б., 1960.
- Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын ардын аж ахуй 40 жилд. Статистикийн эмхэтгэл. У. Б., 1961.
- Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын гадаад харилцааны баримт бичгүүдийн эмхэтгэл. Сост. Д. Нямаа. Т. 1—3. У. Б., 1964, 1966, 1972.
- Ган бат найрамдал. У. Б., 1966.
- Засаг захиргааны эрхийн талаар гаргасан хуульчилсан актуудыг системчилсэн эмхэтгэл. 1961—1962. У. Б., 1963, № 1—2.
- Интернационалч найрамдал. Сост. Д. Даш. У. Б., 1970.
- Их найрамдал. Сост. М. Санждорж. У. Б., 1967.
- МАХН-аас ардын хувьсгалын ялалтын төлөө тэмцсэн нь (Баримт бичгүүд 1921 оны гурваас долдугаар сар. Эмхэтгэсэн Д. Даш). У. Б., 1971.
- МАХН ба олон улсын коммунист хөдөлгөөн (1920—1977). У. Б., 1979.
- МАХН-аас бүх нийтийг үндэсний бичиг үсэгт сургасан нь (1921—1964). У. Б., 1967.
- МАХН-аас урлаг утга зохиолын талаар гаргасан тогтоол шийдвэр (1921—1966). У. Б., 1967.
- МАХН-ын ахмад ажилтан, гишүүдийн дуртгал, Тэргүүн дэвтэр. У. Б., 1978.
- МАХН-ын их, бага бүгд хурлуудын тухай лавлах. У. Б., 1966.
- МАХН-ын түүхэнд холбогдох баримт бичгүүд (1920—1970). I—III дэвтэр. У. Б., 1966—1970.
- Монгол ардын журамт цэргийн дурдатгалууд. Сост. Г. Цэрэндорж, Д. Гонгор. У. Б., 1961.
- Монгол ардын журамт цэргийн дурдатгалууд. Сост. Г. Цэрэндорж, Л. Дүгэрсүрэн. У. Б., 1969.
- Монгол ардын намын анхдугаар их хурал. Сост. Д. Даш, Ч. Минжээх. У. Б., 1971.
- Монгол ардын намын хоёрдугаар их хурал (Основные документы и материалы). Сост. Б. Цэдэн. У. Б., 1974.
- Монгол ардын намын гуравдугаар их хурал. Сост. Б. Цэдэн. У. Б., 1964.
- Монгол ардын Хувьсгалт Намын X их хурал (Стенографический отчет). Сост. Д. Жамсранжав. У. Б., 1970.
- 1921 оны ардын хувьсгалын түүхэнд холбогдох баримт бичгүүд. 1917—1921. У. Б., 1957.

- Монгол ардын Хувьсгалт Намын түүхэнд холбогдол бүхий зүйлүүд. У. Б., 1928.
- Монгол ардын Хувьсгалт Намын Их, бага, Төв Хорооны бүгд хурлуудын тогтоол шийдвэр. Т. 1—3. 1921—1939, 1940—1956, 1957—1962. У. Б., 1956, 1963.
- Монгол ардын хувьсгалт цэргийн түүхэнд холбогдох баримт бичгүүд. У. Б., 1974.
- Монгол-зөвлөлтийн харилцаа 1921—1974. Баримт бичиг, материалын эмхэтгэл 1 боть. 1921—1940. У. Б., 1976.
- «Монголын үнэн» сонин, сост. Д. Даш. У. Б., 1971.
- МХЗЭ-ийн түүхэнд холбогдох зарим баримт бичгүүд. Т. 1—3. У. Б., 1975, 1976.
- Орон нутагт ардчилсан засаг захиргаа байгууллагуудыг байгуулласан нь. У. Б., 1958.
- Орон нутагт ардчилсан засаг захиргаа байгуулагдсан нь. У. Б., 1974.
- Соёл — гэгээрлийн байгууллагуудын ажлын талаар холбогдолтой зарлиг, тогтоол заавруудын системчилсэн эмхэтгэл (1940—1961). У. Б., 1962.
- Д. Сүхбаатарын тухай баримт бичгүүд. У. Б., 1943.
- Д. Сүхбаатарын эмхэтгэл. У. Б., 1954.
- Д. Сүхбаатарын тухай чухал баримт бичгүүд. У. Б., 1948.
- Д. Сүхбаатарын үйл амьдралтай холбогдох баримт материалын эмхэтгэл. У. Б., 1964.
- Д. Сүхбаатарын тухай дуртгал. Сост. Д. Гонгор, Ц. Долгорсүрэн. У. Б., 1965.
- Д. Сүхбаатар, баримт бичгийн түүвэр (1915—1925). Сост. Т. Пурвээ, Ц. Содномдагва. У. Б., 1971.
- Тээвэр холбооны талаар гаргасан хуульчилсан актуудын системчилсэн эмхэтгэл (1940—1962). У. Б., 1963.
- Улсын тэргүүний суртал нэвтрүүлэгч ухуулагчдын II зөвлөлгөөн. У. Б., 1972.
- Хөдөө аж ахуйд (нэгдлээс бусад) холбогдох хуульчилсан актуудын системчилсэн эмхэтгэл. У. Б., 1962, № 1.
- Хятад дахь хэрэг явдлын тухайд. Т. 1—2. У. Б., 1974, 1978.
- Чингунжаваар удирдуулсан Ар Монгол дахь тусгаар тогтнолын тэмцэл. Сост. О. Чимид. У. Б., 1963.
- Эх орны их дайн ба монголын ард түмэн (1941—1945). У. Б., 1970.

Литература на монгольском языке

- Ардын армийн 50 жил. У. Б., 1971.
- Ардын эрхт Монгол улс 50 жилд. У. Б., 1971.
- Археологийн судлал, II—IX боть. У. Б., 1963—1979.
- Ба д р а х Г. Монголын хөгжмийн түүхээс. У. Б., 1960.
- Ба д р а х Г. Монголын хувцасны түүхийн өгүүлбэр. Рук., ГБ МНР.
- Ба да м х а т а н С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм. У. Б., 1962.
- Ба да м х а т а н С. Хөвсгөлийн дархад ястан. У. Б., 1965.
- Г. Батнасан БНМАУ дахь нэгдэлчдийн аж ахуйгаа хөтлөх арга ажиллагаа. У. Б., 1978.
- Ба л х а а ж а в Ц. Төрийн тухай асуудал ба ардын төрийн хувьсгалт үйл ажиллагаа. У. Б., 1966.
- Ба л х а а ж а в Ц. Орчин үеийн Монгол орны түүхэн хөгжлийн диалектик. У. Б., 1968.
- Ба л х а а ж а в Ц. БНМАУ-ын ангийн харилцааны хөгжил. У. Б., 1972.
- Ба т - О ч и р Л. МАХН-аас ардын аж ахуйтны таваарлаг чанарыг дээшлүүлэхийн төлөө тэмцсэн нь. У. Б., 1972.
- Ба т - О ч и р Л., Да ш ж а м ц Д. Дамдингийн Сүхбаатар. У. Б., 1973.
- Ба т - О ч и р Л у. Монгол оронд ард ангийн хувьсгалт нам үүсэн байгуулагдсан асуудалд. 1918—1921. У. Б., 1979.
- Ба т - О ч и р Ч. Монгол улсын эртнээс уламжлан ирснийг товчлон тэмдэглэсэн бичиг. У. Б., 1928.

БНМАУ-ын ардын аж ахуйн бүтэц. У. Б., 1978.
 БНМАУ социалист эдийн засгийн интеграцийн системд (Практик онолын зарим асуудлууд). У. Б., 1979.
 БНМАУ-ын түүх. В трех томах. У. Б., 1966—1969.
 БНМАУ-ын капиталист бус хөгжлийн түүхэн туршлагын зарим асуудал. У. Б., 1970.
 Бира Ш. БНМАУ-ын түүх, соёл, түүх бичлэгийн асуудалд. У. Б., 1977.
 БНМАУ-ын социалист хөдөө аж ахуйн түүхийн зарим асуудал хариуцлагатай. Ред. Л. Бат-Очир. У. Б., 1976.
 Буянчуулган Б. Манж, Монголын холбогдсон түүхт байдал, 3 дэвтэр. Рук., ГБ МНР.
 Буянчуулган Б. Манжаас Монголыг эзэрхэсэн үеийг илэрхийлсэн хэрэглэгдэхүүн. У. Б., 1936.
 Буянчуулган Б. Монголын тариалангийн түүх. Рук., Центральный исторический архив МНР (ЦИА МНР).
 Буянчуулган Б. Монгол өөлдийн түүх: Галдан бошогт хааны бүлэг, Галданцэрэн хааны бүлэг. Даваач хааны бүлэг, Амарсанаа хааны бүлэг. Рук., ГБ МНР.
 Гонгор Д. Ховдын хураангуй түүх. У. Б., 1964.
 Гонгор Д. Халх товчоон. В двух томах. У. Б., 1970; 1978.
 Гурбадам Ц. БНМАУ-д шинжлэх ухаан-техникийн дэвшлийг хурдасгах асуудалд. У. Б., 1974.
 Далай Ч. Монголын бөөгийн мөргөлийн товч түүх. У. Б., 1959.
 Далай Ч. Юан гүрний үеийн Монгол. У. Б., 1973.
 Дамба Н. МАХН-ын эгнээ хөгжиж бэхжсэн нь. У. Б., 1975.
 Дамбадорж Ц. (Улаан оторч). Толбо-нуур. У. Б., 1928.
 Дамдинсүрэн Ц. Монголын нууц товчоо. У. Б., 1947.
 Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын түүх. У. Б., 1957.
 Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын учир.—«Монголын уран зохиолын дээж зуун билэг оршибай». У. Б., 1959.
 Дамдинсүрэн С. МАХН дэлхийн коммунист хөдөлгөөнтэй холбоо тогтоож хөгжүүлсэн нь (1921—1940). У. Б., 1971.
 Дамдинсүрэн С. Цогт эх оронч, тууштай интернационалч. У. Б., 1973.
 Дангаасүрэн Н. БНМАУ-ын капиталист бус хөгжилт ба хөдөө дэхь нийгэм эдийн засгийн өөрчлөлт. У. Б., 1971.
 Дангаасүрэн Н. Гурав дахь ертөнц. Эдийн засгийн тусгаар тогтнолын асуудал. У. Б., 1977.
 Даш Д. Монгол түмний төлөө зүтгэсэн анд нөхөд. У. Б., 1967.
 Даш Д. Ардын хувьсгалын манлай хүчин. У. Б., 1972.
 Даш Д. Сүхбаатарын тухай түүхэн тэмдэглэл. У. Б., 1973.
 Дашдондов Х. БНМАУ-д махны мал аж ахуйг эрчимжүүлэх үндсэн асуудлууд. У. Б., 1969.
 Дашжамц Д. Монгол дахь дэвшилт ардчилсан үзэлийн хөгжлийн асуудалд. XIX—XX зууны зааг. У. Б., 1970.
 Дашжамц Д. Марксизм-ленинизм Монголд дэлгэрэн хэрэгжсэн нь. У. Б., 1973.
 Дашжамц Д. БНМАУ дахь марксист сэтгэлгээний хөгжилт. У. Б., 1978.
 Дашзэвэг Б. МАХН-аас шарын шашин, түүний үлдэгдлийн эсрэг явуулсан тэмцлийн зарим асуудал. У. Б., 1975.
 Долормаа Б. Төлөвлөлт эдийн засгийн урамшуулын шинэ систем. У. Б., 1972.
 Дорж Д., Цэвээндорж Д. Монголын палеолит. У. Б., 1978.
 Дорж Д. Улс орныг батлан хамгаалах хүч чадлыг бэхжүүлэх талаар МАХН-аас явуулсан бодлого. У. Б., 1969.
 Дорждэрэм Д., Чимэд У. БНМАУ-ын социалист үйлдвэржүүлэлт. У. Б., 1972.
 Доржсүрэн Ц. Умарт хунну. У. Б., 1961.
 Доржсүрэн Ц. Чингэс хааны төрсөн Дэлүүн Болдог хаана байна? У. Б., 1960.

Дугар Д. Хөдөө аж ахуйн нэгдлийн таваарлаг чанарыг нэмэгдүүлэх арга замууд. У. Б., 1966.
 Дүгэрсүрэн Л. Улаанбаатар хотын түүхээс, Нийслэл хурээ. У. Б., 1956.
 Дүгэрсүрэн Л. Улаанбаатар хот. 1921—1940. У. Б., 1963.
 Дэлэг Г. Монголын тогтмол хэвлэлийн түүхэн тэмдэглэл. У. Б., 1965.
 Дэлэг Г. Монгол хэвлэл (1925—1940). У. Б., 1972; (1940—1970). У. Б., 1971.
 Дэндэв Л. Манжаас Монголыг колоничилсон үеийн түүхт хэрэглэгдэхүүн. Рукописный ф. Ин-та истории АН МНР.
 Дэндэв Л. Монголын товч түүх, 4 дэвтэр. У. Б., 1934.
 Жадамба С. БНМАУ-ын хөдөө аж ахуйн нэгдлийн хөгжлийн зарим асуудал. У. Б., 1958.
 Жалан-Аажав С. Халх-журам бол монголын хууль цаазын дурсгалт бичиг мөн. У. Б., 1961.
 Жумдаан Ш. БНМАУ-д ажилчин анги хоршооллолсон ардын эдийн засгийн холбоо үүсэн тогтож хөгжсөн тухай. У. Б., 1978.
 Жүгдэр Ч. Марксизм-ленинизмын ялгуулсан дэвшил. У. Б., 1970.
 Жүгдэр Ч. XIX—XX зууны зааг дахь Монголын нийгэм улс төр философийн сэтгэлгээний хөгжил. У. Б., 1979.
 Жүгдэр Ч. З. Агваанбалдангийн гүн ухааны үзэл. У. Б., 1978.
 Загасбалдан Д. БНМАУ дэлхийн эдийн засаг, соёлын тавцан дээр. У. Б., 1979.
 Ичинноров С. БНМАУ өөрийн эдийн засгаас гадаадын капиталыг шатан зайлуулсан нь. У. Б., 1967.
 Ичинноров С. Монгол Ардын нам гэдэг хувьсгалт байгууллага. У. Б., 1973.
 Ишжамц Н. Монголын ард түмний 1755—1758 оны тусгаар тогтнолын зэвсэгт тэмцэл (Амарсанаа, Чингунжав нарын бослого). У. Б., 1962.
 Ишжамц Н. Монголд нэгдсэн төр байгуулагдаж феодализм бүрэлдэн тогтсон нь. У. Б., 1976.
 Камбар У., Нэргүй П. БНМАУ-ын хөгжлийн капиталист бус зам ба социалист байгууллагын эдийн засгийн онолын зарим асуудал. У. Б., 1976.
 Лигдэн Б. МАХН бол социалист нийгмийн улс төрийн системийн удирдах хүч мөн. У. Б., 1978.
 Лигдэн Б. БНМАУ-ын гадаад харилцааг хөгжүүлэх талаар МАХН-аас явуулсан үйл ажиллагаа. 1945—1970. У. Б., 1976.
 Лувсандорж П. БНМАУ-д худалдаа хөгжсөн нь. У. Б., 1959.
 Лувсандорж П. БНМАУ-ын эдийн засгийн хөгжлийн зангилгаа асуудлууд. У. Б., 1980.
 Лхагвасүрэн Ж. Халхын-гол. У. Б., 1979.
 Лхамсүрэн Б. МАХН-ын үйл ажиллагаанд интернационализмын зарчим хэрэгжсэн нь. У. Б., 1975.
 Лхамсүрэн Б. Монголын хөдөлмөрчдийн эх оронч, интернационалч үзэл бүрэлдсэн асуудалд. У. Б., 1978.
 Лхамсүрэн Г. Ардын хувьсгалын үе дахь Монгол Ардын Хувьсгалт Намын стратеги, тактикийн зарим асуудал. У. Б., 1977.
 Магсаржав Хурц. Монгол, улсын шинэ гарсан түүх, 6 дэвтэр. Рук., ГБ МНР.
 Магсаржав Хурц. Долоон хошуу наадам. Изд. Ч. Хасдорж. У. Б., 1960.
 Магсаржав Х. Бат-Очирын Элдэв-Очир. У. Б., 1974.
 Магсаржав Х. МАХН-ын эгнээ өргөжин бэхжсэн нь (1921—1924). У. Б., 1979.
 Майдар Д. Монголын хот тосгоны гурван зураг. У. Б., 1970.
 Майдар Д. Монголын архитектур ба хот байгуулалт. У. Б., 1972.
 Майдар Д. Гэр. У. Б., 1977.
 МАХН ба Коммунист Интернационал (Сборник научных статей). У. Б., 1979.
 МАХН-ЗХУКН, социализмын төлөө ах дүүгийн ёсоор хамтран тэмцсэн түүхэн туршлага. У. Б., 1971.
 МАХН үүсч хөгжихөд олон улсын коммунист хөдөлгөөний тусламжийн роль, ач холбогдол. У. Б., 1978.

МАХН-ын түүхийн асуудал. У. Б., 1965—1979, № 1—14.
 Минис А. МАХН-аас феодал ангийн улс төр, эдийн засгийн ноёрхолыг устгахын төлөө явуулсан тэмцэл (1921—1930). У. Б., 1968.
 Минис А. МАХН-аас сүм хийд лам нарын эдийн засгийн хүчин чадлыг эвдэж устгахын төлөө явуулсан тэмцэл. У. Б., 1972.
 Моёбуу Д. Мал аж ахуйн эдийн засгийн асуудал. У. Б., 1974.
 Монголын ард түмний дайчин манлай. У. Б., 1971.
 Монголын ард түмэн октябрийн замаар. У. Б., 1977.
 Монгол Ардын Хувьсгалт Намын товч түүх. У. Б., 1967.
 Монгол ардын хувьсгалын 40 жил. У. Б., 1961.
 Монгол ардын хувьсгалын 40 жил ба Монгол Ардын Хувьсгалт Нам. У. Б., 1961.
 Мягмаржав Б. Малчдын нүүдлийн үндсэн асуудал. У. Б., 1974.
 Наваан Д. Дорнод монголын хүрлийн фе. У. Б., 1975.
 Наваан Д. Мянган дурсгалын эх орон. У. Б., 1970.
 Навааннамжил Г. Зоригт баатар Тогтох. У. Б., 1947.
 Намнандорж О. Мөнх хааны гэрэлт хөшөө ба ордыг олж судалсан тухай. У. Б., 1956.
 Намсрай Ц. Капитализмыг алгассан орнуудад социалист нийгмийн давхарга үүсэж хөгжсөн нь. У. Б., 1975.
 Насанбалжир Ц. Манжийн үеийн албат, сум, ард. У. Б., 1958.
 Насанбалжир Ц. Манж Чин улсад Ар Монголоос нийлүүлж байсан алба (1691—1911). У. Б., 1963.
 Насанбалжир Ц. Монголын аж ахуй хөтлөлтийн уламжлал шинэтгэл. У. Б., 1976.
 Нацагдорж Д. Монголын түүхийн товч. Рук., ГБ МНР, опубл. в журн. «Шинэ толь». У. Б., 1936.
 Нацагдорж Ш. Халх монгол дахь үндэсний эрх чөлөөний хөдөлгөөн ба феодалыг эсэргүүцсэн хөдөлгөөн. У. Б., 1941.
 Нацагдорж Ш. Ар Монголд гарсан ардын хөдөлгөөн. У. Б., 1956.
 Нацагдорж Ш. Чингис ба түүний дүү Хасар нарын зөрчил. У. Б., 1958.
 Нацагдорж Ш. Манжийн эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх (1691—1911). У. Б., 1963.
 Нацагдорж Ш. То ван ба түүний сургаал. У. Б., 1969.
 Нацагдорж Ш. Монголчуудын өв өвлөх эрх. У. Б., 1971.
 Нацагдорж Ш. Сум, хамжлага, шавь ард. Түүхэн найруулал. У. Б., 1972.
 Нацагдорж Ш. Монголын феодализмын үндсэн замнал. У. Б., 1978.
 Нямбуу Х. Халхын зарим нутгийн хээ угалзны зүйлээс (XIX—XX зууны эхэн). У. Б., 1967.
 Нямбуу Х. Монгол дархны үйлээс. У. Б., 1968.
 Норовсамбуу С. Капитализмын өмнөх харилцаа ноёрхож байсан орнуудад ялсан ардчилсан социалист хувьсгалын харьцаа онцлогууд. У. Б., 1965.
 Октябрийн социалист их хувьсгал ба Монгол Ардын Хувьсгалт Нам. У. Б., 1957.
 Октябрийн социалист их хувьсгал ба Монгол орон. У. Б., 1967.
 Октябрийн хувьсгал ба Монгол орон. У. Б., 1969.
 Олон улсын монгол хэл бичгийн анхдугаар их хурал. 1—4 дэвтэр. У. Б., 1961.
 Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. Т. 1—2. У. Б., 1978.
 Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Т. 1—2. У. Б., 1978.
 Орсоо Г. БНМАУ-ын хүн амын материаллаг аж байдлын зарим үндэс. У. Б., 1973.
 Пунцагноров Ц. Монголын автономит үеийн түүх. У. Б., 1955.
 Пүрэвжав С. Хувьсгалын өмнөх Их Хүрээ. У. Б., 1961.
 Пүрэвжав С. Дашжамц Д. БНМАУ-д сүм хийд лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь. У. Б., 1965.
 Пүрэвжав С. Монгол дахь шарын шашны хураангуй түүх. У. Б., 1978.
 Пэрлээ Х. Монголын хувьсгалын өмнөх түүх бичлэгийн асуудалд. У. Б., 1958.

Пэрлээ Х. Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь. У. Б., 1959.
 Пэрлээ Х. Монгол Ард Улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. У. Б., 1961.
 Пэрлээ Х. Гурван мөрний монголчуудын аман түүхийн мөрийг мөшгөсөн нь. У. Б., 1969.
 Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. У. Б., 1976.
 Пэрлээ Х. Пайз-түүх судлах сурвалж мөн.—Түүхийн судлал. Т. 12. У. Б., 1976.
 Пэрлээ Х., Өлзийсүрэн Б. Хэнтий аймгийн хураангуй түүх. У. Б., 1973.
 Сандаг Ш. Монгол улс төрийн гадаад харилцаа 1850—1919. Хоёр дэвтэр. Тэргүүн дэвтэр, Монголд Манжийн ноёрхлыг устгаж үндэсний тусгаар тогтнолыг сэргээн тунхагласан нь.—Богд хаант Монгол улс 1850—1911. У. Б., 1971.
 Сайжаа Л. Монгол Ардын Хувьсгалт намын программүүднээ тухай. У. Б., 1967.
 Санждорж М. Халхад Хятадын мөнгө хүүлэгч худалдаа нэвтэрч хөлжсөн нь (XVIII зуун). У. Б., 1963.
 Санждорж М. Ардын төрийн түүх. У. Б., 1974.
 Содномдагва Ц. Манжийн захиргаанд байсан үеийн монголын засаг захиргааны зохиол байгуулалт. 1691—1921. У. Б., 1961.
 Сумья Б. Феодалын аж төрөх ёсноос социалист аж төрөх ёсонд. У. Б., 1979.
 Сумьябаатар Б. XIII—XIV зууны үеийн. Монгол солоноос харилцааны бичгүүд. Кн. 1. У. Б., 1978.
 Сэр-Оджав Н., Долгосүрэн Д. Дундговь аймгийн нутаг хүрлийн үед. У. Б., 1964.
 Сэр-Оджав Н. Эртний түрэгүүд (VI—VIII зуун). У. Б., 1970.
 Сэр-Оджав Н. Монголын эртний түүх. У. Б., 1977.
 Түдэв Б. БНМАУ-ын ажилчин ангийн түүх. У. Б., 1963.
 Түдэв Б. БНМАУ-д социализмын материал-техникийн бааз байгуулахын төлөө ажилчин ангийн тэмцэл. У. Б., 1980.
 Түүхийн судлал I—XVII боть. У. Б., 1961—1981.
 Хандсүрэн Ц. Жужаны аж байдал, соёл, зан заншлын тухай.—Түүхийн судлал. Т. 8, 1—12. У. Б., 1969.
 Хөдөө аж ахуйн асуудал ба орчин үеийн үндэсний эрх чөлөөний хувьсгалд тариачдын роль. У. Б., 1980.
 Хөрөнгөтний биш хөгжлийн замын тухай В. И. Лениний үзэл санааг БНМАУ-д хэрэгжүүлсэн түүхэн туршлага. У. Б., 1971.
 Цэвээн Ж. Дархад Хөвсгөл-нуурын урианхай, дөрвөд, хотон, баяд, өөлд, мянгад, захчин, торгууд, хошууд, цахар, дариганга, Алтайн урианхай, хасаг, хамниганы гарал үүсэл байдлын өгүүлэл. У. Б., 1932.
 Цэдэв Д. Их шавь. У. Б., 1964.
 Цэдэн Б. Монгол-зөвлөлтийн найрамдал ба МАХН. У. Б., 1967.
 Цэдэн Б. Монголын хөдөлмөрчид зөвлөлт оросын ажилчин ангийн холбооны үүслэлийн тухай (1920—1921). У. Б., 1977.
 Цэгмид Ш. Хэнтийн уулархаг орны физик-газар зүйн ба эртний мөстлөгийн тухай тодорхойлолт. У. Б., 1955.
 Цэрэндорж Г. Нийслэл Хүрээний монгол худалдааны тойм. У. Б., 1961.
 Цэрэндорж Г. БНМАУ-д бичиг үсэг үл мэдэх явдлыг арилгасан нь. У. Б., 1976.
 Чимэдцэрэн Э. БНМАУ-д эмэгтэйчүүдийг нийгмийн дарлалаас чөлөөлсөн түүхэн туршлага. У. Б., 1976.
 Шинэхүү М. Тариатын орхон бичгийн шинэ дурсгал. У. Б., 1975.
 Шинэхүү М. Орхоны рүни бичгийн дурсгалууд. У. Б., 1980.
 Ширэндэв Б. Капитализмыг алгассан нь. У. Б., 1968.
 Ширэндэв Б. Монгол ардын хувьсгалын түүх. У. Б., 1969.
 Ширэндэв Б. Ленин ба монголын ард түмэн. У. Б., 1970.
 Ширэндэв Б. Түүвэр зохиол. У. Б., 1978.
 Ширэндэв Б. Ардын Хатанбаатар Магсаржавын намтар. У. Б., 1978.

Источники и литература на русском языке

- Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословная туркмен. Ашхабад, 1897.
Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. М., 1969.
Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII—XIV вв. М., 1962.
Археология и этнография Монголии. Ред. А. П. Окладников. Новосибирск, 1978.
Асонов А., Петров Б. Экономическое сотрудничество Советского Союза и МНР. М., 1971.
Баврин Е. П. Монгольская Народная Республика. Справочник. М., 1976; изд. 2-е. М., 1981.
Баврин Е. П., Мещеряков М. В. Монгольская Народная Республика. Экономика и внешняя торговля. М., 1961.
Баврин Е. П. и др. Монгольская Народная Республика. Сер. Экономика и политика зарубежных стран социализма. М., 1974.
Балдаев Р. Л. Народное образование в МНР. М., 1971.
Балданжапов П. Б. Altan Tobci. Монгольская летопись XVIII в. Ч. 1—3. Улан-Удэ, 1970.
Бакунин В. М. Описание калмыцких народов.— «Красный Архив». 1939, № 3 (94).
Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955.
Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов. СПб., 1891.
Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882.
Баранов А. В. Материалы по Монголии. Барга и Халха. Харбин, 1905.
Баранов А. В. Урянхайский вопрос. Харбин, 1913.
Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1—5. М., 1963—1968.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1—2. СПб., 1898—1900.
Бат-Очир Л., Дашжамц Д. Дамдины Сухэ-Батор. Биография. М., 1971.
Баторский М. Опыт военно-статистического очерка Монголии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 37. СПб., 1884.
Батраков В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Таш., 1958.
Батур-Убаши Тюмен. Сказание о дэрбэн-ойратах.— «Астраханские губернские ведомости». 1859, № 47, 49, 50; 1860, № 11—12; калм. текст см.: Позднеев А. М. Памятники исторической литературы астраханских калмыков. СПб., 1885.
Беннигсен А. П. Несколько данных о современной Монголии. СПб., 1912.
Березин И. Н. Библиотека восточных источников. Т. 1. Шейбаниада, история монголо-тюрок на джагайском диалекте. Казань, 1849.
Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1882.
Березин И. Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур Кублука и Садат Гирея, с введ., переписью, пер. и примеч. Казань, 1851.
Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946.
Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.
Бира Ш. О «Золотой книге» Ш. Дамдина. У. Б., 1964.
Бира Ш. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII—XIX). У. Б., 1960.
Бира Ш. Путь монгольского народа к социализму. У. Б., 1974.
Бира Ш. Вопросы культуры, истории и историографии МНР. У. Б., 1977.
Бира Ш. Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978.
Бира Ш., Ишжамц Н. Национально-освободительное движение в Монголии в конце XIX — начале XX в. Доклады монг. делегатов на XIV Межд. конгрессе ист. наук (Сан-Франциско, 22—29 августа 1975 г.). У. Б., 1975.

- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. 1—2. СПб., 1828.
Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова, переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.
Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834.
Бичурин Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829.
Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, в 3-х частях. СПб., 1851; изд. 2-е. Т. 1—2. М.—Л., 1950—1953.
Бобровников А. А. Грамота вдовы Дарма-Баловой и Буянтухана, написанная квадратным письмом, с присовокуплением общих замечаний об этом письме и догадок о значении надписи на Магнутской пещере, с доп. В. В. Григорьева.— ТВОРАО. Ч. XVI. СПб., 1872.
Боголепов М. И. и Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли, с приложением 22 фотографий и торговой карты Монголии (Экспедиция в Монголию). Томск, 1911.
Бокшанин А. А. Императорский Китай начала XV в. М., 1976.
Болобан А. П. Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Отчет агента министерства торговли и промышленности за 1912—1913 гг. Пг., 1914.
Боровка Г. И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции П. К. Козлова.— Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925.
Боровкова Л. А. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971.
Бретшнейдер Э. В. Обзор всех путешествий русских по Монголии и сношений России с монголами.— ЗРГО по отделению географии. Т. 22. Вып. 1. СПб., 1892.
Бурдуков Н. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания и письма. М., 1969.
Варгин Н. Т. Монгольская Народная Республика. М., 1950.
Васильев В. И. 40 лет Народной революции в Монголии. М., 1961.
Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1—2. СПб., 1857—1869.
Васильев В. П. Дорожник члена Государственного совета Найрачен Мосьха в походе на север до границы. Пер. с кит.— ЗРГО. Т. 6. СПб., 1883; см. также Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. 3. СПб., 1888.
Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., с прил. пер. кит. известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах.— ТВОРАО. Ч. 4. СПб., 1857.
Васильев В. П. К хронологии Чингиз-хана и его преемников.— ЗВОРАО. Т. 4. Вып. 3—4. СПб., 1890.
Васильев В. П. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме, Карабалгасуне.— Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 3. СПб., 1897.
Васильев В. П. Полное описание монголо-татар «Мэнда бэйлу».— ТВОРАО. Ч. 4. СПб., 1857.
Васильев В. П. Приведение в покорность монголов при начале Дайчинской династии (Из Шэн У-цзи).— ЗРГО. Т. 6. СПб., 1883; см. также: Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. 3. СПб., 1883.
Васильев В. П. Сведения о маньчжурах во времена династии Юань и Мин. СПб., 1863.
Великий Октябрь и народы Востока. М., 1957.
Великий Октябрь и международные отношения нового типа. У. Б., 1978.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевицах, в 3-х частях. СПб., 1863—1864, 1866.

Веселовский Н. И. и Иванов А. Походы монголов на Россию по официальной истории Юань-ши. Пб., 1914.

Веселовский Н. И. Посольство к Зюнгарскому Хун-тайджи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его на 1722—1724 гг. Документы, изданные с предисл. и прим.—ЗРГО по отделению этнографии. Т. 10. Вып. 2. СПб., 1887.

Веселовский Н. И. Лекции по истории монголов. СПб., 1909, литогр.

Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Монгольской Народной Республики 18—25 октября 1976. Документы и материалы. М., 1976.

Викторова Л. Л. Становление классовых отношений у древних монгольских кочевников. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.

Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1981.

Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии. Пг., 1919.

Владимирцов Б. Я. Где пять халхаских поколений?—ДАН СССР. Сер. В, 1930.

Владимирцов Б. Я. Монгольские сказания об Амурсане.—«Восточные записки». Т. 1. Л., 1927.

Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи.—«Известия АН СССР», 11-я серия, 1926, т. XX, № 13—14; т. XXI, № 3—4.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Владимирцов Б. Я. Чингиз-хан. Б.—Пг.—М., 1922.

Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977.

Внешняя политика МНР в документах. Вып. 1—7. У. Б., 1974—1981.

Волков В. В. Бронзовый и ранне-железный век Северной Монголии. У. Б., 1967.

Воплощение ленинского учения о партии нового типа в деятельности МНРП. М., 1976.

Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь. М., 1975.

Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики.—Востоочно-азиатский этнографический сборник. Т. 1. М.—Л., 1960.

Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969.

Галстян А. Новые армянские источники о монголах.—Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М., 1963.

Гатаулина Л. М. Монгольская Народная Республика в социалистическом содружестве. М., 1964.

Гатаулина Л. М. Проблемы некапиталистического развития. Монгольская Народная Республика. М., 1978.

Гатаулина Л. М. Строительство социалистической культуры в Монгольской Народной Республике. М., 1981.

Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Гербова А. А., Шурубович А. В. Развитие промышленности МНР на современном этапе. М., 1978.

Герасимович Л. К. Литература МНР. 1921—1964. Л., 1965.

Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан Хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши, калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880.

Гольман М. И. Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США. М., 1970.

Гомбожав. Ганга-йин урусхал (История золотого рода владыки Чингиса—сочинение под названием «Течение Ганга»). Изд. текста, введ. и указ. Л. С. Пучковского М., 1960.

Гомбожав Д. Роль экономического сотрудничества в развитии МНР. М., 1969.

Гомбоев Г. «Алтай тобчи», монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами.—ТВОРАО. Т. 6. СПб., 1858.

Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Пяно Карпини.—ТВОРАО. Т. 4. СПб., 1859.

Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII—начало XX в.). М., 1980.

Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома.—Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб., 1852.

Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979.

Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая орда (Очерк истории улуса Джучиева в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв.). М.—Л., 1937; изд. 2-е. М.—Л., 1943; изд. 3-е—Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950.

Григорьев А. Н. Монгольская дипломатика XIII—XIV вв. Чингизидовы жалованные грамоты. М., 1978.

Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. СПб., 1876.

Григорьев В. В. Россия и Азия. Сборник статей, написанных в разное время В. В. Григорьевым. СПб., 1876.

Григорьев В. В., Хондемир. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. Пер. с перс. Василия Григорьева. СПб., 1834.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Историческое прошлое Бэйшаня в связи с историей Средней Азии. СПб., 1898.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев Л. Н. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960.

Гумилев Л. Н. Хунну в Китае. Три века войны Китая со степными народами III—IV вв. М., 1974.

Гунгаадаш Б. Монголия сегодня. Природа. Люди. Хозяйство. М., 1969.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. М., 1979.

Гурьев Б. М. Политические отношения России и Монголии. СПб., 1911.

Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957.

Дамдинсүрэн Ц. «Рамаяна» в Монголии. Изд. текста, пер. и исслед. М., 1979.

«Да тан сн юй цзи» Сюань Цзана в тибетском переводе. Изд. Ш. Бира. У. Б., 1973.

Дашжамц Д. Распространение и утверждение марксизма-ленинизма в Монголии (1917—1940). М., 1978.

Демидов С. С. Монгольская Народная Республика. М., 1952.

Демидова Н. Р., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966.

Джакупов Т. Д. Экономика и организация сельскохозяйственного производства в МНР. А.-А., 1972.

Джунусов М. С. Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах. М., 1958.

Джунусов М. С. Братская Монголия (К 40-летию МНР). Фрунзе, 1961.

Долбежев Б. В. Задолженность монгольских княжеств. Сост. офицеры Заамурского округа. Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 17. Харбин, 1908.

Долгормаа Б. Государственный бюджет и планирование социалистического строительства в МНР. М., 1977.

Долгормаа Б. и др. Финансы МНР. М., 1971.

Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. У. Б., 1971.

Дорж Д., Новгородова Э. А. Петроглифы Монголии. У. Б., 1975.
 Дорогой дружбы (1921—1971). Иркутск, 1971.
 Дорогой дружбы (1924—1974). Иркутск, 1974.
 Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы XIX—начала XX в. М., 1956.
 Дылыков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. М., 1953.
 Дылыков С. Д. Из истории селенгинских бурят.— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», 83. Монголоведение, тюркология. М., 1964.
 Думан Л. И. К истории государства Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем.— «Ученые записки Института востоковедения». Т. 11, 1955.
 Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цинь в Южной и Северной Монголии в XVII веке. М., 1974.
 Жагварал Н. Земельные отношения в Монголии (дореволюционный и послереволюционный периоды). У. Б., 1953.
 Жагварал Н. Аратство и аратское хозяйство. У. Б., 1974.
 Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII века. М.—Л., 1936.
 Жамцарано Ц. Ж. Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг.— «Русск. ком. для изуч. Средней и Восточной Азии». СПб., 1913, № 2.
 Жамцарано Ц. Ж., Турунов А. Халха-джирум (описание памятника).— Сборник трудов Государственного иркутского университета. Вып. 6. Иркутск, 1923.
 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1974.
 Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
 Загасбалдан Д. Проблемы социалистической индустриализации МНР. М., 1973.
 Загасбалдан Д. Развитие производительных сил в МНР (Опыт экономико-статистического анализа). М., 1977.
 Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII—первой половины XIX в. М., 1970.
 Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
 Заятуев Г. Н. Первые газеты революционной Монголии. Улан-Удэ, 1967.
 Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1653—1758). М., 1964.
 Златкин И. Я. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов.— «Народы Азии и Африки». 1973, № 1.
 Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957 (изд. 1-е—МНР—страна народной демократии. М., 1950).
 Ибрагимов М. А. и Дэмбэрэл Б. Очерки по истории развития здравоохранения МНР. М., 1978.
 Иванни М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.
 Игумнов А. В. Обзорение Монголии.— Сибирский вестник, издаваемый Григ. Спасским. Ч. V—VI. СПб., 1819.
 Иностранцев К. А. Гунны или Хунну? Л., 1926.
 Иориш И. И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М., 1966.
 Исторический опыт братского содружества МНРП и КПСС в борьбе за социализм. У. Б., 1971.
 История Бурятской АССР. Т. 1—2. Фрунзе, 1968.
 История Казахской ССР. Изд. 3. А.—А., 1967.
 История монголов инока Магакии XIII века. Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871.
 История монголов по армянским источникам. Пер. К. П. Патканова. Вып. 1—2. СПб., 1873—1879.
 История Монгольской Народной Республики. Изд. 2. М., 1967.
 История советско-монгольских отношений. М., 1981.
 История о завоевании китайским ханом Канхем калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях. Пер. с маньчж. языка на русский прапорщиком Ларионом Рассохиним.

СПб., 1750, рук. хранится в ЛО ИВ АН СССР; им.: Н. П. Шастина. Перевод И. Рассохина источника по истории монголов конца XVII в.— «Ученые записки ИВ АН СССР». Т. 6. М.—Л., 1953.
 История Сибири с древнейших времен до наших дней в 5-ти томах. А. П. Окладников и др. Т. 1—2. М., 1968.
 История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957.
 Их Цааз (Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст, трансл. сводного ойр. текста, реконструированный монг. текст и его трансл., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова). М., 1981.
 Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934.
 Каллиников А. Д. Аграрные отношения и антифеодальная аграрная революция в Монголии.— Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933.
 Каллиников А. Д. Аратское революционное движение в доавтономной Монголии.— «Революционный Восток». 1935, № 5—6.
 Каллиников А. Д. Национально-революционное движение в Монголии. М., 1926.
 Капица М. С., Иваненко В. И. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). М., 1965.
 Кара Г. Книги монгольских кочевников. М., 1972.
 Карпини П. История монголов. СПб., 1911.
 Карпини Дж. и Рубрук Г. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957.
 Катеринич А. Н. Десятилетия, равные векам. М., 1966.
 Кафаров Палладий. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг., введ. Э. В. Бретшнейдера и замеч. А. М. Позднеева.— «ЗРГО по отделению географии». Т. 22, вып. 1, 1892.
 Кафаров Палладий. Путевые записки китайца Чжан Дэ-Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия, пер. с прим.— «Записки СОРГО». Кн. IX—X, 1867.
 Кафаров Палладий. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад. Пер. с кит. с примеч.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866.
 Кафаров Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане.— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. 4. СПб., 1866.
 Кафаров Палладий. Шен-ву-дин-чжен-лу. Описание личных походов священноиношвенного (Чингис-хана), пер. с пред. и прим.— «Восточный сборник». Т. 1. СПб., 1877.
 Ким Г. Ф., Шабшина Ф. И. Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока. М., 1987.
 Ким Г. Ф., Шабшина Ф. И. Союз рабочего класса и крестьянства и опыт социалистических стран Азии (на примере МНР, КНДР, ДРВ). М., 1977.
 Киселев С. В. Монголия в древности.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. 4, 1947, № 4.
 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е. М., 1951.
 Киселев С. В. Древние города Монголии.— «Советская археология». 1957, № 2.
 Киселев С. В. и др. Древнемонгольские города. М.—Л., 1965.
 Кислов А. Н. Разгром Унгерна (О боевом содружестве советского и монгольского народов). М., 1961.
 Клеменд Д. А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891.— «Сборник трудов Орхонской экспедиции». Вып. 11. СПб., 1895.
 Клеменд Д. А. Заметки к маршруту Чан Чуна.— «ЗРГО по отделению этнографии». Т. 34, 1909.
 Кляшторный С. Г., Лифшиц В. А. Согдийская надпись из Богута.— Страны и народы Востока. Вып. 10. М.—Л., 1971.
 Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
 Книга братства. Литературно-художественный и историко-публицистический сборник. М.—У. Б., 1971.

Книга Марко Поло. Пер. со старофр. И. П. Минаева. М., 1955.

Ковалевский О. М. Буддийская космология. — «Ученые записки Казанского университета». 1835, кн. 2, 4; 1837, кн. 1.

Ковалевский О. М. История монголов. Т. 1—2. Казань, 1843—1856, рук., хранится в Ленинграде; см.: Библиография Востока, 1936, вып. 10.

Ковалевский О. М. Монгольская хрестоматия. Ч. 1—3. Казань. 1836.

Козин С. А. Гесериада. М.—Л., 1935.

Козин С. А. Джангариада — героическая поэма калмыков. М.—Л., 1940.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941.

Козлов П. К. Монголия и Амдо. М.—Л., 1923.

Козлов П. К. Монголия и Кам. СПб., 1905—1907.

Козлов П. К. Путешествие в Монголию. 1923—1926. Дневники, подг. к печати Е. В. Козловой. М., 1949.

Козлов П. К. Северная Монголия. Ноин-Ульские памятники. — Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925.

Кондратьев С. А. Музыка монгольского эпоса и песен. М., 1970.

Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. М., 1952.

Корни И. И. 40 лет Монгольской народной революции. Л., 1961.

Корнакова А. Д. По поводу провозглашения монголами независимости. — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения РГО». Т. 15, 1912, вып. 2.

Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914.

Котвич В. Л. Монгольские надписи в Эрдени-цзу. — «Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук». Т. 5. Ч. 1. Пг., 1918.

Котвич В. Л. Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае. Из находок П. К. Козлова в Хара-Хото. — ИРГО. Т. 45. Вып. 8. СПб., 1909.

Котвич В. Л. Русские архивные документы по отношениям с ойратами в XVIII в. — «Известия Российской Академии наук». Пг., 1919, № 12—15; 16—18.

Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1965.

Кочетов А. Н. Ламанизм. М., 1973.

Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX—середина XX века. М., 1979.

Кочешков Н. В. Народное искусство монголов. М., 1973.

Кунгуров Г., Сороковиков И. Аратская революция. Исторический очерк. Изд. 2-е. Иркутск, 1957.

Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Кызласов Р. Л. История Тувы в средние века. М., 1969.

Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.

Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.

Кычанов Е. И., Савицкий А. С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., 1975.

Кяхте — 250 лет. Улан-Удэ, 1978.

Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Т. 1. Новосибирск, 1969.

Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная (Очерк путешествия за древностями Монголии). Новосибирск, 1968.

Лауфер Б. Очерк монгольской литературы. Л., 1937.

Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. М., 1970.

Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1963.

Леонтович Ф. И. Древний монголо-ойратский или калмыцкий устав высканий. Одесса, 1879.

Липовцев С. Уложение Китайской палаты внешних сношений. СПб., 1828.

Ломакина И. И. Изобразительное искусство социалистической Монголии. У. Б., 1970.

Ломакина И. И. Марзан Шарав. М., 1974.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введ., коммент. и примеч. Н. П. Шатиной. М., 1973.

Лыткин Г. С. История ойратов. Сочинение Габан-Шарапа (1837), пер. 1859 года; рук. хранится в ЛО ИВ АН СССР.

Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. Очерки по истории. М., 1971.

Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981.

Майский И. М. Монголия накануне революции. М., 1959.

Майский И. М. Чингис-хан. — «Вопросы истории». 1952, № 5.

Малакшанов К. М. Деятельность КПСС и МНРП по углублению дружбы и сотрудничества советского и монгольского народов в период завершения строительства социализма в МНР. Иркутск, 1967.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.

Малаякин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.

Материалы и документы XVI съезда Монгольской народно-революционной партии (7—11 июня 1971 года). У. Б., 1971.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Мартыанов К. Н. Народная Монголия строит социализм. М., 1976.

Масленников В. А. Монгольская Народная Республика на пути к социализму. М., 1951.

Масленников В. А. Современная Монголия. М., 1961.

Матвеева Г. С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. М., 1978.

Матвеева Г. С. Социалистические преобразования в сельском хозяйстве МНР. М., 1960.

Матвеева Г. С., Старицына П. П. Народная демократия и строительство социализма в МНР. М., 1965.

Мелиоранский П. М. О кудатку-билике Чингис-хана. — ЗВОРАО. 1900, т. 13, вып. 1.

Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. — ЖМНП. 1898, № 6.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. — ЗВОРАО. 1899, т. 12, вып. 2—3.

Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 1—5. Улан-Удэ, 1962—1970.

Материалы по истории сюнну (По китайским источникам). Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. Л., 1968; вып. 2. М., 1973.

Мерперт Н. Я., Пашуто В. Г., Черепнин Л. В. Чингис-хан и его наследие. — «История СССР». 1962, № 5.

Мешеряков М. В. Очерк экономического сотрудничества Советского Союза и МНР. М., 1959.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.—Л., 1937; т. 2. М.—Л., 1941.

Миллер Г. Ф. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай. — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755, июль.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения Российской державой по сии времена. СПб., 1750.

Минаев И. П. Путешествие Марко Поло. СПб., 1902.—ЗРГО по отд. этнографии. Т. 26; изд. 2-е М.—Л., 1937.

Минис А. Осуществление МНРП антифеодальных экономических преобразований. У. Б., 1977.

Михайлов Г. И. Культурное строительство в МНР. Исторический очерк. М., 1955.

Михайлов Г. И. Литературное наследство монголов. М., 1969.

Михайлов Г. И., Яцковская К. Н. Монгольская литература. Краткий очерк. М., 1969.

Михайлов Г. И. Очерк современной монгольской литературы. М., 1955.

Молодость древней Монголии. М., 1964.

Монгольская Народная Республика. Сб. статей. М., 1952.

Монгольская Народная Республика. 1921—1961. М., 1961.

Монгольская Народная Республика. М., 1971.

Монгольский археологический сборник. М., 1962.

Монгольский сборник. История, экономика, археология. М., 1959.

Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912.

Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цай. Пер. и исслед. М., 1965.

Мункуев Н. Ц. Основные китайские источники по истории Монголии XIII—XIV вв.— Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1963.

Мурзаев Э. Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М., 1952.

Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Пер. с кит. П. С. Попова. СПб., 1895.

Мэн-да-бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Записки кит. посла Чжао Хуна. Факс. ксил., пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975.

Намсрай Ц. Социалистическая надстройка в странах, миновавших капитализм (На опыте МНР). М., 1976.

Народы-братья. Воспоминания и статьи. М., 1965.

Нарочницкий А. Л. и др. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973.

Насонов А. Е. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.—Л., 1946.

Нацагдорж Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1954.

Нацагдорж Ш. К вопросу об экономической основе феодализма в Монголии. У. Б., 1963.

Нацагдорж Ш. Основные черты феодализма у кочевых народов (На примере развития монгольского общества).— Доклады монгольских делегатов на XIV Международном конгрессе исторических наук (Сан-Франциско, 22—29 августа 1975). У. Б., 1975.

Нацагдорж Ш. Основные этапы развития Монгольской Народной Республики.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М., 1963.

Некапиталистический путь развития и опыт Монгольской Народной Республики. М., 1971.

Некапиталистический путь развития и современность (Материалы научной конференции). У. Б., 1977.

Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1834.

Низовцев Б. Е. Под флагом с «золотым соембо». М., 1980.

Новая история колониальных и зависимых стран, под ред. С. П. Ростовского и И. М. Рейснера. М., 1948.

Новая история стран зарубежного Востока. Т. 1—2. М., 1952.

Новгородова Э. А. Центральная Азия и Карасукская проблема. М., 1970.

Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971.

Обручев В. А. Вклад русских ученых в исследование Центральной Азии. Т. 1. М., 1948.

Общественные науки в МНР. М., 1977.

Общественные науки в МНР. Ежегодник. У. Б., 1980, 1981.

Овдиенко И. Х. Современная Монголия. М., 1964.

Оглоблин Н. Н. Сибирские дипломаты XVII в.— «Исторический вестник». СПб., 1891.

Окладников А. П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии.— Древний мир. М., 1962.

Окладников А. П. Открытие Сибири. М., 1979.

Окладников А. П. Очерки по истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937.

Окладников А. П. Первобытная Монголия.— К вопросу древнейшей истории Монголии. У. Б., 1964.

Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Ховд сомон (гора Тэбш). Л., 1980.

Окладников А. П. Центрально-Азиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнхэр агуй, Тенгри агуй, Западная Монголия). Новосибирск, 1972.

Октябрьская революция и Монголия (Материалы научной конференции). У. Б., 1969.

Осипов А. А. Внешняя политика Монгольской Народной Республики. М., 1963.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 1. М., 1967.

Очерки истории культуры МНР. Улан-Удэ, 1971.

Очерки истории Монгольской Народно-революционной партии. Пер. с монг. М., 1971.

Очерки экономики Монгольской Народной Республики. М., 1969.

Падерии И. О Каракуме и других развалинах близ Орхона, с прим. архим. Паллады.— ИРГО. 1873. Т. IX, вып. X.

Паллас П. С. Собрание исторических сведений о монгольских народах.— «Санкт-Петербургский вестник». 1778, январь—май.

Патканов К. П. История монголов иока Магакия XIII века. СПб., 1871.

Патканов К. П. История монголов по армянским источникам. Вып. 1—2. СПб., 1873—1874.

Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883.

Петлин И. Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 г.— «Сибирский вестник, издаваемый Григ. Спасским». Ч. 2. СПб., 1818.

Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960.

Петрушевский И. П. Из героической борьбы азербайджанского народа в XIII—XIV веках. Баку, 1941.

Петрушевский И. П. Новый источник по истории монгольского нашествия («Нафсат-ал-Масдур» — «Раздавшийся свист ветра»).— «Белек (подарок) С. Е. Малову». Сб. ст. Фрунзе, 1946.

Петрушевский И. Н. Новый персидский источник по истории монгольского нашествия.— «Вопросы истории». 1946, № 11—12.

Писарев В. И. МНР на пути к завершению строительства социализма. М., 1964.

Плиев И. А. Конец Квантунской армии. Записки командующего конно-механизированной группой советско-монгольских войск. Изд. 2-е. Орджоникидзе, 1969.

Плотников Г. К. Братство по оружию. М., 1971.

Плотников Г. К. Монгольская Народная Армия. М., 1971.

Побратимы Халхин-Гола. М., 1979.

Под знаменем братской дружбы. Визит советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в Монгольскую Народную Республику 25—27 ноября 1974 г. М., 1974.

Позднеев А. М. Города Северной Монголии. СПб., 1880.

Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892 г. Т. 1. СПб., 1896; т. 2. СПб., 1898.

Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдений эрих» с пояснениями,

- закрывающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 г. по 1736 г. СПб., 1883.
- Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу.— «ЗРГО по отделению этнографии». Т. 16. СПб., 1887.
- Позднеев А. М. Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880.
- Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.
- Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.
- Покотилов Д. З. История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 гг. (По китайским источникам). СПб., 1893.
- Покровский Ф. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г.— Изв. ОРЯС. Т. 18, 1913, вып. 4.
- Попов П. С. Дневник Фань-шао-куйя из путешествия на запад. Пер. с кит. СПб., 1872.
- Попов П. С. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чаодянь-чжан.— ЗВОРАО. Т. 17. Вып. 4. СПб., 1907.
- Поппель Н. К. Танковая бригада «Революционная Монголия». М., 1977.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. Т. 1—4. СПб., 1881—1883.
- Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие 1884—1886 гг. Т. 1. СПб., 1893.
- Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. Т. 1—2. СПб., 1875—1876.
- Программа Монгольской народно-революционной партии (принята единогласно на XV съезде МНРП 11 июня 1966). У. Б., 1966.
- Протоколы I Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики. Бюллетень полпреда СССР в Монголии. № 26. У. Б., 1925.
- Путевые записки китайца Чжан Дэ-хой во время путешествия его в Монголию (в первой половине XIII столетия).— «Записки СОРГО. Кн. 9—10, 1867.
- Пучковский Л. С. Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII—XIX вв.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М., 1963.
- Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. 1. История, право. М.—Л., 1957.
- Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII—XVII в.— «Ученые записки ИВ АН СССР». Т. 6. М.—Л., 1953.
- Пэн Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах. Пер. Линь Кюн-н и Н. Ц. Мункуева, введ. и коммент. Н. Ц. Мункуева.— «Проблемы востоковедения». 1960, № 5.
- 50 лет народной Монголии. У. Б., 1971.
- 50 лет Народной революции в Монголии. Сб. ст. М., 1971.
- XV съезд Монгольской народно-революционной партии (Улан-Батор. 7—11 июня 1966 года). М., 1966.
- Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. Вып. 1—4. СПб., 1892—1899.
- Радлов В. В. Предварительный отчет о результатах экспедиции археологического исследования реки Орхона.— «Труды Орхонской экспедиции». Вып. 1. СПб., 1892.
- Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме.— «Труды Орхонской экспедиции». Вып. 4. СПб., 1897.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. А. А. Хетагурова, ред. и примеч. А. А. Семенова. М.—Л., 1952; т. 1, кн. 2. Пер. О. М. Смирновой, примеч. Б. И. Панкратова и О. М. Смирновой. М.—Л., 1952; т. 2. Пер. Ю. П. Верховского, ред. И. П. Петрушевского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. М.—Л., 1960; т. 3. Пер. А. К. Арендса, ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса. М.—Л., 1946.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. История монголов и история Чин-

- гис-хана с восшествия его на престол и до кончины. Перс. текст, рус. пер. с примеч. И. Н. Березина.— ТВОРАО. Т. 5—8, 1858—1888.
- Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921—1924 гг. Документы. Сост. Ц. Насанбалжир, пер. с монг. П. П. Старицыной и Г. С. Мупкина. М., 1960.
- Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения XIII—XIV вв.— Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в.— Монгольский сборник. История, экономика и археология. М., 1959.
- Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Материалы международной конференции. У. Б., 1974.
- Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. М., 1978.
- Рона-Таш А. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. Пер. с венгр. Е. А. Бочарниковой, предисл. и ред. И. Я. Златкина. М., 1964.
- Рошин С. К. Развитие социалистических производственных отношений в МНР. М., 1979.
- Рошин С. К. Сельское хозяйство МНР на социалистическом пути. М., 1971.
- Рошин С. К. Социалистический уклад в экономике Монгольской Народной Республики. М., 1958.
- Рубрук Вильгельм. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Маляина. СПб., 1911. См. также: Карпини Дж. и Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М., 1957.
- Рудиев А. И. Историческая летопись Болор-толи.— ЗВОРАО. Т. 15, 1903.
- Румянцев Г. Н. Бурятские летописи как исторический источник.— ТБКНИИ. Сер. востоковедения. Вып. 3. Улан-Удэ, 1960.
- Румянцев Г. Н. К вопросу о происхождении хори-бурят.— Зап. Бур. монг. НИИ, 1948, вып. 8.
- Румянцев Г. Н. О некоторых вопросах этногенеза монголов и бурят.— «Труды XXV международного конгресса востоковедов». Т. 5. М., 1963.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.
- Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов. Сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. Ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М., 1959.
- Русско-монгольские отношения. 1636—1654. Сборник документов. Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. Ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М., 1974.
- Рязановский В. А. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931.
- Савельев П. Монгольское пайдзе, найденное в Забайкальской области.— ТВОРАО. Т. 2, 1856.
- Сандаг Ш. Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни. У. Б., 1966.
- Санжеев Г. Д. Дархаты. Этнографический сборник о поездке в Монголию в 1927 г.— «Материалы комиссии по иссл. Монголии и Тувы и Б-МАССР». Вып. 10. Л., 1930.
- Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. Изд. 2-е. М., 1960.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Сборник законов и основных постановлений правительства МНР. У. Б., 1932—1952.
- Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. СПб., 1914.
- Семенов А. Ф., Дашцерен Б. Эскадрилья «Монгольский арат». М., 1971.
- XVII съезд Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор, 14—18 июня 1976. Основные материалы и документы. М., 1977.
- Силин Е. П. Кяхта в XVIII в.— Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947.

Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России и Китая (до 1917). М., 1974.

Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М., 1971.

Смирнов Б. Ф. Музыкальная культура Монголии. М., 1963.

Советско-монгольские отношения. 1921—1966. Сб. док. Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук М., 1966.

Советско-монгольские отношения. 1921—1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921—1940. М.—У. Б., 1975; т. 2, 1941—1974. Ч. 1—2. М.—У. Б., 1979.

Соркин Н. С. В начале пути (Записки инструктора монгольской армии). М., 1970.

40 лет народной Монголии. М., 1961.

Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. СПб., 1882.

[Спафарий] Милеску Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

СССР — МНР: под знаменем братской дружбы. Сб. ст. М., 1975.

СССР — МНР: сотрудничество и сближение (К 60-летию Монгольской народной революции). М.—У. Б., 1981.

СССР — МНР. Страницы братской дружбы. М., 1981.

Стариков В. С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967.

Стариков В. С. Формальный анализ функциональных структур текста.— Материалы по дешифровке киданьской письменности. Кн. 1. М., 1970.

Старица на П. П. Маршал Чойбалсан. М., 1940.

Сто песен дархата. Г. Давааджия. Публ., пер., введ. и коммент. К. Н. Яцковской. М., 1978.

Сычевский. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного управления Сычевским в 1846 г. М., 1875.

Талько-Гринцевич Ю. Д. Древнейшие обитатели Центральной Азии. Этнологический очерк.— «Русский антропологический журнал». 1900, № 2.

Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии.— Записки Академии наук СССР по отделению физико-математических наук. Т. 37, вып. 1, 1926, № 2.

Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. ст. М., 1970; изд. 2-е, перераб., доп. М., 1977.

Телоухов С. А. Раскопки кургана в горах Ноин-Ула.— Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1935.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Т. 1—3. СПб., 1824.

Титков В. И. Монгольская Народная Республика. Общество, экономика, государство, право. М., 1971.

Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Политико-экономический анализ. А.-А., 1971.

Тревер К. В. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг.— Сообщения ГАИМК. 1931, № 9—10.

Труды монгольских историков 1960—1974. Аннотированная библиография. У. Б., 1975.

Тудэв Б. Формирование и развитие рабочего класса Монгольской Народной Республики. М., 1968.

Уварова Г. А. Современный монгольский театр. М., 1948.

Улымжиев Д. Б. Монгольская Народная Республика строит социализм. Улан-Удэ, 1959.

Улымжиев Д. Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. Улан-Удэ, 1961.

Улымжиев Д. Б. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в МНР. Улан-Удэ, 1968.

Успенский В. М. Страна Кукэ-нор или Цин-Хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов.— «ЗРГО по отделению этнографии». Т. 6. СПб., 1880.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Филология и история монгольских народов. Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова. М., 1958.

Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке. СПб., 1774.

Халха Джирум (Памятник монгольского феодального права XVIII в.). Сводный текст и пер. Ц. Ж. Жамцарано, подготовка текста к изд., ред. пер., введ. и примеч. С. Д. Дылыкова. М., 1965.

Халтаев П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1942.

Хейсиг В. Монголоведение в германских университетах. Висбаден, 1969.

Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика Цинского Китая со второй половины XIX в.). М., 1979.

Цаганхуу Р. Пути снижения себестоимости животноводческой продукции (Из опыта работы сельскохозяйственных объединений МНР). М., 1969.

Цаплин Ф. С. Советско-монгольское сотрудничество в годы второй мировой войны. М., 1964.

Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху (Душанбе, 7.IX—6.XII.1968). Т. 1. М., 1974.

Цибиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970.

Цибиков Б. Д. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947.

XIV съезд МНРП (Улан-Батор. 3—7 июля 1961). М., 1962.

Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII—первая половина и середина XVIII в.). Маньчжурская экспансия и борьба монголов за свободу и независимость Родины. Улан-Удэ, 1974.

Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978.

Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии со странами Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979.

Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводн. текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.—Л., 1957.

Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М., 1958.

Шейн Р. В., Головенко И. П. Каталог орденов и медалей МНР (1924—1969). Баку, 1969.

Шепетильников Н. М. Архитектура Монголии. М., 1960.

Ширендыб Б. Хатанбатор Максаржав. Пер. с монг. М. И. Гольмана, М., 1980.

Ширендыб Б. В. И. Ленин и монгольский народ. М., 1970.

Ширендыб Б. Избранные произведения. М., 1973.

Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 г. М., 1971.

Ширендыб Б. Минувший капитализм. У. Б., 1968.

Ширендыб Б. Народная революция и образование МНР. М., 1956.

Шишмарев Я. Донесение русского консула в Урге о положении Монголии. Июль 1885.— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Вып. 22, 1886.

Шубин В. Ф. Земледелие в Монголии.— «Труды Горьковского сельскохозяйственного института». Т. 6. Вып. 1. Горький, 1948.

- Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). Т. 1. Текст, изд. текста и предисл. Б. И. Панкратова. М., 1962.
- Юрьев И. Г. К вопросу об иностранном капитале во Внешней Монголии до народно-демократической революции 1921 г. и в первые ее годы.— «Краткие сообщения Института востоковедения». 1952, № 6.
- Ядринцев Н. М. Каменные могилы и каменные бабы в Монголии и Сибири.— «Труды восьмого археологического съезда в Москве». 1890, т. 4.
- Ядринцев Н. М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону в Южный Хангай в 1891 г.— «Труды Орхонской археологической экспедиции». Т. 5. СПб., 1901.
- Ядринцев Н. М. Предварительный отчет о поездке с археологической целью в Северную Монголию с верховьев Орхона.— «Известия Восточно-Сибирского отделения РГО». СПб., т. 20, 1889.
- Ядринцев Н. М. Путешествие к верховьям Орхона и развалинам Каракорума.— ИРГО. 1889, т. 25, вып. 4.
- Якимов А. Т. Буддизм, его происхождение и сущность. М., 1956.
- Якимов А. Т. Дальний Восток в огне борьбы с интервентами и белогвардейцами (1920—1922). М., 1979.
- Якимов А. Т. К вопросу об общественном строе дореволюционной Монголии и о роли ламаизма.— «Труды Московского ин-та востоковедения». 1940, № 2.
- Якимова Т. А. Некапиталистический путь развития МНР. М., 1964.
- Якимова Т. А. Особенности формирования социалистической экономики в МНР. М., 1971.
- Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.— Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.
- Якубовский А. Ю. Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды.— «Исторический сборник». Т. 5. М.— Л., 1936.
- Якубовский А. Ю. Монгольская империя.— «Исторический журнал». 1940, № 3; 1942, № 2.
- Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды Сарай Берке. Л., 1932.
- Яцковская К. Н. Дашдоржийн Нацагдорж. Жизнь и творчество. М., 1974.

Источники и литература на западноевропейских языках

- Aalto P. Mongoliet dans Aldsta Folk Republiken.— «Vner». Stockholm. 1958, H. 4.
- Abel-Remusat. Observations sur l'Histoire des Mongols orientaux de Sannang Setsen.— «Extrait de Nouveau Journal Asiatique». P., 1832.
- Abel-Remusat. Souboudai, general mongol.— «Nouveaux melanges asiatiques». T. 2, P., 1829.
- Aboul Ghasi. Histoire des Mongols et des Tatares, publiee, traduite et annotee par le baron Desmaisons. T. 1—2. SPb., 1874.
- Altan Kurdu Mingvan Gegescutu bicig. Eine mongolische Chronik von Siregetu Gousi Dharma (1739), herg. und mit Einleitung und Namensverzeichnis versehen von W. Heissig. Kopenhagen, 1958.
- Altan Tobci. A Brief History of the Mongols by I'lob Bzan bsTan-jin, with Critical Intr. by the Reverent A. Mostaert, and Ed. Foreword by W. Cleaves.— «Scripta Mongolica». I. Cambr. (Mass.), 1956.
- Aubin F. P. Antropologie du nomadisme.— «Cohiers Internationaux de Sociologie». Vol. LVI. P., 1974.
- Aubin F. Le Status de l'enfant dans Societe Mongole. P., 1975.
- Aubin F. Traditions et mutations. Sociologie actuelle de la Mongolie.— «Cahiers Internationaux de Sociologie». Vol. XLIX. P., 1970.
- Aubin F., Accolas J., Deffontaine J. Les Activites Rurale en Republique Populaire des Mongolie.— «Etude Mongolie». Vol. 6, 1975.

- Ayscough P., Barry O. With the Russians in Mongolia. L., 1914.
- Bacon E. Obok. A Study of Social Structure in Eurasia. N. Y., 1958.
- Baddeley J. Russia, Mongolia and China. Being Some Records of the Relations between them from the Beginning of the XVII Century to the Death of Alexei Mikhailovich, 1602—1676. Vol. 1—2. L., 1919.
- Ballis W. Historical Perspectives of the Formation and Development of the Mongolian People's Republic.— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов». Т. 5. М., 1963.
- Ballis W. The Mongolian People's Republic Since World War II.— «Aspects of Modern Communism», ed. by R. Staar. Columbia, 1968.
- Ballis W., Koppel R. The Modern Political History of Outer Mongolia.— The Mongolian People's Republic. Vol. 2. New Haven, 1956.
- Barthel H. Land zwischen Tajga und Wuste 50 Jahre freie Mongolei. Lpz., 1971.
- Bawden Ch. Modern History of Mongolia. L., 1968.
- Bawden Ch. Economic Advance in Mongolia.— «World Today». Vol. 16, 1960, № 6.
- Bawden Ch. Mongol Notes I—The Louvain Fire Ritual.— «Central Asiatic Journal». Vol. 8, 1968, № 4.
- Bawden Ch. Mongol Notes II Some Shamanist Hunting Rituals from Mongolia.— «Central Asiatic Journal». Vol. 12, 1968, № 2.
- Bawden Ch. Mongolia Ancient and Modern.— «History Today». Vol. 9, 1959, № 2.
- Bawden Ch. Mongolia Review, October 1965.— «The Journal of the Royal Central Asia Society». Vol. 52, 1965, p. 1.
- Bawden Ch. Mongolia Review, February 1967.— «Journal of the Royal Central Asian Society». Vol. 54, 1967, p. 1.
- Bawden Ch. Notes on the Worship of Local Deities in Mongolia.— Mongolian Studies. Budapest, 1970.
- Beffa M. L., Hamayon R. Manual la Langue Mongole. P., 1973.
- Bell Ch. The Religion of Tibet. Ox., 1931.
- Bergman F. Travels and Archeological Field Work in Mongolia and Sinkiang. A Diary of the Years 1927—1934. Stockholm, 1945.
- Bertran G. Scull dans l'Asie Trouble Mandchoukuo Mongolie 1936—1937. P., 1937.
- Bezzola A. Die Mongolen in Abendlandischer Sicht (1220—1970). Ein Beitrag zur Frage der Volkerbegegnungen. Bern—München, 1974.
- Bibliotheca Mongolica. Part 1: Works in English, French and German, ed. by H. Schwarz. Bellingham, 1978.
- Bira Sh. Dharmapala Dhan Chosgyantso. The History of Buddhism on Mongolia. New Delhi, 1977.
- Bira Sh. Historical Sciences in the Mongolian People's Republic.— «Journal of Asian Studies». Vol. 20, 1960, № 3.
- Bira Sh. Mongolian Historiography.— XII-e Congress International des Sciences Historiques.— Actee. 5. Vienne, 29 August—5 Septembre 1965. Horn—Wien.
- Bira Sh. Mongolian Historical Literature of the XVII—XII Centuries written in Tibetan.— «The Mongolian Society Occasional Papers». Vol. 7. Bl., 1970.
- Bira Sh. A Sixteen Century Mongol Code (Transl. by Rashidonduk, K. W. Veit).— «Zentral—Asiatische Studien». Bd 2. Bonn, 1977.
- Bisch J. Ukendt Land. Rejse ti Mongoliet. Kopenhagen, 1962.
- Bloch E. Introduction al Histoire des Mongols. Leiden—London, 1910.
- Bolor Eriki. Mongolian Chronicle by Rasipungug, with a Critical Intr. by the Reverend A. Mostaert and an Editor's Foreword by F. W. Cleaves. Pt. 1—5, «Scripta Mongolica». 3. Cambr. (Mass.), 1959.
- Bosshard M. Kuhles Grassland Mongolie. Zauber und Schonheit des Steppe. Zurich, 1949.

- Boyle J. A. Javaini and Rashid al-Din as Sources on the History of the Mongols.—Historians of the Middle East. London—New York—Toronto, 1962.
- Boyle J. A. Rashid al-Din. The Successors of Genghis Khan. N. Y.—L., 1971.
- Brendt P. The Mongol Empire, Cenghis Khan. His Triumph and Legacy. L., 1976.
- Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. 1—2. L., 1888.
- Brosset M. Deux Historiens Arméniens: Kiracos de Gantzac XIII s., Ourh-tanes de Ourha, X s. SPb., 1870.
- Cahen Caston. Histoire des Relations de la Russie avec la Chine Sour Pierre le Grand (1689—1730). P., 1912.
- Cahun L. Le Bonnier Blue. Aventures d'un Musulman d'Un Chrétien et d'un Païen à l'Epoque de Croisades et de la Conquête Mongole. P., 1877.
- Cahun L. Introduction à l'Histoire de l'Asie Turcs et Mongols des Origines à 1405. P., 1896.
- Campbell C. The Report of His Majesty's Consul at Wuchow on a Journey in Mongolia. L., 1904.
- Carruthers D. Unknown Mongolia. Vol. 1—2. L., 1913—1914.
- Chavannes E. Inscriptions et Pièces de Chancelleries Chinoises de l'Epoque Mongole.—«Toung Pao». Paris—Leiden, 1904, 1905, 1908.
- Chen Ch'ung-tou, Wai Meng-Chin. Recent History of Outer Mongolia. Taipei, 1965.
- Chen Luan. Western and Central Asians in China under the Mongols. Their Transformation into Chinese. Los Angeles, 1966.
- Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu.—«Harvard Journal of Asiatic Studies». Vol. 12, 1949.
- Clubb E. China and Russia, the Great Game. N. Y.—L., 1971.
- Clubb E. The Mongolian People's Republic.—«Eastern World». Vol. 9, 1955, № 9.
- Clauser S. G. Turkish and Mongolian Studies. L., 1962.
- Commeaux Ch. La Vie Quotidienne Chez les Mongols de la Conquête (XIII siècle). Hachette, 1972.
- Courant M. L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles. Empire Kalmouk or Empire Mantchou. Lyon—Paris, 1921.
- Curtin F. The Mongols. A History with a Foreword by Th. Roosevelt. L., 1908.
- Curtin F. The Mongols in Russia. L., 1908.
- David K. Der Sinderder Pfeil. B., 1974.
- Delemaire M. Histoire de la Dynastie des Ming, composée par l'empereur Kian—Loug, traduite du Chinois. P., 1865.
- Dequines J. Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares Occidentaux, avant et Depuis J. C. Jusqu'à Présent. 4 tomes en 5 volumes. P., 1756—1758.
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elementen in Neuperschen. Wiesbaden, 1975.
- Domasky I, Prusa F. Zeme stene a her kronika expedice Mongolskom. Praha, 1975.
- Doolin D. The Territorial Claims in the Sino—Soviet Conflict Documents and Analyses. Stanford, 1965.
- Douglas W. Journey to Outer Mongolia.—«The National Geographical Magazine». Vol. 121, 1962, № 3.
- Duglas R. K. The Life of Jenghis Khan. L., 1877.
- Duhalde J. B. Descriptions Géographiques, Historiques Chronologique, Politique et Physique de l'Empire Chinois et de la Tartarie Chinoise. Vol. 1—4. La Haye, 1736.
- Dynowski W. Symposium z badan nad kultura i spoteczenst wen Mongolia 15 grudnia 1975 roku. Warszawa, 1977.

- Education in the Mongolian Peoples Republic. Bangkok, 1971.
- Erdeni-yin Tobci. Mongolian Chronicle by Sagang Secan, with a Critical Introduction by the Reverend A. Mostaert and an Editors Foreword by Fr. W. Cleaves.—«Scripta Mongolica». 1—4. Cambr. (Mass.), 1956.
- Erzseber H. Mongolia Naplo. Budapest, 1977.
- Eudin H., North R. C. Soviet Russia and the East. Documentary Survey. 1920—1927. Stanford, 1957.
- Farquhar D. Mongol Administration during the Ch'ing Dynasty. Cambr., 1960.
- Haenish E. Die Chinesische Redaction des Sanag Sesten Geschichte der Ost—Mongolen im Vergleiche mit dem Mongolischen Urtexte. Inaugural Dissertation. B., 1904.
- Haenish E. Eine Urga-Handschrift des Mongolischen Geschichtswerkes von Secen-Sanang. B., 1955.
- Haenish E. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Lpz., 1948.
- Haenish E. Die Kulturpolitik des Mongolische Weltreichs. B., 1943.
- Haenish E. Mongol un Niuca Tobca'an (Yuan-ch'ao pi-shi). Die Geheime Geschichte der Mongolen aus der Chinesischen transcription (Ausgabe Ye Teh-hui) in Mongolischen Wortlaut wiederhergestellt. Lpz., 1935.
- Haenish E. Untersuchungen über das Yuan-ch'ao pi-shi. Die Geheime Geschichte der Mongolen. B., 1931.
- Haggart M. Mongolia, the First Communist State in Asia.—Communist Revolution, ed. by R. Scalapino. N. Y., 1965.
- Hambis L. Le Chapitre de CVIII du Yuan che les Fiets Attribues aux Membres de la Famille Impériale et aux Ministres de la Cour Mongole d'après l'Histoire Chinoise officielle de la Dynastie Mongoles. T. 1. Leiden, 1954.
- Hambis L. Mongols in Ming Era (1368—1644).—«East and West». 1956, № 2.
- Hambis L., Pellio't P. Le chapitre VII du Yuan-Che. Les Genealogies Impériales Mongoles dans Histoire Chinoise Officielle de la Dynastie Mongoles. Leiden, 1945.
- Hamayon R. Farbe, des Moeurs et des Couleurs: Etude l'Ethnolinguistique Mongole.—Voiret Nommer les Couleurs. Nanterre, 1978.
- Hamayon R. Les Heros de Service.—«L'Homme». Vol. 18, 1978, № 3—4.
- Hangin J. G. Injinnasi. Köke Sudur (The Blue Chronicle). Wiesbaden, 1973.
- Hansen O. Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun.—«Journal de la Société Finno-Ougrienne». 54, 1930.
- Harrison M. Red Bear or Yellow Dragon. L., 1924.
- Hartwig V. W. Ethnographica der Chalcha und Burjaten (Mongolische Volkrepublik). B., 1966.
- Heaton W. R. Mongolia at Fifty.—«Pacific Affairs». Vol. 47, 1974—1975, № 4.
- Hedin S. Across the Gobi Desert. L., 1931.
- Hedin S. Von Peking nach Moskau. Lpz., 1925.
- Hedley J. Tramps in Dark Mongolia. L., 1910.
- Heissig W. Beiträge zur Übersetzungsgeschichte des Mongolischen Buddhistischen Kanons. Göttingen, 1962.
- Heissig W. Bolur Erike (Eine Kette aus Bergkristallen). Eine Mongolische Chronik der Kienlung Zeit von Rasipungug. Literaturhistorisch Untersucht. Peiping, 1946.
- Heissig W. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibungen der Mongolen. T. 1—2.—«Asiatische Forschungen». Bd 5, 16. Wiesbaden, 1959—1965.
- Heissig W. Geschichte der Mongolischen Literatur. Bd 1—2. Wiesbaden, 1972.
- Heissig W. Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolischen Sprache. Wiesbaden, 1954.
- Heissig W. Ein Volk sucht seine Geschichte. Die Mongolen und die Verlorenen Documenten ihrer Grossen Zeit. Dusseldorf—Wien, 1964.

- Heissig W. Geser Khan — Rauchopfer als Datierungsschilfern des Mongolischen Geser Khan — Epos. — «Zentral-Asiatische Studien der Seminars für Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn». Vol. 12. Wiesbaden, 1978.
- Heissig W. A Lost Civilisation, the Mongols Rediscovered. L., 1968.
- Heissig W. Die Mongolische Handschriften. Reste aus Olon Sume Inner Mongolie (16—17 Jahrhundert). Wiesbaden, 1976.
- Heissig W. Mongolistik an Deutschen Universitäten. Wiesbaden, 1968.
- Heissig W. Mongolenreiche. — «Propylien Weltgeschichte». Bd 6. B., 1964.
- Heissig W., Tucci G. Die Religionen Tibets and the Mongolei. Stuttgart, 1970.
- Hibbert R. A. The Mongolian People's Republic in the 1960 s. — «World Today». Vol. 23, 1967.
- Hirba T. Nowa Mongolia. Warszawa, 1953.
- History of the Archars (Mongols) by Grigor of Akang, ed. with an English trans. and notes by Robert R. Blake and Richard N. Frye, Cambr. (Mass.), 1954.
- History of the Mongolian People's Republic. M., 1973.
- History of the Mongolian People's Republic, transl. from the Mongolian and Annotated by William. A. Brown and Urgunge Onon. Cambr. (Mass.). L., 1976.
- Holzman F. Finances in the Mongolian People's Republic. Economic Analyses. — The Mongolian Peoples Republic. Vol. 3. Seattle, 1956.
- Holzman F. The Tax System of Outer Mongolia 1911—1955, a Brief History. — «Journal of Asian Studies». Vol. 16, 1957, № 2.
- Howorth H. H. History of the Mongols from the IXth to the XIXth Century. P. 1—3. L., 1876—1888; p. 4. Supplement and Indexes. L., 1927.
- Hug E. R. The Empire Chinous. P., 1854.
- Hug E. R. and Gabst. Souvenirs d'un Voyage dans Le Tartarie, Le Thibet et la Chine Pendant Les Annees 1844, 1845 et 1846. Vol. 1—2. P., 1850 (anra. Travels in Tartary Tibet and China 1844—46. L., 1928).
- Humphrey C. Pastoral Nomadism in Mongolia: the Role of Herdsmen's Cooperatives in National Economy. — «Development and Change». Vol. 9, 1978.
- Huslund H. Men and Gods in Mongolia. L., 1935.
- Huth G. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. Bd 1—2. Strasbourg, 1896.
- Hyer P. Development of Outer Mongolia. — «Asian Student». Vol. 25, 1976, № 6.
- Hyer P. Lemaist Buddhism and Japanese Policy in Mongolia MS. University of California. Berkeley, 1953.
- Hyer P. Visit to Mongolia. — «Asian Student». Vol. 26, 1977.
- Indological Studies in M.P.R. U.B. 1979.
- Isono F. The Mongolian Revolution of 1921. — «Modern Asian Studies». Vol. 10, 1976, p. 3.
- Jagchid, Sechen. The Mongolian Lamaistic Quasi Feudalism during the Manchu Domination. Taipei, 1966.
- Jagchid Sechen. Patterns of Trade and Conflict between China and the Nomads of Mongolia. — «Zentralasiatische Studien». Bd 11, 1977.
- Jerbilhon C. V. La Grand Tartarie. P., 1779.
- Juvaini Ala ad Din Ata Malik. The History of the World Conquerer, transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvani by J. A. Boyle. Vol. 1, 2. Manchester, 1958.
- Kaluzynsky St. Mongolia. Warszawa, 1965.
- Kaluzynsky St. Imperium mongolskie. Warszawa, 1970.
- Kaluzynsky St. Tajna historia mongolow. Anonimna Kronika Mongolska. Warszawa, 1969.
- Karamishef W. Mongolia and Western China. A Social and Economic Study. Tiensin, 1925.
- Kolarz W. The People's of the Soviet Far East. L., 1954.

- Kolarz W. Communism and Colonialism. L., 1964.
- Komorni K. F. Tavalod Jurtak. Budapest, 1974.
- Korostovetz I. Von Chinghis Khan zur Soviet Republic. Eine Kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der neusten Zeit. B. — Lpz., 1926.
- Lattimore O. From Serf to Sage: The Life and Work of Jamsrangiin Sambuu. — «Journal of the Anglo-Mongolian Society». Vol. 3, № 1, 1976.
- Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N. Y., 1951.
- Lattimore O. Mongol Journeys. N. Y. — L., 1941.
- Lattimore O. The Mongols of Manchuria. N. Y., 1934.
- Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia, with transl. from the Mongolian of Sh. Nachukdorje's «Life of Sukebator» by O. Lattimore and Ur. Onon. N. Y., 1955.
- Lattimore O. Nomads and Commissars, Mongolia Revisited. N. Y., 1962.
- Lattimore O. The Outer Mongolian Horizon. — «Foreign Affairs». Vol. 24, 1946, № 4.
- Lattimore O. The Social History of Mongol Nomadism. Historians of China and Japan. New York — Toronto, 1961.
- Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928—1958. La Haye, 1962.
- Ldenek T., Viteslav W. Mongolie 50 lat Revolucje. Warszawa, 1972.
- Legrand J. Le choix Mongol de la feodalite en socialism. P., 1975.
- Leong Sowtheng. Sino-Soviet Diplomatic Relations 1917—1926. Canberra, 1976.
- Lessing F. Die Mongolia: Hirten, Priester and Damonen. B., 1935.
- Levene J. La Mongolia Historique, Geographique, Politique. P., 1937.
- Legeti L. Catalogue du Kanjur Mongol Imprime. Vol. 1. Budapest, 1940.
- Legeti L. Histoire secrete des Mongols. Texte en ecriture oingure incorpore dans la chronique Altan tobci de Blo-bzon bstan'jin. Budapest, 1974.
- Ligeti L. Les noms mongols de Wen-Tsong das Yuan. — «T'oung Pao». Vol. 27, 1930, № 2—3.
- Ligeti L. Sa-Skya pandita Tresor des sentences Subhasitaratnidhi. Budapest, 1973.
- Liu Mau Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-Kue). Bd 1. Wiesbaden, 1948.
- Lorinc Z. L. A Mongol Nepkobteszet. Budapest, 1969.
- Ma Ho Tien. Chinese Agent in Mongolia. A Report of the Birth of the Mongolian People's Republic. Transl. by John de Francis with an Introduction by O. Lattimore. Baltimore, 1949.
- Mackenzie F. The Ocean and the Steppes. The Life and Times of the Mongol Conqueror Chenghis Khan (1155—1227). N. Y. — Wash., 1960.
- Mailla I. A. M. Histoire Generale de la Chine ou Analles de cet Empire. Trad. du Tong-Kien Keng-mou. Vol. 11. P., 1777—1785.
- Manchen-Helfen. O. The World of the Huns. Studies in their History and Culture. Berkeley — Los Angeles, 1973.
- Maringer L. Contribution to the Prehistory of Mongolia. Stockholm, 1950.
- Martin D. The Rise of Chingishan and his Conquest of North China, introd. by O. Lattimore. Baltimore, 1950.
- McCall R. The Land of Gingham Khan: a Journey in Outer Mongolia. L., 1963.
- McMurray. Treaties and Agreements with and Concerning China. Vol. 2, 1919, 1929. Wash., 1929.
- Mehnert K. Peking and Moscow. N. Y., 1963.
- Menges K. Das Cagataischen in der persischen Darstellung von Mirza Mand Han. Wiesbaden, 1957.
- Micheli S. Mongolia In Search of Marco Polo and others Adventures, trans from Italian by Bruce Penmen. L., 1967.
- Miller R. Monasteries and Culture Change in Inner Mongolia. Wiesbaden, 1959.
- Minorski V. F. The Turks, Iran and Caucasus in the Middle Ages, preface by J. A. Boyle. L., 1978.

Misshima I., Goto T. A Japanese View of Outer Mongolia Being a Condensed Translation of the «Outer Mongolia People's Republic». Transl. and Summ. from the Japanese by A. J. Grajdanzev. N. Y., 1942.

Mostaert A. Sur quelques Passages de l'Histoire Secrete des Mongols. Cambr. (Mass.), 1953.

Murphy G. The Economic Development of the Outer Mongolian Economy in Recent Times. Ann Arbor, Michigan University Microfilms, 1957.

Murphy G. Planning in the Mongolian People's Republic.—«Journal of Asian Studies». Vol. 18, 1959, № 2.

Natsagdorj Sh. The Economic Basis of Feudalism in Mongolia.—«Modern Asian Studies». Vol. 1, 1967, № 3.

Natsagdorj Sh. Main Characters or Feudalism of the Nomads (The Mongolian Society as an Example).—«Papers of the Mongolian Delegates to the XIV International Congress of Historical Sciences (San Francisco, August 22, 29, 1975)». U. B., 1975.

Nemzer L. The Status of Outer Mongolis in International Law.—«American Journal of International Law». Vol. 33, 1939, № 3.

Nowgorodowa E. Alte kunst der Mongolei. Lpz., 1980.

D'Ohssoon. Histoire des Mongols depuis Tchingis-Khan jusqu'a Timour Beg ou Tamerlan. Vol. 1—4. P., 1824; изд. 2-е. La Haye—Amsterdam, 1834—1835; изд. 3-е. La Haye—Amsterdam, 1852.

Okada X. Outer Mongolia in the Sixteens and Seventeens Centures.—«Адзия Афурико гэнко бунка кэнкао». 1942, № 5.

Pallas P. Sammlungen Historischer Nachrichten uber die Mongolischen Völkerschaften. Bd. 1. SPb., 1776; т. 2, St.-Pt., 1801.

Park A. The Non-Capitalistic Path of Development. N. Y., 1949.

Parker E. H. A Thousand Years of the Tartars. Shanghai—Hongkong, 1895.

Pauthier M. G. Le Livre Marco Polo. P., 1865.

Pelliot P. Histoire secrete des Mongols. Restitution du texte Mongol et traduction francaise des chapitres I et VI. P., 1949.

Pelliot P. Les Mongols et la Papauté.—«Revue de l'Orient Chretien». Ser. 3. T. 1—2, № 1—2; т. 4, № 3—4. P., 1923.

Pelliot P. Note sur Karakorum.—«Journal Asiatique». 1925, april.

Pelliot P. Notes on Marco Polo. P., 1959.

Pelliot P., Hambis L. Histoire des Campagnes de Gengis-Khan Chen Wou Ts'in-tcheng-lou, Traduit et annote par P. Pelliot. T. 1. Leiden, 1951.

Pelliot P., Hambis L. Notes on Marco Polo. Vol. 1—2. P., 1960.

Persheron M. Chinghis Khan. P., 1962.

Phillips D. Dawn in Siberia. The Mongols of Lake Baikal. L., 1942.

Phillips D. Nomad People's of the Steppes. L., 1965.

Phillips D. Russia, Japan and Mongolia. L., 1942.

Poucha P. Donitra Asie. Praha, 1962.

Poucha P. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Praha, 1956.

Poucha P. Tajna Kronika Mongols. Praha, 1965.

Poucha P. Trinact tisie Kilometru Mongolskem—Autem, parabodi a letodam. Praha, 1957.

Prawdin M. Tschingis Khan und Seine Erbe. Stuttgart, 1957.

Quatremere. Histoire des Mongoles de la Perse ecrite en Parsian par Rashid—Eldin. T. 1. P., 1836.

Rachewiltz I. de. Ideology of Chingis—Khan's Empire.—«Papers on Far Eastern History». Vol. 7. Canberra, 1973.

Rachewiltz I. de. Index of the Secret History of the Mongols Indiana University Publication, Uralic and Altaic Ser. Vol. 121. Bl., 1972.

Rachewiltz I. de. Papal Envoys to the Great Khans. L., 1971.

Rachewiltz I. de. Secret History of the Mongols. The Translation. Canberra, 1979.

Rachnevsky P. Un Code des Yuan. 2 vol. P., 1957—1972.

Radloff W. Die Alturkischen Inschriften der Mongolei. SPb., 1899.

Radloff W. Inschriften des Tonjukuk. Die Alturkischen Inschriften der Mongolei. 2-е Folge. SPb., 1899.

Reischauer E., Fairbank J. A History of East Asian Civilization. Vol. 1. East Asia: Modern Transformation. Boston, 1969.

Revolutionare Weg der Mongolischen Volksrepublik zum Sozialismus Probleme der Umgegnung der Kapitalistischen Entwicklungsstadiums. B., 1978.

Rockhill W. W. Dalai-Lamas of Lhasa and their Relations with the Manchu Emperors of China. Leiden, 1910.

Rockhill W. W. Diary of the Journey through Mongolia and Tibet. Wash., 1894.

Rockhill W. W. The Land of the Lamas. L., 1891.

Rocrich G. N. The Blue Annals. P. 1—2. Calcutta, 1949—1953.

Rocrich G. N. Trails to Inmost Asia. New Haven, 1931.

Rupen R. The City of Urga in Manchu Period.—«Ural-Altäische Bibliothek». V. Wiesbaden, 1957.

Rupen R. The Fiftieth Anniversary of Mongolian Peoples Republic. 1921—1971.—«Asian Survey». Vol. 13, 1973, № 5.

Rupen R. The Mongols of the XXIth Century.—«Indiana University Publication. Uralic and Altaic Series». Vol. 37, p. 1—2. Bl., 1964.

Rupen R. Mongolia.—Yearbook of International Communist Affairs. Stanford, 1978.

Rupen R. Mongolia, Tibet and Buddhism or a Tale of Two Roerichs.—«The Canada-Mongolia Review». Vol. 5, 1979, № 1.

Ruckman K. Das Geheimnis der Fünf Pfeile. Kreuz and Quer durch das Land der Araten. B., 1961.

Sagaster K. Die Weisse Geschichte (Cagan teuke). Eine Mongolische Quelle zur Lehre von der beiden Ordnungen Religion und Staat in Tibet und der Mongolei, überetzt und kommentiert von Klaus Sagaster.—«Asiatische Forschungen». Berlin—Wiesbaden, 1976.

Sagaster K. Der Weisse Lotus des Fridens: eine moderne mongolische interpretation buddhistischer Symbolik.—«Zentralasiatische Studien». Vol. 12, 1978.

Sagaster K. Ein Dokument des Tschingis—Khan—Kults in der Khalha—Mongolica.—«Asiatische Forschungen». Bd 17. Wiesbaden, 1966.

Sagaster K. Das mongolische Epos Khuwei Buidar Khu.—«Central Asiatic Journal». Vol. 21, 1977.

Sagaster K. Rasipungug und der Beginn der Kritischen Geschichtsschreibung der Mongolen.—«Zentralasiatische Studien». Vol. 4, 1970.

Sagaster K. Über ein Weltlich—Geistliches Disziplinarverfahren in der Khalkha—Mongolei (1869).—«Studies in South, East and Central Asia». New Delhi, 1968.

Sakamoto K. Modern Inner Asia.—«Oriental Studies in Japan. Retrospect and Prospect 1963—1972». P. 11—16. Tokyo, 1974.

Salisbury H. The Asian Heartland. The Non-Marxist View on Mongolian People's Republic.—«The Communist World: Marxist and Non Marxist Views, ed. by H. Shaffer. N. Y., 1967.

Salisbury H. To Moscow and Beyond. A Reporter's Narrative. N. Y., 1959.

Salisbury H. To Peking and Beyond. A Report of the New Asia. N. Y., 1973.

Sanders A. Mongolia, from Sambuu to Tsedenbal.—«Asian Survey». Vol. 14, 1974, № 1.

Sanders A. Mongolia, 1977. Directive № 14.—«Asian Survey». Vol. 18, 1978, № 1.

Sanjdorj M. Manchu Chinese Colonial Rule in North Mongolia. Transl. from the Mongolian and Annot. by Urgunge Onon. L., 1980.

Spuler B. History of the Mongols Based on East and West Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Century. Transl. from the German. Berkely—Los Angeles, 1972.

Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politik Verwaltung und Kulture des Ilhanzeit 1220—1335. B., 1955.

- Stolypine A. La Mongolie entre Moscow et Pekin. P., 1971.
 Strasser R. The Mongolian Horde. L., 1930.
 Strong A. L. China's Millions. Across China's Northwest and Gobi Desert to Moscow with Borodin and Marshall Feng. N. Y., 1928.
 Szykiewicz S. Kin Groups in medieval Mongolia.—«Ethnologia Polona». 1, 1975.
 Tang P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911—1931. N. Y., 1958, ed. 2, 1961.
 Tang P. Sino—Soviet Border Regions. Their Changing Character.—Unity and Contradiction, Mayor Aspect of Sino-Soviet Relations. Ed by K. London. N. Y., 1962.
 Taube E. Chrestomatie des mongolischen Literature des 20 Jahrhunderts. Lpz., 1972.
 Thomsen Y. Insription Runiques Turques de Mongolie et de Siberie Samlede Vafghand linge. Vol. 3. Kobenhavn, 1922.
 Tiel E. Die Mongolie: Land, Volk und Wirtschaft der Mongolischen Volksrepublik. München, 1958.
 Tisl L. Mongolian Journey. L., 1960.
 Togan A. Z. V. The Composition of the History of the Mongols by Rashid Ad-Din.—«Central Asiatic Journal». Vol. 7, 1962. № 1.
 Trever. Excavations in the Northern Mongolia. L., 1950.
 Uemura S. Notes on the Secret History of the Mongols.—«Tohogaku». Tokyo, 1955, № 10.
 Veit V. Arat-un Qatan Bagatur Magsorjab (1878—1927). Eine Untersuchung über das Leben und die Bedeutung eines Mongolischen Generals. Bonn, 1974.
 Vernadsky G. The Mongols and Russian. Vol. 1—2. New Haven, 1953.
 Vernadsky G. The Scope and Contents of Chinghis Khan's Yasa — «Harvard Journal of Asiatic Studies». Vol. 3, 1938, № 3—4.
 Vidal J. Le Developpement de la Agriculture Mongole.—«Economic et Politique». Mars 1962, № 92.
 Vidal J. Le Mongolie. P., 1971.
 Visselou C. Histoire de Tartarie. P., 1779.
 Vladimirtsov B. Gengis-Khan. P., 1948.
 Vreeland H. Mongol Community and Kinship Structure. New Haven, 1957.
 Waley A. The Secret History of the Mongols and other Pieces. L., 1966.
 Wallace H. A Soviet Asia Mission, with the Collaboration of A. J. Steiger. N. Y., 1946.
 Watson F. The Frontiers of China. L., 1966.
 Weiske T. Die Wirtschaftlichen Verhältnisse in den Ausseren Mongolei.—«Osteuropa». December 1928.
 Whiens H. Geographical Limitation of Food Production in the MPR.—«Annals of the Association of American Geographers». Vol. 41, 1951, № 4.
 Whiting A. Soviet Policies in China 1917—1924. N. Y., 1954.
 Williams S. W. The Middle Kingdom. L., 1848.
 Winter V. Grune Steppe — Weisse Jurten. Aulon, 1957.
 Wittfogell A., Feng Chia—Cheng. History of Chinese Society Laio (1907—1125). Philadelphia, 1949.
 Wladimirtsov B. J. The Life of Chingis Khan. Transl. by D. S. Mirsky. L., 1930.
 Jamada N. A Brief History of Mongolian Studies in Japan 1905—1945.—«Acta Asiatica Bulletin of the Institute of Eastern Cultura». Vol. 24. Tokyo, 1972.
 Jule H. The Book of Marco Polo, ed. by H. Cordier. L., 1921.
 Zagoria D. The Sino—Soviet Conflict. 1956—1961. Princeton, 1962.
 Zamzarano C. Z. The Mongol Chronicles of the Seventeenth Century.—«Gottinger Asiatische Forschungen». Bd 3. Wiesbaden, 1955.

Источники и литература на восточных языках

На тибетском

- Ma ni bka' 'bum (Манигамбум). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 Nag dbaŋ kun dga'bsod nams grabs par gyal mtahan. Dzam glin byan phyogs kyi thub pa'i rgyal eheb ehen po dpal Idan Sa skya ba'i dgun rabs rin po ehe ji litar byen pa'i tshul gyi rnam par thar pan no mshar rin po ehe'i ban mdzob dgos 'dod kun 'byun (Агван-Гунга-Содном-Дагва-Жалцан. [Священная] родословная [настоятелей] монастыря Саж, великих представителей Будды на севере Вселенной, сокровищница удивительных драгоценностей, удовлетворяющая все желания). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 D Pa'bo gtsug lag phren ba. Dam pa'i ehos kyi 'khor los bsgyur ba nams kyi byun ba gsal bar byed pa mkhas pa'i dga' ston (Бабоцуглаг-премба. Происхождение тех, которые вращали колесо святого учения, или Пир мудрецов). Ксил. Библиотека монастыря Гандан. У. Б.
 D Ka' 'gyur pa mer gen po mon han. DZa ya pan di ta blo bzaŋ phrin las dpaŋ bzaŋ pa'i nmap thar drag bzam yonŋ du'i dhaŋ bo (Ганджурпа Мэргэн Номун-хан. Жизнеописание Зая-пандиты Лувсанпрэн-лая, называемое Дерево-владыка Парсам). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 R Gyal dbaŋ lha pa Nag dbaŋ blo bzang rgya mtsho. Gans čan yil gui sa la spyod pa'i mtho ris kyi rgyal blon gtso bor brjod pa'i deb ther rdzogs Idan gzon nu'i dga' ston dpyid kyi rgyal mo'i glu dbyans (Пятый Далай-лама Агван-Лувсан-Жамцо. Книга, повествующая главным образом о благородных царях и сановниках Страны снегов, называемая Пир молодежи Хорошей калпы, [или] Пение кукушки). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 Phags pa bla ma blo gros rgyal mtshan. Go pe las rgyas 'briŋ bsdus gsum bzeŋs pa'i mthos byed (Sa skya bka' 'bum T. ba) (Пагва-лама Лодой-Жалцан. Об издании Хубилаем расширенного и сокращенного [вариантов сутры]. Праздник-парамиты). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 Phags pa bla ma blo gros rgyal mtshan. Rgyal bu Ji big de mur la gdam du bya nor bu'i phren ba (Sa skya bka' 'bum T. ba) (Пагва-лама Лодой-Жалцан. Наставления принцу Эзбэг-Тимуру, или Драгоценные четки). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 Phags pa bla ma blo gros rgyal mtshan. Ses bya rab gsal (Sa skya bka' 'bum T. ba) (Пагва-лама Лодой-Жалцан. Разъяснение предмета познания). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 BSod nams rgyal mtshan. Rgyal rabs gsal ba'i me lon ([Саж] Содном-Жалцан. Генеалогия царей, называемая Ясное зеркало). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 Sum pa mkhan po ye ses dpal 'byor. 'Pags yul rgya nag ehen po bod dan sog yul du dam pa'i ehos byun tshul drag bsam jon bzam (Сумба-Хамбо Ишибалжир. История святого учения в Индии, Тибете, Китае, Монголии, [сочинение], называемое Пар-сам-жон-сан). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 Gos lo tswa yid bzang rtse ba gžon nu dpal. Deb-ther-snon-po R Ta-mgrin gser gyi deb-the (Дамдин Ш. Сэр-ги дебтер). Ксил. ТФ ГБ МНР.
 R Ta-mgrin gser gyi deb-the (Дамдин Ш. Сэр-ги дебтер). Ксил. ТФ ГБ МНР.

На маньчжурском

- Айисин гурун-и судури [Хроника Золотой (Цзиньской) империи]. Кн. 1—9. Пер. Ч. Бат-Очир. Рук. Монг. ф. ГБ МНР.
 Варги амарги ба-бэ нэчихийэме тогтобуха бодогон-и битхэ (История о завое-

вании китайским ханом Канхем калкаского и элютского народа, кочующего в Великой Татарии). Кн. 1—44 (русский перевод И. Россохина).
 Гэрэн монгго айман-и ба-и эджэтул битхэ (Обозрение монгольских земель). Монг. ф. ГБ МНР.
 Дай ляо гурун-и судури. Кн. 1—8 (Хроника империи Великое Ляо). Пер. Монг. ф. ГБ МНР.
 Дайчин гурун-и фугжин доро нэийзэ бодогон (Монг. пер. Азиат. ф. ГБ МНР). Кн. 1—32. Ксил.
 Джун-гар-и ба-бэ нэчихийэме тогтобуха бодогон-и битхэ (История о завоевании китайским ханом Цянь Лунем элютского народа, кочующего в Великой Татарии). Кн. 1—182.
 Маньчжу-и яргиян коули (Хроника о происхождении маньчжуров). Монг. пер. Архив Института истории АН МНР.
 Тулэрги монгго, хуйсэ айман-и ван, гун-сэ-и илэтул-улабун (маньчж., китайск., монгольск.) (Биографические материалы монгольских и китайских туркестанских князей). 120 тетрадей. Азиат. ф. ГБ МНР. Ксил.
 Тулэрги голо-бэ дасара джурган-и коули битхэ (Палата внешних сношений. Палата по делам зависимых). Кн. 1—52. Монг. ксил. ф. ГБ МНР.
 Цзю мань чжоу танг. «The Old Mancho Archives». «Tongki Fuka Sindaha Hergen-i Dangse» — (1635/6) 1—2 (The Toyo Bunko publication series C, № 13. Tokyo, 1972).

На китайском

Ван Говэй. Мэнгу као (Исследования о монголах). — «Переиздание сочинений хайнинского князя Ван Цзин-аня». Т. 6. [Б. м.], 1940.
 Жоу жань цзыляо шилу (Сборник материалов по истории жужаней). Пекин, 1962.
 Кэ Шаоминь. Синь Юань ши (Новая история Юань). [Б. м.], 1920.
 Лай Цзяду, Ли Гуанби. Минчао дуй Оалади чжаньчжэн (Войны, проведенные минской династией против ойратов). Шанхай, 1958.
 Линь Ган. Сюнну ши (История хунну). Хух-Хото, 1979.
 Ма Чаншоу. Бэй ди юй сюнну (Северные ди и хунну). Пекин, 1962.
 Ма Чаншоу. Ухуань юй сяньби (Ухуань и сяньби). Шанхай, 1962.
 Мэнгу ши цзыляо хуэйбянь (Сборник материалов по истории Монголии). Хух-Хото, 1964.
 Мэнгу цзу цзянь ши (Краткая история монгольских народностей). Хух-Хото, 1977, 1978.
 Мэнгу ми ши (Секретная история монголов). Пер. и коммент. Гэва (Даорунтибу, Дорнотива). Хух-Хото, 1979.
 Мэн-да бэй-лу (Полные записки о монголо-татарах). — «Шо-фу». Шанхай, 1927.
 Сунь Лянь и др. Юань ши (История Юаньской династии). [Б. м., б. г.].
 Сюнну шилу хуэйбянь (Сборник материалов по истории хунну). Пекин, 1961.
 То то, Ляо ши (История Ляо, т. е. Киданьской империи). [Б. м., б. г.].
 Тогтоху. Нэй Мэнгу фачжань ши (История развития Внутренней Монголии). Хух-Хото, 1958.
 Ту Цзи. Мэнгу эр ши цзи (Исторические записки о монголах). [Б. м., б. г.].
 Фань Вэньлань. Чжунго тунши цзяньбянь (Краткая общая история Китая). Шанхай, 1949.
 Фань Вэньлань. Чжунго синьдай ши (Новая история Китая). Пекин, 1954.
 Цин ши гао (История Цинской династии). Пекин, 1927.
 Цинчао чжэнфу дуй мэнгу ды чжэнцэ (Политика цинского правительства в отношении Монголии). Хух-Хото, 1964.
 Чжан Тинъюй и др. Мин ши (История династии Мин). [Б. м., б. г.].
 Чжунго гудай бэйфан гэ цзу цзянь ши (Краткая история народностей, населявших северную территорию древнего Китая). Хух-Хото, 1979.

Чэнь Шу. Цидань шэхуэй цзиньчжи ши гао (Общественно-экономическая история киданей). Пекин, 1963.
 Чэнь Чунцзо. Вай мэнгу цзиньдай ши (Современная история Внешней Монголии). Шанхай, 1922.
 Шан Юэ. Чжунго цзянь ши гайяо (Очерки истории Китая). Пекин, 1957.
 Шао Юаньпин. Юань ши лэй бянь (Тематическая классификация истории Юань). [Б. м.], 1963.
 Юй Юаньань. Чэнцзисы-хань чжуань (Биография Чингис-хана). Шанхай, 1955.
 Юй Юаньань (Юй Баян). Нэй мэнгу лиши гайяо (Очерк истории Внутренней Монголии). Шанхай, 1958.
 Яо Сылянь. Ляо ши (История династии Ляо). [Б. м., б. г.].

На японском

Вада С. Цахарубу но хэнсэн. (Преобразование Чахарского аймака). — «Тоё гакухо». Т. 41, 1958.
 Есида Дз. Куриэн ко (Исследования о курене). — «Кодай гаку». Т. 16, 1969, № 1.
 Мори М. Кодай торуко миндзоку си кэнкю (Изучение истории тюркской народности). Токио, 1967.
 Мураками М. Монгору дзика но хонфу сэй но кигэн (Возникновение феодального владения в период монгольской империи). — «Сигаку дзасси». Т. 44, 1964, № 3.
 Окада Х. Даян каган но сэнсэй (Предки Даян-хана). — «Сигаку дзасси». Т. 75, 1966, № 8.
 Онуки М. Монгору киндай си кэнкю но ситэн (Методологические вопросы современной истории Монголии). — «Рэкиси хёрон». 1973, № 282, 283, 295.
 Сугиями М. Монгору тэйкоку но гэндзо (Государственное устройство Монгольской империи). — «Тоёо си кэнкю». 1978, № 1.
 То яма С. Синдай ни окэру моко но сякай сэйдо (Общественный строй монголов в период Цинской династии). Токио, 1968.
 Хагивара Дз. Даян-каган о мэгуттэ (К вопросу о Даян-хане). — «Сирин». Т. 56, 1970, № 6.
 Эгами Н. Кита Адзиса Си (История Северной Азии). Ямакава сюппанся, 1970.
 Яно Дз. Моко киндай си кэнкю (Изучение новой истории Монголии). Киото.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абатай-хан 190, 210
 Абахай см. Абахай-хан
 Абахай-хан (Абахай) 193—195
 Абемацу Г. 73
 Або 111
 Аввакум 30
 Агванбалдан 247
 Агвандандар см. Лхарамба Агван-
 дандар
 Агвандорж 247
 Агванхайдав 247, 248
 Адай-хан 182
 Айриванеци Мхитар см. Вардан Вар-
 дапет
 Александров В. А. 66
 Александр Невский 141
 Алексей Михайлович 199
 Алинтамир 29
 Алтан-хан (Алтан) 185—187, 190, 191,
 204
 Алтан-хан тумэтский см. Ананда
 Алтан-хан халхаский см. Шолой Уба-
 ши-хунтайджи
 Алтан-хан (цзиньский имп.) 131
 Алтангэрэл 303
 Алчидай 133
 Амбагянь см. Елюй Амбагянь
 Амбис У. 28, 73
 Амгалан Д. 504
 Амор 215
 Амурсана (Амарсан) 9, 41, 43, 216,
 236, 252, 501
 Ананда (Алтан-хан тумэтский) 19, 21,
 32
 Анахуань, каган 108
 Андахай 215
 Андерсен Х. 331
 Анненков 312
 Аньфу 298, 299
 Арагон Л. 501
 Арендс А. К. 25
 Ариг-Буга 147, 151
 Ариун 29
 Аруктай 182
 Асарагчи (Асрагч) 32, 205
 Аттила 72, 103
 Аюрзан Т. 497
 Аюши А. 63, 237, 238, 281, 295
 Аюши Л. 443
 Аюши Ш. 417, 419
 Аюшридара (Биликту-хан) 179
 Бабу 303
 Баврин Е. П. 67, 349
 Бадамдорж, шанзотба 299, 301
 Бадамхатан С. 55
 Бадархо О. 371
 Бадрах Г. 50
 Базарсад 320
 Байкалов К. К. 329, 330
 Байков Ф. И. 56, 328
 Байрон Дж. 501
 Бакич 312, 324, 329
 Бакунин В. М. 56, 57
 Балансэнгээ 252
 Балар Н. 78
 Балдан-дзасак 257
 Бали 29
 Баллис В. 74
 Балхаажав 53
 Бальжир Дзасакту-хан 217
 Бальзак О. 501
 Банзаров Д. 30, 59
 Баранов А. В. 62
 Барбюс А. 417
 Бартольд В. В. 27, 57, 61, 62, 70
 Батмунх Ж. 520, 527
 Батнасан Г. 55
 Бат-Очир Б. 410
 Бат-Очир Лу 52, 53
 Бат-Очир Ч. 41
 Батор-ван 233, 331
 Батор-хунтайджи 195, 196, 199
 Бату см. Бату-хан
 Бату-Болод 180
 Бату-Мункэ (Даян-хан) 8, 183—185,
 193, 204

Бату-хан (Бату) 70, 138, 140—144
 Батый см. Бату-хан
 Баян 150
 Баян-Жаргал 341, 342
 Баянчуулган Б. 34, 41, 42, 410
 Баяр-гун 324
 Бекон Е. 73
 Беннигсен А. М. 62
 Березин И. Н. 25, 61
 Бернштам А. Н. 65
 Бертельс Е. Э. 25
 Билгийн-Далай 162
 Билигун-Далай 248
 Биликту-хан см. Аюшридара
 Бинту 187
 Билэгсайхан 320
 Бильгэ-каган см. Бильгэ-Могилян
 Бильгэ-Могилян (Бильгэ-каган) 111,
 113
 Бира Ш. 6, 24, 33, 37, 51, 73, 288
 Бичурин Н. Я. (Иакинф) 28, 35, 37,
 59, 60, 61, 97, 115, 240
 Бичээж-цоржи Агвандорж 248
 Блейк Р. П. 27
 Блюхер В. К. 326
 Боди-Алаг 185
 Богдо-гэгэн см. Джебзундамба богдо-
 гэгэн
 Боголепов М. И. 62
 Бодо 303, 305, 307, 308, 320, 327, 337
 Бож, царь (Арж Борж-хаан) 251
 Бойль Д. 25, 26, 73
 Боккаччо Д. 417
 Болд чинсан 25
 Болобан А. П. 62
 Бородин А. 574
 Боудэн Ч. 32, 77
 Бо Цзюйи 121
 Брежнев Л. И. 433, 434, 511, 512,
 519—522
 Брендт П. 72
 Бретшнейдер Е. 29
 Бромлей Н. Я. 68
 Бубенной В. 200
 Будда (Три Зуу) 189, 204, 210
 Булад см. Булад-чинсан
 Булад-чинсан (Булад) 160
 Булгай 142
 Буман см. Тумэн
 Бумацэндэ Г. 329, 330
 Бушье В. 26
 Буяннэмэх С. 416—418
 Бэлгутаи 133
 Бэркэ-хан, Бэркэ 138, 144
 Бэркэчор 138
 Бээдли Д. 71
 Вада С. 73
 Ван Вэй 29
 Ванган Л. 502
 Ванданов 329
 Ван-хан см. Тогорил-хан
 Ван Чиньгу 186
 Вардан Великий см. Вардан Варда-
 пет
 Вардапет Айриванский см. Вардан
 Вардапет
 Вардан Вардапет (Вардан Великий,
 Вардапет Айриванский, о. Мхи-
 тар) 27
 Варгин Н. Т. 67
 Василевский А. М. 443
 Васильев В. П. 30, 59—61
 Вейт В. 33, 76
 Верди Д. 576
 Верн Ж. 417, 501
 Вернадский Г. 72
 Верховский Ю. М. 25
 Веселовский Н. И. 62
 Видал К. 78
 Викрамадити 251
 Вильгельм Рубрук см. Рубрук В.
 Вильгельм Парижский 167
 Висделу 69
 Витинг А. 75
 Витезлав В. 78
 Владимирский Ю. В., князь 140
 Владимирцов Б. Я. 25, 63, 64, 72, 123,
 127, 129, 154, 159, 162, 170, 172,
 200, 201, 208, 243, 291, 409
 Волков В. В. 6, 21, 86
 Воробьев М. Н. 65
 Вриланд Х. 71, 73
 Вэй Мэнчин 75
 Габс 71
 Гаваа Л. 421, 505
 Гайтав Ц. 501, 571
 Газан-хан 25
 Галдан, историк 61, 249
 Галдан см. Галдан-хан
 Галдан-хан (Галдан) 19, 33, 36, 41,
 57, 196, 197, 215, 216
 Галдан-Цэрэн 216
 Галсан 302
 Галстан А. Г. 27
 Гатаулина Л. М. 6, 34, 67, 68
 Гедин С. 76
 Гейне Г. 501
 Гембаржевский Я. В. 303, 310
 Гендун II 374, 398
 Гербион см. Жербильтон
 Гетум II 27
 Гинзбург Г. 76
 Гитлер А. 429
 Гоголь Н. В. 417, 501
 Голсандоной 290

Голстунский К. Ф. 33, 61
 Гольдони К. 419
 Гольман М. И. 6, 34, 40, 51, 57
 Гомбо Л. 43
 Гомбожав-гун 249, 250
 Гомбожав С. 37
 Гомбожав Ч. 27
 Гомбоев Г. 32
 Гомбосурэн Б. 226, 504
 Гонгор Д. 6, 39, 40, 44, 50
 Гонгор Ш. 391
 Гончиксумла С. 503
 Гончиксурэн Г. 52
 Гомбоцэрэн 290
 Гончик Чойджон-дзасак 257
 Горохова Г. С. 6, 66
 Горький А. М. 417, 501, 502
 Готов Ц. 408
 Го Цайтянь 309, 313
 Грайворонский В. В. 6, 67
 Греков Б. Д. 64
 Гренбех К. 71
 Грибовский С. 227
 Грицевец С. И. 395
 Грумм-Гржимайло Г. Е. 63, 243
 Груссе Р. 72
 Гуен-батор 207
 Гук Е. 71
 Гунгадаш Б. 497
 Гунгадоржи 160
 Гунгажалцан 167
 Гунжилам Б. 538
 Гунга-Одсор 203
 Гуно Ш. 574
 Гурбадам Ц. 53
 Гуревич Б. П. 66
 Гуррагча Ж. 523
 Гурьев Б. М. 62
 Гусак Г. 520
 Гуши-хан (Туру-Байху) 196
 Гуши Цоржи Шришила-свараб 202, 203, 205
 Гуяк 142, 144
 Гэгэн-гуши 33
 Гэлэгбалсан 291
 Гэлэгбатор П. 395
 Гэлэгдандар 505
 Гэлэгжалцан 249
 Гэлэгжамц Т. 458
 Гэрэсэндээ 185
 Гэсэр-хан 206, 251
 Гюго В. 501
 Гюйлухой 106

Да-бэйсэ 291
 Даваач-хаан 41
 Давадалай Р. 579
 Даважав Д. 458, 475

Даважамц Д. 497
 Давацэрэн 505
 Дагвадорж Х. 505
 Дайсун см. Дайсун-хан
 Дайсун-хан (Дайсун) 181—183, 185
 Дайчин-хиа 207
 Далай Ч. 49
 Далай-хан Дэлгэг Намжил 236
 Далдуугийн Марзан Шарав (Марзан, Б. Шарав) 291, 420
 Далин А. 75
 Дамба 433
 Дамба-Доржи 366
 Дамбадорж Хасбатор см. Хасбатор
 Дамбадорж
 Дамбадорж Ц. 319, 323, 329, 416
 Дамби-Джанцан 235, 236
 Дамдин см. Зава Дамдин
 Дамдин Ш. 51, 290
 Дамдин Ц. 579
 Дамдинбазар Л. 418
 Дамдинсурэн Б. 503
 Дамдинсурэн манлай-батор 42, 266, 308
 Дамдинсурэн С. 52
 Дамдинсурэн Ц. 24, 50, 51, 164, 416
 Дампил С. 444
 Дангасурэн Н. 53, 55
 Дандар 250, 396
 Дандар Л. 393, 395
 Данда-сясан (Чимэдийн Дэмчиг-дорж) 29
 Данзан 302, 305, 307, 308, 311, 319, 327, 332, 344
 Данзан-ванжил 33
 Данзанванчик Д. 443
 Данзандагва 162, 248
 Данчинов Г. Г. 287
 Дараната 61
 Даргомыжский А. 574
 Дармадала 37, 247, 249
 Дархан-бэйлэ 237
 Дархан-цин-ван 280
 Дар-эх (Тара) 213
 Дар-эх (Пунсал-дулма) 210
 Даш 302
 Даш Д. 52
 Дашдондов Х. 53
 Дашдулам Р. 504
 Дашдэлэг О. 418
 Дашдэндэв С. 501
 Дашжамц Д. 50, 51, 54
 Дашзэвэг Б. 53
 Даши Доржи 281
 Даши Нима-тушэту-хан 264
 Дашням 290
 Дашпурэв Д. 55
 Дашхаян 29
 Да Шэнху 228

Даян-хан см. Бату-Мункэ
 Даян-хан найманский 168
 Дегинь Ж. 69
 Делиб Л. 574
 Демидова Н. Р. 56
 Деревянко А. П. 88
 Дефо Д. 417
 Джа-Дамба 366
 Джакупов Т. Д. 67
 Джалханза-хутухта 323
 Джамуха 131, 132
 Джанибеков В. 523
 Джебзундамба богдо-гэгэн (Джеб-зундамба, Богдо-Джебзундамба) 218, 224, 266, 269, 271, 276, 291, 354
 Джувеини 26, 145, 160
 Джунусов М. С. 68
 Джучи-хан 133, 137, 138, 140—142
 Дзонхава 188
 Дзорикту-бэйсэ 280
 Догсом Д. 302, 305, 308
 Доде А. 417
 Долгоржав Л. 458
 Долгормаа Б. 53
 Долгорсурэн Д. 21
 Долгорсурэн Ц. 40
 Дондов 33
 Дондук Даши 33
 Дорж 443
 Дорж Д. 21, 49, 56, 80, 85, 86
 Дорждэрэм Д. 52, 54
 Доржнасан Ц. 505
 Доржпалам 443
 Доржсурэн Ц. 21, 22
 Д'Оссон 69, 70
 Драйзер Т. 501
 Дугар Д. 53
 Дугаржав М. 302, 419
 Дугэрсурэн Л. 39, 44
 Думан Л. И. 5
 Дутов 312
 Дылыков С. Д. 5, 6, 33, 35, 66
 Дэлэг Г. 50
 Дэлэг-Доржи 227
 Дэмбэрэл Д. 391
 Дэмбэрэлдорж Ш. 458
 Дэмид Д. 42, 410
 Дэндэв Л. 34, 41, 302, 410
 Дэн Сюпин 527
 Дюгальд Ж. Б. 69
 Дэгинь Л. 69
 Дэд-Хамбо 399

Евтюхова Л. А. 6, 158
 Елюй 117
 Елюй Амбагянь (Амбагянь) 118, 121
 Елюй Даши 120

Елюй Лубугу 121
 Елюй Тэла (Чжундухун) 121
 Елюй Чуай 29, 30
 Ендонжамц 30
 Ержбер Х. 78
 Ермаченко И. С. 66
 Есоту-бэйсэ Чултэм 312
 Есугэй см. Есугэй-батор
 Есугэй-батор (Есугей) 130, 131
 Ефремов А. А. 418, 419
 Ензон-Хамбо 397

Жагварал Н. 53, 497
 Жагжид П. 73
 Жалан-Ажав С. 35
 Жамба 32
 Жамбалдорж мэргэн-гэгэн 36
 Жамцарано Ц. Ж. 32, 35
 Жамьян 303, 309
 Жамьян Г. 503
 Жамьян Д. 458
 Жамьян-Данзан Саджи-лама 337
 Жамьянгарав 247
 Жамьянжав Г. 52
 Жаргалсайхан Т. 504
 Жарчиудай 161
 Жербилюн (Гербилюн) 69, 224
 Живков Т. 520
 Жигмиддорж 303
 Жугдэр Ч. 50, 51
 Жугдэрнамжил Ч. 395
 Жуков Г. К. 395
 Жумдан Ш. 53
 Жэлмэ 158

Зава Дамдин 247, 248
 Загасбалдан Д. 53, 54
 Загдсурэн А. 504
 Зайн-гэгэн 225
 Зайсанов 443
 Залкинд Е. М. 66
 Зая-пандита халхаский Лувсанпрэн-лэй 33, 203, 247, 248
 Зая-пандита ойратский Намхайжам-цо 203
 Златкин И. Я. 5, 6, 57, 65, 66
 Зоригто-батор (Тогтох) 42, 238
 Зоригту-хан 233

Ибиритайши 184
 Иванов В. С. 419
 Иваненко В. И. 68
 Ивмура С. 73
 И Гуань 227
 Илаугсан-хутухта 280
 Инжиннаш 253

Иннокентий IV 141
Инциун 182
Исоно Ф. 76
Исункэ 165
Ишбалдан-бандида 36
Ишбалжир 249
Ишдорж Б. Ц. 51, 56
Ишдорж Д. 6
Ишдулам Д. 418
Ишжамц Н. 6, 43, 49

Кадар Я. 520
Кайгородов 315, 327, 332
Казагранди 312, 324
Казанцев 312, 324, 329
Казвини Мирза Кухаммед 66
Каллиников А. Д. 63
Калужинский Ст. 24, 78
Камбар У. 55
Канси (Шэньцзу) 197, 213, 215, 224
Капаган см. Мочжо
Капица М. С. 67, 68
Карпини ПIANO 26, 141, 155, 167, 410

Каррутерс Д. 71
Кастро Р. Русс 520
Катрмейр 25
Каун Леон (Давид Леон) 70
Кафаров П. И. (Палладий) 23, 28
Каэн Г. 71
Ким Г. Ф. 68
Кимура Х. 74, 75
Кириакос Гандзакеци 27
Киселев С. В. 5, 21, 22, 158, 165
Кият 157
Клабб Е. 74, 75
Клиффс Ф. В. 31, 36, 73
Клюкин Ин. 30
Кляшторный С. Г. 22
Ковалевский О. М. 58, 59
Коваленко В. 523
Кодама 285
Козин С. А. 24, 409
Козлов П. К. 21, 37, 61, 100, 241, 243, 255, 409

Коковцев 263
Коларж В. 75
Колчак 300, 312
Комаров В. Л. 409
Коморник Ф. 78
Кореш Г. 24
Корнейчук А. 502
Коронов Ю. В. 68
Коростовец 268, 270
Косыгин А. Н. 520
Котвич В. Л. 62
Кравченко Г. П. 395
Крадер Л. 74

Краузе Ф. 72
Крылов И. 417
Кудэрбэргэн 458
Кузьма (Косьма) 26, 141
Куль-Тегин (Кюль-Тегин) 22, 111—113, 122

Куку-Тэмур 179
Кульвинский П. 200
Кунгуров Г. 65
Курана М. 71
Куропаткин 233
Кутуз 143
Кутузов 445
Кутула-хан (Хотола-хан) 163
Кутулуг см. Эльтэрэс
Кучеренко М. И. 287, 303, 310
Кушелев Ю. 62
Кюнер Н. В. 28
Кычанов Е. И. 65
Кэбинин 105

Лавренев Б. 502
Ламб Х. 72
Лаошан-Гиюю 103
Латтимор О. 74, 76
Лауфер Б. 71
Левен Ж. 75, 76
Легран Ж. 76
Ленин В. И. 11, 12, 44, 47, 48, 68, 83, 172, 173, 237, 242, 293—295, 307, 311, 314, 332, 333, 344, 346, 384, 403—405, 414, 420, 473, 493, 499, 500, 544, 563—565

Лессинг Ф. 71
Лигдан см. Лигдэн-хан
Лигдэн-хан (Лигдан) 8, 190, 193—195, 203, 246
Лигдэн Б. 52, 53
Лигэти Л. 24
Лин Кюн-и 30
Липовцев С. 35
Лодойдамба Ч. 501, 571
Лондон Д. 417
Лопе де Вега 419
Лосол 'Д. 42, 303, 305, 308, 319, 410

Лубсан Данзан (Лувсан-Данзан) 24, 32, 410
Лувсан 291
Лувсанвандан III. 410
Лувсандагва 419
Лувсандагва-Даржа 247
Лувсандаш 248
Лувсандорж П. 54
Лувсан-Жамба-гун 342
Лувсан-Содном Ч. 418
Лувсан-хуурч О. 291, 419
Лувсанчултэм цахар-гэвш 247

Лувсанцэвэн 309
Лумир 22
Лумумба П. 503
Лунсянь 121
Лут-Очир 341, 342
Лхавзан-хан 33
Лхагвасурэн Ж. 445
Лхамсурэн Б. 53, 54
Лхамсурэн Г. 52
Лхамсурэн-лама 248
Лхамсурэн Ч. 501
Лхарамба Агвандандар (Агвандан-дар) 247, 248
Людоев IX 26, 139
Лю Маоцай 28
Ляо 28

Магакия Григор Акнерци 27
Магодович И. П. 27
Майдар Д. 23, 51
Майдарапал 179
Майский И. М. 62, 63
Маккензи Ф. 72
Максаржав Л. 410
Максаржав Хурц, бэйс 41, 327
Максаржав С. (хатан-батор Максаржав) 42, 51, 265, 297, 308, 312, 329, 330, 347
Малейн А. И. 26
Малиновский Р. Я. 443
Малов С. Е. 22, 25, 122
Малевкин А. Т. 65
Малья М. 69
Манибадар Д. 420
Манибазар 237, 238, 287
Мандулай Агулху 184
Мандхай см. Мандхай-цэцэн
Мандхай-цэцэн (Мандхай) 184, 207, 501

Марков Г. Е. 65
Маркс К. 9, 42, 47, 48, 129, 154, 174, 175, 189, 229, 230, 232, 344, 414, 499, 563
Мартин Д. 72
Матвеева Г. С. 6, 67
Махагала 165
Махасаммади 205
Махбал Л. 505
Махмуд 180, 181
Махмуд Тараби 140, 142
Махмуд Ялавач 134
Маяковский В. В. 501
Мейер 331
Мещеряков М. В. 67, 349
Милеску Г. Н. (Спафарий) 56, 199
Миллер А. 78
Миллер Г. Ф. 57, 58
Минаев И. П. 27
Мицис А. 52

Минкус Л. 574
Михайлов Г. И. 5, 6, 67, 207
Модэ, шаньюй (Модэ) 100, 101, 103, 105

Моббуу Д. 53
Мольер Ж.-Б. 417, 419
Монтегю Я. 78
Мопассан Г. 417, 501
Морозов А. 574
Мостэрт А. 24, 31, 36, 73
Мочжо (Капаган) 110, 111
Моюн-чур 115, 116
Мункуев Н. П. 30
Мункэ-хан (Мункэ) 139, 142, 143, 147, 151, 166, 167
Мункэ-Тэмур 180
Мупкин Г. С. 39
Мурадели В. 576
Мураками А. 24, 73
Мурдорж Л. 503
Муррей М. 40
Мустасим 141, 143
Мухали 30
Мухаммед, хорезм-шах 134, 175
Мхитар см. Вардан Вардапет
Мэй 251
Мэн Тянь 101
Мэргэн-ван 253
Мэрфи Г. 71, 74
Мягмаржав Б. 53
Мясников В. С. 56

Наван Д. (Наваан) 21, 49
Навааннамжил Г. 41—43
Наван Нэрин, цэцэн-хан 264
Наванчимид М. 497
Нагачу 179, 180
Намдаг Д. 417, 420, 502, 571
Намнан-Сурэн, сайн-нойн-хан 264, 266, 274, 358
Намсрай Л. 419
Намсрай, эрдэнэ-ван 266
Намсрай Цо 55, 458
Намсрайжав 290
Намхайжамцо см. Заяпандита ойратский Намхайжамцо
Нарочницкий А. Л. 66
Насанбалжир Ц. 31, 35, 36, 39, 43, 44
Насонов А. Б. 64
Нацагдорж Д. 27, 415—417, 419, 420, 505, 570, 571
Нацагдорж Ш. 5, 6, 24, 35, 36, 43, 44, 50, 502
Наян 154
Нейман К. Я. 326
Некрасов Н. А. 417, 501
Немчинов 324
Нератов 263

Николай II 274
Новгородова Э. А. 21
Ногон-дар-эх 250
Нойн-ван 233
Номун-хан Ганжурпа Мэргэн 33
Норовбанзад С. 504, 572
Норовсамбуу С. 55
Нукуз 157
Нурхац 192, 193
Нэйжитойн 250
Нэйсэ-гэгэн 399
Нэргүй П. 55
Нямаа Д. 40
Нямбуу Х. 50, 55
Нянтайсүрэн Д. 394, 395, 443, 444

Обен Ф. 76
Обручев В. А. 243, 409
Одон Б. 504
Одон Г. 504, 505
Одзава Х. 73
Одсүрэн 443
Оглоблин Н. Н. 56
Ойдов Ч. 501
Окладников А. П. 21, 22, 65, 80, 84, 85
Олзвой Ц. 395, 505
Ольденбург С. Ф. 409
Онхулын Жамьян 409, 410
Орбелян Ст. 27
Орсоо Г. 54
Осипов А. А. 67
Островский Н. 417, 502
Отчигин 133
Очир А. 6
Очирдара (Важрадара) 210
Очилов 337
Оюун Э. 501

Паак А. 75
Пагва-лама Лодойжалзан 150, 162
Палиенца Нерсес 27
Паллас П. С. 57, 58
Панини 161, 249
Панкратов Б. И. 24, 25
Панчен-лама 351
Парчин-Тууль 291
Патканов К. П. 27
Певцов М. В. 37, 61
Пейло, хан 113
Пелли П. 24, 27, 29, 71
Персгерон М. 72
Петлин И. 56
Петр I 57
Петрушевский И. П. 25
Петухов М. 36
Пин 251
Плано Карпини см. Карпини П.

По Эдгар 417
Погодин Н. 502
Позднеев А. М. 36—38, 61, 210
Покотилов Д. 33, 61
Полевой Б. 501
Поло Марко 26, 27, 152, 410
Попов З. 502
Потанин Г. Н. 37, 61, 240, 243, 255
Потапов М. И. 395
Поуха П. 24
Правдин М. 72
Прокофьев С. 574
Пржевальский Н. М. 37, 61, 240, 243

Пуни Ц. 574
Пунцаг Б. 314, 320, 323, 330
Пунцагдорж 327, 337
Пунцаг-Ендон Г. 458
Пунцагноров Ц. 44
Пурвээ Г. 40
Пурэв Ж. 571
Пурэв О. 6
Пурэвдорж Д. 571
Пурэвдорж П. 504
Пурэвжав С. 44, 50
Пу Сунлин 251
Пуччини Дж. 574
Пушкин А. С. 417, 501
Пэн Дая 30
Пэрлээ Х. 6, 23, 30, 32, 33, 48, 50—55

Равжай 247, 252, 254
Рагузинский С. 215
Радлов В. В. 22, 61
Раднабадра 33, 203
Раднабазар Ж. 573
Рачевильц И. 24, 73
Рашид ад-Дин 25, 123—125, 127, 138, 143, 146, 157, 158, 160, 163, 168

Рашидондук 33
Рашипунцаг 36, 249
Резухин 324, 329, 330
Ремизов И. М. 393, 395
Ринчен Г. 501
Ринчин Б. 27, 50, 56
Ринчиндорж 217
Римский-Корсаков Н. 574
Рокоссовский К. К. 326
Рокхил В. 273
Роллан Р. 417
Ромаскевич А. А. 25
Рощин С. К. 6, 67
Рубрук В. 26, 139, 157, 167, 410
Рупен Р. 71, 74, 75
Рябушинский 261
Рязановский В. А. 35
Рязанский князь Юрий Игоревич 140

Савельев Г. П. 30
Савинных В. 523
Саган Сэцэн (Сананг-сэцэн, Сыцин, Санани-тайджи) 31, 32, 58, 184, 205—207
Сагастер К. 24
Сажа-пандита Гунгажалцан 161, 207, 251

Сазонов 263
Сайн-нойон-хан 274, 275
Сакамото К. 76
Самбу Д. 457
Самбу Ж. 468
Сандаг Х. см. Хуульч-Сандаг
Сандаг Ш. 6, 44, 50, 54
Сандагжав Г. 497
Сандерс Я. 72, 77, 78
Санждорж М. 6, 44, 53
Санжеев Г. Д. 6
Санжид А. 419
Сандо 238

Сансрай-доржи 236, 458
Саньдо, амбань 265, 266
Свечников 257
Свифт Д. 417

Себастаци Безымянный 27
Семенов А. А. 25

Семенов, атаман 299
Серафимович А. 417
Серройс Г. 73
Симонов К. М. 501

Синтур 151
Сиратори К. 73
Скотт К. 77
Сладковский М. И. 66
Слесарчук Г. И. 34, 40

Сметана В. 574
Смирнов Б. 503
Смирнова О. И. 25
Смит У. 75

Соболев Л. Н. 62
Содном Б. 50
Содномдагва С. 51
Содномдагва Ц. 40, 44

Содномжамц 190
Содном Рабдан, дзасакту-хан 264
Сокольниковский 329
Солсбери Г. 74, 75
Соном-Гар 164

Сороковиков Б. 66
Софроний Грибовский см. Грибовский С.

Спарепет Смбаг 27
Спаский 31

Спафарий см. Милеску Г. Н.
Старицина П. П. 5, 39, 67
Стендаль 501

Степанос, епископ 27
Столыпин А. 74, 75
Столыпин Д. 74

Суворов А. 445
Суй 28, 110
Сумадишида (Лувсанчултэм) 249
Сумба-хамбо Ишбалжир 36, 247—250

Сумья 290, 320
Сумья Б. 55
Сумьябаатор Б. 30
Сундуй М. 458

Сун Лян 29
Сухэ см. Сухэ-Батор Д.
Сухэ-Батор Д. (Сухэ, Сухбаатар) 39, 40, 48, 52, 187, 300, 302—316, 320, 322—332, 343, 411, 417, 418, 420, 421, 432, 440, 500—502, 504, 505, 563

Сэнгэ Д. 501
Сүй Тин 30
Сүй Шучжэн 276, 301, 305, 306, 308, 313

Сыма Цянь 28
Сыцин см. Саган Сэцэн
Сэр-Оджав Н. 6, 21, 22, 49, 86, 288
Сяо Вэнь-ди 103
Сяо Дасянь 201

Тагор Р. 501
Тайпин 180
Тамчина В. 78
Тан П. 75

Тан, полковник 263
Танака К. 76, 260
Таньшихуай 105
Татауров 31

Таш Р. 78
Твен М. 501
Тизенгаузен В. Г. 25
Тиль Э. 76

Тимковский Е. Ф. 37
Тимур Бек 69
Тито И. 520

Тихонов Д. И. 65
Тихонов Н. С. 501
Тогон 29, 181, 182

Тогон-Тэмур 153, 164, 179, 204
Тогорил см. Тогорил ван-хан
Тогорил ван-хан (Тогорил) 131, 132, 168

Тогтох см. Зоригто-батор 42, 238
Тогтох, историк 78, 290
Тогтох 302

Тохтохтур Дзасак-нойон 248, 250
Тогтумур 29

Тогус-Тэмур 180
Толстой А. Н. 501
Толстой Л. Н. 417

Томисамбат (Тонмисамбхата) 161, 248

Тоньюкук 22, 112, 113, 122

Тояма С. 73, 264
Тревер К. В. 21
Три Зуу см. Будда
Туванов 337
Тудэв Б. 6, 46, 53, 457
Тудэв Л. 571
Тудэв Ш. 54
Тулуй 137, 138, 141, 142
Тулуюбу 121
Тумань-шаньюй 100
Тумурбатор Д. 56
Тумэн-хан (Тумэн, Буман) 108, 109, 185
Тумэндэмбэрэл Д. 504
Туракина 141
Тургенев И. С. 504
Туру-Байху см. Гуши-хан
Турху 395
Түшэту-хан 194—200, 203
Тэмур (Улдзэйтү-хан) 152
Тэмучин см. Чингис-хан
Тэнгис 195
Тянь Идэ 228

Уайтинг А. 74
Убаши-хунтайджи 32, 207
Угэдэй-хан 72, 133, 137—139, 146, 151, 153, 166, 167
Удвал С. 571
Уильямс У. 71
Уйзэн-гун 294
Улдзэй-Жаргал 235
Улзэйтү Тэмур-хан 162
Улымжиев Д. Б. 67
Ундур-тэгэн Занабазар 196, 197, 203, 210
Унгери 309—315, 322—324, 326, 328—330, 337
Успенский В. П. 61

Фадеев А. 501
Фам Ван Донг 520
Вань Вэньлань 79
Фаргохар Д. 73
Федюнинский И. И. 395
Филлипс Д. 75, 76
Фишер И. Е. 57, 58
Фокс Р. 72
Фомвнхан К. 520
Франке Г. 73
Фрей Р. Н. 27
Фритерс Д. 77
Фурманов Ф. 417
Фусе К. 76
Фусэй С. 32
Фын Тайлун 228

Хабул-хан 130
Хадаан 151
Хайду 151, 152
Хайсан (Хулуг-хан) 152, 162
Ханда-Доржи цин-ван 263—266, 269—271, 279, 285
Хандсурэн Ц. 49
Хан-Харангуй 291
Хань 28, 79, 102, 103, 105
Хартвиг Ф. В. 78
Хархасун 29
Хасар 133, 165
Хас-Батор Дамбадорж 320, 323, 329, 330
Хаслунд Х. 76
Хатан-батор Максаржав см. Максаржав С.
Хаттори С. 73
Хаянхярва Х. 395
Хейниш Э. 24, 31, 71
Хейссиг В. 33, 36, 73, 74
Хетагуров А. А. 25
Хишигбат 253, 254
Ховорс Г. 70
Хойдав Г. 504
Хольцман Ф. 76
Хонеккер Э. 520
Хо-Урлюк 196
Хорлоо 303
Хубилай-хан 26, 30, 143, 147—152, 162, 189, 204
Хулагу см. Хулагу-хан
Хулагу-хан (Хулагу) 140, 143, 144
Хулуг-хан см. Хайсан
Хутуктай-Сэцэн-хунтайджи 204, 205
Хурмаст-хан 206
Хуульч-Сандаг (Сандаг Х.) 253
Хуханье 103

Цаган 29
Цаган-дар-эх 250
Цаганхуу Р. 53
Цаганшухэрт С. 458
Цао Кунь 276
Цеденбал Ю. (Цэдэнбал Ю.) 45, 48, 401, 402, 423, 432, 434, 442, 444, 445, 451, 468, 486, 511, 512, 519, 520, 522—526, 546, 554, 577
Цедендаш 443
Церенгомбожаб Дзасакту-хан 194, 358
Цзяцин (Жэньцзун) 226
Цогтбадархо цинь-ван 280
Цокто-тайджи Эрхиа 64, 194, 207
Цэвэгжав О. 421, 504
Цэвэгмид Д. 416
Цэвэндорж Д. 21, 49, 80
Цэвээн Ч. 420
Цэвэн-Равдан 216

Цэгмид Ш. 83, 497
Цэдэв 458
Цэдэв Д. 44, 571
Цэдэн Б. 5, 52
Цэмбэл Ц. 458
Цэмбэл-Гуши 37, 247, 249
Цэнд 302
Цэнддаваа Р. 56
Цэрэн-дзасак 217, 234, 256
Цэрэмпил 337
Цэрэндорж Б. 320, 332, 347
Цэрэндорж Г. 6, 39, 44, 54
Цэрэндорж Д. 21
Цэрэндэв 290
Цэрэн-Чимид 266, 270, 278
Цэцэг 418
Цэцэн-хан 194, 195, 326
Цыбиков Б. Д. 66
Цыбыктаров С. Б. 310
Цяньлун 35, 225

Чагадай 133, 137, 138, 141, 142, 151
Чагдаржав Д. 303, 305, 308, 320, 323, 337
Чагдаржав Түшэту-ван 266
Чайковский П. 576
Чан Кайши 350, 453
Чан Чунь 29
Чаушеску Н. 520
Чехов А. П. 501
Чжан Дэхой 30
Чжан Цзолинь 330
Чжао Хун 30, 125
Чжичжи, шаньюй 103
Чжу Ди 181
Чимид О. 36, 39
Чимид 501, 502
Чимэд У. 54
Чимэдцэрэн Э. 54
Чингис-хан (Чингис, Тэмучин) 23, 25, 28—31, 61—65, 70—73, 79, 110—112, 145, 146, 158, 159, 164, 166, 168, 171, 175, 176, 180, 205

Чингунжав халхаский 9, 43
Чингунжав хотогойтский 217, 218
Чинжим 152
Чимитдоржиев Ш. Б. 66
Чойбалсан Х. 42, 286, 287, 303—308, 311—315, 318, 320, 322—324, 326—330, 336, 337, 347, 359, 398, 400, 410, 431, 434, 442, 443, 445, 448
Чогдон П. 395
Чойгомбо Б. 458
Чойдог Д. 420
Чойжи-Одсор 162, 164, 165, 202, 248
Чойжилсурэн Л. 571
Чоймбол 505
Чултэм Н. 504, 505
Чунагсурэн Х. 54

Чулуунбаатор Ш. 54
Чэн И 300, 301, 308, 313
Чэн Чунцзо 75

Шабшина Ф. И. 68
Шагдар Ч. 497
Шагдарсурэн Ч. 391
Шагжа С. 410
Шаагай 29
Шан Юэ 79
Шарав см. Далдугийн Марзан Шарав Б.
Шарав Д. 475
Шарав-Сэнгэ 164
Шархуу Ц. 36
Шастина Н. П. 6, 26, 32, 60, 66
Шевченко Т. Г. 417
Шеер Я. А. 21
Шекспир В. 501, 502
Шелунь-каган 106
Шиги-Хутуг 161
Шижия З. 371
Шижэ 247
Шинэху М. 22
Ширендыб Б. 5, 6
Ширкэ 151
Ширээ-гуши Дарма 249
Шмераль Б. 368
Шмидт И. Я. 31, 58
Шолой Убаши-хунтайджи (Алтан-хан) 199
Шолохов М. А. 501, 502
Шпулер Б. 72
Шрам Л. 74
Штейн 329
Штейнберг Е. Л. 65
Шуберт Я. 78
Шуньчжи (Шицзу) 213
Шурман Х. Ф. 73, 74
Шэйбан 138
Шэньцзун 121

Шербатской Ф. И. 409
Шетинкин П. Е. 326, 328

Элдэв-Очир 505
Эльтэрэс (Кутулуг) 110, 111
Эмин Н. 27
Энгельс Ф. 42, 47, 48, 85, 90, 99—101, 243, 244, 246, 344, 414, 499, 563
Энхэ-Тайван 236
Эрдэни Далай-цин-ван 280
Эрдэнэ С. 501, 571
Эрлэг-хан 206
Эренбург И. Г. 501
Эрьян 458
Эсэн см. Эсэн-хан

Эсэн-хан (Эсэн) 182, 183, 196
Эх-дагини 291

Юй Юаньань 79
Юань Шикай 268, 271—274, 276
Юань Шэндэ 228
Юндун Дорж 226
Юнлэ (Чэнцзу) 180
Юн Цзичэн 228
Юнчжэн 284
Юрий Всеволодович см. Владимир-
ский князь

Юрий Игоревич см. Рязанский
князь

Явухулан Б. 571
Ядамсурэн М. 416
Ядамсурэн У. 504
Ядринцев Н. М. 20, 61
Яковлев М. П. 393, 395
Якимов А. Т. 6
Якимова Т. А. 6, 67, 68
Якубовский А. Ю. 6, 64
Ярослав, князь 141

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Принятые сокращения: аймак — айм., гора — гор., город — г., государство — гос-во, империя — имп., караул — кар., княжество — кн-во, курган — кур., местность — местн., монастырь — мон., округ — окр., острова — о-ва, пограничный пункт — п-п, полуостров — п-в, поселение — пос., район — р-н, река — р., ханство — хан-во, хошун — хош., хребет — хр.

Абагайту, п-п 218
Австрия 71, 441
Австро-Венгрия 294
Автономная Монголия 272, 273, 298—
302, 332
Адаг-Дулан, местн. 390, 391
Адуун-чулуун, местн. 538
Азербайджан 135, 140, 144
Азия 10, 19, 55, 59, 65, 68, 70, 72, 82,
91, 95, 134, 153, 155, 175, 192, 237,
249, 286, 294, 295, 351, 415, 442,
446, 448, 452, 489, 490, 502, 512,
526, 527, 573, 583, 584
Албания 442, 446, 451
Алжирская Народно-Демократиче-
ская Республика 526
Алтай (Алтайские горы) 82, 88, 94,
124, 132, 133, 179, 180, 501, 505
Алтайские горы см. Алтай
Алтан, местн. 314
Алтан-Булак (Маймачен), г. 312—
314, 320—324, 333, 363, 364, 412,
438, 561, 565
Америка 82, 262, 294, 317, 319
Амударья, р. 137, 142
Англия 231, 262, 271, 273, 288, 331,
397, 441, 442, 445, 453, 565
Аннам 152
Аохан, кн-во 185, 193
Ара-Хангайский айм. 93, 99, 116, 436,
483, 562
Арвайхэр, местн. 502
Аргентина 526
Аргунь, р. 101
Аржан, кур. 95
Армения 140, 144
Астрахань, г. 199

Афганистан (ДРА) 74, 294, 526
Африка 96, 447, 490, 503, 512, 526,
573
Ахай-гун хурэ, пос. 328
Бага-нур, пос. 537, 539, 540, 548
Багдад, г. 143
Байбалык, г. 115
Байкал, оз. 21, 65, 87, 90, 91, 101, 106,
110, 298
Байндзак, местн. 85
Балыклык, см. Ордубалык, г.
Бангладеш 526
Барга, пров. 215, 238, 240, 242, 267—
271, 275, 299, 443
Барийн, кн-во 185, 193
Барун, местн. 85
Баян-Жаргал, хошун 341
Баян-Тумэн, пос. 382
Баян-Ульгий, г. 502
Баян-Улэгэйский айм. 92, 113
Баян-Хонгорский айм. 81, 94, 436, 482
Баян-Цаган, гор. 393
Баян-Цогт, местн. 22
Белоруссия 432, 433
Бельгия 271, 425
Берлин, г. 24
Берингов пролив 85
Бирма 152, 447
Бичигтын-ам, местн. 94
Ближний Восток 135
Богд-сомон, местн. 80, 81, 483
Богд-хан, айм. 411
Богдо-хурэ см. Улан-Батор, г.
Болгария (НРБ) 425, 441, 442, 446,
451, 519, 521
Большой Хангай см. Хангай
Борнур, пос. 549
Бохай, г-во 118
Буданч, мон. 365

Будапешт, г. 24
 Буир-Нур, оз. 123
 Булан-дэрс, местн. 390, 391
 Булган, г. 472
 Булган-сомон 86
 Булганский айм. 205, 433, 439
 Булгарское кн-во 143
 Буреть, местн. 83
 Бурэнцогт-сомон, местн. 433
 Бурятия см. Бурятская АССР
 Бурят-Монголия см. Бурятская АССР
 Бурятская АССР (Бурятия, Бурят-Монголия) 22, 65, 66, 291, 299
 Бухара, г. 134, 140
 Ван-хурэ, пос. 227, 231, 328
 Варшава, г. 24
 Великая китайская стена (Великая стена, Долгая стена) 103, 110, 122, 123, 133, 169, 180, 187, 195
 Великая Татария 69
 Великобритания 448, 526
 Великое Монгольское государство см. Монгольская феодальная имп.
 Венгрия (ВНР) 121, 140, 441, 442, 446, 451, 520, 521, 549
 Венеция, г. 152
 Верхнеудинск см. Улан-Удэ
 Висбаден, г. 24
 Витим, р. 87
 Владимирское кн-во 140
 Владивосток, г. 30, 269, 392
 Внешняя Монголия см. Халха
 Внутренняя Азия 80
 Внутренняя Монголия см. Южная Монголия
 Внутренний Китай 37
 Волга, р. 136, 138, 196, 207
 Волянь, кн-во 140
 Восток 57, 61, 68, 69, 94, 237, 243, 286, 294, 330, 340, 389, 408, 444
 Восточная Азия 19, 28, 60, 65, 192, 240
 Восточная Европа 70, 142
 Восточная Монголия 21, 84—87, 117, 181
 Восточная Нагорная Азия 37
 Восточная Пруссия 432
 Восточная Сибирь 30, 85, 87
 Восточно-Гобийский айм. 80, 96, 374, 436, 439, 577
 Восточнотюркский каганат 111, 113
 Восточный айм. 84—86, 88, 96, 436, 439
 Восточный Туркестан 101, 114, 135, 138, 140, 142
 Вьетнам (ДРВ, СРВ) 444, 447, 451, 452, 519, 520
 Галицкая земля 140

Гана 526
 Ганьсу, пров. 187
 Гвинея-Бисау 526
 Германия см. Германская Демократическая Республика
 Германская Демократическая Республика (Германия) 16, 71, 244, 250, 271, 273, 294, 389, 397, 425, 429, 430, 439, 441, 442, 445, 451, 471, 519, 521, 548
 Гоби см. Гобийская пустыня
 Гоби-Алтайский айм. 436
 Гобийский айм. 91
 Гобийская пустыня (Гоби) 82, 86, 106, 114, 116, 179, 187, 486, 505
 Говь, хош. 253
 Голландия 425
 Горно-Алтайск, г. 80
 Горлос, кн-во 193
 Грузия 135, 140, 144
 Гуа дов, пос. 99
 Гурван-сайхан-сомон 96
 Гусиное оз. 329
 Дайду см. Пекин
 Дайцинская имп. 59
 Далайнор, оз. 179
 Далан Балжут см. Дэлун Болдок
 Дальневосточная Республика 306
 Дальний Восток 28, 66, 198, 231, 242, 260, 271, 274, 285, 294, 297—299, 304, 324, 333, 365, 390, 392, 425, 426, 439, 443, 451
 Дания 71, 425
 Дархан, г. 538, 539, 540, 548, 571, 575, 577
 Дархано-Шарынгольский комплекс 16
 Датун, г. 186
 Дели, г. 505
 Дербент, г. 143
 Дешт-и-Кыпчак, г-во 138, 140, 144
 Джаруд, кн-во 185, 193
 Джунгария см. Джунгарское ханство
 Джунгарское ханство (Джунгария, Западная Монголия, Западный край, Ойратия, Ойратское г-во) 9, 18, 19, 21, 56, 57, 63, 65, 70, 84, 102, 114, 137, 153, 181, 193, 196, 197, 199, 206, 215—218, 235, 267, 330
 Дзабханский айм. 375, 576
 Дзайн-Шаби, пос. 231
 Дзамын-Удэ, г. 472
 Дзасакту-ханский айм. 214, 217, 237, 238, 245, 281, 342
 Дзун-Булак, пос. 266, 326
 Дзун-Хайрхан-ула, местн. 85
 Дзун-хурэ, пос. 266, 326
 Днепр, р. 140

Днестр, р. 143
 Долгая стена см. Великая китайская стена
 Долоннор, г. 147, 215, 225, 443
 Дубна, г. 498, 567
 Дулаг-ула, местн. 99
 Дунае-Карпатская котловина 108
 Дунчэн, г. (Барс-хот) 121
 Дурбэт, кн-во 193
 Духбаа-цагаан-сомон 81
 Дэда, кн-во 192
 Дэлгэрхульский айм. 354
 Дэлун Болдок (Далан Балжут) местн. 130, 131
 Евразия 73, 97
 Европа 9, 59, 60, 65, 69, 70, 72, 82, 90, 91, 96, 134, 153, 155, 243, 262, 294, 397, 425, 429, 442, 446, 448, 489
 Египет 143, 295, 526
 Егозыр, мон. 365
 Енисей, р. 114, 169
 Ерол-Гоби, местн. 96
 Жанбей, г. 443
 Желтура, местн. 324
 Жужань см. Жужаньский каганат
 Жужаньский каганат (Жужань) 7, 106—108, 130
 Жэхэ, пров. 92, 443
 Забайкалье (Забайкальская обл.) 30, 89—92, 98, 124, 199, 215, 237, 238
 Заир 526
 Закавказье 140, 142, 144
 Запад 69, 72, 181, 251, 287, 389, 439
 Западная Белоруссия 426
 Западная Германия 73, 452
 Западная Европа 70, 72, 441
 Западный край см. Джунгарское хан-во
 Западная Маньчжурия 106
 Западная Монголия см. Джунгарское ханство
 Западная Сибирь 91
 Золотая Орда см. Улус Джучи
 Зондские о-ва 152
 Зэрэг-сомон, местн. 483
 Ибицк, пос. 324
 Иволгинское городище 98
 Или, р. 137
 Индия 61, 152, 160, 188, 202, 203, 249—251, 295, 447, 526, 530
 Индокитай 447
 Индонезия 447, 452, 503
 Инчан, г. см. Хух-Хото
 Империя Чингис-хана см. Монгольская феодальная империя
 Иракская Республика 526

Иран 138, 140, 142—144, 472, 526
 Иркутск, г. 83, 237, 286, 288, 303, 306—308, 311, 318, 408
 Иро, р. 84
 Иртыш, р. 137, 143, 169
 Исламская Республика см. Иран
 Исламская Республика Мавритания см. Мавритания
 Испания 389
 Италия 389, 445
 Их-Газар, гор. 80
 Их-тэнгэр-ам, местн. 89
 Их-хурэ см. Улан-Батор
 Йемен (НДРЙ) 526
 Кавказ 138
 Казахская ССР (Казахстан) 66, 91
 Кайпин (Шанду—Верхняя столица), г. 147
 Кайюань, г. 180
 Калган, г. 180, 186, 224, 225, 228, 231, 240, 241, 273, 306, 310, 331, 440, 443
 Калка, р. 135
 Калмыцкая АССР (Калмыкия) 57, 65
 Кама, р. 135
 Камбоджа 152, 447
 Кампучия (НРК) 520, 577
 Камчатка 85
 Канада 526
 Карабалгасун, г. 121
 Каракорум, г. 20, 22, 26, 124, 140, 147, 152, 154, 158, 165—168, 179, 180, 210
 Карловы Вары, г. 502, 503
 Кембридж, г. 24
 Кермин, местн. 140
 Керулен, р. 84, 85, 91, 94, 101, 130, 138, 159
 Киданьская имп. (Ляо) 7, 116, 118—121
 Киев, г. 140
 Киргизская ССР (Киргизия) 22, 66
 Китай 8, 10, 23, 27, 28, 30, 37, 38, 55, 58—60, 66, 69—71, 74, 78, 79, 95, 99, 102—105, 108, 110, 111, 114, 115, 120—122, 124, 136, 147—150, 152, 153, 164, 165, 171, 177—187, 192, 195, 197—199, 211, 225—228, 230—232, 234, 235, 240—242, 249, 250, 258, 262, 263, 265, 268—270, 272—276, 285, 286, 289, 294, 301, 306, 307, 310, 312, 317, 321, 322, 331, 349, 366, 390, 439, 440, 443, 444, 447—449, 522
 Китайская имп. 178
 Китайская Республика 272, 349, 449, 450
 Китайская Народная Республика (КНР) 55, 78, 450, 464

Кобдо, г. 218, 226—228, 231, 241, 245, 271, 277, 283, 300, 312, 328, 333, 364, 463, 502
Кобдоский айм. 84, 92, 352, 436, 483, 532, 575
Кобдоский окр. 215, 218, 232, 234, 235, 237, 239, 270, 272
Кобдо-сомон 82
Корея 106, 142, 192, 294, 295, 444, 447
Корейский залив 110
Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) 68, 451, 521
Королевство Марокко см. Марокко
Королевство Непал см. Непал
Косогол, оз. 91
Кошагачская таможня 242
Красноярск, г. 237, 304
Крым 135, 143
Куба см. Республика Куба
Куйтан-Булаг, местн. 88
Кукунор, местн. 185, 187, 194, 196, 216, 299
Курильские о-ва 443
Кэшиктэн, кн-во 185, 193
Кяхта, г. 215, 226—228, 231, 240, 241, 276, 284, 285, 300, 302, 310, 312, 408
Кяхтинский Маймачен, г. 283
Лавран, мон. 210
Лаос см. Лаосская Народно-Демократическая Республика (ЛНДР)
Лаосская Народно-Демократическая Республика (Лаос) 520, 521, 526, 527
Латвия 426
Латинская Америка 512, 526
Легниц, местн. 72
Лейпциг, г. 24
Ленинград, г. 25, 408
Литва 426, 432
Лондон, г. 25
Лун-сомон, местн. 321
Лут-Очир, хош. 341
Лхаса, г. 225
Люксембург, гос-во 425
Ляо см. Киданьская империя
Ляодун, п-в 183
Ляохэ, р. 101
Мавераннахр, г-во 135, 137, 138, 140, 142
Мавритания 526
Маймачен см. Алтан-Булак
Малайзия 526
Малайя 452
Мали 526
Мальта, местн. 83
Мандал-Гоби, г. 96
Манзушир, мон. 310
Манлай-сомон, местн. 431
Манчестер, г. 26
Маньчжоу-Го, г-во 390
Маньчжурия 117, 120, 192, 240, 309, 324, 329, 392, 393, 443
Маньчжурская имп. см. Цинская империя
Манхан-сомон, местн. 84
Марокко 526
Мекка, г. 526
Менза, пос. 324
Мерв, г. 135
Минусинск, г. 89
Минусинский край (Минусинская котловина) 114, 231
Мозамбик 526
Мойлтын-ам, местн. 82, 85
Монголия 5, 7—13, 16, 19—26, 28, 30, 31, 33—35, 37, 38, 41—51, 55—64, 66—72, 75—97, 100, 102, 103, 106—108, 112—114, 117, 118, 120, 122, 124, 127—129, 132, 133, 135—139, 141, 144, 147, 148, 150, 153—155, 160, 154—166, 169, 171—194, 196, 198, 199, 201—205, 207—216, 218, 219, 221, 223—235, 237—248, 250, 252, 254—260, 262—270, 272—277, 279, 283, 285—302, 304, 306—315, 317, 319—324, 326—332, 333, 337, 339, 342—345, 348—351, 353, 361, 362, 364, 367, 382, 389, 390, 392, 395, 399, 400, 403, 404, 406, 409, 412, 414, 418—421, 423—426, 431, 432, 436, 440, 443, 449, 466, 473, 476, 478, 488, 489, 493, 497, 498, 503, 505—507, 518, 520, 523, 526, 537, 543, 545—547, 549, 581—583
Монгольский Алтай 83, 89
Монгольское г-во см. Монгольское феодальное г-во
Монгольское феодальное г-во см. Монгольская феодальная имп.
Монгольская феодальная имп. 8, 24, 26, 36, 72, 73, 123, 124, 134, 137—139, 141, 142, 144, 145, 147, 152, 155, 169, 178, 200, 202
Монгольский Хангай, гор. 92
Монгольская Народная Республика (МНР) 5, 7, 10—23, 33, 34, 38—40, 44—56, 62, 65—68, 70, 74—78, 82, 83, 85, 89, 91—93, 96, 107, 223, 337, 343—346, 348—351, 353, 354, 357, 359, 360, 362, 363, 366, 368—371, 374, 376—379, 381—386, 389—393, 394—404, 408—414, 423—436, 440—445, 448—456, 458—460, 462—475, 477, 481, 482, 486—500, 502—509, 511, 514, 516—530, 534, 536—540, 542—

558, 561—570, 572—579, 581—583
Модон-Куль, местн. 324
Моравия, кн-во 140
Москва, г. 5, 12, 24, 25, 75, 198—200, 228, 250, 261, 308, 311, 332, 419, 432, 442, 448, 473, 523, 580
Мукден, г. 192, 330

Нагасаки, г. 444
Найман, кн-во 193
Налайха, г. 22, 113, 284, 363, 382, 461, 471
Народная Республика Ангола см. Ангола
Народно-Демократическая Республика Йемен см. Йемен
Народная Республика Мозамбик см. Мозамбик
Непал 526
Нинся, пров. 187
Новгород, г. 140
Новосибирск, г. 21, 329
Ноин-ула, г. 21, 102
Ноин-ула, кур. 100
Норвегия 425
Норовлин-ула, гор. 85—87
Нью-Йорк, г. 25

Объединенная Арабская Республика 526
Овот, местн. 85
Ойратия см. Джунгарское хан-во
Ойратское г-во см. Джунгарское хан-во
Олон-сумэ, мон. 201
Онгиют, кн-во 193
Онон, р. 91, 101, 124, 130, 132, 208, 244
Оргоо см. Урга
Ордос, кн-во 92, 101, 184, 204, 235, 254
Ордубалык (Балыклык, Орхонский Карабалгасун), г. 115, 116
Орел, г. 432
Орхон, р. 22, 81, 82, 91, 94, 110, 113, 115, 121, 139, 158, 165, 208, 241, 314
Орхонский Карабалгасун см. Ордубалык
Оцон-Маньт, местн. 80

Пакистан 447, 472
Парамушир, о-в 443
Пекин (Дайду, Чжунду), г. 23, 30, 57, 59, 75, 79, 134, 147, 152, 154, 179, 182, 183, 185, 195, 216, 223—225, 227, 228, 231, 233, 240, 241, 253, 263—265, 268, 271, 272, 305, 324, 473
Передняя Азия 96, 142
Переяславль, г. 140

Персия 25, 26, 295
Петербург, г. 62, 263, 265, 269, 270, 274, 275
Поволжье 140, 164
Польская Народная Республика (Польша) 103, 140, 397, 432, 441, 442, 446, 451, 471, 520, 550
Польша см. Польская Народная Республика
Порт-Артур, г. 324
Потсдам, г. 442
Прибайкалье 83, 85, 87, 91
Приморье 83, 324
Республика Куба (Куба) 520, 521, 550
Рибогэжа-Гандан-Шадублин, мон. 210
Россия (Русь, Российское г-во, Российская держава), 8, 10—12, 38, 56—58, 62, 64, 66, 70—72, 74, 140, 144, 154, 172, 196—200, 215, 218, 227, 231, 233, 234, 237, 238, 240—243, 250, 258, 260—275, 279, 283, 285—289, 291—297, 299, 302, 303, 307, 309, 310, 317, 322, 326, 332, 447
Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) 307, 327, 329, 331, 332, 339, 340
Румыния (СРР) 425, 441, 446, 451, 520, 521, 549
Рязанское, кн-во 140
Сайн-ноён-ханский айм. 217, 246, 258
Сайн-Шанд, местн. 83, 95, 438
Салхит, пос. 540
Сан-бэйсэ см. Чойбалсан
Самарканд, г. 25, 135
Саяно-Алтай, местн. 92
Саяны, гор. 87, 88, 94, 114
Северная Азия 84—86
Северо-Восточный Китай 118, 329
Северная Корея (КНДР) 447
Северная Монголия см. Халха
Северный Кавказ 135, 143
Северный Китай 30, 103, 108, 118, 120, 123, 124, 134, 138, 142, 146, 147, 299
Северный Хорезм, г-во 143
Северное Ци, г-во 109
Северное Чжоу, г-во 109
Северо-Западный Китай 108
Северо-Западная Монголия 37
Секизмурэн, местн. 124
Селенга, р. 82, 91, 92, 115, 116, 123, 124, 133, 241, 314, 326, 328
Селенгинск, г. 199, 200
Селенгинский айм. 84, 88, 374, 438, 439, 575
Семиречье, местн. 113, 138, 143, 145

Сибирь 56—58, 65, 80, 83, 84, 87, 199, 297, 298, 303, 304
 Си Ляо (Западное Ляо) 120
 Синин, г. 186
 Синьцзян-Уйгурский автономный р-н КНР (Синьцзян) 60, 106, 215, 240, 266, 271
 Соединенные Штаты Америки (США) 71, 73, 231, 262, 271, 273, 277, 306, 331, 441, 442, 445, 447, 448, 453, 526, 565
 Соловьевск, г. 385, 438
 Средне-Гобийский аймак 80, 95, 562
 Средняя Азия 8, 21, 22, 28, 60, 63, 94, 115, 120, 134, 135, 138, 140, 142, 144, 148, 294, 347
 Социалистическая Республика Вьетнам см. Вьетнам
 Союз Советских Социалистических Республик (Советская Россия, Страна Советов, Советский Союз, СССР) 5, 12—16, 18, 22, 38, 40, 47, 51, 52, 54, 57, 59, 63, 64, 68, 70, 74, 75, 77, 78, 286, 294—308, 310—312, 314, 315, 324, 326—331, 339, 340, 342, 344, 345, 348—351, 367, 368, 370, 377, 378, 380, 382—386, 389—392, 394, 395, 398—400, 401, 408, 409, 412, 423, 425, 426, 429—431, 433, 434, 436—453, 457, 460, 463—465, 467, 470—473, 476, 481, 485, 489, 496—500, 503—506, 509, 511—514, 516, 517, 519—524, 526—528, 541, 542, 546, 547, 564, 565, 567, 571, 573, 574, 581, 583
 Стокгольм, г. 442
 Судак, г. 135
 Судан 526
 Сунит, кн-во 185
 Суйюань, пров. 235
 Сухэ-Батор, г. 81, 82, 302
 Сухэбаторский аймак 302, 436, 439
 Сырдарья, р. 137, 143
 Сычуань, пров. 187
 Сюаньфу, г. 186
 Сюмусю, о-в 443
 Тамцаг-Булак, пос. 85, 87, 88
 Танну-ола, хр. 165
 Танская имп. 110, 114, 122
 Тараб, пос. 140
 Тарбагатай, местн. 137
 Тардуш, г-во 110
 Тариат-сомон 116
 Тариачин, хош. 352
 Тенгри Агуй, пещера 21
 Терельджин-Дурвульджин, пос. 99
 Тибет 8, 24, 60, 64, 71, 149, 150, 160, 165, 185, 188—191, 202, 203, 215, 218, 225, 240, 244, 249—251

Тихий океан 452
 Тоба-Вэй см. Тобаское г-во
 Тобаское г-во (Тоба-Вэй) 105, 108
 Токио, г. 24
 Тола, р. 82, 91, 94, 107, 124, 208, 305
 Толбо-нур, оз. 330, 416
 Толгойт, местн. 363
 Толис, г-во 110
 Тольжигин-боом, местн. 89
 Томск, г. 199
 Три округа Урянха см. Урянхайский край
 Троицкосавск, г. 304, 320, 324
 Тува (Тувинская АССР) 65, 95, 291
 Тугсбуянт, мон. 365
 Туму, местн. 182
 Турция 472
 Турецкая Армения 295
 Турецкая имп. 250
 Туркестан 25, 26, 296
 Тушэту-ханский аймак 214, 227, 233—235, 245, 253, 256, 263, 281, 296, 309, 322, 342
 Тюркский каганат 7, 49, 108—111, 113
 Тэрэлджин-гол, р. 310
 Тэс, р. 116, 241
 Тямпа, г-во 152
 Тяньцзинь, г. 231, 240, 242
 Тяньшань, гор. 169
 Убсу-Нур, оз. 199
 Убсунурский аймак 92, 436, 439, 571
 Убур-Хангайский аймак 80, 81, 82, 116, 374
 Удзумчин, кн-во 185
 Уйгур-гол, р. 113
 Уйгурия см. Уйгурское хан-во
 Уйгурское хан-во (Уйгурия) 7, 26, 65, 111, 113—116
 Ула, кн-во 192
 Улалинка, р. 80
 Улан-Батор (Урга, Их-хурэ, Оргоо, Богдо-хурэ), г. 5, 12, 16, 21, 22, 24, 34, 35, 37, 44, 71, 82, 83, 89, 91, 122, 200, 209, 210, 226—228, 231, 232, 237, 239—241, 245, 261, 263—271, 273, 276, 283, 284, 286—288, 296—298, 300—306, 308—310, 312, 314, 323—328, 331, 334—336, 340, 342, 363, 364, 382, 387, 406, 411, 412, 416, 422, 423, 432, 437, 438, 442, 444, 453, 460—463, 465, 471—473, 494, 498, 502, 503, 505, 512, 515, 521, 522, 539, 540, 548, 549, 556, 559, 560, 563, 564, 575, 577
 Улангом, г. 92, 231, 236, 364, 387, 472
 Улан-Удэ (Верхнеудинск), г. 237, 304, 306, 364, 408
 Улан-Хад, местн. 321

Улус Джучи (Золотая Орда) 25, 64, 72, 137, 141—144, 164
 Улясутай, г. 226, 227, 231, 236, 241, 245, 261, 277, 283, 300, 312, 328, 329, 333, 364, 563
 Ульгий, г. 539
 Унготу, местн. 107
 Ундурхан, г. 364
 Урга см. Улан-Батор
 Ургенч, г. 134, 135, 137, 143
 Урянха см. Урянхайский край
 Урянхайский край (Три округа Урянха, Урянха) 63, 180, 182
 Ушин, хош. 235, 254
 Ушкин-Увэр, местн. 93
 Федеративная Республика Германии (ФРГ) 397
 Фиджи 526
 Финляндия 71, 428, 565
 Франция 71, 82, 271, 273, 319, 397, 425, 445, 526, 565
 Фрунзе, г. 25
 Хайлар, г. 270, 306
 Хакасия 22
 Халха (Внешняя Монголия, Халха-Монголия, Северная Монголия) 10, 18, 19, 21, 35, 43, 44, 49, 56, 61, 62, 66, 71, 75, 94, 185, 190, 193—197, 200, 204, 210, 214—217, 223, 224, 227, 228, 230—238, 240—243, 250, 260, 262—265, 267—269, 271, 273, 275, 276, 279, 283, 285, 286, 299, 301, 302, 317, 330, 390
 Халхин-гол, р. 82, 85, 87, 389, 392, 393, 394—397, 560
 Халхин-сумэ, мон. 390, 391
 Хамаг-монгол улус, г-во 130, 131
 Хами, местн. 183
 Хангай (Хангайский хр.) 88, 94, 106, 124, 207
 Хангайская зона 497
 Хангайский р-н 497
 Хангайский хр. см. Хангай
 Хан-тайшир, аймак 411
 Ханульский чулган 245
 Хан-Хэнтэйский аймак 365, 408
 Ханчжоу, г. 147
 Ханькоу, г. 228
 Харабалгас, г. 165
 Харахорин, г. 165, 550
 Харашар, местн. 106
 Хасан, оз. 392
 Хатгал, местн. 377
 Хельсинки, г. 526
 Хинганский (Хинган), хр. 114, 133, 169
 Хиран, кар. 314
 Хиросима, г. 444
 Ховд см. Кобдо

Хойт-Цэнкэр агуй, пещера 21, 84
 Хойфа, кн-во 192
 Хонхор, пос. 473
 Хорезмское г-во (Хорезм, Сартул) 134, 135, 137, 159
 Хорчин, кн-во 193
 Хошо-Цайдам, местн. 22, 113
 Хуайлай, г. 182
 Хуанхэ, р. 89
 Хубсугул см. Косогол, оз.
 Хубсугульский аймак 89, 93, 113, 116, 439, 571
 Худжир-Булак, пос. 288, 302
 Худжирт, местн. 91
 Худжирт-сомон 116
 Худэр, кар. 314
 Хуннуй-гол, р. 21, 93, 99
 Хунну, г-во 122
 Хурэ-Барвийн-Хит, пос. 326
 Хух-Хото (Инчан), г. 110, 179, 186, 187, 210, 225, 231
 Хучит кн-во 185
 Хэнтэй, гор. 82, 124, 210, 382, 497
 Хэнтэйский аймак 85, 91, 99, 374, 439
 Хэрэ-ула, гор. 84, 85
 Цейлон 450
 Центральная Азия 7, 19—21, 23, 28, 37, 51, 59, 60, 63, 65, 66, 69, 82—88, 90, 91, 95—97, 100, 104, 105, 114, 120, 122, 130, 198, 206, 240, 567
 Центральная Европа 442
 Центральный аймак 99, 107, 321, 433
 Центральная Монголия 37, 85, 117
 Цзинь (Цзиньская имп.), г-во 120, 123, 134, 146—148
 Цзиньшань, гор. 179
 Цинская (Маньчжурская) имп. 19, 35, 44, 73, 79, 194, 211, 228, 230, 235, 237, 240, 259, 264, 271
 Цогчин-дуган, мон. 209
 Цэцэгнурский сомон (Цэцэгнур) 237, 238
 Цэцэн-ханский аймак. (ныне Сухэбаторский) 214, 227, 235, 236, 238, 245, 250, 280, 281, 291, 296, 302, 309, 342
 Цэцэрлэг, г. 364, 387
 Цэцэрлэг-Мандальский аймак 365, 411
 Чандманульский аймак 352, 411
 Чандаманский могильник 92
 Чанъань, г. 114
 Чахарское кн-во 194
 Чжоукоудянь, пещера 80
 Чжунду см. Пекин
 Чернигов, г. 140
 Черное море 91
 Черные пески 110

Чехословакия (ЧССР) 16, 441, 442, 446, 451, 471, 474, 520, 521, 549

Чиклай, кар. 314

Чита, г. 237

Чойбалсан (Сан-бэйсэ), г. 84, 85, 238, 328, 472, 502, 537, 539, 548

Чойрэн, мон. 281

Чоногол, местн. 458

Чу, р. 142

Чугучак, местн. 137

Чулуут-гол, р. 88

Шабин-Дава, п-п 218

Шанду, см. Кайпин

Шанх, сомон 116

Шанцзин, г. 118

Шара-Мурэн, р. 117

Шарын-гол, пос. 537, 540, 548

Шатар-Чулу, местн. 88

Шемаха, г. 135

Шри Ланка 526

Элэгэст, р. 165

Эльба, р. 441—442

Эргуна-Кун, местн. 157

Эрдэнэмандал, сомон 93

Эрдэнэт, г. 538—540, 547, 548

Эрдэнэ-Дзу, мон. 83, 115, 210, 227

Эстония 426

Эфиопия 389

Юань (Юаньская) имп. 146, 148, 149, 153, 162, 188, 249

Юго-Восточная Европа 140, 442

Югославия (СФРЮ) 415, 441, 442, 446, 521

Южная Гоби 89

Южная Корея 527

Южная Монголия (Внутренняя Монголия) 10, 18, 31, 56, 66, 79, 94, 97, 105, 193, 194, 196, 201, 215, 235, 238, 242, 251, 253, 261—264, 267—275, 281, 285, 299, 330, 351, 390, 440, 443, 444

Южная Сибирь 28, 88, 89, 91, 215

Южно-Гобийский айм. 80, 85, 431, 436, 439, 575

Южный Алтай 124

Южный Китай 147, 151, 152

Южный Сахалин 443

Юннань, пров. 152

Якутия 85

Ялта, г. 442

Ялу, р. 295

Ямышево, оз. 199

Янцзы, р. 147

Япония 34, 70, 73, 85, 152, 231, 242, 260—262, 268, 270—273, 277, 285, 298, 306, 313, 317, 366, 388, 390, 392, 394—397, 426, 439, 440, 442—445, 452, 453, 526, 565

Ярх, местн. 80, 95

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

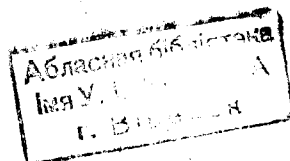
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения».
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества».
ЗРГО — «Записки Русского географического общества».
ЗСОРГО — «Записки Сибирского отделения Русского географического общества».
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности».
ТБКИ — «Труды Бурятского комплексного института».
ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Русского археологического общества».
CAJ — «Central Asiatic Journal».
JRAS — «Journal of the Royal Asian Society».

SUMMARY

A one-volume History of the Mongolian People's Republic, a result of the creative co-operation of Mongolian and Soviet historians, was published in 1954 in Ulan Bator and Moscow in the Mongolian and Russian Languages. In 1967 the History was reprinted, again in the two languages. This first joint venture by the scholars of the Mongolian People's Republic and the Soviet Union presents the history of the Mongolia from the ancient times up to the present day. But since 1967 great changes took place both in the international situation and in the internal and external situation of the Mongolian People's Republic. During this period the Mongolian people made big strides on the road of the economic and cultural development. The MPR's international standing and prestige greatly improved. Important achievements were also registered in the study of the country's history. All this necessitated a new edition of the History supplemented with new material.

The present 3-d edition contains new material and results of the most recent investigations by the Soviet and Mongolian historians. Its publication is timed to the 60th anniversary of the triumph of the Mongolian people's revolution.

The one-volume History of the Mongolian People's Republic may serve as a valuable text-book for the students of secondary and higher educational establishments and as a manual for a broad section of readers interested in the history of Mongolia.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Обзор источников и основной литературы по истории монгольского народа	20

Часть первая

Раздел первый

Первобытнообщинный строй

Глава 1. Эпоха производства орудий из камня	80
Глава 2. Эпоха производства орудий из бронзы	87
Глава 3. Начало производства железных орудий	91

Раздел второй

Разложение первобытнообщинного строя и складывание феодальных отношений на территории Монголии

Глава 1. Первые племенные союзы и государственные образования на территории Монголии	97
Держава Хунну	97
Раннее государство Сяньби	103
Глава 2. Раннефеодальные государства на территории Монголии	106
Жужаньский каганат	106
Тюркский каганат	108
Уйгурское ханство	113
Киданьская империя	116

Раздел третий

Монгольское феодальное государство

Глава 1. Общественный строй Монголии в конце XII — начале XIII в.	123
Образование монгольского государства	123
Монгольские племена в конце XII — начале XIII в.	123

Классовое расслоение монгольского общества к началу XIII в. и развитие феодальных отношений	126
Борьба за власть между монгольскими ханами	130
Монгольское государство и его классовый характер	132
Глава 2. Завоевательные войны Чингис-хана и его преемников. Образование Монгольской империи	134
Захватнические походы Чингис-хана	134
Монгольская империя при преемниках Чингис-хана (1227—1259)	137
Глава 3. Монгольская империя Юань (1271—1368)	146
Глава 4. Культура монголов в XIII—XIV вв.	155

Раздел четвертый

Монголия в XIV—XVII вв. (Феодальная раздробленность страны)

Глава 1. Общественный строй Монголии в XIV—XVII вв.	169
Глава 2. Феодальная раздробленность и попытки ее преодоления	177
Глава 3. Распространение ламаизма в Монголии	188
Глава 4. Начало маньчжурского нашествия	192
Глава 5. Взаимоотношения Монголии и России в XVII в.	198
Глава 6. Культура монголов в XV—XVII вв.	200

Раздел пятый

Монголы под властью маньчжурских завоевателей (1691—1911)

Глава 1. Превращение Монголии в окраину Маньчжурской (Цинской) империи	211
Антиманьчжурские народные восстания во Внешней Монголии	216
Ламаистская религия на службе у маньчжурских захватчиков	218
Глава 2. Усиление феодально-крепостнической эксплуатации аратов в условиях маньчжурского господства	221
Глава 3. Монголия в период вторжения иностранного капитала в Китай. Рост освободительного движения монгольского аратства	230
Глава 4. Развитие монголо-русских отношений (XVIII — начало XX в.)	240
Глава 5. Культура монголов в XVIII—XIX вв.	243

Раздел шестой

Национально-освободительное движение монгольского народа в 1911—1912 гг. Восстановление монгольской государственности

Глава 1. Предпосылки национально-освободительного движения 1911—1912 гг.	256
Глава 2. Свержение цинского господства и образование феодально-теократического монгольского государства	260
Глава 3. Общественный и государственный строй феодально-теократической монархии	276
Глава 4. Культура в период монгольской монархии (1911—1919)	287

Часть вторая

Раздел первый

Победа народной революции в Монголии

Глава 1. Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции в России и ее влияние на Монголию	293
Влияние Великой Октябрьской социалистической революции	293
Установление в Монголии оккупационного режима китайских милитаристов и обострение внешнего и внутреннего положения страны	299
Создание революционных кружков в Урге и установление связи с Коминтерном и Советской Россией	302
Глава 2. Монгольская народная революция 1921 г.	308
Ухудшение положения аратства в связи с вторжением белогвардейских банд	308
I съезд Монгольской народной партии. Создание Временного народного правительства. Победа всенародного вооруженного восстания в кяхтинском Маймачене	313
Развертывание и победа народной революции	322

Раздел второй

Антиимпериалистические и антифеодальные революционно-демократические преобразования (1921—1940)

Глава 1. Демократические преобразования и провозглашение МНР (1921—1924)	328
Полная ликвидация унгерновцев. Соглашение о дружбе между Народной Монголией и Советской Россией. Начало решения социальных проблем	328
Демократические преобразования	338
Обострение классовой борьбы и генеральная линия МНРП на капиталистический путь развития страны	342
Великий Народный Хурал и провозглашение МНР	344
Глава 2. Развитие и углубление антиимпериалистических и антифеодальных преобразований (1924—1932)	348
Укрепление внешнего и внутреннего положения МНР	348
Социально-экономические революционные преобразования	355
Обострение классовой борьбы. Преодоление правого и левого уклонов	365
Глава 3. Завершение антиимпериалистического и антифеодального этапа народной революции (1932—1940)	372
Ликвидация последствий левых перегибов и первые итоги проведения нового курса	372
Развитие народного хозяйства	379
Решение вопроса о монастырях и ламстве	386
Укрепление внутреннего и внешнего положения МНР. Разгром японских агрессоров на Халхин-голе	389
Завершение общедемократического этапа революции. X съезд МНРП. Новая Конституция МНР	397
Глава 4. Преобразование культуры на революционно-демократической основе (1921—1940)	403
Народное просвещение и наука	404
Литература и искусство	414
Здравоохранение и спорт	421

Раздел третий

Социалистические преобразования (1941—1960)

Глава 1. МНР в годы второй мировой войны (1940—1945)	425
Борьба за претворение в жизнь решений X съезда МНРП и VIII Великого Народного Хурала	425
Позиция МНР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза и ее вклад в разгром фашистской Германии	429
Перестройка народного хозяйства на военный лад и его развитие	434
Активное участие МНР в разгроме вооруженных сил империалистической Японии	439
Глава 2. Первые успехи мирного социалистического строительства в МНР (1946—1953)	445
Коренное изменение международной обстановки в послевоенные годы и укрепление внешнеполитического положения МНР	445
Переход к мирному строительству. Первый пятилетний план развития народного хозяйства и культуры (1948—1952)	453
Итоги первой пятилетки и дальнейшая демократизация избирательной системы	459
Глава 3. Победа социалистических производственных отношений в МНР (1954—1960)	467
Экономические и политические предпосылки развития массового кооперативного движения аратов	467
Победа социалистических производственных отношений в монгольском худоне и ее социально-политическое значение для дальнейшего развития МНР	475
Принятие новой Конституции МНР	490
Глава 4. Формирование и развитие социалистической культуры в МНР (1940—1960)	493
Формирование системы народного образования	493
Высшие и средние специальные учебные заведения	495
Развитие науки	496
Культурно-просветительная работа	498
Литература и искусство	500
Здравоохранение и спорт	506

Раздел четвертый

Борьба за завершение строительства социализма в МНР (1961—1980)

Глава 1. Новый этап социально-экономического развития МНР	508
Глава 2. Укрепление международных позиций МНР и рост ее внешних связей	520
Глава 3. Развитие экономики МНР	529
Сельское хозяйство	530
Промышленность и строительство	537
Транспорт и связь	541
Борьба за повышение эффективности производства	542
Экономическое сотрудничество МНР со странами социалистического содружества	547
Рост жизненного уровня монгольского народа	551
Глава 4. Дальнейший подъем социалистической культуры	556
Народное образование	557
Идеологическая и культурно-массовая работа	564
Наука	567

Литература	571
Искусство	572
Здравоохранение, физическая культура и спорт	576
Заключение	581
Приложения	586
Основные даты истории МНР	591
Основная литература по истории МНР	600
Указатель имен	636
Указатель географических названий	647
Список сокращений	655
Summary	656

ИСТОРИЯ
МОНГОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Издание третье.
Переработанное и дополненное

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор Л. В. Матвеева
Младший редактор Н. В. Бершвиц
Художник И. Д. Бритвенко
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор Г. А. Никитина
Корректоры В. В. Воловик,
В. М. Кочеткова и П. С. Шин

ИБ № 14486

Сдано в набор 30.12.81. Подписано к печати 06.12.82. А-13905. Формат 60×90^{1/8}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 41,5. Усл. кр.-отт. 41,5. Уч.-изд. л. 47,74. Тираж 7000 экз. Изд. № 5062. Зак. № 397. Цена 3 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Готовится к изданию

Матвеева Г. С. Монгольский революционный союз молодежи:
история и современность.

Книга посвящена истории создания и развития одной из наиболее массовых общественных организаций в МНР — Монгольскому революционному союзу молодежи. В работе раскрываются основные закономерности становления коммунистической молодежной организации в специфических условиях страны, миновавшей капиталистический путь развития. Особое внимание уделяется вопросу о руководстве ревсомолом со стороны Монгольской народно-революционной партии.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
24	9—10 св.	государств	других государств
47	24 сн.	XVI в.	XVII в.
55	23 сн.	философско-социали- стические	философско-социоло- гические
60	21 сн.	история	историк
74	10 св.	монголов	монголов
148	5 св.	наций	племен и народностей
601	13 сн.	XI съезде	IX съезде
614	11 сн.	Фрунзе, 1968	Улан-Удэ, 1954—1959.